

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ:

ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 18, № 4, 2025

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (CEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES:

FACTS, TRENDS, FORECAST

Vol. 18, no. 4, 2025

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А., Морев М.В. К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Большие и великие страны не создаются без больших, ведущих вперёд идей, а потеряв их, разваливаются с грохотом» 9

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

- Домнич Е.Л. Экономическое значение неоднородности инновационного развития регионов России в условиях внешних шоков 46
- Ма Хуэй, Чеплинские И.Р., Румянцев Н.М. Модернизация промышленной системы в условиях цифрового интеллектуального преобразования и «зеленого развития»: опыт России и Китая 62
- Аверьянов А.О., Степутьев И.С. Кадровое обеспечение инновационных процессов: проблематика и содержание 79

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Левина В.В. Бюджетные параметры крупнейших городов и их влияние на экономическое развитие регионов 95
- Климанов В.В., Тимушев Е.Н., Вантросов В.А. Отражение расходных приоритетов в бюджетном планировании регионов 112

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Проблемы оценки нематериальных ресурсов при реализации политики развития сельских территорий 129

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Сушко П.Е. Структура массовых слоев российского населения по уровню субъективного благополучия 143
- Чижова Л.А., Тутыгин А.Г., Максимов А.М., Кошуняева Н.В. Экономическое поведение населения региона: роль социокультурных факторов в условиях Арктики 164

Нацун Л.Н. Обоснование выбора показателей эффективности регионального здравоохранения	184
Степанова Т.Д. Интегративная модель социально-экономического развития человеческого потенциала: адаптация к вызовам современной России	199
Долбик-Воробей Т.А. Волонтерство в России: тенденции, региональные различия и влияние социально-демографических факторов	214
Шмидт Н.И. Значение корпоративных социальных услуг для устойчивого развития компаний	232

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Каро-Гонсалес А., Вальехо О., Альбала Х. Восстановительные преобразования на перепутье: опыт использования «живых лабораторий»	250
--	-----

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Шубат О.М., Радишевская А.А. Корпоративная гражданственность: обзор научных публикаций	268
Вегнер-Козлова Е.О. Обзор методик оценки экономики замкнутого цикла	285

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	303
Правила приёма статей	314
Информация о подписке	315

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. What a 30-Year Absence of State Ideology Leads to: “Great Nations Are Not Built Without Great, Guiding Ideas, and Having Lost Them, They Collapse with a Thunderous Crash”	9
---	---

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION DEVELOPMENT

Domnich Ye.L. Economic Significance of Heterogeneity in the Innovative Development of Russian Regions in the Context of External Shocks	46
Ma Hui, Cheplinskite I.R., Rumyantsev N.M. Modernization of the Industrial System through Digital Intelligent Transformation and Green Development: Experience of Russia and China	62
Averyanov A.O., Stepus I.S. Innovation Processes Staffing: Issues and Content	79

PUBLIC FINANCE

Levina V.V. Budget Parameters of Metropolises and Their Impact on the Economic Development of Regions	95
Klimanov V.V., Timushev E.N., Vantrusov V.A. Reflection of Expenditure Priorities in Regions' Budget Planning	112

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V. Problems of Assessing Intangible Resources in the Implementation of Rural Development Policy	129
--	-----

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Sushko P.E. Structure of the Mass Strata of the Russian Population by Level of Subjective Well-Being	143
Chizhova L.A., Tutygin A.G., Maksimov A.M., Koshunyaeva N.V. Economic Behavior of the Region's Population: The Role of Socio-Cultural Factors in the Conditions of the Arctic	164

Natsun L.N. Substantiating the Choice of Regional Healthcare Effectiveness Indicators.....	184
Stepanova T.D. Integrative Model of Socio-Economic Development of Human Potential: Adaptation to the Challenges of Modern Russia	199
Dolbik-Vorobey T.A. Volunteerism in Russia: Trends, Regional Differences and the Impact of Socio-Demographic Factors	214
Schmidt N.I. The Importance of Corporate Social Services for the Sustainable Development of the Company	232

GLOBAL EXPERIENCE

Caro-González A., Vallejo O., Albalá X. Restorative transitions at the crossroads: Multi-actor experiences of leveraging living labs	250
---	-----

SCIENTIFIC REVIEWS

Shubat O.M., Radishevskaya A.A. Corporate Citizenship: An Overview of Scientific Publications	268
Wegner-Kozlova E.O. An Overview of Closed-Loop Economy Assessment Methods	285

MONITORING STUDIES

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	303
Manuscript Submission Guidelines	314
Subscription Information	315

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Большие и великие страны не создаются без больших, ведущих вперёд идей, а потеряв их, разваливаются с грохотом»

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. Статья представляет собой третью часть цикла публикаций, вышедших под рубрикой «От главного редактора» в период с апреля по август 2025 года и посвященных анализу экспертных мнений о необходимости и возможности создания в стране официальной государственной идеологии. Актуальность данной проблемы обусловлена, с одной стороны, вопросами национальной безопасности, резко обострившимися с момента начала специальной военной операции на Украине, с другой стороны — целями национального развития, связанными с необходимостью определения образа будущего России в контексте перехода от однополярной к

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2025). К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Большие и великие страны не создаются без больших, ведущих вперёд идей, а потеряв их, разваливаются с грохотом» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 9–45. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2025). What a 30-year absence of state ideology leads to: “Great nations are not built without great, guiding ideas, and having lost them, they collapse with a thunderous crash”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 9–45. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.1

многополярной форме мироустройства. Обобщение экспертных оценок, фактов, данных статистики и мониторинговых социологических исследований, отражающих состояние общества и субъективное мнение людей о ситуации в стране, позволяет сделать вывод о том, что одной из ключевых внутренних проблем России является неудовлетворительное качество правящих элит, значительная часть которых не готова к переменам, продолжает жить по принципам уходящей в стране эпохи «либерального тумана» и всячески вольно или невольно препятствует переходу России на новый этап исторического развития, ставя под угрозу её настоящее и будущее. В этом смысле предлагаемая многими экспертами идеология, «обязательная для тех, кто стремится войти в когорту лидеров российской державы» (С.А. Караганов), представляется авторам вполне логичным и необходимым шагом со стороны Президента и партии власти. Пока на всех этажах системы государственного управления нет четкого ответа на вопрос «Какое государство мы строим?», его нет и среди широких слоев населения, а реальная жизнь людей, как следствие, зачастую расходится с публичной риторикой органов власти. В статье акцентировано внимание на практических возможностях реализации такой идеологии, которая смогла бы принять характер «философии общей судьбы» (Ж.Т. Тощенко) и лечь в основу нового Общественного договора, необходимость которого для нашей страны отмечают многие эксперты. Авторский капитал состоит в систематизации экспертных мнений, данных статистики, опросов общественного мнения, охватывающих исторический путь развития России начиная с конца 1990-х гг. (с последних лет президентского срока Б.Н. Ельцина), а также реальных фактов коррупции и госизмены во властвующих элитах страны (свидетельствующих прежде всего о том, что на многих их представителей нельзя полагаться, поскольку они руководствуются своими личными интересами, отличными от интересов страны, государства, общества) и управленческих решений, принимаемых Президентом, Правительством и Государственной Думой РФ в контексте актуальной задачи — разработки идеологии и формирования в России нового Общественного договора.

Ключевые слова: идеология, национальная идея, новый Общественный договор, эффективность государственного управления, специальная военная операция.

Данная статья является третьей частью цикла публикаций рубрики «От главного редактора», объединенных общим названием «**К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии**».

В первой статье, опубликованной в апреле 2025 года¹, речь шла об объективных исторических процессах, которые привели в первой четверти XXI века к «столкновению цивилизаций»², вызванному тем, что Запад, находящийся «на вершине своего могущества», сталкивается с «ростом цивилизационного самосознания» и «возвратом к собственным корням» незападных стран.

По сути, об этом же предостерегал страны «коллективного Запада» Президент РФ В.В. Путин в «мюнхенской речи» 10 февраля 2007 года, когда говорил о том, что «**для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна**»³. И уже не как прогноз, а как сложившийся факт он отмечал это в своих выступлениях в середине 2020-х гг., констатируя, что «**страны мирового сообщества наращивают свой потенциал, изменяя баланс сил и всю экономическую картину планеты**»⁴.

Действительно, борьба цивилизаций — вечный процесс. «Мир — это зона постоянных конфликтов, бесконечного и беспощадного со-

¹ Ильин В.А., Морев М.В. (2025). К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Враг не только по другую линию фронта» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 9–38.

² The clash of civilizations? Huntington, Samuel P Foreign Affairs; Summer 1993; 72, 3; ABI/INFORM Global pg. 22.

³ Выступление В. Путина на Мюнхенской конференции по политике безопасности 10 февраля 2007 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

⁴ Выступление В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 20 июня 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77222>

ствязания малых, средних и больших социальных общностей (племен, народов, наций, цивилизаций) с разграблением, унижением и уничтожением для проигравших. Таким он был сотворен... Всегда находился критический ресурс, который одна группа хотела забрать у другой»⁵.

В этих условиях крайне важно, в каком внутреннем состоянии находится страна, цивилизация, ее система государственного управления, состояние общества и т. д.; насколько она внутренне готова защищать свою национальную безопасность и свои национальные интересы.

Особенно если учесть тот факт, что **«у Запада не было и не будет более долгосрочного врага, чем русская цивилизация. Ненависть к России всегда объединяла Западную цивилизацию. Война против России велась Западом на протяжении минимум 1000 лет»**⁶.

Поэтому в первой статье (с подзаголовком **«Враг не только по другую линию фронта»**) было акцентировано внимание на том, что для России **ключевой внутренней угрозой национальной безопасности в этот исторический период выступают собственные элиты**; точнее, та еще значительная часть элиты на всех этажах власти, которая создалась, вызрела за последние 50 лет и на протяжении 25 лет президентских сроков В.В. Путина так и не избавилась от западных либеральных догм в своем мировоззрении, вследствие чего не хочет или не может соответствовать новым требованиям времени, которые формулируются Президентом и ста-

новятся ключевыми с момента начала специальной военной операции (государственный суверенитет, основанный на принципах социальной справедливости и традиционных ценностей), ставя под угрозу настоящее и будущее страны.

Реальные факты коррупции и государственной измены, происходящие на всех уровнях власти, являются самым ярким подтверждением этого тезиса. Некоторые из них представлены на *вкладке 1*. Отметим, что это лишь факты, произошедшие за последние два месяца (с 10 июня по 18 августа 2025 года), не говоря о гораздо более крупных «авариях российской государственности»⁷, с которыми стране пришлось столкнуться в последние годы (такими как попытка вооруженного переворота, осуществленная руководителем ЧВК «Вагнер» Е. Пригожиным 24 июня 2023 года, арест замминистра обороны Т. Иванова 23 апреля 2024 года, серия задержаний в конце 2024 — начале 2025 года лиц, причастных к деятельности «Корпорации развития Курской области» (включая экс-губернатора А. Смирнова, задержанного 15 апреля 2025 года), по вине которых произошло вторжение вооруженных сил Украины (ВСУ) в Курскую область — **«первый случай вторжения в Россию со времен Второй мировой войны»**⁸. Российский регион находился под контролем ВСУ 8 месяцев и 20 дней⁹. Погибло около 70 мирных жителей, 300 человек пострадали¹⁰, 1174 жителя области находились в розыске¹¹, материальный ущерб от нападения ВСУ на Курскую область превысил 3 млрд руб.¹²)...

⁵ Тюрин А. Война цивилизаций. Западная цивилизация против Русской // Завтра. 23.01.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/vojna_tcivilizatcij_zapadnaya_tcivilizatciya_protiv_russkoj?ysclid=me5qwfdt94202354193

⁶ Там же.

⁷ Дугин А. После мятежа. Точка бифуркации // Официальный сайт Изборского клуба. 28.06.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24505>

⁸ «Первый случай вторжения в Россию со времен Второй мировой». Как мир реагирует на атаку Украины в Курской области? // Лента. Ру. 09.08.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZrXkdxJirVnevuRc?ysclid=m9qos8dxf763086902>

⁹ Вторжение произошло 6 августа 2024 г. 26 апреля 2025 г. глава Генштаба В. Герасимов доложил Президенту РФ о том, что операция по освобождению Курской области от ВСУ завершена (источник: Нападение ВСУ на Курскую область. Главное // РБК. 26.04.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/08/2024/66b34e289a7947b960522eb6?ysclid=me6gtzfads380256797>).

¹⁰ Такие данные 8 октября 2024 г. привел посол по особым поручениям МИД РФ по вопросам преступлений киевского режима Р. Мирошник (источник: ТАСС. 08.10.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22068355?ysclid=megu0fxzns391934045>).

¹¹ Эти данные привел губернатор Курской области А. Хинштейн 10 января 2025 г. (источник: RT на русском. 10.01.2025. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1419434-rozysk-kurskaya-oblast?ysclid=megu30vq3u432258677>).

¹² Эти данные привел председатель Следственного комитета А. Бастрыкин 4 августа 2025 г. (источник: Коммерсант. 04.08.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7941286?ysclid=megu65s91a405555496>).

Факты задержания и арестов представителей правящих элит (10 июня – 18 августа 2025 г.)¹³

11 августа – задержан заместитель мэра г. Салехарда Н. Токарчук. Ему предъявлено обвинение в мошенничестве группой лиц по предварительному створу, ущерб от действий злоумышленников составил более 3 млн рублей.

30 июля – в Ингушетии задержали должностное лицо Министерства образования и науки по подозрению в мошенничестве в особо крупном размере и злоупотреблении должностными полномочиями. Сумма ущерба составила более 10,7 млн рублей.

25 июля – в Ростовской области задержан глава администрации Миллеровского района. Его подозревают в превышении полномочий при обращении с муниципальным имуществом. Ущерб бюджету Миллеровского района составил более 25 млн рублей.

24 июля – по делу о взятке в 84 млн рублей задержан бывший глава Тамбовской области М. Егоров.

24 июля – арестован вице-губернатор Брянской области Н. Симоненко, ставший фигурантом уголовного дела о злоупотреблении должностными полномочиями с ущербом не менее 818,8 млн рублей.

23 июля – в рамках расследования дела о превышении должностных полномочий во время строительства оздоровительного комплекса был задержан бывший заместитель губернатора Челябинской области А. Богашов. Также были задержаны управделами губернатора и правительства Челябинской области Р. Менжинский и министр имущества региона Э. Белоусов. По версии следствия, должностными лицами через подконтрольного директора строительной компании организовано незаконное строительство оздоровительного комплекса на территории резиденции губернатора Челябинской области на общую сумму более 50 млн рублей.

23 июля – бывшему главе администрации Керчи С. Брусакову предъявлено обвинение по статье о превышении должностных полномочий. Он заключен под стражу в связи с преступлением, связанным с распоряжением земель муниципалитета.

22 июля – за взятки в особо крупном размере арестован глава Минтранса Новгородской области К. Куранов. Ему может грозить до 15 лет лишения свободы. Других подробностей его ареста не приводится.

20 июля – по статье о злоупотреблении должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа арестован заместитель директора ФГУП «ГВСУ № 4» И. Сметанок. Обвинение в отношении Сметанюка основывается на преступлении, предусмотренном частью 2 статьи 285.4 Уголовного кодекса РФ, которое связано с нарушением правил выполнения государственного оборонного заказа, что в итоге привело к серьезным последствиям. Однако точные приоритетные детали этого дела остаются на данный момент не раскрытыми.

20 июля – предъявлено обвинение в особо крупной растрате при организации строительства фортификационных сооружений в Белгородской области на границе с Украиной трём новым фигурантам: бывшему главе управления капитального строительства (УКС) региона А. Сошникову и двум его подчинённым – Л. Стрелецкой и А. Решетько.

18 июля – по делу об особо крупной взятке арестован заместитель председателя правительства Новгородской области С. Шульцев. Детали дела и сумма взятки, в получении которой обвиняется зампред правительства Новгородской области, не разглашаются.

¹³ Источник: RT на русском. Последние новости о задержаниях. URL: <https://russian.rt.com/tag/zaderzhanie?ysclid=mdzkzlnnsn147444962>. Также использованы материалы информационных агентств ТАСС, РИА-новости, РБК, газеты «Коммерсант», Вести.ру, Lenta.ru.

Окончание вкладки 1

11 июля – арестован экс-директор Российской ассоциации электронных коммуникаций С. Гребенников. Он обвиняется в госизмене. Гребенников является фигурантом дела по статье о выдаче иностранному государству или организации сведений, составляющих гостайну, или оказании какой-либо помощи зарубежным представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

7 июля – в рамках расследования дела о злоупотреблении полномочиями задержан бывший замглавы Росгвардии генерал-полковник В. Стригунов. Ущерб от действий Стригунова превысил 2 млрд рублей. Ему также вменяют получение взятки в размере более 66 млн рублей.

3 июля – в Челябинской области по обвинению в превышении должностных полномочий и использовании подчинённых при строительстве личной дачи задержан начальник ФГКУ «Уральский учебный спасательный центр МЧС России» полковник А. Скульдицкий. В период с 2022 по март 2024 года Скульдицкий использовал труд своих подчинённых (военнослужащих по контракту) для проведения строительно-монтажных работ на личном участке.

3 июля – в рамках дела о мошенничестве в особо крупном размере арестована заместитель руководителя Росгидромета Н. Радькова. Подробности дела не приводятся.

30 июня – по обвинению в мошенничестве в особо крупном размере арестован бывший топ-менеджер Центрального банка России Д. Рубинов. По данным следствия, бывший топ-менеджер в 2020 году организовал преступную группу, участники которой переоделись в полицейских и похитили жену и двухлетнего ребенка бизнесмена Максима Пивоварова. Преступная схема была отработана для давления на предпринимателя с целью завладения активами на 6 млрд рублей.

28 июня – арестован экс-помощник премьер-министра Татарстана И. Латыпов. На след Латыпова оперативники УБЭП вышли после задержания в Казани прапорщика одного из военных объектов. Он обещал вернуть из зоны СВО мобилизованного мужчину, а за решение вопроса взял с его родственников 2 миллиона рублей. Деньги он передал другому военнотруженику. Тот признал свою вину и рассказал: в Казань его перевели с СВО за взятку в 3 миллиона рублей, и сделано это было с помощью Латыпова. 27 июня тот как раз должен был получить последний транш – 800 тысяч рублей. Когда Латыпов взял деньги, его немедленно задержали.

27 июня – по делу о взяточничестве задержан Глава Минтранспорта Херсонской области А. Балышев. Вместе с ним задержан начальник Управления дорожного хозяйства региона С. Журавлёв. Их дело связано с получением крупной взятки от компании, занимающейся строительством и восстановлением дорог. Отмечалось, что за покровительство фирмы чиновники получили несколько миллионов рублей.

27 июня – Депутат законодательного собрания Санкт-Петербурга VII созыва О. Милют задержан в рамках уголовного дела о получении взятки в особо крупном размере, расследуемого в отношении руководителя администрации Колпинского района Ю. Логвиненко и главы местной администрации Колпино Д. Кохно. По данным следствия, фигуранты с декабря 2024 года по июнь текущего года получили в виде взятки не менее 14,2 млн рублей.

22 июня – Вице-губернатор Белгородской области Рустэм Зайнуллин заключён под стражу по решению суда в рамках расследования дела о мошенничестве. По версии следствия, Зайнуллин в составе группы с использованием служебного положения похитил не менее 32 млн рублей, из которых до 4 млн рублей – лично. Денежные средства выделялись на строительство фортификационных сооружений на границе Белгородской области и Украины.

11 июня – бывший заместитель министра транспорта России В. Токарев приговорен к восьми годам лишения свободы по делу о растрате. По данным следствия, с 2016 по 2018 год Токарев в должности первого замгендиректора ООО «СпецТрансСтрой» вовлек в противоправную деятельность ряд лиц из руководства этого предприятия, а также ООО «Главстройинвест» и других аффилированных организаций с целью хищения в особо крупном размере. По данным газеты «Коммерсант», сумма ущерба превышает 720 миллионов рублей.

10 июня – арестован первый заместитель губернатора Владимирской области А. Ремига по делу о получении взятки в особо крупном размере. Детали уголовного дела и сумма взятки не уточняются.

Приведенные на вкладке 1 факты свидетельствуют о системном характере коррупции на всех уровнях власти, и отметим, что это вскрылось не после начала СВО, а гораздо раньше. Например, А.И. Фурсов писал об этом еще в 2008 году. В 2017 году В.А. Фадеев обращал внимание на то, что крупным уголовным делам, связанным с коррупцией во власти, транслируемым в средствах массовой информации, сопутствуют еще «тысячи не таких громких дел», о которых мало кто знает...

На страницах рубрики «От главного редактора» мы на протяжении уже многих лет (пожалуй, начиная с одного из самых громких уголовных дел в России — в отношении действующего министра экономического развития А. Улюкаева¹⁴) обращаемся к этой теме¹⁵: приводили официальную статистику уголовных дел, экспертные мнения, конкретные факты действий правоохранительных органов...

Фурсов А.: «Коррупция прогрессирует в течение всего постсоветского периода и уже приобрела системный характер. В начале XXI века Российская Федерация, согласно данным организации «Transparency international», занимает 127 место по степени коррумпированности (всего в списке – 174 страны; для сравнения: Бразилия – 70 место, Китай – 71, Индия – 74; имеется в виду, что чем ближе к первому месту, тем степень коррумпированности меньше). По данным фонда «Индем», объем коррупционных денег в России превышает бюджет в 2,5–2,7 раза; как отмечают специалисты, в последние год-два стандартный размер взятки в Российской Федерации вырос в 13 раз, объем коррупционного рынка – в девять раз.

Власть наносит точечные удары (за время президентства Путина, по данным В.С. Овчинского, были обвинены и осуждены или привлечены в качестве свидетелей 15 губернаторов, глав республик и председателей областных правительств, 22 вице-губернатора, 15 мэров, 9 вице-мэров краевых, областных и республиканских центров, 2 спикера городских Дум), **однако, разумеется, это не может системно решить проблему: „снайперы” не годятся там, где нужны „катюши”**¹⁶.

Фадеев В.: «Уголовные дела больших чиновников на виду, о них сообщают федеральные СМИ. Но есть тысячи не таких громких дел. Например, знаменитое дело главы Республики Коми Гайзера. В сентябре 2015 г. он арестован и обвинен в организации преступного сообщества. **Вместе с ним было арестовано еще 14 человек, практически вся верхушка республики.** Об этом деле все знают. Оно на виду. А вот о других антикоррупционных делах в Коми за пределами республики мало кто знает: **в том же 2015-м году всего по таким делам было арестовано 108 человек, в прошлом году – 113, за 1 квартал этого года арестовано уже 36 человек.** А ведь это очень небольшой по населению регион...»¹⁷

¹⁴ Министр экономического развития А. Улюкаев был задержан с поличным 14 ноября 2016 г. при получении взятки в размере \$2 млн у руководства нефтяной компании «Роснефть». Он был осужден на 8 лет лишения свободы и вышел на свободу 12 мая 2022 г. (постановление об условно-досрочном освобождении суд вынес 27 апреля 2022 г.). **Улюкаев стал первым федеральным министром России, задержанным при исполнении полномочий** (источник: Что известно об уголовном деле Алексея Улюкаева // ТАСС. 29.04.2022. URL: <https://tass.ru/info/14513983?ysclid=me2keel0yk422004906>).

¹⁵ См., например:

Ильин В.А. (2017). Актуальность тезиса «Кадры решают всё!» для современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 3. С. 9–31; Ильин В.А., Морев М.В. (2018). «...А самое главное — в России не будет нищих». «Капитализм для своих» — ключевая проблема национальной безопасности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 2. С. 9–23; Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Российская государственность в условиях угрозы «истления элит» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 6. С. 24–53.

¹⁶ Фурсов А. Российская Федерация в начале XXI века. Опыт системно-исторической оценки // Золотой Лев. № 173–174. 01.03.2008. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5238>

¹⁷ Фадеев В.А. Новости телеканала OPT от 09.04.2017 // Официальный сайт OPT. URL: <https://www.1tv.ru/news/issue/2017-04-09/21:00#10>

Выдержка из доклада аналитического центра КПРФ и отдела ЦК по проведению избирательных кампаний «О делах в отношении губернаторов регионов РФ в 2000–2025 годах: 29 губернаторов-уголовников»: «С 2000 года, по данным российских СМИ, были возбуждены уголовные дела **в отношении 27 действовавших или бывших губернаторов**. Практически все, кроме С. Фургала (ЛДПР) и Н. Белых (самовыдвиженец), представляли партию «Единая Россия»...¹⁸

Обухов С. (руководитель аналитического управления КПРФ, член президиума ЦК): «**Мы фиксируем итоги управления буржуазно-олигархической системы, в которой бенефициарами условно являются 100 тыс. семей управленческой элиты... все эти уголовные дела – явный сигнал кризиса управленческой модели**»¹⁹.

Однако, судя по фактам, продолжающимся в период проведения СВО (представленным на *вкладке 1*), эта проблема лишь набирает актуальность. **Особенно после начала специальной военной операции, когда резко возросла цена управленческих ошибок**, злоупотреблений должностными полномочиями и имитации выполнения прямых поручений главы государства.

Так, по данным МВД РФ, в первом полугодии 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2022 года доля преступлений коррупционной направленности в общем количестве совершенных преступлений в целом по России увеличилась с 1,9 до 2,9% (или с 19 до 27 тыс. случаев), из них преступлений, связанных со взяточничеством, – с 40 до 61% (или с 7,5 до 16 тыс.; *табл. 1*).

Таблица 1. Динамика преступлений коррупционной направленности в России

Показатель	Январь – июнь 2012 г.		Январь – июнь 2018 г.		Январь – июнь 2022 г.		Январь – июнь 2025 г.		Изменение (+/-), январь – июнь 2025 г. к январю – июню 2022 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Общее число преступлений	1168045	100	992966	100	1003645	100	940519	100	-63126	0
из них: преступлений коррупционной направленности*	34049	2,9	18696	1,9	18696	1,9	27124	2,9	+8428	+1
из них: связанные со взяточничеством	6874	20,1	7519	40,2	7519	40,2	16480	60,8	+8961	+21

* Фигурирует в статистике МВД с 2012 г.
 Источник: ежемесячные отчеты МВД РФ «Состояние преступности в России» // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/>

«Начало СВО наглядно показало масштабы предательства чиновничьей, культурной, медийной и бизнес-элиты. **Среди взяточников и коррупционеров – генералы Министерства обороны, бывшие вице-премьеры и губернаторы, министры и руководители госкорпораций, депутаты и деятели культуры**. Многие, прикрываясь антивоенной позицией, сбежали на вожделенный Запад... Но немало „элитариев“ из пятой колонны, ненавидящих президента и начатую им СВО, презирающих патриотический подъём в обществе, **продолжают активно трудиться во властных структурах, в СМИ, на ниве культуры фактически на стороне противника**»²⁰.

¹⁸ О делах в отношении губернаторов регионов РФ в 2000–2025 годах: 29 губернаторов-уголовников // Официальный сайт КПРФ. 29.07.2025. URL: <https://kprf.ru/politindx/236322.html>

¹⁹ Гармоненко Д. Коммунисты подготовили пропагандистский сюрприз для партии власти // Независимая газета. 13.08.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-08-13/3_9315_kprf.html

²⁰ Батчиков С. Время лучших // Изборский клуб. 14.08.2025. URL: <https://izborsk-club.ru/27211?ysclid=megpbpxvos897001134>

Таким образом, факт больших, комплексных проблем в системе государственного управления, связанных с морально-нравственным обликом значительной части правящих элит, налицо. Об этом говорят и реальные факты коррупции во власти, и данные статистики, и многие эксперты. Но в чём причина этого?

Поиску ответа на этот вопрос была посвящена вторая статья, опубликованная в июне 2025 года²¹. В её подзаголовке **«Конституционный запрет на государственную идеологию означает запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма»**²², с одной стороны, концентрируется ответ на вопрос, чем вызван порок всей сложившейся в постсоветский период системы государственного управления, который заключается в наличии значительного количества людей, «пропитанных» либеральными идеалами и ценностями «общества потребления», для которого главное — это **«прибыль, а права человека — лишь идеологический фон, скрывающий истинную суть капитализма»**²³.

Как отмечают многие эксперты, этот порок системы государственного управления вызван **отсутствием в стране собственной идеологии, отсутствием понимания, какое государство мы строим**, что и было зафиксировано в Конституции 1993 года и автоматически закрепляло главный итог распада СССР вследствие поражения в Холодной войне конца XX века — «полукOLONиальное» положение России по отношению «коллективному Западу»; со всеми вытекающими последствиями, начиная, в первую очередь, с «полукOLONиального» состояния «умов».

Неслучайно именно советские элиты — Горбачев, Ельцин и другие «оборотни во власти» (как их называет член-корр. РАН

Афонин Ю.: **«У человеческого общества всегда есть та или иная идеология... Иначе общество просто не могло бы существовать и функционировать. Почему? Да потому, что идеология — это по большому счету и есть понимание, как должно быть устроено общество, как должны вести себя в нем люди. А также обоснование: почему должно быть именно так, а не иначе...»**

Можно написать в Конституции, что в стране нет государственной идеологии. Так и сделали в российском Основном законе 1993 года. **Но эта норма на самом деле никогда не выполнялась. В реальности государственная идеология была, и она откровенно навязывалась обществу через государственные СМИ, через систему образования. И это была именно идеология либерализма...»**²⁴

Ж.Т. Тощенко) — сыграли ключевую роль в распаде мощнейшей мировой державы XX века — Советского Союза²⁵. А само их появление стало кульминацией продолжительного процесса, начавшегося после смерти И. Сталина, когда ему на смену пришла «хрущевская оттепель», разрушившая идеологические основы СССР, позволившая и даже потакаяющая тому, что правящие элиты стали постепенно «обрастать» связями с Западом, разделять его ценности, идеалы и в конечном итоге смогли глубоко проникнуться идеей о том, что советской «империи» не должно быть, и продвигать ее уже внутри нашей страны, в своей практической деятельности...

²¹ Ильин В.А., Морев М.В. (2025). «Конституционный запрет на государственную идеологию означает запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма»: к чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 9–39.

²² Радиков И.В. (2019). Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 1 (834). С. 57.

²³ Александров А. Так что важнее в либерализме, человек или всё-таки прибыль? // Newsland. 29.09.2013. URL: <https://newsland.com/post/2227978-tak-chto-vazhnee-v-liberalizme-chelovek-ili-vsio-taki-pribyl?ysclid=me5slqq9zi391992910>

²⁴ Нужна ли России государственная идеология? // Сайт КПРФ. 24.05.2023. URL: <https://msk.kprf.ru/2023/05/25/237731/?ysclid=mdsmiomcpd574535253>

²⁵ В серии интервью, опубликованных в книге «Оборотни во власти», Ж.Т. Тощенко упоминает следующие фамилии: М. Горбачев, Б. Ельцин, А. Яковлев, Э. Шеварнадзе, Л. Кравчук, Е. Гайдар, А. Собчак, Г. Бурбулис, Б. Немцов, А. Козырев*, Г. Попов, О. Калугин, А. Чубайс, Б. Березовский, Р. Абрамович, М. Ходорковский*, М. Фридман, К. Боровой*, Д. Волкогонов, В. Коротич, А. Ципко, Н. Сванидзе, И. Пономарев*.

* Внесены в реестр иностранных агентов.

Некоторые «оборотни во власти»²⁶ и их характеристика:

М. Горбачев – «низкий культурный уровень, беспринципность, примитивизм мышления привели к тому, что он предал те идеалы, которым присягал в юности и которым вроде бы служил»;

Б. Ельцин – «предал дело, которому служил, поднявшись до высоких партийных и государственных постов. Предал и перешёл на сторону тех, для кого наша Родина была «империей зла»;

Н. Яковлев – «двойственность его несомненна, и со временем она лишь нарастала... были и остаются серьёзнейшие основания считать его „кротом“, то есть вражеским агентом»;

Б. Березовский – «наглость его не знала пределов, и вряд ли кто мог в этом его превзойти... Он воровал в гигантских масштабах. И не просто воровал, а зачастую ещё и демонстрировал свою безнаказанность»;

А. Козырев* – «самый позорный в истории страны министр иностранных дел... ради выгоды готов на всё».

«Во-первых, чтобы оправдать свержение советского строя, употребляют по отношению к СССР слово „развалился“. Дескать, изначально Советский Союз был обречен на такой финал, поскольку его существование было авантюрой, задуманной Лениным и большевиками...

Во-вторых, гробовщики СССР и их явные и скрытые лакеи очень любят такой аргумент: мол, советские люди не выступили в защиту СССР и согласились с его ликвидацией и учреждением СНГ. Но эти заявления полностью игнорируют тот факт, что до последних дней советские люди ясно выражали свою позицию – СССР должен существовать!

В-третьих, скрытно и латентно произошел обман народа – манипулирование его сознанием. А люди в своем большинстве реагировали, опираясь на исторический опыт. Ведь в стране время от времени происходила смена руководства. И каждый раз при этом новый руководитель обещал изменения...

Все названное позволяет сделать вывод, что никакие объективные обстоятельства не вели к той геополитической катастрофе. Здесь огромную и решающую роль сыграл субъективный фактор – люди, которые в силу своего положения сознательно или по недомыслию сделали все, чтобы Советская страна прекратила свое существование»²⁷.

С другой стороны, правильное понимание «диагноза» — это первый шаг на пути к исцелению, и поэтому в выражении «Конституционный запрет на государственную идеологию означает запрет на пересмотр идеологических постулатов либерализма» содержится и ответ на вопрос «Что делать?».

Анализу экспертных мнений на этот счет посвящена третья статья, квинтэссенция которой отражена в подзаголовке «Большие и великие страны не создаются без больших, ведущих вперед идей, а потеряв их, разваливаются с грохотом»²⁸.

Очевидно, что речь идет о сущности и самой возможности принятия в стране государственной идеологии. На фоне вызовов и задач национального развития, которые встают перед Россией сегодня, после начала СВО, этот вопрос становится всё более острым (вкладка 2).

Является ли сама мысль о принятии государственной идеологии в России «искажением духа и буквы Конституции»²⁹, как, например, утверждает главный редактор «Независимой газеты» К. Ремчуков?

²⁶ Тощенко Ж.Т., Кожемяко В.С. (2025). Оборотни во власти: Они убили советскую страну. Москва: Родина. 244 с.

²⁷ Там же.

²⁸ Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России. Кодекс россиянина в XXI веке: доклад в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Июль 2025. С. 11.

²⁹ Ремчуков К. Конституция об идеологическом многообразии как свободе мысли и слова // Независимая газета. 27.07.2025. URL: https://www.ng.ru/editorial/2025-07-27/2_9302_red.html

* Внесен в реестр иностранных агентов.

**Или без идеологии нас ждет «неизбежное за-
тухание, а затем и деградация народа и страны»³⁰,
как считает, например, С. Караганов?**

Пожалуй, ключевым моментом в этой дис-
куссии является тот факт, что «термин „госу-
дарственная идеология” имеет в современном
русском (политическом) языке негативную
коннотацию»³¹, которая вызвана опытом со-
ветского прошлого. В этом смысле сложно не
согласиться с К. Ремчуковым в том, что «уста-
новление в Конституции принципа идеологи-
ческого многообразия является **одним из важ-
нейших демократических завоеваний** народов
России»³².

1. «Сейчас, конечно, **нам необязательно
отменять 13-ю статью Конституции**, которая
запрещает государственную идеологию. Но я
думаю, что статью достаточно легко обойти.
Скажем, можно говорить о том, что мы не иде-
ологию предлагаем, а русскую мечту. И все»³³.

2. «**Понятно, что в современном мире и в
современной, относительно свободной и плю-
ралистической России нельзя навязывать еди-
ные обязательные идейные принципы всем,**
как это было в СССР. Навязанное марксистско-
ленинское единомыслие и неверие были среди
ключевых причин интеллектуального оскотления
правящей прослойки СССР, которое привело к
его поражению...

3. «**Идеологию можно и не называть идеоло-
гией – в таком случае она будет жить под личи-
ной других понятий. Исторически часто так и
случается»³⁴.**

Действительно, как неоднократно подчерки-
вал Президент, «Советского Союза нет, прошлого
не вернуть. Да и России сегодня это уже и не
нужно»³⁵. **Однако следует отметить, что это пони-
мают и те, кто сегодня выступает за необходимость
создания в стране государственной идеологии.** По-
этому на самом деле речь не идет ни о смене Кон-
ституции, ни о радикальных методах навязыва-
ния идеологии, ни даже об ее обязательности и
директивности для общества.

За одним лишь исключением — потенциаль-
ная идеология должна быть обязательной «для
тех, кто стремится войти в когорту лидеров рос-
сийской державы»³⁶.

«Конституция гласит: «Никакая идеология
не может устанавливаться в качестве госу-
дарственной или обязательной». **Но это не значит,**
что не может быть идеологии ПОДДЕРЖИВАЕ-
МОЙ. Хотя бы поддерживаемой партией власти.
Партия-то уж не только может, она ДОЛЖНА
иметь свою идеологию, иначе она не партия, а
клуб по личным интересам... Никто не запрещает
и не может запретить выдвижение и продвиже-
ние, даже навязывание с детского сада, школы
морально-этического «Кодекса россиянина» –
той самой живой идеи-мечты России, к воплоще-
нию которой люди могут и призваны стремиться
с молодых лет. **Повторим, Кодекс не должен**
быть обязательным для всех, но обязательным
для тех, кто стремится войти в когорту лидеров
российской державы»³⁷.

³⁰ Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России. Кодекс россиянина в XXI веке: доклад в рамках проекта «Россий-
ская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета
мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа эконо-
мики». Июль 2025. С. 7.

³¹ Там же. С. 12.

³² Ремчуков К. Конституция об идеологическом многообразии как свободе мысли и слова // Независимая газета.
27.07.2025. URL: https://www.ng.ru/editorial/2025-07-27/2_9302_red.html

³³ Бить ядерным оружием по Украине было бы ошибкой. Отвечать надо сразу по Западу (интервью с С. Карага-
новым) // Бизнес Online. 24.11.2024. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/655229>

³⁴ Идеология Победы как национальный проект (интегральный доклад Изборского клуба) // Изборский клуб.
24.10.2021. URL: <https://izborsk-club.ru/21816#vvedenie>

³⁵ Выступление В. Путина на церемонии подписания договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской
областей в состав России // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465>

³⁶ Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке: доклад в рамках проекта «Россий-
ская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета
мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа эконо-
мики». Июль 2025. С. 17.

³⁷ Там же.

Противоположные точки зрения на возможность создания государственной идеологии в России

34		ПРОТИВ
<p>1. <u>С.А. Караганов (д.и.н., политолог, экономист):</u> «Нужна ведущая вперёд идеология, поддерживаемая государством и укореняющаяся с помощью образования и воспитания, но не прямыми приказами, а предлагаемая и навязываемая через учебники, дискуссии, образы, литературу и искусство. Если её нет, неизбежно происходит затухание, а затем и деградация народа и страны...</p> <p>На нынешнем цивилизационном переломе, который переживает мир, нам такая путеводная нить необходима как никогда. Современная цивилизация начинает прямо угрожать не только физическим, но и моральным, духовным уничтожением человечества...</p> <p>Образ мира, в каком нам хотелось бы жить, живая идея-мечта России, госидеология, выдвигаемая и продвигаемая, нужна для того, чтобы мы все, от Президента до фермера, рабочего, инженера, офицера, учёного, предпринимателя, госслужащего, поняли, какими мы хотим быть и какой мы хотим видеть нашу страну. Без идеи, ведущей в лучшее будущее, государства (особенно такие, как Россия) не развиваются, загивают...</p> <p>Наличие общей идеологической платформы, национальной идеи является одним из важнейших констатирующих признаков суверенного государства — а другим мы не хотим и не можем быть. Её отсутствие — признак недосуверенитета»³⁸.</p>	<p>1. К. В. Ремчуков (к.э.н., экономист, журналист, общественно-политический деятель, главный редактор «Независимой газеты»): «В последние годы много политиков и иных общественных лиц публично призывают к действиям, направленным на искажение духа и буквы Конституции России... Предлагаются различные рукотворные кодексы, уставы, варианты миссии государства, базирующиеся на утопическом взгляде на природу человека, из которого пытаются сделать идеального адепта чужих-то фантастических, а потому нереализуемых воззрений и ценностей. Попытка на нормативно-законодательном уровне закрепить утопические представления о стандарте одобряемых государством установок поведения и устремлений молодых людей часто выглядит как протаскивание запрещенной в нашей Конституции государственной идеологии. Эти атаки на основы государственного строя России должны твердо пресекаться государством... Подрыв этих основ — прямой путь к анархии, хаосу и смуте, губительному ослаблению российской государственности»³⁹.</p>	
<p>2. К.А. Чуйченко (министр юстиции РФ): «Конечно, нам придется решить вопрос со статьей Конституции РФ, где указано, что у нас нет ни государственной, ни обязательной идеологии (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ)...ни одна страна мира таких положений в своих конституциях не имеет. Только Россия в свое время по совету наших так называемых партнеров взяла на себя эти повышенные обязательства»⁴⁰.</p>	<p>2. В.И. Матвиенко (Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ): «Если вы имеете в виду единую общегосударственную политическую идеологию, которой должны подчиняться все, то я против того, чтобы такая идеология была зафиксирована в Конституции. Конституция ведь не запрещает идеологию, она выступает за многообразие. И мне кажется, что в нашей обновленной конституции в том числе заложена и идеология. Мы — суверенное, независимое государство. В ней есть и патриотизм, и социальные гарантии для граждан, зафиксировано, что права и свободы граждан выше всего. Что мы — многонациональное государство и все народы у нас равны, независимо от национальности, от религии... И все это вместе в совокупности и является нашей идеологией...»⁴¹</p>	

³⁸ Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке: Доклад в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета мировой экономики и Факультета мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Июль 2025.

³⁹ Ремчуков К. Конституция об идеологическом многообразии как свободе мысли и слова // Независимая газета. 27.07.2025. URL: https://www.ng.ru/editorial/2025-07-27/2_9302_red.html

⁴⁰ Глава Минюста считает, что придется решать вопрос с запретом госидеологии в Конституции РФ // ТАСС. 11.05.2023. URL: <https://tass.ru/politika/17724475?yclid=me00a7p7yq806794474>

⁴¹ Валентина Матвиенко: легкого пути внесения изменений в конституцию быть не должно // ТАСС. 12.12.2023. URL: <https://tass.ru/interviews/19510547?yclid=me00hrb0df286644502>

34	ПРОТИВ
<p>3. Ж.Т. Тощенко (член-корр. РАН, д.филол.н., проф., Почетный доктор Института социологии РАН): «Анализ возможностей мирового сообщества показывает, что Общественный договор находится под угрозой в условиях отсутствия государственной идеологии... Реальная ситуация требует формулировки стратегической цели развития России, находящей свое выражение в государственно-общественной идеологии с четким обозначением средств и методов ее достижения»⁴².</p>	<p>3. В.В. Федоров (к.п.н., генеральный директор ВЦИОМ): «Если доминирующая идеология приобретает статус государственной, то это первый шаг к ее краху... Практически любая идеология в самом начале — это идеология „за все хорошее, против всего плохого“. Но как только идеология становится государственной, она очень быстро превращается в „за все плохое, против всего хорошего“. Действительно, патриотизм стал доминирующей идеологией, глупо отрицать очевидные вещи. Но если мы хотим убить патриотизм как доминирующую идеологию, давайте сделаем его государственным. И через некоторое время люди начнут плевать при слове „патриотизм“»⁴³.</p>
<p>4. Т.В. Воеводина (предприниматель, публицист, постоянный автор статей в «Литературной газете», газете «Завтра» и др.): «Для того, чтобы реализовать этот колоссальный проект — освобождение от колониальной зависимости и обретение подлинного суверенитета — необходимо создать и внедрить в умы широких масс народа соответствующую систему верований... Верования современного человека, которые подлинно ведут его по жизни, сегодня имеют вид идеологии, а не религии. В сущности, это очень близкие понятия: идеология — это светская религия... Поэтому? если мы хотим достичь независимости, нам жизненно необходимо общегосударственная, общенародная идеология-религия. То есть система верований, которая должна руководить народом в его повседневном поведении»⁴⁴.</p>	<p>4. Патриарх Кирилл (патриарх Московский и всея Руси с 1 февраля 2009 г.): «В ответ на вопрошание ряда общественных сил, желающих непременно иметь некую национальную идею, могу лишь снова повторить: она у нас и так уже есть. Что может лучше, если хотите — эффективнее, мотивировать человека на созидательный труд на благо общества, нежели искренняя любовь и преданность Родине? Тем, кто по-настоящему любит страну, свой народ и культуру, не нужна никакая идеология, не нужно ничего придумывать и изобретать»⁴⁵.</p>
<p>5. А.В. Шипков (д.полит.н., ректор Российского православного университета святого Иоанна Богослова): «Россия входит в эпоху больших перемен, возрастающая идеология вне всякого сомнения возрастает. Перемены невозможны без поддержки социального большинства, а идеология даёт этому большинству образ будущего, то есть — общую историческую перспективу»⁴⁶.</p>	<p>5. В.В. Выжуртович (журналист, писатель, политический обозреватель «Российской газеты»): «Статья 13-я Конституции РФ дает безоговорочно отрицательный ответ на этот вопрос: „Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной“. Поэтому любые рассуждения о том, нужна ли государственная идеология России или нет, можно смело считать неконституционными и не тратить на них интеллектуальную энергию»⁴⁷.</p>

⁴² Тощенко Ж.Т. (2025). Общественный договор в современной России: достигнут ли баланс интересов? // Социс. № 2. С. 6.

⁴³ Любую идеологию опасно объявлять государственной (интервью с В. Федоровым) // Российская газета. 12.08.2015. URL: <https://rg.ru/2015/08/13/fedorov.html?ysclid=mds5juw6q514245006>

⁴⁴ Воеводина Т. Государственная идеология как светская религия общего дела: 30-е годы и наши дни // Завтра. 05.03.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/gosudarstvennaya_ideologiya_kak_svetskaya_religiya_obshchego_dela_30-e_godi_i_nashi_dni?ysclid=mdsid2hujd826109390

⁴⁵ Выступление на пленарном заседании XXV Всемирного русского народного собора «Настоящее и будущее Русского мира» 28.11.2023 // Сайт Русской православной церкви. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/6080946.html?ysclid=me5mqy0r2i416772444>

⁴⁶ Шипков А. (2022). Нам нужна идеология // Мнение. № 1. URL: <https://litrusia.su/2022/01/28/nam-nuzhna-ideologiya/>

⁴⁷ Любую идеологию опасно объявлять государственной (интервью с В. Федоровым) // Российская газета. 12.08.2015. URL: <https://rg.ru/2015/08/13/fedorov.html?ysclid=mds5juw6q514245006>

Для общества же это не идеология, навязанная «прямыми приказами», а скорее национальная идея, внедряемая с детских лет «через учебники, дискуссии, образы, литературу и искусство... Граждане нуждаются в нравственных и патриотических ориентирах, — пишет С. Караганов, — если не обязательных, то рекомендательных».

В. Путин (1999 г.): «Я против восстановления в России государственной, официальной идеологии в любой форме. В демократической России не должно быть принудительного гражданского согласия. Любое общественное согласие здесь может быть только добровольным. Но именно поэтому так важно его достижение по таким коренным вопросам, как цели, ценности, рубежи развития, которые желательны и привлекательны для подавляющего большинства россиян...»⁴⁸

В. Путин (2024 г.): «У нас была господствующая идеология... Но наличие господствующей идеологии не уберегло Советский Союз от развала... Объединительная идея для многонациональной страны, конечно, должна быть... нужны объединительные идеи. И конечно, такой объединительной идеей — и сегодняшние события показывают это — может быть в самом хорошем, прямом, а не квасном смысле этого слова, патриотизм»⁴⁹.

Таким образом, экспертное мнение о потенциальной российской идеологии сегодня, с учетом прошедшего 30-летия «либерального тумана», является максимально близким к позиции В.В. Путина, который с самого начала своих президентских сроков проводил четкое разграничение между понятиями «идеология» и «национальная идея» и в настоящее время придерживается той же позиции.

И в этом контексте государственная идеология (как её ни назови: «Национальная идея»⁵⁰, «Идея-мечта»⁵¹, «Образ Будущего»⁵², «Русская мечта»⁵³ и т. д.) не просто необходима, а естественна, как воздух. **Ведь на самом деле всё просто: у государства всегда есть та или иная идеология, и в Российской Федерации до 2022 года она тоже была. Но теперь она рухнула, и это значит, что ее надо менять. Не поменяем сами — эту нишу опять займет кто-то другой (как это было 30 лет назад).**

«Давайте это четко зафиксируем: государственная идеология у Российской Федерации была, но она рухнула... Если идеология, которую нам подсунили 30 лет назад, не может принести России ничего хорошего, конечно, ее надо менять. Нужна новая идеология развития страны...»⁵⁴

⁴⁸ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html?ysclid=me5onavwba647813458

⁴⁹ Выступление В. Путина на пленарной сессии Петербургского международного экономического форума 7 июня 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234>

⁵⁰ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html?ysclid=me5onavwba647813458

⁵¹ Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке: доклад в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Июль 2025.

⁵² Аверьянов В. Три проекта будущего // Изборский клуб. 02.02.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/23815>

⁵³ Проханов А. «В чём русская идея, идеология Государства Российского?» О семи кодах Русской Мечты // Русская линия. 02.05.2024. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2024/05/02/v_chem_russkaya_ideya_ideologiya_gosudarstva_rossiiskogo?ysclid=mdul1zra8jo820647480

⁵⁴ Нужна ли России государственная идеология? // Сайт КППФ. Май 2023 г. URL: <https://msk.kprf.ru/2023/05/25/237731/?ysclid=mdsmiomcpd574535253>

Куда более важным и сложным представляется вопрос о том, какой должна быть эта идеология. Как, например, уже давно и совершенно справедливо пишет философ А. Дугин, «если мы хотим иметь идеологию, нам придется сделать серьезное интеллектуальное усилие»⁵⁵.

Проанализировав множество экспертных мнений, отметим следующее: нам представляется, что наиболее комплексный, системный ответ на этот вопрос дал член-корр. РАН Ж.Т. Тощенко, рассматривающий идеологию не просто как своеобразный «Кодекс чести» для правящих элит, а в более глубоком и масштабном контексте — как необходимое условие для нового Общественного договора.

«Анализ возможностей мировоззренческих установок для консолидации российского общества показывает, что **Общественный договор находится под угрозой в условиях отсутствия государственной идеологии...** Реальная ситуация требует формулировки **стратегической цели развития России, находящей свое выражение в государственно-общественной идеологии с четким обозначением средств и методов ее достижения**»⁵⁶.

Действительно, сложно поспорить с экспертами в том, что с момента начала СВО Россия еще никогда в своей новейшей истории (со времен распада СССР) не подходила так близко к формированию нового Общественного договора.

Сегодня для нашей страны это не просто закономерное развитие государства, точкой отсчета которого можно назвать 2000 год — год начала президентских сроков В.В. Путина. **Это**

«Общественный договор – это не документ. Он представляет собой самостоятельный социальный феномен, который характеризуется особенной структурой. **Это базовое, но в то же время особое состояние взаимоотношений государства и народа, которое выражается в философии общей судьбы – явном (открытом) и латентном взаимосогласованном достижении целей, средств и методов их реализации при осуществлении социально-экономических, социально-политических и социально-культурных преобразований**»⁵⁷.

«Проведение СВО, активные и противоречивые процессы социокультурной турбулентности внутри России и в государствах Ближнего Зарубежья **требуют корректировки существующего общественного договора**»⁵⁸.

«В результате глобальной трансформации геополитической системы в 2022 году возникла проблема кардинального пересмотра общественного договора... Начавшиеся сдвиги означают кардинальную смену режима управления страной – с зависимого (колониального) на независимый (суверенный)... Уже сегодня назрела потребность в формировании качественно иного общественного договора между верховной властью России в лице ее президента (и одновременно лидера нации!) и населения»⁵⁹.

во многом вынужденная необходимость, продиктованная сценарием событий на внешней политической арене.

⁵⁵ России нужна новая идеология // Царьград. 15.11.2016. URL: https://tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-rossii-nuzhna-novaja-ideologija_33821?ysclid=mdu21xugp2899113212

⁵⁶ Тощенко Ж.Т. (2025). Общественный договор в современной России: достигнут ли баланс интересов? // Социс. № 2. С. 6.

⁵⁷ Там же. С. 5.

⁵⁸ Немировский В.Г. (2025). Общественный договор в современной России: реальность или иллюзия? Размышления социолога о монографии Ж.Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» // Уровень жизни населения регионов России. Т. 21. № 2. С. 303.

⁵⁹ Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Журнал институциональных исследований. № 14 (3). С. 74–90.

Но, чтобы Общественный договор в принципе имел место, необходимо, чтобы он соответствовал ряду критериев, которые, как пишет Ж.Т. Тощенко, «образуют основу общественного договора»⁶⁰ (рис. 1).

Первый и главный из них — это цель.

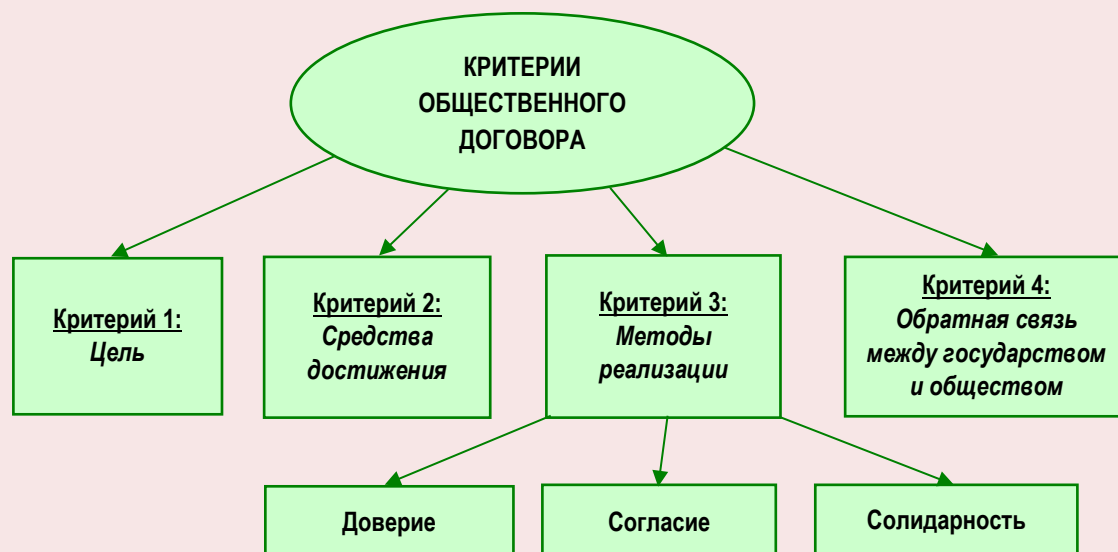
Многие эксперты сходятся во мнении, что в настоящее время цель Общественного договора Президентом РФ так и не сформулирована. Как, собственно, не сформулирована и сама идеология. Суверенитет, патриотизм, социальная справедливость и т. д. являются необходимыми условиями для ее реализации, но эти понятия не дают определенного «представления о реальности, об истории, о месте в ней конкретного человека и его обязательствах по

отношению к другим». Поэтому, как справедливо отмечает Ж.Т. Тощенко, «до сих пор многим россиянам неясно, какое государство, какое общество они создают».

«В цели находят отражение чаяния и ориентации народа... Цель воспринимается людьми как достижимая, даже в проблемной ситуации...

При этом на государство ложится высокая ответственность – сформулировать стратегию развития страны, которая удовлетворяла бы народ не только в реально сложившейся действительности, но и позволила бы ему видеть будущую жизнь»⁶¹.

Рис. 1. Критерии Общественного договора

Источник: Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. М.: ФНИСЦ РАН. С. 71.

⁶⁰ Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. М.: ФНИСЦ РАН. С. 89.

⁶¹ Там же. С. 72.

Тощенко Ж.Т.: «Что касается современной России, то согласование целей государства и народа во многом находится в состоянии неопределённости. До сих пор многим россиянам неясно, какое государство, какое общество они создают. Провозглашённое в Конституции РФ социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7.1), обозначает некую общую установку, которая в должной мере не конкретизирована до понимания и воплощения её в текущей социально-экономической, социально-политической и повседневной жизни».

Щипков А. «Когда говорят об идеологии, начинают с таких очевидно необходимых понятий, как суверенитет, государственность, патриотизм, социальная справедливость, крепкая семья. Этот ряд можно продолжать и уточнять. **Всё это необходимо, но это не идеология, а условия для неё**»⁶².

Худиев С.: «Люди иногда называют „идеологией“ набор нравственных идеалов – таких как солидарность, свобода или патриотизм, или что-то связанное с национальной идентичностью – как, например, „гордость за свою историю“. **Но это еще не идеология. Идеология предполагает общий набор представлений о реальности, об истории, о месте в ней конкретного человека и его обязательствах по отношению к другим...**»⁶³

Другими словами, опираясь на оценки многих экспертов, можно констатировать, что первого и главного критерия Общественного договора в России пока просто нет.

Что касается **второго критерия Общественного договора — «средств достижения цели»** —

то его состояние (которое выражается через положение дел в «экономике; особенно в показателях занятости и уровня материального благополучия людей»⁶⁴) также сложно назвать удовлетворительным.

Как пишет Ю. Афонин, «можно провозгласить социальную справедливость, но она будет пустым звуком, если большая часть собственности страны останется в руках нескольких сотен олигархических семей»⁶⁵.

Действительно, список самых богатых людей планеты Forbes продолжает пополняться российскими миллиардерами. В 2025 году «число россиян в рейтинге самых состоятельных людей увеличилось на 21 человека и дошло до 146 человек»⁶⁶, **причем за период проведения СВО каждый из них увеличил размер своего ежегодного дохода в 1,5–2 раза (табл. 2).**

По данным Федеральной службы государственной статистики, в России медленно, но верно продолжает снижаться уровень бедности населения (рис. 2). Эта тенденция началась в 2018 году, и за период с 2018 по 2024 год доля людей с доходами ниже величины прожиточного минимума уменьшилась почти в 2 раза (с 13 до 7%, или с 19 до 11 млн чел.).

Однако, во-первых, следует вспомнить о том, что цель, поставленная Президентом в «майском указе» 2018 года, «**снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации**»⁶⁷ (с 12,7% в 2018 году до 6,4% к 2024 году) — пока так и не достигнута. Во-вторых, даже при наблюдающейся с 2018 года позитивной динамике снижения уровня бедности нельзя не согласиться с экспертами в том, что российская экономика находится в состоянии

⁶² Щипков А. (2022). Нам нужна идеология // Мнение. № 1. URL: <https://litrussia.su/2022/01/28/nam-nuzhna-ideologiya/>

⁶³ Худиев С. Почему идеологию нельзя придумать // Взгляд. 06.12.2023. URL: <https://vz.ru/opinions/2023/12/6/1242716.html?ysclid=mdsk1qfx1w139858272>

⁶⁴ Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. М.: ФНИСЦ РАН. С. 78.

⁶⁵ Нужна ли России государственная идеология? // Сайт КПРФ. 24.05.2023. URL: <https://msk.kprf.ru/2023/05/25/237731/?ysclid=mdsmiomcpd574535253>

⁶⁶ В России увеличилось число миллиардеров: в 2025 году в рейтинге Forbes — 146 богатейших, из них 15 новичков // Рефинанс. 01.04.2025. URL: <https://refinanc.ru/journal/v-rossii-uvelichilos-chislo-milliardero-v-2025-godu-v-reytinge-forbes-146-bogateyshikh-iz-nikh-15-n/?ysclid=mdr7ihss7x799933064>

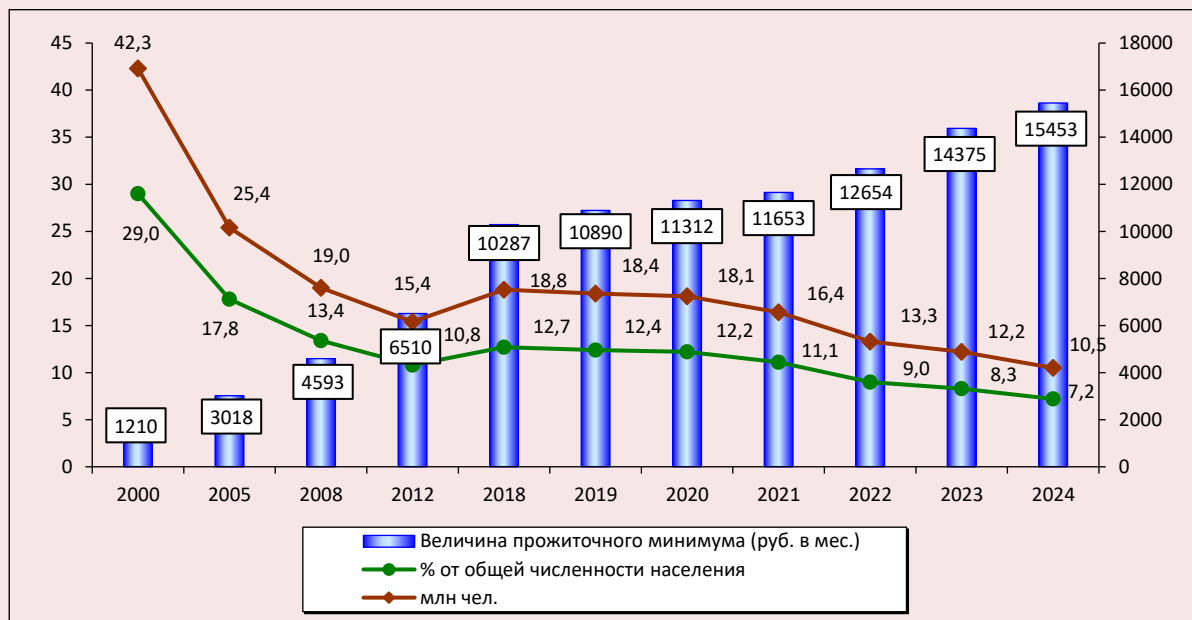
⁶⁷ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204.

Таблица 2. Динамика состояния 10 самых богатых российских миллиардеров в рейтинге Forbes за период проведения СВО, млн долл.

	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к 2022 г.	
					млн долл.	раз
В. Алекперов (председатель Общественного совета Фонда «Наше будущее»)	10500	20500	28600	28700	18200	2,7
А. Мордашов (генеральный директор холдинга «Север-групп»)	13200	20900	25500	28600	15400	2,2
Л. Михельсон (председатель правления ПАО «Новатэк»)	14000	21600	27400	28400	14400	2,0
В. Лисин (председатель правления Национальной федерации спортивного спорта)	18400	22100	26600	26500	8100	1,4
В. Потанин (президент холдинга «Интеррос», президент ГМК «Норильский никель»)	17300	23700	23700	24200	6900	1,4
Г. Тимченко (председатель Совета директоров Континентальной хоккейной лиги)	11300	18500	23400	23200	11900	2,1
А. Мельниченко (частный инвестор)	11100	25200	21100	17400	6300	1,6
П. Дуров (основатель Telegram)	15100	11500	15500	17100	2000	1,1
А. Усманов (основатель и основной акционер USM)	11500	14400	13400	16700	5200	1,5
С. Керимов (член Совета Федерации)	4400	10500	10700	16400	12000	3,7

Источник: рейтинг Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/535280-146-milliardero-rossii-rejting-forbes-2025?ysclid=mdr7gt9gh4931870029>

Рис. 2. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности / величины прожиточного минимума

Источник: данные Росстата.

«не настолько успешном, как это требуют объективные потребности общественного развития. Перед Россией по-прежнему остро стоит вопрос о **коренном изменении экономической политики** и связанном с ней **социальном единстве народа, без чего существовать общественный договор не в состоянии**»⁶⁸.

Так, по данным Росстата, на 2024 год у **62% россиян уровень среднедушевого денежного дохода составлял менее 60 тыс. руб. в месяц** (табл. 3). Из него треть или четверть (по разным оценкам⁶⁹) «съедает» минимальная «потребительская корзина»⁷⁰.

Таблица 3. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов

Группа населения по уровню доходов	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Изменение (+/-), 2024 г. к...	
								2018 г.	2022 г.
% от общей численности населения									
До 27 тыс. руб.	54,7	51,4	49,8	44,5	34,5	29,5	22,9	-32	-12
От 27 до 45 тыс. руб.	23,6	24,5	25,2	25,9	27,2	26,2	24,4	+1	-3
От 45 до 60 тыс. руб.	9,3	10,1	10,5	11,6	13,8	14,4	15	+6	+1
До 60 тыс. руб.	87,6	86	85,5	82	75,5	70,1	62,3	-25	-13
От 60 до 100 тыс. руб.	9,0	10,0	10,4	12,4	16,2	18,5	21,5	+13	+5
Свыше 100 тыс. руб.	3,4	4	4,1	5,6	8,3	11,4	16,2	+13	+8
Справочно: численность постоянного населе- ния РФ в среднем за год (млн чел.)	147,8	147,9	147,7	147,2	146,7	146,3	146,1	-2	-1
млн чел. *									
До 27 тыс. руб.	80,9	76,0	73,6	65,5	50,6	43,2	33,5	-47	-17
От 27 до 45 тыс. руб.	34,9	36,2	37,2	38,1	39,9	38,3	35,7	+1	-4
От 45 до 60 тыс. руб.	13,7	14,9	15,5	17,1	20,2	21,1	21,9	+8	+2
До 60 тыс. руб.	129,5	127,2	126,3	120,7	110,8	102,6	91,0	-38	-20
От 60 до 100 тыс. руб.	13,3	14,8	15,4	18,3	23,8	27,1	31,4	+18	+8
Свыше 100 тыс. руб.	5,0	5,9	6,1	8,2	12,2	16,7	23,7	+19	+11

* Рассчитано авторами на основе официальных данных Росстата о численности постоянного населения России в среднем за год (Официальная статистика. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>).

«Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов характеризует дифференциацию населения по уровню материального достатка и представляет собой показатели численности (или долей) постоянного населения, сгруппированные в заданных интервалах по уровню среднедушевых денежных доходов» (источник: Российский статистический ежегодник. 2024: стат. сб. / Росстат. 2024. С. 177).

⁶⁸ Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. М.: ФНИСЦ РАН. С. 78.

⁶⁹ С 2021 г. размер «потребительской корзины» официально не рассчитывается. Однако:

1) «Если бы стоимость потребительской корзины рассчитывалась до сих пор, в 2025 году она должна была бы составлять 15498 ₽» (источник: Потребительская корзина: что входит, сколько стоит и зачем нужна. URL: <https://t-j.ru/basket-of-goods/#six>);

2) «Стоимость потребительской корзины в 2025 году в среднем по России. Для трудоспособного населения: 19 329 р. в месяц. Для пенсионеров: 15 250 р. Для детей: 17 201 р.» (источник: <https://m.ok.ru/profile/584301282504/statuses/157737201055176>).

⁷⁰ Потребительская корзина — «минимальный набор продуктов питания, услуг и непродовольственных товаров, которые необходимы человеку для обеспечения его жизнедеятельности и сохранения здоровья в течение года». Она состоит из трех частей: продукты питания, непродовольственные товары и услуги (более подробная информация представлена в источнике: Соловьев В. Что такое потребительская корзина // Т—Ж (экс Тинькофф Журнал). 11.07.2024. URL: <https://t-j.ru/basket-of-goods/#one>).

«Оставшиеся» 20–30 тыс. руб. — это примерная стоимость двух ночей в российском отеле⁷¹ или минимальная стоимость отдыха на российском курорте для семьи из трёх (а вовсе не из 5–6) человек (то есть родители и один ребёнок)⁷² на одну неделю.

И это, отметим, касается только тех людей, которые имеют доходы в размере 45–60 тыс. руб. в месяц. На самом деле среди тех 62% россиян, которые обладают доходами до 60 тыс. руб., **23% (или 33,5 млн чел.) имеют размер среднедушевого денежного дохода менее 27 тыс. руб.**

Эти данные подтверждают другие цифры Росстата — распределение объема денежных доходов по 20-процентным группам населения. **В целом ситуация не меняется с 1999 года и выглядит даже хуже, чем в 1992 году: почти половиной всех денежных доходов в стране (46–47%; в 1992 году — 38%) обладает небольшая «прослойка» самых богатых людей (табл. 4).**

И специальная военная операция, которая идет уже более трех лет, не внесла в эту статистику никаких изменений. Даже наоборот, в 2022 году 20% наиболее состоятельных граждан стра-

ны обладали 45,8% всего объема денежных доходов, в 2023 году — 46,4%, в 2024 году — 46,7%.

Отметим, что приведенные данные Росстата о том, что уровень доходов большинства россиян не превышает 60 тыс. руб., вполне объясняют, почему при уровне бедности 7–8% (по статистике⁷³) **ощущают себя «бедными» значительно большее число людей.** Например, в Вологодской области (по данным ВолНЦ РАН) 45–48% (рис. 3).

При этом главными проблемами, беспокоящими население, были и остаются «инфляция», «низкий уровень жизни, бедность» и «расслоение населения на бедных и богатых». Так, в среднем за 2018–2024 гг. (IV президентский срок В.В. Путина) по сравнению с периодом 2000–2003 гг. (I президентский срок):

- ✓ доля людей, обеспокоенных проблемой инфляции, увеличилась на 16 п. п. (с 45 до 61%);
- ✓ проблемой низкого уровня жизни, бедности — на 8 п. п. (с 45 до 53%);
- ✓ расслоения населения на «бедных» и «богатых» — на 2 п. п. (с 30 до 32%; рис. 4, вкладка 3).

Таблица 4. Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения по Российской Федерации, %

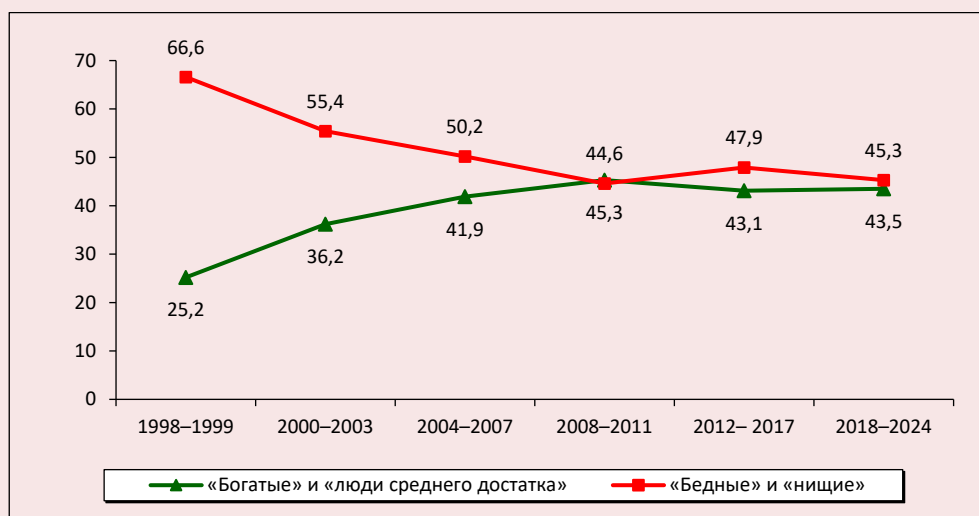
Группа населения	1992 г.	1999 г.	2007 г.	2012 г.	2018 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Изменение (+/-), 2024 г. к...	
									1992 г.	2022 г.
Первая (с наименьшими доходами)	6,0	6,0	5,1	5,2	5,3	5,6	5,5	5,4	-1	0
Вторая	11,6	10,5	9,8	9,8	10	10,4	10,2	10,1	-2	0
Третья	17,6	14,8	14,8	14,9	15	15,4	15,2	15,1	-3	0
Четвертая	26,5	21,1	22,5	22,5	22,6	22,8	22,7	22,7	-4	0
Пятая (с наивысшими доходами)	38,3	47,6	47,8	47,6	47,1	45,8	46,4	46,7	+8	+1
Источник: данные Росстата.										

⁷¹ В РСТ зафиксировали рост цен на летний отдых в России. Средняя стоимость проживания в российских отелях в 2025 году достигла 12 021 рубля за сутки, заявил президент Российского союза туриндустрии (РСТ) Илья Уманский, выступая на пресс-конференции «Российский союз туриндустрии: тренды и прогнозы на летний сезон — 2025» в ТАСС. По его словам, эта сумма на 12,4% превышает показатели прошлого года (источник: В РСТ зафиксировали рост цен на летний отдых в России // News.ru. 16.05.2025. URL: <https://news.ru/society/v-rst-zafiksirovali-rost-cen-na-letnij-otdyh-v-rossii>).

⁷² В 2025 году стоимость летнего отдыха на российских курортах с песчаными пляжами для семьи из трех человек стартует от 26 950 рублей за неделю, рассказали агентству «Прайм» в пресс-службе Национального туроператора «Алеан» (является членом Российского союза туриндустрии). Источник: Названа минимальная цена недельного отдыха на российских курортах // РИА-новости. 26.06.2025. URL: <https://ria.ru/20250626/kurort-2025473650.html>

⁷³ 7,2% — доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по стране (по данным Росстата на 2024 г.). 8,1% — доля населения доходами ниже величины прожиточного минимума по Вологодской области (источник: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, данные за 2024 г.).

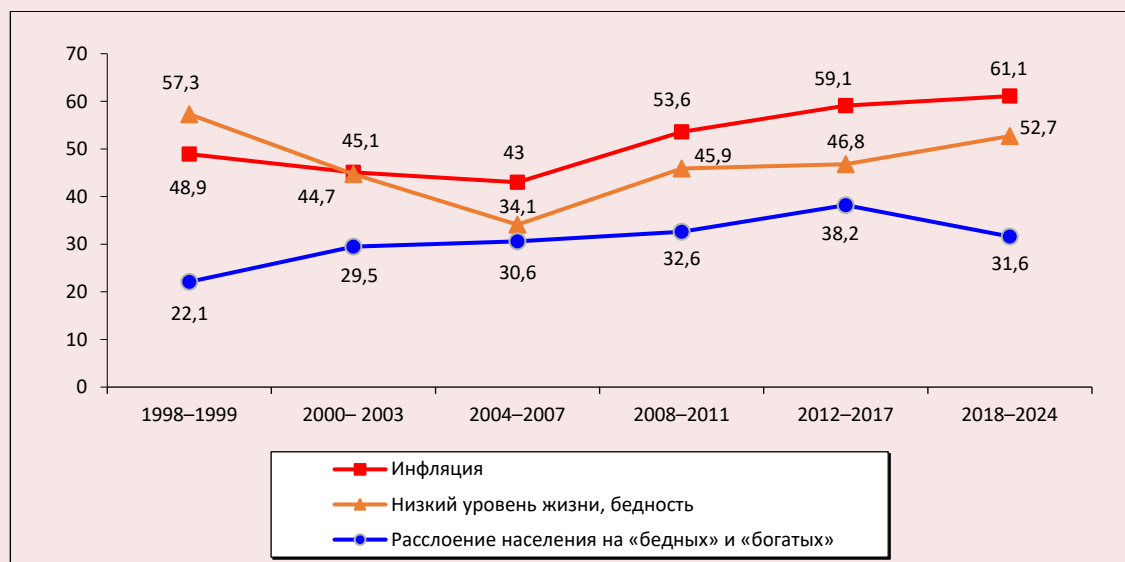
Рис. 3. Динамика социальной самоидентификации*, % от числа опрошенных

* Формулировка вопроса «К какой категории Вы себя относите?» (варианты ответов: «богатые», «люди среднего достатка», «бедные», «нищие»).

Источник: данные ВолнЦ РАН.

Рис. 4. Наиболее актуальные проблемы, волнующие население, % от числа опрошенных

Источник: данные ВолнЦ РАН.

Более подробные сведения представлены на вкладках 3–4.

Вкладка 3

«Какие проблемы современной жизни Вы считаете наиболее острыми для России в целом?», % от числа опрошенных

Проблема	1998–1999 гг.	2000–2003 гг.	2004–2007 гг.	2008–2011 гг.	2012–2017 гг.	2018–2024 гг.	2018–2024 гг. к 2000–2003 гг.
Инфляция	48,9	45,1	43,0	53,6	59,1	61,1	+16
Низкий уровень жизни, бедность	57,3	44,7	34,1	45,9	46,8	52,7	+8
Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	22,1	29,5	30,6	32,6	38,2	31,6	+2
Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	11,0	18,7	25,5	27,9	26,6	24,3	+6
Политическая нестабильность	19,2	12,4	8,1	7,7	15,5	22,3	+10
Экономическая нестабильность, остановка предприятий	42,4	23,2	15,5	19,8	19,2	20,8	-2
Социальная незащищенность граждан	32,6	32,2	27,1	23,3	21,9	20,3	-12
Недоступность здравоохранения, низкое качество медицинских услуг	12,0	17,8	20,4	14,9	15,7	19,0	+1
Высокий уровень преступности, незащищенность от криминалитета, хулиганства и т. д.	31,7	39,3	32,0	27,7	20,5	18,3	-21
Коррупция, взяточничество	14,2	16,3	18,7	18,7	17,7	17,0	+1
Низкая продолжительность жизни, сокращение численности населения	Н. д.	Н. д.	16,0	14,1	9,8	15,5	+1
Увольнение персонала, безработица	43,6	29,8	23,8	26,4	13,5	14,1	-16
Рост алкоголизма	14,0	28,1	35,6	28,0	21,3	14,0	-14
Плохая экология, загрязнение окружающей среды	7,9	14,1	15,7	14,6	12,7	13,6	-1
Несправедливое налогообложение	8,2	7,7	6,9	6,9	10,6	13,1	+5
Бездуховность, разгул безответственности	11,3	16,1	15,5	11,2	10,8	12,9	-3
Некомпетентность властей	14,9	9,5	8,3	6,2	6,2	7,6	-2
Недоступность образовательных услуг, низкое качество образования	4,8	7,4	7,9	4,7	6,2	7,3	0
Задержки в выплате зарплаты, пенсий, стипендий	37,2	10,0	5,0	6,2	6,2	5,8	-4
Притеснения на национальной почве, межэтническая рознь	5,1	8,3	8,4	4,2	4,1	4,9	-3
ИТОГО: Общее количество отрицательных изменений / отсутствие изменений / положительных изменений							9 / 1 / 10
Источник: данные ВолНЦ РАН. Ранжировано по среднегодовым данным за 2018–2024 гг.							

Наиболее острыми проблемами для страны, по мнению жителей Вологодской области, являются «инфляция», «низкий уровень жизни, бедность» и «расслоение населения на бедных и богатых». За период с 2000–2003 гг. (среднегодовые данные за I президентский срок В.В. Путина) по 2018–2024 гг. (в среднем за IV президентский срок В.В. Путина) доля людей, беспокоящихся проблемой инфляции, увеличилась на 16 п. п. (с 45 до 61%), проблемой бедности — на 8 п. п. (с 45 до 53%), проблемой расслоения населения по доходам — на 2 п. п. (с 30 до 32%).

Вкладка 4

«Какие проблемы современной жизни Вы считаете наиболее острыми для России в целом?» (наиболее актуальные проблемы в разрезе основных социально-демографических категорий населения; данные ВолНЦ РАН), % от числа опрошенных

Категория населения	Инфляция			Низкий уровень жизни, бедность			Расхождение населения на «бедных» и «богатых»		
	2000–2003 гг.	2018–2024 гг.	Изменение (+/-), 2018–2024 гг. к 2000–2003 гг.	2000–2003 гг.	2018–2024 гг.	Изменение (+/-), 2018–2024 гг. к 2000–2003 гг.	2000–2003 гг.	2018–2024 гг.	Изменение (+/-), 2018–2024 гг. к 2000–2003 гг.
Пол									
Мужской	43,4	60,4	+17	43,7	52,8	+9	28,3	31,5	+3
Женский	46,3	61,7	+15	45,4	52,6	+7	30,3	31,7	+1
Возраст									
до 30 лет	40,1	60,1	+20	38,9	52,9	+14	23,2	29,9	+7
30–55 лет	46,3	61,1	+15	47,0	52,7	+6	30,5	30,4	0
старше 55 лет	48,2	61,4	+13	46,2	52,6	+6	34,2	33,8	0
Образование									
Среднее и н/среднее	45,9	64,7	+19	44,8	51,9	+7	27,8	33,3	+5
Среднее специальное	47,0	60,2	+13	45,2	52,7	+8	30,9	30,5	0
Высшее и н/высшее	41,7	58,4	+17	44,0	53,4	+9	30,0	31,2	+1
Доходные группы									
20% наименее обеспеченных	48,7	62,2	+14	48,8	55,2	+6	27,5	30,6	+3
60% среднеобеспеченных	46,3	61,4	+15	47,3	53,7	+6	32,2	30,3	-2
20% наиболее обеспеченных	40,2	57,4	+17	37,4	48,5	+11	28,1	33,4	+5
Территории									
Вологда	47,1	58,4	+11	45,8	61,3	+15	31,0	33,5	+2
Череповец	44,9	56,1	+11	42,4	43,9	+2	28,0	36,4	+8
Районы	44,3	65,5	+21	45,4	52,8	+7	29,5	27,7	-2
Область	45,1	61,1	+16	44,7	52,7	+8	29,4	31,6	+2
ИТОГО: Общее количество отрицательных изменений / отсутствие положительных изменений			14 / 0 / 0			13 / 1 / 0			6 / 8 / 0

За период с 2000–2003 гг. (в среднем за I президентский срок В.В. Путина) по 2018–2024 гг. (IV президентский срок) доля людей, обеспокоенных проблемами инфляции и низкого уровня жизни, увеличилась во всех основных социально-демографических категориях населения, особенно среди людей в возрасте до 30 лет (по поводу инфляции — на 20 п. п., с 40 до 60%; по поводу бедности — на 14 п. п., с 39 до 53%).

Актуальность проблемы расхождения населения на бедных и богатых стали чаще отмечать представители 6 из 14 основных социально-демографических категорий населения. Между тем, позитивных изменений не наблюдается ни в одной из анализируемых групп. Негативные изменения произошли также прежде всего среди людей в возрасте до 30 лет (на 7 п. п., с 23 до 30%).

Аналогичные негативные тенденции отмечаются практически во всех основных социально-демографических категориях населения (вкладка 4). Причем отметим, что речь идет не только о социально уязвимых категориях населения (например, пенсионерах или людях, которые по самооценкам собственных доходов попадают в категорию 20% наименее обеспеченных слоев общества), **а прежде всего об оценках людей молодого возраста.** Так, в среднем за период с I по IV президентский срок В.В. Путина:

✓ доля тех, кто обеспокоен проблемой инфляции, особенно увеличилась среди лиц в возрасте до 30 лет (на 20 п. п., с 40 до 60%) и жителей районов (на 21 п. п., с 44 до 65%);

✓ проблемой бедности — среди жителей г. Вологды (на 15 п. п., с 46 до 61%) и среди лиц в возрасте до 30 лет (на 14 п. п., с 39 до 53%);

✓ проблемой расслоения населения — среди лиц в возрасте до 30 лет (на 7 п. п., с 23 до 30%) и жителей Череповца (на 8 п. п., с 28 до 36%).

Таким образом, приведенные данные официальной статистики и социологических опросов населения говорят сами за себя и наталкивают на вполне закономерные вопросы — может ли состояться новый **Общественный договор** при сохранении всё тех же ключевых проблем, которые уже много лет волнуют российское общество: низкий уровень жизни, бедность, высочайший уровень неравенства...? Каков Образ Будущего России в относительно мирных условиях; после окончания СВО или даже после потенциального более глобального конфликта с НАТО...?

В. Путин: «России нужен такой вариант мира на Украине, который бы обеспечил ей **стабильное развитие и спокойствие**»⁷⁴.

Эти вопросы пока остаются без ответа, и на сегодняшний день реальное состояние проблем неравенства и уровня бедности во многом продолжает вступать в противоречие с публично декларируемыми органами власти приоритетами на социальную справедливость, социальное государство.

Это и говорит о том, что **второй критерий Общественного договора — «средства достижения цели» (как и сама цель) — пока что остается не в том состоянии, которое бы позволяло рассчитывать на реальное достижение «общей судьбы» между обществом и государством.** Как отмечают эксперты и как показывает реальный исторический опыт нашей страны, **«люди должны полагать, что за идеологией стоит Правда. Адресат идеологии должен всем сердцем уверовать в нее как в истину, достойную его абсолютной преданности»**⁷⁵. Если этого нет, то нет и Общественного договора.

Тощенко Ж.Т.: «Говоря о материальном благополучии как показателе устойчивости общественного договора, обратим внимание на необходимость его конкретизации, а не просто некоторых утверждений о благе народа. **В России попытки преодолеть низкий уровень благополучия людей пока остаются нерешёнными**»⁷⁶.

«В 20–60-х годах наше советское государство... цементировала вера в то, что мы строим и несём миру новый, справедливый строй жизни — коммунизм... **Именно благодаря коммунистической вере, а правильнее сказать — вере в то, что мы утверждаем и отстаиваем высшую правду, вселенскую справедливость, советский народ выдержал труднейшие испытания, войну, разруху...**

⁷⁴ Встреча В. Путина с матерями и женами участников СВО на базе фонда помощи военнослужащим «Защитники Отечества» 6 марта 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/91/events/76418>

⁷⁵ Худиев С. Почему идеологию нельзя придумать // Взгляд. 06.12.2023. URL: <https://vz.ru/opinions/2023/12/6/1242716.html?ysclid=mdsk1qfx1w139858272>

⁷⁶ Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. М.: ФНИСЦ РАН. С. 79.

Хрущёвские разоблачения Сталина и дальнейшая его „отмена” были огромной травмой народного организма. Духовной травмой. Фронтвики, что шли в атаку с именем Сталина, почувствовали себя оскорблёнными, а молодёжь засомневалась в самых основах и в значительной своей части пришла к выводу: **все врут...** В результате „отмены” Сталина и общего ощущения обманутости и разочарования народ махнул рукой на все эти высокие материи, на лозунги и постановления Партии и захотел жить маленькой частной жизнью...»⁷⁷

Третий критерий Общественного договора — методы его реализации

— является «важнейшим структурным элементом... Они предназначены для того, чтобы при помощи и посредством их применения и использования убедиться, что социальный контракт результативен, что позволяет государству в лице политической власти знать, что народ или только часть его поддерживает, одобряет проводимую политику»⁷⁸.

Ж.Т. Тощенко выделяет три таких метода:

1) доверие («является основой для существования всех социальных и политических институтов, их представителей, особенно тех, кто возглавляет государственные организации и учреждения»);

2) согласие («предполагает вариативное отношение не вообще к такому феномену, как государство, а к его конкретным действиям и актам»);

3) солидарность («форма социальной сплочённости и взаимосвязи индивидов и социальных групп, которая основана на общности интересов, целей и стандартов»).

Приведем некоторые актуальные данные, отражающие состояние каждого из этих методов. Как показывают результаты социологических исследований и оценки многих экспертов,

высокий уровень доверия и согласия российское общество демонстрирует в отношении непосредственно Президента, **но не созданной им системы государственного управления.**

Например, когда «Единая Россия» побеждает на парламентских выборах или назначенные главой государства врио губернаторов одерживают верх над другими кандидатами в ходе местных избирательных кампаний, многие эксперты в унисон говорят о том, что это кредит доверия не столько им, сколько лично В.В. Путину.

Например:

1. С. Неверов (о победе ЕР на региональных выборах 2012 г.): «Голосование, которое вчера прошло, по сути, по всей стране, которое вчера затронуло практически все муниципальные наши органы, органы местного самоуправления, это реальное выражение поддержки курса Президента Владимира Владимировича Путина»⁷⁹.

2. «Главной причиной успеха политической партии «Единая Россия» на думских выборах стала поддержка президента РФ Владимира Путина. Об этом в ходе круглого стола «Единый день голосования – 2021: итоги и тенденции» заявил председатель правления Фонда развития гражданского общества (ФОРГО) Константин Костин»⁸⁰.

3. Председатель правления Фонда развития гражданского общества (ФОРГО) К. Костин о региональных выборах 2022 г.: «**Патриотический консенсус**, который сложился в результате проведения специальной военной операции и противодействия России западным санкциям – **главный фактор этой кампании...** Основные получатели такого электорального бонуса – губернаторы, которые были либо назначены исполняющими обязанности президентом, либо поддержаны им при выдвижении на новый срок и партия «Единая Россия» – партия Путина»⁸¹.

⁷⁷ Воеводина Т. Перестройка: 40 лет спустя // Завтра. 15.04.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/perestrojka_40_let_spustya

⁷⁸ Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. М.: ФНИСЦ РАН. С. 80.

⁷⁹ Политологи считают, что победа «Единой России» на выборах говорит о доверии политике Путина // Сайт 1 канала. 15.10.2012. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-10-15/85781-politologi_schitayut_chno_pobeda_edinoi_rossii_na_vyborah_govorit_o_doverii_politike_putina?ysclid=mdy2tsyay1818477296

⁸⁰ Эксперты назвали причины успеха «Единой России» на думских выборах // Фонд развития гражданского общества. 21.09.2021. URL: <http://civilfund.ru/article/43413?ysclid=mdy2ywaiz6651583483>

⁸¹ Круглый стол «Единый день голосования – 2022: специфика, тенденции и прогноз результатов» // Официальный сайт Фонда развития гражданского общества. 31.08.2022. URL: <http://civilfund.ru/event/146>

«Глубинного государства в России нет, оно все на виду, зато есть глубинный народ. На глянцево́й поверхности блистает элита, век за веком активно (надо отдать ей должное) вовлекающая народ в некоторые свои мероприятия – партийные собрания, войны, выборы, экономические эксперименты. **Народ в мероприятиях участвует, но несколько отстраненно, на поверхности не показывается, живя в собственной глубине совсем другой жизнью...**

По существу же общество доверяет только первому лицу... В новой системе все институты подчинены основной задаче – доверительному общению и взаимодействию верховного правителя с гражданами. Различные ветви власти сходятся к личности лидера, считаясь ценностью не сами по себе, а лишь в той степени, в какой обеспечивают с ним связь»⁸².

Данная специфика отношения российского общества к Президенту и к государству во многом имеет социокультурные основания, достаточно четко изложенные в концепции «долгого государства» В. Суркова, все институты в ней «подчинены основной задаче – доверительному общению и взаимодействию верховного правителя с гражданами».

В то же время вся система государственного управления, выстроенная В.В. Путиным за период его президентских сроков, обнаруживает массу поводов для дискредитации доверия граждан и у многих экспертов вызывает вполне логичный вопрос – **почему до сих пор в ней или в партии власти не создан «отлаженный механизм дисциплинарной ответственности, основанный на четких критериях»? Нет «обязательной и неотвратимой персональной ответственности за саботирование или некачественное исполнение управленческих решений»?**

«Налицо полное отсутствие личной ответственности за неисполнение или неадекватное исполнение государственных решений, за функциональное несоответствие, за ошибки и тем более за намеренное саботирование... Чаше всего чиновник, допустивший серьезные проколы, просто пересаживается в другое кресло и остаётся в системе управления. А ещё чаще вообще остаётся на том же самом месте и продолжает заниматься той же, что и ранее, деструктивной деятельностью.

Необходимо ввести обязательную и неотвратимую персональную ответственность за саботирование или некачественное исполнение управленческих решений, за неэффективную деятельность руководителя на выделенном участке, причём это должен быть именно отлаженный механизм дисциплинарной ответственности, основанный на четких критериях. Это просто необходимый элемент любого управления... в нынешних экстремальных и чрезвычайных условиях существования страны это уже вопрос жизни и смерти, и отсутствие данного механизма – самоубийственно, а с точки зрения государственных интересов – преступно...»⁸³

По данным ВЦИОМ, на июль 2025 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ составляет 74,7%. Доля положительных оценок деятельности Правительства РФ – 49,5%; Государственной Думы – 43,9%, Совета Федерации – 43,7%.

Большинство россиян одобряют деятельность «традиционных» общественных институтов – армии (75,7%), Русской православной церкви (61,4%), правоохранительных органов (52,3%). Однако в отношении деятельности других общественных институтов уровень одобрения меньше половины: СМИ – 44,9%; Общественная палата – 34,5%; судебная система – 38,7%; профсоюзы – 30,1%; политические партии – 37,2%⁸⁴.

⁸² Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 11.02.2019. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html?ysclid=mdmy6wh711299959713

⁸³ Кобяков А. (член Изборского клуба). Интервью Бизнес Online 23.06.2023. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/598151?ysclid=mdvxn8n9lj173110347>

⁸⁴ Рейтинги // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings>

Указанные особенности отношения населения к Президенту и к созданной им системе государственного управления вполне логично объясняют состояние «доверия» и «согласия» как методов реализации Общественного договора: **если и можно говорить о доверии и согласии, то только в отношении непосредственно главы государства (вкладка 5):**

✓ доля доверяющих Президенту РФ составляет 55% (уровень доверия всем остальным государственным и общественным институтам от 30 до 47%, то есть им доверяет меньше половины населения);

✓ доля одобряющих деятельность главы государства — 59% (всех остальных органов власти — 40% и меньше).

То же самое касается политических партий: говорить о том, что партию «Единая Россия» поддерживает большинство россиян, можно лишь в электоральном контексте, то есть по сравнению с другими политическими силами. **Однако этот принцип «не работает», когда речь идет о формировании Общественного договора.**

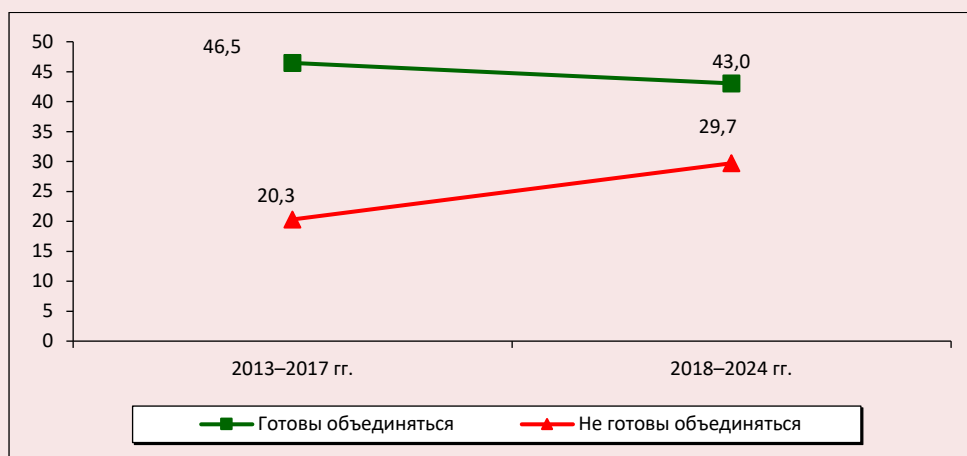
На самом деле уровень поддержки партии власти колеблется в районе 35–39%, по данным

ВЦИОМ, в среднем по стране и в районе 40–43%, по данным ВолНЦ РАН, по результатам исследований, проводимых на территории Вологодской области (вкладка 6).

Таким образом, состояние «доверия» и «согласия» — первых двух методов реализации Общественного договора, которые «работают» только в отношении Президента, но не всей системы государственного управления, сложно назвать удовлетворительным. По крайней мере в контексте представления Образа Будущего России, в котором доверие общества государственной власти имеет устойчивый, системный характер, а не зависит от судьбы одного человека.

В отношении третьего метода — «солидарности», которая, напомним, «предполагает готовность людей по взаимодействию»⁸⁵, результаты социологических измерений показывают, что в среднем за IV президентский срок В.В. Путина по сравнению с его III президентским сроком доля людей, которые не готовы объединяться ради каких-то совместных действий, реализации общих целей, увеличилась на 10 п. п. (с 20 до 30%; рис. 5).

Рис. 5. «Есть люди, готовые объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, и есть люди, не готовые объединяться. К кому бы Вы отнесли себя – к первым или ко вторым?», % от числа опрошенных

Вопрос задается 1 раз в год, с 2011 г. В 2012 г. вопрос не задавался.

Источник: данные ВолНЦ РАН.

⁸⁵ Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. М.: ФНИСЦ РАН. С. 84.

Уровень доверия государственным и общественным институтам, % от числа опрошенных

Институты*	1996–1999 гг.	2000–2003 гг.	2004–2007 гг.	2008–2011 гг.	2012–2017 гг.	2018–2024 гг.	Изменение (+/-), 2018–2024 гг. к 2000–2003 гг.
Президенту РФ	26,5	58,2	58,6	56,0	55,3	55,1	-3
Церкви	37,9	42,6	44,3	47,8	44,7	47,2	+5
Прокуратуре	18,2	28,9	31,9	36,8	39,5	46,1	+17
Правительству РФ	18,5	39,3	39,3	51,7	45,5	45,1	+6
ФСБ	12,6	32,6	33,4	37,5	38,5	44,4	+12
Полиции	14,1	26,0	27,0	33,6	37,2	44,4	+18
Армии	34,2	33,8	27,8	35,0	39,6	43,3	+9
Суду	19,8	30,9	33,9	37,4	39,1	43,0	+12
Руководству области	14,2	28,6	35,3	40,3	36,6	37,7	+9
Совету Федерации	13,4	27,9	31,7	39,3	37,4	35,8	+8
Органам местного самоуправления	–	–	29,5	35,9	32,9	35,7	+6**
Государственной Думе	14,8	22,5	27,6	35,3	33,1	32,4	+10
Профсоюзам	20,2	26,0	27,6	31,0	27,4	32,2	+6
СМИ	15,4	29,1	29,1	30,5	28,0	30,9	+2
Общественным организациям	–	–	22,2	27,5	25,5	29,3	+7**
Директорам, руководителям предприятий	5,2	20,1	23,8	24,5	23,0	25,4	+5
Банковским, предпринимательским кругам	8,5	13,9	20,5	22,2	19,4	23,1	+9
Политическим партиям, движениям	6,8	12,9	17,2	23,1	19,5	23,0	+10
ИТОГО: Общее количество отрицательных изменений / отсутствие изменений / положительных изменений							1 / 0 / 17

* Без учета «Общественной палаты РФ», «Общественной палаты Вологодской области» (включены в опрос с 2010 г.) и «научных организаций» (с 2018 г.).
** Проведено сравнение среднего за 2018–2024 гг. и показателей второго президентского срока В.В. Путина (2004–2007 гг.). Данные варианты ответов фигурируют в опросе с 2006 г.
Источник: данные ВолнЦ РАН. Ранжировано по среднегодовым данным за 2018–2024 гг.

Уровень одобрения деятельности органов государственной власти, % от числа опрошенных

Органы власти	1996–1999 гг.	2000–2003 гг.	2004–2007 гг.	2008–2011 гг.	2012–2017 гг.	2018–2024 гг.	Изменение (+/-), 2018–2024 гг. к 2000–2003 гг.
Президент РФ	11,1	65,9	68,9	65,0	62,6	58,7	-7
Губернатор области	36,5	49,2	52,1	49,2	40,5	40,9	-8
Главы местной администрации	30,1	38,7	40,3	42,4	38,3	39,7	+1
Правительство РФ	23,8	42,6	46,6	51,0	43,9	39,2	-3
Совет Федерации	16,6	29,2	37,5	40,7	36,7	34,1	+5
Государственная Дума РФ	14,8	25,3	34,6	38,1	34,2	33,1	+8
Законодательное собрание области	19,9	29,0	36,3	35,6	32,7	31,6	+3
Представительный орган местного самоуправления	18,7	26,6	34,3	35,1	28,9	29,8	+3
ИТОГО: Общее количество отрицательных изменений / отсутствие изменений / положительных изменений							3 / 0 / 5

Формулировка вопроса «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?» (объединенные варианты ответов «полностью одобряю» и «в основном одобряю»).

Источник: данные ВолнЦ РАН. Ранжировано по среднегодовым данным за период 2018–2024 гг.

Вкладка 6

За какую из следующих партий Вы бы, скорее всего, проголосовали, если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную Думу России? (один ответ; данные ВЦИОМ в среднем по стране), % от числа опрошенных

Вариант ответа	Среднегодовые данные							Изменение (+/-), январь – июнь 2025 г. к...	
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	январь – июнь 2025 г.	2022 г.
«Единая Россия»	42,5	33,6	32,5	29,3	39,0	39,0	39,0	35,3	-4
КПРФ	13,2	15,4	13,6	15,1	11,4	10,2	9,3	9,9	-2
ЛДПР	10,0	12,3	11,5	9,3	8,2	9,1	9,3	10,9	+3
«Справедливая Россия – Патриоты – За правду»	5,0	6,0	6,1	7,0	5,8	5,2	3,7	4,0	-2
«Новые Люди»*	–	–	–	7,6	4,9	4,5	6,5	6,4	+2
Непарламентские партии	7,4	10,0	11,8	12,4	9,6	9,7	9,8	10,2	+1
Другое**	21,9	22,7	24,5	24,1	21,1	22,3	22,4	23,2	+2

* Партия «Новые люди» входит в состав парламентских партий с 2021 г.
 ** В вариант ответа «Другое» входят ответы: «Приду и испорчу бюллетень», «Затрудняюсь ответить», «Не стал бы участвовать в выборах».
 Источник: ВЦИОМ. Рейтинг политических партий. URL: <https://wciom.ru/ratings/reiting-politicheskikh-partii/>
 Методика: телефонный опрос, репрезентирующий взрослое население России по основным социально-демографическим параметрам.
 Объем выборки – 1600 респондентов не менее чем в 80 регионах РФ.

Какая партия выражает Ваши интересы? (один ответ; данные ВолНЦ РАН по Вологодской области), % от числа опрошенных

Вариант ответа	Среднегодовые данные							Изменение (+/-), февраль – июнь 2025 г. к...	
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	февраль – июнь 2025 г.	2022 г.
«Единая Россия»	37,9	33,8	31,5	31,7	35,2	39,5	42,9	40,7	+6
ЛДПР	9,6	9,1	9,5	9,3	7,3	7,0	7,1	8,0	+1
КПРФ	9,2	8,8	8,4	9,9	10,1	9,6	8,9	8,6	-2
«Справедливая Россия – Патриоты – За правду»	2,9	3,4	4,7	4,7	4,9	4,4	3,5	3,3	-2
«Новые люди»*	–	–	–	2,3	1,5	1,9	2,0	2,6	+1
Другое**	40,4	45,0	45,8	44,1	41,0	37,7	35,7	36,7	-4

* Партия «Новые люди» входит в состав парламентских партий с 2021 г.
 ** В вариант ответа «Другое» входят ответы: «Другая», «Никакая», «Затрудняюсь ответить».
 Источник: данные ВолНЦ РАН. Методика: анкетирование по месту жительства респондентов. Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и 8 муниципальных округах и районах Вологодской области. Объем выборки – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Конечно, следует констатировать, что удельный вес людей, готовых к взаимодействию, пока остается более высоким (43%), но их доля снижается (на 4 п. п., с 47 до 43%), и самое главное — это по-прежнему не большинство граждан.

Таким образом, если подвести некоторые промежуточные итоги анализа состояния критериев Общественного договора в России, то мы видим, что, как минимум, в отношении трех из них («цель», «средства достижения цели» и «методы реализации Общественного договора») существуют разные проблемы, но каждый пока что не доведен до того уровня, который бы позволял рассчитывать на реальное достижение состояния «философии общей судьбы» между государством и обществом; на возможность реально перелистнуть страницу истории. Даже в том случае, если в России будет разработана и принята официальная государственная идеология (какое бы название и форму она ни имела).

Четвертый критерий Общественного договора — «обратная связь между государством и обществом».

Как пишет Ж.Т. Тощенко, она «получает полное и завершённое воплощение в том случае, когда реализуется такой критерий общественного договора, как **причастность народа к управлению делами общества и государства**. Причём... помимо прямого непосредственного участия в работе органов управления, на наш

взгляд, стоит говорить о **возможности влиять на принятие решений...** Именно **осознание причастности** и вовлечение в процесс управления делает самих людей более ответственными при осуществлении своей общественной и трудовой жизни...»⁸⁶

Многолетние мониторинговые исследования ВолНИЦ РАН показывают, что данный критерий Общественного договора в России остается в стабильном и тоже, к сожалению, негативном состоянии. Говорить о том, что люди считают, что они могут повлиять на положение дел в городе, области или на уровне страны, явно не приходится. Так считает всего лишь 5–9% населения (в среднем за период 2018–2024 гг.; табл. 5).

Приведем также данные социологических исследований, отражающих, пожалуй, квинтэссенцию состояния всех критериев Общественного договора (табл. 6). В среднем за IV президентский срок В.В. Путина (2018–2024 гг.) по сравнению с его I президентским сроком (2000–2003 гг.):

- ✓ доля людей, считающих, что «богатые становятся богаче, а бедные — беднее», не изменилась и по-прежнему составляет 54%;
- ✓ удельный вес тех, кто считает, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей», увеличилась на 7 п. п. (с 40 до 47%);
- ✓ доля тех, кто «не чувствует себя участником событий, происходящих в стране», также увеличилась и составляет 37% (на 3 п. п., с 34 до 37%).

Таблица 5. «Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел...?» (вариант ответа «да»), % от числа опрошенных

Сфера жизни	2013–2017 гг.	2018–2024 гг.	2018–2024 гг. к 2011–2017 гг.
В семье	79,8	84,6	+5
На работе	41,5	42,2	+1
В доме, во дворе	34,3	35,3	+1
В городе, районе	8,1	8,8	+1
В области	4,0	5,3	+1
В стране	3,6	5,4	+2
ИТОГО: Общее количество отрицательных изменений / отсутствие изменений / положительных изменений			0 / 0 / 6
Вопрос задается 1 раз в год, с 2011 г. В 2012 г. вопрос не задавался. Источник: данные ВолНИЦ РАН.			

⁸⁶ Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. М.: ФНИСЦ РАН. С. 87.

Таблица 6. «Прочитайте, пожалуйста, нижеприведённые суждения о жизни в нашем обществе и отметьте те, с которыми Вы согласны», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Среднегодовые данные по президентским срокам					Изменение (+/-), 2018–2024 гг. к 2000–2003 гг.
	2000– 2003 гг.	2004– 2007 гг.	2008– 2011 гг.	2012– 2017 гг.	2018– 2024 гг.	
Богатые становятся богаче, а бедные – беднее	53,9	37,8	45,6	47,0	53,5	0
Людям у власти нет никакого дела до простых людей	39,7	38,8	41,2	44,1	47,4	+7
Я не чувствую себя участником событий, происходящих в стране	34,0	26,7	33,8	32,5	36,8	+3
Главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счёт областей и республик России	25,5	22,9	21,7	27,9	33,1	+8
Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить своё материальное благополучие	28,7	26,9	29,8	28,5	29,3	+1
Власти заботятся о жизни простых людей	4,5	6,0	7,2	5,2	8,2	+4
Центр проводит политику в интересах регионов	4,0	3,2	5,8	4,6	7,3	+3
Каждый из нас может повлиять на события в стране	5,6	5,6	4,6	6,8	6,2	+1
Источник: данные ВолНЦ РАН. Ранжировано по среднегодовым данным за 2018–2024 гг.						

Остается только добавить, что в структуре суждений респондентов о жизни в стране перечисленные выше оценки были и остаются наиболее распространенными на протяжении всех президентских сроков В.В. Путина.

Таким образом, мы получаем общую картину (основанную на многолетних данных статистики, экспертных оценках и мнениях самих граждан, фиксируемых социологическими опросами населения), свидетельствующую о том, что состояние всех критериев Общественного договора пока что

не позволяет говорить о возможности его реального достижения, по крайней мере без правильной оценки (в первую очередь со стороны Президента), выводов и исправления той ситуации, которая сложилась на сегодняшний день в результате 30-летнего пребывания страны в состоянии «либерального тумана»...

И это, в принципе, коррелирует и с выводами самого Ж.Т. Тощенко, указывающего на «деформацию существующего Общественного договора»:

«Налицо расхождение между тем, что государство считает важным и необходимым для своего существования, и тем, как об этой важности и необходимости мыслят люди. Иначе говоря, **в реальности существуют разногласия между государством и частью народа**. Значит, государству в лице политической власти предстоит не только осмыслить это расхождение, знать о нём, но и его минимизировать, не доводить ситуацию до социальной напряжённости, конфликта и даже возможного социального взрыва»⁸⁷.

«В современной российской действительности Общественный договор имеет существенные резервы по его совершенствованию с точки зрения согласования целей развития, средств их достижения, мировоззренческого обеспечения, налаживания регулярной обратной связи и, наконец, действенного участия всех социальных общностей и групп в управлении делами общества и государства.

⁸⁷ Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. М.: ФНИСЦ РАН. С. 612.

Однако в настоящее время решения конкретных государственных и общественных проблем в немалом числе случаев приводят к деформированным процессам и явлениям, которые не всегда олицетворяют равноправное единство народа и политической власти, что приводит к различным формам напряженности, отражающим деформацию существующего Общественного договора»⁸⁸.

Ситуация в стране, сложившаяся в результате действия конституционного запрета на государственную идеологию, а по факту — установления либеральной идеологии «общества потребления», препятствует формированию нового Общественного договора; создает условия, когда даже в случае принятия официальной государственной идеологии она столкнется с несоответствием своего содержания реальной действительности.

Для «простых» людей, для большинства россиян, она просто не будет Правдой и поэтому не будет иметь того эффекта, который Ж.Т. Тощенко называет «философией общей судьбы» государства с народом — «взаимосогласованного достижения целей, средств и методов их реализации»⁸⁹.

Тем не менее это лишь усиливает актуальность разработки и принятия в России идеологии именно в том виде, в котором сегодня предлагают это сделать эксперты: в обязательном порядке «для тех, кто стремится войти в когорту лидеров российской державы»⁹⁰.

Ведь сегодня многими экспертами формулируются вполне конкретные очертания Образа будущего России, которые соответствуют потребностям населения и вполне могли бы стать основой нового Общественного договора... но кто будет решать все эти задачи?

«Путин выразил уверенность, что участники СВО смогут занять достойное место в управленческой элите России, куда их планируется инкорпорировать через различные проекты и программы. Безусловно, этот вектор — абсолютно правильный. Вот только пока без ответа остался один немаловажный вопрос: «А каким образом можно осуществить такую инкорпорацию патриотически настроенных кадров в создававшийся десятилетиями господствующий слой, значительная часть которого повреждена ультра-либеральными идеями, а также коррупцией и другими пороками?»⁹¹

«Пересмотренный Общественный договор включает следующие требования: новая идеология; определение экономического строя страны; обеспечение профессиональных социальных лифтов и персональной ответственности; интеграция Банка России в общую систему государственного управления; дебюрократизация экономики; борьба с крайними формами неравенства; прекращение неконтролируемой иммиграции; введение ответственности за политический саботаж. Несущей конструкцией нового Общественного договора выступает идеология Русской Цивилизации»⁹².

⁸⁸ Тощенко Ж.Т. (2025). Общественный договор в современной России: достигнут ли баланс интересов? // Социологические исследования. № 2. С. 12.

⁸⁹ Там же. С. 5.

⁹⁰ Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке: доклад в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Июль 2025. С. 17.

⁹¹ Кассин О. О «политической онкологии» современной «элиты» и мерах её лечения // Завтра. 07.03.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/o_politicheskoy_onkologii_sovremennoj_eliti_i_merakh_eyo_lecheniya?ysclid=mdx0037c62281119492

⁹² Балацкий Е.В., Екимов Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Журнал институциональных исследований. № 14 (3). С. 74.

Поэтому без качественной переориентации всей системы государственного управления, ее кадрового наполнения на публично заявленные условия реализации идеологии (государственность, суверенитет, патриотизм, традиционные ценности, социальная справедливость и т. д.) достичь соответствия ситуации в стране критериям нового Общественного договора крайне затруднительно. **А значит, не достичь и самого нового Общественного договора; не выйти на новый этап исторического развития; не «перелистнуть страницу», отделяющую Россию «полуколониальную» от России суверенной.**

«Можно хоть указы издавать про традиционные ценности, хоть книги писать про героев, хоть кино показывать о вере и самопожертвовании, хоть фестивали и форумы проводить о сохранении исторической памяти, но если в обществе существует и поддерживается восторг перед сверхпотреблением, перед богатством и роскошью, то дети будут проиграны и войны будут проиграны»⁹³.

Даже с учетом того факта, что государство продолжает проводить, безусловно, очень важную и нужную активную внутреннюю политику по укреплению в обществе традиционных ценностей, социальной защите широких слоев

населения, поддержке участников СВО и т. д. (вкладка 7).

В заключение отметим, что в дискуссии о том, нужна России идеология или нет, нужна ли «большой стране» «Большая Идея», нам ближе позиция С. Караганова и коллектива экспертов, чье мнение он в целом выражает⁹⁴. Сложно не согласиться с тем, что «большие и великие страны не создаются без больших, ведущих вперед идей, а потеряв их, разваливаются с грохотом»⁹⁵.

Но, чтобы Большая Идея смогла увлечь народные массы, чтобы она могла дать людям ясный и четкий Образ Будущего страны и своей личной жизни в этой стране, а не стать очередным «мертвым проектом», противоречащим реальной действительности и подрывающим, таким образом, доверие между обществом и властью, **эта Большая Идея должна быть не просто сформулирована. Обществу должна быть продемонстрирована реалистичность ее воплощения в жизнь** — в реальных практических шагах по достижению социальной справедливости, преодолению неравенства, личной ответственности чиновников, предполагающей неизбежность наказания за сознательное злоупотребление своим должностным положением. Как пишет А. Школьников, «если общество видит, что движение к стратегическим целям идёт, то начинает поддерживать предлагаемые решения, доверяя лидерам...»⁹⁶

⁹³ Авторская программа Н. Михалкова «Бесогон»: «Лень как двигатель прогресса» (выпуск от 01.08.2025). URL: <https://besogontv.ru/videos/len-kak-dvigatel-progressa/>

⁹⁴ Ю.В. Попков, Н.С. Михалков, Е.В. Панина, К.Г. Шахназаров, А.Г. Дугин, Ф.А. Лукьянов, П.Н. Малютин и др. Все они упоминаются в докладе С. Караганова «Живая идея-мечта России» как люди, на чьи мнения он опирался в своих выводах.

⁹⁵ Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке: доклад в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Июль 2025.

⁹⁶ Школьников А. Соборность определения стратегических целей и задач // Завтра. 17.07.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/sobornost_opredeleniya_strategicheskikh_tcelej_i_zadach?ysclid=mdy5h0cmdr763258073

Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ в период с 22 июня по 18 августа 2025 г.⁹⁷

<p><i>МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ, ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЮ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ</i></p> <p>24 июня — ФЗ № 162 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Межведомственный координационный орган, осуществляющий функции по противодействию финансированию терроризма и экстремистской деятельности, наделается полномочием по принятию решения о замораживании (блокировании) денежных средств или иного имущества организации или физического лица, причастных к диверсионной деятельности (в том числе к финансированию диверсии).</p> <p>7 июля — ФЗ № 196 «О внесении изменений в статьи 3 и 4 Федерального закона „О ветеранах“». Подписан закон о распространении статуса ветерана боевых действий на участников СВО, выполнявших задачи на территориях ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей с момента принятия их в состав РФ.</p> <p>7 июля — ФЗ № 204 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доверенности и завещания граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, приравниваются к нотариально удостоверенным, если они удостоверены командирами воинских частей.</p> <p>7 июля — ФЗ № 212 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Предусматривается предоставление лицам без гражданства права на заключение контракта о прохождении военной службы в Вооружённых силах РФ и воинских формированиях.</p> <p>23 июля — ФЗ № 230 «О внесении изменений в статью 333 части второй Налогового кодекса Российской Федерации». Участники СВО и члены их семей освобождаются от уплаты государственной пошлины при подаче в суд заявлений об установлении фактов, имеющих юридическое значение, о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим.</p>	<p><i>МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ</i></p> <p>24 июня — ФЗ № 156 «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон о создании национального мессенджера включает в себя: подписание документов с использованием электронных подписей различной степени защиты; взаимодействие участников образовательных отношений; предоставление гражданами Российской Федерации сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, при необходимости подтверждения возраста, подтверждения права на льготы и т. д.</p> <p>24 июня — ФЗ № 168 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Подписан закон о защите русского языка. Закон направлен на ограничение использования иностранных слов в публичном пространстве.</p> <p>24 июня — ФЗ № 171 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Ужесточена административная ответственность за невыполнение законных требований должностного лица Минюста или его территориального органа, а также за воспрепятствование выполнению им служебных обязанностей. Увеличен штраф за отсутствие маркировки материалов иностранных агентов — организаций (с 10 до 30 тыс. руб.). При совершении правонарушений за рубежом иностранных агентов можно заочно привлечь к административной ответственности за несоблюдение требований к их деятельности. Должностные лица Минюста могут проводить административное расследование при нарушении порядка деятельности иностранного агента.</p>
---	---

⁹⁷ Вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который ведется с июня 2022 г. (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

24 июня – ФЗ № 173 «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации». Устанавливается уголовная ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершённые публично.

11 июля – Указ № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». Установлены основы государственной языковой политики России. Закон предполагает внедрение единой методологии преподавания русского языка и литературы при реализации основных общеобразовательных программ; создание единой линейки учебников и учебных пособий по русскому языку, литературе и литературному чтению; повышение квалификации государственных и муниципальных служащих по дополнительным профессиональным программам, способствующим повышению уровня владения русским языком; комплексную систему оценки уровня языковой адаптации прибывающих в Россию иностранцев; алфавиты языков народов России на основе кириллицы; единую линейку учебников по государственному языку республик России и единую методологию их преподавания; единую систему тестирования по русскому языку как иностранному.

23 июля – ФЗ № 215 «О внесении изменений в статьи 4 и 16 Закона Российской Федерации „О средствах массовой информации“ и статьи 1 и 9 Федерального закона „О противодействии экстремистской деятельности“». Уточняется понятие «экстремистская организация», которой также признаётся экстремистское сообщество на основании вступившего в законную силу обвинительного приговора по уголовному делу в отношении лица за создание такого сообщества, руководство им или участие в нём. Деятельность такого сообщества будет подлежать запрету. Сообщество вносится в перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими. Также внесены изменения, уточняющие ответственность за организацию и участие в деятельности экстремистских организаций (ФЗ № 216) и уточнена ответственность за нарушение требований о распространении информации об экстремистских и террористических организациях (ФЗ № 217).

23 июля – ФЗ № 247 «О внесении изменений в статью 2434 Уголовного кодекса Российской Федерации». Устанавливается уголовная ответственность за осквернение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвящённых дням воинской славы России.

***МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ,
УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ***

24 июня – ФЗ № 176 «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации». Установлена уголовная ответственность за совершённую из корыстной заинтересованности передачу другому лицу электронного средства платежа и (или) доступа к нему для осуществления неправомерных операций, а также за осуществление неправомерных операций с использованием такого средства платежа по указанию другого лица и (или) в его интересах.

23 июля – ФЗ № 249 «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственных пособиях гражданам, имеющим детей“». С 1 сентября 2025 г. повышен размер пособия по беременности и родам женщинам, обучающимся по очной форме обучения, до величины прожиточного минимума трудоспособного населения, установленной в субъекте Российской Федерации по месту их жительства.

В этом смысле идеология, обязательная для властвующих элит, представляется вполне разумным тактическим шагом в деле реализации более глобальной стратегической задачи — формирования в России нового Общественного договора... Дело не только в формулировках и не только в «интеллектуальных усилиях» (как пишет А. Дугин) представителей экспертного сообщества, **а прежде всего в усилиях политической воли со стороны Президента и партии власти.**

«Предстоит масштабная и очень непростая работа. Очевидно, что замена ключевых руководителей в министерствах, ведомствах и на местах должна производиться аккуратно, постепенно, без потрясений и нарушений их функционирования... Предстоит продолжить кропотливую работу по ужесточению ответственности за хищения и коррупцию, по обеспечению неотвратимости наказаний и закрытию всех лазеек для ухода от налогов и вывода капиталов...

Проблема обновления элиты и пути её решения понятны. Дело исключительно за политической волей президента довести начатое до конца»⁹⁸.

«В реальности необходимо осознавать, что сразу, вмиг заменить всю политическую, экономическую и культурную социальную прослойку, доминирующую в России с конца XX века, не удастся... на первом этапе важно поместить нынешний доминирующий социальный слой и всю так называемую „старую элиту“ в строгие рамки новых идеологических и нравственных реалий, жестко контролируя этот процесс»⁹⁹.

И следует отметить, что у главы государства не так много времени для решения этой сложнейшей задачи — завершения процесса внутреннего преобразования страны (прежде всего системы государственного управления, ее кадров).

Потому что даже при достижении долгосрочных договоренностей по урегулированию украинского конфликта (о чем, в частности, сигнализируют ставшие регулярными с начала 2025 года контакты между Россией и США, включая встречу В. Путина и Д. Трампа 15 августа), слишком много признаков¹⁰⁰ указывает на то, что коллективный Запад может предпринять еще одну попытку посягнуть на суверенитет и территориальные границы Российской Федерации. **В тот момент, когда В.В. Путин будет «передавать» страну своему преемнику¹⁰¹.**

⁹⁸ Батчиков С. Время лучших // Изборский клуб. 14.08.2025. URL: <https://izborsk-club.ru/27211?ysclid=megpbnxvos897001134>

⁹⁹ Кассин О. О «политической онкологии» современной «элиты» и мерах её лечения // Завтра. 07.03.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/o_politicheskoy_onkologii_sovremennoj_eliti_i_merakh_eyo_lecheniya?ysclid=mdx0037c62281119492

¹⁰⁰ См., например:

1. «Все усилия этого евроатлантического сообщества сконцентрированы на подготовке к новой войне. И Германия вместе с Францией и Великобританией во главе этого» (выступление С. Лаврова на Антальяском дипломатическом форуме 12 апреля 2025 г. // Официальный сайт МИД РФ. URL: www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/2008763/?ysclid=me5q765lxz256468564).

2. «В публикациях ряда европейских аналитических центров говорится о том, что краткосрочные санкции против РФ уже исчерпали большую часть своего ресурса. Поэтому их эффективность должна смещаться к структурному, долгосрочному ослаблению возможностей России на международной арене. Санкции становятся частью политики по ограничению российских возможностей в энергетике, добывающей и атомной промышленности... Это теперь не просто наказание в контексте украинского кризиса, а инструмент перестройки геополитического баланса в пользу ЕС и сдерживания России на годы вперед» (источник: Об эволюции подхода ЕС к антироссийским санкциям // Независимая газета. 17.07.2025. URL: https://www.ng.ru/editorial/2025-07-17/2_9296_red.html).

¹⁰¹ Согласно действующей Конституции РФ В. Путин может выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах в 2030 году, то есть теоретически речь идет максимум о 2036 годе, что по историческим меркам не такой большой срок.

«Стратегия Запада в отношении России после неудачной попытки нанесения стратегического поражения состоит в том, чтобы **измотать ее в войне экономически и психологически, расширять наше общество, подрывать веру в руководство страны и его политику, вызвав новую смуту**. Противник исходит из того, что его усилия должны **достичь кульминации в период передачи верховной власти**»¹⁰².

Значит, к этому времени страна должна быть готова ко всему; готова внутренне — иметь отлаженный механизм самовоспроизводства кадров системы государственного управления (а не в режиме «ручного управления»); иметь общее и четкое понимание настоящего и будущего между обществом и властью (то, что Ж.Т. Тощенко называет «философией общей судьбы» государства с народом); **иметь одну**, а не две, три или четыре России¹⁰³, по крайней мере, в тот момент, когда этого потребуют условия обеспечения национальной безопасности и защиты национального суверенитета.

Литература

- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Журнал институциональных исследований. № 14 (3). С. 74–90.
- Караганов С. (2025). Живая идея-мечта России. Кодекс россиянина в XXI веке: доклад в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
- Немировский В.Г. (2025). Общественный договор в современной России: реальность или иллюзия? Размышления социолога о монографии Ж.Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» // Уровень жизни населения регионов России. Т. 21. № 2. С. 302–309.
- Радиков И.В. (2019). Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 1 (834). С. 54–75.
- Тощенко Ж.Т. (2025). Общественный договор в современной России: достигнут ли баланс интересов? // Социс. № 2. С. 3–14.
- Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография] / ФНИСЦ РАН; РГГУ. М.: ФНИСЦ РАН. 844 с.
- Тощенко Ж.Т., Кожемяко В.С. (2025). Оборотни во власти: Они убили советскую страну. Москва: Родина. 244 с.

¹⁰² Тренин Д. Эпоха войн: Третья мировая уже началась, но не все это понимают // Профиль. 12.07.2025.

¹⁰³ См., например:

1. «Коллеги из компании „Минченко Консалтинг“ предложили интересную типологию, отражающую изменения в нашем обществе на фоне СВО. По их версии, у нас не одна Россия, а четыре. Первая — воюющая. Вторая — уехавшая. Третья — столичная. Четвертая — „глубинная“» (источник: Гендиректор ВЦИОМ Валерий Федоров в интервью „Российской газете“ — о „четырех Россиях“ и трендах 2023-го // Российская газета. 11.01.2023. URL: <https://rg.ru/2023/01/11/chetyre-rossii-ishchut-sebia.html?ysclid=me5kkog1zm688143615>).

2. «Украинский враг и поддерживающий его коллективный Запад усиленно работают на то, чтобы уничтожить существующую концепцию „двух России“ — „кайфующей“ и „воюющей“... Усуществующей сейчас „тактической программы“ страны, согласно которой одни воюют, а в российских регионах люди живут, как прежде — есть свои плюсы. Если тактика изменится, то „сильно капризная часть населения“, привыкшая жить в шоколаде, „может и возбунтовать“... Нашим ответом на это может стать только одно — превращение нами нашей страны в единую и поддерживаемую народом концепцию воюющей России, усиленно готовящейся к будущим, еще более крупным неприятностям» (источник: Кургиян С. Украина рассчитывает схлопнуть доктрину кайфующей и воюющей России // Программа «Суть времени». 21.09.2024 // Информационное агентство Красная весна. 03.10.2024. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/caa70312https://rossaprimavera.ru/news/caa70312?ysclid=m204snstfk186009988>).

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

What a 30-Year Absence of State Ideology Leads to: “Great Nations Are Not Built Without Great, Guiding Ideas, and Having Lost Them, They Collapse with a Thunderous Crash”

Abstract. This article is the third in a series of editorial publications released in April – August 2025 and dedicated to analyzing expert opinions on the necessity and feasibility of creating an official state ideology in the country. The relevance of this issue is driven, on the one hand, by national security concerns, which have sharply intensified since the start of the special military operation in Ukraine, and on the other hand, by the goals of national development related to the need to define a vision for Russia’s future in the context of the transition from a unipolar to a multipolar world order. A synthesis of expert assessments, facts, statistical data, and monitoring sociological studies, which reflect the state of society and people’s subjective opinions about the situation in the country, leads to the conclusion that one of Russia’s key internal problems is the unsatisfactory quality of its ruling elites. A significant portion of them are unprepared for change, continue to live by the principles of the country’s departing era of “liberal fog”, and in every way, willingly or unwillingly, hinder Russia’s transition to a new stage of historical development, thereby jeopardizing its present and future. In this sense, the ideology proposed by many experts, which would be “mandatory for those who aspire to join the cohort of leaders of the Russian state” (S.A. Karaganov), appears to the authors as a completely logical and necessary step on the part of the President and the ruling political party. As long as there is no clear answer to the question “What kind of state are we building?” at all levels of government, such an answer is also absent among the general public, and as a consequence, people’s real lives often diverge from the public rhetoric of the authorities. The article focuses on the practical possibilities of implementing an ideology that could take on the character of a “philosophy of a common destiny” (Zh.T. Toshchenko) and form the basis of a new Social Contract, the need for which many experts have noted for our country. The authors’ contribution consists of the systematization of expert opinions, statistical data, and public opinion polls covering Russia’s historical development from the late 1990s (from the final years of Boris Yeltsin’s presidency), as well as actual cases of corruption and high treason within the country’s ruling elites (which primarily indicate that many of their representatives cannot be relied upon, as they are guided by personal interests that differ from the interests of the country, state, and society), and the administrative decisions made by the President, the Government, and the State Duma of the Russian Federation in the context of the pressing task of developing an ideology and forming a new Social Contract in Russia.

Key words: ideology, national idea, new Social Contract, public administration effectiveness, special military operation.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin — RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev — Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Экономическое значение неоднородности инновационного развития регионов России в условиях внешних шоков

**Егор Леонидович
ДОМНИЧ**

Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск, Российская Федерация
e-mail: chaosraven@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1379-8053; ResearcherID: GZA-5343-2022

Аннотация. В современных исследованиях подчёркивается роль технологических разрывов и неоднородности инновационного развития в дифференциации уровня и темпов экономического роста. Это актуализирует анализ тенденций схождения и расхождения уровней инновационного развития территорий и выделение в нем особых технологических клубов, в рамках которых регионы развиваются конвергентно. В исследовании систематизированы теоретические и эмпирические подходы к анализу дифференциации экономического развития, понимаемого как результат дифференциации инновационного развития. Разработана методика, позволяющая проанализировать динамику и дифференциацию инновационной активности российских предприятий на длительном интервале развития (2010–2023 гг. с детализацией на 2010–2014, 2015–2018 и 2019–2023 гг.) с учётом изменений в методологии статистического наблюдения. Важной особенностью методики является отслеживание инновационного развития территорий как с точки зрения затрат на инновационную деятельность, так и выпуска инновационных товаров, позволяющее при этом использовать общую экономическую группировку регионов. Выявлены тенденции регионального инновационного развития с точки зрения изменения инновационной активности и её дифференциации в рамках экономических групп регионов, что позволило сформулировать ряд гипотез о взаимосвязи инновационного и экономического развития регионов страны, подлежащих проверке в будущих исследованиях.

Ключевые слова: инновации, инновационная активность, экономическое развитие, конвергенция, дивергенция, внешние шоки, регионы России.

Для цитирования: Домнич Е.Л. (2025). Экономическое значение неоднородности инновационного развития регионов России в условиях внешних шоков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 46–61. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.2

For citation: Domnich Ye.L. (2025). Economic significance of heterogeneity in the innovative development of Russian regions in the context of external shocks. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 46–61. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.2

Введение

Процессы схождения (конвергенции) и расхождения (дивергенции) уровней экономического развития регионов России и зарубежных стран уже несколько десятилетий привлекают внимание исследователей. Тесная связь между технологиями, инновациями и экономическим ростом установлена для регионов европейских стран (Badinger, Tondl, 2003; Basile, 2008; Guastella, Timpano, 2016), Китая (Jimenez-Moro et al., 2023), США (Ó'hUallacháin, 2008) и России (Домнич, 2023; Несытых, 2024). В исследованиях подчёркивается возрастающая роль инновационных и технологических разрывов (gaps) в региональной дивергенции доходов на душу населения и производительности труда (Fagerberg, Verspagen, 1996; Rodríguez-Pose, Crescenzi, 2008; Chapman, Meliciani, 2017). Таким образом, научно-практическая значимость многомерного анализа региональной динамики и межрегиональной дифференциации инновационной активности обуславливается ключевой ролью инноваций в механизме современного экономического роста. В свою очередь, на инновационную активность российских регионов сегодня оказывают колоссальное и нарастающее влияние внешние шоки (Shida, 2019; Li, Li, 2022; Шкодинский и др., 2022; Ленчук, 2023). Необходимо также учитывать частые изменения методологии статистического наблюдения инноваций, а также многоаспектную природу самих инноваций как явления (Домнич, 2024а).

Целью исследования является анализ региональной динамики и дифференциации инновационной активности российских регионов с точки зрения затрат на инновационную деятельность и выпуска инновационных товаров. Задачи исследования предусматривают теоретическое обоснование роли технического прогресса и инноваций в дифференциации темпов экономического развития стран и регионов, обоснование группировки регионов России, учитывающей сравнительный уровень инновационного развития, вычисление показателей инновационной активности и её дифференциации в рамках предложенных групп регионов и экономический анализ выявленных тенденций.

Предмет исследования — пространственная и временная дифференциация инновационной активности российских предприятий в регионах России. Объект исследования включает 81 регион в 2010–2023 гг.¹ с детализацией на три периода: 2010–2014, 2015–2018 и 2019–2023 гг., что обусловлено существенными изменениями в объёмах инновационных затрат и выпуска продукции в эти периоды, а также в методике статистического наблюдения.

Теоретические основы исследования

Экономический рост является необходимым условием конвергенции экономик, поэтому процессы конвергенции анализируются прежде всего в рамках теорий роста. Основным источником роста и сопутствующих процессов конвергенции либо дивергенции в долгосрочной перспективе считается технический прогресс. Теории экономического роста рассматривают роль технического прогресса в этих процессах с разных точек зрения.

В неоклассических моделях роста (Solow, 1956; Swan, 1956) технический прогресс является экзогенным процессом. Предполагается, что технологии и знания выступают общественным благом и все экономики (страны и регионы) имеют к ним доступ. Отсюда предсказывается общерегиональная и общемировая конвергенция траекторий роста, основанная на снижении отдачи от накопления капитала, когда экономики стремятся к общему долгосрочному устойчивому состоянию.

В моделях эндогенного роста (Romer, 1986; Lucas, 1988) технический прогресс возникает внутри экономики за счёт инвестиций в исследования и человеческий капитал. Неодинаковая способность стран и регионов аккумулировать такие ресурсы обуславливает дивергенцию траекторий роста.

В шumpетерианских моделях роста, основанного на инновациях (Romer, 1990; Aghion, Howitt, 1992; Grossman, Helpman, 1994), технический прогресс зависит от накопленного запаса знаний (Coe, Helpman, 1995). Знания рассматриваются как присваиваемые и некон-

¹ Из выборки исключены г. Севастополь, Республика Ингушетия, Республика Крым, Чеченская Республика.

курентные блага, что объясняет возможность возрастающей отдачи от их использования (Castellacci, 2007). Внешние эффекты, возникающие в результате распространения знаний, являются наиболее важным источником устойчивого роста в долгосрочной перспективе (Коо, 2005). Поэтому различия в инновационном потенциале между странами и регионами становятся основной причиной сохраняющихся различий (дивергенции) экономических показателей (Rodriguez-Pose, Crescenzi, 2008).

В шумпетерианской модели роста для нескольких стран (Howitt, 2000) инновации требуют квалифицированных трудовых ресурсов и являются единственным источником технического прогресса. Различаются инновационные страны, осуществляющие исследования и разработки, и неинновационные, где исследования и разработки не осуществляются. Вследствие обмена технологиями инновационные страны образуют клубы, участники которых развиваются конвергентно вдоль параллельных траекторий роста; в то же время неинновационные страны стагнируют. В детализированной модели (Howitt, Mayer-Foulkes, 2005) квалифицированные человеческие ресурсы требуются уже как для инновационной, так и для имитационной деятельности. Соответственно, страны разделены на три группы: инноваторы, имитаторы и стагнирующие. Инноваторы и имитаторы развиваются по сходящейся траектории, но не достигают одинакового уровня производительности. Способность технологически отстающих стран и регионов адаптировать новейшие инновации может быть подорвана оттоком человеческого капитала, препятствуя навёрстыванию разрыва в уровне инновационной активности, производительности и доходов.

Таким образом, в шумпетерианской традиции различия в способности экономик создавать и имитировать инновации рассматривается в качестве важнейшего источника поляризации доходов и формирования клубов конвергенции (Castellacci, 2008). Экономический рост является результатом действия двух противоположных сил: инноваций, которые порождают технологический и экономический разрыв, и имитаций, которые, как правило, сокращают его (Fagerberg, 1987). Технический прогресс может быть как фактором сближения (посред-

ством имитаций), так и расхождения (посредством инноваций) уровней развития (Verspagen, 2010). Технологически отсталые экономики могут использовать свое положение и увеличить темпы роста за счет распространения технологий путем их имитации (Castellacci, 2007; Fagerberg, 1987). Скорость конвергенции или дивергенции при этом зависит от сравнительной инновационной активности в отсталых и передовых экономиках (Fagerberg, 1987).

Поэтому эмпирические исследования направлены, во-первых, на выявление неких технологических клубов стран и регионов, во-вторых, на сравнительный анализ факторов роста и развития таких клубов. Исходя из целей исследования, нас прежде всего интересует первая задача. По нашему мнению, в настоящее время можно выделить два основных подхода к её решению: статический и динамический.

Статическое выделение технологических клубов стран и регионов опирается на методы кластерного и факторного анализа индикаторов науки, технологий, инноваций и образования, а также снижения их размерности. Например, в исследовании (Castellacci, 2008) 149 стран разделены на передовые (19 стран), догоняющие (87 стран) и изолированные экономики (43 страны) на основании кластерного анализа по двум индикаторам: числу научных статей на душу населения («способности создавать инновации») и уровню грамотности («способности усваивать инновации») в 1990 и 2000 годах. В продвинутой версии исследования в клубы с такими же названиями распределена 131 страна на основании двух ортогональных факторов: «технологическая инфраструктура и человеческие навыки» и «создание и распространение кодифицированного знания» (Castellacci, Archibugi, 2008). В свою очередь указанные факторы представляют линейные комбинации следующих восьми индикаторов: патентная и научная активность, доступ к интернету и телефону, потребление электроэнергии, число студентов вузов, обучающихся инженерным и естественнонаучным специальностям, средняя продолжительность школьного обучения и уровень грамотности. Аналогично в работе (Stöllinger, 2013) 142 страны распределены по трём клубам: инноваторы (24 страны), имитаторы (80 стран) и стагнирующие (38 стран) — на основании кластерного анализа по трём индикаторам:

наукоёмкость ВВП, уровень грамотности и средняя продолжительность школьного обучения в 2005–2009 гг.

Региональная детализация национальных экономик позволяет применять для демаркации технологических клубов также инструментарий пространственной эконометрики. Так, на основании анализа пространственных корреляций 30 индикаторов, оценивающих уровень образования, занятость по секторам, уровень безработицы, уровень и темп роста ВВП (ВРП), плотность населения и патенты по отраслям в регионах стран Европейского союза (ЕС) за 1999–2003 гг. показано, что последние образуют пространственную иерархию из четырёх групп: Южная Европа, Восточная Европа и две группы Северной и Западной Европы (Verspagen, 2010).

Динамическая кластеризация технологических клубов опирается на разработанную в (Phillips, Sul, 2007) методологию идентификации сходящихся временных рядов панельных данных. В отличие от статических методов кластеризации, группирующих регионы с помощью априорных критериев, данный подход позволяет делать это эндогенно, выявляя группы на основании неявных (скрытых) факторов, которые определяют сближение траекторий развития внутри каждой из групп. Он основан на сигма-конвергенции панели регионов и моделирует её структуру как нелинейную зависимость, в которой коэффициенты могут изменяться с течением времени (Barrios et al., 2019, p. 1549). Таким образом, выделяются не просто кластеры, а именно конвергентные клубы стран и регионов.

На основании анализа патентной статистики исследования, опирающиеся на методологию (Phillips, Sul, 2007), позволили идентифицировать технологически конвергентные клубы регионов ЕС (Barrios et al., 2019) и Китая (Jimenez-Moro et al., 2023). В обоих случаях доказано отсутствие единой для всех регионов равновесной конвергентной траектории инновационного развития, что противоречит неоклассическим моделям роста, но предсказывается в шумпетерианских моделях. Также показано, что число высокоразвитых регионов-лидеров, развивающихся конвергентно, как в ЕС, так и в Китае весьма невелико. В ЕС в 2002–2012 гг. таких регионов оказалось всего

два в первом по уровню патентной активности клубе (австрийский Форарльберг и нидерландская Зеландия) и шесть во втором по уровню развития клубе (по два региона Германии, Финляндии и Швеции), а в Китае в 1987–2020 гг. — семь восточных регионов (Аньхой, Пекин, Гуандун, Цзянсу, Шаньдун, Шанхай, Чжэцзян), причём состав группы лидеров менялся в 1987–2000, 2000–2010 и 2010–2020 гг.

Сегодня в практике кластеризации регионов России, как инновационно-технологической, так и общеэкономической, преобладает статический многокритериальный подход (Кетова и др., 2021; Бывшев и др., 2024; Вереникин, Вереникина, 2024). Регионы объединяются в группы и кластеры на основании формальных манипуляций над всеми доступными статистическими показателями. В отличие от мейнстримных зарубежных подходов к выделению региональных инновационных клубов (Castellacci, 2008; Verspagen, 2010; Stöllinger, 2013; Barrios et al., 2019; Jimenez-Moro, et al., 2023) группировки российских регионов де-факто не опираются на какую-либо теоретическую базу и, по сути, представляют собой набор статистических артефактов. Кроме того, нередки случаи использования индикаторов науки и технологий, не подходящих для оценки объёма инноваций в российских условиях, таких как число патентов и занятость в научном секторе (Бабурин, Земцов, 2013; Земцов и др., 2015).

Нами идентификация технологических клубов российских регионов выполнена на основании двух важнейших и релевантных индикаторов инноваций (затраты на инновационную деятельность и объём инновационных товаров), а при их группировке использовались приёмы как статической, так и динамической кластеризации.

Методика исследования

В соответствии с поставленными задачами исследование проводилось в два этапа.

На первом этапе были обоснованы специфические индикаторы, временная периодизация и группировка российских регионов для целей исследования.

Инновации определяют качество экономического развития на всех стадиях экономического цикла, поэтому важно проанализировать динамику и дифференциацию инновационной

активности в регионах России как с точки зрения затрат на инновации ($inno_{it}^{input}$), так и выпуска инновационной продукции ($inno_{it}^{output}$), где i — индекс региона, а t — времени. Единственным источником данных об инновационных затратах и выпуске продукции является статистическое наблюдение по форме 4-инновации (Домнич, 2024а; Домнич, 2024б). Оно позволяет оценить индикаторы инновационной активности по затратам и выпуску как, соответственно, отношение затрат на инновационную деятельность zid_{it} ² и объёма отгруженной инновационной продукции oit_{it} ³ к совокупному объёму продукции, отгруженному предприятиями, заполнившими форму 4-инновации $output_{it}$ ⁴:

$$inno_{it}^{input} = zid_{it}/output_{it}; \quad (1)$$

$$inno_{it}^{output} = oit_{it}/output_{it}. \quad (2)$$

Используемые стоимостные индикаторы приведены к сопоставимому виду путем пересчёта в цены 2010 года с применением наиболее релевантных, по мнению автора, дефляторов. Для oit_{it} и $output_{it}$ это индекс цен производителей⁵, а для zid_{it} — индекс цен

² Затраты на инновационную деятельность организаций (с 2010 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Innov-5.xls> (дата обращения 20.02.2025).

³ Объём инновационных товаров, работ, услуг по 2016 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31278> (дата обращения 20.02.2025); Отгружено инновационных товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без НДС, акцизов и других аналогичных платежей) с 2017 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58761> (дата обращения 20.02.2025).

⁴ Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без НДС, акцизов и других аналогичных платежей) организациями промышленного производства и сферы услуг по 2016 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43014> (дата обращения 20.02.2025); Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без НДС, акцизов и других аналогичных платежей) с 2017 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58763> (дата обращения 20.02.2025).

⁵ Индексы цен производителей по видам экономической деятельности по 2011 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40611> (дата обращения 20.02.2024); Индексы цен производителей по видам экономической деятельности с 2012 г. по 2016 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43561> (дата обращения 20.02.2024); Индексы цен производителей по видам экономической деятельности с 2017 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57609> (дата обращения 20.02.2024).

на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения⁶.

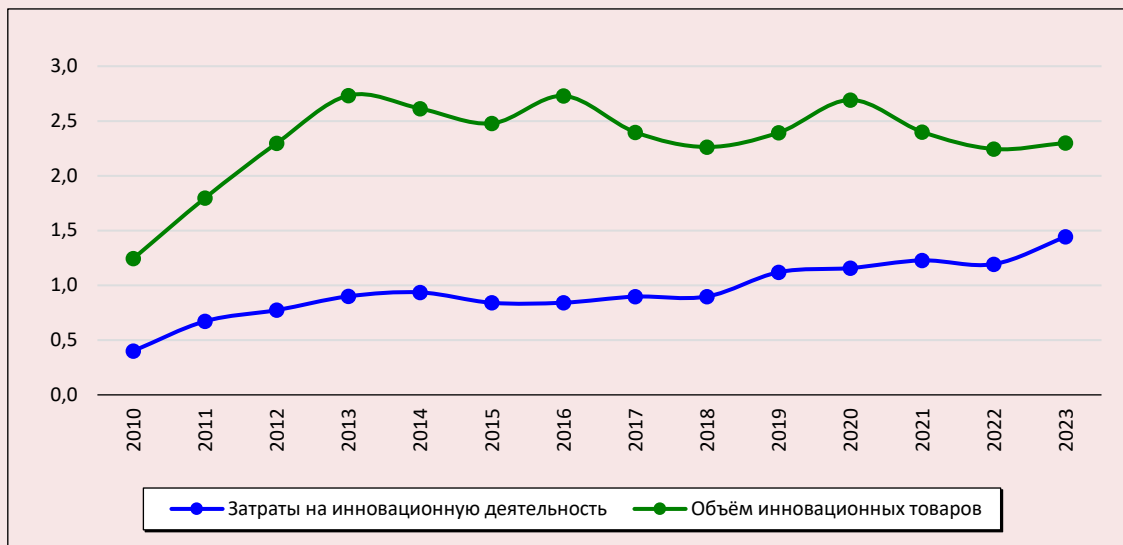
Вопросы периодизации инновационного развития в релевантных исследованиях поднимаются сравнительно редко (Домнич, 2023; Домнич, 2024а). В данном случае она основана на динамике затрат на инновационную деятельность и объёма инновационных товаров в экономике России в 2010–2023 гг. (рис. 1). Эта динамика зависит как от объективных процессов в национальной экономике, так и от изменений в отраслевом охвате статистического обследования по форме 4-инновации⁷. Различаются период роста 2010–2014 гг., период стагнации 2015–2018 гг. и период неоднозначной динамики, обусловленной, в том числе, значительным увеличением числа отраслей, охваченных обследованием, 2019–2023 гг.

Автором разработана экономическая группировка регионов, крупные и средние предприятия которых (согласно результатам обследования по форме 4-инновации) систематически осуществляют инновации (рис. 2). Идея экономической группировки (I1... I6) заключается в выделении таких групп регионов, которые образовывали бы устойчивую во времени иерархию от наиболее развитых регионов к наименее развитым. При этом желательно, чтобы рейтинг регионов по инновационным затратам корреспондировал с их рейтингом по инновационному выпуску, то есть если R_{it} — ранг (место в рейтинге) региона i в момент времени t , то нужно, чтобы $R_{it}^{zid} \approx R_{it}^{oit}$ для любых i и t . Ранжирование по исходным индикаторам zid_{it} и oit_{it} создаст два несопадающих и меняющихся год от года рейтинга, поскольку индикаторы характеризуются невысокой взаимной корреляцией и значительной пространственно-временной дифференциацией (Домнич, 2024б).

⁶ Индексы цен на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения по 2016 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31111> (дата обращения 20.02.2025); Индексы цен на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения с 2017 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57795> (дата обращения 20.02.2025).

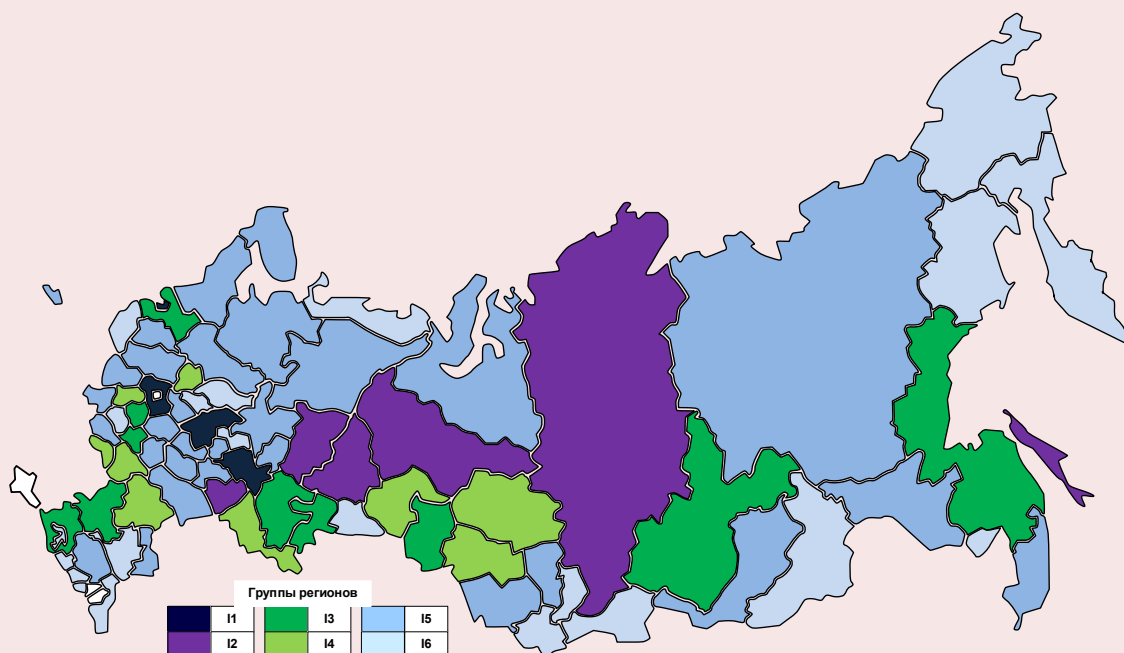
⁷ Подробнее см. (Домнич, 2024). Отметим, что официальную статистику инноваций в стране почти невозможно детализировать в регионально-отраслевом разрезе, поэтому здесь мы используем совокупные по экономике регионов индикаторы.

Рис. 1. Затраты на инновационную деятельность и объём инновационных товаров российских крупных и средних предприятий в ценах 2010 г., трлн руб.

Источник: расчёты автора.

Рис. 2. Экономическая группировка регионов

Источник: составлено автором.

Установлено, что в качестве устойчивого во времени критерия можно использовать среднегодовые за длительный интервал показатели затрат на инновационную деятельность и объёма инновационных товаров. Расчёты за 2010–2020, 2010–2021, 2010–2022 и 2010–2023 гг. свидетельствуют, что для каждого региона среднегодовые значения данных индикаторов остаются приблизительно на одном уровне независимо от того, рассчитан ли показатель за 11, 12, 13 или 14 лет, причём $R_{it}^{zid} = R_{it}^{oit}$ для всех i и t . Это позволило сформировать одинаковый как с точки зрения затрат на инновации, так и выпуска инновационной продукции рейтинг регионов. На его основании было выделено шесть групп, причём группа I1 включает наиболее развитые регионы, а группа I6 – наименее развитые⁸. Выделение групп осуществлялось по принципу максимальной похожести объектов внутри одной группы и максимальной непохожести объектов внутри разных групп.

Группы (I1... I6) не пересекаются по экономическим показателям и сильно отличаются по экономическому весу (табл. 1). В четырёх наиболее развитых (исключая Москву) регионах (группа I1) локализованы четверть национальных затрат на инновационную деятельность и треть объёма инновационных товаров (суммарно за 2010–2023 гг.). Вместе с Москвой на топ-5 регионов приходится около половины российских затрат на инновации и выпуск инновационных товаров. В то же время на долю 21 наи-

менее развитого региона (группа I6) приходится менее 1% национальных затрат на инновационную деятельность и немногим более 1% объёма инновационных товаров.

На втором этапе для каждой группы регионов рассчитаны индикаторы динамики и дифференциации инновационной активности.

Характеристика инновационной динамики в 2010–2014, 2015–2018 и 2019–2023 гг. основана на средних значениях инновационной активности и среднегодовых темпах её прироста в рамках каждой группы и периода. Индикаторы инновационной активности рассчитаны по формулам (1) и (2). Темпы прироста инновационной активности рассчитаны на основании средних геометрических значений темпов роста инновационной активности за период.

Характеристика дифференциации инновационной активности основана на межрегиональной и внутригрупповой вариации инновационной активности. В качестве меры вариации используется коэффициент вариации (CV), что соответствует опыту релевантных исследований (Phillips, Sul, 2007; Markowska, Strahl, 2012). Коэффициент межрегиональной вариации рассчитывается как

$$CV_t = \sigma_t / \overline{inno}_t, \quad (3)$$

где: σ_t – стандартное отклонение;
 \overline{inno}_t – среднее значение инновационной активности $inno_{it}$ всех регионов страны в год t .

Таблица 1. Затраты на инновации и выпуск инновационной продукции по группам регионов в 2010–2023 гг.

Группа регионов	Число регионов	Среднегодовой показатель, млрд руб.		Удельный вес, %	
		Затраты на инновационную деятельность	Объём инновационных товаров	Затраты на инновационную деятельность	Объём инновационных товаров
I1	4	от 50 до 70	от 680 до 980	25,6	33,6
I2	6	от 25 до 36	от 345 до 505	18,7	18,3
I3	10	от 10 до 20	от 150 до 280	16,3	15,6
I4	9	от 5 до 10	от 70 до 120	6,6	9,4
I5	30	от 1 до 5	от 17 до 70	8,9	14,4
I6	21	до 1	до 13	0,7	1,2
г. Москва	1	215	361	22,6	15,4
Источник: рассчитано автором.					

⁸ Подробнее о составе групп регионов см. (Домнич, 2024а; Домнич, 2024б).

Коэффициент внутригрупповой вариации рассчитывается по формуле:

$$CV_t^k = \sigma_t^k / \overline{inno}_t^k, \quad (4)$$

где:

σ_t^k — стандартное отклонение;

\overline{inno}_t^k — среднее значение инновационной активности $inno_{it}$ регионов группы k в год t .

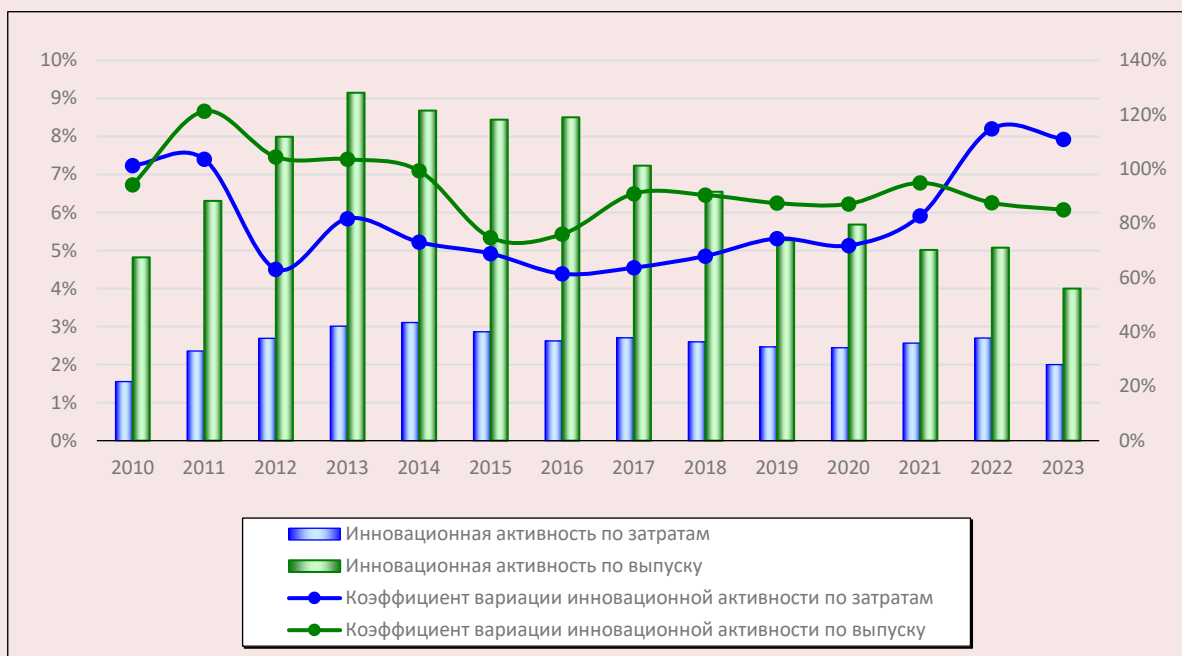
Значения коэффициента вариации, превышающие 33%, считаются высокими. Конвергенция (сходимость) показателей имеет место при $CV_{t+T} < CV_t$, а дивергенция (расходимость) — при $CV_{t+T} > CV_t$, где T — некоторый период времени (Глущенко, 2012, с. 26). В качестве меры изменения вариации используются среднегодовые темпы её прироста, рассчитанные на основании средних геометрических значений темпов роста инновационной активности за период.

Результаты исследования включают обнаруженные объективные тенденции, а также научные гипотезы, подлежащие проверке в ходе будущих изысканий.

Результаты исследования

Инновационная активность российских предприятий последовательно увеличивалась только в досанкционный период 2010–2014 гг. как с точки зрения инновационных затрат, так и выпуска инновационной продукции (рис. 3). Инновационная активность по затратам в это время выросла с 1,5 до 3%, а инновационная активность по выпуску — с 5 до 8,5%. В 2015–2018 гг. внешние шоки отразились в стагнации инновационной активности по затратам на уровне около 2,5% и инновационной активности по выпуску на уровне 6,5–7,5%. Значительное расширение отраслевого охвата статистического наблюдения по форме 4-инновации в 2019–2023 гг., позволившее Росстату удерживать официальные значения абсолютных показателей инноваций на прежнем уровне, в то же время обусловило заметное проседание инновационной активности, в том числе по затратам до 2–2,5% и по выпуску до 5,5–6,5%. Таким образом, исследуемые периоды значительно отличаются как с точки зрения абсолютных, так и относи-

Рис. 3. Инновационная активность (левая шкала) и коэффициенты её вариации (правая шкала) в регионах России* в 2010–2023 гг., %

*Из выборки регионов исключены г. Москва, г. Севастополь, Республика Ингушетия, Республика Крым, Чеченская Республика.

Источник: рассчитано автором.

тельных индикаторов инноваций. Наибольшая среднегодовая инновационная активность по затратам и выпуску фиксируется в 2015–2018 гг., наименьшая — в 2019–2023 гг., в то время как начальный отрезок 2010–2014 гг. занимает промежуточное положение.

Анализ динамики инновационной активности в разрезе экономической группировки регионов позволяет сделать вывод об исключительной роли нескольких наиболее развитых из них (группа I1) в формировании инновационного ландшафта страны (табл. 2). Это единственная группа регионов, инновационная активность которой стабильно превышает не только среднероссийскую, но и московскую как по затратам на инновационную деятельность, так и по объёму инновационных товаров. Выйдя в 2015–2018 гг. на уровень 4% по первому показателю и 14% по второму, группа I1 незначительно откатилась вниз в 2019–2023 гг., тогда как все прочие регионы, включая Москву, в этот период заметно снизили статистически наблюдаемую инновационную активность. В том числе инновационная активность по выпуску в Нижегородской области в течение 2010–2023 гг. не опускалась ниже 10%, а в Республике Татарстан — ниже 15%. Иными словами, группа регионов I1 представлена неоспоримыми и стабильными лидерами, которые располагаются исключительно в европейской части страны, специализируются на отдельных отраслях обрабатывающей промышленности и поддерживаются за счёт государственных оборонных заказов.

Инновационная активность группы I2 уже сопоставима со среднероссийской, заметно уступает уровню Москвы и сильно проседает в

2019–2023 гг. Однако и в этой группе регионы способны поддерживать высокие показатели несколько лет. Так, инновационная активность по выпуску Сахалинской области в 2011–2014 гг. колебалась в интервале 54–60%, заметно возвышая регион над всеми прочими и обеспечивая всему Дальнему Востоку лидирующие позиции в течение досанкционного периода. Инновационная активность по выпуску Самарской области в течение 2010–2018 гг. не опускалась ниже 14%, а Пермского края в 2016–2020 гг. — ниже 11%. Таким образом, назвать эту группу чистыми «имитаторами» в русле мейнстримного подхода к классификации регионов (Fagerberg, 1987; Castellacci, 2007; Verspagen, 2010; Stöllinger, 2013) было бы чрезмерным упрощением реальной ситуации. Скорее, это лидеры, отраслевая структура инноваций которых более диверсифицирована (по сравнению с группой I1), в том числе за счёт добывающих производств (Красноярский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Сахалинская область).

В группе I3 оказались десять регионов-середняков, инновационная активность которых примерно соответствует среднему по стране уровню. В отличие от более развитых первых двух групп регионы этой группы разбросаны по всей стране — от Ленинградской области на северо-западе до Хабаровского края на востоке и Краснодарского края на юге. Они также располагают оборонными предприятиями, однако гораздо более скромная производственная база, чем у регионов групп I1 и I2, не позволяет им привлекать значительные по объёму и продолжительные по сроку реализации инвестиции из федерального бюджета. Стабильно высокую

Таблица 2. Инновационная активность регионов, %

Группа регионов	По затратам на инновационную деятельность			По объёму инновационных товаров		
	2010–2014	2015–2018	2019–2023	2010–2014	2015–2018	2019–2023
I1	3,5	4,1	4,1	13,5	13,9	11,2
I2	2,9	3,2	2,4	9,1	7,0	4,8
I3	2,9	2,4	2,5	5,2	7,1	5,0
I4	1,8	1,8	1,4	4,0	7,8	5,7
I5	1,4	1,1	0,8	4,7	5,0	4,1
I6	0,7	0,5	0,4	3,0	2,4	1,5
г. Москва	3,3	3,6	3,3	9,2	8,5	3,4
Россия кроме г. Москвы	2,6	2,7	2,3	7,5	7,6	5,2

Источник: рассчитано автором.

инновационную активность по выпуску (не менее 9%) демонстрировали предприятия Липецкой области в 2010–2017 гг., Тульской области в 2011–2022 гг. (не менее 8%) и Хабаровского края в 2013–2022 гг. (не менее 10%).

Важнейшей спецификой инновационного развития трёх наиболее развитых групп регионов (I1, I2, I3) является его оторванность от регионального экономического развития как такового. Здесь располагаются мощнейшие инновационные предприятия оборонных и ресурсных отраслей, образующие технологические анклавы внутри региональных экономик. Есть основания полагать, что шumpетерианские модели роста и конвергенции (Aghion, Howitt, 1992; Howitt, 2000; Howitt, Mayer-Foulkes, 2005) неприменимы к регионам, где сосредоточен основной пул российских инноваций (в стоимостном выражении). В топ-20 регионах не действует также обычный механизм наращивания инновационной активности посредством инвестирования в исследование и эксплуатацию технологий, что отличает их от 60 наименее развитых регионов (группы I4, I5 и I6) (Домнич, 2024b).

Выдвинем гипотезу, что только в наименее развитых регионах (группы I4, I5, I6) инновационная активность может и должна рассматриваться во взаимосвязи с экономическим развитием, в том числе как фактор его волатильности. Их инновационное развитие в зеркале официальной статистики определяется главным образом предприятиями обрабатывающей промышленности гражданского назначения, а в аграрных регионах также деятельностью сельскохозяйственных предприятий начиная с 2016 года. Группы I4, I5 и I6 заметно

отличаются друг от друга по уровню инновационной активности. Инновационная активность по затратам и выпуску в группе I5 в два раза выше, чем в группе I6, а в группе I4 — в полтора раза выше, чем в группе I5. Таким образом, несмотря на незначительный удельный вес этих трёх групп в национальном пуле инноваций, каждая из них может обладать выраженной спецификой осуществления инновационной деятельности, а потому иметь самостоятельную ценность с точки зрения экономического анализа. При этом низкие значения абсолютных стоимостных объёмов индикаторов инноваций не означают низкой инновационной активности. Например, инновационная активность по выпуску в Республике Мордовии в 2010–2022 гг. не опускалась ниже 21%, что является недостижимым даже для Москвы.

Более развитые регионы обладают значимыми преимуществами над менее развитыми также с точки зрения сравнительной динамики инновационной активности (табл. 3). В досанкционные 2011–2014 гг. наибольшие среднегодовые темпы прироста инновационной активности по затратам демонстрировали г. Москва и регионы групп I1 и I2, а инновационной активности по выпуску — г. Москва и регионы групп I1, I2 и I3. В то же время инновационная активность в регионах группы I6 в досанкционные годы в среднем уменьшалась. Тем не менее в периоды, связанные с санкционным шоком, наибольшие среднегодовые темпы прироста инновационной активности отмечаются в менее развитых регионах: группе I4 (инновационная активность по выпуску в 2015–2018 гг.) и I6 (инновационная активность по затратам в 2019–2023 гг.). Можно предполо-

Таблица 3. Среднегодовой темп прироста инновационной активности, %

Группа регионов	По затратам на инновационную деятельность			По объёму инновационных товаров		
	2011–2014	2015–2018	2019–2023	2011–2014	2015–2018	2019–2023
I1	32,2	-3,5	-1,6	10,9	-2,8	-7,5
I2	25,6	-7,6	-2,7	24,3	-10,8	-12,6
I3	-3,7	-2,6	6,1	14,8	-0,01	-2,3
I4	17,8	-11,3	0,05	-3,4	20,6	-12,2
I5	6,3	-4,8	-6,1	9,6	-5,2	-4,2
I6	-13,6	-4,3	11,3	-9,5	-7,8	-1,1
г. Москва	45,4	-2,6	1,3	83,5	-27,6	9,7
Россия, кроме г. Москвы	18,9	-4,4	1,1	15,8	-6,8	-6,3

Источник: рассчитано автором.

жить, что именно в периоды нарастания внешних шоков менее развитые регионы получают возможность увеличить свой инновационный потенциал, в то время как наиболее развитые в это время сохраняют лидирующие позиции во многом по инерции.

Сравнительный анализ динамики двух индикаторов инновационной активности позволяет идентифицировать пространственно-временные сегменты, где инновационная активность по затратам и инновационная активность по выпуску изменялись в противоположном направлении относительно друг друга. Здесь следует указать на динамику в группах I3 в 2011–2014 и 2019–2023 гг., I4 в 2011–2014, 2015–2018 и 2019–2023 гг., и I6 в 2019–2023 гг. Наличие таких пространственно-временных сегментов может объясняться двумя причинами. Первая — осуществление инновационной деятельности в условиях ограниченной производственной базы, когда освоение инноваций текущего года возможно лишь за счёт сокращения выпуска инновационных товаров, внедрённых 2–3 года назад. Вторая — два индикатора инноваций описывают инновационные процессы на различных предприятиях: часть предприятий осуществляет преимущественно затраты на инновационную деятельность, тогда как другие предприятия выпускают инновационную продукцию без статистически заметных затрат.

При этом в группах I1, I2 и I5, а также в г. Москве индикаторы инновационной активности всегда изменялись согласованно друг с другом, одновременно росли либо снижались в течение всего периода 2011–2023 гг. Отсюда уместно предположить, что согласованность динамики инновационных затрат и выпуска

определяется отраслевой специализацией и отраслевой диверсификацией регионального портфеля инноваций. Можно сформулировать гипотезу, что инновационные процессы в наиболее развитых регионах (г. Москва, группы I1 и I2), а также в группе I5 отличаются большим единообразием с точки зрения отраслевой структуры и механизмов реализации, чем в группах I3, I4, I6.

Дифференциация инновационной активности в регионах страны характеризуется высокими значениями коэффициента вариации, который для инновационной активности по затратам не опускался ниже 60%, а для инновационной активности по выпуску — ниже 75% в течение всего периода 2010–2023 гг. (см. рис. 3). Вариация инновационной активности по выпуску всегда была выше вариации инновационной активности по затратам за исключением 2010 и 2022 годов. В среднем по всем регионам, исключая г. Москву, вариация инновационной активности по затратам была минимальной в 2015–2018 гг., а максимальной — в 2019–2023 гг. (табл. 4). В отличие от этого вариация инновационной активности по выпуску была максимальной в досанкционные 2010–2014 гг., снизилась в 2015–2018 гг. и осталась в среднем на том же уровне в 2019–2023 гг.

Коэффициент вариации инновационной активности имеет выраженную тенденцию к увеличению при движении от более развитых регионов к менее развитым. По итогам 2019–2023 гг. наименьшая дифференциация инновационной активности как по затратам, так и по выпуску фиксируется в группе регионов I1, а наибольшая — в группе I6. В группе регионов I1 в 2010 – 2014 и 2015 – 2018 гг. вариация инновационной активности была меньше 33%,

Таблица 4. Среднегодовой коэффициент вариации инновационной активности, %

Группа регионов	По затратам на инновационную деятельность			По объёму инновационных товаров		
	2010–2014	2015–2018	2019–2023	2010–2014	2015–2018	2019–2023
I1	29,4	27,9	52,2	28,4	30,0	38,5
I2	57,1	33,8	51,6	185,7	96,5	80,3
I3	67,2	50,3	84,3	73,8	76,1	84,2
I4	106,6	64,4	69,3	88,9	62,3	63,0
I5	104,4	107,0	163,1	132,6	126,3	122,5
I6	179,6	96,3	310,8	128,2	130,9	142,5
Россия, кроме г. Москвы	85,7	66,8	92,5	105,0	80,5	80,6

Источник: рассчитано автором.

т. е. не могла считаться высокой. В то же время в группе I6 вариация инновационной активности по затратам в 2010–2014 гг. составляла 180%, а в 2019–2023 гг. – 312%, что говорит о чрезвычайно высокой волатильности индикатора в рамках группы. Это означает, что в менее развитых регионах реализуется большее разнообразие траекторий инновационного развития, чем в более развитых (Aghion, Howitt, 1992; Howitt, 2000; Howitt, Mayer-Foulkes, 2005). Отсюда можно выдвинуть гипотезу, что роль инноваций в дифференциации темпов и уровня экономического развития выше в менее развитых регионах России, чем в более развитых. Эконометрическая проверка этой гипотезы в настоящее время затруднена вследствие ряда статистических ограничений.

Коэффициент вариации инновационной активности по затратам отличается от вариации инновационной активности по выпуску существенно большей волатильностью как в сторону увеличения (дивергенции), так и уменьшения (конвергенции; табл. 5). При этом тенденции изменения вариации двух индикаторов инновационной активности в среднем по регионам в 2011–2023 гг. были противоположными. Вариация инновационной активности по затратам снижалась (имела место конвергенция) в 2011–2014 и 2015–2018 гг., а увеличивалась (происходила дивергенция) в 2019–2023 гг. Напротив, вариация инновационной активности по выпуску в среднем по регионам страны незначительно увеличивалась в 2011–2014 гг., а снижалась в 2015–2018 и 2019–2023 гг.

Получается, что наши выводы о конвергенции (дивергенции) инновационного развития и далее о факторах конвергенции (диверген-

ции) экономического развития могут быть прямо противоположными в зависимости от выбора индикатора инновационной активности. В связи с этим можно сформулировать последнюю гипотезу: результаты ключевых мейнстримных работ по выявлению региональных технологических клубов (Fagerberg, 1987; Castellacci, 2007; Verspagen, 2010; Stöllinger, 2013) фактически невоспроизводимы при использовании другого набора статистических индикаторов науки, технологий, инноваций и образования.

Эта проблема особенно наглядна, если проанализировать динамику коэффициента вариации инновационной активности по отдельным группам регионов. В 2011–2014 гг. среднегодовой отрицательный прирост инновационной активности по затратам в группе I1 был весьма значительным: -18,4%, тогда как конвергенция инновационной активности по выпуску – не более -2% в год. Схожие противоречивые выводы можно сделать о конвергенции инновационной активности в 2011–2014 гг. в группах I3 и I4 и в 2015–2018 гг. в группе I6. Аналогично этому, дивергенция инновационной активности по затратам была значительно выше, чем дивергенция инновационной активности по выпуску в 2011–2014 гг. в группе I6, в 2015–2018 гг. в группах I1 и I3 и в 2019–2023 гг. в группах I5 и I6. В ряде пространственно-временных сегментов динамика коэффициента вариации одного индикатора инновационной активности указывает на конвергенцию инновационного развития, тогда как другого – на дивергенцию. Это, например, группа I2 в 2011–2014 и 2019–2023 гг., группа I3 в 2019–2023 гг., группа I5 в 2011–2014 и 2015–2018 гг. и группа I6 в 2015–2018 гг.

Таблица 5. Среднегодовой темп прироста коэффициента вариации инновационной активности, %

Группа регионов	По затратам на инновационную деятельность			По объёму инновационных товаров		
	2011–2014	2015–2018	2019–2023	2011–2014	2015–2018	2019–2023
I1	-18,4	21,1	12,4	-1,9	1,3	12,9
I2	-2,8	-8,4	5,6	12,6	-15,6	-5,5
I3	-21,7	13,0	3,3	-1,4	8,3	-7,7
I4	-12,6	0,2	-0,4	-3,2	-4,0	-8,5
I5	14,2	-4,3	22,9	-5,7	4,6	1,6
I6	43,6	-29,4	66,7	6,7	0,2	1,4
Россия, кроме г. Москвы	-7,8	-1,8	13,6	1,3	-2,3	-0,9

Источник: рассчитано автором.

Выявленные в ходе исследования проблемы и противоречия, а также сформулированные на их основе гипотезы определяют потенциал дальнейшей работы в области экономического анализа взаимосвязи инновационной и экономической динамики.

Заключение

В современной экономике инновации являются важнейшим фактором экономической динамики, во многом определяя сравнительный уровень экономического развития стран и регионов. Поэтому сравнительный анализ динамики и дифференциации инновационной активности в регионах страны обладает значительной актуальностью, в особенности на длительных временных интервалах. Но здесь исследователи часто сталкиваются с ограничениями статистического и методологического характера.

В исследовании предложена методика, позволяющая преодолеть статистические ограничения, связанные с изменением отраслевого охвата по форме 4-инновации, и проанализировать динамику и дифференциацию инновационной активности в регионах России в 2010–2023 гг. Методика сводится к сравнительному анализу альтернативных показателей инновационной активности (по затратам и по выпуску), а также их коэффициентов вариации в рамках исторически значимых временных периодов (2010–2014, 2015–2018 и 2019–2023 гг.) и непротиворечивой группировки регионов, основанной на экономических возможностях каждого из них. Группировка регионов основана на среднегодовых значениях индикаторов затрат на инновационную деятельность и объёма инновационных товаров (г. Москва вынесен за рамки группировки). Выделено 6 (I1...I6) устойчивых во времени групп регионов, где группа I1 соответствует наиболее развитым регионам (с наибольшими среднегодовыми затратами на инновации и объёмом инновационных товаров), а I6 — наименее развитым (с наименьшими среднегодовыми значениями индикаторов инноваций).

Установлено, что лишь г. Москва и самые развитые регионы (группа I1) способны обеспечивать высокий и устойчивый на протяжении длительного интервала уровень инновационной активности. В прочих группах инновационная активность чувствительна

к внешним шокам и изменению отраслевого охвата статистического наблюдения, что выражается в значительном снижении инновационной активности по затратам и выпуску в 2019–2023 гг. Лишь наиболее развитые регионы (группы I1, I2, I3) могли обеспечивать значительные положительные темпы прироста инновационной активности в досанкционный период 2010–2014 гг. В то же время в периоды, связанные с внешними шоками (2015–2018 и 2019–2023 гг.) последовательное и значительное увеличение инновационной активности могло наблюдаться только в менее развитых (группы I4 и I6) регионах. Выявлены пространственно-временные сегменты, в рамках которых инновационная активность по затратам и инновационная активность по выпуску изменялись в противоположном направлении. Такие сегменты установлены только для сравнительно менее развитых регионов (группы I3, I4, I5, I6), тогда как в наиболее развитых регионах (г. Москва, группы I1 и I2) динамика двух индикаторов инновационной активности характеризуется положительной корреляцией.

Установлено, что коэффициент вариации инновационной активности в регионах страны, за исключением наиболее развитых (группа I1), значительно превышал 33% в течение всего периода 2010–2023 гг., что свидетельствует о высокой неоднородности инновационного развития территорий. Вариация инновационной активности по выпуску, как правило, выше вариации инновационной активности по затратам; тенденции их изменения разнонаправленные. Волатильность коэффициента вариации инновационной активности по затратам заметно больше волатильности коэффициента вариации инновационной активности по выпуску. Коэффициент вариации инновационной активности ниже в наиболее развитых и выше в наименее развитых регионах.

На основании установленных фактов сформулированы гипотезы, подлежащие проверке в будущих исследованиях. В целом они постулируют принципиальную несопоставимость наиболее развитых (группы I1, I2, I3) и наименее развитых (группы I4, I5, I6) регионов с точки зрения структурных характеристик и взаимного влияния экономического и инновационного развития. Предполагается, что только

в наименее развитых регионах инновационная активность может рассматриваться во взаимосвязи с экономическим развитием, в том числе как фактор его волатильности. В периоды усиливающегося санкционного давления менее развитые регионы получают возможность увеличить свой инновационный потенциал, в то время как последовательное инновационное развитие наиболее развитых регионов было возможно только в досанкционный период. Инновационные процессы в наиболее развитых регионах отличаются большим единообразием с точки зрения отраслевой структуры и механизмов реализации, чем в наименее развитых. Роль инноваций в дифференциации темпов и уровня

экономического развития выше в менее развитых регионах, чем в более развитых.

Научное значение полученных результатов связано с перенесением дискуссии о технологических клубах регионов и взаимосвязи их инновационного и экономического развития на российскую почву. Результаты исследования открывают широкие возможности для дальнейших изысканий в этой области в русле мейнстримного анализа регионального инновационного развития. Здесь можно указать на две генеральные линии такого анализа: уточнение и иерархический анализ состава технологических региональных клубов, а также сравнительный анализ их факторов роста и развития.

Литература

- Бабурин В.Л., Земцов С.П. (2013). География инновационных процессов в России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 5. С. 25–32.
- Бывшев В.И., Пантелеева И.А., Писарев И.В. (2024). Дифференциация субъектов Российской Федерации для реализации региональной научно-технологической и инновационной политики // Экономика региона. Т. 20. № 3. С. 702–717. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-7>
- Вереникин А.О., Вереникина А.Ю. (2024). Потенциал цифровой трансформации: рейтинг регионов РФ // Экономика региона, Т. 20. № 4. С. 1008–1025. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-4-3>
- Глушенко К.П. (2012). Мифы о бета-конвергенции // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4. С. 26–44. URL: <https://www.econorus.org/repec/journal/2012-16-26-44r.pdf>
- Домнич Е.Л. (2024a). Видовая структура и региональные пропорции затрат на инновационную деятельность в экономике России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 133–150. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.7
- Домнич Е.Л. (2024b). Исследование и эксплуатация технологий как способы обучения инновациям в регионах России: нелинейные взаимодействия // Пространственная экономика. Т. 20. № 4. С. 77–107. URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.4.077-107>
- Домнич Е.Л. (2023). Экономические эффекты технологических инноваций в обрабатывающей промышленности России и Дальнего Востока // Пространственная экономика. Т. 19. № 4. С. 84–116. URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.4.084-116>
- Земцов С.П., Бабурин В.Л., Барина В.А. (2015). Как измерить неизмеримое? Оценка инновационного потенциала регионов России // Креативная экономика. № 1 (97). С. 35–52.
- Кетова К.В., Касаткина Е.В., Вавилова Д.Д. (2021). Кластеризация регионов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития с использованием методов машинного обучения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 70–85. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.4
- Ленчук Е.Б. (2023). Технологическая модернизация как основа антисанкционной политики // Проблемы прогнозирования. № 4 (199). С. 54–66. DOI: 10.47711/0868-6351-199-54-66
- Несытых К.Ю. (2024). Инновационное и технологическое развитие регионов обрабатывающей промышленности: оценка конвергенции индустриального пространства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. Т. 18. № 3. С. 191–198. DOI: 10.14529/em240314
- Шкодинский С.В., Кушнир А.М., Продченко И.А. (2022). Влияние санкций на технологический суверенитет России // Проблемы рыночной экономики. № 2. С. 75–96. DOI: 10.33051/2500-2325-2022-2-75-96
- Aghion P., Howitt P. (1992). A model of growth through creative destruction. *Econometrica*, 60(2), 323–351. DOI:10.2307/2951599

- Badinger H., Tondl G. (2003). Trade, human capital and innovation: The engines of European regional growth in the 1990s. In: Fingleton B. (Ed.). *European Regional Growth. Advances in Spatial Science*, Berlin: Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-662-07136-6_8
- Barrios C., Flores E., Martínez M.Á. (2019). Club convergence in innovation activity across European regions. *Papers in Regional Science*, 98(4), 1545–1565. DOI: <https://doi.org/10.1111/pirs.12429>
- Castellacci F. (2007). Evolutionary and new growth theories. Are they converging? *Journal of Economic Surveys*, 21(3), 585–627. DOI: 10.1111/j.1467-6419.2007.00515.x
- Castellacci F. (2008). Technology clubs, technology gaps and growth trajectories. *Structural Change and Economic Dynamics*, 19(4), 301–314. DOI: 10.1016/j.strueco.2008.07.002
- Castellacci F., Archibugi D. (2008). The technology clubs: The distribution of knowledge across nations. *Research Policy*, 37(1), 1659–1673. DOI: 10.1016/j.respol.2008.08.006
- Chapman S., Meliciani V. (2017). Behind the pan-European convergence path: The role of innovation, specialisation and socio-economic factors. *Growth and Change*, 48(1), 61–90. DOI: 10.1111/grow.12148
- Coe D.T., Helpman E. (1995). International R & D spillovers. *European Economic Review*, 39(5), 859–887. DOI: 10.1016/0014-2921(94)00100-e
- Fagerberg J. (1987). A technology gap approach to why growth rates differ. *Research Policy*, 16(2-4), 87–94. DOI: 10.1016/0048-7333(87)90025-4
- Fagerberg J., Verspagen B. (1996). Heading for divergence? Regional growth in Europe reconsidered. *Journal of Common Market Studies*, 34(3), 431–448. DOI: 10.1111/j.1468-5965.1996.tb00580.x
- Grossman G.M., Helpman E. (1994). Endogenous innovation in the theory of growth. *Journal of Economic Perspectives*, 8(1), 23–44. DOI: 10.1257/jep.8.1.23
- Guastella G., Timpano F. (2016). Knowledge, innovation, agglomeration and regional convergence in the EU: Motivating place-based regional intervention. *Review of Regional Research*, 36, 121–143. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10037-015-0104-x>
- Howitt P. (2000). Endogenous growth and cross-country income differences. *American Economic Review*, 90(4), 829–884. DOI: 10.1257/aer.90.4.829
- Howitt P., Mayer-Foulkes D. (2005). R&D, implementation, and stagnation: A Schumpeterian theory of convergence clubs. *Journal of Money, Credit and Banking*, 37(1), 147–177. Available at: <https://www.jstor.org/stable/3838941>
- Jimenez-Moro E., Piperopoulos P., Kafourous M., Ming A., Au. A. (2023). Innovation dynamics and club convergence in innovation activity in China: A temporal perspective. *Papers in Regional Science*, 102(5), 791–816. DOI: <https://doi.org/10.1111/pirs.12750>
- Koo J. (2005). Agglomeration and spillovers in a simultaneous framework. *Annals of Regional Science*, 39, 35–47. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-004-0210-0>
- Li Z., Li T. (2022). Economic sanctions and regional differences: Evidence from sanctions on Russia. *Sustainability*, 14(10), 6112. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14106112>
- Lucas R. (1988). On the mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*, 22(1), 3–42. DOI: 10.1016/0304-3932(88)90168-7
- Markowska M., Strahl D. (2012). Evaluation of the European Union regions convergence regarding innovation. *Argumenta Oeconomica*, 28(1), 41–61.
- Ó'hUallacháin B. (2008). Regional growth transition clubs in the United States. *Papers in Regional Science*, 87(1), 33–53. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2007.00151.x
- Phillips P.C., Sul D. (2007). Transition modeling and econometric convergence test. *Econometrica*, 75(6), 1771–1855. DOI: 10.1111/j.1468-0262.2007.00811.x
- Rodríguez-Pose A., Crescenzi R. (2008). Research and development, spillovers, innovation systems, and the genesis of regional growth in Europe. *Regional Studies*, 42(1), 51–67. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343400701654186>
- Romer P.M. (1986). Increasing returns and long run growth. *Journal of Political Economy*, 94(5), 1002–1036. DOI: 10.1086/261420
- Romer P.M. (1990). Endogenous technical change. *Journal of Political Economy*, 98(5), S71–S102. DOI: 10.1086/261725
- Shida Y. (2019). Russian business under economic sanctions: Is there evidence of regional heterogeneity? *Post-Communist Economies*, 1-21. DOI: 10.1080/14631377.2019.1659567

- Solow R.M. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 70(1), 65–94. DOI: 10.2307/1884513
- Stöllinger R. (2013). International spillover in a world of technology clubs. *Structural Change and Economics Dynamics*, 27, 19–35. DOI: 10.1016/j.strueco.2013.06.004
- Swan T.W. (1956). Economic growth and capital accumulation. *Economic Record*, 32(2), 334–361. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-23807-9_17
- Verspagen B. (2010). The spatial hierarchy of technological change and economic development in Europe. *The Annals of Regional Science*, 45(1), 109–132. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-009-0293-8>

Сведения об авторе

Егор Леонидович Домнич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: chaosraven@yandex.ru)

Domnich Ye.L.

Economic Significance of Heterogeneity in the Innovative Development of Russian Regions in the Context of External Shocks

Abstract. Modern research highlights the role of technological gaps and heterogeneity of innovative development in differentiating the level and pace of economic growth. This actualizes the analysis of trends in convergence and divergence of levels of innovative development of territories and the identification of special technological clubs within which regions develop convergently. The study systematizes theoretical and empirical approaches to the analysis of differentiation of economic development, understood as a result of differentiation of innovative development. A methodology has been designed to analyze the dynamics and differentiation of innovation activity of Russian enterprises over a long period of development (2010–2023 with details for 2010–2014, 2015–2018 and 2019–2023), taking into account changes in the methodology of statistical observation. An important feature of the methodology is tracking the innovative development of territories both in terms of the costs of innovation activities and the production of innovative goods, which allows using a common economic grouping of regions. The trends in regional innovative development have been identified in terms of changes in innovation activity and its differentiation within the economic groups of regions, which allowed formulating some hypotheses about the relationship between innovative and economic development of Russia's regions; the hypotheses are to be tested in future studies.

Key words: innovation, innovation activity, economic development, convergence, divergence, external shocks, Russia's regions.

Information about the Author

Yegor L. Domnich — Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Economic Research Institute FEB RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: chaosraven@yandex.ru)

Статья поступила 15.05.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.3

УДК 332.05, ББК 65.30

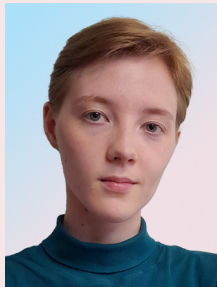
© Ма Хуэй, Чеплинските И.Р., Румянцев Н.М.

Модернизация промышленной системы в условиях цифрового интеллектуального преобразования и «зеленого развития»: опыт России и Китая

Ма ХУЭЙ

Академия общественных наук провинции Цзянси
Наньчан, Китай
e-mail: Oscar-1206@163.com

**Инна Ричардовна
ЧЕПЛИНСКИТЕ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: inna.cheplinskite@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6546-1164; ResearcherID: GZL-6208-2022

**Никита Михайлович
РУМЯНЦЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: rumyanik.95@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5660-8443; ResearcherID: AAC-2818-2019

Для цитирования: Ма Хуэй, Чеплинските И.Р., Румянцев Н.М. (2025). Модернизация промышленной системы в условиях цифрового интеллектуального преобразования и «зеленого развития»: опыт России и Китая // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 62–78. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.3

For citation: Ma Hui, Cheplinskite I.R., Rumyantsev N.M. (2025). Modernization of the industrial system through digital intelligent transformation and green development: Experience of Russia and China. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 62–78. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.3

Аннотация. В России и в Китае намечен курс на ускоренную трансформацию традиционных и стимулирование развития стратегически важных отраслей экономики в целях построения модернизированной промышленной системы. Целью исследования является изучение возможностей модернизации региональных промышленных систем Вологодской области и провинции Цзянси с позиции цифрового преобразования и «зеленого развития». Для выполнения поставленной цели были решены такие задачи, как анализ состояния региональных промышленных систем обозначенных регионов, изучение направлений их модернизации, предложение мер по содействию данному процессу. В традиционных отраслях экономики наблюдается ускорение процессов трансформации, интеграции реального и цифрового секторов экономики. Вместе с тем продвижению синергии цифрового интеллектуального преобразования и «зеленого роста» препятствуют слабая конкурентоспособность отраслей, концентрирующихся в среднем и нижнем звеньях региональных цепочек создания стоимости, отсутствие необходимых технологий, неопределенность в производственно-сбытовых цепочках. Для нивелирования обозначенных препятствий важным видится формирование промышленных кластеров в перспективных отраслях экономики, сосредоточение внимания на системе развития традиционных отраслей, стимулирование предприятий к использованию в производстве научно-технических достижений, внедрение цифровых платформ, а также применение ряда мер, направленных на ускорение интеграции реального и цифрового секторов экономики. Новизна проведенного исследования заключается в выявлении тенденций цифрового интеллектуального преобразования и «зеленого развития» отраслей промышленности регионов, а также в формировании комплекса мер, способствующих активизации этих процессов. Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики и Национального бюро статистики Китая, а также зарубежные и отечественные исследования в области модернизации промышленных систем. Полученные результаты могут использоваться региональными органами власти при разработке стратегических документов, для обоснования направлений экономической политики.

Ключевые слова: модернизация промышленной системы, цифровое интеллектуальное преобразование, зеленое развитие, Вологодская область, провинция Цзянси.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР FMGZ-2025-0012 «Структурно-технологическая трансформация региональной экономики в условиях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: мониторинг, регулирование и прогноз».

Введение

В настоящее время в глобальной экономике происходит ряд трансформационных процессов, затрагивающих изменение международных политических отношений, появление новых центров экономического влияния, преобразование конъюнктуры рынка и т. д. Немаловажными тенденциями являются распространение технологий и цифровизация производств, приводящие к формированию новых секторов экономики. В данных условиях, чтобы оставаться включенными в мировое пространство, государствам необходимо диверсифицировать и усложнять экономику, стремиться к достижению технологического суверенитета.

В России и Китае сложилось схожее видение направлений развития стран в целом и в отдельных регионах. В октябре 2023 года состоялась инспекционная поездка председателя КНР Си Цзиньпина в провинцию Цзянси, в ходе которой он подчеркнул, что провинции необходимо определить свое положение, наметить курс и интегрировать ресурсы для достижения целенаправленного прогресса¹. На

¹ Председатель КНР призвал к экономической трансформации провинции Цзянси при сохранении экологии и культурного наследия. URL: <https://rg.ru/2023/10/13/predsedatel-knr-prizval-k-ekonomicheskoy-transformacii-provincii-cziansi-pri-sohranении-ekologii-i-kulturnogo-nasledia.html> (дата обращения 25.02.2025).

встрече с руководством и активом региона прозвучал призыв к ускоренной трансформации и модернизации традиционных и стимулированию развития новых стратегически важных отраслей в целях построения модернизированной промышленной системы, демонстрирующей конкурентные преимущества провинции Цзянси.

Курс на модернизацию традиционных и поддержку стратегически важных отраслей задан и в России. Национальные цели развития РФ включают достижение технологического лидерства², для обеспечения научно-технологического развития разработана соответствующая стратегия³. В связи с санкционными ограничениями в стране развивается политика импортозамещения, целью которой является снижение технологической зависимости от других, в первую очередь недружественных, стран (Ленчук, 2020). В условиях долгосрочного санкционного давления трансформация экономики должна основываться на концепции инновационного развития (Широв и др., 2024).

Развитие отраслей экономики, внедрение в них принципов устойчивого развития в соответствии с глобальными трендами требуют формирования такой промышленной системы, которая способна обеспечить выпуск высококачественной продукции, отвечающей международным стандартам, а также работы производства, обеспечивающего сохранность окружающей среды. Ключом к ее построению является слияние реальной и цифровой экономики при тесном взаимодействии цифрового интеллектуального преобразования и «зеленого развития», использовании сравнительных преимуществ как возможностей перехода на качественно новый уровень.

В связи с этим цель исследования заключается в изучении возможностей модернизации региональной промышленной системы России и Китая на примере провинции Цзянси и Вологодской области с позиции их цифрового пре-

образования и «зеленого развития». Достижение цели требует выполнения следующих задач:

- проанализировать состояние региональных промышленных систем;
- изучить направления их модернизации;
- предложить меры по содействию модернизации региональных промышленных систем.

Теоретические предпосылки исследования

Промышленность является ключевой сферой материального производства, вносящей существенный вклад в валовой внутренний продукт (ВВП) большинства стран мира. В структуре экономики она занимает центральное положение, вокруг нее функционируют прочие отрасли, укрепляются связи между видами экономической деятельности. Обеспечение прироста доли производственных услуг в реальном секторе экономики происходит за счет технологического развития промышленности, роста производительности труда предприятий (Акбердина, Романова, 2021).

В научной среде большое внимание уделяется вопросам устойчивого развития, в том числе на уровне предприятий (Galimulina et al., 2023; Tolstykh et al., 2023; Bugryshev, Panikarova, 2024). Функционирование экономики в рамках парадигмы устойчивого развития возможно при переходе к инновационной модели экономики, что особенно важно в условиях исчерпания экстенсивных источников роста. Стоит отметить, что в данном контексте ученые широко смотрят на инновации, в это понятие помимо изменения технологий производства включается смена экономических отношений, институциональных факторов и т. д. (Бринк и др., 2010).

В научной среде изучаются проблемы региональных и национальных промышленных систем, среди них — возможности и пути модернизации. Некоторыми исследователями модернизация определяется как комплексный процесс, целью которого является формирование индустриальной базы с технической оснащенностью и отраслевой структурой, отвечающим мировым стандартам (Порфирьев и др., 2017); другая сторона модернизации сводится к достижению прогрессивных сдвигов в развитии экономики (Shi et al., 2023). Модернизация предполагает целенаправленные, необратимые качественные изменения экономической системы, которые происходят за счет внедрения новых технологий, использования в полной

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения 25.02.2025).

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения 25.02.2025).

мере интеллектуального потенциала страны. Целями модернизации экономики являются, главным образом, повышение конкурентоспособности производственных систем и страны в целом. Мы не сводим сущность модернизации экономической системы к происходящим в ней техническим и технологическим изменениям, но обозначаем их как одни из ключевых факторов, обуславливающих данный процесс.

Правительствами России и Китая задается модернизационный курс развития, в рамках которого реализуется не только экономическая, но и социальная политика в русле инновационного развития общества. Приоритетом государственной поддержки становятся высокотехнологические отрасли, а целью инновационной деятельности — рост технологического уровня производств (Широв и др., 2024).

Трансформация промышленности в России активно поддерживается государством, на что указывает ряд принятых стратегических документов и нормативно-правовых актов. Проводимая государством промышленная политика, основы которой заложены в федеральном законе «О промышленной политике в Российской Федерации»⁴, ставит целью формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, способной обеспечить переход экономики страны от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному. Выполнение обозначенной цели требует широкого внедрения цифровых технологий во все сферы деятельности промышленного предприятия (Лapidус и др., 2019). Кроме того, подчеркивается необходимость технологического перевооружения предприятий, развития высокотехнологичных, наукоемких отраслей (Широкова, Леонидова, 2022).

Подобное видение прослеживается и в экономической политике, проводимой правительством Китая. Развитие науки и технологий является одним из главных национальных приоритетов страны на протяжении двух последних десятилетий⁵. Так, 14-й пятилет-

ний план социально-экономического развития Китая обозначил целью достижение страной к 2035 году мирового лидерства в области инноваций, что указывает на первоочередность научно-технологических инициатив. Ключевыми направлениями политики являются развитие сферы интеллектуальной собственности, увеличение финансирования расходов на научные исследования и разработки, увеличение емкости рынка цифровой экономики.

В политике модернизации промышленных систем Китая важное место занимает контроль загрязнения воздуха. В 2017 году из 338 крупных городов Китая только 29,3% соответствовали стандартам качества воздуха, заданным Министерством экологии и охраны окружающей среды Китая. В соответствии с этим Государственным советом Китая был принят ряд мер, направленных на борьбу с загрязнением воздуха, таких как выпуск и реализация «Плана действий по предотвращению и контролю загрязнения воздуха» в 2013 году и «Трехлетнего плана действий по победе в войне за оборону Голубого неба» в 2017 году. Поскольку крупнейшим источником выбросов являются предприятия, государством был проведен ряд мероприятий по стимулированию развития в стране «зеленой» промышленности. К ним относятся оптимизация структуры производственного сектора, трансформация энергетики с установкой целевых количественных показателей (Zhang et al., 2021).

В среде исследователей активно обсуждаются вопросы «зеленого» перехода, «зеленых» инноваций и углеродной нейтральности (Jie, Jiahui, 2023; Li et al., 2024), что имеет особенно большое значение для Китая, в энергетическом балансе которого преобладает угольное топливо и прочее сжигаемое углеродное сырье, что негативно сказывается на экологической обстановке во многих населенных пунктах. Для осуществления «зеленого» перехода развивается транспорт, не оставляющий углеродный след. В связи с этим растет спрос на литиевые аккумуляторы, что особенно важно для провинции Цзянси, одного из регионов-лидеров в Китае по запасам данного вида сырья (Ма Хуэй и др., 2025; Абдулкадыров, Идрисов, 2022).

⁴ О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39299> (дата обращения 25.02.2025).

⁵ Научно-техническая политика Китая: курс на глобальное лидерство. URL: <https://issek.hse.ru/news/688845347.html> (дата обращения 09.03.2025).

Методика и методология исследования

Объект исследования — региональная промышленная система, предмет — модернизация региональных промышленных систем в Вологодской области и в провинции Цзянси. Выбор данных регионов обусловлен схожей структурой промышленного производства с преобладанием в них обрабатывающих отраслей, ключевой ролью металлургического и химического производств. Кроме того, регионы ведут сотрудничество в области экономики и в социально-культурной сфере, имеют близкие стратегические цели развития.

В рамках исследования рассматриваются перспективные отрасли промышленности регионов. В провинции Цзянси таковыми выступают стратегически развивающиеся отрасли промышленности, объединяющиеся в градиентную модель развития « $I+2+N$ ». Она включает наиболее значимые для экономики региона приоритетные отрасли промышленности, отобранные исходя из их доходности.

На первом месте («1») стоит производство электронной информации. Валовой доход в данной отрасли превышает 1 трлн юаней. В число подотраслей входит производство электронных устройств и их компонентов, интеллектуальных терминалов и т. д. Достижение таких показателей позволило Цзянси выйти на первое место среди провинций центрального Китая и на четвертое место по стране в целом. На втором месте («2») находится отрасль производства оборудования новой энергетики, которая стимулирует создание новой модели быстрого развития. В 2022 году доходы отрасли составили около 720 млрд юаней. Часть «N» включает потенциальные отрасли, где культивируются новые преимущества передового производства, включая авиацию, Интернет вещей и виртуальную реальность.

Перспективные экономические специализации Вологодской области выделены согласно методике, разработанной авторским коллективом из ВолНИЦ РАН и ВоГУ (Румянцев и др., 2022). В ее основе лежит интегральная оценка потенциала специализации, сложенная из ряда компонент: ее эффективность, рыночный потенциал, инновационная активность и наличие научных публикаций по данному виду деятельности. Исходя из данной методики, в качестве перспективных отраслей специализации рассматриваются производство основных

химических веществ, удобрений и азотных соединений, пластмасс и синтетического каучука в первичных формах; производство чугуна, стали и ферросплавов; производство прочих стальных изделий первичной обработкой; распиловка и строгание древесины; производство резиновых изделий; производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона; производство станков, машин и оборудования для обработки металлов и прочих твердых материалов (Румянцев, 2023).

Информационная база исследования включает данные Федеральной службы государственной статистики и Национального бюро статистики Китая, а также отечественные и зарубежные исследования.

Текущее взаимодействие цифрового интеллектуального преобразования и «зеленого развития» в отраслях специализации

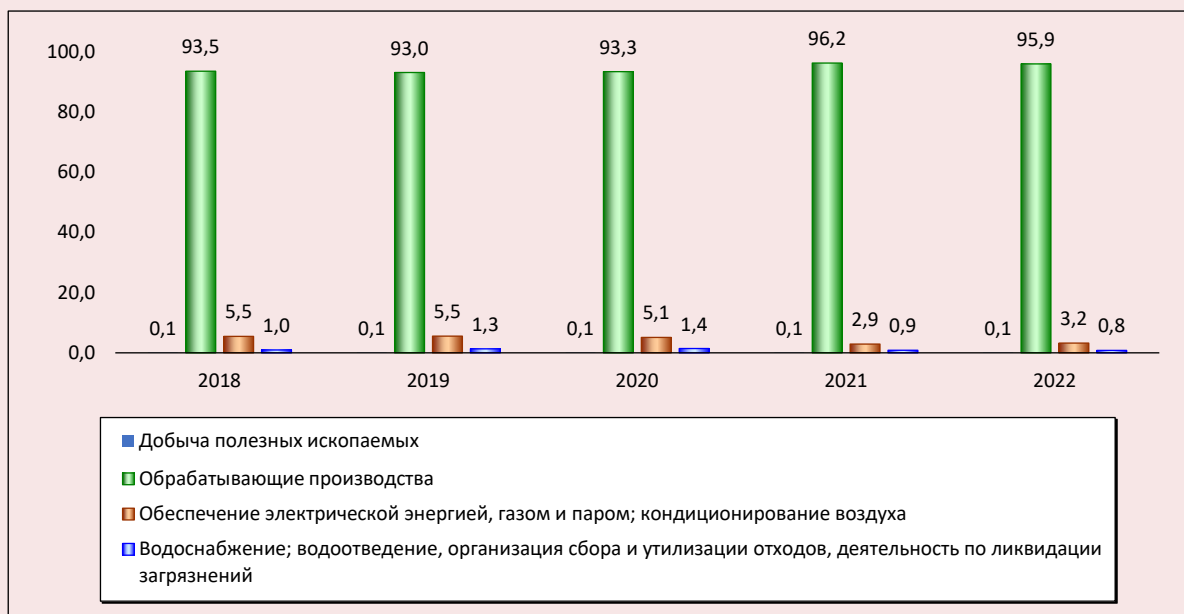
В структуре экономики обоих изучаемых регионов преобладает промышленное производство. Вологодская область является представителем старопромышленных регионов России (Мельников, 2019). Наибольшую долю в общем объеме производства в ней занимают отрасли обрабатывающей промышленности (рис. 1), базирующиеся на технологиях третьего уклада.

В 2022 году производство промышленной продукции в Вологодской области сократилось на 3,4%, что связано с санкционными ограничениями, наложенными на торговлю со странами Запада, бывшими основными покупателями изделий данной категории, прежде всего металлургических и древесных (Широкова, Лукин, 2023).

В экономике провинции Цзянси промышленность также имеет большое значение. Взяв курс на индустриализацию, Цзянси увеличила долю вторичного сектора с 35,0% в 2000 году до 44,5% в 2021 году, что поставило его на второе место после сферы услуг, доля которого в том же году составила 47,6%⁶. Сектор промышленности отличается сложной структурой и высокой степенью диверсификации — в провинции представлено 38 из 41 основной отрасли, однако наибольшее значение для экономики региона имеют цветная металлургия, а именно выплавка и обработка лития, а также производ-

⁶ Jiangxi: Market Profile. URL: <https://research.hktdc.com/en/data-and-profiles/mcpc/provinces/jiangxi> (дата обращения 08.03.2025).

Рис. 1. Динамика структуры промышленного производства Вологодской области в 2018–2022 гг., %

Составлено по: данные Росстата.

ство электронных изделий⁷. По ряду показателей Цзянси занимает лидирующие позиции в Китае: в 2022 году по темпам роста добавленной стоимости, доходам от промышленности и общей прибыли она находилась на 7, 11 и 10 местах соответственно.

Традиционные отрасли имеют сравнительные преимущества, усилия по модернизации и совершенствованию промышленных цепочек ускоряются. Процессы трансформации промышленности наблюдаются в традиционных секторах экономики. Ускорение преобразований, отмечающееся в последние годы, связано с внедрением новых производственных процессов, технологий и оборудования, использованием инновационных материалов. Это стимулирует отрасли к высокотехнологичному, интеллектуальному, экологичному производству, ориентированному на услуги.

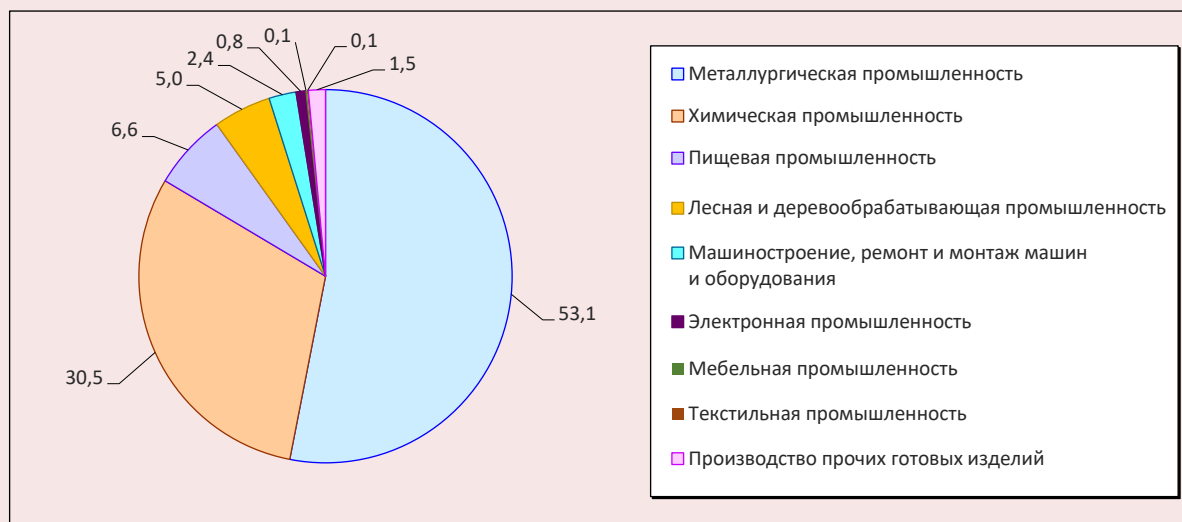
В производственном секторе Вологодской области главенствующую роль играет металлургический комплекс. В 2022 году на его долю пришлось 53,1% от общего объема отгруженных товаров региона. Далее следует химический комплекс. Традиционными отраслями регио-

на называются два обозначенных комплекса, а также лесная и деревообрабатывающая промышленность (Ускова и др., 2013) (рис. 2).

Объем отгрузки **металлургического комплекса** в 2022 году составил 644,2 млрд руб. На высоко- и средневысокотехнологичные отрасли приходится всего порядка 15% от всей отгруженной продукции, что более чем на 25% ниже среднероссийского уровня; при этом за последние пять лет их доля сократилась (Bents, Rezerpin, 2023). Производства **химического комплекса** поставили продукции на 343,8 млрд руб. **Лесной комплекс** характеризуется меньшим объемом поставок, всего 60,7 млрд руб. В 2022 году объем поставок уменьшился в сравнении с предыдущим годом, что связано с санкционными ограничениями на торговлю со странами Европы и США, которые были основными покупателями продукции экспортоориентированных комплексов. Запрет коснулся ввоза в страну товаров, используемых в заготовке и переработке древесины, что привело к затруднениям в материально-техническом обеспечении производств. Это актуализирует необходимость развития импортозамещения и достижения технологического суверенитета не только в лесном комплексе, но и в промышленности в целом (Ускова и др., 2022).

⁷ Провинция Цзянси: центр цветной металлургии, электроники КНР. URL: <https://chinaved.com/provinciya-czyansi-centr-cvetnoy-metallurgii-i-elektroniki-knr> (дата обращения 08.03.2025).

Рис. 2. Структура обрабатывающей промышленности Вологодской области в 2022 году, %

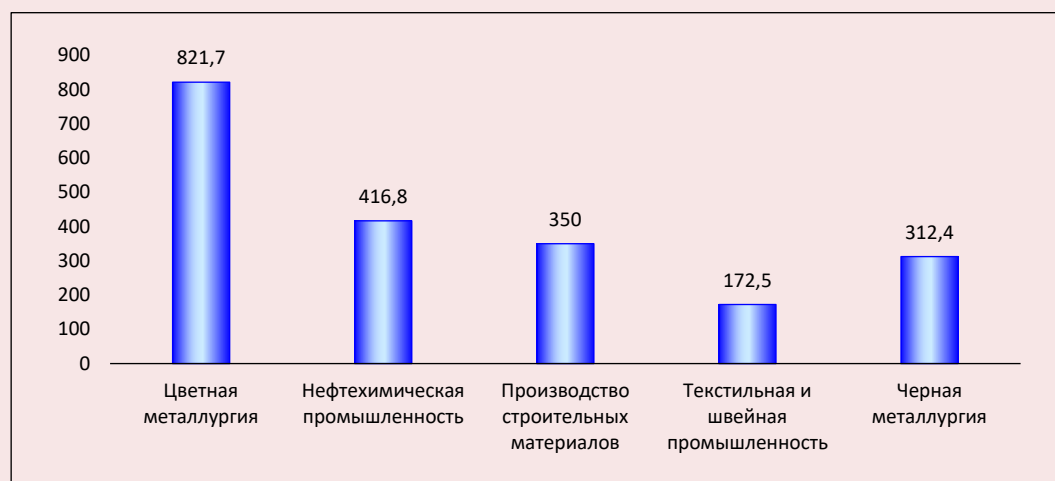

Составлено по: данные Росстата.

В провинции Цзянси наиболее крупные традиционные отрасли промышленности объединяются в пять комплексов, среди которых центральное место занимает *цветная металлургия*. В 2022 году она получила 821,7 млрд юаней

дохода от предприятий выше установленного размера⁸ (рис. 3). Общая прибыль составила 51 млрд юаней, что на 28% больше, чем в предыдущем году. Ключевую роль в цветной металлургии Цзянси играют обработка меди,

Рис. 3. Доходы основных традиционных отраслей промышленности провинции Цзянси в 2022 году, млрд юаней

Составлено по: данные Национального бюро статистики Китая.

⁸ В них включены данные о результатах работы промышленных предприятий, годовой доход от основной деятельности которых составляет не менее 20 млн юаней.

вольфрама, лития и редкоземельных металлов. Основное направление развития отраслей — достижение более высокого уровня производства и использования конечных продуктов. Для этого в провинции сформирована относительно полная промышленная система, включающая все стадии производства цветных металлов — геологическую разведку, добычу, литье и переработку.

Нефтехимическая промышленность неуклонно движется к более высокому уровню промышленной агломерации. Продукция отрасли пользуется спросом как внутри страны, так и на международном рынке. Так, доля технического гиббереллина, произведенного в Цзянси, составляет более 80% от общего объема его изготовления в стране. При этом производственные мощности по его изготовлению занимают первое место в мире. На рынке Китая доля кремнийорганического мономера, производимого в провинции, составляет более 25% — производственные мощности занимают первое место в Азии. Кроме того, доля сажи, бензинового антиблокировочного агента и пенообразователя азодикарбонамида на рынке Китая составила более 20%, а производственные мощности заняли первое место в стране. В 2022 году доходы нефтехимической промышленности составили 416,8 млрд юаней.

Индустрия строительных материалов развивается в направлении повышения экологичности и технологичности производств. В провинции активно продвигается применение новых и экологически чистых строительных материалов и связанных с ними передовых технологий. Промышленная агломерация таких отраслей, как производство цемента и архитектурной керамики, занимает одно из первых мест в Китае. По производству стекловолокна, архитектурной керамики и других строительных материалов провинция также занимает в Китае первое место. В 2022 году доходы от производства строительных материалов составили 350 млрд юаней.

Активизируются усилия по ускорению трансформации и модернизации **текстильной и швейной промышленности**. Особое внимание уделяется созданию кластеров, таких как, например, кластер пуховиков Гунцинчэнт (городской уезд городского округа Цзюцзян провинции Цзянси), целлюлозных волокон Ляньси

(район городского подчинения городского округа Цзюцзян провинции Цзянси), провинция стремится к достижению роста в таких секторах швейной промышленности, как изготовление пуховиков, трикотажа, женской и детской одежды и др. В 2022 году валовой доход отрасли составил 172,5 млрд юаней, что на 12,1% меньше, чем в предыдущем году. Объем экспорта достиг 6,5 млрд долл. США, превысив на 15,8% показатель прошлого года, что стало для провинции новым рекордом.

В **черной металлургии** была создана модель развития «246», в рамках которой особое внимание уделяется:

- двум металлургическим группам компаний — Xinyu Iron & Steel Group и Jiangxi Fangda Steel Group;

- четырем промышленным базам — Jiujiang riverside iron & steel industrial base (прибрежная металлургическая база), Xinyu iron, steel and iron & steel processing industrial base (металлургическая и сталелитейная база), Jinxian steel structure industrial base (база стальных конструкций) и Pingxiang powder metallurgy industrial base (база порошковой металлургии);

- шести сериям продукции — строительной стали, стали для морской архитектуры и океанотехники, для электропередачи и трансформаторного оборудования, автомобилей, бытовой техники и металлопродукции.

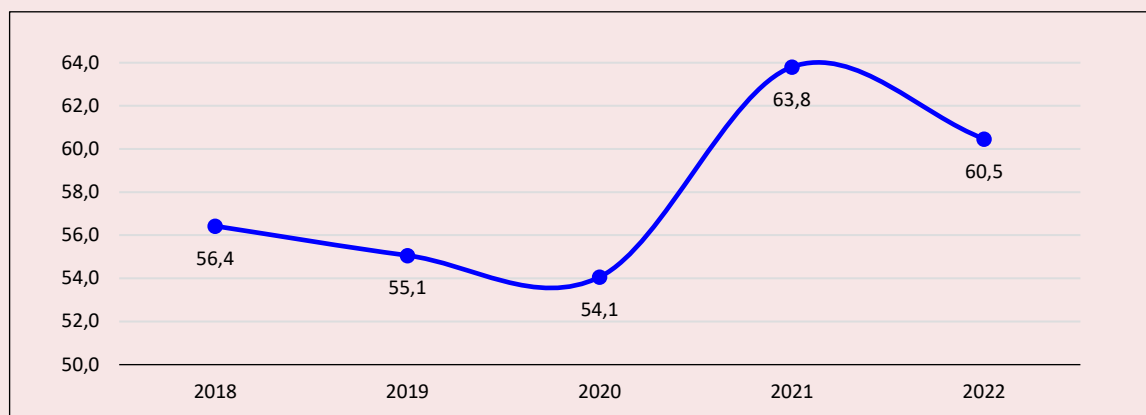
Объем производства нерафинированной стали в провинции достиг 26,9 млн т, что поставило ее на 14 место в Китае, а доход от основной деятельности отрасли достиг 312,4 млрд юаней.

Стратегически развивающиеся отрасли оказывают решающее влияние.

Перспективные отрасли специализации Вологодской области вносят значительный вклад в экономику региона. Суммарно на выпускаемую ими продукцию приходится более 50% отгруженной продукции области, максимума показатель достиг в 2021 году, составив 63,8% (рис. 4).

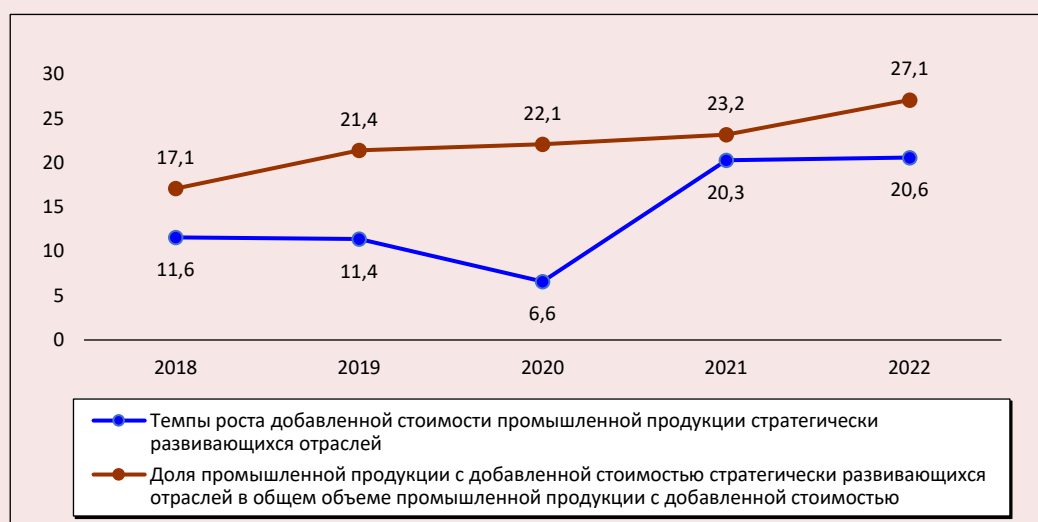
Стратегические развивающиеся отрасли провинции Цзянси также играют большую роль в экономике региона. На них приходится более четверти добавленной стоимости промышленной продукции, при этом их доля только возрастает — в 2022 году она увеличилась на 3,9 п. п. в сравнении с прошлым годом. Показатель ха-

Рис. 4. Доля отгруженной продукции перспективных отраслей специализации Вологодской области в 2018–2022 гг., %

Составлено по: данные Росстата.

Рис. 5. Развитие стратегически развивающихся отраслей в провинции Цзянси в 2018–2022 гг., %

Составлено по: данные Национального бюро статистики Китая.

рактизуется положительной динамикой на протяжении более чем пяти лет, в 2021 и 2022 гг. темпы его роста превысили 20% (рис. 5).

Обозначенные отрасли характеризуются высокими доходами, демонстрирующими значительный рост. Как было отмечено выше, прибыль производства электронной информации в 2022 году составила порядка 1 трлн юаней, что на 32,2% больше, чем годом ранее. Изготовление оборудования добавило в ВРП провинции порядка 720 млрд юаней, новая энергетическая отрасль — более 400 млрд. Перспективные

отрасли также вносят свой вклад в экономику Цзянси. В 2022 году валовой доход авиационных предприятий составил 160,5 млрд юаней, что на 13,5% превышает уровень 2021 года, в отрасли Интернета вещей он вырос с 50 млрд юаней в 2018 году до 190 млрд юаней в 2022 году, предприятий в сфере виртуальной реальности и VR — с 4,2 млрд юаней в 2018 году до 81,2 млрд юаней в 2022 году (увеличение в 19 раз за последние четыре года). Потенциал роста отраслей при этом не исчерпан, обеспечение их развития позволит достичь еще более высоких показателей.

Тенденции развития цифровой экономики.

Цифровая трансформация отраслей экономики способствует увеличению производительности труда, повышению качества предоставления услуг и экономических благ (Lindquist, 2022). В России данный процесс вместе с цифровизацией является одним из пяти национальных приоритетов развития, что также связано с задачей роста эффективности государственного управления, обеспечивающего устойчивость и конкурентоспособность страны (Абрамов, Андреев, 2022).

Среди регионов России Вологодская область занимает средние позиции по уровню развития цифровой трансформации. Так, согласно соответствующему рейтингу региональных руководителей, составленному Центром экспертизы и координации информатизации, в феврале 2025 года регион занял 39 место, сместившись на 13 позиций вниз после пересмотра методики расчета рейтинга⁹. Вместе с тем регион входит в число лидеров по использованию цифровых сервисов для бизнеса. Для достижения еще больших результатов в данной области планируется создать мобильное приложение «Инспектор». Оно позволит проводить проверки поставок в дистанционном формате посредством видеосвязи, сохранять фото- и видеоматериалы, а также подписывать итоговые отчеты с помощью электронной подписи. Данная мера направлена на снижение нагрузки на бизнес, повышение качества и эффективности проверок¹⁰.

Степень трансформации отраслей экономики отражает показатель цифровой зрелости, в состав которого входят индикаторы, относящиеся к разным сферам хозяйствования, определяющие процентное соотношение процессов, протекающих с использованием цифровых устройств. По его уровню Вологодская область занимает только 57 место¹¹. Анализ обозначен-

ного показателя позволяет не только определить текущее состояние региона, но и спрогнозировать его положение в будущем в сравнении с другими регионами. Так, в случае реализации стратегии цифровой трансформации Вологодская область займет в рейтинге регионов 50 место (Абрамов, Андреев, 2023).

Данный процесс в Вологодской области имеет несколько основных направлений. Это развитие цифровой зрелости экономики, внедрение информационных технологий в ключевые отрасли, формирование собственных облачных технологий, обеспечение территорий беспроводной связью и др. (Крылова и др., 2024). Кроме того, в регионе планируется развитие платформ обратной связи, прежде всего сервиса быстрых отзывов, позволяющего проводить оценку оказываемых населению услуг. Для внедрения в практику обозначенных инициатив на Вологодчине реализуются федеральный проект «Устранение цифрового неравенства 2.0», макропроект по созданию региональной платформы видеоаналитики, а также национальные проекты «Цифровая экономика» и «Экономика данных», оказывающие поддержку субъектам малого и среднего бизнеса, ИТ-компаниям и т. д. Немаловажным направлением деятельности является подготовка высококвалифицированных кадров в области ИТ-отрасли в средних и высших учебных заведениях региона¹².

Цифровая экономика в провинции Цзянси начала выходить на передовые позиции, масштабные усилия в ключевых областях экономики имеют высокий положительный эффект для всех сфер хозяйствования. В 2022 году добавленная стоимость данного сектора экономики провинции Цзянси достигла 1,19 трлн юаней, увеличившись на 14,4% в годовом исчислении, и по темпам роста заняла в Китае второе место. На ее долю пришлось 37% ВВП провинции, что на 2 п. п. больше, чем в 2021 году. В том же году в регионе проводилась конференция, посвященная вопросам цифровой трансформации провинции Цзянси. На ней были представлены сценарии применения циф-

⁹ Рейтинги регионов России по развитию информационных технологий. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рейтинги_регионов_России_по_развитию_информационных_технологий (дата обращения 18.03.2025).

¹⁰ Цифровая трансформация Вологодской области: новые решения-2024. URL: <https://regcomment.ru/analytics/tsifrovaya-transformatsiya-ologodskoj-oblasti-novye-resheniya-2024/> (дата обращения 21.08.2025).

¹¹ Рейтинг цифровой зрелости. URL: <https://sicmt.ru/dmrating> (дата обращения 18.03.2025).

¹² Планы по цифровизации обозначили в Вологодской области. URL: <https://vologda.mk.ru/social/2024/02/26/plany-po-cifrovizacii-oboznachili-v-vologodskoy-oblasti.html> (дата обращения 20.08.2025).

ровых технологий, оформленные в формате «списка возможностей» и «списка продуктов». Оба перечня включают по две сотни позиций, в их развитие планируется вложить порядка 8,2 млрд юаней¹³.

Цифровые индустрии в Цзянси постоянно развиваются, основные направления включают 20 отраслей и сфер экономики. Особое место здесь занимает производство профессиональных чипов, на что указывает рост доходов отрасли на 160,4% в 2022 году, свидетельствующий об увеличении спроса на изготавливаемую продукцию. Постепенный рост доходов демонстрируют и другие отрасли провинции Цзянси, такие как, например, Интернет вещей и сектор оказания цифровых услуг, увеличение показателя в которых составило 14 и 9% соответственно.

В провинции отмечается ускорение интеграции цифрового и реального секторов экономики в рамках выполнения 14-го пятилетнего плана. Этому способствует реализация инициатив по внедрению облачных больших данных и искусственного интеллекта, что содействует всесторонней трансформации и модернизации всех секторов экономики. В 2022 году индекс развития провинции по интеграции индустриализации и информатизации до-

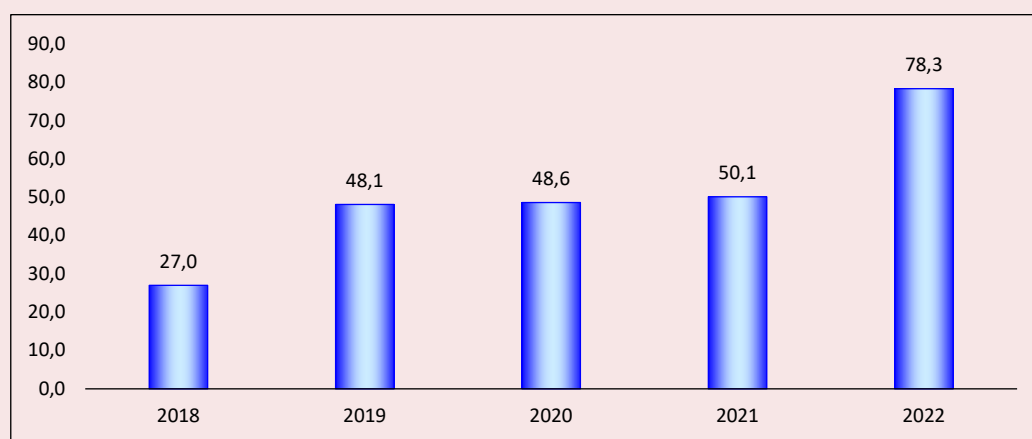
стиг 78,3, увеличившись за год на 28,2 (рис. 6). Показатель зрелости «умного» производства в провинции достиг 2,49, продемонстрировав рост на 0,02 пункта.

Развитие цифрового сектора экономики невозможно без соответствующей инфраструктуры. Внедрение достижений прогресса для создания подходящей среды осуществляется повсеместно, что в результате затрагивает не только производство, но и влияет на условия жизни граждан. Так, для обеспечения доступности сети 5G в 2022 году в каждом населенном пункте в Цзянси было установлено 27 813 базовых станций, всего в провинции их было построено 88 529. В 2022 году Ганьчжоу, Цзянь, Иньтань, Ичунь, Фучжоу и Пинсян были включены в список гигабитных городов Китая, в результате чего общее число городов Цзянси, соответствующих гигабитному стандарту, достигло девяти, что поставило провинцию на четвертое место в Китае и на первое среди центральных регионов страны.

Препятствия на пути продвижения синергии цифрового интеллектуального преобразования и «зеленого развития»

1. Слабая конкурентоспособность отраслей из-за их концентрации в среднем и нижнем звеньях цепочек создания стоимости (ЦСС).

Рис. 6. Индекс развития интеграции индустриализации и информатизации в провинции Цзянси в 2018–2022 гг., ед.

Составлено по: данные Национального бюро статистики Китая.

¹³ Китайская провинция Цзянси переживает бум цифровой экономики. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/53e1ec92> (дата обращения 20.08.2025).

Большая часть производимой продукции локализуется в среднем и нижнем звеньях ЦСС, что не позволяет обрабатывающей промышленности занять конкурентоспособную позицию на мировом рынке. Для Вологодской области характерна проблема, заключающаяся в небольших региональных цепочках, включающих в основном две-три стадии производства. Обозначенные обстоятельства негативно сказываются на темпах роста ВВП, снижают инвестиционную привлекательность регионов, приводят к развитию процессов деиндустриализации и др. (Сидоров, 2022).

Промышленность испытывает общую нехватку сил, оставаясь на низком уровне развития, полагаясь в основном на базовую обработку и простые методы сборки для производства продукции низкого качества и с низкой добавленной стоимостью. Для провинции Цзянси также необходимо решить проблемы «четырех избытков и четырех недостатков»¹⁴.

2. Отсутствие ключевых технологий в основных секторах экономики для построения новой модели промышленного развития.

Это проявляется в трех аспектах:

- технологические возможности производственного оборудования на различных предприятиях значительно отличаются. Например, компании Jiangxi Copper Corporation Limited и ПАО «Северсталь» используют передовые технологии выплавки и переработки цветных и черных металлов, в то время как малые и средние предприятия испытывают трудности по причине использования устаревшего оборудования;

- недостаточная интеграция индустриализации и информатизации. Предпринимаются действия для активизации данного процесса. Так, городской округ Цзюцзян оказывает поддержку частному бизнесу в формировании специальных фондов для их интеграции, создает демонстрационные образцы, однако данных мер недостаточно из-за небольшого территориального охвата;

¹⁴ Под проблемой «четырех избытков» понимается высокая доля в структуре промышленности традиционных, низкотехнологичных, ресурсо- и трудоемких отраслей. Проблема «четырех недостатков» подразумевает дефицит отраслей развивающихся, высокотехнологичных, капиталоемких, а также выпускающих продукцию с высокой добавленной стоимостью.

- низкая степень развития и ослабленный рост сферы услуг для производителей, включающей платформы электронной коммерции, а также сектор финансовых услуг, таких как публичные базы данных и торговые центры цветных металлов.

3. Неопределенность в ЦСС, усугубляемая трудностями их преобразования на основе факторов производства.

В провинции Цзянси в первую очередь не хватает ведущих компаний в сфере традиционной китайской медицины (ТКМ). Хотя такие компании, как Jemincare и Qingfeng Pharma Group, занимают достойное место в китайской индустрии ТКМ, между ними и ведущими отечественными и всемирно известными компаниями все еще существует определенный разрыв. Также отмечается недостаток усилий в области исследований и разработок технологий ТКМ.

Заключение

На основе результатов исследования сформулирован ряд предложений по улучшению взаимодействия цифрового интеллектуального преобразования и экологического развития в перспективных отраслях экономики провинции Цзянси и Вологодской области с опорой на опыт регионов России и Китая в соответствии с национальными стратегическими планами государств. Их реализация требует использования сильных сторон регионов, формирования современной промышленной системы, базирующейся на их конкурентных преимуществах.

1. Упор на главную роль промышленных кластеров в стратегических развивающихся отраслях для ускорения внедрения цифровых интеллектуальных технологий.

Одним из первоначальных приоритетов является создание кластеров передового производства. Повышение качества обрабатывающей промышленности традиционно является главным приоритетом для обоих регионов. Требуется создать перспективные кластеры в целях ускорения темпов реинжиниринга промышленной базы и прогресса основных технологий и оборудования.

Необходимым видится включение в список передовых кластеров национального уровня:

- кластера электронной информации в зоне экономического и технологического развития городского уезда Цзинганшань (городского округа Цзиань);

- вертолетного кластера в зоне высокотехнологического промышленного развития городского округа Цзиндэчжэнь;

- кластера мобильного Интернета вещей в зоне высокотехнологического промышленного развития городского округа Интань.

В Вологодской области, согласно мнению экспертов и представителей региональных предприятий, перспективным является формирование следующих кластеров:

- промышленного кластера производителей роботов;
- межрегионального кластера по изготовлению целлюлозно-бумажной продукции;
- кластера производства пищевой продукции¹⁵.

Осуществлению данных мер будет способствовать поощрение более тесного сотрудничества между кластерами и инвестиционными институтами. В связи с этим необходимо создание программ для фондов, которые применяют опыт каждого учреждения в области инвестиций и ключевых отраслей производства, что в свою очередь ускоряет переход от старых движущих сил к новым.

2. Сосредоточение внимания на развитии традиционных отраслей для содействия интеграции цифровой и интеллектуальной трансформации и «зеленого развития».

В рамках данного направления необходимо в первую очередь ускорить цифровую трансформацию. Для этого следует активно развивать технологии связи 5G, формировать промышленные интернет-платформы и стимулировать предприятия на переход к ним, продвигать общий обзор цифровой трансформации для предприятий, а также координировать усилия по реализации облачных инициатив в сфере больших данных и искусственного интеллекта.

Для провинции Цзянси особенное значение имеет создание системы экологического и низкоуглеродного развития традиционных отраслей. Поддержка экономики замкнутого цикла необходима в Интане, Фэнчэне и на других территориях. Это требует повсеместного применения и продвижения технологий комплексного использования ресурсов, повышения уровня

переработки в таких ключевых отраслях производства, как выплавка и изготовление изделий из меди и литья, выпуск строительных материалов. Кроме того, следует активизировать сервис-ориентированное производство, создать платформу для комплексного развития традиционных промышленных кластеров, стимулировать предприятия к сетевой совместной работе и персонализированной настройке.

3. Для развития цифровой экономики следует сделать упор на отраслях, интегрированных с реальным сектором.

Реализация данного направления требует создания прикладных сцен цифровой экономики с использованием технологий «VR+», «5G+» и «блокчейн+», потребность в которых возросла еще во время пандемии COVID-19 и связанных с ней ограничений (Ли Чжимен и др., 2021). Последние предполагают демонстрационные зоны, лаборатории, создание и отбор пилотных проектов. Необходимо стремиться к формированию более воспроизводимых и продвигаемых прикладных сцен цифровой трансформации в обрабатывающей промышленности.

Далее требуется более эффективно использовать элементы данных. Важно поощрять субъектов рынка к их легальному сбору, активно содействовать развитию индустриальных парков и демонстрационных баз больших данных, проводить исследования в области владения, обращения, транзакций, доступа и надзора за данными, создавать надежную инфраструктуру. Кроме того, необходимо уделять особое внимание промышленным аспектам цифровой экономики, активизировать усилия по интеграции с реальным сектором, а также ускорять развитие таких подсекторов, как электронные устройства и компоненты, полупроводниковое освещение и интеллектуальные терминалы.

4. Оптимизация моделей внедрения ЦСС и создание платформы для взаимодействия цифро-интеллектуальной трансформации и «зеленого развития».

Одной из приоритетных задач является точное определение ключевых направлений трансформации промышленных цепочек. Сосредоточившись на конкретных секторах необходимо продвигать расширение ЦСС в перспективных и способствовать их модернизации в традиционных отраслях специализации.

¹⁵ Три промышленных кластера предложили создать на Вологодчине. URL: <https://vo.rbc.ru/vo/15/05/2024/6644a0d29a7947aaf2fbbd26> (дата обращения 20.08.2025).

Необходимым условием реализации этих мер, как и обеспечения устойчивого экономического роста регионов в целом, является целенаправленное стимулирование инвестиционной деятельности, улучшение инвестиционного климата (Yang, 2017). Основной упор следует сделать на зоны развития, чтобы повысить общий уровень обслуживания проектов на протяжении всего их жизненного цикла, ориентируясь на рейтинги предприятий, в частности на Global 500, общенациональные, региональные и отраслевые. Формируя инновационный консорциум и сообщество интересов с другими предприятиями в промышленной цепочке, ключевые отрасли могут перейти от «расширения от точки к точке» к «развитию по принципу цепочки».

Не менее важной в провинции Цзянси видится модернизация системы лидеров промышленных цепочек. С опорой на опыт передовых моделей, шанхайской «промышленного интернета с полномочиями цепных мастеров» и ханчжоуской «фабрики цепных мастеров», провинции необходимо принять модель работы «лидер цепочки + мастер цепочки», создать последовательную систему взаимодействия между лидерами и мастерами, а также способствовать росту предприятий – мастеров цепочек. В провинции Цзянси следует продвигать и другую модель – «лидер цепочки + индустриальный парк», в рамках которой лидеры могут направлять интеграцию городов, уездов и индустриальных парков через провинциальную схему промышленных цепочек.

5. Содействие промышленному применению научно-технических достижений и принятие многочисленных мер по оптимизации инновационной экосистемы.

Приоритет следует отдавать содействию промышленному применению научно-технических достижений. Необходима интеграция с высшим образованием и научными центрами. Возможным видится лицензирование научно-технических достижений для малых и средних предприятий на базе высших учебных заведений и региональных центров Академии наук. Лицензионный сбор может быть оплачен ме-

тодами «нулевой пороговый сбор + поэтапная оплата + комиссия за доход» или «отсрочка платежа».

Важно поощрять развитие инновационных технологий и предприятий. Необходимо поддерживать ведущие компании в создании промышленных интернет-платформ, открытии передовых технологий и сцен применения, а также разработке тиражируемых и продвигаемых отраслевых цифровых решений. Кроме того, для провинции Цзянси необходимо активизировать усилия по созданию списка ключевых предприятий Национальной инновационной демонстрационной зоны озера Поян и поддержать ведущие системообразующие предприятия, чтобы они становились сильнее и крупнее, применяя одну политику к одному предприятию, создавая таким образом ряд предприятий мастеров-цепочек.

Реализация мероприятий в данном направлении требует заблаговременного разворачивания строительства цифровой инфраструктуры. Цель регионов заключается в том, чтобы оставаться в авангарде отраслевых тенденций при одновременной реализации плана ускоренных действий для ключевых секторов цифровой экономики и продвижении новых отраслей и бизнес-моделей. Исследование и развитие виртуальных промышленных парков и кластеров должно стать приоритетом в формируемом Центре будущего Наньчан (Nanchang Future Tech Hub) наряду с ускорением виртуальной агломерации, эксплуатацией платформ и сетевого взаимодействия промышленных ресурсов.

Новизна проведенного исследования заключается в выявлении основных тенденций цифрового интеллектуального преобразования и «зеленого развития» отраслей промышленности Вологодской области и провинции Цзянси, а также в формировании комплекса мер, направленных на активизацию их взаимодействия. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов органами власти при разработке региональных стратегических документов и формировании направлений структурной политики.

Литература

- Абдулкадыров А.С., Идрисов И.М. (2022). Вопросы развития и реализации проектов в области альтернативной энергетики в современных условиях // *Индустриальная экономика*. № 4. С. 236–240. DOI: 10.47576/2712-7559_2022_4_3_236
- Абрамов В.И., Андреев В.Д. (2023). Анализ стратегий цифровой трансформации регионов России в контексте достижения национальных целей // *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 1. С. 89–119. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119
- Абрамов В.И., Андреев В.Д. (2022). Цифровая трансформация государственного и муниципального управления: международный опыт и приоритеты в России // *Муниципальная академия*. № 1. С. 54–63. DOI: 10.52176/2304831X_2022_01_54
- Акбердина В.В., Романова О.А. (2021). Региональные аспекты индустриального развития: обзор подходов к формированию приоритетов и механизмов регулирования // *Экономика региона*. Т. 17. № 3. С. 714–736. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-1
- Бринк И.Ю., Колбачев Е.Б., Сироткин А.Ю. (2010). Управление модернизацией производственных систем промышленных предприятий // *Вестник ЮРГТУ (НПИ)*. № 4. С. 4–17.
- Крылова Н.П., Алешина Д.А., Беляков И.В. (2024). Информационно-цифровые технологии ведущих промышленных предприятий Вологодской области // *Социально-экономическое управление: теория и практика*. Т. 20. № 2. С. 46–55. DOI: 10.22213/2618-9763-2024-2-46-55
- Липидус Л.В., Леонтьева Л.С., Гостилович А.О. (2019). Минимальная цифровая корзина российских регионов для трансформации промышленности // *Государственное управление. Электронный вестник*. № 77. С. 212–228. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10025
- Ленчук Е.Б. (2020). Научно-технологическое развитие как фактор ускорения экономического роста в России // *Научные труды Вольного экономического общества России*. Т. 222. № 2. С. 126–134. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-126-134
- Ли Чжимэн, Лукин Е.В., Шэн Фанфу, Чжэн Вэнькай (2021). Оценка влияния пандемии COVID-19 на экономики Китая и России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 14. № 5. С. 277–299. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.16
- Ма Хуэй, Ли Чжимэн, Чэн Сюминь, Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2025). Развитие литиевой промышленности России и Китая в контексте энергетического перехода и достижения углеродной нейтральности // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 18. № 1. С. 135–151. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.8
- Мельников А.Е. (2019). Инвестиционные процессы и структурные изменения в экономике старопромышленных регионов СЗФО // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 12. № 2. С. 91–102. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.5
- Порфирьев Б.Н., Борисов В.Н., Буданов И.А. [и др.] (2017). *Модернизация промышленности и развитие высокотехнологичных производств в контексте «зеленого» роста*. Москва: Научный консультант. 434 с.
- Румянцев Н.М. (2023). Перспективные экономические специализации внутри макрорегиона (на материалах Северо-Западного федерального округа) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 6. С. 74–90. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.4
- Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г., Губанова Е.С. (2022). Определение отраслевых приоритетов структурной трансформации региона на основе поиска перспективных экономических специализаций // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 6. С. 94–109. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.5
- Сидоров М.А. (2022). Об ускорении роста экономики российских регионов на основе развития межрегиональных цепочек создания стоимости // *Проблемы развития территории*. Т. 26. № 5. С. 10–23. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.2
- Ускова Т.В., Кожевников С.А., Лукин Е.В. [и др.] (2022). *Российские территории: 30 лет в условиях рынка / под ред. В.А. Ильина*. Вологда: ВолНЦ РАН. 315 с.
- Ускова Т.В., Лукин Е.В., Воронцова Т.В., Смирнова Т.Г. (2013). *Проблемы экономического роста территории*. Вологда: ИСЭРТ РАН. 170 с.
- Широв А.А., Белоусов Д.Р., Блохин А.А. [и др.] (2024). Россия 2035: новое качество национальной экономики // *Проблемы прогнозирования*. № 2 (203). С. 6–20. DOI: 10.47711/0868-6351-203-6-20

- Широкова Е.Ю., Лукин Е.В. (2023). Функционирование производственного сектора экономики Северо-Запада России в 2022–2023 годах: ожидания и реальность // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 44–63. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.4
- Широкова Е.Ю., Леонидова Е.Г. (2022). Оценка влияния технологичности региональной экономики на динамику ее развития // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. № 3. С. 119–127. DOI: 10.17586/2310-1172-2022-17-3-119-127
- Bents D.S., Rezepin A.V. (2023). Medium-term trends in economic and technological development of metals industry regions. *Journal of New Economy*, 24(3), 91–118. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-3-5
- Bugryshev A.L., Panikarova S.V. (2024). Optimization of production stocks as an element of the anticrisis strategy of an industrial enterprise. *Economics of Enterprises and Industrial Complexes*, 2, 23–34. DOI: 10.33917/mic-2.115.2024.23-34
- Galimulina F.F., Shinkevich M.V., Barsegyan N.V. (2023). Development of the financial flow model for the sustainable development of an industrial enterprise. *Journal of Risk and Financial Management*, 16(2), 1–17. DOI: 10.3390/jrfm16020128
- Jie G., Jiahui L. (2023). Media attention, green technology innovation and industrial enterprises' sustainable development: The moderating effect of environmental regulation. *Economic Analysis and Policy*, 79, 873–889. DOI: 10.1016/j.eap.2023.07.003
- Li Z., He L., Zhong Z., Xia Y. (2024). Financial-industrial integration, green technology innovation, and enterprise's green development performance: An empirical analysis of 625 listed industrial enterprises of China. *Environment, Development and Sustainability*, 26(2), 4029–4054. DOI: 10.1007/s10668-022-02869-4
- Lindquist E.A. (2022). The digital era and public sector reforms: Transformation or new tools for competing values? *Canadian Public Administration*. 65(3), 547–568. DOI: 10.1111/capa.12493
- Shi Zh., Ma L., Wang X., Wu Sh., Bai J., Li Z., Zhang Yu. (2023). Efficiency of agricultural modernization in China: Systematic analysis in the new framework of multidimensional security. *Journal of Cleaner Production*, 432, 139611. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.139611
- Tolstykh T., Shmeleva N., Gamidullaeva L., Krasnobaeva V. (2023). The role of collaboration in the development of industrial enterprises integration. *Sustainability*, 15(9), 7180.
- Yang Lu. (2017). Industry 4.0: A survey on technologies, applications and open research issues. *Journal of Industrial Information Integration*, 6, 1–10. DOI: 10.1016/j.jii.2017.04.005

Сведения об авторах

Ма Хуэй — магистр, младший научный сотрудник, Академия общественных наук провинции Цзянси (Китай, 330077, провинция Цзянси, г. Наньчан, North Hongdu Avenue, д. 649; e-mail: Oscar-1206@163.com)

Инна Ричардовна Чеплинские — младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: inna.cheplinskite@mail.ru)

Никита Михайлович Румянцев — научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Ma Hui, Cheplinskite I.R., Rumyantsev N.M.

Modernization of the Industrial System through Digital Intelligent Transformation and Green Development: Experience of Russia and China

Abstract. In Russia and China, a course has been outlined to accelerate the transformation of traditional and stimulate the development of strategically important sectors of the economy in order to build a modernized industrial system. The aim of the study is to explore the possibilities of modernizing regional

industrial systems in the Vologda Region and Jiangxi Province from the perspective of digital transformation and green development. To achieve this goal, tasks such as analyzing the state of the regional industrial systems of the designated regions, studying the directions of their modernization, and proposing measures to facilitate this process were solved. In traditional sectors of the economy, the processes of transformation and integration of the real and digital sectors of the economy are accelerating. At the same time, the promotion of the synergy of digital intellectual transformation and green growth is hindered by the weak competitiveness of industries concentrated in the middle and lower links of regional value chains, the lack of necessary technologies, and uncertainty in value chains. In order to overcome these obstacles, it is important to form industrial clusters in promising sectors of the economy, focus on the development of traditional industries, encourage enterprises to use scientific and technological achievements in production, introduce digital platforms, and apply a number of measures aimed at accelerating the integration of the real and digital sectors of the economy. The novelty of the conducted research lies in identifying trends in digital intellectual transformation and green development of regional industries, as well as in forming a set of measures that contribute to the activation of these processes. The information base of the study was made up of data from the Federal State Statistics Service and the National Bureau of Statistics of China, as well as foreign and domestic research in the field of industrial system modernization. The results of the study can be used by regional authorities in the development of strategic documents to substantiate the directions of economic policy.

Key words: industrial system modernization, digital intelligent transformation, green development, Vologda Region, Jiangxi Province.

Information about the Authors

Ma Hui – Master's degree, Associate Research Fellow, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, North Hongdu Avenue, Nanchang, Jiangxi Province, 330077, China; e-mail: Oscar-1206@163.com)

Inna R. Cheplinskite – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: inna.cheplinskite@mail.ru)

Nikita M. Rumyantsev – Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Статья поступила 16.04.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.4

УДК 001.895, 338.24, ББК 65.291.551-21

© Аверьянов А.О., Степуть И.С.

Кадровое обеспечение инновационных процессов: проблематика и содержание

Александр Олегович

АВЕРЬЯНОВ

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: aver@petrsu.ru

ORCID: 0000-0003-2884-8110; ResearcherID: GLT-8674-2022

Ирина Сергеевна

СТЕПУСЬ

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: stepus@petrsu.ru

ORCID: 0000-0001-5070-0273; ResearcherID: H-1098-2016

Аннотация. В условиях глобальной конкуренции и геополитических вызовов вопросы опережающего инновационного развития и достижения технологического суверенитета приобрели для России особую актуальность. Инновационное развитие во многом зависит от эффективно функционирующей национальной инновационной системы, а технологический суверенитет обеспечивают не инновации сами по себе, а высококвалифицированные специалисты, способные генерировать и реализовывать прорывные идеи. Анализ трендов развития одной из актуальных инноваций современности — технологий искусственного интеллекта — позволяет сделать вывод о наличии определенных барьеров во взаимодействии элементов национальной инновационной системы относительно кадрового обеспечения развития этих технологий. В то же время имеющийся научный задел в этой сфере не обладает формализованным теоретико-мето-

Для цитирования: Аверьянов А.О., Степуть И.С. (2025). Кадровое обеспечение инновационных процессов: проблематика и содержание // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 79–94. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.4

For citation: Averyanov A.O., Stepus I.S. (2025). Innovation processes staffing: Issues and content. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 79–94. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.4

дологическим аппаратом для решения указанной проблемы. Целью проведенного исследования является формирование концептуальных основ кадрового обеспечения инновационных процессов в рамках национальной инновационной системы России. В статье на основе рассмотрения различных точек зрения на интерпретацию ключевых категорий теории инноваций предложена концептуальная схема их взаимосвязи; сформулировано авторское определение кадрового обеспечения инновационных процессов и раскрыто его содержание в рамках российской национальной инновационной системы. На примере сферы искусственного интеллекта как одной из ключевых инноваций выделены отдельные категории кадровых ресурсов, необходимых для различных этапов инновационного процесса. По итогам исследования авторами предложена комплексная схема кадрового обеспечения инновационного процесса в реалиях российской национальной инновационной системы, где в совокупности с ее традиционными элементами (бизнес; университеты и академические структуры; государство) общество рассматривается как важная составляющая кадрового обеспечения развития инноваций. В совокупности полученные результаты позволили формализовать кадровое обеспечение инновационных процессов как научную категорию и определить общий контур этого процесса, который нуждается в дальнейшей конкретизации и развитии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, инновационное развитие, национальная инновационная система, инновационный процесс, инновационный потенциал, ресурсное обеспечение, кадровые ресурсы.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-00827 «Кадровое обеспечение инновационного процесса на примере сферы искусственного интеллекта».

Введение

Инновации являются одним из ключевых драйверов развития современных экономик. В то же время на 2025 год в России нет единого стратегического документа, регламентирующего инновационное развитие страны и целеполагание в этом направлении на долгосрочный период. Однако в 2023–2024 гг. были обновлены ключевые документы, отвечающие за научно-технологическое развитие (далее — НТР), обеспечивающие внедрение инноваций в российской экономике на ближайшие годы (среднесрочный горизонт планирования). В 2023 году распоряжением Правительства Российской Федерации была принята Концепция технологического развития на период до 2030 года¹, а в 2024 году указом Президента РФ обновлена Стратегия научно-технологического

развития Российской Федерации². В качестве магистрального приоритета НТР России в этих документах заявлено сохранение способности государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, обуславливающих технологический суверенитет.

Из лекции Нобелевского лауреата С. Кузнецца следует, что для эффективного развития передовых технологий необходимо наличие соответствующих институциональных структур и идеологических предпосылок, способствующих эффективному внедрению и распространению инновационных решений³. В.А. Ясин-

¹ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/> (дата обращения 16.01.2025).

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (дата обращения 16.01.2025).

³ Kuznets S. Prize Lecture. Modern Economic Growth: Findings and Reflections. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1971/kuznets/lecture/> (дата обращения 16.01.2025).

ский и М.Ю. Кожевников на примере Китая справедливо связывают эффективность научно-технологического развития и, как следствие, становление технологического суверенитета, с выстраиванием национальной инновационной системы (далее — НИС) (Ясинский, Кожевников, 2023). Следуя этим тезисам, НИС можно рассматривать как основу для сохранения технологического суверенитета России.

Не меньшую роль в обеспечении инновационных процессов в стране играет кадровая составляющая. Ученые сходятся во мнении, что человеческий капитал является наиболее важным фактором инновационного развития в России, поскольку именно люди выступают носителями знаний и источниками новых идей (Земцов и др., 2016). К примеру, одним из условий достижения целей НТР России, указанных в ранее упомянутых стратегических документах, является подготовка квалифицированных кадров. Следовательно, одна из ключевых функций НИС состоит в воспроизводстве кадровых ресурсов.

Е.В. Ленчук и В.И. Филатов отмечают, что ресурсное обеспечение инновационных проектов является одним из центральных вопросов, требующих решения до начала их реализации, а сами по себе кадровые ресурсы⁴ выступают одним из ограничений в инновационных процессах (Ленчук, Филатов, 2024). Таким образом, подготовка кадров должна начинаться задолго до непосредственной реализации инновационных процессов.

Рассмотрим эти выводы на примере развития одной из ключевых инноваций современности — технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ). Важную роль институциональных структур в развитии инноваций подтверж-

дает активный процесс развития ИИ в 2020-е гг. в России. За короткий период был разработан ряд ключевых стратегических документов⁵, запущены федеральные программы развития, создан Альянс в сфере ИИ и другие структуры. В то же время пример внедрения технологий ИИ в экономику России показывает, что, несмотря на меры, предпринимаемые российским правительством, в сфере ИИ наблюдается недостаток работников с высокой квалификацией (Аверьянов и др., 2024). Таким образом, по мнению авторов, складывается ситуация, когда деятельность созданных институциональных структур в части подготовки кадровых ресурсов не успевает за скоростью реализации инновационных процессов. Данный тезис подтверждается результатами исследования В.В. Вольчика и Е.В. Маслюковой, отмечающих, что «государственное управление инновационной деятельностью» является самой упоминаемой проблемой в российской инновационной среде (Вольчик, Маслюкова, 2022). Приведенный пример сферы ИИ демонстрирует наличие пробелов в области кадрового обеспечения инновационных процессов.

Рассмотрение проблемы кадрового дефицита через призму концепции национальных инновационных систем и структурно-функционального подхода позволяет выдвинуть гипотезу о причине этих проблем в нарушении устойчивости системы и снижении эффективности взаимодействия между элементами российской НИС. Первым шагом к решению этих проблем является анализ имеющегося теоретико-методологического аппарата.

Обзор литературы и исследований

Этапы генезиса теории инноваций уже не раз рассматривались на страницах научной периодики (Яковец, 2004; Щербаков, 2019). Развитие концепции НИС берет начало в 80–90-х годах XX века в работах зарубежных ученых К. Фримена (Freeman, 1987), Б.-О. Лундвала (Lundvall, 2010), Р.Р. Нельсона (Nelson, 1993) и др. В России развитие концепции НИС нача-

⁴ Несмотря на то, что на уровне страны более «ёмким» является понятие «трудовые ресурсы», здесь и далее по тексту применительно к национальной инновационной системе будет использовано понятие «кадровые ресурсы» как когорты наиболее квалифицированных работников, обладающих специальными знаниями, трудовыми навыками и опытом для каждого из этапов инновационного процесса. В настоящее время понятия «кадровые ресурсы/кадровое обеспечение» являются активно используемыми операциональными категориями инновационной экономики и практики управления. Сравнение категорий «трудовые ресурсы» и «кадровые ресурсы» применительно к теории инноваций не входит в задачи данного исследования.

⁵ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения 16.01.2025).

лось несколько позже, основы инновационного развития раскрываются в работах Н.И. Ивановой (Иванова, 2002), В.Л. Макарова (Макаров, 2003), О.Г. Голиченко (Golichenko, 2014) и др. В качестве современных исследовательских направлений можно выделить экосистемный (Голова, 2021) и нарративный (Вольчик и др., 2023) подходы к рассмотрению развития инноваций.

Появление концепции НИС связывается как с многогранностью и сложностью процессов инновационного развития, требующих новых объясняющих моделей, так и с реакцией на длительный кризис в мировой экономике. О.В. Голиченко пишет, что концепция НИС позволяет преодолеть ключевые недостатки основных экономических теорий (Golichenko, 2014). Н. Шариф, говоря об истоках концепции НИС, отмечает, что в ее основе лежит синтез научных и политических вызовов, обусловленных необходимостью создания новой экономической политики (Sharif, 2006). Это позволяет рассматривать данную концепцию как управленческий фрейм развития инновационной экономики.

Вопросы кадрового обеспечения инновационных процессов зачастую исследуются в контексте категории инновационного потенциала, или же анализируются его отдельные компоненты. Так, например, в работе С.В. Юрина инновационный потенциал и ресурсное обеспечение разделяются, а в качестве ключевых компонентов ресурсного обеспечения выделяются наличие высококвалифицированного кадрового потенциала и наличие инфраструктуры (Юрин, 2010). В исследованиях под руководством Л.Э. Миндели отмечается, что важнейшим и, возможно, самым проблематичным ресурсом в научно-технологическом развитии являются кадры (Миндели, 2019). Е.Э. Головчанская говорит о значимости интеллектуальных ресурсов, под которыми понимается совокупность способностей индивидуумов, действовавших в научно-исследовательской и инновационной деятельности национальной экономики (Головчанская, 2023). А.Ю. Климентьева рассматривает ресурсное обеспечение инновационного процесса как совокупность кадровой, финансовой и информационно-организационной обеспеченности (Климентьева, 2018).

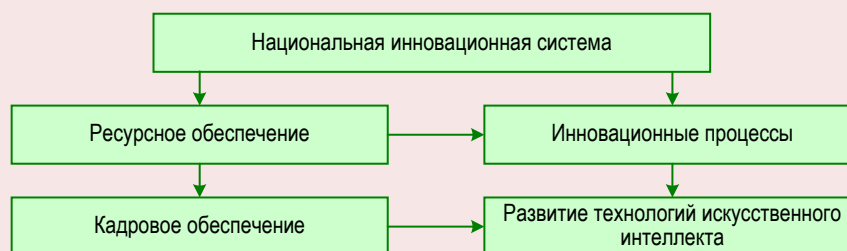
В то же время анализ содержания приведенных работ позволяет говорить о том, что и ресурсное обеспечение инновационных процессов, и его кадровая составляющая не имеют четкой связи с концепцией НИС. Данный вывод подкрепляется тезисом о том, что российская теория инноваций требует разработки единой терминологической парадигмы (Черенков и др., 2019). Таким образом, отсутствие единого теоретико-методологического аппарата требует концептуализации кадрового обеспечения инновационных процессов как объекта исследования.

Целью исследования является концептуализация кадрового обеспечения инновационных процессов в рамках национальной инновационной системы России. Исследование направлено на решение четырех задач: позиционирование кадрового обеспечения инновационных процессов относительно ключевых категорий теории инноваций; формулирование понятия «кадровое обеспечение инновационных процессов»; соотнесение этапов инновационного процесса с категориями кадровых ресурсов; разработка концептуальной схемы кадрового обеспечения инновационных процессов.

Материалы и методы

Исследование базируется на обзоре работ российских и зарубежных ученых в области теории инноваций. В качестве примера актуальных инновационных процессов рассматривается развитие технологий ИИ в российской экономике. В части исследования НИС авторы придерживаются структурно-объектного и функционального методов анализа, предложенных О.Г. Голиченко (Голиченко, 2014). В рамках данного подхода НИС можно рассматривать как совокупность отдельных элементов, а ресурсное обеспечение инновационных процессов как одну из ее функций. При выделении этапов инновационного процесса авторы используют подход Г.А. Щербакова (Щербаков, 2020). Кадровое обеспечение инновационных процессов рассматривается авторами как составляющая ресурсного обеспечения. В рамках данного исследования речь идет именно о кадровых ресурсах на уровне национальной инновационной системы, поскольку трудовые ресурсы являются более широким понятием, включающим всё трудоспособное население.

Рис. 1. Концептуализация объекта исследования

Источник: составлено авторами.

Отличительной чертой кадровых ресурсов как научной категории выступает акцент на обладании специальной подготовкой в предметной области, профессиональной способности к труду. Кадровые ресурсы обладают специальными навыками, позволяющими воспроизводить инновационные процессы на всех этапах. Примером таких ресурсов являются выпускники профильных образовательных программ в сфере ИИ. На *рисунке 1* визуализирована схема, отражающая этот подход к объекту исследования.

Полученные результаты и обсуждение

Взаимосвязь ключевых категорий теории инноваций

Рассмотрим содержание ключевых категорий теории инноваций, таких как инновация, инновационная деятельность, инновационный процесс, НИС, инновационный потенциал и инновационная среда.

Сопоставляя российские исследования с зарубежными первоисточниками, В.И. Черенков, В.П. Марьяненко и Н.И. Черенкова приходят к выводу, что в общем виде инновация является коммерциализацией изобретения (знания) (Черенков и др., 2019). При этом изобретение необходимо понимать максимально широко, поскольку современная теория инноваций рассматривает инновацию не только как продукт или услугу в понимании Й. Шумпетера, но и как технологию. Пример подхода к рассмотрению инноваций как технологий раскрывается через англоязычный термин «General-purpose technology» (Lipsey et al., 2005).

Таким образом, понятие инновационного процесса можно определить этапами создания, развития и использования нового знания или технологии в экономике (Иванов, 2006). Мо-

делирование инновационного процесса в таком понимании наглядно представлено в работе Г.А. Щербакова (Щербаков, 2020). Отметим, что смена моделей организации инновационного процесса не меняет его сущностной интерпретации — это всегда переход от новой идеи к готовому продукту, даже если этот процесс не является линейным (Бурец, 2014).

Перейдем к следующей категории — инновационная деятельность (далее — ИД). В российских исследованиях встречаются понятия научной и инновационной деятельности (Сибирская и др., 2014), которые в том числе закреплены на государственном уровне. В федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» ИД определена как «деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности»⁶. В свою очередь научная деятельность направлена на получение знаний. По мнению М.Е. Попова, ИД — вид деятельности, направленный на реализацию в общественную практику инноваций (нововведений) «под ключ» (Попов, 2011). Однако существуют различные подходы к определению этого понятия (Бобров, Медякина, 2017). В общем виде инновационная деятельность представляет собой набор конкретных действий и процедур по коммерциализации знаний — совокупность

⁶ О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Статья 2. URL: <https://base.garant.ru/135919/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/> (дата обращения 16.01.2025).

целенаправленных действий субъектов НИС для осуществления инновационного процесса. Таким образом, инновационная деятельность является более широким понятием, чем инновационный процесс. Инновационный процесс формализует, структурирует и описывает последовательность ИД в части создания, освоения и распространения инноваций. Другими словами, инновационный процесс формализует логику движения новшества во времени, а инновационная деятельность — это совокупность практических усилий, которые обеспечивают реализацию инновационного процесса. Следуя этим тезисам, при развитии отдельных инноваций необходимо говорить о кадровом (ресурсном) обеспечении именно инновационных процессов на каждом из его этапов, а не деятельности как таковой.

Перейдем к содержанию ключевой категории исследования — национальная инновационная система. Наиболее наглядно его можно представить через ставшее классическим определение Б.-О. Лундвалла: НИС — «элементы и взаимосвязи, которые взаимодействуют при производстве, распространении и использовании новых экономически полезных знаний» (Lundvall, 2010). Под элементами системы понимаются как университеты и подразделения, выполняющие НИОКР, так и маркетинговая и финансовая подсистемы. Таким образом, в исследовании НИС учитываются не только сами элементы системы, но и взаимосвязь между ними.

По мнению Д.С. Меткалфа, НИС это — «система взаимосвязанных институтов, которые создают, хранят и передают знания, навыки и артефакты, определяющие новые технологии» (Metcalf, 1995). С такой точки зрения НИС является институциональным основанием для создания, накопления и реализации ресурсов, необходимых для инновационных процессов.

Иной подход к определению НИС можно проследить в работах Ч. Эдквиста. Ученый определяет инновационную систему как совокупность факторов, обуславливающих инновационные процессы, или как «все важные экономические, социальные, политические, организационные, институциональные и другие факторы, влияющие на развитие, распространение и использование инноваций» (Edquist, 2009).

Рассмотрим взгляды российских ученых на концепцию НИС. О.Г. Голиченко интерпретирует инновационную систему как совокупность государственных, частных и общественных организаций и институтов, а также механизмов их взаимодействия, в рамках которых осуществляется деятельность по созданию, хранению и распространению новых знаний и технологий (Голиченко, 2012). Аналогичный подход прослеживается в работах научного коллектива В.В. Вольчика, который рассматривает НИС как совокупность институтов и организаций, обеспечивающих социальные и экономические взаимодействия: от создания знаний и технологий до их внедрения в производство (Вольчик и др., 2023). Таким образом, национальную инновационную систему можно интерпретировать как совокупность организаций и институтов, взаимодействие которых направлено на поддержание инновационного процесса.

Перейдем к следующей категории — национальный инновационный потенциал. Концепция национального инновационного потенциала рассматривается в работах Д. Фурмана, М. Портера и С. Стерна. Ученые приходят к выводу, что инновационный потенциал — это способность страны производить и коммерциализировать поток инновационных технологий в долгосрочной перспективе (Furman et al., 2002). Другими словами, инновационный потенциал можно описать как способность страны раз за разом воспроизводить инновационные процессы.

В то же время, как отмечает М. Портер, «без квалифицированных учёных и инженеров, работающих в среде, где есть доступ к передовым технологиям, маловероятно, что страна сможет производить значительное количество инновационных продуктов, ранее не существовавших в мире» (Porter, 1990). Это означает, что инновационный потенциал можно рассматривать и как способность к реализации инновационных процессов, и как совокупность ресурсов, обеспечивающих эту способность.

Российские ученые рассматривают инновационный потенциал как «признак социально-экономической системы, характеризующий допустимость (осуществимость) и максимально возможный результат целенаправленной деятельности по изменению структурно-функциональных свойств данной системы» (Гуреев,

Гришин, 2017). Осуществимость, на которой делают акцент авторы, можно интерпретировать как возможность НИС осуществлять инновационный процесс, а эту возможность, в том числе, определяет уровень ресурсной обеспеченности, необходимый для создания и развития инноваций.

С одной стороны, инновационный потенциал является многокомпонентной оценочной категорией, характеризующей возможность реализации инновационного процесса на долгосрочную перспективу. С другой стороны, само по себе существование такой возможности обусловлено наличием какого-либо основания, будь то эффективность взаимодействия элементов инновационной системы или наличие тех или иных ресурсов. Таким образом, национальный инновационный потенциал является мерой, определяющей достаточность имеющихся в стране ресурсов и инфраструктуры для реализации инновационного процесса. Следуя изложенным тезисам, кадровое обеспечение инновационного процесса можно рассматривать как реализацию инновационного потенциала.

Перейдем к рассмотрению последней выделенной категории — инновационная среда. Развивая тезис В.Л. Макарова о том, что в развитии инновационной экономики задача номер один — создание благоприятной инновационной среды (Макаров, 2010), можно сделать вывод, что сложившаяся инновационная среда характеризует эффективность реализации инновационного потенциала страны в ходе инновационных процессов в рамках НИС. Понятие инновационной среды, введенное М. Кастельсом, представляет собой специфическую совокупность отношений менеджмента и производства, направленных на генерирование новых идей, знаний и технологий (Кастельс, 2000). Инновационная среда обладает способностью создавать синергетический эффект, получаемый за счет взаимодействия ее элементов. Исследователи отмечают, что благоприятная инновационная среда значительно повышает как количество инноваций, так и их распространение в существующей НИС (Ma et al., 2024).

Создание благоприятной среды для самореализации кадровых ресурсов — это в первую очередь инструмент для их сохранения и аккумуляции. Как отмечает И.В. Шацкая, «в управ-

лении кадровым обеспечением инновационного развития партнерство инновационных предприятий и образовательных организаций представляет собой систему отношений, предусматривающую создание условий для развития их инновационного потенциала, то есть формирование ресурсов, обуславливающих их восприимчивость к разработке, генерализации и воплощению в жизнь новых идей, продуктов и технологий» (Шацкая, 2022).

Содержание рассмотренных ключевых категорий теории инноваций позволяет сформулировать концептуальную схему их взаимосвязи (рис. 2).

В отношении инновационных процессов НИС является механизмом, который в ходе реализации инновационной деятельности структурирует и направляет использование национального инновационного потенциала в условиях, детерминированных сложившейся инновационной средой. Эти три категории взаимно дополняют друг друга: инновационный потенциал характеризует имеющиеся ресурсы и инфраструктуру, необходимые для инновационной деятельности; НИС организует и направляет инновационные процессы посредством управления ресурсами и инфраструктурой;

Рис. 2. Концептуальная схема взаимосвязи ключевых категорий теории инноваций

Источник: составлено авторами.

инновационная среда определяет внешние и внутренние условия для реализации инновационных процессов в стране.

Кадровое обеспечение инновационных процессов

Согласно предложенной на рисунке 2 схеме, кадровое обеспечение инновационных процессов — скоординированные взаимодействия структурных элементов НИС, направленные на воспроизводство кадровой составляющей инновационного потенциала, необходимой для поддержания инновационных процессов в стране на конкурентоспособном уровне.

Отметим несколько акцентов предлагаемого определения. Во-первых, взаимодействия элементов НИС должны быть согласованы, поскольку именно от синхронизации действий различных структур зависит наличие синергетического эффекта в развитии инноваций, о котором говорилось ранее. Во-вторых, воспроизводство кадровой составляющей инновационного потенциала включает в себя как их создание (подготовку), так и накопление, привлечение и распределение соответствующих ресурсов — действия, направленные на приумножение национального инновационного потенциала. В-третьих, под конкурентоспособным уровнем реализации инновационных процессов понимается объем ресурсов, необходимых для успешного развития инновационной экономики с учетом сохранения национального технологического суверенитета (предлагается как минимальная граница эффективности), и конкурентоспособности на международном уровне (предлагается как целевая граница эффективности). В качестве примера оценки технологического суверенитета можно привести исследование О.С. Сухарева (Сухарев, 2024). В-четвертых, взаимодействия элементов НИС происходят перманентно на двух уровнях. Первый уровень — это кадровое обеспечение общего национального инновационного процесса. Второй уровень — концентрация усилий по воспроизводству кадровых ресурсов для развития отдельных прорывных инновационных технологий.

Структура кадрового обеспечения инновационных процессов на примере сферы искусственного интеллекта

Как справедливо пишет Е.Э. Головчанская, одной из современных тенденций является возрастающая роль высокоинтеллектуального пер-

сона как генератора научных идей, воспроизводящего новые знания (Головчанская, 2024). И.В. Шацкая резюмирует, что высококомпетентные инженерные кадры, готовые к инициативной, созидательной деятельности, становятся ведущей движущей силой инновационного развития (Шацкая, 2022), что позволяет рассматривать кадровые ресурсы как ключевой источник обеспечения динамики инновационных процессов в стране.

Таким образом, эффективность инновационного процесса, да и сама возможность его осуществления, напрямую зависят от наличия соответствующих кадровых ресурсов. Здесь необходимо отметить, что речь идет не только об ученых, конструкторах и инженерах, но и маркетологах, бизнесменах, опытных руководителях. В исследовании В.В. Вольчика и С.А. Пантеевой один из экспертов выразил мнение, что значимость непосредственной идеи (новации) в успешном бизнесе составляет 10–20%, остальное — вклад маркетологов, экономистов и т. д. (Вольчик, Пантеева, 2024).

Как уже было отмечено ранее, инновационный процесс можно формализовать несколькими ключевыми этапами (Щербаков, 2020). Соответственно для каждого из них можно выделить специфичную категорию кадровых ресурсов. В свою очередь это позволит структурировать содержание кадрового обеспечения инновационных процессов. В рамках данного исследования предлагается рассмотреть процесс кадрового обеспечения на примере развития технологий искусственного интеллекта как наиболее актуальной инновации.

Первым этапом инновационного процесса является получение знания. Данный этап подразумевает как проведение фундаментальных исследований, так и генерацию идей отдельными новаторами. Основу ресурсного обеспечения данного этапа составляют ученые — кадры высшей научной квалификации (Мелех и др., 2023). Применительно к сфере ИИ эта категория кадровых ресурсов вовлечена в разработку прорывных научных и конструкторских решений, в том числе формализованных новыми методами или алгоритмами в области анализа данных. Как правило, основным отличием этой категории кадровых ресурсов является наличие научных публикаций или ученой степени. В качестве примера значимых исследователей ИИ

можно привести рейтинг российских ученых, у которых 3 и больше публикации на конференциях А*⁷. Как правило, исследователей в сфере ИИ можно отнести к категории «штучных специалистов», однако их разработки вносят значительный вклад в инновационное развитие страны.

Далее следует этап проведения НИОКР. Мероприятия в рамках данного этапа направлены на определение способов применения результатов фундаментальных исследований, а также разработку отдельных ИИ-продуктов. Ориентируясь на «Базовую модель профессий и компетенций» в сфере ИИ, разработанную Альянсом в сфере ИИ, примером данной категории кадровых ресурсов являются представители профессий «Data Scientist» и «ML Engineer»⁸. Основной акцент по этим профессиям смещен на работу с большими данными, поскольку они являются основой развития этих технологий. Данная категория кадровых ресурсов является более массовой, но также должна обладать высокой квалификацией в предметной области.

Согласно этой же модели, можно выделить категорию кадровых ресурсов для этапа внедрения инновации в производство. Сюда относятся инженеры данных (Data Engineer), технические аналитики (Technical analyst in AI) и менеджмент. Отметим, что рассматриваемая модель более применима для описания производственных процессов, однако она дифференцирует этапы разработки или внедрения инновационного продукта, наглядно показывая разницу в требованиях к кадровым ресурсам на разных этапах инновационного процесса.

Если инновация направлена не только на решение задач внутри компании-разработчика, а позиционируется как отдельный рыночный продукт или услуга (товар), ее распространение (этап диффузии инноваций) требует привлечения квалифицированных руководителей,

менеджеров, маркетологов и т. д. Превращение научно-технических разработок в инновационный товар могут обеспечить профессионально подготовленные специалисты в области менеджмента инноваций (Плигина, 2010).

Также воспроизводство кадровых ресурсов требует наличия научных кадров в сфере инноватики, способных готовить квалифицированных работников в области управления инновациями (Рудской, Туккель, 2015). Аналогичный вывод справедлив и для рассматриваемой сферы ИИ. Ректор МФТИ Д.В. Ливанов отметил, что в России не хватает преподавателей, обучающихся студентов по программам ИИ⁹. Следуя этому тезису, можно сделать вывод, что воспроизводство кадровых ресурсов включает требование к наличию научно-педагогических кадров с компетенциями в предметной области. Соответственно, кадровое обеспечение инновационных процессов подразумевает подготовку научно-педагогического состава.

На *рисунке 3* на примере сферы ИИ визуализировано соответствие между категориями кадровых ресурсов и этапами инновационных процессов.

Отметим, что перечень приведенных профессий не является исчерпывающим, они могут быть не привязаны к отдельным этапам инновационного процесса. Однако модель дает общие представления о структуре кадровых ресурсов в развитии ИИ-технологий, а также является методологическим примером для выделения кадровых ресурсов под тот или иной этап инновационного процесса. Отсутствие обеспечения кадровой потребности экономики по каждой из групп кадровых ресурсов будет приводить к нарушению эффективности инновационных процессов. Учитывая, что подготовка кадров системой высшего профессионального образования — это долгосрочный процесс, разработка соответствующих образовательных программ в той или иной области должна начинаться задолго до ее активного развития.

Концептуализация кадрового обеспечения инновационных процессов

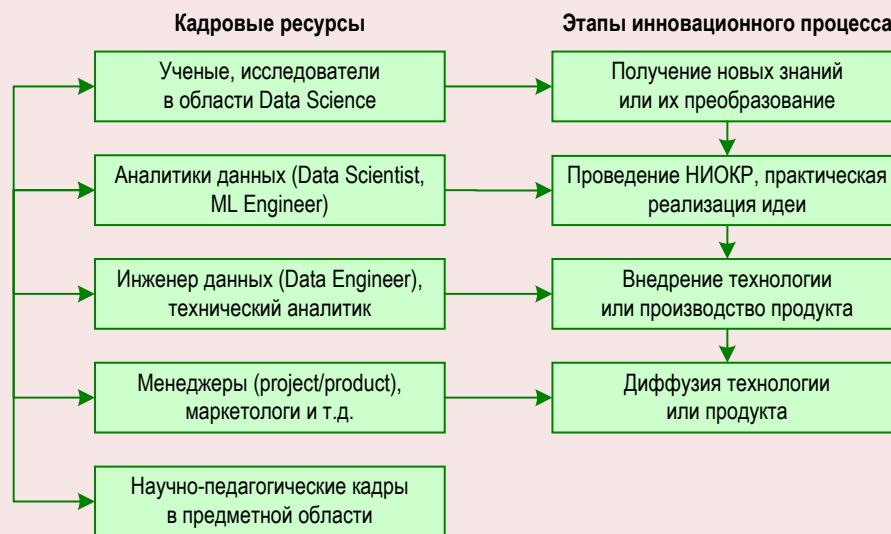
Перейдем к осмыслению кадрового обеспечения инновационного процесса с точки зре-

⁷ Индекс искусственного интеллекта в России: аналитический сборник № 13 / ред. И. Пивоваров // Искусственный интеллект: альманах. М.: Центр компетенций Национальной технологической инициативы на базе МФТИ по направлению «Искусственный интеллект», 2024. Декабрь. 48 с. URL: https://aireport.ru/ai_index_russia-2023 (дата обращения 21.03.2025).

⁸ Базовая модель профессий и компетенций. URL: <https://skills.a-ai.ru/education/methodology/models/> (дата обращения 21.03.2025).

⁹ В МФТИ заявили, что в РФ не хватает преподавателей, обучающихся по программам ИИ. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21698283> (дата обращения 21.03.2025).

Рис. 3. Соотнесение этапов инновационного процесса с категориями кадровых ресурсов на примере сферы ИИ

Источник: составлено авторами.

ния элементов НИС. В целом исследователи отмечают, что сложно судить о наличии в России целостной системы обеспечения кадрами инновационной деятельности (Иванова и др., 2020). Если говорить об элементах НИС, взаимодействие которых влияет на кадровое обеспечение инновационного процесса, то в первую очередь это университеты и государство, поскольку подготовка квалифицированных кадров является одной из социальных функций государства (Вольчик и др., 2023). Примером целенаправленной деятельности государства в области воспроизводства кадровых ресурсов выступает реализация в 2018–2024 гг. федерального проекта «Кадры для цифровой экономики»¹⁰. Говоря о социальной ответственности государства в части развития науки и образования, Л.И. Дмитриченко и И.Б. Аванесова отмечают, что инвестирование в образование и науку обеспечивает стабильный рост, инновационное развитие и конкурентоспособность страны в мировом масштабе (Дмитриченко, Аванесова, 2024). Следуя тезисам авторов, можно сделать вывод, что на фоне международно-

¹⁰ Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики». URL: <https://legalacts.ru/doc/pasport-federalnogo-proekta-kadry-dlja-tsifrovoi-ekonomiki-utv-prezidiumom/> (дата обращения 19.03.2025).

го давления и экономической нестабильности государственная поддержка и финансирование российской науки становятся одним из основных условий сохранения технологического суверенитета страны.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на наличие различных категорий кадровых ресурсов, необходимых для обеспечения инновационного процесса на всех его этапах, основным элементом НИС, влияющим на их воспроизводство, является государство. Государство как институт определяет контрольные цифры приема на те или иные специальности, создает условия для подготовки кадров, выделяет необходимое финансирование, а также контролирует работу университетов по подготовке кадровых ресурсов. В то же время университеты являются той средой, где непосредственно осуществляется подготовка кадровых ресурсов, поскольку университетский комплекс выступает основой для обеспечения высокого научно-технического потенциала государства (Плигина, 2010). Соответственно, можно говорить о двойственном статусе университетов, поскольку, с одной стороны, университеты вовлечены в НИОКР, научную деятельность, а с другой — являются инструментом, воспроизводящим кадровые ресурсы.

Не менее важна роль институтов Академии наук, поскольку они вовлечены в подготовку кадров высшей квалификации. В.М. Полтерович выстраивает цепочку элементов НИС «университеты — академические институты — отраслевые НИИ — исследовательские отделы крупных фирм и институты развития», где функция воспроизводства кадровых ресурсов отводится университетам (Полтерович, 2022). Отметим, что данная схема хорошо соотносится с этапами инновационного процесса. Схожий подход к кадровому обеспечению инновационного прорыва представлен в работе Л.Н. Свириной, где подчеркивается, что основой этого процесса является интеграция вузов, академических и отраслевых институтов, конструкторских бюро и инновационно активных предприятий (Свирина, 2010).

В условиях рыночной экономики, помимо государства и университетов, непосредственное участие в подготовке кадровых ресурсов должны принимать представители бизнеса — компании, заинтересованные в своем инновационном развитии. Также следует отметить такой актуальный современный источник подготовки кадров, как дополнительное профессиональное образование (далее — ДПО). Оно является важной подсистемой института образования, поскольку позволяет переобучать уже существующие кадровые ресурсы (Чикилева, 2020). Российские практики реализации ДПО в сфере ИИ показывают, что, как правило, в роли образовательной организации выступают ведущие в этой области вузы (например МФТИ) и крупные компании с экспертизой в сфере ИИ (например Яндекс), реже специализированные образовательные организации¹¹. Это позволяет не выделять ДПО как отдельный элемент НИС в части подготовки кадровых ресурсов.

Альтернативный пример взаимодействия участников кадрового обеспечения инновационного развития предложен И.В. Шацкой. Она дает концептуальную схему, состоящую из четырех элементов: государства, образовательной организации, инновационного предприятия и индивида. В данной схеме государство

отвечает за регулирование отношений между участниками кадрового обеспечения развития инноваций; образовательная организация, взаимодействуя с предприятиями, готовит квалифицированные кадры, инновационное предприятие проявляет социальную ответственность в части повышения качества образования кадровых ресурсов; индивид (человек) выполняет роль связующего звена между участниками кадрового обеспечения развития инноваций (Шацкая, 2021). Таким образом, индивиду отводится роль точки приложения усилий государства, образовательных организаций и бизнеса. Включение индивида в процесс кадрового обеспечения инновационных процессов закономерно, поскольку, с одной стороны, именно человек является носителем знаний и творческой составляющей, необходимой для генерации новых идей, с другой стороны, учет интересов индивида в современном мире составляет основополагающую задачу большинства государств.

Подобный подход созвучен модели «четверной спирали» инновационного развития, предложенной в работе (Carayannis, Campbell, 2009). Модель предполагает вовлечение общественности в процесс развития инноваций, помимо государства, университетов и бизнеса. Согласно этой концепции, реализация инновационного процесса должна соответствовать требованиям и потребностям индивидов. Таким образом, индивиды, являясь объектом взаимодействия элементов НИС в ходе ресурсного обеспечения инновационных процессов, одновременно должны являться субъектом взаимодействия. На основе этих тезисов предлагается рассматривать общество как совокупность интересов индивидов. Специфика взаимодействия НИС с обществом будет рассмотрена в последующих исследованиях.

Таким образом, кадровое обеспечение инновационного процесса должно быть обеспечено взаимодействием общества, государства, бизнеса, университетов и академических структур, как с точки зрения подготовки кадров, так и с точки зрения их сохранения и привлечения — воспроизводства кадровой составляющей инновационного потенциала. На *рисунке 4* приведена схема кадрового обеспечения инновационного процесса на основе рассмотренных элементов российской НИС.

¹¹ Университет 2035. Дополнительное профессиональное образование в области искусственного интеллекта и в смежных областях при финансовой поддержке от государства. URL: <https://ai.2035.university/> (дата обращения 19.03.2025).

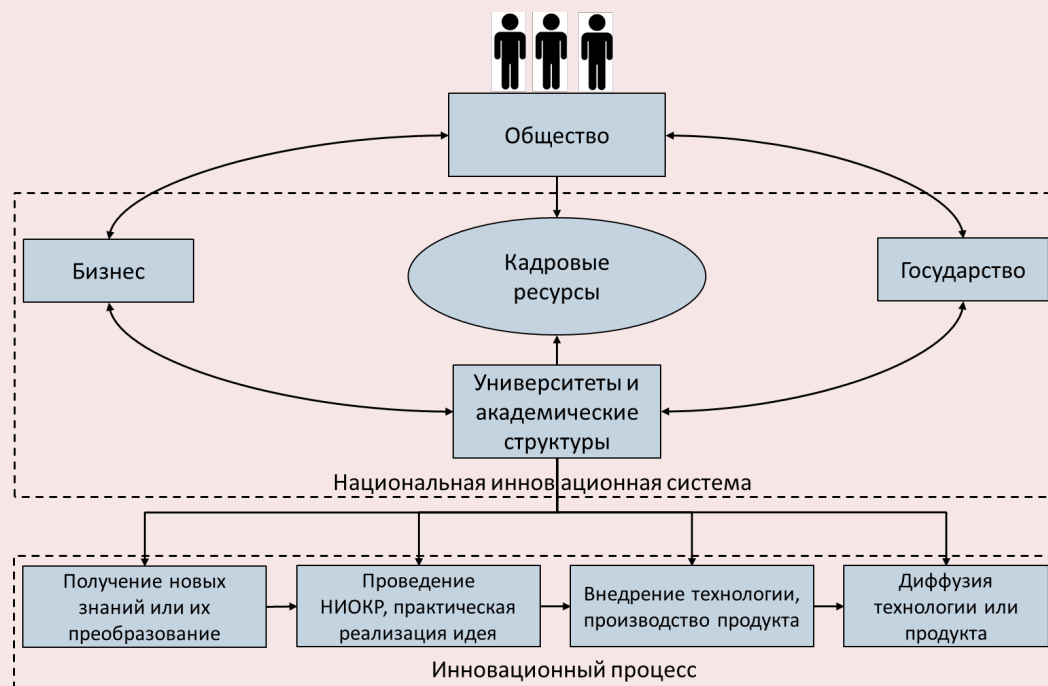
Согласно приведенной схеме, кадровые ресурсы для обеспечения инновационных процессов формируются в ходе взаимодействия элементов инновационной системы и общества, направленного на профессиональную подготовку отдельных индивидов университетами и академическими структурами. Доминирующая роль университетов обусловлена тем, что именно на них возложена обязанность по непосредственной подготовке кадровых ресурсов для разных этапов инновационных процессов. Синергетический эффект от взаимодействия университетов, государства, бизнеса и общества позволяет сохранять и накапливать кадровую составляющую национального инновационного потенциала.

Отметим, что из схемы исключены организации среднего профессионального образования (СПО). Хотя организации СПО также готовят рабочие кадры, необходимые для внедрения инноваций, например, по специальности 09.02.13 «Интеграция решений с применением технологий искусственного интеллекта», их выпускники в меньшей степени вовлечены в науку.

При такой системе наличие дисбаланса во взаимодействии или исключение одного из элементов будет приводить к проблемам в кадровом обеспечении инновационных процессов и к размыванию самого национального инновационного потенциала.

Авторы полагают, что в условиях постоянного дефицита кадров и отсутствия альтернативы инновационному пути развития национальных экономик сохранение и приумножение инновационного потенциала является одной из ключевых задач всех элементов национальной инновационной системы. Только путем согласованного взаимодействия всех ее элементов возможно сохранение технологического суверенитета страны. В качестве одного из инструментов, обеспечивающего, с одной стороны, согласование всех интересов, а с другой стороны – проактивную подготовку кадров, выступает единая стратегия инновационного развития России. Таким образом, можно предположить, что решение проблем нарушения устойчивости НИС и снижения эффективности взаимодействия между ее элементами находится в плоско-

Рис. 4. Концептуальная схема кадрового обеспечения инновационного процесса

Источник: составлено авторами.

сти стратегических документов инновационного развития. Наличие единой долгосрочной стратегии позволило бы выстроить методичную и системную работу всех элементов НИС и сменить подход «тушения пожаров» на стратегическое управление.

Заключение

В исследовании предпринята попытка рассмотреть кадровое обеспечение инновационных процессов через призму концепции НИС. Полученные результаты способствуют приращению научных знаний в области теории инноваций. На основе анализа современных исследований в этой сфере сформирована концептуальная схема взаимосвязи ее ключевых категорий. Определено, что кадровые ресурсы составляют часть инновационного потенциала страны. Исходя из этого тезиса сформулированы содержание и основные положения категории «кадровое обеспечение инновационных процессов». На примере сферы ИИ предложена

методика выявления структуры кадрового обеспечения инновационных процессов. Определена необходимость подготовки научно-педагогических кадров для поддержания процесса воспроизводства кадровых ресурсов. На основе анализа основных элементов НИС России составлена концептуальная схема кадрового обеспечения инновационных процессов. В совокупности с традиционными элементами НИС предложено рассматривать общество как непосредственный источник кадровых ресурсов.

В заключение отметим, что представленный в рамках исследования концептуальный подход к кадровому обеспечению инновационных процессов определяет лишь общий контур этой научной категории и нуждается в дальнейшей конкретизации и развитии.

Результаты работы могут быть использованы учеными, преподавателями и студентами в рамках изучения современных инновационных процессов в России.

Литература

- Аверьянов А.О., Гуртов В.А., Шабаетова С.В. (2024). Отраслевой аспект кадрового обеспечения стратегического развития сферы искусственного интеллекта // Экономика промышленности. Т. 17. № 3. С. 279–290. DOI: 10.17073/2072-1633-2024-3-1316
- Бобров Л.К., Медякина И.П. (2017). О терминологии и некоторых системных проблемах информационного обеспечения инноваций // Информационные и математические технологии в науке и управлении. № 4 (8). С. 129–138.
- Бурец Ю.С. (2014). Эволюция моделей управления инновационным процессом // Вестник Томского государственного университета. № 4 (28). С. 125–139.
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2022). Влияние формальных и неформальных институтов на инновационное развитие экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 77–94. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.4
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2023). Нарративы о российской инновационной системе в средствах массовой информации // Terra Economicus. Т. 21. № 4. С. 25–37. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-25-37
- Вольчик В.В., Пантеева С.А. (2023). Предприниматели и ученые о российской инновационной системе // Журнал институциональных исследований. Т. 15. № 4. С. 6–17. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.4.006-017
- Вольчик В.В., Пантеева С.А. (2024). Совершенствование российской инновационной системы: совмещение модельного и нарративного подходов // Мир России. Т. 33. № 1. С. 163–186. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-1-163-186
- Вольчик В.В., Цыганков С.С., Маскаев А.И. (2023). Эволюция национальных инновационных систем США, Великобритании, Китая и Ирана // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 284–301. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.15
- Голиченко О.Г. (2012). Основные факторы развития национальной инновационной системы // Инновации. № 5 (163). С. 4–18.
- Голиченко О.Г. (2014). Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования // Вопросы экономики. № 7. С. 35–50. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-7-35-50
- Голова И.М. (2021). Экосистемный подход к управлению инновационными процессами в российских регионах // Экономика региона. Т. 17. № 4. С. 1346–1360. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-21

- Головчанская Е.Э. (2023). Интеллектуальные ресурсы в системе стратегического управления инновационным развитием национальной экономики Республики Беларусь // Вопросы инновационной экономики. Т. 13. № 1. С. 597–608. DOI: 10.18334/vinec.13.1.117042
- Головчанская Е.Э. (2024). Особенности национальной инновационной системы в условиях обеспечения технологического суверенитета // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. № 1 (48). С. 7–13. DOI: 10.21777/2587-554X-2024-1-7-13
- Гуреев П.М., Гришин В.Н. (2017). Инновационный потенциал: проблемы определения и оценки // Инновации. № 4 (222). С. 89–92.
- Дмитриченко Л.И., Аванесова И.Б. (2024). Наука и образование как объект социальной ответственности государства // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 1. С. 65–86. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_65_86
- Земцов С., Мурадов А., Уэйд И., Барина В. (2016). Факторы инновационной активности регионов России: что важнее – человек или капитал? // Форсайт. Т. 10. № 2. С. 29–42. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.2.29.42
- Иванов В.В. (2006). Национальные инновационные системы в России и ЕС. М.: ЦИПРАН РАН. 280 с.
- Иванова Н.И. (2002). Национальные инновационные системы. Москва: МАИК «Наука». 244 с.
- Иванова Н.М., Серебренников С.С., Фролова В.Ю. (2020). Кадровое обеспечение инновационной деятельности в условиях цифровизации // Инновации и инвестиции. № 9. С. 3–7.
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: ВШЭ. 606 с.
- Климентьева А.Ю. (2018). Ресурсное обеспечение инновационного развития регионов России и оценка его эффективности // Инновационное развитие экономики. № 2 (44). С. 43–50.
- Ленчук Е.Б., Филатов В.И. (2024). Проекты технологического суверенитета как инструмент инновационного развития российской экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 68–81. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93
- Макаров В.Л. (2003). Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук. Т. 73. № 5. С. 450.
- Макаров В.Л. (2010). Угроза перерождения экономики знаний под воздействием либерального рынка // Экономика региона. № 3 (23). С. 7–19.
- Мелех Н.В., Аверьянов А.О., Гуртов В.А. (2023). Исследователи в сфере искусственного интеллекта: анализ на основе диссертационных работ // Искусственный интеллект и принятие решений. № 3. С. 109–122. DOI: 10.14357/20718594230311
- Миндели Л.Э. (2019). Ресурсное обеспечение российской науки: проблемы и решения. Москва: ИПРАН РАН. 159 с. DOI: 10.37437/9785912941320-19-m2
- Плигина Н.А. (2010). Национальная инновационная система: институциональный подход // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 243–253.
- Полтерович В.М. (2022). Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (55). С. 238–244. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-17
- Попов М.Е. (2011). Технология и ее роль в инновационном развитии общества // Вестник Донского государственного технического университета. Т. 11. № 8–2 (59). С. 1356–1371.
- Рудской А.И., Туккель И.Л. (2015). Инноватика: вопросы теории и кадрового обеспечения инновационной деятельности // Инновации. № 11 (205). С. 3–11.
- Свирина Л.Н. (2010). Кадровое обеспечение инновационного развития экономики России // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 263–272.
- Сибирская Е.В., Строева О.А., Мартов С.Н. (2014). Инновационная деятельность в национальной экономике: содержание и структура // Инновации. № 5 (187). С. 30–33.
- Сухарев О.С. (2024). Технологический суверенитет России: формирование на базе развития сектора «экономика знаний» // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 1. С. 47–64. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_47_64
- Черенков В.И., Марьяненко В.П., Черенкова Н.И. (2019). Развитие теории инноваций: некоторые проблемы // Вестник Московского университета. № 1. С. 3–29.
- Чикилева Е.Н. (2020). Тенденции и условия развития дополнительного профессионального образования в России: социологический анализ (на примере Белгородской области) // Регион: Экономика и Социология. № 2 (106). С. 112–136. DOI: 10.15372/REG20200206

- Шацкая И.В. (2021). Концепция стратегического управления кадровым обеспечением инновационного развития. Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС. 342 с.
- Шацкая И.В. (2022). Глобальные тренды совершенствования системы кадрового обеспечения инновационного развития // Стратегирование: теория и практика. Т. 2. № 2 (4). С. 241–256. DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-2-241-256
- Щербаков Г.А. (2019). Генезис и развитие научных представлений о роли инноваций в экономическом процессе // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 10. № 4. С. 470–486. DOI: 10.18184/2079-4665.2019.10.4.470-486
- Щербаков Г.А. (2020). Влияние циклических закономерностей на инновационно-преобразовательные процессы в экономике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 11. № 1. С. 44–58. DOI: 10.18184/2079-4665.2020.11.1.44-58
- Юрин С.В. (2010). Национальные рычаги. Ресурсное обеспечение национальной инновационной системы // Креативная экономика. № 7 (43). С. 28–33.
- Яковец Ю.В. (2004). Эпохальные инновации 21 века. Москва: ЗАО «Издательство «Экономика». 437 с.
- Ясинский В.А., Кожевников М.Ю. (2023). Борьба за технологический суверенитет: опыт Китая и уроки для России // Проблемы прогнозирования. № 5 (200). С. 196–209. DOI: 10.47711/0868-6351-200-196-209
- Carayannis E., Campbell D.F.J. (2009). 'Mode 3' and 'Quadruple Helix': Toward a 21st century fractal innovation ecosystem. *International Journal of Technology Management*, 46(3), 201–234. DOI: 10.1504/IJTM.2009.023374
- Edquist C. (2009). Systems of innovation: Perspectives and challenges. In: *The Oxford Handbook of Innovation*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199286805.003.0007
- Freeman C. (1987). *Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan*. London, New York: Pinter Publishers.
- Furman J.L., Porter M.E., Stern S. (2002). The determinants of national innovative capacity. *Research Policy*, 31(6), 899–933. DOI: 10.1016/S0048-7333(01)00152-4
- Golichenko O. (2014). The methodology of national innovation system analysis. *Quality Innovation: Knowledge, Theory, and Practices*, 94–122. DOI: 10.4018/978-1-4666-4769-5.ch005
- Lipsey R., Carlaw K.I., Bekar C.T. (2005). *Economic Transformations: General Purpose Technologies and Long-Term Economic Growth*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Lundvall B. (2010). *National Systems of Innovation: Toward a Theory of Innovation and Interactive Learning*. London: Anthem Press.
- Ma B., Yang Y., Zhang M., Zhang M., Shentu X. (2024). The impact of innovation environment on the quality of innovation in national key laboratories: A comparative study based on multiple cases. *Journal of the Knowledge Economy*, 6, 1–19. DOI: 10.1007/s13132-024-02510-x
- Metcalf J.S. (1995). Technology systems and technology policy in an evolutionary framework. *Cambridge Journal of Economics*, 19(1), 25–46.
- Nelson R.R. (1993). *National Innovation Systems: A Comparative Analysis*. Oxford: Oxford University Press.
- Porter M.E. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press.
- Sharif N. (2006). Emergence and development of the National Innovation Systems concept. *Research Policy*, 35(5), 745–766. DOI: 10.1016/j.respol.2006.04.001

Сведения об авторах

Александр Олегович Аверьянов — научный сотрудник, Петрозаводский государственный университет (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33; e-mail: aver@petrsu.ru)

Ирина Сергеевна Степуть — кандидат экономических наук, заместитель директора, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33; e-mail: stepus@petrsu.ru)

Averyanov A.O., Stepus I.S.

Innovation Processes Staffing: Issues and Content

Abstract. In the context of global competition and geopolitical challenges, the issues of outstripping innovative development and achieving technological sovereignty have become particularly relevant for Russia. Innovative development largely depends on an effectively functioning national innovation system, and technological sovereignty is ensured not by innovations themselves, but by highly qualified specialists capable of generating and implementing breakthrough ideas. An analysis of the trends in the development of artificial intelligence technology, a most relevant innovation of our time, allows us to conclude that there are certain barriers in the interaction of elements of the national innovation system regarding the provision of human resources for the development of this technology. The existing scientific groundwork in this area does not have a formalized theoretical and methodological framework for addressing this problem. The aim of our research is to design the conceptual foundations for staffing innovation processes in the context of Russia's national innovation system. Based on the consideration of various points of view on the interpretation of key categories of innovation theory, the article offers a conceptual scheme of their relationship; we formulate our own definition of innovation processes staffing and disclose its content within the framework of Russia's national innovation system. Using the example of artificial intelligence as one of the key innovations, we identify categories of human resources necessary for various stages of the innovation process. Based on the findings of the study, we propose a comprehensive scheme for staffing the innovation process in the context of the Russian national innovation system, where, together with its traditional elements (business; universities and academic structures; the state), society is considered as an important component of staffing innovation development. Taken together, the results obtained make it possible to formalize innovation processes staffing as a scientific category and define the general outline of this process, which needs further elaboration and development.

Key words: artificial intelligence, innovative development, national innovation system, innovation process, innovation potential, resource provision, human resources.

Information about the Authors

Aleksandr O. Averyanov – Researcher, Petrozavodsk State University (33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: aver@petsu.ru)

Irina S. Stepus – Candidate of Sciences (Economics), deputy director, Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University (33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: stepus@petsu.ru)

Статья поступила 09.06.2025.

Бюджетные параметры крупнейших городов и их влияние на экономическое развитие регионов

**Вера Владимировна
ЛЕВИНА**

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация
e-mail: vvl2004@mail.ru
ResearcherID: ACX-5445-2022

Аннотация. В настоящее время большой вклад в развитие регионов вносят крупные города. Предполагается, что развитие городских финансов является предпосылкой для ускорения регионального развития. В исследовании внимание сконцентрировано на таких задачах, как сравнение бюджетных параметров крупных городов, оценка взаимосвязей передачи налоговых нормативов сверх обязательного минимума в городские бюджеты, получения больших объемов целевых трансфертов и уровня экономического развития регионов. Анализируются бюджетные показатели 14 российских городов-миллионников. Выявлено, что уровень развития региона, который оценивался исходя из показателей валового регионального продукта и рейтингов научно-технологического развития, не имеет устойчивой связи со структурой налоговых доходов административного центра. При этом в пятилетнем периоде практически не происходило значимых изменений в данной сфере. Получение межбюджетных трансфертов в большей степени также определяется сложившимися схемами взаимодействия властей различных уровней, а не экономической целесообразностью. В данном случае наглядно проявляется «эффект колеи», когда сложившаяся практика повторяется на протяжении всего рассмотренного периода. В результате был сделан вывод о том, что крупные города не получают достаточных бюджетных стимулов для содействия экономическому и научно-технологическому развитию регионов, потенциал бюджетного взаимодействия с данными городами используется недостаточно, оно подвержено влиянию «эффекта колеи». Представляется целесообразным в будущих исследованиях

Для цитирования: Левина В.В. (2025). Бюджетные параметры крупнейших городов и их влияние на экономическое развитие регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 95–111. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.5

For citation: Levina V.V. (2025). Budget parameters of metropolises and their impact on the economic development of regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 95–111. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.5

уделить внимание формированию рекомендаций органам федеральной власти и органам власти субъектов Российской Федерации по совершенствованию бюджетного взаимодействия с органами местного самоуправления городов, являющихся драйверами инновационного развития территорий.

Ключевые слова: развитие территорий, городской бюджет, налоговые доходы, стимулы, административный центр субъекта РФ, регионы.

Введение

Развитие городов выступает предпосылкой для развития регионов в целом. Крупный город, по сути, формирует инновационную среду, имеет большие возможности генерации налоговых поступлений, развивается быстрее других территорий. Одновременно в российской практике сложилась ситуация, когда крупные города (за исключением имеющих статус городов федерального значения) являются муниципальными образованиями, а именно городскими округами или городскими округами с внутригородским делением. Следовательно, бюджетные доходы формируются таким образом, что лишь незначительная часть налоговых поступлений, генерируемых городской экономикой, поступает непосредственно в городской бюджет. В результате бюджеты даже самых крупных инновационно развивающихся городов характеризуются невысоким уровнем налоговых поступлений, зависимостью от трансфертов из вышестоящих бюджетов, что снижает заинтересованность органов власти в расширении налоговой базы в результате более эффективного и инновационного использования имеющихся на территории ресурсов.

В условиях нестабильности последних лет указанные проблемы остались нерешенными, а потенциал совершенствования бюджетной политики в крупных городах не был реализован в необходимой степени.

Органы власти субъектов РФ имеют определенные возможности в перераспределении налоговых доходов и предоставлении межбюджетным трансфертов муниципальным образованиям, включая крупные города. На наш взгляд, уровень централизации бюджетных доходов в регионе и система стимулов, созданная для органов местного самоуправления в рамках бюджетной политики, важны и влияют на развитие территорий.

В теоретическом плане наше исследование базируется на двух научных направлениях: концепциях территориального развития, в частности изучающих процессы развития крупных городов, агломераций, и теоретических основах публичных финансов.

В современных условиях роль крупных городов продолжает расти, а инновационное развитие территорий во многом связывается именно с социально-экономическими процессами в крупных городах (Гоффе, 2014). На неоднородность развития территорий влияют как миграционные процессы, так и более активное формирование в них горизонтальных связей, предпринимательского сообщества, профессиональных сообществ в сфере креативных индустрий, что создает базу для инновационного развития соответствующих городов (Mellander, Florida, 2008).

В контексте нашего исследования важными являются положения центр-периферийной парадигмы (Friedmann, 1966), исходя из которой в развитии регионов можно достигать лучших результатов за счет концентрации ресурсов в крупном городе-центре (Fujita et al., 2001; Fujita, Thisse, 2013), а затем создавать условия для распространения инноваций по территории региона в целом, что происходит в соответствии с определенными закономерностями. Изучение данных процессов в контексте российских реалий свидетельствует о преобладающей роли двух столичных агломераций и необходимости развития других региональных центров, что, безусловно, требует усилий со стороны региональных и федеральных властей (Кузнецова, 2019). Потенциал развития у крупных городов есть, еще в 2010 году доля занятых в крупных городах (Омск, Самара, Новосибирск, Волгоград) превышала две трети от общей численности занятых в регионе (Зубаревич, 2010), а доля инвестиций в крупных городах достигала от 40 до 80%, и данный показатель постоянно

увеличивается (Лексин, Порфирьев, 2017). Таким образом, значимость крупных городов для развития регионов в целом изучена как в российских, так и в зарубежных исследованиях и не вызывает сомнений.

Научно-технологическое развитие регионов как одно из важных и актуальных направлений экономического развития в целом в последние годы широко изучается отечественными учеными. В частности, большое внимание уделяется вопросам адекватной оценки уровня развития территорий, выбора показателей для оценки, методологии составления соответствующих рейтингов (Кузнецова, 2023). Существует мнение о необходимости дифференцированного подхода к реализации научно-технологической политики в зависимости от характеристик региона. В частности, его успешность связывается с тем, насколько мероприятия адекватны типу региона, уже достигнутой степени его развития (Бывшев и др., 2024).

Однако вопросам взаимосвязей бюджетных параметров административного центра региона и перспектив его экономического развития пока не уделяется достаточно внимания.

В определенной мере идеи децентрализации как предпосылки регионального развития следуют из положений теоремы У. Оатса, согласно которой децентрализованное принятие решений о предоставлении региональных публичных услуг эффективнее централизованного при условии снижения государственных затрат (Oates, 1999). Аналогичный вывод был сделан в ряде российских исследований о влиянии децентрализации на эффективность бюджетной и экономической политики (Юшков и др., 2017; Печенская-Полищук, 2021). Тем не менее усложнение межбюджетных отношений и более активное финансирование муниципального уровня управления не всегда приводит к формированию устойчивых стимулов к развитию (Wildavsky, Caiden, 2004).

Акцент в современной бюджетной политике на изучении финансов именно крупных городов и межбюджетных отношений непосредственно с ними следует из концепции «Федерализм песочных часов», сформулированной Куршене (Courchene, 2004). Согласно этой теории, более значимы для территориального развития не регионы, которые становятся «зауженным

центром» песочных часов, а крупные города, которые и являются точками роста в плане инновационного развития страны, что обусловлено качеством человеческого капитала, предпосылками, создаваемыми развитой социальной сферой и образованием. Аналогичной позиции придерживается и Т. Херршель, который отмечает, что для эффективной реализации потенциала крупных городов необходимо деятельное участие городских властей в пространственном управлении (Herrschel, 2014). Однако в российской практике большее внимание традиционно уделяется бюджетному взаимодействию федерального и регионального уровней управления, а муниципалитеты независимо от их масштаба и инновационных возможностей рассматриваются как менее значимый уровень бюджетной системы. В то же время согласование региональных и муниципальных интересов является очевидной предпосылкой для территориального развития (Левина, 2019).

Внимание к крупным городам со стороны государства обычно проявляется как стремление «к увеличению своего влияния в экономике, в частности в процессах урбанизации, а объекты его регулирования — агломерации как муниципальные кластеры, теряя в самостоятельности, надеются на получение взамен от государства неких преференций» (Швецов, 2023), а бюджетные отношения с ними строятся таким образом, что в большей мере решаются задачи финансового обеспечения вышестоящих бюджетов, что проявляется как увеличение централизации бюджетных доходов (Печенская-Полищук, 2021).

Российскими учеными региональные и муниципальные финансы, в том числе бюджетная политика крупных городов, в последние годы изучались в контексте влияния на нее кризисов и возможности адекватного ответа на внешние вызовы с использованием бюджетных инструментов (Жихаревич и др., 2020). На основе изучения общих особенностей механизмов поддержания шокоустойчивости проводились исследования способности бюджетов крупных городов, в частности Москвы и Санкт-Петербурга, к функционированию в условиях турбулентности и реализации новых проектов в бюджетной сфере. Показано, что два крупнейших мегаполиса не только

справляются с вызовами, но и демонстрируют активное развитие собственной бюджетной политики (Климанов, Михайлова, 2023). Очевидно, что в других городах, даже с численностью населения около миллиона человек, таких возможностей явно меньше. Так, анализ городских бюджетов, проведенный В.В. Климановым и А.А. Михайловой, позволил сделать выводы о недостаточности собственных доходов их бюджетов и необходимости формирования рекомендаций по бюджетному развитию исходя из ресурсной обеспеченности и качества управления муниципальными финансами (Климанов, Михайлова, 2024). Изучая бюджетную политику городов, исследователи указывают на проблему перераспределения налоговых нормативов (Тимушев, Михайлова, 2024). Авторы по-разному подходят к тому, какие нормативы предпочтительнее для местных бюджетов. В исследованиях на данных 2018 года было показано, что «широкий набор налогов не свидетельствует в полной мере об автономии городских округов, но высокий норматив отчислений по НДФЛ — может» (Бухарский, Лавров, 2020). При рассмотрении влияния нормативов на бюджетную политику муниципалитетов отдельно выделяют передачу доходов по единым и дифференцированным налоговым нормативам, каждый из подходов имеет свои преимущества и недостатки с позиции получателей (Арлашкин, 2020).

Наряду с оценкой влияния нормативов по передаваемым налоговым доходам большое внимание в современных исследованиях уделяется и комплексной оценке влияния уровня бюджетной и налоговой внутрирегиональной децентрализации на стимулы к экономическому развитию территорий (Бухарский, 2021; Тимушев, 2021).

Продолжая тему оценки результативности использования различных бюджетных инструментов и стимулов для поощрения территориального развития, следует рассмотреть подходы к оценке эффективности. Не всегда изменения происходят однонаправленно, в соответствии с первоначальной задумкой (Леонов, 2023). Это может быть связано с недостаточностью стимулирующего воздействия, наличием антистимулов, иными причинами. Формирование методических подходов в данной сфере значимо для

оценки развития крупных городов в условиях регулирования со стороны региональных и федеральных властей.

Таким образом, значимость бюджетной политики городов и необходимость ее совершенствования для обеспечения развития территорий являются важной научной проблемой.

Исходя из этого, задачи нашего исследования заключаются в выявлении основных тенденций и проблем, характеризующих бюджетными параметрами крупных городов, сравнении городов-миллионников по величине налоговых доходов, их структуре, величине расходов на образование; анализе связи видов налогов, доходы по которым передаются в бюджеты мегаполисов, и величин используемых нормативов с темпами экономического развития; выявлении основных особенностей и проблем межбюджетных отношений в наиболее экономически развитых субъектах РФ в контексте согласования интересов регионального и местного уровня управления, оценке связи данных отношений с уровнем экономического развития территории; обоснование рекомендаций по совершенствованию подходов к распределению налоговых доходов и межбюджетных трансфертов между бюджетами регионов и их административных центров, являющихся городами-миллионниками.

Объектом исследования выступают крупнейшие города, а именно города — административные центры субъектов РФ с численностью населения миллион человек и более, имеющие статус муниципальных образований. Исходя из этого, два крупнейших мегаполиса — Москва и Санкт-Петербург, которые являются городами федерального значения и, соответственно, субъектами РФ, а не муниципальными образованиями, не рассматривались в нашем исследовании в связи с несопоставимостью бюджетных параметров городов — субъектов РФ и городов — муниципальных образований.

Гипотеза исследования состоит в том, что крупные города — административные центры субъектов РФ не получают достаточных бюджетных стимулов для содействия экономическому и научно-технологическому развитию регионов, потенциал бюджетного взаимодействия регионов с крупными городами используется недостаточно.

Методы

Для оценки уровня экономического развития субъектов РФ использовались данные о валовом региональном продукте (ВРП), численности населения, средней заработной плате, предоставленные службой статистики, а также рейтинги регионов по инновационному и научно-технологическому развитию за 2021–2023 гг. Данные рейтинги принимались во внимание, так как инновационное развитие территории является частью его экономического развития и предопределяет его дальнейшие перспективы. В рамках исследования в основном рассматривались национальные рейтинги научно-технологического развития, рейтинги инновационного развития, составленные по различным методикам¹.

В результате были выделены регионы, имеющие лучшие характеристики по уровню экономического развития в целом. В большинстве из них административными центрами являются города с численностью населения более миллиона человек. Исходя из этого, базой для сравнения бюджетных показателей были выбраны города-миллионники. Отдельно выделялись города, более благополучные по показателю ВРП как базовому критерию экономического развития (Гранберг и др., 1998) и уровню инновационного развития как одной из актуальных характеристик экономического развития территорий. Агрегируя данные различных рейтингов, можно выделить перечень лидирующих регионов. Это Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Республика Татарстан, Свердловская область, Самарская область, Республика Башкортостан, далее с некоторым отставанием в рейтинги входят остальные субъекты РФ, административными центрами которых являются города-миллионники. Исходя из статуса, Москва и Санкт-Петербург не могут быть объектами для сравнений бюджетных параметров с другими городами (Кузнецова, 2018). Еще одним исключением для нашего исследования стала Московская область, являющаяся частью Московской агломерации и развивающаяся по иным принципам в плане реализации центр-периферийной парадигмы развития.

Очевидными исключениями при анализе экономического развития регионов стали Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, в которых уровень ВРП существенно выше, чем во многих других регионах, в связи с ресурсной обеспеченностью. Численность населения их административных центров мала, поэтому рассмотрение данных субъектов РФ в нашем исследовании не вполне корректно.

В качестве регионов, которые характеризуются более высоким уровнем экономического развития, исходя из показателей ВРП на душу населения, рассматривались Республика Татарстан, Пермский и Красноярский края, Свердловская и Самарская области (табл. 1).

В большинстве перечисленных в таблице 1 субъектов РФ величина ВРП как в целом, так и на душу населения превышает средние значения, что связано в том числе с наличием крупного, экономически развитого административного центра. Это проявляется на протяжении всего рассматриваемого периода и может рассматриваться как устойчивая тенденция. В особенности следует выделить Красноярский край, Свердловскую область, Татарстан, Краснодарский край, в которых наблюдался наиболее существенный уровень ВРП.

В качестве лидеров по инновационному развитию, в которых административные центры – города с численностью населения более миллиона человек, рассматривались такие регионы, как Республика Татарстан, Новосибирская область, Нижегородская область, Республика Башкортостан, Свердловская и Самарская области, Пермский край. Два указанных множества регионов являются пересекающимися, что обусловлено очевидной связью между научно-технологическим и промышленным развитием территорий, но, тем не менее, не совпадают.

Анализ бюджетов 14 городов, численность населения в которых превышает миллион человек, проводился по утвержденным отчетам об исполнении бюджетов за 2019–2023 гг. В ходе исследования оценивалась структура доходной части бюджетов городов, в том числе подробная структура налоговых поступлений

¹ Об утверждении перечня показателей, используемых для формирования национального рейтинга научно-технологического развития субъектов РФ и перечня дополнительных аналитических показателей, характеризующих научно-технологическое развитие субъектов РФ: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2024 г. № 3571-р; Рейтинг инновационного развития субъектов РФ. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir>; Рейтинг регионов по научно-технологическому развитию. URL: <https://riarating.ru/infografika/20231023/630251402.html>

Таблица 1. ВРП на душу населения в регионах, административными центрами которых являются города-миллионники, 2010–2022 гг., тыс. руб.

Регион	2010 г.	2020 г.	2022 г.	2022/2020	2022/2010
Омская обл.	193	407	514	1,262899	2,663212
Волгоградская обл.	166	388	491	1,265464	2,957831
Воронежская обл.	148	457	601	1,315098	4,060811
Новосибирская обл.	181	484	694	1,433884	3,834254
Пермский край	235	540	796	1,474074	3,387234
Респ. Башкортостан	186	412	549	1,332524	2,951613
Нижегородская обл.	197	507	739	1,457594	3,751269
Челябинская обл.	188	464	674	1,452586	3,585106
Ростовская обл.	154	406	556	1,369458	3,61039
Самарская обл.	216	508	754	1,484252	3,490741
Красноярский край	372	950	1164	1,225263	3,129032
Свердловская обл.	243	584	816	1,39726	3,358025
Респ. Татарстан	264	658	1045	1,588146	3,958333
Краснодарский край	197	459	739	1,610022	3,751269
Среднее значение по РФ*	194	481	687	1,428274	3,541237

* За исключением ХМАО, ЯНАО, Московского региона и Санкт-Петербурга.

Составлено по: данные официальной статистики.

Таблица 2. Базовые показатели доходов городских бюджетов

Город	Численность населения, тыс. чел.	Налоговые доходы в расчете на 1 жителя, тыс. руб.	Доходы в расчете на 1 жителя, тыс. руб.
Волгоград	1019	6,61	42,22
Воронеж	1046	11,0	40,63
Екатеринбург	1 536	17,95	47,9
Казань	1318	14,89	33,26
Краснодар	1138	23,14	67,85
Красноярск	1205	23,34	46,6
Нижний Новгород	1213	15,69	52,01
Новосибирск	1633	18,49	51,14
Омск	1104	10,65	36,94
Пермь	1028	20,05	55,4
Ростов-на-Дону	1136	17,9	54,02
Самара	1164	16,68	35,53
Уфа	1129	13,22	41,48
Челябинск	1177	15,46	47,94

Составлено по: данные официальной статистики, отчеты об исполнении бюджетов.

и межбюджетных трансфертов. При анализе структуры расходной части бюджетов внимание концентрировалось на расходах на образование, как основных для местных бюджетов и имеющих непосредственное отношение к развитию инновационного потенциала территории.

Базовые показатели и их значения по итогам исполнения бюджетов за 2023 год представлены в *таблице 2*, составленной на основе дан-

ных официальной статистики и отчетов об исполнении городских бюджетов за 2023 год.

Таким образом, эти города характеризуются численностью населения, отличающейся в 1,6 раза, что позволяет рассматривать их как сравнимые и близкие по значению данного параметра объекты. Доходы бюджета в расчете на одного жителя в рассматриваемых городах также отличаются не очень существенно, а именно в 1,6 раза. При этом налоговые доходы характе-

ризируются большей дифференциацией, при расчете на жителя данный показатель варьируется в 3,5 раза, что подтверждает значимость анализа формирования бюджетных доходов как источника финансирования.

Таким образом, в ходе исследования были использованы методы описательной статистики, системно-структурный и динамический анализ. Кроме того, во внимание принимался институциональный подход к оценке бюджетной политики и развития территорий, что нашло выражение при выделении значимых для бюджетной политики формальных и неформальных институтов, оценке влияния «эффекта колеи» (Аузан и др., 2022). В частности, была показана значимость данного эффекта и влияния неформальных институтов в бюджетной политике территорий.

Результаты

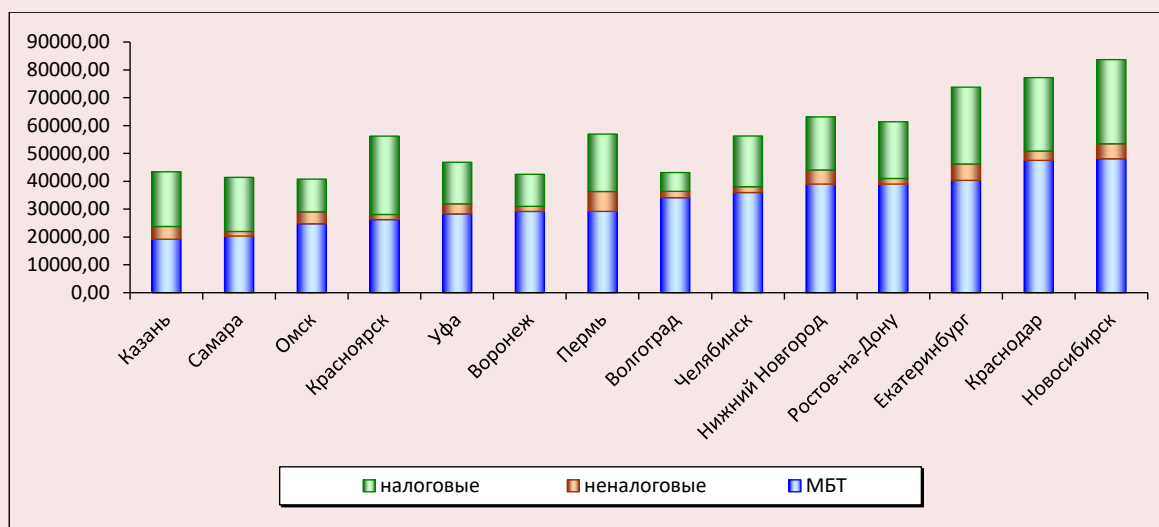
Развитие региона концентрируется в его административном центре, и именно он определяет потенциал территории к развитию и степень использования этого потенциала. Для оценки ресурсных возможностей городов были рассмотрены доходы их бюджетов (рис. 1).

Основной источник доходов бюджетов в городах-миллионниках — межбюджетные трансферты. Только в бюджетах Казани и

Красноярска налоговые доходы незначительно превышают величину межбюджетных трансфертов. В остальных городских бюджетах вклад межбюджетных трансфертов больше, чем налоговых поступлений. Причем в бюджетах пяти городов величина трансфертов превышает величину налоговых поступлений в 2 и более раз. В Волгограде данный разрыв максимален — в 5 раз. Это свидетельствует о невозможности самофинансирования, обусловленной структурой распределения доходных источников между бюджетами различных уровней.

Нужно учитывать, что основную часть межбюджетных трансфертов в бюджетах городов составляют целевые трансферты. Вклад субсидий и субвенций соизмерим, а их значимость для развития территорий принципиально отличается. Субсидии показывают, насколько территория «встроена» в реализацию различных проектов и программ регионального и федерального уровня, что обычно положительно влияет на показатели развития территорий. Субвенции характеризуют объемы переданных на муниципальный уровень полномочий и прямо не связаны с развитием территорий, в большей мере отражая сложившуюся в субъекте РФ практику распределения полномочий между уровнями управления.

Рис. 1. Доходы бюджетов городов, 2023 год, млн руб.

Составлено по: данные отчетов об исполнении бюджетов муниципальных образований.

Анализируя распределение конкретных видов межбюджетных трансфертов, можно отметить, что их соотношение достаточно сильно отличается. Можно выделить регионы, где субсидии и субвенции выделяются в существенно меньших объемах по сравнению со средними значениями. Например, в Татарстане так формируется бюджет Казани. Это позволяет утверждать, что бюджетная система Татарстана характеризуется более высоким уровнем централизации, ресурсы концентрируются в региональном бюджете.

Регионы, где активнее идет софинансирование расходов муниципального бюджета, то есть органы местного самоуправления активнее участвуют в различных национальных, федеральных и региональных проектах и программах, — Нижегородская, Ростовская и Волгоградская области, а также Краснодарский край. Наименее активно в подобном софинансировании участвуют органы местного самоуправления Казани, Красноярска, Самары и Челябинска (рис. 2).

Регионы, где полномочия наиболее активно передаются на уровень города, — это Челябинская, Новосибирская и Ростовская области.

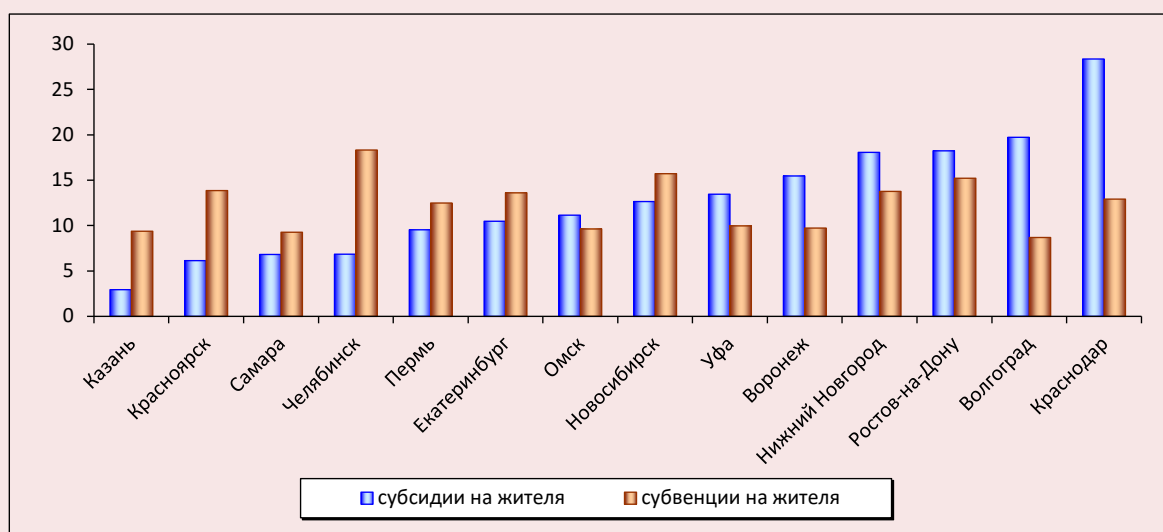
Таким образом, бюджеты всех рассмотренных городов характеризуются получением значительных объемов субсидий и субвенций.

Причем общие объемы субсидий и субвенций в расчете на жителя в бюджетах отличаются не так существенно (за исключением Казани и Самары), как соотношение двух этих видов трансфертов среди доходов бюджетов. В бюджетах Казани, Самары, Красноярска и Челябинска существенно в меньшей степени представлены субсидии, что может быть связано с высоким уровнем централизации управления, преобладанием финансирования расходов напрямую из регионального бюджета. Обратная ситуация характеризует бюджетную политику Краснодара, Волгограда, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, в бюджеты этих городов из вышестоящих бюджетов передаются значительные объемы средств на софинансирование расходов. Особенностями бюджетов Челябинска, Красноярска и Новосибирска является то, что на уровень городов переданы большие объемы государственных полномочий, и, следовательно, большие объемы субвенций.

Исходя из этого, все города можно разделить на группы в зависимости от структуры межбюджетных трансфертов в местном бюджете (табл. 3).

Интересно, что регионы, в которых административные центры получают сравнительно невысокий уровень субсидий и субвенций из бюджета субъекта РФ, характеризуются самыми

Рис. 2. Объемы субсидий и субвенций в расчете на одного жителя в 2023 г., тыс. руб.

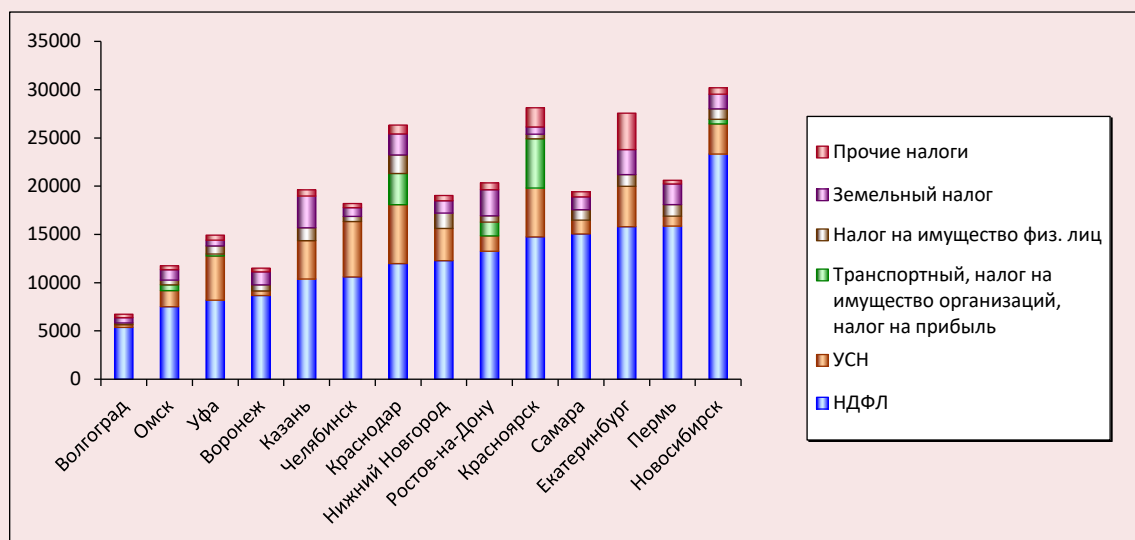
Составлено по: данные отчетов об исполнении бюджетов.

Таблица 3. Группы городов исходя из получения целевых межбюджетных трансфертов

Уровень	Низкий уровень субвенций	Высокий уровень субвенций
Высокий уровень субсидий	Уфа, Воронеж, Волгоград, Омск	Новосибирск, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Краснодар
Низкий уровень субсидий	Казань, Самара	Красноярск, Челябинск, Пермь, Екатеринбург

Источник: составлено автором.

Рис. 3. Структура налоговых доходов городских бюджетов, 2023 год, млн руб.

Составлено по: данные отчетов об исполнении бюджетов.

высокими темпами инновационного и научно-технологического развития. Это Республика Татарстан и Самарская область. Можно предположить, что высокий уровень централизации связан с тем, что развитие данных территорий осуществляется преимущественно за счет организационных и финансовых усилий региональных властей. Однако с учетом концентрации человеческого капитала, а также иных ресурсов в административном центре можно предположить, что потенциал участия органов местного самоуправления в территориальном развитии используется не в полном объеме.

При рассмотрении городских бюджетов особое значение имеет структура налоговых доходов бюджетов. Налоговые поступления находятся в более тесной связи с параметрами экономического развития территории. Основным налоговым источником для российских местных бюджетов — НДСЛ. Величина поступлений

данного налога связана с уровнем экономического развития территорий, так как основу налоговой базы составляют доходы, полученные жителями в качестве заработной платы. На рисунке 3 представлена структура городских бюджетов в зависимости от величины поступлений по НДСЛ.

Определенное разнообразие в структуре налоговых доходов связано с тем, какие именно налоговые источники дополнительно передаются в городской бюджет по инициативе региональных властей. Чаще всего это налоговые поступления по УСН, но есть примеры, когда передается налог на прибыль, транспортный налог и другие источники.

Доля НДСЛ изменяется в пределах от 0,52 до 0,8 от общего объема налоговых доходов бюджетов. Минимальная доля НДСЛ наблюдается в Краснодаре, Казани и Красноярске, максимальная — в Волгограде. Это связано не

столько с отличиями в уровне доходов, сколько с нормативами передачи соответствующего источника и диверсификацией налоговых поступлений в местном бюджете.

В Казани налоговые доходы складываются в значительной мере из поступлений УСН и земельного налога, в Краснодаре и Красноярске существенно влияет передача нормативов по налогу на прибыль. Только в этих двух городах-миллионниках реализуется подобная практика по передаче налоговых доходов из региональных бюджетов.

Самара, Пермь, Новосибирск, Красноярск характеризуются максимальными нормативами зачисления НДС в местные бюджеты (30% и более). За исключением Красноярска в трех указанных городах доля НДС составляет 77–78%, что существенно выше среднего значения для городов-миллионников. Это свидетельствует, что именно нормативы, по которым передаются налоговые доходы, являются основным фактором, определяющим величину поступлений налогового источника и их вклад в формирование налоговых поступлений городского бюджета.

Самый значимый фактор, определяющий различия в величинах НДС, — нормативы зачисления, однако существенное влияние оказывает и уровень зарплат. Очевидно, уровень НДС несколько выше в тех городах-миллионниках, которые быстрее развиваются в инновационной сфере.

Наибольшие объёмы НДС на протяжении 2019–2023 гг. наблюдались в бюджетах Перми и Новосибирска, самые низкие уровни были присущи бюджетам Уфы, Омска и Волгограда. Все города-лидеры получают НДС по нормативам выше среднего, достигающим и превышающим 30%.

Влияние уровня зарплат как фактора, который может обеспечить рост поступлений даже при низких налоговых нормативах, прослежи-

валось в Казани. По сравнению с другими городами, где сопоставимые низкие нормативы (например Омск, Волгоград), в бюджете Казани объем поступлений по НДС был существенно выше.

Рост поступлений НДС в рассмотренном пятилетнем периоде был наиболее заметен в Казани и Перми, общая величина поступлений увеличилась в 1,8 раза. Причины роста отличаются в Казани, где он был связан с постоянным повышением зарплат, в Перми — ростом норматива и увеличением зарплат преимущественно в 2022–2023 гг. Кроме того, в плане динамики бюджетных поступлений по НДС можно выделить Челябинск, где произошел существенный рост поступлений в 2022–2023 гг.: в связи с повышением зарплат возросли и поступления данного налогового источника в местном бюджете.

Исходя из того, являются ли в городском бюджете сравнительно высокими поступления НДС и налогов, переданных по дополнительным нормативам, все города можно разделить на следующие группы (табл. 4).

Высокий уровень переданных налогов и НДС более свойственен экономически развитым регионам, находящимся по показателю ВРП на душу населения в лидерах (административные центры — Красноярск, Екатеринбург, Краснодар и Нижний Новгород). Напротив, низкий уровень поступлений в целом более свойственен тем регионам, которые являются менее экономически развитыми территориями. Однако нельзя сказать, что это правило не имеет исключений, наиболее ярким из них стала Казань. Таким образом, даже руководствуясь ВРП на душу населения как наиболее универсальным критерием, характеризующим экономическое развитие регионов, можно отметить существенные различия в структуре налоговых доходов их административных центров.

Таблица 4. Группы городов исходя из получаемых ими налоговых доходов

Уровень	Низкий уровень переданных налогов (УСН, налог на имущество организаций и др.)	Высокий уровень переданных налогов (УСН, налог на имущество организаций и др.)
Высокий уровень НДС	Пермь, Самара, Ростов-на-Дону, Новосибирск	Красноярск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Краснодар
Низкий уровень НДС	Волгоград, Воронеж, Омск	Уфа, Казань, Челябинск
Источник: составлено автором.		

Исходя из результатов, представленных в матрице, можно утверждать, что на объемы поступлений НДФЛ и налогов, переданных по нормативам, наиболее существенно влияют два фактора: величина нормативов, которые установлены органами власти субъекта РФ и налоговая база. Первый фактор для органов местного самоуправления внешний и неуправляемый, второй напротив — внутренний и управляемый.

Наиболее массово налоговые доходы передавались в Краснодаре, где дополнительные доходы были переданы по налогу на прибыль, налогу на имущество организаций, УСН. По НДФЛ наибольшие проценты отчисления (30% и более) установлены в таких городах, как Красноярск, Новосибирск, Пермь и Самара. Самые низкие нормативы по НДФЛ использовались на протяжении всего рассматриваемого периода в Екатеринбурге (16%) и Казани (16,9%). В обоих этих городах в качестве дополнительных налоговых источников применялся УСН, норматив был средним по сравнению с другими городами (30 и 22,3% соответственно). Максимальный уровень по данному налогу применялся в Челябинске и составлял 60%, минимальный — в Воронеже и Волгограде — 5%. В Екатеринбурге дополнительно передавались отчисления по акцизам на пиво (50%). Это нетипичная для рассматриваемых городов практика.

Таким образом, можно утверждать, что в Республике Татарстан и Свердловской области региональная бюджетная система достаточно централизована. Однако за счет высокого уровня экономического развития даже небольшие нормативы налоговых доходов, которые установлены для городских бюджетов, дают столь существенную отдачу, что уровень бюджетных доходов превышает средние показатели. Это особенно заметно в отношении поступлений НДФЛ в Екатеринбурге и поступлений по УСН в Казани.

Особо следует отметить опыт Краснодарского и Красноярского краев, где в местные бюджеты передаются дополнительные нормативы по налогу на прибыль. Для городов — административных центров субъектов РФ это дает существенную отдачу в муниципальный бюджет. Эти поступления достигают 10–15% от общего объема налоговых доходов городских бюджетов.

Анализируя нормативы передачи налоговых доходов, следует отметить их стабильность. В большинстве бюджетов на протяжении пятилетнего периода не происходило существенных изменений в составе передаваемых налоговых поступлений и размерах нормативов. В тех случаях, где нормативы менялись, они увеличивались, что свидетельствует о восприятии региональными властями данного инструмента бюджетного регулирования и стимулирования как действенного. Например, в Красноярске УСН стал поступать в местный бюджет только с 2021 года, в Воронеже — с 2022 года, а в Самаре норматив по данному налогу был увеличен с 2 до 15%. Единственным примером снижения налоговых нормативов можно назвать опыт Пермского края, где до 2023 года транспортный налог передавался в полном объеме, а с 2023 года эта практика была приостановлена, но одновременно величина передаваемого НДФЛ несколько выросла.

Особый вид доходов городских бюджетов — поступления по местным налогам. Земельный налог и налог на имущество физических лиц вводятся местными нормативными правовыми актами, а условия по ним могут отличаться в различных регионах. Учитывая большую степень свободы органов местного самоуправления, анализ бюджетной отдачи по данным видам поступлений важен в плане изучения влияния бюджетной политики на территориальное развитие. Величины поступлений налога на имущество физических лиц и земельного налога в крупных городах достаточно сильно варьируются.

В целом наблюдалась прямая связь уровня экономического развития региона с поступлением местных налогов в бюджет его административного центра. Исключением стали бюджеты Красноярска и Уфы, где установлены низкие ставки по местным налогам. В частности, в Красноярске, по земельному налогу при возможном максимуме в 0,3% для ряда объектов используется ставка 0,1%, а в Уфе — в аналогичном случае 0,18%. В остальных случаях можно проследить связь между величинами местных налогов в расчете на 1 жителя и уровнем экономического развития территории. Краснодар и Казань стали лидерами по поступлениям местных налогов. Более низкий

уровень налоговых поступлений наблюдался в Волгограде, Челябинске и Омске, что соответствует сравнительному уровню экономического и инновационного развития регионов.

Важно отметить, что Самара и Челябинск отличаются в организационном плане тем, что являются городскими округами с внутригородским делением, то есть на их территории внутригородские районы имеют статус муниципальных образований, а значит, у них есть свой бюджет и соответствующие доходные источники. Исходя из этого, доходные источники бюджетов данных городов немного меньше, так как часть средств отдана на районный уровень. В частности, в Самаре местные налоги делятся: налог на имущество физических лиц в пропорции 50:50, а земельный налог в пропорции 90:10. Поэтому поступления местных налогов в целом на территории несколько выше, чем показано на основе анализа городского бюджета. Следовательно, и Самару можно рассматривать как одного из лидеров по данному бюджетному параметру среди городов-миллионников.

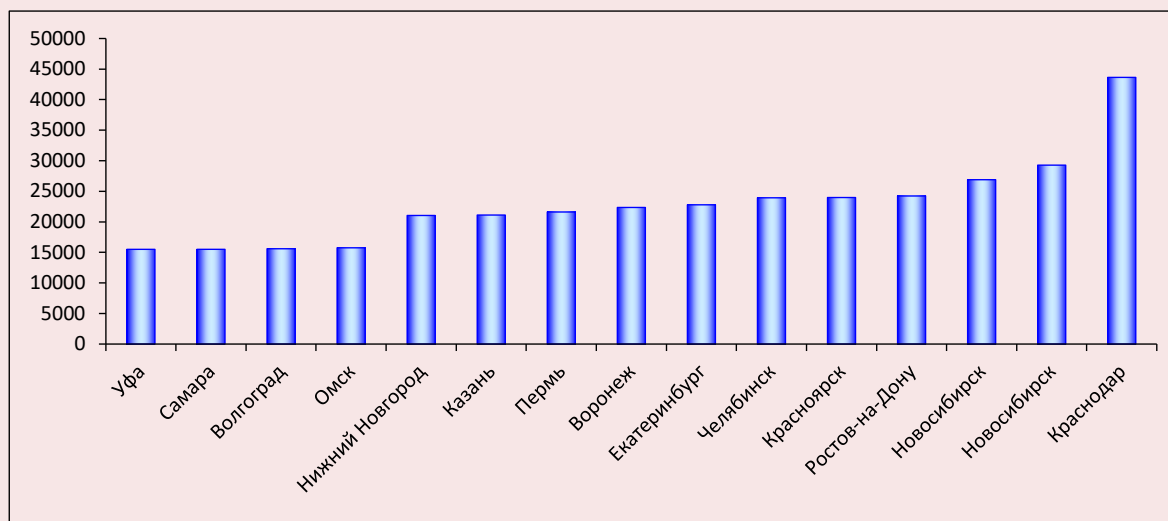
Таким образом, анализ бюджетных доходов показал, что налоговая обеспеченность города — административного центра субъекта РФ не находится в прямой связи с бюджетной обеспеченностью регионального бюджета. В дан-

ном случае можно говорить о влиянии степени централизации и принципах организации региональных бюджетных систем.

Проведенный анализ расходов городских бюджетов подтвердил, что расходы на образование являются основными. Расходы на дошкольное, школьное и дополнительное образование отличаются в расчете на одного жителя в рассматриваемых городах менее чем в 2 раза. Это существенно меньше, чем дифференциация по другим видам расходов, включая расходы на ЖКХ. Различия в финансировании образования связаны преимущественно с распределением соответствующих целевых трансфертов из региональных бюджетов (рис. 4). Исключением является бюджет Краснодар, где значительные расходы на образование обусловлены отличающейся демографической структурой, большей относительной численностью детей. В Краснодаре в 2023 году расходы на образование увеличились более чем в 1,5 раза. По данным отчетов об исполнении бюджетов за 2021–2022 гг. сумма расходов на образование в расчете на одного жителя в Краснодаре принципиально не отличалась от их величины в других городах-миллионниках.

Связи величин расходов на образование, осуществляемых из местных бюджетов, и по-

Рис. 4. Расходы на образование в расчете на одного жителя в крупных городах, руб.

Составлено по: данные отчетов об исполнении бюджетов.

казателей научно-технологического развития территорий не прослеживается. Это обусловлено характером образовательных расходов, закрепленных за муниципальным уровнем управления. Исходя из этого, можно рекомендовать встраивать расходы, ориентированные на научно-технологическое и инновационное развитие, в образовательные программы дополнительного образования для старшеклассников.

Таким образом, параметры городских бюджетов в большей мере обусловлены сложившимися практиками реализации бюджетной политики и взаимодействия с органами власти субъектов РФ. Можно выделить влияние формальных институтов, принятых в субъекте РФ законов о бюджетном процессе и межбюджетных отношениях, решений о распределении межбюджетных трансфертов конкретного вида, о делегировании полномочий и неформальных институтов, связанных со сложившимися практиками взаимодействия органов власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, их взаимодействием с субъектами крупного бизнеса, малого и среднего предпринимательства. Общий для анализируемых городов вывод состоит в том, что практики бюджетного взаимодействия достаточно инертны и повторяемы в последовательных бюджетных циклах. Для повышения эффективности взаимодействия необходимо оценивать эффективность применения различных бюджетных инструментов и корректировать их использование исходя из полученных результатов.

Заключение

Проведенный анализ бюджетных параметров крупных городов за 2019–2023 гг. позволил сделать вывод, что параметры городских бюджетов, в отличие от региональных, не находятся в прямой связи с уровнем экономического и инновационного развития субъектов РФ. Это позволяет предположить, что бюджетный потенциал городов используется не в полном объеме и следует сконцентрироваться на формировании системы стимулов для органов местного самоуправления крупных городов, что нацелено на их более активное вовлечение в процессы территориального развития.

Были выявлены основные факторы, определяющие величину налоговых поступлений бюджетов. К ним отнесены перечень передан-

ных налоговых доходов из регионального бюджета; величина норматива, используемого для передачи доходов; уровень оплаты труда, средний для конкретного города; степень развития в городе малого бизнеса.

Влияние факторов, связанных с налоговыми нормативами, проявляется в том, что лучшие результаты в плане формирования налоговых доходов присущи бюджетам Краснодар, Красноярск, Екатеринбург и Новосибирск. В этих городах влияние указанных факторов проявляется наиболее сильно. Важно учитывать, что только в Красноярске и Краснодаре передается в местный бюджет дополнительный норматив по налогу на прибыль, и это приводит к ощутимым положительным результатам. В Екатеринбурге дополнительно передаются по нормативам акцизы на пиво и напитки, производимые на основе пива, что повышает уровень налоговых доходов на 10% и более. Новосибирск характеризуется высоким уровнем передачи НДС, что также вносит очевидный положительный вклад в структуру доходов городского бюджета.

Одновременно все перечисленные города характеризуются высоким уровнем оплаты труда. Таким образом, на налоговые доходы бюджета одновременно влияют факторы высокой налоговой базы и фактор высоких нормативов.

Особо следует выделить опыт Казани, где, несмотря на невысокие нормативы передачи налоговых доходов, достигается масштабная отдача от их применения. При передаче 30% УСН в городской бюджет это позволяет поднять его доходы на 20% и более на протяжении всего рассматриваемого периода. Это больше, чем в других городах, где происходит передача данного доходного источника. На наш взгляд, опыт Казани демонстрирует проявление «эффекта колеи», так как сложившаяся в регионе исторически высокоцентрализованная бюджетная система не позволяет реализовать возможные выгоды от передачи дополнительных нормативов в местный бюджет и роста соответствующих поступлений не только в бюджет самого города, но и в консолидированный бюджет региона. Исходя из высокой налоговой базы и высоких темпов экономического развития, данное направление видится перспективным для более детального теоретического изучения, а затем

формирования методических рекомендаций по совершенствованию распределения налоговых доходов и их наращивания за счет стимулирования и согласования интересов участников бюджетного процесса.

В плане будущих исследований видится перспективным анализ оптимальных пропорций наращивания нормативов по НДФЛ как наиболее стабильному виду доходов и иным налоговым источникам, с учетом наличия потенциала для развития малого и среднего бизнеса, а также крупных промышленных предприятий и производств. На основе таких исследований можно рекомендовать формирование методических рекомендаций по выбору конкретных источников налогов, которые следует передавать крупным городам на основе прогнозирования роста налоговых поступлений городских и консолидированных бюджетов регионов.

Установлена связь между величинами местных налогов и уровнем экономического развития территорий. Именно в крупных городах повышение ставок по местным налогам дает заметную отдачу в городской бюджет. В тех городах, где налоговые доходы по местным налогам больше, в большинстве случаев выше и темпы экономического развития. Исключением из общей закономерности являются Красноярск и Уфа, где используются сравнительно более низкие ставки по земельному налогу, но, тем не менее, наблюдаются положительные тенденции в экономическом развитии. Это обусловлено тем, что местные налоги — не единственный и не самый значимый фактор в рассматриваемой области.

Общая тенденция обосновывает значимость местных налогов и положительное влияние данных источников как бюджетных стимулов для властей крупных городов. Расширение перечня местных налогов, закрепление налоговых дополнительных налоговых источников за местными властями — важные направления дальнейшего совершенствования бюджетной политики крупных городов.

Сделан вывод о том, что влияние регулирования за счет передачи межбюджетных трансфертов на муниципальный уровень не имеет прямой связи с уровнем экономического развития территории и с ее инновационным потенциалом. Более того, среди регионов, лиди-

рующих по величине ВРП на душу населения, некоторые характеризуются сравнительно низкими уровнями передаваемых субсидий и субвенций (бюджеты Казани и Самары), один — высоким уровнем обоих видов трансфертов (бюджет Краснодар), два — высоким уровнем субвенций при сравнительно низком уровне субсидий (Красноярск и Екатеринбург). Наиболее показательны в данном случае противоречивые результаты по Красноярску и Казани, так как два соответствующих региона отличаются особенно высокими значениями показателя ВРП на душу населения.

Аналогично регионы, лидирующие по инновационному и научно-технологическому развитию, не имеют очевидных сходных черт в плане распределения межбюджетных трансфертов и их объемов в городских бюджетах. Преобладание субсидий или субвенций среди целевых межбюджетных трансфертов, более высокий или низкий общий уровень данных поступлений не оказывают прямого и однозначного влияния на уровень экономического развития города.

Внутрирегиональное распределение межбюджетных трансфертов, по нашему мнению, в большей степени определяется сложившимися схемами взаимодействия властей различных уровней, а не экономической целесообразностью. В данном случае наглядно проявляется «эффект колее», когда сложившаяся практика повторяется на протяжении всего рассмотренного периода, а для изменения правил взаимодействия требуются усилия, большие, чем эффекты, которые ожидают получить участники взаимодействия. Тем не менее при изменении внешней среды возможна ситуация, когда выгоды от изменений в схемах межбюджетного регулирования превысят издержки, и тогда появится возможность для оптимизации использования данного инструмента, имеющего очевидные перспективы в плане влияния на экономическое развитие территорий.

При анализе уровня научно-технологического развития большое внимание уделяется расходам не только в сфере научно-исследовательской деятельности, но и в сфере образования. Однако связи между уровнем бюджетных расходов крупных городов на образование и уровнем научно-технологического развития

регионов установлено не было, а данные расходы отличаются в рассмотренных городских бюджетах в расчёте на одного жителя несущественно. В основном это обусловлено характером распределения расходов на образование между бюджетами различных уровней. На местном уровне преобладают расходы на дошкольное, школьное и дополнительное образование. В качестве дальнейших направлений исследования и практических рекомендаций можно рекомендовать формирование механизмов муниципальной бюджетной поддержки дополнительного образования старшекласников, нацеленного на их вовлечение в процессы разработки инновационных продуктов и технологий, популяризацию научной деятельности.

В целом в качестве наиболее перспективных практик бюджетного регулирования взаимодействия региональных властей и органов местного самоуправления в городах-миллионниках можно выделить те практики, где передается большее количество налоговых источников, применяются более высокие ставки передачи НДФЛ, реализуется передача УСН и налога на прибыль как источников, имеющих потенциал в качестве стимулов развития крупных городов.

Таким образом, можно утверждать, что влияние бюджетных отношений органов власти субъектов РФ и органов местного самоуправления городов-миллионников на экономическое развитие территорий в настоящее время является недостаточно сильным. Только в использовании налоговых нормативов как стимулов достигнуты определенные успехи, но и здесь требуется дальнейшее совершенствование и развитие соответствующих бюджетных механизмов. Сильно проявляется влияние факторов институционального характера, когда бюджетное взаимодействие реализуется инерционно, на основе повторения прошлого опыта без его достаточного критического осмысления, поиска более эффективных схем межбюджетного взаимодействия и бюджетной политики в целом. Однако бюджетные инструменты являются достаточно действенными для регулирования территориального развития, поэтому можно рекомендовать в дальнейшем более активно применять их в стимулировании центров экономического развития, что ориентировано на рост эффективности социально-экономической политики на региональном уровне.

Литература

- Арлашкин И.Ю. (2020) Межбюджетные инструменты стимулирования регионального экономического роста в России // Финансовый журнал. Т. 12. № 6. С. 54–68.
- Аузан А.А., Лепетиков Я.Д., Ситкевич Д.А. (2022). Колея и маятник: влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений // Вопросы теоретической экономики. № 1 (14). С. 24–47.
- Бухарский В.В. (2021). Бюджетная децентрализация и стимулы местных органов власти в Российской Федерации // Финансовый журнал. Т. 13. № 2. С. 114–130.
- Бухарский В.В., Лавров А.М. (2020). Жесткие бюджетные ограничения: теоретические основы и проблематика российских городов // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 7–40.
- Бывшев В.И., Пантелеева И.А., Писарев И.В. (2024). Дифференциация субъектов Российской Федерации для реализации региональной научно-технологической и инновационной политики // Экономика региона Т. 20. № 3. С. 702–717.
- Гоффе Н.В. (2014). Мегалополисы – инкубаторы инноваций // Мировая экономика и международные отношения. № 3. С. 46–59.
- Гранберг А.Г., Масакова И.Д., Зайцева Ю.С. (1998). Валовой региональный продукт как индикатор дифференциации экономического развития регионов // Вопросы статистики. № 9. С. 3–9.
- Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. (2020). Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. № 3 (69). С. 4–15.
- Зубаревич Н.В. (2010). Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. № 5. С. 5–19.

- Климанов В.В., Михайлова А.А. (2023). Изменение бюджетных параметров в условиях турбулентности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 4. С. 62–69.
- Климанов В.В., Михайлова А.А. (2024). Бюджетная политика крупнейших российских городов как инструмент ответа на глобальные вызовы // Финансы: теория и практика. Т.28. № 4. С. 71–83.
- Кузнецова О.В. (2019). Роль городов-миллионников в пространственном развитии страны // Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее: сборник научных трудов участников Международной научной конференции – XXVI Кондратьевские чтения. С. 211–217.
- Кузнецова О.В. (2018). Бюджетные возможности городов-миллионников в России как фактор их социально-экономического развития // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 4. С. 75–82.
- Кузнецова О.В. (2023). Рейтинг научно-технологического развития регионов: подходы, итоги, вызовы // Проблемы прогнозирования. № 4 (199). С. 94–103.
- Левина В.В. (2019). Согласование интересов в бюджетной политике субъектов Российской Федерации // Федерализм. № 1(93). С. 100–117.
- Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. (2017). Мегалополисы и феномен мегалополисности в России // Регион: Экономика и Социология. № 1(93). С. 42–77.
- Леонов С.Н. (2023). Реакция муниципальных бюджетов на меры государственного регулирования: методика оценки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 168–185.
- Печенская-Полищук М.А. (2021). Влияние процессов централизации и децентрализации на формирование налогового потенциала территорий // Экономика региона. Т. 17 № 2. С. 658–672. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-22>
- Тимушев Е.Н. (2021). Внутрорегиональная (местная) бюджетная децентрализация и инвестиции в основной капитал в России // Проблемы прогнозирования. № 1 (184). С. 131–144.
- Тимушев Е.Н., Михайлова, А.А. (2024). Нормативы отчислений от налогов – резерв в наращивании доходов муниципальных образований // Финансы. № 2. С. 14–23.
- Швецов А.Н. (2023). Государство и агломерации: как выстраиваются их взаимоотношения // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. № 4. С. 2–5.
- Юшков А., Одинг Н., Савулькин Л. (2017). Судьбы российских регионов-доноров // Вопросы экономики № 9. С. 83–97. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-9-63-82>
- Courchene T.J. (2004). Hourglass federalism. *Policy Options*, April, 12–17.
- Friedmann J. (1966). *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press.
- Fujita M., Krugman P., Venables A. (2001). *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. MIT Press.
- Fujita M., Thisse J.-F. (2013). *Economics of Agglomeration: Cities, Industrial Location and Globalization. Second Edition*. Cambridge.
- Herrschel T. (2014). *Cities, State and Globalisation. City-Regional Governance in Europe and North America*. London, New York.
- Mellander C., Florida R. (2008). The creative class or human capital. *Creative Destruction*, 1(1), 615–648.
- Oates W. (1999). An essay on fiscal federalism. *Journal of Economic Literature*, 37(3), 1120–1149.
- Wildavsky A., Caiden N. (2004). *The New Politics of the Budgetary Process*. New York: Pearson/Longman.

Сведения об авторе

Вера Владимировна Левина — доктор экономических наук, доцент, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 115054, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36; e-mail: vv12004@mail.ru)

Levina V.V.

Budget Parameters of Metropolises and Their Impact on the Economic Development of Regions

Abstract. Currently, metropolises are making a great contribution to the development of regions. It is assumed that the development of urban finance is a prerequisite for accelerating regional development. The study focuses on such tasks as comparing the budget parameters of metropolises, assessing the interrelationships of transferring tax regulations beyond the mandatory minimum to city budgets, receiving large amounts of targeted transfers and the level of economic development of regions. The budget indicators of 14 Russian million-plus cities are analyzed. It is revealed that the level of development of the region, which was assessed based on the indicators of the gross regional product and ratings of scientific and technological development, has no stable relationship with the structure of tax revenues of the administrative center. At the same time, there were practically no significant changes in this area over the five-year period. The receipt of intergovernmental transfers is also largely determined by the established patterns of interaction between authorities at various levels, rather than economic expediency. In this case, the “rut effect” is clearly manifested, when the established practice is repeated throughout the period under consideration. As a result, it was concluded that large cities do not receive sufficient budgetary incentives to promote the economic, scientific and technological development of the regions, the potential for budgetary interaction with these cities is underutilized, and it is affected by the “rut effect”. It seems advisable in future studies to pay attention to the formation of recommendations to federal authorities and authorities of constituent entities of the Russian Federation on improving budgetary cooperation with local governments of cities that are drivers of innovative development of territories.

Key words: territorial development, city budget, tax revenues, incentives, administrative center of the region, regions.

Information about the Author

Vera V. Levina — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russian Federation; e-mail: vvl2004@mail.ru)

Статья поступила 11.04.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.6

УДК 332.1, 336.5, ББК 65.261

© Климанов В.В., Тимушев Е.Н., Вантрусов В.А.

Отражение расходных приоритетов в бюджетном планировании регионов

Владимир Викторович КЛИМАНОВ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Институт реформирования общественных финансов

Москва, Российская Федерация

e-mail: klimanov@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-9282-0812; ResearcherID: O-6341-2018

Евгений Николаевич ТИМУШЕВ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

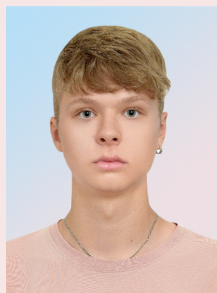
Москва, Российская Федерация

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Сыктывкар, Российская Федерация

e-mail: timushev-en@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-5220-3841; ResearcherID: U-3491-2018

Владислав Александрович ВАНТРУСОВ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

e-mail: vladislavvantrusov@yandex.ru

ResearcherID: NLN-7063-2025

Для цитирования: Климанов В.В., Тимушев Е.Н., Вантрусов В.А. (2025). Отражение расходных приоритетов в бюджетном планировании регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 112–128. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.6

For citation: Klimanov V.V., Timushev E.N., Vantrusov V.A. (2025). Reflection of expenditure priorities in regions' budget planning. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 112–128. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.6

Аннотация. В работе устанавливается, в какой степени в стратегических и бюджетных документах субъектов Российской Федерации отражен многосценарный подход к прогнозированию параметров бюджетов и выделены приоритеты расходов. Анализ выполнен на примере регионов, входящих в состав Северо-Западного федерального округа. Актуальность исследования обусловлена тем, что бюджетная политика в целом имеет многосценарную природу. Следовательно, для повышения эффективности государственного управления со стороны органов власти важно оценивать риски исполнения бюджета и разрабатывать план ответных действий по минимизации их негативных последствий, для чего необходимо, помимо прочего, определение приоритетов расходов. В работе используются методы структурного и содержательного анализа нормативно-правовых и программных документов стратегического и бюджетного планирования на уровне субъектов Российской Федерации, метод рейтингования документов бюджетного планирования регионов по авторским критериям и метод группировки бюджетных расходов в рамках региональных проектов, являющихся декомпозицией федеральных проектов. Научная значимость исследования заключается в формулировке проблемы задействования многосценарного подхода при разработке документов бюджетного планирования и отражения в них приоритетов расходов, оценке остроты данной проблемы на уровне регионов и общих путей ее решения. Новизна работы состоит в том, что впервые изучены все основные документы бюджетного прогнозирования и планирования в регионах Северо-Западного федерального округа. Установлено, что подавляющая часть бюджетных прогнозов и основных направлений бюджетной политики представлена лишь в базовом варианте. Документы стратегического и бюджетного планирования практически не предлагают многовариантный прогноз статей доходов и расходов регионального бюджета. Следовательно, приоритеты расходов задаются не должным образом. Показано, что существенная доля фактических региональных расходов совпадает с федеральными приоритетами и они отражают перечень расходных обязательств, предусмотренных в федеральном законодательстве. Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости применения многосценарного подхода к раскрытию приоритетов бюджетной политики на региональном уровне, практическая значимость состоит в актуализации детализации документов средне- и долгосрочного стратегического и бюджетного планирования — в подготовке отдельного раздела с раскрытием информации о многосценарном подходе к прогнозированию и приоритетных направлениях расходования средств.

Ключевые слова: стратегия, бюджетный прогноз, приоритизация, стратегия социально-экономического развития, бюджетный прогноз региона, основные направления бюджетной политики, национальный проект, многосценарный подход.

Благодарность

Материал подготовлен по результатам исследований, выполненных в рамках государственного задания РАНХиГС 2025 года.

Введение

Исполнение региональных бюджетов на практике часто отклоняется от первоначально утвержденных параметров. В некоторых случаях соотношение факта и плана весьма существенно как при профиците, так и дефиците бюджетных средств, хотя нередко это значение в финансовой отчетности не присутствует в силу внесения текущих изменений в утвержденный бюджет или в сводную бюджетную роспись.

Динамика основных статей доходов субъектов Российской Федерации, особенно налоговых, является сложнопрогнозируемой и зависит от факторов, часто не поддающихся управлению на региональном уровне. Бюджетная политика в целом имеет «многосценарную» природу, так как обусловлена состоянием экономики и социально-политической ситуацией, которые развиваются нелинейно и труднопрогнозируемы. Следовательно, в документах страте-

гического и бюджетного планирования, в том числе на региональном уровне, должны быть прописаны риски, связанные с исполнением бюджетов, и управленческие ответы на них со стороны органов государственного управления, исходящие из непредсказуемости и неопределенности внешних факторов. На этапе планирования бюджета должна быть предусмотрена вариативность его исполнения, определяющая сценарии формирования доходов и осуществления расходов. Расставленные приоритеты в разрезе государственных программ и функциональных направлений расходов должны повысить прозрачность государственного управления и стать более четким руководством для финансового органа в части исполнения бюджета.

В целом выявление приоритетных направлений бюджетных расходов субъектов Российской Федерации на основе существующих документов представляется весьма затруднительным. При этом для обеспечения эффективности управления государственными финансами необходимо, чтобы в документах регионального уровня были четко определены те направления государственной политики, которые имеют для региона стратегическое значение.

Цель работы — установить, в какой степени в стратегических и бюджетных документах субъектов Российской Федерации отражен многосценарный подход к прогнозированию параметров бюджетов и выделены приоритеты расходов. Эмпирический анализ выполнен по материалам субъектов Российской Федерации, входящих в состав Северо-Западного федерального округа (СЗФО). При этом анализ аналогичных документов на других территориях РФ показывает, что по степени полноты и детализации раскрытия приоритетов расходования бюджетных средств в документах в целом регионы не сильно отличаются друг от друга. Следовательно, полученные результаты и сделанные на их основе выводы можно распространить на большую часть субъектов Российской Федерации.

Для достижения цели поставлены следующие задачи, в соответствии с которыми исследование разбито на три части:

1) анализ документов стратегического и бюджетного планирования регионов СЗФО;

2) оценка полноты раскрытия приоритетов расходования бюджетных средств в материалах, непосредственно сопровождающих составление бюджета, — «Основных направлениях бюджетной и налоговой политики» субъекта Российской Федерации;

3) определение актуальных приоритетных направлений и объемов расходов, совпадающих с федеральными приоритетами, на фактических материалах законов о региональных бюджетах на 2025–2027 гг.

Концептуальной основой исследования выступают положения теории финансового менеджмента, в соответствии с которыми в условиях неопределенности наиболее эффективный способ управления финансовыми ресурсами включает разработку нескольких сценариев развития, оценку вероятности реализации и составление программы действий в зависимости от поставленных целей. В данном контексте основной научный интерес состоял в определении того, насколько положения теории — необходимость сценарного подхода для более эффективного управления финансовыми ресурсами — соблюдаются в практике бюджетной политики на уровне субъектов Российской Федерации. Мотивация проведения исследования заключалась в постановке проблемы задействования многосценарного подхода при разработке документов бюджетного планирования и отражения в них приоритетов расходов, а также в оценке остроты этой проблемы на практике.

Обзор литературы

Ключевыми документами долгосрочного стратегического планирования на региональном уровне являются стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и бюджетный прогноз субъекта Российской Федерации на долгосрочный период. Последний часто прилагается к закону о бюджете на этапе его составления и представления в законодательный орган. Кроме этого, к числу основных документов, на основе которых ежегодно составляется проект бюджета, относятся основные направления бюджетной и налоговой политики субъекта Российской Федерации.

В регионах разрабатываются собственные государственные программы, включающие региональные проекты, направленные на достижение национальных целей федерального уровня.

ня. От качества бюджетного планирования в данном случае зависит возможность грамотного сочетания как общефедеральных, но решаемых на уровне отдельного региона задач, так и сугубо региональных приоритетов. Однако проблема качества планирования ощущается еще сильнее на уровне муниципалитетов, где полномочий меньше, чем на уровне регионов, в силу сохраняющихся недостатков в их разграничении (Левина, 2023). На внутрирегиональном уровне от качества бюджетного планирования зависит как решение общерегиональных, так и сугубо местных проблем. Остается актуальной проблема слабых возможностей муниципалитетов самостоятельно определять приоритеты бюджетных расходов (Печенская, 2015), что связано с высокой централизацией бюджетных ресурсов. Несмотря на остроту этой проблемы, в представленном исследовании наше внимание уделено особенностям планирования и выбора приоритетов расходов на общерегиональном уровне.

Качество бюджетного планирования в регионе во многом зависит от уровня прогнозирования, роль которого часто недооценивается в практике. Между тем оно влияет на финансовую устойчивость публично-правовых образований на разных уровнях государственного управления. Г. Капланоглоу и В. Рапанос называют в числе причин финансово-экономического кризиса Греции 2010-х годов институциональные проблемы бюджетной политики, в том числе ошибки в бюджетном прогнозировании (Kaplanoglou, Rapanos, 2013). Хотя оно на практике проводится силами финансового ведомства непосредственно для бюджета соответствующей территории, в научных исследованиях с практическим уклоном возможны разные варианты оценки будущих событий, в том числе с рассмотрением комплекса межбюджетных отношений в бюджетной системе в целом. Это более сложный, но и перспективный подход, так как он предполагает комплексный взгляд на проблему. Например, группа международных исследователей рассмотрела сценарные варианты распределения федеральных межбюджетных трансфертов в Мексике для решения задач устойчивого развития на уровне регионов (Guerrero et al., 2022). В нашей работе мы отдельно не рассматриваем вопрос не-

определенности распределения межбюджетных трансфертов, сконцентрировав внимание на более общей проблеме учета разных сценариев в динамике доходов и расходов региональных бюджетов в целом и приоритетных статьях расходов.

Обзор литературы показывает, насколько важны прогнозирование и планирование для устойчивости бюджетного процесса. Негативные внутренние факторы: нереалистичное прогнозирование, сложность методологии и недостоверность прогнозов (Foster, Miller, 2000), а также оппортунистическое поведение (Benito et al., 2015) — подчас влияют на остроту бюджетного кризиса сильнее, чем внешние, такие как падение налоговых поступлений или федеральных межбюджетных трансфертов (Mitchell, Stansel, 2016). В литературе по общественному выбору можно найти множество работ (Hoang, Maher, 2022), свидетельствующих о приоритетности на практике текущих расходов перед долгосрочными обязательствами в условиях ограниченности средств и низкой бюджетной устойчивости. Таким образом, качественное прогнозирование и планирование повышают уровень доверия к государству и снижают неопределенность бюджетной политики.

Неопределенность социально-экономического развития подразумевает разработку разных вариантов исполнения бюджета. Но, как ни странно, категория приоритетности бюджетных расходов как таковая редко упоминается в литературе по общественным финансам. Обычно затрагивается гораздо более общая тема — факторы, влияющие на композицию расходов. Вариант их типологии приведен в работе (Facchini, 2018), где структура бюджетных расходов в общих чертах объясняется в парадигмах спроса на общественные блага (факторы спроса), намерений и возможностей их предоставления со стороны органов государственной власти (группа факторов предложения) и с точки зрения институциональных условий. Тем не менее приоритетность тех или иных статей расходов выходит на первый план в периоды экономических или общественных потрясений. Например, на этапе выхода из кризиса 2008—2009 гг. строились и обсуждались прогнозы консолидации государственных расходов для поддержания финансовой устойчивости,

пошатнувшейся в результате антикризисных вливаний средств в экономику (Ortiz et al., 2010). Аналогично в период коронавирусной инфекции появилось большое количество работ с оперативным анализом бюджетных мер реагирования на кризис и рекомендациями относительно путей выхода из него (Andrew et al., 2020; Klimanov et al., 2021). Таким образом, в текущей макроэкономической ситуации, которая характеризуется внешней неопределенностью и санкционным давлением, особенно важны реализация многосценарного подхода к прогнозированию и планированию параметров бюджетов субъектов Российской Федерации и определение приоритетов расходов.

Что касается документов долгосрочного планирования на региональном уровне в России, можно найти относительно небольшое число исследований, в которых был бы проведен комплексный анализ стратегий социально-экономического развития всех регионов. Одним из них является исследование К.В. Будаевой, представляющее собой комплексный компаративный анализ практик стратегирования на региональном уровне (Будаева, 2017). Оно примечательно тем, что выполнено на заре современного этапа федерального регулирования стратегического планирования и документирует способы, с которыми регионы подходили к созданию и реализации законов о стратегическом планировании и стратегий социально-экономического развития. В большинстве же работ, как правило, объектом анализа выступают документы ограниченного числа регионов и рассматривается тот или иной аспект проблемы. Встречаются, например, исследования, изучающие стратегии регионов с позиции отраслевого анализа, в частности при поиске ответа на вопрос о том, как в региональной стратегии освещены проблемы в сфере образования и намечены пути их решения (Беляков, 2017). В ряде работ уделяется внимание качеству создания отдельных разделов стратегий, например посвященных вопросам пространственного развития на территории региона — теоретико-методологическим основам и практике составления на примере субъектов Уральского федерального округа (Антипин и др., 2023). Исследование А.Г. Атаевой направлено на совершенствование методиче-

ского обеспечения разработки стратегии (Атаева, 2019). Цитируемая работа интересна и тем, что в ней затронута проблема применимости методов прогнозирования на этапе разработки сценариев по ряду критериев, таких, например, как точность, объективность и, что немало важно, применимость для достижения целей региона.

В стратегических документах и поддерживающих их программных документах важной является корректность решения методологических проблем, в частности, таких как адекватность целей и задач с одной стороны и целевых показателей с другой стороны. В противном случае велик риск невыполнения запланированных целей. На это обращают внимание Н.Ю. Одинг и соавторы на примере федеральных программ реформирования системы межбюджетных отношений (Одинг и др., 2016). Большое внимание различным вопросам разработки стратегий социально-экономического развития регионов, а также городов уделено в работах Б.С. Жихаревича. Методами экспертной дискуссии и опроса были определены характеристики текста региональной стратегии: что в ней должно быть, для того чтобы считать стратегию качественной (Жихаревич, 2024). Выделим отдельно качества стратегии, отмеченные экспертами и представляющие особый интерес с точки зрения данной работы: четкость приоритетов и соответствие положений стратегии указам Президента и национальным целям развития. Как можно заметить, критерий многосценарности (вариативности) как таковой здесь не указан, хотя он мог быть учтен экспертами по умолчанию на основе прогнозного характера самой стратегии как документа целеполагания.

Таким образом, стратегии развития субъектов Российской Федерации именно с точки зрения полноты отражения приоритетных направлений бюджетных расходов, повышения финансовой устойчивости и снижения уровня неопределенности в научной литературе изучаются весьма редко. Наше исследование направлено на заполнение данного пробела. Проблема финансового обеспечения достижения целей, отраженных в региональных стратегиях, является одним из основных препятствий на пути к совершенствованию

программно-целевого управления общественными финансами в России и стратегического планирования в целом. Причем речь идет не о наличии или недостатке финансовых средств, а именно о методологических вопросах их учета и распределения в условиях многосценарной природы бюджетного процесса. В предыдущих работах нами установлено, что государственные программы регионов — основной инструмент программно-целевого управления — не опираются в достаточной степени на бюджетное прогнозирование, что делает их менее реалистичными, а значит, несет высокий риск недостижения целей стратегии социально-экономического развития (Климанов и др., 2017). В сфере прогнозирования наблюдается почти повсеместное использование исключительно односценарного подхода к долгосрочному бюджетному прогнозированию, причем даже в случае разработки нескольких сценариев социально-экономического развития в региональной стратегии. По мнению А.Б. Золотаревой и И.А. Соколова, стратегии социально-экономического развития регионов на практике скорее выполняют функцию декларации о намерениях, а не инструмента повышения эффективности государственного управления, т. к. в них, как правило, не содержится ни оценка средств, необходимых для достижения заявленных целей, ни прогноз их поступления в средне- и долгосрочной перспективе (Золотарева, Соколов, 2018). Данные недостатки могут быть устранены через разработку и реализацию бюджетного прогноза субъекта Российской Федерации на долгосрочный период.

В отличие от стратегий социально-экономического развития бюджетным прогнозам субъектов Российской Федерации посвящен гораздо меньший объем научных исследований. В числе главных недостатков действующих региональных бюджетных прогнозов эксперты называют формальность разработки¹, описательный характер, непрозрачность прогнозных расчетов, отсутствие или непроработанность многосценарного подхода (Михайлова, Ере-

мина, 2018). Н. Барбашова отмечает слабость методологии их разработки и в части расходов предлагает оригинальный способ расчета будущей величины расходных обязательств, учитывающий численность контингента потребителей соответствующей услуги (Барбашова, 2022). Ранее И.Ю. Арлашкин, А.Н. Дерюгин и К.А. Прока предложили менее формализованный подход к прогнозированию тех же основных статей расходов, учитывающий численность разных групп населения, факторы величины уплачиваемых страховых взносов за неработающее население и обязательства, принятые на федеральном уровне, но являющиеся расходными обязательствами регионов (Арлашкин и др., 2015).

Основные направления бюджетной и налоговой политики, разрабатываемые на три года, в отличие от стратегий социально-экономического развития и бюджетного прогноза относятся к документам средне-, а не долгосрочного бюджетного планирования. Несколько нам известно, они еще не выступали отдельным объектом научного исследования, тем более на материалах большого числа регионов. Тем не менее, на наш взгляд, именно в «Основных направлениях...» в обязательном порядке должны быть отражены среднесрочные перспективы доходов и приоритеты расходов. Это позволит им стать документами, на которых основывается не только составление бюджета на следующий год, но и его исполнение, в том числе необходимые корректировки, в текущем году.

Таким образом, каждый из рассмотренных документов выполняет свою задачу в рамках государственного управления. Обзор литературы свидетельствует, что на уровне субъектов Российской Федерации им по-прежнему присущи те или иные недостатки. В то же время в аспекте отражения разных сценариев и приоритизации бюджетных расходов указанные документы характеризуются низкой степенью изученности. Это составляет существенный пробел в научных знаниях. Между тем, реализация многосценарного подхода к бюджетному прогнозированию и планированию важна для обеспечения финансовой устойчивости и снижения уровня неопределенности.

¹ Климанов В.В., Будаева К.В., Сафина А.И., Яговкина В.А. (2019). Региональное стратегирование, прогнозирование и программирование в Российской Федерации 2018: ежегодный доклад. Москва: ИРОФ. 100 с.

Методология исследования

В рамках решения первой задачи нами были собраны и проанализированы действующие стратегии социально-экономического развития, бюджетные прогнозы на долгосрочный период и основные направления бюджетной и налоговой политики на 2025–2027 годы субъектов Российской Федерации, входящих в состав СЗФО. Предмет анализа — выявление наличия объемов финансирования для решения поставленных задач социально-экономического развития, отражение многосценарного подхода к прогнозированию поступлений бюджетных доходов и расстановка приоритетов расходов в случае развития пессимистического сценария прогноза. Применены методы анализа нормативно-правовых актов, структурного и содержательного анализа.

В рамках решения второй задачи документы, регламентирующие основные направления бюджетной и налоговой политики субъектов Российской Федерации («Основные направления...»), были найдены во всех регионах СЗФО, за исключением Псковской и Новгородской областей. Анализ «Основных направлений...» осуществлялся экспертным путем на основе консенсуса авторского коллектива с опорой на накопленный опыт анализа документов бюджетного планирования на федеральном уровне и уровне других регионов России. Выявлялось соответствие положений документа трем критериям: 1) четкость выделения приоритетных направлений расходов; 2) полнота раскрытия приоритетов; 3) оригинальность выделенных направлений.

В последнем случае нами оценивалось, насколько приоритетные направления расходов отражают региональную специфику и не копируют федеральные приоритеты. Шкала оценки варьируется от 0 до 10: чем яснее прописаны и подробнее раскрыты приоритеты расходов и чем они сильнее отличаются от общефедеральных приоритетов, тем выше балл, который присваивается нами документу. То или иное направление расходов мы относили к приоритетному непосредственно исходя из формулировки текста в документе. Соответствующее

направление может быть отражением как федеральных приоритетов, так и сугубо региональных (последнее — гораздо реже). В самом документе подобная дифференциация направлений никак не предусмотрена. Безусловно, используемая нами методика носит субъективный характер, что влияет на ограниченные возможности получения результатов, однако это оправдано поставленной задачей (качественная оценка полноты раскрытия приоритетов расходов). При этом решаемая нами задача довольно проста и, следовательно, интуитивно понятна. Сами по себе «Основные направления...» отличаются простотой построения, и выделяемые приоритеты расходов, если они действительно обозначены, в большинстве случаев понятны и легко читаются.

В работе также оценен объем расходов региональных бюджетов субъектов Российской Федерации, входящих в состав СЗФО, которые осуществляются в рамках региональных проектов, разработанных для реализации федеральных проектов, в свою очередь входящих в состав национальных проектов. В этом заключается решение третьей поставленной задачи. Выполнен анализ приложений к региональным законам о бюджете на 2025–2027 годы в части раскрытия объемов бюджетных ассигнований по целевым статьям (государственным программам и непрограммным направлениям деятельности), группам и подгруппам видов расходов. Принадлежность статьи расходов к федеральным проектам оценивается через код целевой статьи расходов согласно действующему перечню кодов бюджетной классификации². Данные собраны и упорядочены по всем регионам СЗФО, кроме Санкт-Петербурга, в бюджете которого на 2025–2027 годы искомые сведения представлены в несколько ином формате.

² О Порядке формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуре и принципах назначения: Приказ Минфина России от 24.05.2022 № 82н (ред. от 13.11.2024).

Результаты

Приоритеты бюджетных расходов в России в настоящее время определяются национальными целями развития, которые поставлены в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Доля расходов федерального бюджета на финансирование национальных проектов составляет 13,8–14,3% от совокупных расходов в 2025–2027 гг. (табл. 1). Для сравнения, в 2020–2024 гг. данный показатель был несколько ниже – 9,4–10,0%.

Анализ документов стратегического и бюджетного планирования

Стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации представляют собой документы долгосрочного стратегического планирования на уровне регионов, разрабатываемые в рамках целеполагания.

В них, как правило, задаются общие приоритеты развития регионов. Несмотря на широкий охват, они зачастую содержат избыточную информацию, затрудняющую выделение действительно наиболее важных, часто уникальных приоритетов для конкретного региона.

В стратегиях социально-экономического развития регионов СЗФО фиксируются приоритетные направления, которые часто повторяют приоритеты, отраженные в указах Президента Российской Федерации. По каждому из них определены задачи и основные мероприятия. Отдельно может быть представлен перечень государственных программ региона и приоритетных проектов (Архангельская область), выделены федеральные проекты, в которых возможно участие региона (Республика Карелия), отмечена необходимость участия региона в национальных и федеральных проектах для достижения целей стратегии (Республика Карелия). Частая отсылка к федеральным приори-

Таблица 1. Расходы федерального бюджета на национальные проекты

Национальный проект	Млрд рублей			%		
	2025	2026	2027	2025	2026	2027
Я «Семья»	2 832,9	2 883,4	2 843,7	49,1	45,7	44,7
И «Инфраструктура для жизни»	1 168,4	1 359,1	1 413,1	20,3	21,6	22,2
Ю «Молодежь и дети»	458,1	547,4	550,3	7,9	8,7	8,7
Д «Продолжительная и активная жизнь»	369,8	284,2	284,7	6,4	4,5	4,5
Т «Эффективная транспортная система»	131,4	165,5	202,2	2,3	2,6	3,2
Ц «Экономика данных и цифровая трансформация государства»	129,1	161,8	167,0	2,2	2,6	2,6
Ч «Экологическое благополучие»	48,6	109,3	124,2	0,8	1,7	2,0
Э «Эффективная и конкурентная экономика»	206,8	162,0	99,2	3,6	2,6	1,6
П «Туризм и гостеприимство»	44,0	70,8	81,9	0,8	1,1	1,3
М «Международная кооперация и экспорт»	45,3	49,4	52,5	0,8	0,8	0,8
Л «Кадры»	17,9	15,6	17,3	0,3	0,2	0,3
Расходы на блок нацпроектов по обеспечению технологического лидерства	313,2	494,4	520,2	5,4	7,8	8,2
Всего расходы в рамках нацпроектов	5 765,50	6 302,90	6 356,40	100,0	100,0	100,0
<i>Справочно:</i>						
Расходы федерального бюджета согласно закону о федеральном бюджете	41 469,50	44 022,20	45 915,60	-	-	-
Доля расходов в рамках нацпроектов в общих расходах федерального бюджета	13,9%	14,3%	13,8%	-	-	-
Источник: Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг. Минфин России.						

ритетам в стратегиях всех регионов обусловлена институциональными основами межбюджетных отношений в России, прежде всего низким уровнем расходных полномочий регионов.

Оценка бюджетных ресурсов в стратегии — общая стоимость реализации — подробно не представлена. Она либо вовсе отсутствует (Калининградская область, Псковская область), либо дана в целом и/или по агрегированным направлениям достижения цели социально-экономического развития (Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Вологодская область, Архангельская область, Ленинградская область, Санкт-Петербург), либо только для некоторых предлагаемых проектов развития (Мурманская область). Объем финансирования отдельных приоритетов и задач, как правило, не указан. Лишь в редких случаях (Республика Карелия) для каждого приоритетного направления и программы определен объем финансовых ресурсов.

Несмотря на общие черты, в стратегиях встречаются уникальные условия конкретного региона: прописаны конкурентные преимущества (Вологодская область), подчеркнута региональная специфика — международное и межрегиональное сотрудничество и развитие экспортной деятельности (Калининградская область). Может наблюдаться избыточное число направлений развития — создание туристического бренда, продовольственная обеспеченность (Новгородская и Псковская области), что затрудняет определение действительно приоритетных направлений. Тем не менее, в силу комплексного характера и своей природы стратегии социально-экономического развития не являются (и вряд ли могут быть) полноценным документом долгосрочного, а тем более среднесрочного бюджетного планирования. Такую задачу должен решать бюджетный прогноз региона.

Бюджетный прогноз субъекта Российской Федерации на долгосрочный период — это документ стратегического планирования, содержащий следующие сведения: прогноз основных характеристик бюджета, показатели финансового обеспечения национальных проектов и государственных программ, основные подходы к формированию бюджетной политики на

долгосрочный период, а также иные показатели, характеризующие бюджет. В соответствии с пунктом 2 статьи 170.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации такой прогноз разрабатывается на период до 12 лет.

Бюджетные прогнозы обнародованы публично во всех субъектах СЗФО, за исключением Ненецкого автономного округа. В отличие от стратегий в бюджетных прогнозах всех регионов в том или ином формате показаны объемы финансового обеспечения государственных программ и непрограммных направлений деятельности, выделены крупнейшие статьи расходов на ближайшие годы, определено финансирование государственных программ, а также национальных проектов. Во всех регионах подчеркивается требование повышения эффективности расходов, что обеспечивается за счет осуществления расходов в формате государственных программ. Во всех регионах СЗФО бюджетный прогноз представлен в базовом варианте в соответствии с прогнозом социально-экономического развития региона, исключение — Вологодская и Мурманская области. Однако даже в документах этих регионов в двухвариантном представлении показана лишь общая сумма расходов, включая суммарный объем расходов в форме государственных программ. Объемы же предполагаемого финансирования в разрезе программ отражены лишь в базовом варианте. Примечательно, что в бюджетном прогнозе Вологодской области детализированы объемы межбюджетных трансфертов муниципальным образованиям, что увеличивает общую вариативность прогноза, но, очевидно, не раскрывает полной и необходимой информации в программном представлении.

Важность приоритизации расходов также упоминается, но в общих чертах и в контексте обеспечения реализации указов Президента РФ. Реже (например, в Псковской области, г. Санкт-Петербурге) акцентируется связь бюджетного прогноза со стратегией развития региона. Однако детально расходные приоритеты обычно не раскрываются. Лишь в ряде случаев (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область) отдельно приводится

финансирование приоритетных для региона государственных программ. Чаще предоставляется информация, которая представляет определенный интерес, но не раскрывает реальных приоритетов: финансовое обеспечение национальных проектов, реализуемых в регионе (Республика Коми, Мурманская область), ретроспективные значения кредитных рейтингов региона и основные направления расходования бюджетных средств, но не в программном формате, а агрегированно в разрезе функциональных направлений расходов (Мурманская область) и др.

Можно предложить ряд объяснений отказа регионов от многосценарного бюджетного прогноза и выделения приоритетных расходов в бюджетных прогнозах. Прежде всего, отражение нескольких сценариев развития событий (консервативный, базовый и целевой), предполагающее и выбор приоритетов, не входит в состав минимальных федеральных требований к бюджетному прогнозу³. Полагаем, что немаловажную роль играет стремление регионов упростить разработку таких документов в условиях отсутствия не только нормативной, но и практической необходимости: большинству субъектов присущ низкий уровень финансовой самостоятельности. Финансовые органы не видят необходимости в разработке детализированного варианта бюджетного прогноза. Найденную же дифференциацию документов в части иных элементов: регионального финансирования национальных проектов, значений кредитных рейтингов — можно объяснить управленческими компетенциями и инициативой специалистов финансового ведомства соответствующего региона.

Таким образом, бюджетные прогнозы субъектов Российской Федерации являются простой констатацией грядущих событий без их стоимостной оценки в различных вариантах прогноза. Как правило, в них нет четкого

³ В настоящее время действуют федеральные методические рекомендации по долгосрочному бюджетному планированию, адресованные финансовым органам субъектов Российской Федерации и датированные 2015 годом: Методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации по долгосрочному бюджетному планированию. Минфин России. Текст документа по состоянию на 04.12.2015.

перечня приоритетных направлений с соответствующими объемами финансирования.

При составлении «*Основных направлений бюджетной и налоговой политики*» (далее — ОНБНП) учитываются положения документов целеполагания, итоги реализации бюджетной политики в текущем году, раскрываются подходы финансового органа к составлению проекта бюджета и его основные характеристики, в том числе прогнозируемые параметры. Следовательно, в ОНБНП должны отражаться и приоритеты региональной бюджетной политики. На практике же они определяют лишь общие принципы, на которых строится налоговая и бюджетная политика региона, но не видение различных сценариев финансирования четко выделенных государственных приоритетов.

Во всех рассмотренных документах регионов СЗФО проведение бюджетной политики ориентируется на приоритет целей и задач, поставленных Президентом Российской Федерации, и положения национальных и федеральных проектов. Обычно такие приоритеты характеризуются как безусловные. Особое внимание уделяется приоритетному финансированию реализации национальных целей в соответствии с указами Президента, реализации мер, предусмотренных в посланиях Президента Федеральному Собранию, полному финансовому обеспечению реализации приоритетных для регионов задач (перечень которых, однако, не всегда четко определен) и достижению плановых результатов региональных проектов. Хотя и подчеркивается необходимость осуществления бюджетных расходов исходя из принципа приоритизации, конкретизация приоритетных направлений обычно отсутствует.

Оценка полноты раскрытия приоритетов расходования бюджетных средств в материалах, непосредственно сопровождающих составление бюджета, — «Основных направлениях бюджетной и налоговой политики» субъекта Российской Федерации

Общей проблемой для регионов является низкая полнота раскрытия приоритетов ОНБНП. Даже если приоритеты сами по себе четко выделены, средняя экспертная оценка по критерию полноты, поставленная нами, составила лишь 6,1 при максимальной 10,0 (табл. 2).

Таблица 2. Экспертная оценка ОНБНП регионов СЗФО по выделенным критериям

Регион	Четкость выделения приоритетных направлений расходов	Полнота раскрытия приоритетов	Оригинальность выделенных направлений; отражение региональной специфики	Общая средняя оценка
Республика Карелия	7	6	7	6,7
Республика Коми	7	5	8	6,7
Архангельская область	7	7	8	7,3
Вологодская область	8	6	7	7,0
Калининградская область	8	7	6	7,0
Ленинградская область	6	6	8	6,7
Мурманская область	8	7	9	8,0
Новгородская область
Псковская область
Санкт-Петербург	6	6	8	6,7
Ненецкий автономный округ	8	5	8	7,0
В среднем по всем рассмотренным регионам	7,2	6,1	7,7	-
Источник: составлено авторами.				

В одних регионах приоритеты бюджетной политики обозначены не только весьма четко, но и достаточно полно. Например, в Калининградской области к приоритетам отнесены поддержка экономики региона, включая реализацию инфраструктурных проектов, стимулирование инвестиций и предпринимательства. В Вологодской области, кроме национальных целей развития, основной приоритет отдан инициативам губернатора, при этом бюджетная политика по каждому из направлений (безопасность и правоохранительная деятельность, национальная экономика, жилищно-коммунальное хозяйство, социальная сфера) относительно высоко детализирована.

В других же регионах СЗФО приоритетные направления расходов хотя и выделены достаточно четко, но отличаются сравнительно малой детализацией. Кроме повышения оплаты труда и поддержания достигнутых уровней заработной платы отдельных категорий работников, прописаны такие специфические приоритеты, как развитие инфраструктуры закрытых административно-территориальных образований, реализация мастер-планов опорных населенных пунктов Арктической зоны, возмещение затрат коммунальных организаций (Мурманская область), формирование ком-

фортной городской среды, развитие предпринимательства, формирование системы мотивации к здоровому образу жизни, сокращение непригодного жилого фонда (Ненецкий автономный округ), обеспечение заработной платы не ниже минимального размера оплаты труда, ежегодная индексация оплаты труда; сохранение установленных мер социальной поддержки (Республика Коми).

Для сравнения, заметно менее четко и полно раскрыты региональные приоритеты бюджетных расходов в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, где упоминается лишь о стратегической приоритизации расходов и развитии проектных принципов управления. Детализация этих и иных направлений отсутствует.

Объяснить выявленную межрегиональную дифференциацию по критериям раскрытия приоритетов расходов в ОНБНП достаточно сложно. Тем не менее можно заметить, что приоритеты наиболее четко отражены в регионах, которые уделяют большое внимание особенностям своего развития в пространственном и отраслевом аспектах (Калининградская, Вологодская и Мурманская области). Кроме этого, наиболее оригинальные приоритеты расходов наблюдаются в северных регионах России (Мурманская область, Ненецкий автономный

округ, Республика Коми), что во многом связано с отдельными направлениями предоставления бюджетных средств в рамках государственной политики по развитию Арктической зоны Российской Федерации. Примечательно, что высокообеспеченные г. Санкт-Петербург и Ленинградская область не уделяют приоритизации расходов большого внимания, хотя от более самостоятельных регионов можно было ожидать и более полного отражения приоритетов.

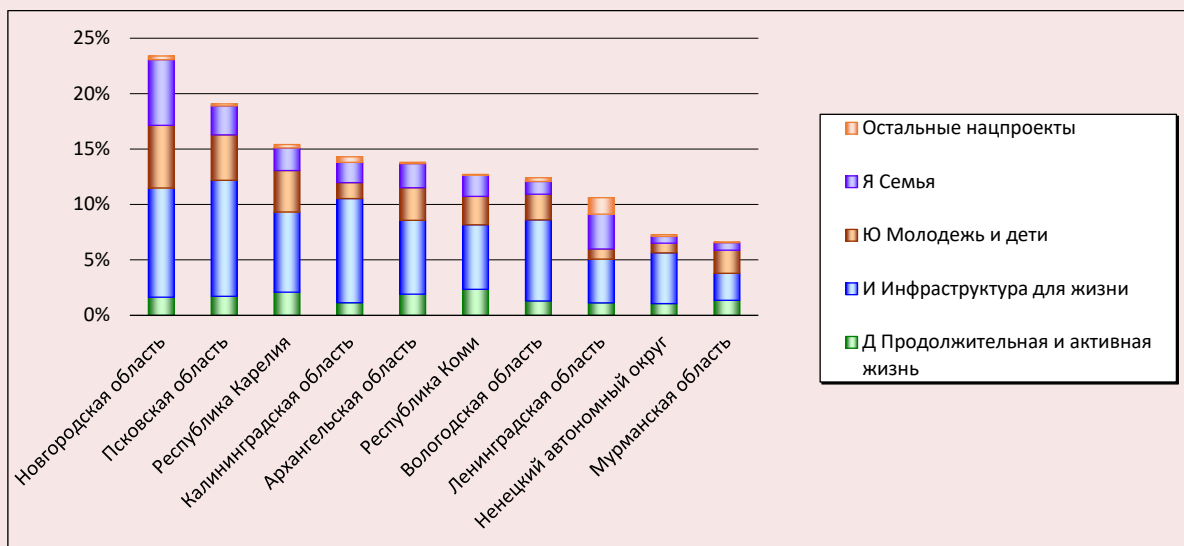
Оригинальность выделенных направлений расходов оценить достаточно сложно, учитывая, что во всех регионах они в той или иной степени повторяют федеральные приоритеты. Тем не менее для некоторых регионов, как показано выше, ряд выделенных направлений расходов достаточно специфичен. Также отметим, что рассматриваемые регионы стараются найти баланс между федеральными и региональными целями. Например, в Архангельской области подчеркнут приоритет финансирования региональных целей, направленных на обеспечение реализации национальных проектов и указов Президента РФ.

Определение приоритетных направлений и объемов расходов регионов, совпадающих с федеральными приоритетами, на фактических материалах законов о региональном бюджете на 2025–2027 годы

В Новгородской и Псковской областях наблюдается наибольший удельный вес расходов, осуществляемых в рамках национальных проектов (около 20–25%; рисунок). В расходах остальных рассматриваемых регионов доля таких средств гораздо ниже. Во всех регионах наибольший объем расходов направляется в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни» (в среднем 6,8% по всем регионам), существенно меньший — по проектам «Молодежь и дети», «Семья» и «Продолжительная и активная жизнь» (2,7, 2,2 и 1,6% соответственно).

Выявленная структура расходов региональных бюджетов в рамках национальных проектов повторяет перечень их расходных полномочий (обязательств), предусмотренных в федеральном законодательстве⁴. Межрегиональная дифференциация существует, но не столь масштабна (табл. 3).

Доля расходов в рамках национальных проектов в общих расходах бюджетов субъектов СЗФО Российской Федерации в 2025 году, %

Рассчитано по: данные законов о бюджете регионов на 2025–2027 гг.

⁴ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 13.12.2024).

Таблица 3. Доля расходов в рамках национальных и входящих в них федеральных проектов от общих расходов бюджетов субъектов Российской Федерации в 2025 г., %

Национальный (федеральный) проект	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская область	Вологодская область	Калининградская область	Ленинградская область	Мурманская область	Новгородская область	Псковская область	Ненецкий автономный округ	Санкт-Петербург
Д «Продолжительная и активная жизнь»	2,1	2,3	1,9	1,3	1,1	1,1	1,4	1,6	1,7	1,1	...
И «Инфраструктура для жизни»	7,2	5,8	6,7	7,3	9,4	3,9	2,4	9,9	10,5	4,6	...
И8 «Региональная и местная дорожная сеть»	6,0	5,2	5,8	5,7	8,0	3,0	1,5	8,2	8,6	4,0	...
Ю «Молодежь и дети»	3,7	2,6	2,9	2,3	1,4	0,9	2,1	5,7	4,1	0,9	...
Ю4 «Все лучшее детям»	2,0	1,0	1,0	1,4	0,7	0,3	0,9	2,2	1,4	0,2	...
Ю5 «Ведущие школы»	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,3	1,5	0,0	...
Ю6 «Педагоги и наставники»	1,2	1,3	1,2	0,7	0,5	0,6	1,0	0,8	1,0	0,7	...
Я «Семья»	2,0	1,9	2,2	1,1	1,8	3,1	0,7	5,9	2,6	0,6	...
Я1 «Поддержка семьи»	0,5	0,9	1,0	0,1	0,2	2,6	0,1	2,3	0,2	0,2	...
Я2 «Многодетная семья»	0,4	0,3	0,8	0,4	1,1	0,3	0,2	1,6	1,8	0,0	...
Остальные национальные проекты	0,3	0,1	0,1	0,3	0,5	1,5	0,1	0,3	0,2	0,2	...
Всего расходов в рамках национальных проектов	15,4	12,7	13,8	12,4	14,3	10,6	6,6	23,4	19,1	7,3	...
Всего расходов, млрд рублей	73,5	124,5	151,7	166,4	149,3	268,6	142,1	65,2	58,1	29,5	1491,5
Источник: составлено авторами.											

Высокая доля расходов в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни» обусловлена тем, что через него осуществляются расходы на строительство и ремонт автомобильных дорог (федеральный проект «Региональная и местная дорожная сеть») — одно из основных расходных обязательств на уровне регионов. Расходы в сфере образования в рамках национального проекта «Молодежь и дети» также достаточно объемны. Средства направляются на ремонт и модернизацию школ, их техническое оснащение (федеральный проект «Все лучшее детям»), производятся дополнительные расходы на отдельные, «передовые» школы (федеральный проект «Ведущие школы»), профессиональное развитие и дополнительное образование для самих преподавателей (федеральный проект «Педагоги и наставники»). Примерно на том же уровне финансируются меры, аналогичные материнскому капиталу на региональном уровне (федеральный проект «Поддержка семьи»), программы господдержки многодетных семей (федеральный проект «Многодетная семья») в рамках национального проекта «Семья».

Выводы

Научная значимость проведенного исследования заключается в оценке значимости много-сценарного подхода в бюджетном планировании на уровне субъектов Российской Федерации и отражения в различных документах приоритетов бюджетных расходов. Нами изучены все основные документы бюджетного прогнозирования и планирования на региональном уровне — стратегии социально-экономического развития, бюджетные прогнозы и основные направления бюджетной политики субъектов Российской Федерации, входящих в СЗФО. В рамках исследования вопроса это сделано впервые. Анализ указанных документов позволил получить следующие результаты.

Установлено, что приоритизации целей и задач государственной политики субъектов Российской Федерации только лишь в рамках стратегий социально-экономического развития недостаточно. Подавляющая часть бюджетных прогнозов регионов представлена в базовом варианте в соответствии с прогнозом социально-экономического развития. Даже в Вологодской и Мурманской областях, где применяется

многоценарный подход к бюджетному прогнозированию, показана лишь общая сумма расходов, включая суммарный объем расходов в форме государственных программ. ОНБНП всех рассмотренных регионов также используют лишь базовый вариант прогноза параметров бюджетов.

Выявлены низкие четкость выделения приоритетных направлений расходов и полнота раскрытия приоритетов в ОНБНП. Даже если некоторые направления расходов отличаются сравнительной детализацией и обозначены как приоритетные, прогнозный объем их финансирования отсутствует. Это снижает содержательный характер таких документов. Следовательно, приоритеты бюджетных расходов на уровне регионов в явном виде не всегда обозначены.

Впервые выделены фактические приоритетные направления региональных расходов, совпадающие с федеральными приоритетами, и дана оценка их объемов в разрезе регионов по материалам закона о региональном бюджете каждого региона, то есть на основе актуальных эмпирических данных. Установлено, что структура расходов региональных бюджетов в рамках национальных проектов повторяет перечень их расходных обязательств, предусмотренных в федеральном законодательстве. Тем не менее выявленная дифференциация между регионами по направлениям расходов требует дополнительных исследований.

Вариативный подход к бюджетному планированию и четкие приоритеты региональной государственной политики повышают прозрачность и предсказуемость действий органов го-

сударственной власти, снижают неопределенность, укрепляют финансовую устойчивость и в целом благоприятно влияют на эффективность государственного управления. Однако нами установлено, что субъектами Российской Федерации при проведении бюджетной политики многовариантный подход к прогнозированию и планированию статей доходов и расходов бюджета реализован слабо, а приоритеты расходов заданы неопределенно. Вероятно, такая ситуация обусловлена теми же факторами, которые предложены нами в части анализа бюджетных прогнозов регионов СФЗО, а именно отсутствием прямых требований со стороны федерального уровня и незаинтересованностью регионов в усложнении разработки соответствующих документов без необходимости. По всей видимости, зависимость финансовой устойчивости региона от рекомендаций теории бюджетного планирования не подтверждается практикой бюджетной политики. Это может быть следствием низкой административной (в части разграничения полномочий) и финансовой самостоятельности регионов.

Ответ на вопрос о том, что конкретно препятствует внедрению многоценарного подхода и выделению расходных приоритетов в рамках бюджетного планирования на региональном уровне, может стать предметом дальнейших исследований. С практической точки зрения актуальной является разработка возможных методических рекомендаций для регионов по раскрытию информации в части многоценарного подхода и использованию тех или иных методов прогнозирования.

Литература

- Антипин И.А., Власова Н.Ю., Иванова О.Ю. (2023). Стратегическое планирование регионов Российской Федерации: вопросы пространственного развития // *Управленец*. Т. 14. № 6. С. 50–62. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-6-4
- Арлашкин И.Ю., Дерюгин А.Н., Прока К.А. (2015). Формирование бюджетного прогноза на долгосрочный период: региональный аспект // *Финансовый журнал*. № 3 (25). С. 63–74. URL: <https://elibrary.ru/UBVERV>
- Атаева А.Г. (2019). Информационное и методическое обеспечение разработки региональных стратегий // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. Т. 11. № 4. С. 589–613. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-4-589-613
- Барбашова Н.Е. (2022). Подходы к построению и использованию модели долгосрочного бюджетного прогноза на региональном уровне // *Финансовый журнал*. Т. 14. № 2. С. 8–25. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-2-8-25

- Беляков С.А. (2017). Отражение задач развития образования в стратегиях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Университетское управление: практика и анализ. Т. 21. № 1 (107). С. 5–15. URL: <https://elibrary.ru/YGTEPB>
- Будаева К.В. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: компаративный анализ институциональной деятельности регионов России в 2015–2016 годах // Региональная экономика. Юг России. № 1 (15). С. 57–66. DOI: 10.15688/re.volsu.2017.1.6
- Жихаревич Б.С. (2024). Критерии качества стратегий российских регионов в 2023 году // Региональная экономика. Юг России. Т. 12. № 1. С. 15–24. DOI: 10.15688/re.volsu.2024.1.2
- Золотарева А.Б., Соколов И.А. (2018). Проблемы и пути совершенствования системы стратегического планирования в России // Экономическая политика. Т. 13. № 5. С. 8–23. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-5-8-23
- Климанов В., Будаева К., Чернышова Н. (2017). Промежуточные итоги стратегического планирования в регионах России // Экономическая политика. Т. 12. № 5. С. 104–127. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-5-06
- Левина В.В. (2023). Изменения бюджетного законодательства и муниципальная финансовая политика в условиях нестабильности // Финансы. № 1. С. 9–15. URL: <https://elibrary.ru/BJRDQA>
- Михайлова А., Еремина Д. (2018). Прогрессивное обновление долгосрочных бюджетных прогнозов регионов // Проблемы теории и практики управления. № 11. С. 19–26.
- Одинг Н.Ю., Савулькин Л.И., Юшков А.О. (2016). Российский бюджетный федерализм через призму реализации правительственных программ // Экономическая политика. № 4. С. 93–114. DOI: 10.18288/1994-5124-2016-4-04
- Печенская М.А. (2015). Межбюджетные отношения: состояние, регулирование, оценка результативности. Вологда. 161 с.
- Andrew J., Baker M., Guthrie J., Martin-Sardesai A. (2020). Australia's COVID-19 public budgeting response: The straitjacket of neoliberalism. *Journal of Public Budgeting, Accounting & Financial Management*, 32(5), 759–770. DOI: <https://doi.org/10.1108/JPBAFM-07-2020-0096>
- Benito B., Guillamón M.D., Bastida F. (2015). Budget forecast deviations in municipal governments: Determinants and implications. *Australian Accounting Review*, 25(1), 45–70. DOI: <https://doi.org/10.1111/auar.12071>
- Facchini F. (2018). What are the determinants of public spending? An overview of the literature. *Atlantic Economic Journal*, 46(4), 419–439. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11293-018-9603-9>
- Foster J.D., Miller J.C. (2000). The tyranny of budget forecasts. *Journal of Economic Perspectives*, 14(3), 205–215. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.14.3.205>
- Guerrero O.A., Castañeda G., Trujillo G., Hackett L., Chávez-Juárez F. (2022). Subnational sustainable development: The role of vertical intergovernmental transfers in reaching multidimensional goals. *Socio-Economic Planning Sciences*, 83, 101155. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.seps.2021.101155>
- Hoang T., Maher C.S. (2022). Fiscal condition, institutional constraints, and public pension contribution: Are pension contribution shortfalls fiscal illusion? *Public Budgeting & Finance*, 42(4), 93–124. DOI: <https://doi.org/10.1111/pbaf.12328>
- Kaplanoglou G., Rapanos V.T. (2013). Fiscal deficits and the role of fiscal governance: The case of Greece. *Economic Analysis and Policy*, 43(1), 5–27. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0313-5926\(13\)50001-4](https://doi.org/10.1016/S0313-5926(13)50001-4)
- Klimanov V., Kazakova S., Mikhaylova A., Safina A. (2021). Fiscal resilience of Russia's regions in the face of COVID-19. *Journal of Public Budgeting, Accounting & Financial Management*, 33(1), 87–94. DOI: <https://doi.org/10.1108/JPBAFM-07-2020-0123>
- Mitchell D.T., Stansel D. (2016). The determinants of the severity of state fiscal crises. *Public Budgeting and Finance*, 36(4), 50–67. DOI: <https://doi.org/10.1111/pbaf.12116>
- Ortiz I., Chai J., Cummins M., Vergara G. (2010). *Prioritizing Expenditures for a Recovery for All: A Rapid Review of Public Expenditures in 126 Developing Countries. Social and Economic Policy Working Paper.*

Сведения об авторах

Владимир Викторович Климанов — доктор экономических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82–84); директор, АНО «Институт реформирования общественных финансов» (Российская Федерация, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1; e-mail: klimanov@ranepa.ru)

Евгений Николаевич Тимушев — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82–84); Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: timushev-en@ranepa.ru)

Владислав Александрович Вантрусов — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82–84; e-mail: vladislavvantrusov@yandex.ru)

Klimanov V.V., Timushev E.N., Vantrusov V.A.

Reflection of Expenditure Priorities in Regions' Budget Planning

Abstract. The paper investigates the extent to which the strategic and budgetary documents of constituent entities of the Russian Federation reflect a multi-scenario approach to forecasting budget parameters and identify spending priorities. The analysis is based on the example of the regions included in the Northwestern Federal District. The relevance of the study is due to the fact that budget policy as a whole has a multi-scenario nature. Therefore, in order to increase the effectiveness of public administration on the part of the authorities, it is important to assess the risks of budget execution and develop a response plan to minimize their negative consequences, which requires, among other things, prioritization of expenditures. The paper uses methods of structural and substantive analysis of regulatory and program documents of strategic and budgetary planning at the level of constituent entities of the Russian Federation, the method of rating regional budget planning documents according to the authors' criteria and the method of grouping budget expenditures within regional projects, which are a decomposition of federal projects. The scientific significance of the study lies in formulating the problem of using a multi-scenario approach in the development of budget planning documents and reflecting spending priorities in them, assessing the severity of this problem at the regional level and offering ways to address it. The novelty of the work lies in the fact that for the first time all the main documents of budget forecasting and planning in the regions of the Northwestern Federal District have been studied. It has been established that the vast majority of budget forecasts and the main directions of budget policy are presented only in the basic version. Strategic and budget planning documents virtually do not offer a multivariate forecast of regional budget revenue and expenditure items. Consequently, spending priorities are not set properly. It is shown that a significant proportion of actual regional expenditures coincide with federal priorities and they reflect the list of expenditure obligations stipulated in federal legislation. The theoretical significance of the study lies in substantiating the need to apply a multi-scenario approach to the disclosure of budget policy priorities at the regional level, the practical significance consists in underscoring the importance of detailing the documents for medium- and long-term strategic and budgetary planning — preparing a separate section with disclosure of information on a multi-scenario approach to forecasting and on priority areas of spending.

Key words: strategy, budget forecast, prioritization, socio-economic development strategy, budget forecast for the region, main directions of budget policy, national project, multi-scenario approach.

Information about the Authors

Vladimir V. Klimanov – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82-84, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation); director, Institute for Public Finance Reform (1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russian Federation; e-mail: klimanov@ranepa.ru)

Evgeny N. Timushev – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82-84, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation); Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: timushev-en@ranepa.ru)

Vladislav A. Vantrusov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82-84, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: vladislavvantrusov@yandex.ru)

Статья поступила 16.06.2025.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.7

УДК 303.211, ББК 60.59

© Ракачев В.Н., Ракачева Я.В.

Проблемы оценки нематериальных ресурсов при реализации политики развития сельских территорий

Вадим Николаевич

РАКАЧЕВ

Кубанский государственный университет

Краснодар, Российская Федерация

e-mail: midav.sf@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6505-4208; ResearcherID: ABA-4592-2021

Ярослава Владимировна

РАКАЧЕВА

Кубанский государственный университет

Краснодар, Российская Федерация

e-mail: soccenter.kubsu@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0540-6408; ResearcherID: ABD-9333-2021

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возрастающей значимостью нематериальных ресурсов, которые сегодня рассматриваются как фундаментальные, стратегические ресурсы политики развития территорий. Особую важность эта проблема имеет для сельских территорий Российской Федерации, сталкивающихся со структурным кризисом и, как следствие, с трудностями в выполнении общенациональных функций. В статье поставлена цель представить результаты методологической работы по созданию системы субъективных социальных индикаторов, позволяющих дать оценку состоянию нематериальных ресурсов для политики развития территорий и их апробации на примере сельских поселений Краснодарского края. В статье показано, как на основе выделенных нематериальных ресурсов развития территорий и их содержательных

Для цитирования: Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. (2025). Проблемы оценки нематериальных ресурсов при реализации политики развития сельских территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 129–142. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.7

For citation: Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V. (2025). Problems of assessing intangible resources in the implementation of rural development policy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 129–142. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.7

характеристик сформирована система субъективных индикаторов для оценки состояния этих ресурсов на уровне локальных сообществ. Представлены результаты апробации методики на примере сельских поселений Краснодарского края. Исследование охватило 12 сельских поселений из 6 муниципальных районов. Результаты свидетельствуют, что состояние нематериальных ресурсов зависит не столько от уровня развития отдельных поселений, сколько от уровня развития муниципальных районов, в которые они включены. Установлено, что более развиты ресурсы первого порядка — базовые активаторы процесса развития территории: человеческий потенциал, локальная идентичность и лидерство. Оценка ресурсов второго и третьего порядка указывает на необходимость усилить работу по их активизации. Предложенная методика может быть использована в качестве инструмента диагностики состояния нематериальных ресурсов при реализации политики развития территории на «входе» и «выходе», а также в качестве инструмента регулярного мониторинга.

Ключевые слова: нематериальные ресурсы, политика развития, сельские территории, социальные индикаторы.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках проекта, реализованного при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда, № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов».

Введение

Достижение устойчивого развития как одной из глобальных целей для мира и отдельных сообществ требует разработки и использования соответствующих социальных технологий. Глобальный дефицит материальных ресурсов неизбежно ставит вопрос о максимальном задействовании ресурсов нематериального характера, использование которых способно компенсировать недостаток ресурсов физических и обеспечить в будущем устойчивое состояние общества. В этих условиях нематериальные ресурсы, которые характеризуют качество социальных субъектов и институтов с точки зрения их способности к эффективному саморазвитию и успешной конкуренции, все чаще рассматриваются как наиболее фундаментальный, стратегический, терминальный ресурс политики развития территорий разного уровня. Особую актуальность проблема развития и эффективного использования нематериальных ресурсов имеет для сельских территорий Российской Федерации, которые, как отмечается в Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года¹, испытывают затрудне-

ния при выполнении ими основных общенациональных функций вследствие структурного кризиса². Не являются исключением сельские территории Краснодарского края, одного из ведущих сельскохозяйственных регионов страны (Ракачев, 2023), где достаточно остро стоят «системные проблемы в развитии человеческого капитала, который в условиях современного общества выходит на первое место среди долгосрочных факторов развития»³.

Вместе с тем исследованию нематериальных ресурсов, их потенциала для развития общества пока еще уделяется недостаточно внимания, поскольку их параметры не всегда могут быть зафиксированы статистически, во многом субъективны и ситуативны, зависимы от конкретного социокультурного, экономического и политического контекста. Как следствие, интерпретации, способы измерения и оценки нематериальных ресурсов значительно варьируются и не всегда могут быть сопоставимыми.

¹ Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р (ред. от 13.01.2017).

² Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/16757> (дата обращения 15.05.2023).

³ О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г.: Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550301926> (дата обращения 15.05.2023).

Кроме того, сам характер ресурсов отличается динамичностью и изменчивостью, что требует постоянного пересмотра имеющихся инструментов для их анализа.

Цель исследования — представить результаты методологической работы по формированию системы субъективных социальных индикаторов для оценки нематериальных ресурсов в политике развития территорий и результаты их апробации на примере сельских поселений Краснодарского края⁴.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу работы составили исследования, посвященные анализу нематериальных ресурсов (Капелюшников, Лукьянова, 2010; Hall, 2009; Teese, 2018), в том числе человеческого и социального капитала (Putnam, 2001; Бурдые, 2005; Abraham, Mallatt, 2022), и социальных показателей, позволяющих дать им всестороннюю оценку⁵ (Кислицына, 2017; Леонтьева, Смирнова, 2020; Voukelatou et al., 2021; Bartram et al., 2024).

Массив эмпирических данных для апробации методики был получен в ходе социологического исследования, проведенного в форме анкетирования в сельских поселениях Краснодарского края в июне — августе 2023 года. Отбор и классификация сельских поселений были предварительно проведены на основе данных экспертного опроса и показателей уровня социально-экономического развития (СЭР)⁶.

В итоге были отобраны поселения из 6 муниципальных районов края: трех более развитых (Белореченский, Крымский, Темрюкский) и трех менее развитых (Апшеронский, Каневской, Тихорецкий). Поселения отбирались по двум крайним значениям индекса СЭР. Общее число отобранных поселений составило 12, в том числе 6 более развитых (Таманское, Первомайское, Челбасское, Пригородное, Фастовецкое и Нижегородское) и 6 менее развитых (Стародеревянковское, Новополянское, Рязанское, Молдаванское, Фонталовское и Хоперское).

В отобранных сельских поселениях (СП) было проведено анкетирование (уличный опрос). Выборка простая, случайная, репрезентативная на уровне сельского поселения по полу и возрасту ($N = 762$)⁷. Соответственно, данные были собраны по 6 поселениям-лидерам (375 анкет) и 6 поселениям-аутсайдерам (387 анкет). Также примерно равным является распределение анкет по типу района: 382 анкеты в более развитых районах (БР), 380 — в менее развитых районах (МР).

Нематериальные ресурсы и их структура

Ресурсы в самом широком смысле — это то, что имеет ценность в процессе, что полезно и необходимо для достижения цели, то, что обеспечивает развитие. Среди прочих видов ресурсов — финансовых, природных, трудовых — особое место в условиях современного общества занимают нематериальные ресурсы.

⁴ Разработанная методика представляет собой один из инструментов анализа моделей развития сельских территорий на основе нематериальных ресурсов и социально-экономического развития.

⁵ Зубаревич Н. В. (2009). Индекс развития человеческого потенциала регионов России в 2005–2006 гг.: доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. Москва: Сити-Принт. С. 194–203.

⁶ Для оценки уровня СЭР сельских поселений и муниципальных районов был разработан интегральный показатель, рассчитанный на основе комплекса статистических данных. В исследовании использовались следующие ключевые индикаторы: численность населения; ввод в действие индивидуальных жилых домов; удельный вес прибыльных организаций; инвестиции в основной капитал за счет средств бюджета муниципального образования; инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования; профицит / дефицит бюджета муниципального образования (местного бюджета); естественный прирост (убыль); сальдо миграции; количество негасифицированных населенных пунктов. Построение интегрального показателя СЭР представляет собой многокритериальную задачу, требующую определения весовых коэффициентов для каждого из учитываемых параметров. В исследовании был применен метод аналитической иерархии Саати (АНР, Analytic Hierarchy Process). Процедура оценки включала проведение серии парных сравнений между различными критериями; экспертную оценку значимости показателей; определение итогового ранжирования с использованием медианы Кемени. Такой подход позволил получить объективную оценку уровня социально-экономического развития исследуемых территорий с учетом относительной важности различных факторов развития. В результате каждое исследуемое сельское поселение характеризуется двумя показателями: метрическим рангом поселения и метрическим рангом района, в котором оно расположено.

Подробнее о процедуре отбора муниципальных районов и сельских поселений в них с применением экспертного опроса и расчета индекса СЭР см. (Miroshnichenko et al., 2024).

⁷ Генеральная совокупность — 75043 чел., ошибка выборки — 3,5% при доверительной вероятности 95%.

Поскольку первоначально этот тип ресурсов стал выделяться и анализироваться в рамках экономики, исследователи определяли их прежде всего через различные свойства бизнеса и организаций. Нематериальные ресурсы (нематериальные активы) в этом контексте понимались как нефизические источники ценностей, создаваемые инновациями, уникальными организационными проектами или методами работы с персоналом, как запасы стратегической информации и нематериальных активов, которые организация может использовать по мере необходимости для достижения своих целей (Теесе, 2018).

При всем многообразии интерпретаций нематериальных ресурсов обнаруживается ряд общих для них свойств. Во-первых, нематериальные ресурсы, несмотря на свою неосозаемую природу, обладают определенной ценностью, полезностью и стоимостью. Во-вторых, уровень их использования является индикатором степени модернизированности субъекта, который их применяет. Кроме того, ценность нематериальных ресурсов имеет когнитивную или социально сконструированную природу, она приписана им заинтересованными сторонами, т. е. не присуща самому предмету, а скорее зависит от оценки наблюдателем его полезности или желательности. Такие ресурсы уникальны по своей природе (Теесе, 2018), для их создания требуется время, что затрудняет их имитацию и делает потенциальным источником устойчивого конкурентного преимущества (Van Criekingen et al., 2022).

В настоящее время представление о нематериальных ресурсах как стратегических активах выходит за пределы анализа их роли исключительно в развитии фирм и организаций. Формулируется идея о том, что нематериальные ресурсы также важны для производительности и конкурентоспособности стран, отдельных регионов и территорий (Manuelli, Seshadri, 2014). При этом оценка нематериальных ресурсов на этих уровнях является более сложной задачей и затрудняет использование микромоделей (Van Criekingen et al., 2022). К настоящему времени можно констатировать неуклонный рост осознания стратегической ценности нематериальных ресурсов и в других, помимо экономики, областях жизни общества (Kim, Go, 2020; Velez et al., 2024).

Социальные индикаторы как способ измерения и оценки нематериальных ресурсов

Определяя ресурсы как то, что лежит в основе развития, мы неизбежно приходим к вопросу о его показателях, тем более что в последнее время усиливается потребность в более целостном и всестороннем его измерении. Это связано с постоянно меняющимся ландшафтом самой общественной системы, а также политики ее развития, при этом большинство оценочных показателей дают весьма ограниченное представление о нем. Высказывается мысль о том, что концепция развития должна выходить за рамки накопления богатства и роста национального продукта и других переменных, связанных с доходом. Не игнорируя важность экономического роста, необходимо учитывать и другие составляющие. Соответственно, показатели, используемые для оценки развития, должны учитывать различные аспекты жизни людей, в т. ч. культурные, социальные, экологические, политические и др. (Jansen et al., 2024).

Реализация политики развития требует от акторов (в первую очередь органов власти) действий, направленных на сохранение или повышение благополучия индивидов, социальных групп или общества в целом. Но, поскольку благополучие невозможно измерить напрямую, необходимы специальные инструменты. Таким инструментом выступают социальные индикаторы — количественные или качественные показатели, фиксирующие наблюдаемые характеристики социальных явлений и позволяющие оценить их ненаблюдаемые аспекты, поэтому они служат косвенными мерами для сложноизмеримых социальных категорий, обеспечивая возможность их анализа и сравнения (Бородкин, Айвазян, 2017).

Социальные индикаторы представляют собой меру уровня, динамики и распределения аспектов условий жизни, имеющих решающее значение для благополучия (Maggino, 2024). Как правило, они представлены статистическими рядами, но это не значит, что игнорируется не поддающаяся количественной оценке информация, например, о культурных привычках и традициях (Bartram et al., 2024). Однако такие характеристики не всегда могут быть оценены с помощью формальных, объективных статистических данных (Бородкин, Айвазян, 2017). Соответственно, можно выделить два условных

подхода к оценке социальных явлений и процессов — количественный и качественный — и соответствующие им типы индикаторов — объективные и субъективные (Voukelatou, 2021).

Если объективные характеристики могут быть зафиксированы и измерены со стороны, с помощью заданных и одинаковых для любого частного случая инструментов, то субъективные оцениваются и измеряются собственно индивидами, субъектами благополучия (Noll, 2013; Бородкин, Айвазян, 2017). Субъективные социальные индикаторы, таким образом, представляют собой данные, которые имеют определенное значение для измерения качества жизни с точки зрения оценок отдельных индивидов (Michalos, 2023), степени их удовлетворенности условиями жизни (Сушко, 2023).

При этом граница между субъективными и объективными характеристиками не столь существенна, поскольку субъективные характеристики также фиксируются объективно и могут быть представлены в виде шкал, где область определения состоит из благ и/или бед (Бородкин, Айвазян, 2017). Общим для объективных и субъективных показателей является их многомерность, возможность использования системы индексов, которая позволяет сопоставлять различные по размерности и направлению действия параметры, а расчет композитного / интегрального индекса дает представление об общем благополучии, облегчает оценку конечного результата и позволяет проводить сравнения между территориями (Нотман, 2021).

Композитные индексы, позволяющие агрегировать большие массивы как объективных, так и субъективных данных по отдельным направлениям общественного благополучия, в настоящее время получили широкое распространение (Land, 2021; Chakrabarty, 2021). В качестве преимуществ такого рода индикаторов — возможность свести большой массив данных, различающихся количественными мерами, в единый показатель и получить целостное представление о качестве жизни населения определенной территории, а также проводить межстрановые, межрегиональные или межпоселенные сравнения (Леонтьева, Смирнова, 2020; Нотман, 2021). Они позволяют вести анализ социального явления в двух направлениях: в виде составного показателя и набора показателей, характеризующих его отдельные аспек-

ты, что важно при определении вклада каждого параметра в общую картину качества жизни и выявления на этой основе наиболее проблемных областей, требующих целенаправленного регулирования. Преимуществом композитных показателей также выступает их простая и доступная форма, позволяющая лаконично представить информацию о состоянии социальных процессов и использовать их при разработке мер социальной политики (Нотман, 2021).

К настоящему времени разработаны и широко используются несколько десятков индексов, дающих возможность проводить сравнительный анализ различных аспектов благополучия. Ряд этих показателей учитывает исключительно статистические данные (ВВП, ИЧР). При этом все чаще при создании индексов учитываются субъективные характеристики, что позволяет уходить от строго экономического подхода при оценке качества жизни и благополучия (индекс социального прогресса, международный индекс счастья). В этом направлении формируются и национальные подходы к оценке качества жизни. Для социально-экономического развития российских регионов Институтом социальной политики НИУ ВШЭ разработаны два композитных индекса — кризисный индекс качества жизни и «полный» индекс качества жизни⁸. Комплексный подход, объединяющий в общий показатель объективные статистические данные и субъективные оценки, разработан специалистами сектора проблем измерения качества жизни Института экономики РАН (Кислицына, 2017).

Таким образом, среди множества социальных показателей всё большую популярность приобретают те, которые направлены на комплексное измерение благополучия. Однако эти методики наряду с преимуществами имеют свои недостатки. В их числе проблема доступности и сопоставимости данных на национальном, региональном и муниципальном уровне (Bartram et al., 2024).

В целом анализ существующих на сегодняшний день работ показывает, что оценка нематериальных ресурсов сводится прежде всего к оценке качества человеческого потенциала,

⁸ Зубаревич Н.В. (2009). Индекс развития человеческого потенциала регионов России в 2005–2006 гг.: доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. Москва: Сити-Принт. С. 194–203.

осуществляется преимущественно с применением комплекса объективных показателей и сфокусирована на национальном либо региональном уровне⁹ (Зубаревич, 2020; Леонтьева, Смирнова, 2020; Атаева, Орешников, 2023), тогда как на уровне муниципальных образований, в том числе сельских поселений, эти задачи решаются намного реже (Ворошилов, 2021). Ряд исследований, затрагивающих проблему развития и оценки нематериальных ресурсов села, в частности человеческого капитала (Белкина и др., 2018; Колоскова, Бордаченко, 2018; Подгорская, Бахматова, 2020; Ворошилов, 2021; Троцук, 2023), тем не менее опираются исключительно на объективные показатели, что позволяет определить представленное исследование как актуальное, имеющее научную и практическую значимость и новизну.

Разработка методики оценки потенциала нематериальных ресурсов политики развития территорий

Созданию и апробации методики, включающей систему субъективных социальных индикаторов, предшествовала теоретическая интерпретация ключевых нематериальных ресурсов развития территорий. Предварительно авторским коллективом было концептуализировано само понятие «нематериальные ресурсы политики развития», под которыми понимается совокупность разноуровневых, многосоставных и полифункциональных компонентов, имеющих разный генезис, которые образуют систему социальных отношений и обеспечивают устойчивость развития местных сообществ. Были также выделены ключевые нематериальные ресурсы развития территорий:

- человеческий потенциал как интегральная оценка свойств населения, отражающая уровень и возможности развития людей при определенных природно-экологических, социально-экономических и политико-правовых условиях;

- локальная идентичность как идентификация жителей с территорией проживания/

рождения, чувство привязанности, причастности к локальному сообществу;

- лидерство, конфигурация которого зависит от его субъектности, происхождения, способа действия, степени институционализации и взаимодействия с местным сообществом;

- социальный капитал, который определяется в зависимости от типов социальных связей, преобладающих в местном сообществе (как частное/общественное благо), и институционализации;

- институты развития, конфигурация которых определяется типом институционализации, уровнем управления и профилем институционального развития);

- социально-психологические ресурсы, характеризующиеся уровнем социальной солидарности, доверия к действующей местной власти и субъективным благополучием (Miroshnichenko et al., 2024).

Выделенные ресурсы были объединены в три группы в зависимости от стадии, на которой они включаются в процесс развития, т. е. выступают его непосредственными активаторами. В группу *ресурсов первого порядка* (базовых активаторов) были включены человеческий потенциал, локальная идентичность и лидерство. Они создают основу и определяют базовый потенциал развития территории. В группу *ресурсов второго порядка* (стратегические активаторы) были включены институты развития и социальный капитал. Ресурсы этой группы определяют ключевые цели, формы и направление развития территорий. К *ресурсам третьего порядка* были отнесены социально-психологические ресурсы, которые представляют собой результирующие маркеры и позволяют определить успешность интеграции нематериальных ресурсов первого и второго порядка в политику развития территорий.

Теоретическая интерпретация ключевых нематериальных ресурсов позволила определить аналитическую рамку для их дальнейшего эмпирического исследования как многосоставного компонента в политике развития территорий.

Соответственно, нашей непосредственной задачей стала разработка комплекса субъективных социальных индикаторов для оценки нематериальных ресурсов развития территорий. Аналитическим путем был выделен набор

⁹ Серебрякова Н.А., Волкова С.А., Волкова Т.А. (2019). Методика интегральной оценки человеческого капитала региона // Вестник ВГУИТ. №3 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-integralnoy-otsenki-chelovecheskogo-kapitala-regiona> (дата обращения 16.08.2025).

Таблица 1. Индикаторы нематериальных ресурсов развития территорий

Ресурс		Содержательные характеристики	Индикатор
Ресурсы первого порядка	Человеческий потенциал	Перспективность для молодежи Влияние миграции на развитие территории	Индекс перспективности для молодежи Индекс влияния миграции на развитие территории
	Локальная идентичность	Общность населения	Индекс общности населения
	Лидерство	Формальное и неформальное лидерство	Индекс формального и неформального лидерства
Ресурсы второго порядка	Институты развития	Стратегии развития Брендирование территории	Индекс стратегии развития Индекс брендирования территории
	Социальный капитал	Личное участие в развитии территории Сетевые ресурсы	Индекс личного участия в развитии территории Индекс сетевых ресурсов
Ресурсы третьего порядка	Социально-психологические ресурсы	Доверие к муниципальной власти Солидарность Субъективное благополучия	Индекс доверия к муниципальной власти Индекс солидарности Индекс субъективного благополучия
Источник: составлено авторами.			

характеристик, отражающих содержание основных нематериальных ресурсов развития территорий и соответствующие им эмпирические индикаторы (табл. 1).

Результирующим показателем для оценки нематериальных ресурсов развития территорий был определен интегральный индекс¹⁰, а в качестве его компонентов — частные индексы и субиндексы ресурсов первого, второго и третьего порядка.

Далее был разработан социологический инструментарий (анкета), где для каждого индикатора (частного индекса), выделенного в таблице 1, был предусмотрен пул вопросов (от 2

до 5) с меню (варианты шкалы Лайкерта), что позволило значительно усилить информативность и «чувствительность» к изменениям каждого индекса.

Распределение ответов на тот или иной вопрос рассчитывалось как процент от общего числа респондентов. В связи с тем что несколько вопросов анкеты соответствовало каждому частному индексу, они впоследствии усредняются. В результате получается следующая формула расчета:

$$\eta = \frac{1}{k} \sum_{i=1}^k \zeta_i, \quad \zeta_i = s_i^+ - s_i^-, \quad (1)$$

где:

s_i^+ — процент положительных ответов;

s_i^- — процент отрицательных ответов на i -й вопрос.

На основе частных индексов, характеризующих конкретные нематериальные ресурсы, осуществляется расчет субиндексов ресурсов первого, второго и третьего порядка, которые рассчитываются как невзвешенное среднее арифметическое частных индексов. В завершение проводится подсчет интегрального индекса нематериальных ресурсов развития территории, который также рассчитывается как невзвешенное среднее арифметическое субиндексов, на основе его компонентов — субиндексов ресурсов первого, второго и третьего порядка. При разработке методики решался вопрос о выборе весовых значений для различных компонентов

¹⁰ Использование интегрального индекса обусловлено его явными преимуществами. Во-первых, простая и доступная форма показателя позволяет лаконично представить информацию о состоянии сложных многокомпонентных социальных объектов и проводить сравнения между аналогичными объектами. Во-вторых, имеется возможность анализировать социальное явление в двух направлениях: в виде составного показателя и набора показателей, характеризующих его отдельные аспекты. Это представляется важным, так как позволяет определить конкретный вклад каждого компонента в общую ситуацию и соответственно при разработке и реализации мер социальной политики сделать акцент на определенном параметре.

Таким образом, интегральный индекс позволит нам дать обобщенную оценку всему комплексу ключевых нематериальных ресурсов развития территорий применительно к конкретному СП, а частные и субиндексы покажут состояние конкретных характеристик и укажут в каком направлении необходимо усилить работу, какие ресурсы стоит простимулировать для их большей активизации.

интегрального индекса, и поскольку в настоящее время наиболее распространенным является подход, где всем компонентам присваиваются одинаковые веса (Desancq, Lugo, 2013), было принято решение поступить таким же образом. В итоге каждый показатель (частный, интегральный и субиндекс) может принимать значения от -100 до 100, что свидетельствует о положительном или отрицательном состоянии ресурса.

Результаты и обсуждение

Оценка ресурсов первого порядка. Ресурс «Человеческий потенциал» оценивался с помощью двух показателей: индекса перспективности для молодежи и индекса влияния миграции на развитие территории.

Согласно проведенным расчетам, значения индекса перспективности для молодежи¹¹ в основном выше в поселениях-лидерах, т. е. жители более развитых поселений лучше оценивают перспективы своего СП и района для молодежи. Вместе с тем в поселениях из более развитых районов независимо от типа в среднем значения показателя выше, чем в поселениях из менее развитых районов. Иначе говоря, жители СП как лидеров, так и аутсайдеров из развитых районов более оптимистичны в оценке перспектив для молодежи, чем жители менее развитых районов. Значения индекса по всем СП положительные, но сравнительно невысокие, что может свидетельствовать о слабом развитии данного ресурса, за исключением трех СП, где индекс выше 50 п. п. — Молдаванского, Таманского и Пригородного (табл. 2).

Значения индекса влияния миграции¹² на развитие территории преимущественно выше оценивают в поселениях-аутсайдерах. По этому показателю также более высокие значения имеют СП из более развитых районов, т. е. жители СП всех типов в этих районах выше оценивают потенциал миграции и вклад мигрантов в развитие территорий. Значения индекса поло-

жительные, но невысокие: лишь в четырех поселениях он превышает 50 (Молдаванское, Таманское, Пригородное и Нижегородское).

Ресурс «Локальная идентичность» оценивался с помощью индекса общности населения¹³. Установлено, что локальная идентичность сильнее проявляется на уровне районов, чем на уровне сельских поселений, при этом у жителей поселений-аутсайдеров независимо от типа района локальная идентичность выражена сильнее, чем в поселениях-лидерах. Они чаще отмечают, что их жители представляют собой единую общность и принадлежность к этой общности для них является более важной. Значения индекса положительные во всех СП и достаточно высокие: в 9 из 12 СП они выше 50, что свидетельствует о высоком развитии данного ресурса.

Ресурс «Лидерство» оценивался с помощью индекса лидерства¹⁴. Установлено, что значения индекса во всех СП положительные и преимущественно высокие, наивысшие значения — в поселениях-аутсайдерах, т. е. их жители считают, что позитивные изменения произошли благодаря активистам, представителям бизнеса или главе СП. Однако в разрезе районов показатели в среднем выше в муниципалитетах с более высоким уровнем СЭР.

В целом показатели субиндекса ресурсов первого порядка положительные во всех типах СП, но сосредоточены вокруг средних значений, что говорит о невысоком уровне их развития. Они также несколько выше в СП более развитых районов.

Оценка ресурсов второго порядка. Ресурс «Институты развития» оценивался с помощью двух показателей: индекса стратегии развития и индекса брендинга территории.

¹¹ Вопросы анкеты по данному индикатору: «Как Вы оцениваете перспективы для молодежи в Вашем населенном пункте?»; «Вы бы хотели, чтобы Ваши дети остались жить в этом населенном пункте?».

¹² Вопросы анкеты по данному индикатору: «В Вашем населенном пункте много приезжих (мигрантов, людей, которые переехали сюда жить недавно, в последние 5 лет)?»; «Как повлияли мигранты на развитие Вашего населенного пункта?».

¹³ Вопросы анкеты по данному индикатору: «Можно ли сказать, что жителей Вашего населенного пункта объединяет что-то общее?»; «Что из нижеперечисленного объединяет жителей Вашего населенного пункта?»; «Насколько для Вас лично важно единство с жителями Вашего населенного пункта?».

¹⁴ Вопросы анкеты по данному индикатору: «Кто внес наибольший вклад в позитивные изменения в Вашем СП за последние 5 лет: глава СП, местные активисты, представители местного бизнеса?»; «В какой степени пользуются поддержкой жителей Вашего СП глава СП, органы местного самоуправления?».

Таблица 2. Расчетные показатели ресурсов 1, 2 и 3 порядка, %

Район	Белореченский (БР)		Крымский (БР)		Темрюкский (БР)		Тихорецкий (МР)		Апшеронский (МР)		Каневской (МР)	
Сельские поселения	Первомайское (БР)	Рязанское (МР)	Пригородное (БР)	Молдаванское (МР)	Таманское (БР)	Фонталовское (МР)	Фастовецкое (БР)	Хоперское (МР)	Нижегородское (БР)	Новополянское (МР)	Челбаское (БР)	Стародеревянковское (МР)
Показатели ресурсов 1-го порядка												
Индекс перспективности для молодежи	36,8	31,0	56,1	76,0	62,2	31,0	54,5	25,1	9,3	30,0	40,6	16,7
Индекс влияния миграции	37,1	40,7	43,2	57,5	52,0	65,1	43,2	44,8	74,0	48,3	43,8	34,5
Индекс общности населения	47,3	67,0	75,9	74,2	65,7	68,0	77,1	74,6	40,7	43,1	58,9	56,7
Индекс лидерства	50,0	32,2	64,4	79,6	61,6	81,4	64,4	45,6	44,0	61,7	50,0	44,7
Субиндекс ресурсов 1-го порядка	42,8	42,7	59,9	71,8	60,4	61,4	59,8	47,5	42,0	45,8	48,3	38,1
Показатели ресурсов 2-го порядка												
Индекс стратегии развития	30,1	24,0	66,8	64,3	57,0	48,8	54,8	30,0	11,8	35,2	7,3	7,0
Индекс брендинга территории	-17,3	-5,8	-10,6	30,7	61,6	27,9	3,0	-37,7	36,0	10,9	8,6	33,9
Индекс личного участия в развитии территории	10,7	-14,6	31,6	26,1	24,4	6,0	5,1	11,5	-10,2	-8,1	-16,2	-11,3
Индекс сетевых ресурсов	-8,9	6,0	30,0	41,5	15,2	25,9	27,6	7,5	-8,4	12,7	-8,5	-8,6
Субиндекс ресурсов 2-го порядка	3,7	2,4	29,5	40,6	39,5	27,2	22,6	2,8	7,3	12,7	-2,2	5,3
Показатели ресурсов 3-го порядка												
Индекс доверия власти	31,1	2,9	54,6	62,4	28,8	39,5	63,2	46,5	26,0	28,4	32,1	18,8
Индекс солидарности	31,1	21,4	65,2	75,3	46,1	41,8	50,0	42,1	20,0	10,0	42,2	26,8
Индекс субъективного благополучия	10,9	24,5	19,7	35,5	22,7	-27,9	16,9	1,2	-13,3	-0,3	12,9	4,6
Субиндекс ресурсов 3-го порядка	24,3	16,3	46,5	57,7	32,6	17,8	43,4	29,9	10,9	12,7	29,0	16,7

Значения индекса стратегии развития¹⁵ выше в поселениях-лидерах, также в среднем выше в СП более развитых районов. Индекс во всех СП положительный, однако он отличается большим разбросом: $\min = 7,0$; $\max = 66,8$, что свидетельствует о неравномерном развитии данного ресурса.

Одним из наименее развитых ресурсов оказался бренд территории. Значения индекса брендинга территории¹⁶ в ряде СП оказались отрицательными, причем они встречаются как в поселениях-аутсайдерах менее развитых, так и поселениях-лидерах более развитых районов. Лишь одно поселение-лидер в более развитом районе отличался высоким положительным значением данного индекса — Таманское СП. В целом можно говорить о низком показателе данного ресурса, его необходимо активнее задействовать в политике развития сельских территорий.

Ресурс «Социальный капитал» оценивался с помощью двух показателей: индекса личного участия в развитии территории и индекса сетевых ресурсов.

Значения индекса личного участия в развитии территории¹⁷ варьируются в пределах континуума с отрицательными и положительными значениями. Отрицательные значения преимущественно проявляются в СП из менее развитых районов, т. е. жители этих поселений в меньшей степени участвуют в видах деятельности, связанных с развитием своих территорий: благоустройстве, организации мероприятий, местном самоуправлении и пр.

¹⁵ Вопросы анкеты по данному индикатору: «Знаете ли Вы о стратегии (плане) развития Вашего СП?»; «О каких конкретных направлениях, которые планируется развивать в Вашем сельском поселении Вы знаете?»; «Как Вы оцениваете участие в развитии Вашего СП органов местного самоуправления, общественных активистов, местного бизнес-сообщества?».

¹⁶ Вопросы анкеты по данному индикатору: «Сегодня много говорят о «визитной карточке» (бренде) территории. На Ваш взгляд, есть ли визитная карточка у Вашего населенного пункта?»; «Насколько хорошо эту визитную карточку знают за пределами Вашего населенного пункта?».

¹⁷ Вопросы анкеты по данному индикатору: «Вы лично принимаете участие в развитии Вашего СП?»; В решении каких конкретно насущных проблем Вашего сельского поселения Вы лично участвуете?».

Низкие значения, в том числе отрицательные, показывает индекс сетевых ресурсов¹⁸. Его показатели несколько выше в СП из более развитых районов, однако и здесь есть СП, где индекс является отрицательным. Таким образом, сетевой ресурс является слабо развитым, его потенциал задействован недостаточно.

В целом субиндекс ресурсов 2-го порядка во всех СП заметно ниже данного показателя ресурсов 1-го порядка. Он выше в СП из более развитых районов.

«Социально-психологические ресурсы» как ресурсы третьего порядка оценивались с помощью трех показателей: индекса доверия к муниципальной власти, индекса солидарности и индекса субъективного благополучия.

Более высокий уровень доверия к муниципальной власти¹⁹ проявляют жители поселений-аутсайдерах. Принципиальных различий по средним значениям индекса для БР и МР районов не наблюдается. Значения индекса для всех СП положительные, но невысокие, что свидетельствует о низком уровне развития данного ресурса.

Индекс солидарности²⁰, напротив, выше в поселениях-лидерах как в более развитых, так и менее развитых районах. Значения индекса положительные, но имеют значительный разброс: $\min = 10,0$; $\max = 65,2$, что говорит о неравномерном развитии ресурса.

Значения индекса субъективного благополучия²¹ показывают, что жители поселений-

¹⁸ Вопросы анкеты по данному индикатору: «В какой степени Вы пользуетесь социальными сетями и мессенджерами?»; «В какие сообщества, группы, каналы в социальных сетях Вы включены?»; «В какой степени социальные сети помогают решать насущные вопросы в Вашем населенном пункте?».

¹⁹ Вопросы анкеты по данному индикатору: «Какой в целом уровень доверия населения к органам местной власти в Вашем сельском поселении?»; «В какой степени Вы лично доверяете главе Вашего поселения?».

²⁰ Вопросы анкеты по данному индикатору: «Как Вы оцениваете уровень общественной солидарности (совместное взаимодействие в решении проблем, уровень сплоченности, уверенность в поддержке и др.) в Вашем населенном пункте?»; «Как изменился уровень гражданской солидарности жителей Вашего сельского поселения за последний год?».

²¹ Вопросы анкеты по данному индикатору: «Насколько в целом Вас устраивают условия жизни в Вашем сельском поселении?»; «Ответьте на несколько вопросов об удовлетворенности Вашей жизнью в настоящий момент» (методика «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера).

лидеров более удовлетворены условиями своей жизни и собственными достижениями. Также этот показатель в среднем выше в СП из более развитых районов. Однако значения данного показателя невысокие во всех поселениях, что говорит о низком уровне удовлетворенности жителей условиями жизни и собственным благополучием и в целом о низком уровне развития ресурса.

В целом значения субиндекса ресурсов 3-го порядка достаточно низкие, что свидетельствует о слабом развитии данных ресурсов. При этом они выше в СП из более развитых районов.

Далее были рассчитаны интегральные индексы для каждого СП. Как видно из *таблицы 3*, потенциал нематериальных ресурсов в большей степени проявляется на уровне муниципальных районов: верх рейтинга занимают преимущественно СП (как лидеры, так и аутсайдеры) из более развитых районов края. Вместе с тем в число СП с более высокими показателями индекса попал ряд поселений из менее развитых районов. В этом случае можно говорить о том, что нематериальные ресурсы в данных СП могут быть эффективно активированы и включены в политику их развития.

Оценивая вклад каждого субиндекса в интегральный показатель, можно отметить, что во всех СП независимо от уровня развития муниципальных районов ресурсы первого порядка как базовые активаторы развития территорий имеют более высокие значения. Наименее развиты ресурсы второго порядка — стратегические активаторы развития, что свидетельствует

о явном кризисе в определении ключевых целей, форм и направлений развития данных территорий. Также слабо развиты ресурсы третьего порядка, что свидетельствует о низком уровне удовлетворенности населения СП условиями и качеством жизни.

Заключение

Апробация методики в целом позволила оценить состояние нематериальных ресурсов СП для их развития и сделать вывод о том, что они проявляются не столько в зависимости от уровня развития конкретных поселений, сколько от уровня развития муниципальных районов, в состав которых они включены. Представляется, что в целом данная методика позволяет решить поставленные задачи, т. е. на основе комплекса субъективных индикаторов дать оценку нематериальных ресурсов конкретных сельских поселений для их использования в политике развития территорий. Данная методика может применяться как инструмент диагностики состояния нематериальных ресурсов при реализации политики развития территории на «входе» и «выходе», а также для регулярного мониторинга. Кроме того, преимуществом предложенной методики оценки нематериальных ресурсов территории является использование индексного метода и, в частности, композитного индекса, аналоги которого отсутствуют в имеющихся исследованиях.

Методика позволяет учитывать уникальные локальные условия и модели развития. В этом заключается ее преимущество, но также и ее существенное ограничение. Она, несомненно, должна пройти дальнейшую проверку, т. к. от-

Таблица 3. Показатели интегрального индекса нематериальных ресурсов развития территории по СП

Сельское поселение	Район	Значение индекса (%)
Молдаванское (МР)	Крымский (БР)	56,6
Пригородное (БР)	Крымский (БР)	45,2
Таманское (БР)	Темрюкский (БР)	45,2
Фастовецкое (БР)	Тихорецкий (МР)	41,8
Фонталовское (МР)	Темрюкский (БР)	37,1
Хоперское (МР)	Тихорецкий (МР)	26,5
Рязанское (МР)	Белореченский (БР)	20,8
Первомайское (БР)	Белореченский (БР)	23,5
Новополянское (МР)	Апшеронский (МР)	24,7
Челбасское (БР)	Каневской (МР)	24,7
Нижегородское (БР)	Апшеронский (МР)	20,9
Стародеревянковское (МР)	Каневской (МР)	20,3

дельные параметры и индикаторы требуют уточнения. Возможно, необходимо найти более чувствительные инструменты и шкалы для оценки потенциала нематериальных ресурсов на уровне конкретных поселений, поскольку разработанные и апробированные успешно проявляются на уровне муниципальных районов, но не всегда дают результат на уровне СП. Также требуют дополнительной проверки и интерпретации те индикаторы, значения которых выше в менее развитых поселениях (индекс влияния миграции, индекс лидерства и др.).

Современные исследования и реальная практика подтверждают, что накопление знаний, умений и навыков, аккумулирование прогрессивных наукоемких технологий, инвестиции в человеческий капитал позволяют формировать инновационный тип развития. В этих условиях изучение роли и места нематериальных ресурсов представляется значимым с точки зрения использования их потенциала при принятии управленческих решений и выработке программ устойчивого развития на уровне локальных и региональных сообществ.

Литература

- Атаева А.Г., Орешников В.В. (2023). Оценка уровня социального развития регионов России: методические и прикладные аспекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 66–82. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.4
- Белкина Е.Н., Зайцева М.В., Абрамян Р.Т. (2018). Проблемы развития и самореализации человеческого капитала сельских территорий // Московский экономический журнал. № 5 (3). С. 12–16.
- Бородкин Ф., Айвазян С. (2017). Социальные индикаторы. Москва: Юнити-Дана. 608 с.
- Бурдые П. (2002). Формы капитала // Экономическая социология. Т. 6. № 3. С. 60–74.
- Ворошилов Н.В. (2021). К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 1. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.7
- Зубаревич Н. В. (2020). Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода. Москва: Ленанд. 264 с.
- Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. (2010). Трансформация человеческого капитала в российском обществе. Москва: Фонд «Либеральная миссия». 196 с.
- Кислицына О.А. (2017). Национальный индекс качества жизни (благополучия) как инструмент мониторинга эффективности социально-экономической политики в России // Журнал исследований социальной политики. Т. 15. № 4. С. 547–558. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-547-558
- Колоскова Ю.И., Бордаченко Н.С. (2018). Человеческий капитал как фактор устойчивого развития сельских территорий // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. № 1 (7). С. 81–91.
- Леонтьева Л.С., Смирнова В.В. (2020). Количественная оценка потенциала нематериальных ресурсов регионов (на примере Южного федерального округа) // Государственное управление. Электронный вестник. № 79. С. 229–245. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10057
- Нотман О.В. (2021). Композитные индексы как инструмент измерения качества жизни населения // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 19–20 апреля 2021 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. Т. 1. С. 161–167.
- Подгорская С.В., Бахматова Г.А. (2020). Человеческий капитал сельских территорий: потенциал, проблемы, перспективы: монография. Ростов-на-Дону: Азов-Принт. 88 с.
- Ракачев В.Н. (2023). Сельские территории Краснодарского края в контексте политики пространственного развития: социально-демографический аспект // Вестник РУДН. Серия: Политология. Т. 25. № 3. С. 699–721. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721
- Сушко П.Е. (2023). Динамика показателей субъективного социального благополучия россиян (2003–2023) // Социологические исследования. № 12. С. 59–71. DOI: 10.31857/S013216250029337-3
- Троцук И.В. (2023). Сельский человеческий капитал в концептуальной оптике: континуум и/или пост-изм? // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 2. С. 338–353. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-338-354
- Abraham K.G., Mallatt J. (2022). Measuring human capital. *Journal of Economic Perspectives*, 36(3), 103–130. DOI: 10.1257/jep.36.3.103

- Bartram D., Alaimo L.S., Avery E., Bardo A., Bella E.D., Binder M., Tani M. (2024). Towards the next fifty years of social indicators research: Some guidance for authors. *Social Indicators Research*, 174(1), 1–17. DOI: 10.1007/s11205-024-03401-z
- Chakrabartty S.N. (2021). Wellbeing index avoiding scaling and weights. *Cultura Educación Sociedad*, 12(2), 181–204. DOI: 10.17981/cultedusoc.12.2.2021.11
- Decancq K., Lugo M.A. (2013). Weights in multidimensional indices of wellbeing: An overview. *Econometric Reviews*, 32(1), 7–34. DOI: 10.1080/07474938.2012.690641
- Hall R. (2009). The strategic analysis of intangible resources. *Knowledge and Strategy*, 181–195. Routledge.
- Jansen A., Wang R., Behrens P., Hoekstra R. (2024). Beyond GDP: A review and conceptual framework for measuring sustainable and inclusive wellbeing. *The Lancet Planetary Health*, 8(9), e695–e705. DOI: 10.1016/S2542-5196(24)00147-5
- Kim D., Go S. (2020). Human capital and environmental sustainability. *Sustainability*, 12(11), 4736. DOI: 10.3390/su12114736
- Land K.C. (2021). Composite index construction. In: *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-69909-7_3317-2
- Maggino F. (2024). Social Indicators. In: Ritzer G. (Ed.). *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. DOI: 10.1002/9781405165518.wbeoss153.pub3
- Manuelli R., Ananth S. (2014). human capital and the wealth of nations. *American Economic Review*, 104(9), 2736–62. DOI: 10.1257/aer.104.9.2736
- Michalos A.C. (2023). Subjective Indicators. In: Maggino, F. (Eds). *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-17299-1_2899
- Miroshnichenko I.V., Doroshenko O.V., Tereshina M.V., Rakachev V.N., Morozova E.V., Golub M.V., Shpiro L.A. (2024). Analysing rural development models based on intangible assets and socio-economic development. *Sustainability*, 16, 10613. DOI:10.3390/su162310613
- Noll H.H. (2013). Subjective social indicators: Benefits and limitations for policy making – an introduction to this special issue. *Social Indicators Research*, 114, 1–11. DOI: 10.1007/s11205-013-0379-7
- Osinski M., Selig P. M., Matos F., Roman D. J. (2017). Methods of evaluation of intangible assets and intellectual capital. *Journal of Intellectual Capital*, 18(3), 470–485. DOI: 10.1108/JIC-12-2016-0138
- Putnam R. (2001). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N-Y.: Touchstone book.
- Teece D. (2018). Intangible resources. In: *The Palgrave Encyclopedia of Strategic Management*. Palgrave Macmillan, London.
- Van Criekingen K., Bloch C., Eklund C. (2022). Measuring intangible assets – a review of the state of the art. *Journal of Economic Surveys*, 36(5), 1539–1558. DOI: 10.1111/joes.12475
- Velez A.L.K., Bodkin C.P., Albrecht K.R., Patrick A. (2024). Unpacking informal partnerships and intangible resources in co-creation of community. In: *Social (In) Equality, Community Well-being and Quality of Life*.
- Villalonga B. (2004). Intangible resources, Tobin's q, and sustainability of performance differences. *Journal of Economic Behavior and Organization*. 54(2), 205–230. DOI: 10.1016/j.jebo.2003.07.001
- Voukelatou V., Gabrielli L., Miliou I., Cresci S., Sharma R., Tesconi M., Pappalardo L. (2021). Measuring objective and subjective well-being: Dimensions and data sources. *International Journal of Data Science and Analytics*, 11(4), 279–309. DOI: 10.1007/s41060-020-00224-2

Сведения об авторах

Вадим Николаевич Ракачев — доктор исторических наук, доцент, Кубанский государственный университет (Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; e-mail: midav.sf@mail.ru)

Ярослава Владимировна Ракачева — кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный университет (Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; e-mail: soccenter.kubsu@gmail.com)

Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V.

Problems of Assessing Intangible Resources in the Implementation of Rural Development Policy

Abstract. The relevance of the research is due to the increasing importance of intangible resources, which today are considered as fundamental, strategic resources of territorial development policy. This problem is of particular importance for rural areas of the Russian Federation, which are facing a structural crisis and, as a result, difficulties in fulfilling national functions. The aim of this article is to present the results of methodological work on the creation of a system of subjective social indicators that make it possible to assess the current state of intangible resources for territorial development policy and their testing using the example of rural settlements in the Krasnodar Territory. The article shows how, based on the allocated intangible resources for the development of territories and their substantive characteristics, a system of subjective indicators has been formed to assess the state of these resources at the level of local communities. The results of the approbation of the methodology on the example of rural settlements of the Krasnodar Territory are presented. The study covered 12 rural settlements from six municipal districts. The results showed that the current state of intangible resources depends not so much on the level of development of individual settlements as on the level of development of the municipal areas in which they are included. It has been established that the first-order resources – the basic activators of the territorial development process – human potential, local identity and leadership have a higher development level. The assessment of second- and third-order resources indicates the need to strengthen efforts to activate them. The proposed methodology can be used as a tool for diagnosing the state of intangible resources in the implementation of territorial development policies at the “entrance” and “exit”, as well as a tool for regular monitoring.

Key words: intangible resources, development policy, rural areas, social indicators.

Information about the Authors

Vadim N. Rakachev – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Kuban State University (149, Stavropolskaya Street, Krasnodar, 350040, Russian Federation; e-mail: midav.sf@mail.ru)

Yaroslava V. Rakacheva – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Kuban State University (149, Stavropolskaya Street, Krasnodar, 350040, Russian Federation; e-mail: soccenter.kubsu@gmail.com)

Статья поступила 12.06.2025.

Структура массовых слоев российского населения по уровню субъективного благополучия

Павел Евгеньевич

СУШКО

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: sushkope@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0245-7015; ResearcherID: L-2288-2015

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей дифференциации россиян по уровню субъективного благополучия. На данных общероссийских репрезентативных исследований, выполненных Институтом социологии ФНИСЦ РАН, рассчитан Индекс субъективного благополучия и предложена модель, включающая пять групп населения, значимо различающихся между собой с точки зрения ощущения благополучности ситуации по ключевым аспектам жизнедеятельности — от базовых потребностей и микромира до оценок параметров места проживания и взаимосвязи индивида с государством. Первая группа объединяет россиян с преимущественно негативными оценками ситуации по большинству предложенных сфер жизни, однако численность ее мала (4,3%) и такие оценки не являются типичными для российского общества. Вторая группа включает 46,7% россиян с удовлетворительными оценками по большинству сфер жизни, но в ней доля негативных оценок доминирует над долей позитивных. Эта многочисленная группа формирует собой зону неустойчивого субъективного благополучия. Следующие три группы объединяют россиян с удовлетворительными и/или позитивными оценками ситуации в разных сферах жизни, при этом они также значимо различаются между собой. С точки зрения социально-демографических характеристик индивида наибольшей дифференцирующей силой в контексте оценок субъективного благополучия обладают уровень дохода, профессиональная принадлежность и возраст респондента. Однако взаимосвязь уровня субъективного благополучия с доходом и профессией за последние два десятилетия усилилась, а с возрастом — ощути-

Для цитирования: Сушко П.Е. (2025). Структура массовых слоев российского населения по уровню субъективного благополучия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 143–163. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.8

For citation: Sushko P.E. (2025). Structure of the mass strata of the Russian population by level of subjective well-being. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 143–163. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.8

снизилась. С позиции различий в образе жизни ключевыми факторами, способными повысить или снизить уровень собственного благополучия, являются как набор имущественных характеристик, так и перечень достигнутых жизненных целей, а также особенности испытываемых проблем, восприятия динамики ситуации в обществе в целом и способности планировать собственную жизнь.

Ключевые слова: социальное благополучие, субъективное благополучие, индекс благополучия, социальная стратификация, качество жизни, социальное неравенство, социальная политика, российское общество.

Введение

Проблематика изучения социального благополучия является одной из ключевых и в то же время довольно дискуссионных в социальных науках (Леонтьев, 2020; Социологические подходы..., 2021; Аникин и др., 2024). Растущий в последние годы интерес исследователей к этой теме обусловлен как стремлением ученых на фоне социально-экономических и политических трансформаций, происходящих в стране и мире, оценить глубину и масштабы общественных изменений, так и попыткой конкретизировать общественные запросы, которые зачастую базируются не только на объективных критериях, но и на довольно широком перечне субъективных оценок и ощущений, полноту которого вряд ли можно отразить в одном исследовании (Кученкова, 2016). При этом методический поворот исследователей к субъективному измерению благополучия и поиску релевантных показателей его оценки во многом был вызван заметными расхождениями между декларируемыми статистическими данными и самооценками людей в отношении их собственного положения и жизни в целом (Стиглиц и др., 2016).

Далеко не всегда какие-либо объективные улучшения в жизни общества позитивно оценивались населением на индивидуальном уровне и наоборот. Это связывалось с тем, что официальная статистика и, к примеру, обобщенные показатели ВВП, ВВП или усредненные показатели доходов населения не в полной мере отражали реальную внутреннюю дифференциацию населения, вступая в противоречие с общим ростом социальных неравенств, вызванных, в том числе, усилившимися процессами глобализации и информатизации. На этом фоне ученые предпринимали попытки разработать универсальный набор объективных характеристик, который мог бы комплексно охарак-

теризовать реальную ситуацию с благополучием населения, но сталкивались с рядом методологических проблем, не позволяющих в силу разной значимости заложенных индикаторов фиксировать должным образом как специфику межгрупповых различий, в том числе по социальным и культурным основаниям, так и роль индивидуальных особенностей, связанных с социально-демографическими параметрами, этапами жизненного цикла и др. (Кученкова, 2020).

На такие расхождения между растущими экономическими показателями, которые должны были бы свидетельствовать о соответствующем росте благосостояния и общего качества жизни населения, и самооценками индивидов их фактического уровня социального благополучия, не всегда показывавших такую же позитивную динамику, исследователи, прежде всего экономисты, обратили внимание еще в середине 1970-х гг. К этому времени накопился достаточный объем эмпирических данных, доказывающих, что рост уровня материального благополучия наций влияет на повышение удовлетворенности жизнью и счастья меньше, чем предполагалось, а иногда и вовсе не влияет (Аргайл, 2003). Следовательно, уровень материальных достижений человека и нации не может рассматриваться как единственный индикатор качества жизни. По мнению А. Печчеи, хотя политика изобилия способна решать одни проблемы и облегчать другие, источники человеческой неудовлетворенности не перестают существовать даже на этом фоне (Печчеи, 1985, с. 151).

Несоответствия между материальным благополучием и его ощущением указывают на ограниченность использования только лишь экономического подхода при анализе такого

сложного и многоаспектного феномена, как социальное благополучие. Осознание этого исследовательским сообществом послужило толчком для развития субъективного направления в общественных науках, в том числе в психологических и социологических исследованиях социального благополучия. Но если в психологии основной фокус сосредоточен на проблематике восприятия людьми своего положения в различных жизненных сферах под влиянием эмоциональных факторов и общего психологического состояния личности, то в социологии благополучие анализируется преимущественно на уровне общества как целостной системы, находящейся на определенном этапе своего развития, и в контексте актуальной общественной ситуации. Этап развития и общественная ситуация во многом предопределяют и субъективное восприятие социальной реальности на индивидуальном уровне, в ряде случаев вступая в противоречие с ожиданиями и идеалами каждого отдельного человека (Сальникова, 2017).

В целом тренд на исследование субъективных показателей благополучия берет свое начало с трудов Р. Истерлина, которые в дальнейшем вызвали серьезную научную дискуссию, обнаружив несоответствие между субъективными оценками социального благополучия и его объективными показателями прежде всего в части материального положения (Easterlin, 1976). За этим последовали многочисленные публикации как в России (Мареева, 2018; Широканова, 2020; Сушко, 2023), так и за рубежом (Fleche et al., 2011; Binder, 2014; Kwarciński et al., 2024), в которых с разных теоретико-методологических подходов прорабатывался сам концепт субъективного благополучия и его возможные эмпирически фиксируемые индикаторы. Многие из исследований основывались на одномерном подходе, предполагающем изучение отдельных составляющих субъективного благополучия и воздействующих на него факторов, чаще всего в контексте различных социальных групп (Кислицина, 2016). Однако предпринимались попытки и комплексной операционализации, предполагающей, что субъективное благополучие не может сводиться только к одному конкретному индикатору (и даже сумме оценок показателей), но представляет собой определенное ощущение «внутренней

удовлетворенности» теми или иными аспектами собственной жизни, определяющими в значительной степени не только модель потребления жизненных благ, но, в конечном счете, сказывающимися на социальной позиции и жизни индивида в целом (Сушко, 2024).

При этом в зарубежных исследованиях субъективное благополучие традиционно рассматривается в качестве многомерного конструкта, который, как правило, включает в себя когнитивные оценки (общую удовлетворенность жизнью и отдельными ее сферами), а также аффективные компоненты, отражающие эмоциональный баланс и уровень счастья (Ryff, 1989; Diener et al., 1999). В некоторых работах особо подчеркивается значение как объективных жизненных условий, так и их индивидуального восприятия (Cummins, 2000; Veenhoven, 2008). Вместе с этим подходы, фокусирующиеся на оценке различных сфер жизни, широко применяются в рамках концепции качества жизни, где благополучие индивида определяется именно через удовлетворенность ключевыми жизненными сферами (Nussbaum, 2011).

В этом отношении под субъективным благополучием стала пониматься некоторая комплексная оценка, отражающая удовлетворенность населения деятельностью различных социальных институтов, в том числе с учетом текущей экономической и социально-политической ситуации в стране (Широканова, 2020), то есть того социального контекста, который опосредует восприятие индивидами различных аспектов собственной жизни. Это побудило целый ряд крупных исследовательских центров в мониторинговом режиме фиксировать происходящие под влиянием конкретных общественных событий изменения в оценках россиянами отдельных составляющих субъективного благополучия и применять различные социологические инструменты для замера благополучия населения что называется «в моменте»¹. На этом

¹ Социальное самочувствие: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring?ysclid=matmssa2t4482546828> (дата обращения 10.05.2025); Gallup 2023 Global Emotions Report // GALLUP. URL: <https://www.gallup.com/file/analytics/507719/Gallup%202023%20Global%20Emotions%20Report.pdf> (дата обращения 10.05.2025).

базируются и различные межстрановые исследования субъективной составляющей социального благополучия, которые также направлены на анализ и сопоставление статусных, материальных, культурных и прочих его характеристик (к примеру, этой проблематике посвящены отдельные тематические блоки в инструментариях ISSP, LiTS, EVS, ESS и других международных проектов).

Здесь необходимо отметить, что по многим международным индексам, измеряющим счастье, благополучие и удовлетворенность жизнью, Россия не входит в число лидеров, хотя и не является абсолютным аутсайдером. Так, например, согласно недавнему Всемирному докладу о счастье, российский показатель составил 5,79 балла из 10, что обеспечило ей 67 место (в середине рейтинга) из 147 стран. При этом в предшествующие годы место России существенно колебалось (от 49 в 2017 году до 68 в 2019 году)², что подчеркивает динамичный характер субъективного благополучия (по крайней мере его аффективного аспекта) в стране. Если же говорить о когнитивном субъективном благополучии, то место России на мировом фоне все же несколько смещено вниз. Как свидетельствуют данные исследования ОЭСР «Better Life Index», уровень удовлетворенности жизнью в России (5,5 пункта из 10) в сравнении с другими странами заметно ниже среднего³. Таким образом, Россия представляет собой общество с умеренным уровнем субъективного благополучия, но его колебания могут указывать на значимую внутреннюю дифференциацию, что особенно актуализирует необходимость глубокого изучения его внутренней структуры.

Кроме того, для российского общества на фоне пока еще относительно высокого уровня социальных неравенств (коэффициент Джини в России по итогам 2024 года составил 0,408⁴)

и растущих запросов населения на их сокращение (Мареева, 2024) проблематика субъективного благополучия продолжает сохранять свою актуальность. При этом для россиян с учетом весьма ограниченного ресурса социальных сетей, особенно сильно дифференцирующего население страны (Общество неравных..., 2022), запрос на сокращение неравенств оказывается тесно сопряжен с понятием социальной справедливости, которая трактуется отнюдь не только и не столько в контексте уравнивания материального уровня жизни, сколько в достижении равенства возможностей при реализации собственных жизненных устремлений (Коленникова, 2024а). В связи с этим вопрос, связанный с самооценками россиян относительно их благополучия по ключевым сферам жизни, а не только с позиции материального положения или общей удовлетворенности жизнью, становится краеугольным. Ответ на него отражает уровень социальной стабильности и в целом говорит о легитимности всей социально-экономической и социально-политической системы, а также раскрывает ключевые общественные запросы, которые проявляются именно с позиции социального самочувствия и не всегда фиксируются только лишь в разрезе социально-демографических или социально-экономических критериев.

Цель нашей работы состоит в попытке комплексно проанализировать такие самооценки и построить модель субъективного благополучия, дифференцирующую российское население от полюса субъективного неблагополучия до полного ощущения благополучности по ключевым жизненным сферам. На наш взгляд, это позволит внести ясность в понимание термина «субъективное благополучие» и рассматривать его не как частность, а как феномен — комплексное явление, связанное или обусловленное различными факторами. Вместе с этим результаты исследования позволяют расширить перечень возможных потребностей и проблем различных групп российского населения, что может способствовать повышению эффективности мер, направленных на улучшение качества жизни и социального благополучия граждан, учитывая реальные ощущения и приоритеты различных слоев общества.

² World Happiness Report 2025 // URL: <https://happiness-report.s3.us-east-1.amazonaws.com/2025/WHR+25.pdf> (дата обращения 10.05.2025).

³ Russian Federation. How's Life? // URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/countries/russian-federation/> (дата обращения 10.05.2025).

⁴ Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) // ФСТС РФ. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nb_Rd_1-2-5.xlsx (дата обращения 10.05.2025).

Эмпирическую базу для анализа составили данные, полученные в разные годы Институтом социологии ФНИСЦ РАН⁵. Модель субъективного благополучия строилась на основе ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете следующие стороны Вашей жизни?», включающий 16 закрытий со следующими содержанием вариантами ответа: «хорошо», «удовлетворительно» и «плохо»⁶. С учетом обозначенной выше теоретической рамки и специфики анализируемых эмпирических данных субъективное благополучие концептуализируется преимущественно как когнитивная оценка индивидом различных аспектов его жизни и общей удовлетворенности ею, но не затрагивает аффективных компонентов субъективного благополучия и прочих интегративных переживаний, что выходит за рамки предмета статьи.

Зоны субъективного благополучия: что показали эмпирические данные?

Как было отмечено выше, для комплексного анализа субъективного благополучия был сконструирован специальный Индекс субъективного благополучия (далее — Индекс СБ) на основе оценок 16 сфер жизни, соотносящихся как с базовыми потребностями человека и его микромиром, так и с параметрами места проживания индивида в широком смысле этого

слова, и его взаимосвязей с государством⁷. При этом выбор тех или иных сфер жизни для оценки субъективного благополучия не является произвольным.

Во-первых, он основан на синтезе устоявшихся теоретических концепций качества жизни и благополучия, которые выделяют ключевые сферы жизнедеятельности индивида, влияющие на общее ощущение удовлетворенности. Эти сферы охватывают как базовые материальные и бытовые условия (доход, жилье, питание), так и более сложные социальные аспекты (здоровье, работа, семья, друзья, безопасность, образование, досуг, местность проживания, отношения с государством и др.), что позволяет получить комплексную картину когнитивного компонента субъективного благополучия.

Во-вторых, выбор этих сфер обусловлен многолетним опытом мониторинговых исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, в ходе которых была эмпирически подтверждена значимость влияния данных аспектов жизни на ощущение собственной благополучности россиян. Представленные в статье 16 индикаторов позволяют не только оценить текущее положение, но и проследить динамику изменений в различных жизненных сферах, что особенно важно для понимания происходящих в российском обществе трансформационных процессов.

Итак, за выбор респондентом одного из предложенных вариантов ответов по каждой из включенных в Индекс СБ переменных присваивался соответствующий балл (1 балл — «хорошо», 0,5 балла — «удовлетворительно», 0 баллов — «плохо»). При этом правомерность объединения в единый индекс различных по своему наполнению показателей и присвоение им равных весов обосновывается высоким коэффициентом альфа Кронбаха (0,905), который свидетельствует о значительной внутренней согласованности всех элементов Индекса СБ. Это подтверждает, что выбранные 16 сфер жизни (несмотря на существующие различия в их смысловом содержании) воспринимаются респондентами как взаимосвязанные компонен-

⁵ В статье для изучения специфики субъективного благополучия россиян и отслеживания ее динамики используются различные волны мониторинговых исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, среди которых массивы данных за март 2003 г. («Богатые и бедные в современной России», N = 2000), февраль 2014 г. («Средний класс в современной России: 10 лет спустя», N = 1600) и май 2024 г. (15-я волна мониторинга, N = 2000), проведенных для каждого из указанных опросов по общероссийской районированной квотной выборке, репрезентирующей взрослое (18 лет и старше) население РФ по полу, социально-профессиональному статусу, образованию и типу населенного пункта. Сопоставимость используемых данных обеспечивается сохраняющейся моделью выборки, ее репрезентативностью по одним и тем же параметрам, постоянным подрядчиком, методом сбора данных (face-to-face) и сохранением формулировок и закрытий анализируемых вопросов. С более подробной информацией о методических особенностях этих опросов можно ознакомиться в серии монографий «Российское общество и вызовы времени», последняя из которых опубликована в 2025 г. (Российское общество..., 2025).

⁶ Вариант «затрудняюсь ответить» также был доступен для выбора.

⁷ Подробнее о том, какие из исследуемых сфер жизни оцениваются россиянами схожим образом, см. в статье: (Сушко, 2024).

ты общего ощущения благополучия и поэтому могут быть объединены в единый измерительный инструмент.

Индекс СБ был рассчитан применительно к трем массивам данных, собранных по итогам мониторинговых исследований Института социологии (ИС) ФНИСЦ РАН. Значения Индекса СБ расположились в диапазоне от 0 до 16 баллов, а средние и медианные значения во все годы отличались несущественно (табл. 1). Это является косвенным свидетельством качества имеющихся данных и отсутствия в них асимметричности (массовых статистических выбросов), а также сравнительно высокой гомогенности полученных оценок субъективного благополучия. Однако оценить степень этой

гомогенности возможно только после решения вопроса о значениях условных границ групп, различающихся ощущением собственного благополучия по ряду обозначенных аспектов.

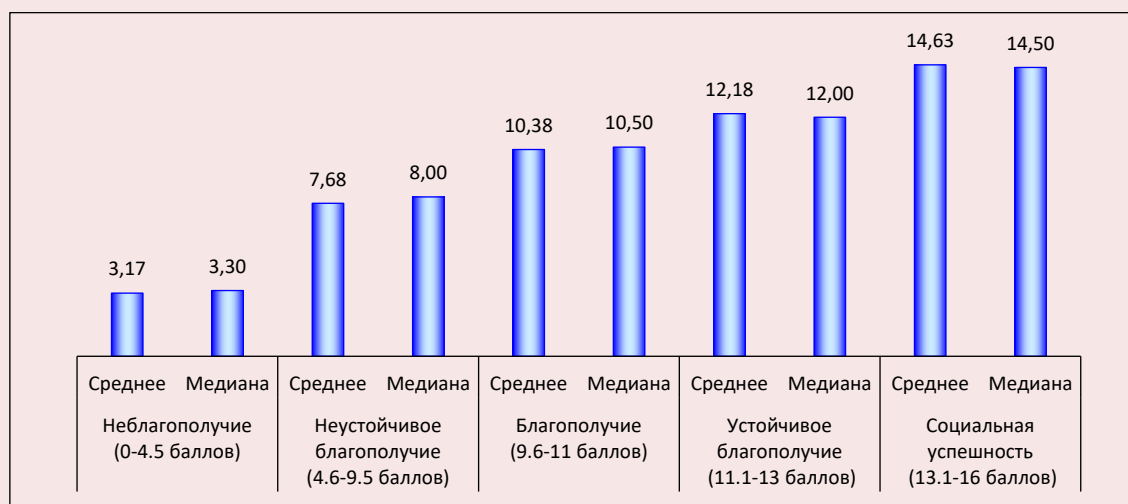
При определении этих границ мы ориентировались на минимизацию различий в оценках внутри групп и их максимизацию между укрупненными группами. По итогам такого анализа были выделены 5 групп в диапазоне от субъективного неблагополучия до социальной успешности (рис. 1). Средние и медианные значения Индекса СБ внутри групп оказались также очень близки, но между укрупненными группами, в особенности полярными, различались существенно. Проверка значимости статистических различий подтвердила их⁸.

Таблица 1. Динамика средних и медианных значений Индекса СБ, 2003–2024 гг., баллы

Год опроса	Среднее значение	Медианное значение
2024	9,8	9,5
2014	9,8	9,5
2003	7,9	7,5

Источник: расчеты автора на данных ИС ФНИСЦ РАН.

Рис. 1. Средние и медианные значения Индекса СБ в группах с разным уровнем субъективного благополучия, 2024 г., %

Источник: расчеты автора на данных ИС ФНИСЦ РАН.

⁸ Проверка значимости статистических различий проводилась путем однофакторного дисперсионного анализа. Критерий Ливиня, основанный как на среднем, так и на медиане, превысил уровень значимости в 0,05, что позволило убедиться в корректности проведения дисперсионного анализа. Тест Анова показал, что, во-первых, между группами имеются значимые различия ($p \leq 0,01$), во-вторых, они превышают различия внутригрупповые ($F = 4582,9$). Таким образом, выделенные группы достаточно гомогенны, но по отношению друг к другу значимо различаются.

Опираясь на приведенные критерии валидности сконструированного Индекса СБ, перейдем к содержательной интерпретации наиболее типичных оценок субъективного благополучия представителей каждой из выделенных групп⁹ (табл. 2).

Итак, первая группа объединила россиян, которые чаще ассоциируют свое положение по разным критериям с неблагоприятным. Так, ситуацию по большинству рассматриваемых сфер жизни основной состав этой группы охарактеризовал как плохую. И даже в тех сферах, где плохие оценки не доминировали, они значительно превышали аналогичные доли в других четырех группах и средние по массиву. В этом смысле субъективное неблагоприятие для россиян связано с абсолютно аутсайдерской позицией, которая, впрочем, для российского общества является исключением, нежели правилом (4,3%).

Вторая группа объединяет россиян, у которых уже по всем сферам доминируют удовлетворительные оценки, но доли тех, кто оценивает ситуацию как плохую по большинству сфер, превышают численность видящих ее как хорошую, в том числе при оценке базовых составляющих — материальное обеспечение, питание и одежда. То есть даже в отношении наличия минимально необходимой материальной базы эту группу нельзя назвать устойчивой, несмотря на доминирующее ощущение удовлетворенности различными аспектами жизни. В численном отношении это наиболее крупная группа и ее субъективная позиция во многом коррелирует с исследованиями доходной стратификации, характеризующими российское общество как не общество бедности, но общество массовой малообеспеченности (Модель доходной..., 2018).

В третью группу вошли 15,4% россиян с доминирующими удовлетворительными оценками ситуации в большинстве сфер жизни, но в группе которых доли хороших оценок уже превышали доли плохих по разным сферам, а по трем из сфер, связанным с жильем, а также важными составляющими социального капитала (отношениями в семье и возможностями общения с друзьями) доминировали хорошие оценки.

⁹ Названия групп условны и интерпретируются исключительно с позиции рассматриваемых эмпирических данных.

В четвертой группе (14,2%) россиян хорошие оценки доминировали уже по 11 из 16 рассматриваемых сфер жизни, а плохие по большей части аспектов не превышали предела статистической погрешности в 3–5%. Тем не менее ситуация в сферах, связанных с материальной обеспеченностью, состоянием здоровья, возможностями отдыха в период отпуска и получением необходимого образования и знаний, а также положением в обществе и уровнем личной безопасности, оценивалась представителями этой группы в большей степени удовлетворительно, нежели хорошо. В этом смысле пятая группа, объединившая 19,5% россиян, отличается доминированием хороших оценок по всем рассматриваемым сферам жизни и выступает полярной по отношению к группе, формирующей полюс субъективного неблагоприятия. Таким образом, в российском обществе субъективное благополучие выступает устойчивой нормой, а неблагоприятие — достаточно редким явлением. Однако субъективное благополучие, как видно из представленных данных, сильно дифференцировано, российское общество в этом смысле гетерогенно. Этот тезис коррелируется с данными российских исследований о том, что дифференциация по признакам позитивной привилегированности (или в нашем случае — субъективного благополучия) в российском обществе гораздо глубже, чем по признакам негативной привилегированности (или субъективного неблагоприятия) (Общество неравных..., 2022).

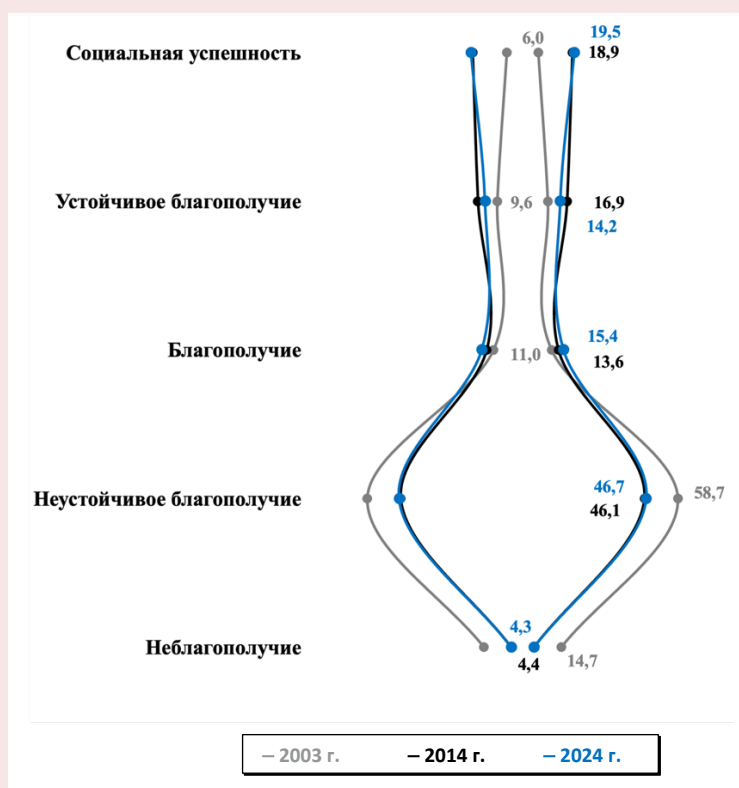
Отчасти это отражает и динамика численности групп с разным уровнем субъективного благополучия, свидетельствующая, что после 2003 года в сознании россиян произошла заметная трансформация с точки зрения ощущений собственного благополучия в лучшую сторону (рис. 2). Однако с тех пор динамика рассматриваемых оценок оставалась стабильной, а зона сравнительно устойчивого субъективного благополучия по отношению к группе неустойчивого субъективного благополучия и примыкающей к ней группе субъективного неблагоприятия численно выровнялась. Из визуальной модели субъективного благополучия видно, что зона устойчивого благополучия более гетерогенна, нежели группа, чье субъективное благополучие скорее неустойчиво.

Таблица 2. Оценки различных аспектов жизни россиянами из разных групп, отличающихся уровнем субъективного благополучия*, 2024 г., %

Оценки разных сфер жизни		Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность
Материально обеспечены	Хорошо	-	2,7	13,4	31,9	76,7
	Удовлетворительно	6,0	71,3	83,1	66,3	23,3
	Плохо	94,0	26,0	3,6	1,8	-
Питаетесь	Хорошо	-	11,0	45,0	71,9	95,9
	Удовлетворительно	40,5	83,7	55,0	28,1	4,1
	Плохо	59,5	5,3	-	-	-
Одеваетесь	Хорошо	-	6,8	33,9	62,3	92,3
	Удовлетворительно	34,5	85,8	66,1	37,7	7,7
	Плохо	65,5	7,4	-	-	-
Состояние здоровья	Хорошо	2,4	9,2	27,0	46,3	80,0
	Удовлетворительно	32,1	73,8	70,0	51,2	19,5
	Плохо	65,5	16,9	2,9	2,5	0,5
Жилищные условия	Хорошо	2,4	19,0	52,3	65,6	90,5
	Удовлетворительно	53,6	72,6	44,1	30,9	9,2
	Плохо	44,0	8,4	3,6	3,5	0,3
Отношения в семье	Хорошо	8,6	38,5	70,3	84,9	95,4
	Удовлетворительно	59,3	56,7	28,4	14,7	4,6
	Плохо	32,1	4,8	1,3	0,4	-
Возможности проведения досуга	Хорошо	-	8,9	36,3	56,8	84,4
	Удовлетворительно	23,8	69,7	60,5	41,1	15,4
	Плохо	76,2	21,4	3,3	2,1	0,3
Ситуация на работе	Хорошо	-	8,8	32,9	57,1	80,4
	Удовлетворительно	40,0	78,5	65,3	40,8	19,6
	Плохо	60,0	12,7	1,8	2,1	-
Возможность отдыха в период отпуска	Хорошо	-	4,1	18,9	36,4	75,5
	Удовлетворительно	8,3	60,0	72,6	56,4	24,2
	Плохо	91,7	35,8	8,4	7,1	0,3
Возможность общения с друзьями	Хорошо	4,8	28,2	66,8	76,1	93,3
	Удовлетворительно	61,4	66,0	31,9	22,9	6,7
	Плохо	33,7	5,8	1,3	1,1	-
Возможность реализовать себя в профессии	Хорошо	1,4	8,8	32,3	62,2	89,1
	Удовлетворительно	15,9	72	57,8	35,6	10,7
	Плохо	82,6	19,2	9,9	2,2	0,3
Возможность получения необходимого образования и знаний	Хорошо	1,4	7,4	23,2	44,1	75,1
	Удовлетворительно	29,2	71,9	71,7	52,3	24,4
	Плохо	69,4	20,6	5,1	3,6	0,5
Место, в котором Вы живете (город, поселок, село)	Хорошо	4,8	23,3	44,0	64,2	85,4
	Удовлетворительно	57,1	69,0	51,8	35,1	14,6
	Плохо	38,1	7,6	4,2	0,7	-
Ваше положение, статус в обществе	Хорошо	2,4	6,8	28,3	49,5	81,0
	Удовлетворительно	35,7	85,0	67,8	49,8	18,7
	Плохо	61,9	8,2	3,9	0,7	0,3
Уровень личной безопасности	Хорошо	1,2	8,3	24,2	32,3	66,9
	Удовлетворительно	39,3	73,7	69,0	62,5	31,0
	Плохо	59,5	18,0	6,9	5,3	2,1
Жизнь в целом	Хорошо	-	4,9	25,4	56,8	93,1
	Удовлетворительно	29,8	88,7	73,6	41,8	6,9
	Плохо	70,2	6,3	1,0	1,4	-
Всего по массиву		4,3	46,7	15,4	14,2	19,5

* Фоном в таблице выделены максимальные показатели по столбцу.
Источник: расчеты автора на данных ИС ФНИСЦ РАН.

Рис. 2. Динамика численности групп россиян, различающихся уровнем субъективного благополучия, 2003–2024 гг., %

Источник: расчеты автора на данных ИС ФНИСЦ РАН.

Таким образом, в качестве гипотезы можно отметить, что наряду с сохраняющейся в российском обществе довольно обширной зоной неустойчивого субъективного благополучия устойчивые его формы охватывают значительное число россиян, но очень дифференцированы между собой. В связи с этим важно прояснить вопросы о том, можем ли мы соотносить друг с другом эти укрупненные зоны (или же между собой они не просто визуально или численно, но значимо дифференцированы и с точки зрения социально-демографических портретов представителей выделенных групп) и если да, то насколько правомерен тезис о том, что российское общество с точки зрения СБ находится в точке бифуркации? В этом смысле важно не только оценить динамику численности разных зон СБ, но и рассмотреть наиболее типичные характеристики их представителей.

Особенности социально-демографических портретов групп с разным уровнем субъективного благополучия

Анализ динамики взаимосвязей отдельных социально-демографических характеристик с принадлежностью к группам с разным уровнем субъективного благополучия обнаруживает несколько важных для российского общества трендов, связанных с изменением роли отдельных аспектов жизни, способствующих формированию комплексного ощущения собственного благополучия. Так, наблюдается усиление взаимосвязей субъективного благополучия с материальной обеспеченностью. Уровень дохода индивида на протяжении всего рассматриваемого периода не только сохранил лидирующее положение среди прочих объективных характеристик, но и заметно укрепил за последнее десятилетие тесноту связи с Индексом СБ (табл. 3).

Таблица 3. Динамика коэффициентов корреляции Спирмена между отдельными социально-демографическими характеристиками и принадлежностью к группам с разным уровнем субъективного благополучия*, 2003–2024 гг., %, ранжировано по убыванию величины показателей в 2024 году

Критерий	2003	2014	2024
Среднедушевой доход на каждого члена семьи относительно поселенческой медианы	0,328	0,335	0,379
Профессиональная принадлежность	0,257	0,261	0,286
Возраст	0,317	0,280	0,234
Семейное положение	0,209	0,184	0,150
Уровень образования	0,193	0,171	0,122

* Светлым фоном выделены коэффициенты, которые год от года повышались, темным – соответственно, снижались.
Источник: расчеты автора на данных ИС ФНИСЦ РАН.

Это свидетельствует, что материальный достаток в современных условиях по-прежнему является для россиян важнейшим элементом, хотя и не единственным, не только объективного, но и субъективного благополучия, поскольку в значительной степени определяет те жизненные шансы и возможности, на которые может ориентироваться индивид при оценивании собственного положения и возможных перспектив в остальных сферах жизни. При этом важно оговориться, что преимущественно речь идет о когнитивной составляющей субъективного благополучия, сопряженной именно с оценками ситуации в ключевых сферах жизни. Например, хотя размеры среднедушевых доходов имеют тесную взаимосвязь с оценками материального положения и она, как видим, даже усиливается во времени, ощущение динамики материального достатка относительно прошлого или ожиданий будущего с позиции настоящего времени уже гораздо слабее связано с принадлежностью к группе по доходам, что было частично показано нами ранее (Сушко, 2023).

Кроме того, данные отечественных исследований подтверждают, что когнитивная оценка субъективного благополучия в большей степени связана с уровнем материальной обеспеченности, чем, к примеру, аффективная ее ипостась, сопряженная с оценками различных испытываемых респондентом чувств и эмоций (Скачкова и др., 2024). Следовательно, субъективное благополучие, оцениваемое в статике и динамике, а также с позиции когнитивных или аффективных оценок, по-разному связано с факторами объективного и субъективного, а также материального и нематериаль-

ного свойства¹⁰. В связи с этим крайне важно учитывать высокую динамичность и пластичность субъективных оценок, рассматривая существующие взаимосвязи, в том числе с точки зрения проверки их устойчивости в динамике.

Не менее значимым с позиций формирования комплексного ощущения собственного благополучия оказался критерий профессиональной принадлежности. Во многом это ожидаемо и последовательно, учитывая вышеприведенные показатели взаимосвязи СБ с уровнем дохода, поскольку самореализация в профессиональной сфере тесно сопряжена с финансовой стабильностью и, соответственно, уверенностью в завтрашнем дне. По этим причинам профессия играет ключевую роль не только в определении места человека в системе общественных отношений, но и становится одним из ключевых факторов, определяющих представления индивида о собственном социальном благополучии. Сила связи этого критерия с оценками благополучия остается стабильной на протяжении всего исследуемого периода. Соответственно, статус безработного будет значимо снижать уровень субъективного благополучия

¹⁰ Одним из косвенных аргументов в пользу этого тезиса могут служить, к примеру, коэффициенты Спирмена между субъективным социальным статусом респондента в настоящее время, его оценками десятилетие назад в начале 2014 г., замеряемыми по 10-ступенчатой шкале, и размерами среднедушевых доходов по отношению к поселенческой медиане. В первом случае этот коэффициент был равен 0,272, во втором – 0,126. Примерно те же тенденции обнаруживаются при проверке взаимосвязей этих переменных с профессиональной принадлежностью, собственным и родительским уровнем образования и возрастом.

индивида, и наоборот — более высокий профессиональный статус и квалификационный уровень будут заметно повышать соответствующие оценки собственного благополучия.

На этом фоне с 2003 года фиксируется другой тренд, связанный с заметным снижением взаимосвязи образования и оценок собственного благополучия. Это свидетельствует о происходящей в общественном сознании трансформации отношения к образованию как одному из ключевых каналов социальной мобильности в постсоветской России. Причем, как это уже неоднократно показывалось в исследованиях, этот канал хотя и продолжает действовать, но уже при совсем иных условиях и требованиях для желающих таким образом повысить свой статус (Человеческий капитал..., 2023). По мере массовизации высшего образования, в том числе коммерческого, произошло снижение его стратификационной роли, оно перестало гарантировать успешную профессиональную траекторию и соответствующие материальные отдачи, но, безусловно, является необходимой для этого нормой. Данный тренд уже отмечался в работах российских социологов (Константиновский, Попова, 2020), однако вновь обнаруживается в контексте исследования субъективного благополучия. Несмотря на пока еще сохраняющуюся относительно слабую корреляционную связь образования с Индексом СБ, для россиян этот фактор даже на субъективном уровне остается скорее второстепенным при оценках благополучия.

За последнее десятилетие также заметно снизилась роль возраста в контексте его взаимосвязи с оценками субъективного благополучия, хотя пока еще она остается достаточно значимой. Тем не менее снижение тесноты взаимосвязи между возрастом и оценками СБ может указывать на постепенное сглаживание возрастных различий в этом отношении и отражать тенденции удлинения жизненного цикла, в пределах которого могут быть реализованы значимые для индивида цели. Молодость в этом плане перестает рассматриваться в качестве ключевого условия ощущения себя благополучным, а к возрасту реализуется более прагматичный подход, ориентированный на его «принятие» со всеми возможностями и ограничениями. Прежде всего это происходит на фоне расширения возрастных границ моло-

дости под комплексным влиянием тенденций увеличения общей продолжительности жизни населения в ряде стран, повышения медицинских возможностей по поддержанию здоровья, гуманизации условий труда, развития институтов образования и укрепления представлений о непрерывности образовательного процесса в общественном сознании и др.¹¹ Однако упомянутые тренды пока не изменили коренным образом существующий характер взаимосвязи между возрастом и оценками субъективного благополучия, когда молодость все же значительно повышает шансы ощутить себя благополучным по целому комплексу жизненно важных сфер.

Вместе с этим результаты исследования указывают на формирование в российском обществе более независимых от социального окружения (в том числе ближнего) моделей субъективного благополучия, фиксируется тренд на индивидуализацию и ориентацию в первую очередь на собственные достижения и успех. Об этом в том числе свидетельствует последовательное снижение роли семейного статуса индивида при оценивании собственного благополучия. Несмотря на то, что семья традиционно возглавляет рейтинг ключевых жизненных ценностей и целей россиян, факт ее наличия или отсутствия не является предиктором соответствующих оценок благополучия и относится скорее ко второстепенным факторам среди прочих социально-демографических характеристик индивида. Исключение составляют россияне, находящиеся в разводе либо овдовевшие, они сравнительно чаще ощущают себя неблагополучными. Таким образом, семейный статус имеет некоторую дифференцирующую силу, но скорее по близости индивида к полюсу неблагополучия. На субъективном благополучии ключевым образом семейный статус не сказывается (табл. 4).

За последние два десятилетия условный портрет субъективно благополучного россиянина с точки зрения его социально-демографических показателей претерпел некоторые значимые изменения. Так, если в 2003 году зона абсолютного субъективного неблагополучия формировалась преимущественно из граж-

¹¹ О расширении возрастной границы молодости // Демоскоп Weekly. URL: <https://www.elib.hse.ru/weekly/2025/01073/gazeta013.php> (дата обращения 20.05.2025).

Таблица 4. Специфика субъективного благополучия в различных социально-демографических группах россиян*, 2024 г., %

Группа	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	В среднем по массиву
<i>ДОХОДНЫЕ ГРУППЫ</i>						
До 0,75 медианы	74,4	39,9	29,1	19,9	15,0	32,0
От 0,76 до 1,25 медианы	16,7	36,7	38,8	39,9	29,0	35,2
От 1,26 до 2 медиан	6,4	19,3	29,8	26,6	36,2	24,6
От 2,1 медианы и выше	2,6	4,1	2,4	13,7	19,8	8,1
<i>ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ</i>						
Предприниматели и самозанятые	–	2,4	2,9	1,8	7,9	3,4
Руководители разных уровней	–	2,8	2,9	3,9	6,7	3,6
Специалисты на должностях, предполагающих в/о	2,4	11,4	20,8	24,2	25,9	17,1
Служащие на должностях, не требующих в/о	1,2	13,0	6,5	9,8	11,5	10,8
Рядовые работники торговли или сферы б/о	5,9	10,7	9,4	11,6	11,3	10,6
Рабочие от 5 разряда	8,2	7,1	14,7	13,7	10,8	10,0
Рабочие 1–4 разряда и без разряда	12,9	16,5	14,0	16,8	12,1	15,2
В настоящее время не работают	69,4	36,2	28,7	18,2	13,8	29,6
<i>ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ</i>						
18–30	10,4	18,4	37,2	49,3	54,8	24,4
31–40	20,1	22,4	19,0	21,2	20,6	21,5
41–50	22,7	23,0	22,5	18,7	20,6	22,3
51–60	22,0	16,7	10,8	6,4	2,4	15,0
61 и старше	24,9	19,6	10,4	4,4	1,6	16,9
<i>БРАЧНЫЙ СТАТУС</i>						
Холосты / не замужем и никогда не состояли в браке	10,6	14,5	15,0	19,3	20,5	16,3
Женаты / замужем	54,1	55,8	63,8	64,9	62,6	59,6
Не зарегистрированы, но проживают с партнером	4,7	5,1	4,2	3,5	5,1	4,8
Разведены	12,9	10,6	7,8	5,3	7,9	9,0
Вдовец / вдова	16,5	13,4	9,1	6,7	3,6	10,0
<i>УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ</i>						
Без профессионального образования	27,1	16,7	16,3	16,5	13,6	16,5
Среднее специальное или незаконченное в/о	55,3	54,4	46,6	47,4	43,1	50,1
Высшее образование (в т. ч. два в/о и ученая степень)	17,6	28,8	37,1	36,1	43,3	33,5

*Доли затруднившихся ответить не представлены.

Сокращения: в/о – высшее образование, б/о – бытового обслуживания. Фоном в таблице выделены показатели, превышающие средние по массиву более чем на величину статистической погрешности в 3–5%, жирным шрифтом – максимальные показатели по столбцу.

Источник: расчеты автора на данных ИС ФНИСЦ РАН.

дан пожилого или пенсионного возраста, разведенных или овдовевших, безработных либо разнорабочих без какой-либо квалификации, с доходом ниже поселенческой медианы и без профессионального образования (среднее специальное или незаконченное высшее значимо повышало самооценки респондентов), то к 2024 году роль материального фактора и профессионального статуса в этом отношении заметно возросла, а образовательного уровня и возраста, напротив, снизилась. И хотя в настоящее время в зону субъективного неблагополучия чаще попадают граждане со среднедушевым доходом менее 0,75 медианы, находящиеся в статусе безработных, в предпенсионном и пенсионном возрасте, а также не имеющие высшего образования, среди представителей этой зоны каждый десятый является молодым, более половины имеют семью, а почти каждый пятый имеет диплом о высшем образовании.

Специфика зон устойчивого благополучия и социальной успешности также претерпела определенные трансформации. Субъективное благополучие в большей мере представлено россиянами с доходами от 2 медиан и выше (в этом отношении для россиян 2003 года достаточно было обладать доходом для ощущения благополучия в 1,25 поселенческой медианы), имеющими руководящие позиции или статус самозанятого / предпринимателя, а также обладающими высоким уровнем образования (речь скорее не о наличии диплома, а о совокупности имеющихся «мягких» и «жестких» навыков, востребованных на рынке труда) (Волгин, Гимпельсон, 2022). Для промежуточных групп в большей мере характерно усреднение позиций и комбинирование позитивных и негативных оценок различных аспектов собственной жизни.

Полученные результаты позволяют не только глубже понять сущность происходящих в общественном сознании изменений в представлениях о социальном благополучии, но и сделать ряд обобщающих выводов о специфике российского общества и того этапа развития, на котором оно находится. То, что преимущественная значимость россиянами отводится материальным критериям, роль которых не только усилилась за двадцать лет, но и стала ключевой в ощущении собственного благополучия, свидетельствует, что в массе своей российское обще-

ство все еще находится в эпохе «выживания» с характерным для нее набором ценностей и норм (Инглхарт, Вельцель, 2011).

Особенности образа жизни групп с разным уровнем субъективного благополучия

На характер оценок собственного уровня социального благополучия влияют некоторые имущественные характеристики россиян и особенности образа жизни. Так, наличие в домохозяйстве товаров длительного пользования относительно реже, чем в среднем по выборке, встречается среди граждан с низким уровнем субъективного благополучия (за исключением холодильника и стиральной машины, наличие которых характерно для абсолютного большинства россиян – 99,2 и 93,3% соответственно). В то же время наличие посудомоечной машины, кондиционера, компьютера и автомобиля заметно чаще характерно для россиян с высоким уровнем субъективного благополучия (табл. 5). Данные товары для населения страны не являются роскошью, хотя и «нормой» они тоже пока не стали, поэтому их дифференцирующая сила остается довольно высокой, что подтверждается данными других исследований (Коленникова, 2024b). Это демонстрирует, что оценки собственного благополучия оказываются тесно связаны со спецификой образа жизни индивида и во многом являются маркерами как реального, так и желаемого социального статуса индивида.

Неудивительно, что ощущение собственного благополучия связано также с некоторыми достигнутыми индивидом жизненными целями. Здесь необходимо отметить, что в массовом сознании россиян существуют достаточно оформленные нормативные представления о критериях социальной успешности и общего благополучия, которые в российском обществе остаются достаточно устойчивыми во времени и включают в первую очередь реализацию планов на хорошую семью и воспитание собственных детей, обретение надежных друзей, материальный достаток по принципу «жить не хуже других», приобретение квартиры или жилья и др. (Тихонова, 2025). Отмеченные цели входят в пятерку ключевых для российских граждан устремлений и традиционно так или иначе на разных этапах жизненного цикла реализовываются более чем половиной представителей массовых слоев.

Таблица 5. Некоторые имущественные характеристики россиян из разных зон субъективного благополучия*, 2024 г., %

Товар	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	В целом
Холодильник	100,0	99,0	100,0	98,9	98,7	99,2
Стиральная машина-автомат	81,2	92,7	93,5	93,7	96,9	93,3
Планшет, айпад, айфон или смартфон	61,2	80,3	87,6	82,8	87,2	82,3
Компьютер или ноутбук	20,0	52,8	64,5	71,9	82,6	61,8
Автомобиль	21,2	47,2	58,0	65,3	74,1	55,6
Кондиционер	7,1	25,8	33,2	39,6	54,1	33,7
Посудомоечная машина	4,7	16,2	19,5	23,9	41,0	22,2

* Доли затруднившихся ответить в таблице не представлены. Фоном в таблице выделены показатели, превышающие средние по стране более чем на величину статистической погрешности в 3–5%. Жирным шрифтом отмечены показатели, охватывающие большинство (свыше 50%) состава соответствующих групп.
Источник: расчеты автора на данных ИС ФНИСЦ РАН.

Вместе с этим распространенность реализации некоторых жизненных планов среди россиян с разным уровнем субъектного благополучия значительно разнится (табл. 6). Так, наиболее значимо сказываются на формировании ощущения собственного благополучия россиян цели, связанные с финансовой и профессиональной состоятельностью, стремлением побывать в разных странах мира, быть самому себе хозяином, чувствовать себя информационно свободным и независимым. Именно с повышением уровня субъективного благополучия возрастала и частота достижимости этих целей. Кроме того, субъективно благополучным россиянам в отличие от субъективно неблагополучных и неустойчиво благополучных удастся в среднем реализовать гораздо большее количество поставленных целей. Так, например, в целом свыше 45–50% россиян заявляют о том, что уже реализовали в среднем 9 целей из предложенного списка. То есть такой показатель можно считать распространенной нормой для российского общества. Между тем, соответствуют этой норме или отклоняются от нее в лучшую сторону только представители трех субъективно благополучных групп, а среди субъективно неблагополучных и группы, чье субъективное благополучие мы охарактеризовали как скорее неустойчивое, наиболее типичной являлась реализация не более четырех поставленных целей из списка, которые связаны с обеспечением базовых составляющих микромира россиянина: крыша над головой, ближайшее окружение (семья и друзья) и внутреннее стремление жить честно.

Дополняют портрет представителей различных групп с разным уровнем субъективного благополучия данные о количестве жизненных проблем, с которыми россиянам пришлось столкнуться за последний год перед опросом. Так, россияне из групп, условно названных как «устойчиво благополучные» и «социально успешные», сравнительно чаще заявляют об отсутствии в их жизни серьезных проблем (табл. 7). А те из них, кто все же говорил о каких-либо проблемах, чаще упоминали дефицит времени на повседневные дела и на условные хобби, замыкали условную «тройку» в этой группе проблемы со здоровьем, которые, впрочем, вошли в топ-3 наиболее распространенных проблем в каждой из рассматриваемых групп. Между тем, свыше половины представителей групп «благополучных» (51,5%) и «неустойчиво благополучных» (65,4%) отметили, что столкнулись за последний год не менее чем с двумя значимыми проблемами, а в группе субъективно неблагополучных 57,6% заявили о трех и более актуальных для них проблемах. Однако, если для группы условно «благополучных» россиян численность тех, кто сталкивался с теми или иными проблемами, чаще всего значимо не превышала среднероссийские показатели, а почти треть и вовсе говорили об отсутствии в их жизни значимых проблем, то среди «неустойчиво благополучных» и тем более «неблагополучных» уже сравнительно чаще, чем в среднем по массиву, упоминался довольно широкий перечень проблем. Это отчасти позволяет ответить на поставленный выше вопрос об имеющихся барьерах и ограничениях на пути к реализации

Таблица 6. Распространенность некоторых реализованных жизненных целей среди россиян с разным уровнем субъектного благополучия*, 2024 г., %

Жизненное устремление	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	В среднем по массиву (справочно)	Корреляция с Индексом благополучия (Спирмен)
Хорошо зарабатывать	4,7	8,8	16,7	21,4	40,5	17,8	0,379
Получить престижную работу	14,1	18,9	27,1	34,0	50,5	28,3	0,332
Иметь интересную работу	23,8	35,5	54,8	59,6	66,1	47,5	0,316
Жить не хуже других	23,5	40,1	62,6	59,6	68,2	51,1	0,297
Побывать в разных странах мира	3,5	9,8	14,4	12,4	22,9	13,2	0,237
Быть самому себе хозяином	20,2	42,1	50,2	55,1	66,2	49,0	0,233
Сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную)	7,1	12,4	20,0	19,6	26,4	17,1	0,219
Иметь свободный доступ к информации о происходящем в стране и мире	17,6	35,3	42,3	47,4	61,3	42,4	0,216
Получить хорошее образование	28,2	42,8	49,5	49,1	63,2	48,1	0,203
Иметь надежных друзей	57,6	68,3	83,9	78,6	86,4	75,2	0,200
Стать богатым человеком	1,2	1,7	2,3	5,3	8,2	3,6	0,200
Создать счастливую семью	42,4	55,5	69,2	68,4	70,5	61,8	0,193
Стать профессионалом в своем деле	31,0	42,9	55,3	49,8	55,6	47,8	0,182
Занять высокое положение в обществе	1,2	3,2	2,3	4,2	10,3	4,5	0,167
Влиять на то, что происходит в обществе или том месте, где Вы живете	2,4	3,1	4,6	5,3	11,5	5,3	0,138
Иметь собственный бизнес	2,4	5,0	4,6	7,4	12,1	6,6	0,112
Честно прожить свою жизнь	63,5	64,7	74,3	66,9	71,5	67,8	0,072
Иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие	27,1	27,7	31,5	26,1	24,9	27,5	0,061
Иметь доступ к власти	2,4	2,7	3,6	4,9	6,9	4,0	0,049
Иметь свою отдельную квартиру/дом	65,9	68,9	71,4	67,8	71,1	69,4	0,036
Стать знаменитым	1,2	1,8	0,7	0,7	3,9	1,9	0,013

* Формулировка вопроса: «К чему Вы стремились в своей жизни и в каких сферах уже добились желаемого?». Доли затруднившихся ответить в таблице не представлены. Фоном выделены показатели, охватывающие свыше 50% состава соответствующих групп. Источник: расчеты автора на данных ИС ФНИСЦ РАН.

Таблица 7. Специфика субъективного благополучия в группах россиян с различными видами жизненных проблем*, 2024 г., %

Вид проблем	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
Проблемы, связанные с Вашим здоровьем	54,1	40,1	32,2	28,8	17,4	33,5
Отсутствие времени на то, чтобы заняться чем хочется	7,1	24,3	26,1	23,9	21,3	23,2
Отсутствие времени, чтобы сделать все повседневные дела	9,4	21,3	21,2	19,3	22,1	20,7
Плохое материальное положение	57,6	29,8	13,4	8,4	4,4	20,5
Семейные проблемы	27,1	23,0	16,6	18,9	11,8	19,5
Проблемы, связанные с работой	35,3	20,5	16,9	14,0	9,5	17,5
Проблемы с возможностью получить необходимую медицинскую помощь	29,4	19,5	17,3	13,0	7,4	16,3
Отсутствие социальных гарантий на случай старости	24,7	18,1	9,4	6,7	3,8	12,7
Проблемы с детьми	17,6	13,0	9,8	8,1	5,6	10,6
Проблемы с жильем	15,3	9,4	7,2	8,4	7,2	8,8
Вредные привычки	17,6	8,0	5,9	3,9	2,3	6,4
Плохое питание	18,8	7,9	2,6	4,6	3,6	6,3
Одиночество и/или отсутствие возможности общения	14,1	7,6	4,9	4,2	2,8	6,1
Последствия терактов, обстрелов и т.п. со стороны ВСУ	5,9	6,0	4,9	6,7	3,8	5,5
Проблемы с одеждой или обувью	14,1	5,9	2,6	1,8	1,0	4,2
Незащищенность от насилия	9,4	4,6	1,3	2,1	1,5	3,4
Проблемы с возможностью получить образование	2,4	1,9	1,0	3,5	0,0	1,7
Считают, что живут нормально и не сталкивались с проблемами	3,5	19,3	27,0	40,0	47,2	28,2

* Формулировка вопроса: «Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться со следующими проблемами?». Доли затруднившихся ответить в таблице не представлены. Фоном выделены показатели, превышающие средние по массиву более чем на величину статистической погрешности в 3–5%, жирным шрифтом – три максимальных показателя в каждом столбце. Источник: расчеты автора на данных ИС ФНИСЦ РАН.

важных жизненных целей и формированию ощущения благополучия. Для россиян эти барьеры связаны с уязвимостью прежде всего их микромира (личным здоровьем, отношениями в семье, работой) и недообеспеченностью базовыми материальными составляющими (уровнем дохода, а также питанием, одеждой), отсутствием социальных гарантий и в целом низким уровнем социальной защищенности.

По этим причинам для россиян с разным уровнем субъективного благополучия значимым оказывается характер изменений, происходящих в ключевых сферах жизни российского общества. Так, россияне, ощущающие снижение общего уровня жизни населения, указывающие на ухудшение ситуации с социальной справедливостью в обществе, чувствующие, что ситуация с возможностями для заработка, в здравоохранении, экономике в целом ухудшилась, значимо чаще представлены в группе

неблагополучных и россиян, характеризующихся неустойчивым субъективным благополучием. Напротив, субъективно благополучные группы характеризуются более оптимистичными оценками отмеченных сфер (табл. 8).

Одним из ключевых факторов высоких самооценок ситуации в различных сферах собственной жизни становится и склонность планировать ее наперед. Так, свыше трети представителей группы социально успешных планируют свою жизнь минимум на 3–5 лет и больше (32,8%), в то время как среди субъективно неблагополучных и даже в группе россиян, характеризующихся неустойчивым субъективным благополучием, таких меньшинство (3,6 и 10,6% соответственно) и в этих группах большинство членов придерживаются мнения о том, что жизнь невозможно планировать даже на год вперед (77,6 и 56,7% соответственно).

Таблица 8. Оценки динамики ситуации в разных сферах жизни общества представителями групп с разным уровнем субъективного благополучия*, 2024 г., %

Оценка динамики ситуации	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
<i>Ситуация с уровнем жизни населения</i>						
Улучшилась	4,7	11,6	23,2	25,7	34,1	19,5
Осталась прежней	30,6	41,9	43,1	48,9	51,3	44,4
Ухудшилась	64,7	46,5	33,7	25,4	14,6	36,1
<i>Ситуация с социальной справедливостью</i>						
Улучшилась	1,2	9,3	13,1	16,5	24,4	13,5
Осталась прежней	31,0	52,5	62,4	67,4	62,2	57,1
Ухудшилась	67,9	38,1	24,5	16,1	13,4	29,3
<i>Ситуация с возможностями для заработка</i>						
Улучшилась	12,9	29,0	35,0	43,8	57,9	37,0
Осталась прежней	43,5	45,2	45,1	44,9	35,4	43,2
Ухудшилась	43,5	25,7	19,9	11,3	6,7	19,8
<i>Ситуация в здравоохранении</i>						
Улучшилась	3,5	16,5	23,5	21,1	33,8	21,1
Осталась прежней	35,3	42,2	47,4	55,1	50,3	46,1
Ухудшилась	61,2	41,3	29,1	23,9	15,9	32,8
<i>Ситуация в экономике</i>						
Улучшилась	7,1	18,2	29,1	31,6	42,3	26,0
Осталась прежней	44,0	44,4	39,9	43,5	40,3	42,8
Ухудшилась	48,8	37,4	31,0	24,9	17,4	31,2

* Формулировка вопроса: «Как, по Вашему мнению, изменилось положение дел в следующих сферах жизни российского общества за последние 10 лет?». Доли затруднившихся ответить в таблице не представлены. Фоном выделены показатели, превышающие средние по массиву более чем на величину статистической погрешности в 3–5%, жирным шрифтом – максимальный показатель по столбцу.

Источник: расчеты автора на данных ИС ФНИСЦ РАН.

Заключение

Как показало проведенное исследование, ощущение благополучности ситуации в ключевых сферах жизни на протяжении как минимум последних двух десятилетий свойственно большинству россиян и является в этом смысле устойчивой нормой для российского общества. Это указывает и на стабильность всей социально-экономической и социально-политической системы, в которую субъективно «вписывается» большинство российского населения, а позиции социальных аутсайдеров характерны для абсолютного его меньшинства. Тем не менее российское общество дифференцировано по степени субъективного благополучия и в нем выделяется по этому критерию четыре значительно различающиеся между собой группы (пятая объединяет неблагополучное меньшинство). Динамика их численности с 2003 года имела тренд на распространение форм устойчивого субъективного благополучия, но к 2014 году он замедлился. Таким образом, сложившаяся к 2024 году модель российского субъективного благополучия выглядит двойственно, поскольку одна из групп (наиболее массовая) объединяет россиян с преимущественно удовлетворительными оценками разных сфер жизни и сравнительно большим уклоном в негативизм, а еще три группы характеризуются более оптимистичным восприятием ситуации в разных сферах жизни, хотя и весьма дифференцированы между собой.

Особенности дифференциации по уровню субъективного благополучия связаны не только с социально-демографическими характеристиками индивидов и спецификой их образа жизни, но и с изменением роли некоторых этих факторов для ощущения собственного благополучия. Если два десятилетия назад существенным образом усиливали ощущение благополучия в разных сферах жизни сравнительно высокий уровень дохода и молодой возраст, то в 2024 году взаимосвязь уровня субъективного благополучия и дохода усилилась, а с возрастом — ослабела, уступив место профессиональной принадлежности. Таким образом, субъективное благополучие в современной России по-прежнему очень сильно зависит от наличия материальной базы и источников ее происхождения (в данном случае речь идет прежде всего о профессиональном статусе и наличии работы в принципе), что уже многое говорит

об этапе развития российского общества, для которого пока в высокой степени характерны ценности выживания и в частности — экономической безопасности. При этом возрастающая роль профессионального статуса в оценках собственного благополучия свидетельствует о постепенном движении к новому этапу развития, в котором квалификация и уникальные навыки индивида не только обеспечивают ему соответствующие материальные отдачи, но и являются фундаментом для личностного благополучия. С учетом сосуществования этих двух тенденций скорее подтверждается аргумент в пользу того, что российское общество пока находится на позднеиндустриальном этапе развития с сохраняющейся высокой ролью дохода, но и набирающими популярность трендами на профессионализацию, который, однако, пока затрагивает сравнительно небольшую часть общества.

Сказанное подтверждается и тем, что в оценках россиянами их благополучности находит отражение тенденция, связанная с массовизацией высшего образования, которая привела к ослаблению взаимосвязи ощущения собственного благополучия с уровнем образования индивида и, по сути, пересмотру роли образования для собственного статуса и ощущения своего положения в обществе, которые уже в гораздо меньшей степени, чем в начале 2000-х и даже середине 2010-х годов, зависят в представлениях россиян от наличия диплома о высшем образовании.

Сказывается для субъективного благополучия и тренд на постепенный пересмотр в современном обществе возрастных границ, вызванный преимущественно ростом продолжительности жизни и расширением границ молодости. Это приводит к сглаживанию возрастных различий в представлениях россиян о собственной благополучности. Вероятнее всего, этот процесс будет продолжаться далее. Эта же тенденция во многом формирует иной взгляд на семью, ее роль для субъективного благополучия индивида. В частности, взаимосвязь семейного статуса с принадлежностью к группе с тем или иным уровнем субъективного благополучия на протяжении наблюдаемого периода снижалась, хотя события, приводящие к распаду семьи (развод или смерть одного из супругов), обладают высокой дифференцирующей силой по признакам неблагополучия.

Обозначенные социально-демографические особенности групп с разным уровнем субъективного благополучия дополняются характеристиками образа жизни, которые еще ярче демонстрируют гетерогенность прежде всего зоны «устойчивого благополучия», включающей три примерно равные по численности группы. Так, субъективное благополучие и особенно устойчивые его формы определяются, во-первых, через множественность реализованных жизненных целей, во-вторых, через приоритетность целей, связанных с обеспечением высокой квалификации, наращиванием актуальных профессиональных и социальных навыков, знакомство с другими странами (новый опыт). В так называемую эпоху расцвета искусственного интеллекта практически половина российского населения уже понимает и реализовывает на практике то, что уже определяет и, вероятно, будет определять в будущем ее благополучие, причем во всех смыслах этого слова. В двух других группах (неблагополучные и неустойчиво благополучные) эти тенденции получили сравнительно меньшую распространенность, но отчасти заметны среди их представителей. Тем не менее вопрос о барьерах в реализации значимых жизненных целей и формировании соответствующего ощущения субъективного благополучия остается актуальным практически для половины российского населения. Кроме того, «устойчивое благополучие» предопределяет наличие меньшего количества значимых для индивида проблем, с которыми ему приходилось сталкиваться в последний год.

По мере роста уровня субъективного благополучия меняется и характер возможных проблем — проблемы с «базой» актуальны в меньшей степени, а на первый план выходит нехватка времени, в том числе для самовыражения. С повышением субъективного благополучия возрастает его взаимосвязь со склонностью планировать жизнь и в целом более оптимистично оценивать устройство всего общества.

С учетом обозначенных особенностей анализируемых групп на поставленный вопрос о возможной точке бифуркации, проходимой российским обществом, пока мы склонны ответить отрицательно в силу прежде всего сохраняющихся тесных взаимосвязей ощущения собственного благополучия с обеспечением экономической безопасности и стабильности микромира, а также довольно высокой гетерогенности зоны «устойчивого благополучия». Однако это не отменяет тренды на движение российского общества к качественно иному состоянию, которые в нем фиксируются и затрагивают хотя не большинство, но значительную часть российского населения. Причем, с одной стороны, субъективное благополучие этой части во многом определяется ценностями самовыражения (профессия, наличие свободного времени, планирование жизни и др.), с другой стороны, россиянам предстоит более четко определить границы этих ценностей, учитывая современные тенденции в сфере восприятия возраста, изменения роли образования, семьи и постоянно развивающихся технологических инноваций.

Литература

- Аникин В.А., Нагерняк М.А., Воронина Н.Д. (2024). Концепция благополучия в общественных науках // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 6. С. 319–341. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2800
- Аргайл М. (2003). Психология счастья. Санкт-Петербург: Питер. 270 с.
- Волгин А.Д., Гимпельсон В.Е. (2022). Спрос на навыки: анализ на основе онлайн данных о вакансиях // Экономический журнал ВШЭ. Т. 26. № 3. С. 343–374. DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-3-343-374
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. Москва: Новое издательство. 464 с.
- Кислицына О.А. (2016). Подходы к измерению прогресса и качества жизни (благополучия) // Экономический анализ: теория и практика. Т. 15. № 10. С. 28–38.
- Коленникова Н.Д. (2024a). Социальная справедливость и неравенство в зеркале российского общественного мнения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 24. № 4. С. 975–991. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-975-991
- Коленникова Н.Д. (2024b). Субъективная стратификация российского общества: динамика и специфика // Социологические исследования. № 12. С. 74–87. DOI: 10.31857/S0132162524120071
- Константиновский Д.Л., Попова Е.С. (2020). Среднее vs высшее // Мир России. Т. 29. № 2. С. 6–26. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26

- Кученкова А.В. (2016). Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. № 2. С. 118–127.
- Кученкова А.В. (2020). Измерение субъективного благополучия на основе текстов социальных медиа: обзор современных практик // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. № 4. С. 92–101. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-92-101
- Леонтьев Д.А. (2020). Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 14–37. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02
- Мареева С.В. (2024). Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия // Социологические исследования. № 9. С. 3–16.
- Мареева С.В. (2018). Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 18. № 4. С. 695–707. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения (2018) / под ред. Н.Е. Тихоновой. Москва: Санкт-Петербург: Нестор-История. 368 с. DOI: 10.317544469-1419-7
- Общество неравных возможностей: социальная структура современной России (2022) / под ред. Н.Е. Тихоновой. Москва: Весь Мир. 424 с. DOI: 10.55604/9785777708731
- Печчеи А. (1985). Человеческие качества. Москва: Прогресс. 312 с.
- Российское общество и вызовы времени (2025) / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. Москва: Весь Мир. Кн. 8. 352 с.
- Сальникова Д.В. (2017). Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // Экономическая социология. Т. 18. № 4. С. 157–174.
- Скачкова С.Л., Клименко Л.В., Герасимова О.Я., Кривошеева-Медянцева Д.Д. (2024). Благополучные люди в России: роль экономического и социального капитала // Journal of Institutional Studies. Т. 16. № 3. С. 126–146. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.126-146
- Социологические подходы к изучению социального благополучия (2021) / отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. Москва: ФНИСЦ РАН. 431 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021
- Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. (2016). Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла? Москва: Издательство Института Гайдара. 216 с.
- Сушко П.Е. (2023). Динамика показателей субъективного социального благополучия россиян (2003–2023) // Социологические исследования. № 12. С. 59–71. DOI 10.31857/S013216250029337-3
- Сушко П.Е. (2024). Специфика субъективного благополучия россиян из разных типов поселений // Вестник Института социологии. Т. 15. № 4. С. 60–81. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.4
- Тихонова Н.Е. (2025). Жизненный успех: что он означает для россиян? // Вопросы теоретической экономики. Т. 26. № 1. С. 93–112. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_93_112
- Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы (2023) / отв. ред. Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов. Москва: ФНИСЦ РАН. 488 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023
- Широканова А.А. (2020). Тренды субъективного благополучия в России: 1998–2018 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 13. № 1. С. 4–24. DOI 10.21638/spbu12.2020.101
- Binder M. (2014). Subjective well-being capabilities: Bridging the gap between the capability approach and subjective well-being research. *Journal of Happiness Studies*. 15(5). 1197–1217.
- Cummins R.A. (2000). Objective and Subjective Quality of Life: an Interactive Model. *Social Indicators Research*. 52. 55–72 DOI: 10.1023/A:1007027822521
- Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin*, 125(2). 276–302. DOI: 10.1037/0033-2909.125.2.276
- Easterlin R.A. (1976). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. *Nations and households in economic growth: Essays in honor of Moses Abramovitz* / Eds. P.A. David, M.W. Reder. New York: Academic Press. 89–125.
- Fleche S., Smith C., Sorsa P. (2011). Exploring Determinants of Subjective Well-being in OECD Countries: Evidence from the World Value Survey. *OECD Economics Department Working Papers*. 921. DOI: 10.1787/5kg0k6zlc5k-en

- Kwarciński T., Ulman P., Wdowin J. (2024). Measuring Subjective Well-being Capability: A Multi-Country Empirical Analysis in Europe. *Applied Research Quality Life*. 19. 2555–2593. DOI: 10.1007/s11482-024-10334-9
- Nussbaum M.C. (2011). *Creating capabilities: The human development approach*. New York: Harvard University Press. 237 p.
- Ryff C.D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57(6). 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069
- Veenhoven R. (2008). Healthy happiness: effects of happiness on physical health and the consequences for preventive health care. *Journal of Happiness Studies*. 9. 449–469. DOI: 10.1007/s10902-006-9042-1

Сведения об авторе

Павел Евгеньевич Сушко — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35; e-mail: sushkope@mail.ru)

Sushko P.E.

Structure of the Mass Strata of the Russian Population by Level of Subjective Well-Being

Abstract. The article analyses the peculiarities of differentiation of Russians by the level of their subjective well-being. Based on the data of all-Russian representative surveys obtained by the Institute of Sociology of the FCTAS RAS, the subjective well-being index is calculated and a model is proposed, including five groups that differ significantly from each other in terms of the feeling of well-being of the situation in key aspects of life — from basic needs and microcosm to assessments of the parameters of the place of residence and the relationship between the individual and the state. The first group unites Russians with predominantly negative assessments of the situation in most of the proposed areas of life, but its number is small and such assessments are not typical for Russian society (4.3%). The second group includes 46.7% of Russians with satisfactory assessments in most spheres of life, but in which the share of negative assessments dominates over positive ones. This large group forms a zone of unstable subjective well-being. The next three groups unite Russians with satisfactory and/or positive assessments of the situation in different spheres of life. At the same time, these three groups also differ significantly among themselves. In terms of socio-demographic characteristics of the individual, the income level, professional affiliation and age of the respondent have the greatest differentiating power in the context of assessments of subjective well-being. However, the correlation of the level of subjective well-being with income and occupation has increased over the last two decades, while with age it has significantly decreased. From the point of view of differences in lifestyle, the key factors that can increase or decrease the level of own well-being are both a set of property characteristics and a list of achieved life goals, as well as the specifics of experienced problems, perception of the dynamics of the situation in society as a whole and the ability to plan one's own life.

Key words: social well-being, subjective well-being, well-being index, social stratification, quality of life, social inequality, social policy, Russian society.

Information about the Author

Pavel E. Sushko — Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: sushkope@mail.ru)

Статья поступила 04.06.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.9

УДК 332.1, 303.09, ББК 65.04

© Чижова Л.А., Тутыгин А.Г., Максимов А.М., Кошуняева Н.В.

Экономическое поведение населения региона: роль социокультурных факторов в условиях Арктики

Людмила Александровна ЧИЖОВА

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: chijova.mila@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0298-5248; ResearcherID: D-1867-2019

Андрей Геннадьевич ТУТЫГИН

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: andgt64@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9821-651X; ResearcherID: AAD-6430-2022

Антон Михайлович МАКСИМОВ

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: amm15nov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0959-2949; ResearcherID: AAO-7228-2021

Надежда Владимировна КОШУНЯЕВА

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: n.koshunyaeva@narfu.ru
ORCID: 0009-0007-0779-9141

Для цитирования: Чижова Л.А., Тутыгин А.Г., Максимов А.М., Кошуняева Н.В. (2025). Экономическое поведение населения региона: роль социокультурных факторов в условиях Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 164–183. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.9

For citation: Chizhova L.A., Tutygin A.G., Maksimov A.M., Koshunyaeva N.V. (2025). Economic behavior of the region's population: The role of socio-cultural factors in the conditions of the Arctic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 164–183. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.9

Аннотация. Трансформации, происходящие в социокультурном пространстве России в последние три десятилетия, определяют различные аспекты человеческого поведения, включая экономическое. Цель исследования — оценка влияния базовых компонентов социокультурного пространства арктического региона на формирование населением стратегий своего экономического поведения, среди которых выделяют ценности, нормы, установки, социальное самочувствие, социальный капитал, человеческий капитал, идентичность, культурное потребление. В статье представлена краткая характеристика современных подходов к изучению экономического поведения, базирующихся на междисциплинарных связях экономики, социологии и других наук. Далее с помощью социологического исследования авторам удалось выявить и описать тенденции экономического поведения населения конкретного арктического региона — Архангельской области. С помощью решающих матриц Г.С. Поспелова выполнена оценка влияния компонентов социокультурного пространства на выбор стратегии экономического поведения и определена структурная иерархия компонентов по степени этого влияния. В частности показано, что воздействие базовых компонентов на экономическое поведение демонстрирует высокую устойчивость, при этом наиболее весомый структурный вклад вносят социальное самочувствие и ценности «материализма» / «постматериализма». Научная новизна исследования заключается как в применении междисциплинарного подхода к изучению особенностей экономического поведения населения арктического региона, так и в оценке влияния различных структурных элементов социокультурного пространства на выраженность того или иного вида экономического поведения индивидов и домохозяйств (потребительского, сберегательного и инвестиционного). Практическая значимость предложенного авторами подхода связана с возможностью его дальнейшего использования в целях разработки моделей и программ развития для различных арктических территорий и регионов, отличающихся социально-экономическими, этнокультурными и ценностными характеристиками и стратегиями экономического поведения населения.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие территории, социокультурное пространство, трансформация, экономическое поведение, метод решающих матриц, регионы российской Арктики.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания по теме ФНИР «Теоретико-методологические основы комплексного управления ресурсами развития территорий в современных условиях (на примере западной части Арктической зоны Российской Федерации)», № гос. регистрации 125021902597-5.

Введение

Экономическое поведение населения является предметом исследований многих отечественных и зарубежных ученых, которые подходят к этому феномену с разных точек зрения, применяя обширный инструментарий разных дисциплин. Не останавливаясь на этом подробно, лишь сошлемся на такие работы, как (Кремлев, 2024; Орлов, Луговой, 2024; Kahneman, Tversky, 1979; Thaler, 2016). При этом изучение экономического поведения может осуществляться на самых различных уровнях агрегации, начиная от индивидуальных агентов и домохозяйств и заканчивая целыми социальными сообществами различных масштабов.

В настоящей работе мы рассматриваем поведенческие процессы совокупностей отдельных агентов и домохозяйств, находящихся на территории отдельно взятого арктического региона России (Архангельской области), обладающего рядом ярко выраженных особенностей, подробно описанных в исследованиях (Подоплёкин, 2016; Лукин, 2022; Лаженцев, 2025), а также в наших монографиях (Чижова и др., 2022; Чижова Л.А и др., 2023), а именно: периферийность положения, дисперсность проживания населения, его низкая плотность и концентрация в агломерации вокруг областного центра; сравнительно низкая (для региона

европейской части РФ) транспортная доступность, неблагоприятный климат и связанные с ним издержки (в сфере энергетики, сельского хозяйства и т. д.); сочетание старожильского населения с большой долей пришлого населения из других регионов на фоне моноэтничности; соединение признаков рентного и сервисного типа в экономике области; статус региональной столицы как научно-образовательного и культурного центра Европейского Севера России и европейского сектора Арктической зоны РФ. Перечисленные особенности, часть из которых типична для арктических регионов, а часть уникальна, выступают не только факторами экономического поведения, но и задают параметры социокультурного пространства Архангельской области: выраженную региональную идентичность, «вписывание» региона в общественном сознании в историко-географический контекст Русского Севера, высокий уровень культурно-потребительских запросов, относительно высокое качество человеческого капитала, прагматическую ценностную ориентацию и низкий уровень социального доверия.

Отметим, что население региона, вовлеченное в трансформационные преобразования, переживает процесс социокультурного разделения на группы, обладающие неодинаковыми поведенческими характеристиками (Ласточкина, 2012). В настоящее время в связи с цифровизацией экономики и социума происходит смена технологий (технологических укладов), появляются новые бизнес-направления и профессии, изменяются показатели производительности труда, модифицируется образ жизни людей, возникают новые формы связи и коммуникации, используются современные методы сбора и обработки информации, что в совокупности приводит к естественным и неизбежным изменениям экономического поведения населения (Тутыгин, Чижова, 2020).

Например, руководствуясь предложенной в работе (Клейнер, Рыбачук, 2017) системной концепцией пространственно-временного подхода, мы рассматриваем экономическое поведение населения как совокупность сложных динамических процессов, протекающих в определенных рамках социокультурного пространства региона (Чижова и др., 2023). Такой взгляд на феномен экономического поведения ни в какой степени не противоречит другим трактов-

кам, приведенным ниже, а лишь дополняет его динамической составляющей.

Цель исследования состоит в оценке влияния базовых компонентов социокультурного пространства арктического региона на формирование населением стратегий своего экономического поведения, при этом мы различаем два относящихся к экономическому поведению понятия — «вид» и «стратегия». Если первое из них имеет скорее статическую природу, то второе характеризует процесс, связанный с выбором. Выбор стратегии поведения, как правило, зависит от большого количества факторов, не всегда явно выраженных и до конца осознаваемых лицом, осуществляющим этот выбор, а уже вид экономического поведения, характеризуемый набором соответствующих показателей и индикаторов, как раз соотносится с констатацией наблюдаемых практик.

Сложность достижения поставленной цели заключается в том, что прямая оценка такого влияния крайне затруднительна по целому ряду причин и поэтому практически нереализуема. Во-первых, это вызвано большим количеством факторов влияния, не поддающихся сколько-нибудь упорядоченной процедуре отбора, а также приемлемой количественной оценке, что, в свою очередь, ставит под сомнение корректность применения общепринятых математико-статистических методов анализа. Во-вторых, наличие высокая степень неопределенности социокультурного контента, неразрывно связанного с наличием динамично изменяющейся социально-экономической ситуации на территории проживания. В-третьих, первые две трудности являются серьезным препятствием при любой попытке прямой формализации причинно-следственных связей, а значит, и построения соответствующей концептуальной модели поведения. Таким образом, принятие решения о следовании той или иной стратегии экономического поведения тем или иным агентом (группой агентов, домохозяйством и т. д.) не сопровождается как явно выраженной иерархией формального выбора альтернатив, так и эффективными инструментами оценки их полезности (Тутыгин и др., 2024).

В связи с этим исследовательская проблема, на наш взгляд, заключается в преодолении противоречий между такими социокультурными сущностями, как ценности, социальное самочувствие, человеческий и социальный капи-

тал, идентичность, культурное потребление, с точки зрения выбора поведенческой стратегии. Авторы предлагают разрешить поставленную проблему путем анализа проявления этих сущностей через призму социокультурного пространства (реляционные проявления сущностей). Следует отметить, что она является составной частью более общей научной проблемы, заключающейся, на наш взгляд, в критическом рассогласовании ретроспективных характеристик и современного среза ситуации по отношению к социокультурному пространству российской Арктики.

Исходя из изложенного выше, объектом исследования следует считать социокультурное пространство региона как системный конструкт, состоящий из базовых компонентов (сущностей), а предметом — экономическое поведение агентов (населения), сформированное под их прямым и опосредованным влиянием. Таким образом, гипотезой исследования является предположение о том, что экономическое поведение представляет собой некую целостность, структура которой во многом определяется базовыми компонентами социокультурного пространства (сущностями). Отметим, что согласно неоклассической концепции под экономическим поведением населения принято понимать «...форму активности человека, его осознанную деятельность в воспроизводственной сфере, направленную на субъективную оптимизацию результатов (максимизацию ожидаемой полезности) вследствие соотнесения имеющихся предпочтений и ограниченных ресурсов с возможными вариантами их использования...» (Белехова, 2018), что вполне укладывается в логику нашего исследования.

В качестве основных исследовательских задач примем следующие:

- 1) получить системное представление о современной научной проблематике, связанной с вопросами экономического поведения;
- 2) с помощью проведения социологического исследования выявить тенденции экономического поведения населения конкретного арктического региона (Архангельской области) с учетом его специфики;
- 3) выбрать и верифицировать относительно цели исследования соответствующий инструментарий для оценки влияния компонентов социокультурного пространства на экономическое поведение населения.

Методы исследования

Исходя из описанной выше постановки проблемы и набора исследовательских задач, авторы приходят к выводу о том, что наряду с использованием общепринятых процедур социологического анализа необходимо выбрать дополнительный инструмент, позволяющий выстраивать формальную иерархию причинно-следственного характера. Для целей исследования влияния базовых компонентов социокультурного пространства на выбор стратегий экономического поведения (в итоге приводящих к формированию того или иного вида экономического поведения) предлагается использовать идею метода решающих матриц Г.С. Поспелова (Поспелов и др., 1981). Для ее реализации ниже будет построена трехуровневая иерархия «стратегии — реляционные проявления — сущности», с помощью которой на основе анализа собранных как количественных, так и вербальных данных будут получены оценки влияния компонентов социокультурного пространства на выбор стратегии экономического поведения, а также долей «присутствия» базовых компонентов в структуре каждого из его видов.

Результаты исследования

Подходы к исследованию проблематики экономического поведения

Современные подходы к изучению экономического поведения базируются на междисциплинарных связях экономики, социологии, философии, культурологии и психологии.

Экономическое поведение, являясь определенной формой социокультурного процесса, имеет ряд социально-философских (ценностных) и культурологических (ментальных) характеристик, подробно рассмотренных в работах (Золотухин, 2018; Золотухин и др., 2020). Анализ меняющихся практик экономического поведения на конкретных территориях позволяет органам власти регионов грамотно выбирать приоритеты стратегического управления, в перспективе не только уточнять представления о причинах актуального социально-экономического состояния региональных общностей, но и прогнозировать пути их дальнейшего развития (Яковлева, 2019).

В современных исследованиях принято выделять несколько видов экономического поведения: потребительское, кредитное, сберегательное и инвестиционное. Следует отметить,

что экономическое поведение во всех своих проявлениях крайне значимо для жизнедеятельности российской банковской системы. Например, сбережения населения выступают важным источником финансовых ресурсов, известна закономерность экономического поведения: «объемы вкладов населения растут в декабре, в январе практически всегда происходит изъятие населением своих денежных средств из банков» (Гамукин, 2020).

Структурные сдвиги потребления и трансформация экономического поведения на региональном уровне не могут быть объяснены только изменениями доходной части домохозяйств, а требуют учета демографических, расселенческих и институциональных факторов (Зубаревич, Сафронов, 2019). Население «богатых» регионов предпочитает тратить деньги на отдых и развлечения, но эти траты сжимаются в условиях кризисного спада доходов. Сберегательное поведение наиболее развито в крупнейших федеральных городах. Просроченная задолженность по кредитам выше в субъектах РФ с низкими доходами и ресурсодобывающих регионах, где население стремится поддержать достигнутый уровень потребления за счет кредитов.

Региональная специфика экономического поведения населения с учетом экономической дифференциации, потребительских установок и особенностей поведения в период текущего кризиса находит отражение в работах ученых из стран Евросоюза. На примере польских воеводств (областей) показано, что на их уровне наблюдается значительная дифференциация социально-экономического развития территорий, включая доходы домохозяйств, а текущий кризис, вызванный последствиями военных действий на Украине, не способствует сокращению различий. При этом активно идут процессы формирования пессимистических настроений потребителей, включая их экономическое поведение, ведущее к падению спроса и снижению уровня удовлетворения потребностей (Murawska, 2024).

Адаптация потребительского поведения населения к кризисным условиям обычно происходит в следующих направлениях: наблюдается увеличение доли расходов на питание в структуре потребительских расходов, происходит снижение количества (объема) потребления товаров и услуг, заметно падает качество приобре-

таемых товаров. Такие адаптационные механизмы жителей российских регионов в длительной перспективе приводят к нарушению воспроизводства человеческого потенциала (Дементьева, 2018).

С точки зрения психологии экономическое поведение во многом зависит от социально обусловленных устремлений и социальной среды индивида, что должно учитываться в изучении экономического неравенства, социального конфликта, принятия решений о деторождении, принятия риска и постановки целей (Genicot, Ray, 2020). Достаточно популярными являются исследования гендерных различий в экономическом поведении. В работе ученых из Эквадора, выполненной по опросам респондентов из 16 стран Латинской Америки, показано, что экономическое поведение женщин более связано с инновациями (мужчины более консервативны), а экономические реалии описываются лицами женского пола чаще всего посредством рефлексивной оценки и эмоционального интеллекта (Lascano Corrales, 2024).

В работе китайских ученых проанализировано, как демографические сдвиги и государственное социальное обеспечение влияют на стратегии инвестирования домохозяйств. Результаты панельных исследований демонстрируют существенную негативную связь между бременем ухода за пожилыми людьми и инвестиционным поведением домохозяйств. Наблюдаемая тенденция к более консервативному инвестиционному поведению среди домохозяйств с более высокой нагрузкой по уходу за пожилыми людьми согласуется с теориями жизненного цикла и осторожных сбережений (Wang et al., 2025).

Достаточно интересными являются результаты многочисленных зарубежных исследований, посвященных различным аспектам экономического поведения в контексте влияния факторов социокультурного пространства.

Так, например, в совместной работе ученых из Великобритании и Франции показано, что не только социальные, но и личные нормы формируют экономическое поведение человека. Авторы с помощью эксперимента доказывают, что личные нормы наряду с социальными нормами и денежным вознаграждением в высокой степени предсказывают поведение индивидов, являясь одним из ключевых факторов экономического поведения (Bašić, Verrina, 2024).

Роль религии как компоненты социокультурного пространства и её влияние на поведение экономических агентов и динамика экономических систем в целом рассмотрены в работе (Al Fozaie, 2023), в которой предлагается подход, позволяющий операционализировать и анализировать саму религию, проверять, воплощает ли она какие-либо принципы, которые могут препятствовать социально-экономическому развитию, облегчая построение количественной метрики, стремящейся различать религию и экономическое поведение ее представителей.

Исследованию взаимосвязи между экономическим и религиозным поведением в условиях социальных изменений в обществе посвящена коллективная работа индонезийских ученых (Syauta et al., 2022). На примере анализа текстов Библии и Христианского учения показаны ценности (честность, доброта, искренность и т. д.) и установки (к труду, к обмену, к организации быта и пр.), оказывающие влияние на экономическое поведение верующего человека.

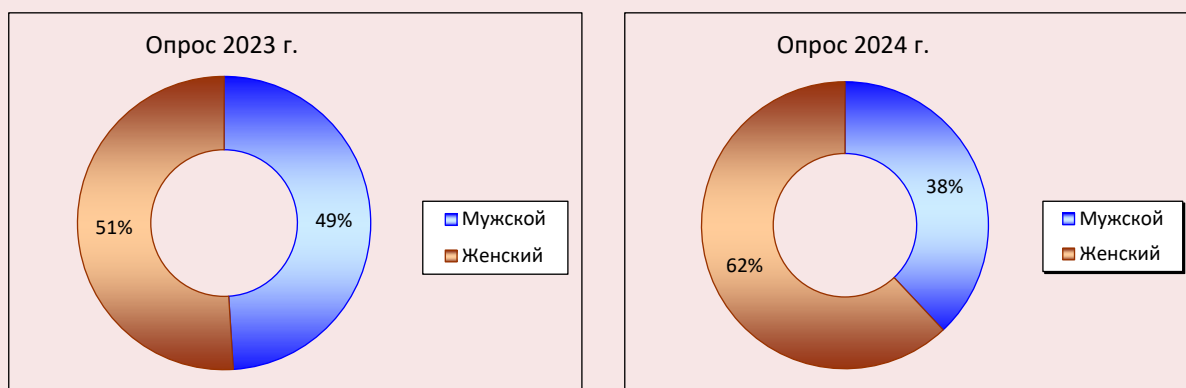
Особенности экономического поведения населения арктического региона (на материалах опросов в Архангельской области)

Арктические регионы России характеризуются историко-культурными особенностями и

окраинным экономико-географическим положением, что способствует более явному проявлению трансформаций социокультурной сферы. Жизнедеятельность в российской Арктике в современных условиях обусловлена целым спектром экономических, экологических и социокультурных факторов и условий, которые в свою очередь приводят к изменениям ожиданий населения, социального самочувствия и поведенческих паттернов. Все это в полной мере относится к Архангельской области, население арктических муниципалитетов которой составляет почти четверть всего населения Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ)¹. Эмпирической базой исследования стали данные двух массовых выборочных опросов, проведенных нами в Архангельской области в мае 2023 года (378 респондентов) и мае 2024 года (505 респондентов). Тип выборки — потоковая, квотная (по полу, возрасту и типу поселения — город либо сельская местность), ее подробное описание содержится в базе данных, разработанной коллективом лаборатории проблем развития территорий ФИЦКИА УрО РАН².

На рисунке 1 представлена структура выборок обоих опросов по полу. В 2023 году соотношение полов в выборке примерно соответствовало ему в генеральной совокупности, в 2024

Рис. 1. Распределение респондентов по полу, %

Источник: составлено авторами.

¹ Официальная статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации в 2025 году. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/calendar1_2025.htm (дата обращения 10.05.2025).

² Система показателей социального самочувствия, экономического поведения, идентичности и ценностей населения Архангельской области: база данных за 2023–2024 гг. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024625362, 20.11.2024. Заявка № 2024624884 от 01.11.2024.

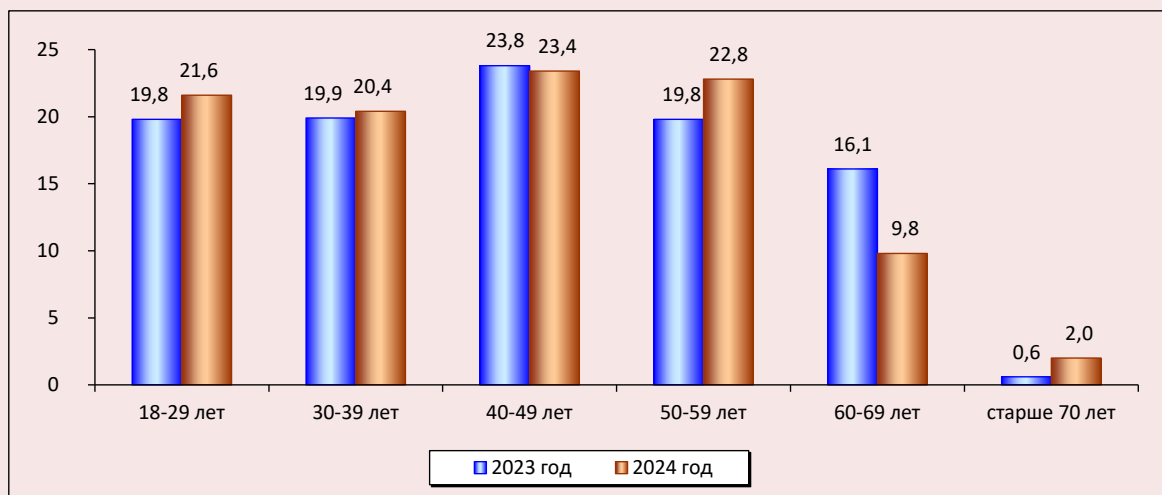
году в нашей выборке имело место смещение в пользу женщин. Для устранения этой диспропорции между полами было осуществлено перевзвешивание данных с целью привести доли мужчин и женщин в выборке к целевым показателям.

Диаграмма на *рисунке 2* отражает распределение респондентов по возрастным когортам. По всем когортам трудоспособного населения доли в выборках соответствуют долям в генеральной совокупности (отклонения в ту или иную стороны – в пределах случайной ошибки). Существенное отклонение наблюдается для лиц старших возрастов (60+), что обусловлено стабильно низкой доступностью респон-

дентов такого возраста при использовании выбранного способа сбора данных (в нашем случае – онлайн-анкетирование). Перевзвешивание данных по этим группам не осуществлялось из-за риска усиления влияния статистических выбросов на итоговые распределения ответов. В то же время авторы считают оправданным наведение фокуса на трудоспособные возрастные группы как наиболее экономически активные, отличающиеся более разнообразным экономическим поведением.

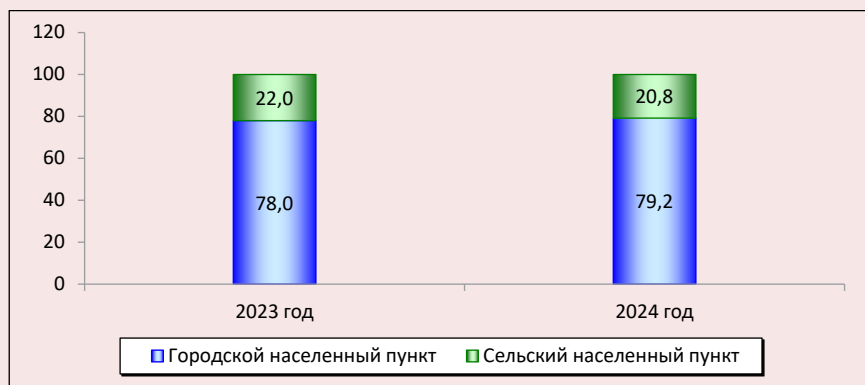
Представленное на *рисунке 3* распределение между сельским и городским населением устойчиво год к году и отражает реальную структуру расселения в Архангельской области.

Рис. 2. Распределение респондентов по возрасту, %

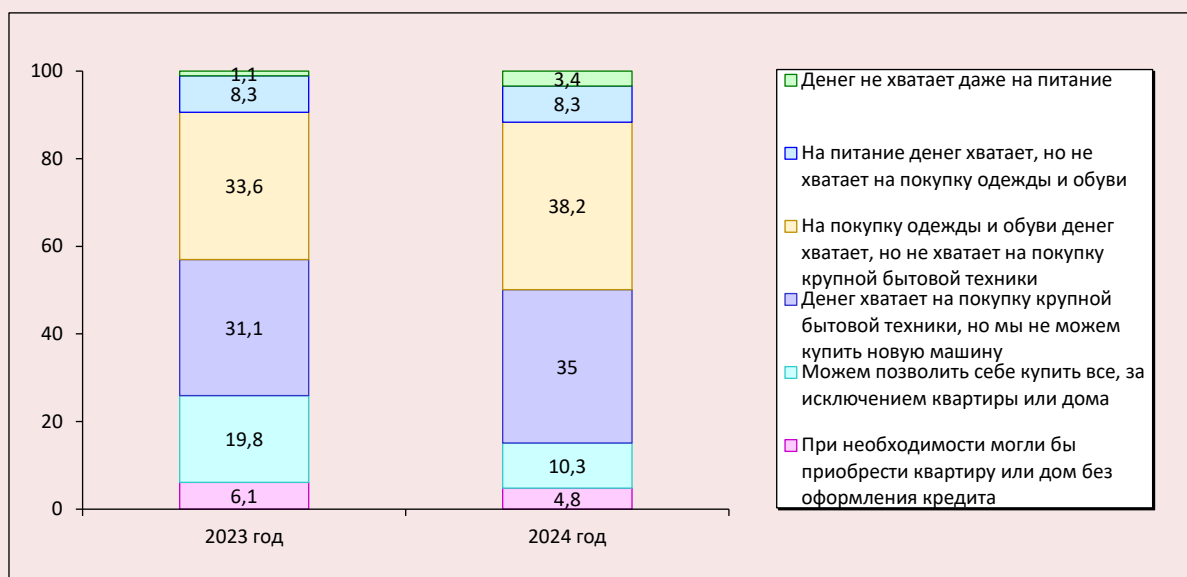
Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Распределение респондентов по типу населенного пункта, %

Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Оценка респондентами покупательной способности своих доходов, %

Источник: составлено авторами.

Диаграмма на *рисунке 4* отражает распределение респондентов по самооценке покупательной способности их домохозяйств. Видно, что структура выборок по этому показателю год к году не претерпела существенных изменений. При этом полярные группы (с наименьшими и наибольшими доходами) составляют меньшую часть выборок, а основная масса респондентов относит себя к тем группам, которые закрывают свои потребности в товарах повседневного спроса и имеют возможность как формировать накопления, так и (гипотетически) осуществлять инвестиции.

В ходе анализа мы исходили из идеи о том, что можно выделить три содержательно разных

вида экономического поведения — потребительское, сберегательное и инвестиционное (Тutyгин, Чижова, 2020). Для измерения каждого вида поведения в ходе операционализации были сконструированы по два основных индикатора и один дополнительный (толерантность к риску), который был сконструирован для инвестиционного поведения (*табл. 1*). Индикаторы были получены в результате логического анализа концептов, описывающих виды экономического поведения: для каждого вида поведения один индикатор фиксировал относительную склонность к тому или иному поведению через соотношение потребительских расходов, потенциальных сбережений и потенциальных

Таблица 1. Индикаторы видов экономического поведения

Вид экономического поведения	Операционализация (индикаторы)
Потребительское	– доля ежемесячных потребительских расходов в общем объеме доходов, %; – наличие/отсутствие ипотечного или потребительского кредита*
Сберегательное	– склонность к сбережениям**; – наличие сберегательного инструмента (вклада, депозита и т. д.)*
Инвестиционное	– склонность к инвестициям**; – толерантность к инвестиционному риску**; – наличие инвестиционного инструмента (акций, облигаций, долей в ПИФ и т. д.)*
* Оценка по дихотомической шкале. ** Оценка по пятибалльной порядковой шкале. Источник: составлено авторами.	

инвестиций, другой индикатор — наличие у респондента инструмента для реализации определенного вида поведения (кредит, депозит, ценные бумаги).

В качестве социальных и социокультурных характеристик респондентов, которые тестировались на предмет того, являются ли они сколь угодно значимыми факторами различных видов экономического поведения, рассматривались пол и возраст, тип поселения (места проживания), количество несовершеннолетних детей и членов домохозяйства, среднедушевой доход, оценка респондентом покупательной способности домохозяйства, уровень генерализованного доверия, религиозность, образование и индекс постматериалистических ценностей (Инглхарт, 1997), индекс социального самочувствия (рассчитан на основе семи переменных — от самооценки физического здоровья до субъективного благополучия), этническая идентичность³.

Приведем краткие характеристики экономического поведения респондентов, участвовавших в опросе.

Потребительское поведение в целом остается стабильным на протяжении двух последних лет. Примерно половина домохозяйств тратит на текущее потребление 60% и более своего ежемесячного дохода, из них около четверти — более 80% дохода. Среднее значение доли месячных доходов, направляемых на приобретение товаров и услуг повседневного спроса, в 2023 году составило 50,8%, в 2024 году — 49,8%. Доля лиц, имеющих кредитные обязательства перед банками, за указанный период фактически не изменилась (49,8 и 47,1% соответственно). При этом доля лиц, которые все располагаемые доходы направляют на текущее потребление, снизилась с 50,8% в 2023 году до 35,4% в 2024 году. Это может свидетельствовать об адаптации населения региона к изменениям экономической ситуации, вызванной внешними шоками 2022 года.

В 2023 году доля опрошенных, готовых направлять на сбережения 60% и более свободных денежных средств, составила 68,5%. Из них около половины (49,2%) указали, что готовы направить на сбережения все свободные денеж-

ные средства. В 2024 году эти показатели составили 80,4 и 39,0% соответственно. Вместе с тем индексное значение склонности к сбережениям незначительно снизилось (с 3,9 до 3,7), но осталось выше среднего, что связано с существенным снижением среди индивидов, демонстрирующих сберегательное поведение.

Доля тех, кто реально инвестирует через рыночные инструменты, выросла за рассматриваемый период более чем в 1,5 раза (с 4,5 до 7,9%). При этом доля лиц, имеющих свободные денежные средства и готовых их инвестировать, выросла с 50,8% (26,4% от выборки) до 61% (39,4% от выборки). Одновременно доля тех, кто планирует направлять на инвестиции более половины своих денежных средств выросла с 13,3% (8,5% от выборки в целом) до 19,6% (12,6% от выборки) от числа имеющих такую возможность. Индексное значение уровня потенциальных инвестиций выросло незначительно (с 1,1 до 1,3) и осталось в пределах минимальных значений. По показателю субъективной готовности инвестировать (толерантности к инвестиционному риску) наблюдается незначительный рост (с 2,8 до 3,1).

Результаты корреляционного анализа (р Спирмена) между социальными характеристиками респондентов и некоторыми индикаторами экономического поведения приведены в *таблице 2*.

Отметим, что большая часть статистически значимых корреляций из приведенных в таблице 2 — слабые. Исключение представляет в опросе 2023 года связь между оценкой покупательной способности доходов и долей ежемесячного дохода, которая идет на потребление, а также связь возраста со склонностью к сбережениям, инвестициям и готовностью к инвестированию. По данным опроса 2024 года была выявлена только одна умеренная (отрицательная) корреляция — между возрастом и субъективной готовностью к инвестированию.

Выявлены следующие общие закономерности опросов: значимые корреляции с индикаторами всех видов экономического поведения обнаруживаются для пола, среднемесячного дохода домохозяйства и оценки респондентом покупательной способности своих доходов, в частности женщины более склонны к сбережениям, а мужчины — к инвестициям; чем выше доход респондента, тем более выражено его

³ Соответствующий вопрос задавался только в ходе опроса 2024 года.

Таблица 2. Коэффициенты ранговой корреляции ρ Спирмена

Социальные и социокультурные характеристики респондентов	Год	Доля ежемесячного дохода, направляемая на потребление	Склонность к сбережениям	Склонность к инвестициям	Толерантность к инвестиционному риску
Пол	2023	0,128*	0,172*	-0,172*	-0,086
	2024	0,113*	0,153**	-0,153**	-0,182**
Возраст	2023	0,012	0,322**	-0,322**	-0,441**
	2024	0,096*	0,163**	-0,163**	-0,365**
Тип населённого пункта	2023	0,095	0,000	0,000	-0,034
	2024	0,042	0,127*	-0,127*	-0,100*
Количество несовершеннолетних детей	2023	0,125*	0,258**	-0,258**	-0,290**
	2024	0,029	-0,020	0,020	-0,037
Количество членов домохозяйства	2023	0,084	0,100	-0,100	0,053
	2024	0,036	-0,023	0,023	0,025
Среднедушевой ежемесячный доход семьи	2023	-0,199**	-0,175*	0,175*	0,011
	2024	-0,190**	-0,273**	0,273**	0,210**
Оценка покупательной способности доходов	2023	-0,315**	-0,185*	0,185*	-0,097
	2024	-0,231**	-0,195**	0,195**	0,202**
Уровень генерализованного доверия	2023	-0,015	0,113	-0,113	0,051
	2024	0,023	0,021	-0,021	0,134**
Уровень религиозности	2023	0,088	0,151*	-0,151*	-0,142**
	2024	0,072	0,072	-0,072	-0,147**
Уровень образования	2023	-0,070	-0,176*	0,176*	0,145**
	2024	0,045	-0,037	0,037	0,084
Индекс постматериалистических ценностей	2023	-0,159**	-0,289**	0,289**	0,162**
	2024	-0,146**	-0,181**	0,181**	0,160**
Индекс социального самочувствия	2023	-0,265**	-0,056	0,056	0,047
	2024	-0,174**	-0,124*	0,124*	0,216**
Этническая идентичность	2024	0,022	0,073	-0,073	0,044
* Уровень статистической значимости $\leq 0,05$.					
** Уровень статистической значимости $\leq 0,01$.					
Источник: составлено авторами.					

инвестиционное поведение и менее остальные виды экономического поведения; чем выше возраст, тем меньше готовность к инвестированию и немного выше склонность к сбережениям.

Результаты корреляционного анализа по двум волнам опросов показывают устойчивость связи между индексом постматериалистических ценностей и индикаторами потребительского, сберегательного и инвестиционного поведения. Хотя все выявленные связи слабые, четко прослеживается эффект приверженности ценностям «постматериализма»: более либеральные (в широком смысле этого понятия) и ощущающие себя в относительной экономической и физической безопасности индивиды меньшую долю доходов тратят на текущее потребление, а свободные денежные средства в большей

мере склонны не сберегать, а инвестировать; соответственно, более консервативные, осторожные и прагматичные («материалисты» по Р. Инглхарту) граждане демонстрируют предпочтения в пользу потребления и сбережений, меньшую склонность к инвестициям, низкую толерантность к связанным с ними рискам.

Остальные социокультурные индикаторы: этнокультурная идентичность (переменные уровня религиозности и этнической идентичности), образование (индикатор человеческого капитала), генерализованное доверие (индикатор социального капитала), социальное самочувствие — либо не показывают корреляции с индикаторами экономического поведения, либо, если статистически значимые связи и выявляются, не носят устойчивого характера год к году и их выявление в рамках опроса за один

год правильнее было бы объяснить эффектами смещения в выборке. Отметим, однако, что устойчивая связь между параметрами социокультурных компонент и экономического поведения обнаруживается в отдельных случаях: уровень религиозности отрицательно коррелирует с готовностью к инвестированию, а социальное самочувствие отрицательно коррелирует с уровнем потребительских расходов.

Таким образом, за вычетом социально-демографических и социально-экономических (уровень дохода домохозяйства и его покупательная способность) характеристик респондентов их экономическое поведение значимо связано прежде всего с ценностными ориентациями.

Влияние параметров социокультурного пространства на экономическое поведение

Как уже отмечалось выше, одним из «каменных преткновения» в нашем исследовании является необходимость адекватной опосредованной оценки влияния базовых компонентов социокультурного пространства на выбор соответствующей поведенческой альтернативы. Такая постановка вопроса в принципе подразумевает построение некоторой многоступенчатой структуры иерархического типа. Первоначально авторы предприняли попытку воспользоваться уже достаточно хорошо зарекомендовавшим себя в самых различных прикладных задачах методом анализа иерархий Т. Саати (Саати, 1989). Однако в силу проявления целого ряда принципиальных моментов, подробно описанных, например, в работе (Коробов, 2010), мы вынуждены были в данном конкретном случае от него отказаться. Вместе с тем в качестве другого претендента на роль такого инструментария по концептуальным соображениям вполне подходит несколько модифицированный под нашу задачу метод решающих матриц, предложенный в свое время Г.С. Поспеловым для оценки НИОКР.

Используя идею этого метода для целей исследования влияния базовых компонентов социокультурного пространства (сущностей) на выбор стратегий экономического поведения, построим трехуровневую иерархию «стратегии – реляционные проявления – сущности». Процедура построения иерархии будет следующей.

1) Пусть A_1, A_2, \dots, A_n – возможные стратегии экономического поведения (альтернативы), $\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_n$, где $\sum_{j=1}^n \alpha_j = 1$ и все $\alpha_j > 0$ – определенные экспертами их весовые коэффициенты.

2) Определим перечень B_1, B_2, \dots, B_m реляционных проявлений сущностей и составим матрицу $P = (p_{ij})_{m \times n}$ оценок p_{ij} вкладов ($i = \overline{1, m}$) в формирование альтернатив A_j ($j = \overline{1, n}$), рассчитаем (с учетом нормирования) соответствующие весовые коэффициенты $\hat{\beta}_i$:

$$\beta_i = \sum_{j=1}^n p_{ij} \cdot \alpha_j; \hat{\beta}_i = \frac{\beta_i}{\sum_{i=1}^m \beta_i}; i = \overline{1, m} \quad (1)$$

или в матричном виде:

$$B = \frac{1}{\sum_{i=1}^m \beta_i} \cdot P \cdot A, \text{ где } A = (\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_n)^T.$$

3) Для сущностей C_1, C_2, \dots, C_l составим матрицу оценок $Q = (q_{ki})_{l \times m}$ и рассчитаем весовые коэффициенты $\hat{\gamma}_k$:

$$\gamma_k = \sum_{i=1}^m q_{ki} \cdot \beta_i; \hat{\gamma}_k = \frac{\gamma_k}{\sum_{k=1}^l \gamma_k}; k = \overline{1, l} \quad (2)$$

или в матричном виде:

$$\Gamma = \frac{1}{\sum_{k=1}^l \gamma_k} \cdot Q \cdot B = \frac{1}{\sum_{i=1}^m \beta_i} \cdot \frac{1}{\sum_{k=1}^l \gamma_k} \cdot Q \cdot P \cdot A, \\ \text{где } \Gamma = (\hat{\gamma}_1, \hat{\gamma}_2, \dots, \hat{\gamma}_l)^T.$$

Таким образом, весовые коэффициенты $\hat{\gamma}_k$ ($k = \overline{1, l}$) являются оценками влияния каждого из базовых компонентов на выбор агентом своей экономической стратегии. Более того, данный метод позволяет определить структуру влияния базовых компонентов в разрезе каждого из видов экономического поведения v_{kj} :

$$v_{kj} = \frac{\sum_{i=1}^m (q_{ki} \cdot p_{ij})}{\sum_{k=1}^l \sum_{i=1}^m (q_{ki} \cdot p_{ij})}, \text{ где } k = \overline{1, l}; j = \overline{1, n}. \quad (3)$$

Используя подход, основанный на применении решающих матриц, оценим вклад (влияние) базовых компонентов социокультурного пространства на экономическое поведение.

Соответствующая иерархия, представленная в *таблице 3*, будет, в отличие от классической иерархии Г.С. Поспелова, содержать три уровня (сверху вниз): «стратегии — реляции — сущности».

Базовые компоненты социокультурного пространства (в нашей модели — «сущности») были определены в эксплицитном виде в работах академика Н.И. Лапина в рамках исследовательского проекта «Социокультурный портрет региона» прежде всего как составные части структуры того, что он именует антропно-культурной сферой⁴. Некоторая концептуальная модификация описания этой сферы (в направлении большей детализации и конкретизации) позволила выделить шесть таких компонентов.

Реляционные проявления каждого такого компонента представляют собой его связь (отношение — наблюдается / не наблюдается и если наблюдается, то в какой степени) к определенному его атрибуту, который, в свою очередь, опосредует влияние этого компонента на определенный вид экономического поведения. Эти реляционные проявления были логически выведены из содержания концептов, описывающих компоненты социокультурного пространства. Ценности (в терминах концепции постматериалистических ценностей Р. Инглхарта) означают больший или меньший приоритет обеспечения базовых потребностей в безопасности и материальном благополучии:

высокий уровень приверженности ценностям постматериализма указывает на удовлетворение этих потребностей, большую уверенность в институтах, доверие в межличностных отношениях, а значит, и высокую толерантность к риску, что создает предпосылки для более активного инвестиционного поведения. В свою очередь высокие показатели, например по компоненту культурного потребления, проявляются в высокой приоритетности культурного досуга в широком смысле по сравнению с карьерой, ведением домашнего хозяйства, утилитарными видами потребления. Это уже само по себе влияет на масштабы потребительского поведения, но, кроме того, существенно модифицирует структуру потребления. Остальные логические связи между компонентами (сущностями) и их реляционными проявлениями выстроены по схожей схеме. При этом на реляционные проявления одних сущностей могут оказывать влияние параметры других сущностей — в большей или меньшей степени.

Отметим, что по результатам социологических опросов, проведенных нами в 2023–2024 гг., были рассчитаны весовые коэффициенты альтернатив для видов экономического поведения (*табл. 4*).

Экспертами последовательно оценивалось влияние уровней иерархии «снизу вверх». Им было предложено оценить степень влияния сущностей на выраженность реляционных про-

Таблица 3. Уровни иерархии

№	Уровень иерархии	Элементы уровня
1	Виды (стратегии) экономического поведения (альтернативы)	A_1 – потребительское A_2 – сберегательное A_3 – инвестиционное
2	Реляционные проявления сущностей	B_1 – отношение к риску B_2 – отношение к публичным институтам B_3 – отношение к карьерному росту B_4 – отношение к институту семьи B_5 – отношение к будущему (к долгосрочному планированию) B_6 – отношение к досугу
3	Базовые компоненты социокультурного пространства (сущности)	C_1 – ценности C_2 – социальное самочувствие C_3 – человеческий капитал C_4 – социальный капитал C_5 – идентичности C_6 – культурное потребление
Источник: составлено авторами.		

⁴ Лапин Н.И., Беляева Л.А. (2010). Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). Москва: МФРАН. С. 15–16.

явлений, а последних — на экономическое поведение каждого из трех видов. Для оценивания использовалась пятибалльная шкала: 5 — «очень сильное», 4 — «сильное», 3 — «умеренное», 2 — «слабое», 1 — «очень слабое».

В проведении оценки приняли участие семь экспертов (Э1 — Э7), что мы считаем оптимальным. Это уже было ранее обосновано авторами в ряде работ (Коробов, 2010; Тutyгин и др., 2024). В качестве экспертов привлечены представители академических и университетских учреждений Архангельской области, специализирующиеся на изучении социокультурных феноменов, а также представители региональных

культурных институций. Экспертный опрос был проведен осенью 2024 года. Полученные оценки использовались для расчета весовых коэффициентов влияния индикаторов социокультурного пространства на индикаторы экономического поведения, которые применялись к данным опросов за оба года.

По результатам экспертных оценок влияний реляционных отношений на выбор альтернатив была составлена матрица P (табл. 5).

Результаты корреляционного анализа массива экспертных оценок влияния реляционных отношений на выбор альтернатив приведены в таблицах 6, 7.

Таблица 4. Веса альтернатив экономического поведения

Альтернативы	A_1	A_2	A_3
Веса альтернатив (опрос 2023 г.)	0,77	0,18	0,05
Веса альтернатив (опрос 2024 г.)	0,75	0,19	0,06
Источник: составлено авторами.			

Таблица 5. Матрица P средних оценок

Реляционные проявления сущностей	Вид экономического поведения		
	A_1	A_2	A_3
B_1	3,71	4,14	4,86
B_2	3,29	4,43	4,43
B_3	3,29	3,43	4,00
B_4	4,14	3,86	3,71
B_5	4,86	3,71	2,71
B_6	4,14	4,57	4,57
Источник: составлено авторами.			

Таблица 6. Коэффициенты корреляции r_{ab} экспертных оценок p_{ij}

r_{ab}	Э1	Э2	Э3	Э4	Э5	Э6	Э7
Э1	1,0000						
Э2	0,5840	1,0000					
Э3	-0,1181	0,2971	1,0000				
Э4	-0,3154	0,1543	0,8024	1,0000			
Э5	0,4347	0,2831	-0,1407	-0,1835	1,0000		
Э6	0,0489	0,0673	0,3576	0,2907	0,2015	1,0000	
Э7	0,6469	0,7576	0,0700	0,0000	0,1735	0,0159	1,0000
Источник: составлено авторами.							

Таблица 7. Значения t -статистики Стьюдента для r_{ab}

t -расч.	Э1	Э2	Э3	Э4	Э5	Э6	Э7
Э1							
Э2	2,8776						
Э3	-0,4757	1,2448					
Э4	-1,3294	0,6247	5,3773				
Э5	1,9305	1,1808	-0,5684	-0,7466			
Э6	0,1958	0,2697	1,5319	1,2153	0,8229		
Э7	3,3936	4,6429	0,2808	0,0000	0,7047	0,0634	
Источник: составлено авторами.							

Статистически значимыми ($\alpha=0,05$; $t_{кр}=2,12$) являются парные коэффициенты корреляции $r_{12}=0,584$, $r_{17}=0,647$, $r_{27}=0,758$ и $r_{34}=0,802$, при этом значимых отрицательных связей нет.

Коэффициенты вариации для распределения экспертных оценок элементов матрицы Р находятся в интервале $7,78\% \leq R_p \leq 40,99\%$. Весовые коэффициенты для 2023–2024 гг.,

рассчитанные по формуле (1) на основании данных таблиц 4 и 5, представлены в *таблице 8*.

По результатам экспертных оценок влияния сущностей на реляционные отношения была составлена матрица Q (*табл. 9*).

Результаты корреляционного анализа массива экспертных оценок влияния сущностей на реляционные отношения приведены в *таблицах 10, 11*.

Таблица 8. Весовые коэффициенты $\widehat{\beta}_i$

B_i	B_1	B_2	B_3	B_4	B_5	B_6
$\widehat{\beta}_i$ (2023 г.)	0,1631	0,1504	0,1418	0,1725	0,1926	0,1797
$\widehat{\beta}_i$ (2024 г.)	0,1636	0,1512	0,1421	0,1720	0,1910	0,1800

Источник: составлено авторами.

Таблица 9. Матрица Q средних оценок

Базовый компонент социокультурного пространства	Реляционные проявления сущностей					
	B_1	B_2	B_3	B_4	B_5	B_6
C_1	3,71	3,43	3,71	5,00	4,29	3,86
C_2	3,71	4,14	4,14	3,86	4,00	4,43
C_3	2,86	3,71	4,14	4,00	3,71	4,29
C_4	3,43	3,86	4,14	3,57	3,29	3,71
C_5	2,57	3,71	2,57	3,57	2,43	2,86
C_6	1,86	2,71	2,71	3,29	4,71	3,14

Источник: составлено авторами.

Таблица 10. Коэффициенты корреляции r_{cd} экспертных оценок q_{ki}

r_{cd}	31	32	33	34	35	36	37
31	1,0000						
32	0,5480	1,0000					
33	0,2368	0,5039	1,0000				
34	0,2567	0,4994	0,8974	1,0000			
35	0,3361	0,3307	0,1824	0,1367	1,0000		
36	0,3740	0,2415	0,2707	0,3302	0,3881	1,0000	
37	0,4432	0,3999	0,2270	0,2972	0,3650	0,5892	1,0000

Источник: составлено авторами.

Таблица 11. Значения t -статистики Стьюдента для r_{cd}

t -расч.	31	32	33	34	35	36	37
31							
32	3,8198						
33	1,4213	3,4017					
34	1,5487	3,3609	11,8579				
35	2,0812	2,0429	1,0817	0,8046			
36	2,3517	1,4512	1,6397	2,0399	2,4556		
37	2,8828	2,5438	1,3593	1,8149	2,2859	4,2523	

Источник: составлено авторами.

Статистически значимыми ($\alpha=0,05$; $t_{кр}=2,03$) являются парные коэффициенты корреляции $r_{12}=0,584$, $r_{15}=0,336$, $r_{16}=0,374$, $r_{17}=0,443$, $r_{23}=0,504$, $r_{24}=0,897$, $r_{25}=0,331$, $r_{27}=0,400$, $r_{34}=0,897$, $r_{46}=0,330$, $r_{56}=0,388$, $r_{57}=0,365$ и $r_{67}=0,589$, при этом отрицательные связи отсутствуют.

Коэффициенты вариации для распределения экспертных оценок элементов матрицы Q находятся в интервале $0\% \leq R_Q \leq 57,56\%$.

Весовые коэффициенты для 2023–2024 гг., рассчитанные по формуле (2), представлены в таблице 12.

Оценка влияния компонентов социокультурного пространства на выбор стратегии экономического поведения по результатам опросов 2023–2024 гг. приведена на рисунке 5.

Коэффициенты оценки вклада (влияния) базовых компонентов социокультурного пространства на выбор стратегии экономического поведения демонстрируют высокую устойчивость во времени. При этом влияние различных компонентов неодинаково. Наиболее ве-

сомый вклад вносят социальное самочувствие и ценности «материализма»/«постматериализма». Высокая роль первого из этих компонентов легко объяснима: высокий уровень социального самочувствия органически связан с более высокой оценкой своего материального благополучия, здоровья и правовой защищенности, что, в свою очередь, создает предпосылки к выбору в пользу инвестиционной стратегии экономического поведения. Что касается ценностей того специфического типа, которые мы вслед за Р. Инглхартом выделяем как фактор экономического поведения, то они предполагают выбор из двух альтернатив:

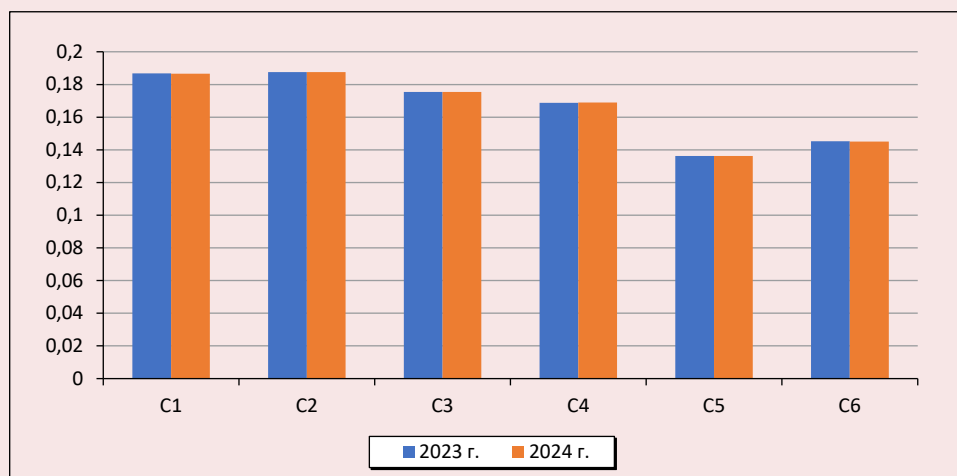
- 1) материалистические ценности – обеспечение экономической безопасности в среднесрочном периоде; отсюда выбор в пользу расширения текущего потребления в условиях высокой инфляции в сочетании с созданием некоторой «подушки безопасности»;
- 2) постматериалистические ценности – забота о благополучии в будущем (как следствие, предпочтение стратегии долгосрочного инве-

Таблица 12. Весовые коэффициенты $\widehat{Y_k}$

C_k	C_1	C_2	C_3	C_4	C_5	C_6
$\widehat{Y_k}$ (2023 г.)	0,1867	0,1875	0,1755	0,1688	0,1362	0,1453
$\widehat{Y_k}$ (2024 г.)	0,1866	0,1876	0,1755	0,1689	0,1363	0,1451

Источник: составлено авторами.

Рис. 5. Оценка влияния компонентов социокультурного пространства на выбор стратегии экономического поведения

Источник: составлено авторами.

стора, причем не только в инструменты фондового рынка, но и в собственный человеческий капитал, окружающую среду, свое сообщество (community) и т. д.).

В свою очередь, сниженное влияние на выбор определенной стратегии экономического поведения, которое характерно для таких компонентов, как иерархия идентичностей и культурное потребление, обусловлено следующим:

1) ни одна из ключевых идентичностей, имеющих сколько-нибудь широкое распространение в социокультурном пространстве Архангельской области (равно как и в Арктической зоне РФ в целом), не предписывает его носителям какую-либо нормативную модель экономического поведения;

2) культурное потребление оказывает влияние на структуру потребительских расходов, дополняя ее специфическими статьями и через

это воздействуя на норму сбережения и инвестиционные возможности домохозяйства; однако для подавляющего большинства людей такое влияние имеет весьма ограниченный характер, поскольку в их случае акты культурного потребления носят эпизодический характер.

Как уже отмечалось выше, влияние базовых компонентов социокультурного пространства в структуре каждого из видов экономического поведения описывается матрицей V , элементы которой рассчитаны по формуле (3) (табл. 13).

Оценка структуры экономического поведения в разрезе базовых компонентов социокультурного пространства представлена на рисунке 6.

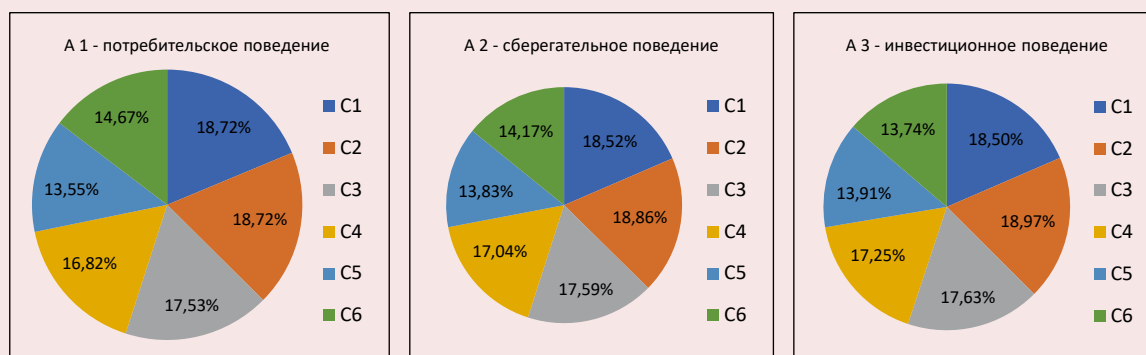
Приведенные на рисунке 6 структуры в разрезе влияния компонентов социокультурного пространства, по сути, являются тождественными, о чем свидетельствуют значения индекса

Таблица 13. Матрица V влияния базовых компонентов в структуре каждого из видов экономического поведения

Базовый компонент социокультурного пространства	Вид экономического поведения		
	A_1	A_2	A_3
C_1	0,1872	0,1852	0,1850
C_2	0,1872	0,1886	0,1897
C_3	0,1753	0,1759	0,1763
C_4	0,1682	0,1704	0,1725
C_5	0,1355	0,1383	0,1391
C_6	0,1467	0,1417	0,1374

Источник: составлено авторами.

Рис. 6. Структура экономического поведения в разрезе влияния компонентов социокультурного пространства

Источник: составлено авторами.

структурных различий В.М. Рябцева, не превышающие порогового значения 0,03, что означает тождественность структур⁵:

$$I_{12} = 0,008; I_{13} = 0,014; I_{23} = 0,006.$$

В качестве комментария к полученным на основе эмпирического материала оценкам отметим следующее. Экономическое поведение представляет собой некую целостность, структура которой во многом определяется базовыми компонентами социокультурного пространства (сущностями). Вместе с тем стоит отметить, что наибольший вклад в формирование всех трех видов экономического поведения принадлежит компонентам C_2 (социальное самочувствие) и C_1 (ценности). Группу сущностей с наименьшим влиянием составляют сущности C_5 (идентичности) и C_6 (культурное потребление). Сущности C_3 (человеческий капитал) и C_4 (социальный капитал) занимают промежуточное положение.

Логическое основание для объединения C_1 с C_2 состоит в следующем. Склонность индивидов к материалистическим или, наоборот, постматериалистическим ценностям в значительной мере обусловлена параметрами социального самочувствия. Люди, имеющие «богатый» опыт экономической депривации, нарушения гражданских прав, не обладающие доступом к качественной медицине и не уделяющие должного внимания рекреации, теоретически чаще являются приверженцами материалистических ценностей. Те же, кто высоко оценивает свое социальное самочувствие по большинству параметров, более привержены постматериалистическим ценностям.

Подобная же тесная связь имеется и между C_3 и C_6 . Идентичность во многом определяет предпочтения как форматов культурного потребления, так и самого контента, производимого индустрией духовной культуры: кто идентифицирует себя с молодежными субкультурами, предпочитает соответствующую культурную продукцию; люди с выраженной религиозностью в своих культурно-потребительских предпочтениях будут следовать за предписаниями религиозной традиции; люди, осознающие свою принадлежность к этническому меньшин-

ству, с большей вероятностью заинтересуются произведениями литературы или поп-музыки на родном для себя языке и т. п.

Выводы

В ходе проведенного исследования нами достаточно подробно рассмотрена современная проблематика, связанная с различными аспектами экономического поведения населения. Особое внимание уделено вопросам структурной динамики социокультурного пространства, формирующего в современных условиях систему факторов как прямого, так и опосредованного влияния на осуществляемый агентами (группами агентов, домохозяйствами и т. д.) выбор преобладающего вида экономического поведения.

С помощью выбранного и верифицированного относительно цели исследования инструментария (решающих матриц Г.С. Поспелова) выполнены оценки влияния компонентов социокультурного пространства на формирование экономического поведения и их соотношение. В частности, показано, что влияние базовых компонентов социокультурного пространства на экономическое поведение жителей обследованного региона иерархически структурировано: наиболее весомый вклад вносят социальное самочувствие и ценности «материализма» / «постматериализма», наименьший — идентичность и культурное потребление.

Апробированный на материалах Архангельской области методологический подход к оценке косвенного влияния социокультурных факторов на экономическое поведение является авторской адаптацией известных методических решений для анализа взаимосвязи социокультурных и экономических процессов. В этом заключается новизна результатов проведенного исследования. Авторы не видят принципиальных ограничений для применения их методологии к данным, полученным для субъектов РФ с качественно иным социокультурным «профилем». Таким образом, в методологическом арсенале исследователей, занимающихся изучением воздействия культуры на поведение экономических агентов, появился ещё один рабочий инструмент. В этом заключается научная значимость статьи.

Предложенный авторами подход может быть в дальнейшем использован для выявления и систематизации вербально-численных

⁵ Региональная статистика (2001): учебник / под ред. В.М. Рябцева, Г.И. Чудилина. Москва: ООО «Московский издательский дом». 380 с.

характеристик трансформационных процессов социокультурного пространства других регионов России, а также разработки моделей и программ развития для различных территорий и регионов, отличающихся своими социально-экономическими и этнокультурными характеристиками, доминирующими ценностями населения, уровнями человеческого и социального капитала, пулом коллективных агентов со специфическими идентичностями.

Литература

- Белехова Г.В. (2018). Экономическое поведение населения: осмысление категории // Проблемы развития территории. № 5 (97). С. 68–83. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.5
- Гамукин В.В. (2020). Выявление особенностей сберегательного и кредитного поведения населения в регионах России // Экономика региона. Т. 16. № 3. С. 1003–1017. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-3-25
- Дементьева И.Н. (2018). Потребительское поведение населения региона и особенности его адаптации к экономическим условиям кризиса 2014–2015 гг. // Вопросы территориального развития. № 3 (43). С. 1–21. DOI: 10.15838/tdi.2018.3.43.3
- Золотухин В.М. (2018). Социально-философский и культурологический аспекты экономического поведения в российской ментальности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 43. С. 36–42.
- Золотухин В.М., Семина Д.И., Семина М.И. (2020). Социокультурный и аксиологический аспекты экономического поведения человека и реализация его потребностей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. Т. 4. № 1. С. 47–52. DOI: 10.21603/2542-1840-2020-4-1-47-52
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2019). Люди и деньги: доходы, потребление и финансовое поведение населения российских регионов в 2000–2017 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 3–17. DOI: 10.31857/S2587-5566201953-17
- Инглхарт Р. (1997). Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // ПОЛИС. Политические исследования. № 4. С. 6–32.
- Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А. (2017). Системная сбалансированность экономики: монография. Москва: Научная библиотека. 320 с.
- Коробов В.Б. (2010). Преимущества и недостатки метода анализа иерархий // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. № 122. С. 108–115.
- Кремлев Н.Д. (2024). Оценка социально-экономического поведения населения в условиях современных вызовов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. Т. 4. № 1. С. 13–23. DOI: 10.34130/2070-4992-2024-4-1-13
- Лаженцев В.Н. (2025). Социально-экономические проблемы Европейского Севера России и географический аспект их решения в современных условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 80–88. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.4
- Ласточкина М.А. (2012). Социокультурные типы населения региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4 (22). С. 116–124.
- Лукин Ю. Ф. (2022). О концепте «Русский Север» замолвить слово // Арктика и Север. № 48. С. 275–302. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.275
- Орлов С.Н., Луговой И.Н. (2024). Особенности экономического поведения населения в условиях динамичных изменений // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. Т. 4. № 3. С. 318–327. DOI: 10.34130/2070-4992-2024-4-3-318
- Подоплёкин А.О. (2016). Сельские жители прибрежных территорий Архангельской области: «доживающее население» или ресурс развития российской Арктики? // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 2 (83). С. 213–222.
- Поспелов Г.С., Вен В.Л., Солодов В.М. [и др.] (1981). Проблемы программно-целевого планирования и управления / под ред. Г.С. Поспелова. Москва: Наука. 460 с.

- Саати Т.Л. (1989). Принятие решений. Метод анализа иерархий. Москва: Радио и связь. 316 с.
- Чижова Л.А., Тutyгин А.Г., Подоплёкин А.О. [и др.] (2022). Социально-экономическое развитие арктического макрорегиона: комплексный подход: монография. Архангельск: КИРА. 291 с
- Чижова Л.А., Тutyгин А.Г., Подоплёкин А.О. [и др.] (2023). Социокультурное пространство арктического макрорегиона России в современных экономических условиях: монография. Архангельск: КИРА. 309 с.
- Тutyгин А. Г., Чижова Л. А. (2020). Индикаторы экономического поведения и ценностные ориентации населения // *Фундаментальные исследования*. № 7. С. 125.
- Тutyгин А.Г., Коробов В.Б., Лохов А.С., Чижова Л.А. (2024). Экспертно-аналитические технологии в исследованиях социо-эколого-экономических объектов. Архангельск: КИРА. 232 с.
- Яковлева О. К. (2019). Территориальное социально-экономическое поведение в русле проблемы взаимодействия общества и физического пространства // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. Вып. 3 (3). С. 421–428. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-421-428
- Al Fozaie M.T. (2023). Behavior, religion, and socio-economic development: A synthesized theoretical framework. *Humanities and Social Sciences Communications*, 10. DOI: 10.1057/s41599-023-01702-1
- Bašić Z., Verrina E. (2024). Personal norms – and not only social norms – shape economic behavior. *Journal of Public Economics*, 239, article 105255. DOI 10.1016/j.jpubeco.2024.105255
- Genicot G., Ray D. (2020). Aspirations and economic behavior. *Annual Review of Economics*, 12, 715–746. DOI: 10.1146/ANNUREV-ECONOMICS-080217-053245
- Kahneman D., Tversky A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 47, 263–294.
- Lascano Corrales E. (2024). Gender differences in economic behavior: A profiles study of 16 Latin American countries. *Behavior & Law Journal*, 10(1), 126–136. DOI 10.47442/blj.2024.115
- Murawska A. (2024) The impact of regional variation in economic conditions on consumer attitudes and behavior during the crisis. *Scientific Papers of Silesian University of Technology. Organization and Management Series*, 193, 223–248. DOI 10.29119/1641-3466.2024.193.14
- Syauta J., Nugraha W., Sudarman J., Koswanto A., Sitorus J. (2022). The role of religious behavior and christian religious education on economic behavior. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 669, 197–201.
- Thaler R.H. (2016). *Behavioral Economics: Past, Present, and Future*. Chicago.
- Wang Z., Huang Y., Chen M., Li Ch. (2025). Elderly care burden and household investment behavior: The roles of family income, social security, and long-term care insurance. *International Review of Economics & Finance*, 97, article 103816. DOI: 10.1016/j.iref.2024.103816

Сведения об авторах

Людмила Александровна Чижова — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН (Российская Федерация, 163020, г. Архангельск, пр-т Никольский, д. 20; e-mail: chijova.mila@yandex.ru)

Андрей Геннадьевич Тutyгин — кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН (Российская Федерация, 163020, г. Архангельск, пр-т Никольский, д. 20; e-mail: andgt64@yandex.ru)

Антон Михайлович Максимов — кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН (Российская Федерация, 163020, г. Архангельск, пр-т Никольский, д. 20; e-mail: amm15nov@yandex.ru)

Надежда Владимировна Кошуняева — научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН (Российская Федерация, 163020, г. Архангельск, пр-т Никольский, д. 20; e-mail: n.koshunyaeva@narfu.ru)

Chizhova L.A., Tutugin A.G., Maksimov A.M., Koshunyaeva N.V.

Economic Behavior of the Region's Population: The Role of Socio-Cultural Factors in the Conditions of the Arctic

Abstract. The transformations taking place in the socio-cultural space of Russia in the last three decades determine various aspects of human behavior, including economic behavior. The aim of the study is to assess the influence of the basic components of the socio-cultural space of the Arctic region on how the population develops economic behavior strategies, among which are values, norms, attitudes, social well-being, social capital, human capital, identity, and cultural consumption. The article provides a brief description of modern approaches to the study of economic behavior based on interdisciplinary links between economics, sociology and other sciences. Further, with the help of sociological research, we identify and describe trends in the economic behavior of the population of an Arctic region – the Arkhangelsk Region. With the help of G.S. Pospelov's decision matrices we assess the influence of the components of the socio-cultural space on the choice of an economic behavior strategy and determine the structural hierarchy of the components according to the degree of this influence. In particular, we show that the impact of the basic components on economic behavior demonstrates high stability, while the most significant structural contribution is made by social well-being and the values of “materialism” / “post-materialism”. Scientific novelty of the research lies both in the application of an interdisciplinary approach to the study of the economic behavior of the population of the Arctic region, and in assessing the impact of various structural elements of the socio-cultural space on the manifestation of a particular type of economic behavior of individuals and households (consumer, savings, and investment). Practical significance of the approach we propose is related to the possibility of its further use in order to design models and development programs for various Arctic territories and regions that differ in socio-economic, ethno-cultural and value characteristics and strategies of economic behavior of the population.

Key words: socio-economic development of the territory, socio-cultural space, transformation, economic behavior, method of decision matrices, regions of the Russian Arctic.

Information about the Authors

Lyudmila A. Chizhova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163020, Russian Federation; e-mail: chijova.mila@yandex.ru)

Andrey G. Tutugin – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Leading Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163020, Russian Federation; e-mail: andgt64@yandex.ru)

Anton M. Maksimov – Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Senior Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163020, Russian Federation; e-mail: amml5nov@yandex.ru)

Nadezhda V. Koshunyaeva – Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163020, Russian Federation; e-mail: n.koshunyaeva@narfu.ru)

Статья поступила 12.05.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.10

УДК 303.094.7, ББК 87.256.631.0

© Нацун Л.Н.

Обоснование выбора показателей эффективности регионального здравоохранения

Лейла Натиговна**НАЦУН**

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: leyla.natsun@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9829-8866; ResearcherID: I-8415-2016

Аннотация. В условиях современных демографических трендов, связанных со старением населения, а также ввиду проводимой пронаталистской политики в сфере здравоохранения возникают новые вызовы, сопряжённые с усилением противоречия между растущим спросом на медицинские услуги со стороны населения и ограниченностью имеющихся кадровых, материальных и финансовых ресурсов. С учётом этих обстоятельств выбор критериев для оценки эффективности здравоохранения приобретает важнейшее практическое значение. Отечественными и зарубежными исследователями предлагаются различные подходы к выработке таких критериев и порядку проведения самой процедуры оценки. Однако до сегодняшнего дня не сложился устоявшийся перечень критериев оценки эффективности здравоохранения. Целью работы стало обоснование показателей для оценки эффективности системы регионального здравоохранения, применимых при решении оптимизационных задач. Информационную базу составили отечественные и зарубежные исследования по выбранной тематике и статистические данные, характеризующие функционирование регионального здравоохранения и состояние общественного здоровья. Рассмотрены подходы к определению эффективности здравоохранения на уровнях отдельной медицинской технологии, медицинской организации, отрасли в целом. Показаны сильные и слабые стороны имеющихся подходов к измерению эффективности здравоохранения. Особое внимание уделено анализу подходов к оценке эффективности управленческих решений в сфере здравоохранения. Обосновано, что для решения оптимизационных задач, имитирующих варианты управленческих решений в сфере здравоохранения,

Для цитирования: Нацун Л.Н. (2025). Обоснование выбора показателей эффективности регионального здравоохранения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 184–198. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.10

For citation: Natsun L.N. (2025). Substantiating the choice of regional healthcare effectiveness indicators. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 184–198. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.10

наиболее релевантным методом служит соотнесение «затрат» и «результата». Теоретическую новизну выполненного исследования составляет обоснование ряда показателей для оценки эффективности регионального здравоохранения. На основе анализа данных отечественных и зарубежных исследований, а также с учётом проведённого корреляционного анализа предложено в качестве результирующих показателей функционирования регионального здравоохранения рассматривать ожидаемую продолжительность жизни при рождении, смертность населения старше трудоспособного возраста, смертность от болезней системы кровообращения и одногодичную летальность больных со злокачественными новообразованиями. Данные показатели в перспективе будут использоваться в качестве целевых параметров при решении оптимизационных задач в сфере регионального здравоохранения с использованием её агент-ориентированной модели. Предложенный подход к оценке эффективности регионального здравоохранения может служить теоретической основой автоматизированной системы поддержки управленческих решений в данной сфере, что определяет практическую значимость результатов исследования.

Ключевые слова: региональное здравоохранение, критерии эффективности, здоровье населения, ресурсы здравоохранения.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01783 (<https://rscf.ru/project/24-28-01783/>).

Введение

Наиболее острыми современными вызовами, стоящими перед системой здравоохранения на уровне регионов, выступают демографическое старение; высокие уровни преждевременной смертности населения; существенный разрыв между величиной показателей ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) и ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ); вынужденное использование платных медицинских услуг населением ввиду нехватки ресурсов для предоставления бесплатной медицинской помощи в государственной системе здравоохранения (Морозова и др., 2022); дефицит финансирования территориальных программ государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи населению (Гришин и др., 2021). Перечисленные вызовы выводят на первый план вопрос повышения эффективности функционирования системы здравоохранения. От его решения во многом зависят перспективы сохранения общественного здоровья. Поскольку на сегодняшний день растёт запрос на разработку автоматизированных систем поддержки принятия управленческих решений, исследования в данном направлении особенно востребованы.

Материалы и методы

Цель исследования — обоснование показателей для оценки эффективности системы регионального здравоохранения, применимых при решении оптимизационных задач.

Для достижения поставленной цели осуществлён критический анализ существующих подходов к оценке эффективности здравоохранения на различных уровнях с акцентом на макроуровне. Поскольку в текущих социально-экономических условиях особое значение приобретает качество управления и компетенции лиц, принимающих решения, выполнен обзор имеющихся методов оценки эффективности управленческих решений в сфере здравоохранения.

На следующем этапе работы на основе анализа результатов отечественных и зарубежных исследований предложен и обоснован ряд принципов отбора показателей, которые могут отражать результативность функционирования регионального здравоохранения. При формулировке принципов отбора исходным суждением был тезис о необходимости поиска таких показателей, уровни которых преимущественно зависят от работы системы здравоохранения, но при этом непосредственно характеризуют состояние общественного здоровья. Далее

для непосредственного отбора показателей результативности осуществлён корреляционный анализ. Итоговый перечень показателей для оценки результативности функционирования регионального здравоохранения, таким образом, был сформирован на основе логических условий отбора, а также с учётом оценки их корреляционной взаимосвязи с показателями ресурсной обеспеченности отрасли.

Полученный набор показателей результативности на последующих этапах исследования будет использоваться для оценки эффективности системы регионального здравоохранения методом «затраты — результативность» с применением агент-ориентированной модели. В частности, при решении оптимизационных задач будет осуществляться сопоставление целевых и фактически достигнутых уровней каждого из выбранных показателей результативности и затрат ресурсов на их достижение.

Результаты

Между понятиями «эффективность» и «результативность» зачастую ставится знак равенства, однако это не совсем корректно. Мы опираемся на подход, предложенный в работе (Уйба и др., 2012). Результативность рассматривается как достижение запланированных результатов вне зависимости от того, какой объём ресурсов был для этого использован, эффективность — как более широкое понятие, комплексная характеристика потенциальных и реальных результатов функционирования системы, учитывающая степень соответствия этих результатов главным целям. Другими словами, эффективность рассматривается как «свойство системы достигать конечной цели». Применимость такого подхода при оценке эффективности системы здравоохранения объясняется тем, что она относится к числу эргатических систем, то есть имеет заданную целевую функцию (Уйба и др., 2012).

В упомянутой выше работе также предложено проводить декомпозицию понятия «эффективность» на ряд более узких категорий, выделяя «внешнюю функциональную (целевую) эффективность, внутреннюю функциональную эффективность, экономическую эффективность и ресурсосберегаемость, эффективность

управления и социальную эффективность. Обозначая логическую взаимосвязь предложенных категорий, авторы указывают, что качество и надёжность функционирования экономической системы — это её процессуальные свойства, а эффективность — результирующее свойство. Также авторы говорят о принципиальном различии смыслов категорий «результат» и «эффект»: «эффект» — это проявление воздействия результата, полученного в данной системе, на соседнюю систему (Уйба и др., 2012).

Необходимо отметить, что категории «эффект» и «результат» не всегда разграничивают. Так, в работе А.Ю. Соколова с соавторами (Соколов и др., 2018) понятие «эффект» рассматривается как синоним конкретного результата действий, а эффективность оценивается как степень достижения запланированных конечных результатов на основе «модели конечных результатов», которая включает набор показателей запланированных эффектов (в абсолютных цифрах) или набор критериев (относительные величины) эффективности.

Эффективность может быть определена на различных уровнях: отдельной медицинской технологии, медицинской организации, отрасли в целом. При этом каждому уровню соответствует собственный критерий эффективности (табл. 1).

Для оценки эффективности при тестировании отдельных медицинских технологий руководствуются требованиями стандарта «Клинико-экономические исследования. Общие положения»¹. Критерии эффективности для любого из рекомендованных в Стандарте методов проведения клинико-экономического анализа строятся на соотношении результатов оказания медицинской помощи и затрат на их осуществление. К числу одобренных методов относятся: анализ «затраты — эффективность», анализ «минимизации затрат», анализ «затраты — полезность», анализ «затраты — выгода».

При оценке эффективности противоэпидемических профилактических мероприятий широко применяются понятия «риск» и «защищённость». Главным критерием эффективности является снижение частоты заболеваемости

¹ Клинико-экономические исследования. Общие положения: отраслевой стандарт // Система стандартизации в здравоохранении Российской Федерации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200123394?ysclid=m7u7dqmkr9861869310>

Таблица 1. Критерии оценки эффективности на разных уровнях

Вид эффективности в здравоохранении	Критерий эффективности	Уровень оценки эффективности
Результативность	Вероятность достижения заданного результата	Отдельная нозология, врач, программа профилактики и т. п.
Медицинская эффективность	Вероятность достижения определённого эффекта, получаемого от достижения цели	Отрасль здравоохранения в целом
Медико-экономическая эффективность	Вероятность достижения оптимального соотношения «затраты – эффект»	Отрасль здравоохранения в целом
Социально-экономическая эффективность	Вероятность достижения определённого соотношения «затраты – социально-экономический эффект»	Социальные системы
Примечание. Единый критерий для всех уровней – вероятность достижения поставленной цели. Составлено по: (Уйба и др., 2012).		

в условиях внедрения мероприятия по сравнению с прошлым периодом, когда оно не применялось².

Зарубежные исследования, посвящённые оценке эффективности системы здравоохранения, рассматривают это понятие как соотношение затрат ресурсов и полученного результата. В работе Т.Н. Wagner с соавторами отмечается, что в здравоохранении эффективность может быть разделена на два типа: аллокативную, т. е. связанную с поиском на макроуровне наилучшего способа распределения ограниченных ресурсов для достижения общественных целей, таких как здоровье населения или социальное обеспечение, и производственную эффективность, которая рассматривается как способность медицинской организации максимизировать производство результатов, используя имеющиеся ограниченные ресурсы и технологии (Wagner et al., 2025). В первом случае наиболее распространённым методом оценки эффективности выступает CEA («cost-effectiveness analysis» — анализ эффективности затрат), а во втором — BIA («budget impact analysis» — анализ влияния на бюджет). При этом подчёркивается необходимость сочетания на практике обоих подходов при решении управленческих задач в сфере здравоохранения. Как отмечают авторы систематического обзора исследований эффективности здравоохранения на национальном и субнациональном уровне (Mbau et al., 2023), данное направление всё ещё остаётся менее

разработанным по сравнению с исследованиями эффективности работы отдельных медицинских учреждений. Используемые в литературе показатели результативности систем здравоохранения классифицированы авторами упомянутого обзора на три блока: промежуточные выходные данные услуг здравоохранения (например, количество посещений медицинских учреждений), отдельные результаты в отношении здоровья (например, уровень младенческой смертности) или составные индексы любых промежуточных результатов в отношении здоровья (например, ожидаемая продолжительность жизни с поправкой на здоровье). В исследованиях макроуровня для оценки эффективности затрат применяются параметрические и непараметрические методы, позволяющие выявить «границу эффективности» функционирования здравоохранения (Joo, 2025). Обсуждение и сравнительный анализ преимуществ и ограничений различных параметрических и непараметрических методов является развивающимся направлением исследований (Hollingsworth, Wildman, 2003; Şenel, Cengiz, 2016).

В работах отечественных авторов, посвящённых оценке эффективности здравоохранения, речь идёт о медико-экономической и социально-экономической эффективности. Для оценки эффективности чаще используется метод «затраты – эффект». В частности, может проводиться сопоставление ресурсов отрасли с полученными результатами. В качестве резуль-

² Слободенюк А.В., Косова А.А., Ан Р.Н. (2015). Эпидемиологический анализ: учебное пособие. Екатеринбург: Изд. ГБОУ ВПО УГМУ Минздрава России. 36 с.

тирующих показателей рассматриваются демографические показатели (смертность, ожидаемая продолжительность жизни) и их производные, отражающие стоимостную оценку капитала здоровья населения (потери ВВП, обусловленные негативными процессами в общественном здоровье).

В исследовании специалистов Вологодского научного центра РАН (Ильин и др., 2006) были обобщены методы полного экономического анализа, используемые для оценки эффективности здравоохранения на региональном и муниципальном уровне. К ним относятся метод минимизации затрат, метод «затраты — результативность», метод «затраты — выгода», метод «затраты — полезность». На уровне оценки эффективности регионального здравоохранения наилучшие результаты может принести метод «затраты — результативность» и «затраты — полезность». В первом методе в качестве результативных показателей регионального здравоохранения предложено использовать общую и первичную заболеваемость, заболеваемость с временной утратой трудоспособности, первичной инвалидности, смертности, а также количество жалоб населения на качество оказанных медицинских услуг. Для второго метода результативным будет выступать показатель лет жизни, скорректированных по качеству (QALY). Однако его практическое применение затруднено ввиду наличия целого ряда методологических сложностей (Ильин и др., 2006).

Концептуальной основой для определения целевых функций системы регионального здравоохранения в работе А.В. Пепеляевой и Е.А. Третьяковой служит синтез институционально-эволюционного и функционального подходов. При построении собственной методики оценки эффективности функционирования регионального здравоохранения авторы проводят многоступенчатую процедуру расчёта интегральных показателей (Пепеляева, Третьякова, 2018).

Одним из вариантов оценки эффективности регионального здравоохранения является корреляционно-регрессионный анализ статистических данных. Так, в работе Г.Г. Рапакова с соавторами применены методы корреляционно-регрессионного и кластерного анализа и доказано, что территории Вологодской обла-

сти отличаются по эффективности здравоохранения, оцененной через сопоставление показателей мощности учреждений и показателей смертности населения (Рапаков и др., 2019).

Создание различных по своему дизайну и наполнению интегральных индикаторов выступает одним из наиболее распространённых подходов к оценке эффективности региональных систем здравоохранения. Как правило, итоговое значение таких показателей получают посредством усреднения оценок их отдельных компонентов. Отметим, что этот подход является очень простым в применении, однако обладает ограничением: в данном случае не проводится оценка важности каждого из использованных критериев относительно остальных и при вычислении итогового ранга все они признаются равнозначными.

Примером исследования с таким дизайном может выступать работа В.И. Стародубова с соавторами, в которой оценивание региональных систем здравоохранения проводилось в два этапа. На первом этапе были получены усреднённые ранговые оценки по отдельным тематическим блокам статистических показателей, а на втором этапе вычислена усреднённая интегральная оценка эффективности для каждого региона. По результатам проведённых расчётов наиболее низкие оценки эффективности получили северные и восточные регионы России (Стародубов и др., 2010).

Аспектом, которому сравнительно редко уделяется внимание в рамках изучения эффективности региональных систем здравоохранения, выступает их устойчивость. Методические разработки, направленные на её оценку, представлены в работе В.А. Черешнева с соавторами. Дизайн приведённого исследования включал в том числе процедуру оценки критериев устойчивости с применением теории важности критериев (ТВК). Сам коэффициент эффективности регионального здравоохранения был рассчитан как отношение интегрального коэффициента медико-социальной результативности и коэффициента выполнения финансирования территориальной программы государственных гарантий. Новизна предложенного авторами подхода состоит в том, что итогом его реализации становится количественная оценка динамики эффективности и устойчивости ре-

гионального здравоохранения, а также вывод о режиме функционирования регионального здравоохранения: находится ли она в благополучной зоне, зоне риска или в зоне бедствия (Черешнев и др., 2021).

В работе Н.П. Старых и А.В. Егоровой предложен перечень показателей для оценки эффективности здравоохранения регионов с учётом задач нацпроекта «Здравоохранение». При этом в качестве критериев эффективности регионального здравоохранения рассматриваются такие виды эффективности, как экономическая, медицинская и социальная, а каждому из этих критериев поставлены в соответствие целевые показатели, содержащиеся в нацпроекте. Так, для оценки экономической эффективности предложено использовать показатель финансирования отрасли, для оценки медицинской эффективности — показатели смертности и продолжительности жизни населения, а социальную эффективность оценивать, опираясь на сведения об укомплектованности амбулаторий средним медицинским персоналом, численности лиц, прошедших профосмотры, а также о количестве обоснованных жалоб пациентов. Итоговая оценка эффективности здравоохранения регионов складывается на основе вычисления суммы их рангов по достигнутым уровням целевых показателей (балльная оценка в соответствии с количеством использованных критериев) (Старых, Егорова, 2020).

Ряд принципов построения системы критериев и индикаторов для оценки качества и эффективности медицинской деятельности обоснован А.Л. Линденбратеном с соавторами. Они отмечают, что эффективность медицинской деятельности на уровне территорий можно оценить, сопоставляя индикаторы её результатов с объёмом затрат за определённый период времени. К числу индикаторов результатов медицинской деятельности при этом относят степень достижения целевых значений показателей здоровья населения, исход лечения, удовлетворённость медицинской помощью, охват населения диспансеризацией, профилактическими и реабилитационными мероприятиями (Линденбратен и др., 2020).

Методические ограничения, характерные для традиционных методов оценки эффективности здравоохранения, базирующиеся на сопоставлении достигнутых и нормативных уровней показателей медицинской статистики, были обозначены в исследовании А.В. Данилова. В число этих ограничений включены следующие:

1) необоснованность набора показателей, используемых для интегральной оценки эффективности;

2) избыточность совокупности используемых показателей;

3) отсутствие обоснования в рамках теории шкалирования соотнесения качественных показателей и их балльных оценок;

4) интерпретация среднеарифметических нормированных значений или балльных оценок совокупности показателей как интегрального показателя³.

Отечественные специалисты обращают внимание на то, что система здравоохранения является стохастической в том смысле, что все внешние воздействия на неё, а также взаимодействия элементов системы между собой случайны, а потому для их изучения должны использоваться вероятностно-статистические модели, теория математического моделирования стохастических систем, теория вероятностей и математической статистики, теория исследования операций. Особая роль отводится построению математических моделей, основанных на процедурах анализа оптимизационных задач с помощью «древа решений», математической модели Маркова, а также имитационным моделям (Уйба и др., 2012).

Разработка агент-ориентированных моделей является одним из перспективных подходов в сфере изучения поведения сложных социально-экономических систем. В мировой практике широкое применение данный метод находит в моделировании работы медицинских служб различного уровня (Tracy et al., 2018; Aspland et al., 2019; England et al., 2021). Проблемы, для решения которых можно использовать агент-ориентированные модели, включают не только оптимизационные задачи на уровне отдельных

³ Данилов А.В. (2021). Научное обоснование использования инновационных организационных технологий для повышения эффективности управления медицинскими организациями на региональном уровне: дис. ... д-ра мед. наук. Воронеж. 224 с.

учреждений здравоохранения, но и комплексные проекты, касающиеся совершенствования функционирования системы здравоохранения в целом.

Агент-ориентированные модели, имитирующие региональную систему здравоохранения, созданные ранее, ориентированы на решение задач оптимизации пространственного размещения объектов медицинской инфраструктуры (Дианов и др., 2021; Швецов и др., 2023). Однако потенциал использования моделей такого рода гораздо шире и может включать также решение задач по моделированию очередей пациентов и их маршрутизации, оптимизации нагрузки на медицинский персонал, улучшению работы экстренной медицинской службы.

В последние годы широкое применение в отечественных и зарубежных исследованиях эффективности здравоохранения находит метод DEA (*data envelopment analysis* — анализ оболочки данных). Он базируется на линейном программировании и предназначен для оценки относительной эффективности субъектов (*decision making unit (DMU)* — единиц принятия решений) как соотношения произведённых товаров и услуг (*output* — выходные параметры) к использованным для этого ресурсам (*input* — входные параметры). Сравнительная простота использования данного метода и наличие специализированных программных продуктов, позволяющих автоматизировать расчёты, во многом объясняют его популярность (Hollingsworth, 2003; Su et al., 2023; González-Julián et al., 2024).

Отдельного внимания заслуживает проблема определения величины лагов при разработке математических моделей эффективности региональных систем здравоохранения. Использование метода DEA для оценки относительной эффективности региональных систем здравоохранения является одним из вариантов её решения. В работе Ю.В. Нерадовской приводится алгоритм оценки эффективности здравоохранения регионов России (Нерадовская, 2022). В качестве входных параметров модели используются показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении за ряд лет, предшествующих отчётному году, а в качестве результирующего показателя эффективности систем здравоохранения — непосредственно

величина ОПЖ при рождении в данном году. Выбранный дизайн модели автор объясняет тем, что показатель ОПЖ, хотя и отражает результат функционирования не только системы здравоохранения, но и ряда других факторов, всё же остаётся наиболее комплексной мерой здоровья населения территорий, тогда как именно охрана здоровья населения является целевой функцией рассматриваемых систем. Включение в модель в качестве факторных переменных уровней показателя ОПЖ при рождении за ряд предшествующих лет объяснялось тем, что эти величины результируют влияние всей совокупности факторов, оказывавших влияние на здоровье населения регионов в рассматриваемый период. В указанной работе проблема определения величины лага, с которым нужно включать в модель факторные переменные, была решена путём последовательного соотношения коэффициентов корреляции рангов показателей эффективности, рассчитанных при полном и сокращённом наборе факторных переменных. Этот подход позволил установить, что при относительной стабильности внешних (по отношению к системе здравоохранения) «шоков» достаточен лаг, равный единице.

Методы оценки качества управленческих решений в здравоохранении

Одной из подзадач при оценке эффективности регионального здравоохранения выступает оценка эффективности управленческих решений. Такая процедура позволяет, в том числе, выявлять неэффективные решения, которые блокируют работу медицинских организаций и негативно сказываются на отрасли в целом. Также с применением этой процедуры удаётся определить причины невыполнения или ненадлежащего выполнения управленческих решений. При этом для непосредственного оценивания качества управленческих решений могут применяться различные методы. Одним из наиболее распространённых выступает метод экспертной оценки.

Методологической проблемой при работе с мнениями экспертов (в том числе в сфере здравоохранения) является определение ключевых, наиболее важных критериев, используемых ими на практике для оценки управленческих решений. Российскими исследователями для формализации решения многокритериальных за-

дач предложено применять теорию важности критериев (ТВК). Это раздел математической теории, разработанный как альтернатива методу анализа иерархий Т. Саати, практическим приложением которого является поддержка управленческих решений в самых разных сферах (Нехорошев и др., 2008; Подиновская, Подиновский, 2014). Наиболее существенным отличием данного теоретического направления от других методов анализа многокритериальных задач служит отказ от создания единого обобщающего индикатора оценки управленческого решения и разработка формальных определений понятий «относительная важность критериев» и их «коэффициенты важности». В процессе решения многокритериальных задач с использованием ТВК составляется математическая модель проблемной ситуации и вариантов её решения, задаётся набор критериев для их оценки, причём в формализованном виде в модель включаются также предпочтения лиц, принимающих решения (Подиновский, 2019).

В рамках изучения эффективности управленческих решений выделяют целый ряд разнообразных критериев, которые описывают результаты функционирования здравоохранения после того или иного управленческого воздействия. Классификация используемых критериев оценки решений предложена в работе Н. Таниос с соавторами. Критерии, используемые на разных уровнях системы здравоохранения, были сгруппированы авторами в 10 описательных областей, и установлено, что наиболее важными критериями при принятии управленческих решений выступают клиническая эффективность/результативность, безопасность, качество доказательств, тяжесть заболевания и влияние на расходы на здравоохранение (Tanios et al., 2013). В систематическом обзоре исследований, посвящённых оценке эффективности здравоохранения (Cromwell et al., 2015) было выявлено 72 уникальных критерия, которые используются для оценки управленческих решений в данной сфере. Отличительной чертой упомянутого обзора была ориентация на статьи, которые описывали не только саму процедуру оценки решений, но и содержали сведения об их практической реализации. Это позволяет говорить о том, что выявленные критерии действительно служат руководящими принципа-

ми для лиц, принимающих решения в сфере здравоохранения. Наиболее часто встречались следующие критерии: «экономическое воздействие и результаты/преимущества вмешательства», «общий контекст», «влияние заболевания (бремя)» и «приоритеты (справедливость)» (Cromwell et al., 2015).

К проблематике оценки эффективности управленческих решений в сфере здравоохранения, безусловно, относится изучение причин «провалов менеджмента». В работе Н.Г. Коршевер и С. Н. Помошников на основе данных опроса экспертов из числа организаторов здравоохранения был получен перечень основных причин невыполнения управленческих решений в медицинских организациях. Установлено, что основной вклад в невыполнение решений вносили непредвиденные явления, низкая исполнительская дисциплина и пороки самих управленческих решений. К числу ключевых пороков принимаемых и впоследствии невыполняемых решений эксперты отнесли (в порядке убывания значимости): игнорирование необходимых условий для выполнения задания, непродуманность задания с производственной, экономической, технологической точки зрения, задания не учитывали род деятельности исполнителей, их возможности и квалификацию, задания давались уже перегруженному исполнителю, неконкретные задания с непроверяемым результатом («принять меры», «усилить», «обратить внимание»), задания с «мобилизующими», нереалистичными сроками выполнения, которые впоследствии всё равно приходится переносить (Коршевер, Помошников, 2019). Приведённые примеры актуализируют разработку автоматизированных систем поддержки принятия решений в сфере здравоохранения, позволяющих снизить частоту возникновения управленческих ошибок.

В то же время, оценивая эффективность только лишь последних или ключевых управленческих решений, невозможно судить о том, в какой мере именно они внесли вклад в достижение поставленных перед отраслью задач. Функционирование здравоохранения обладает определённой инерционностью, поскольку осуществляется благодаря правилам, установленным в прошлом. Помимо этого, сложно выделить и избирательно оценить влияние уз-

конаправленных решений на работу всей отрасли в целом. Оценка качества управленческих решений в системе здравоохранения остаётся важным этапом исследования её функционирования. Выбор наиболее корректного метода для оценки качества управленческих решений является принципиально важным и при создании математических моделей системы регионального здравоохранения. Только при наличии процедуры такой оценки разрабатываемая модель может использоваться как полноценный инструмент поддержки управленческих решений.

Обоснование выбора критериев оценки эффективности для построения агент-ориентированной модели системы регионального здравоохранения

На основании проведённого анализа имеющихся методов и подходов можно выделить несколько общих правил отбора показателей для оценки эффективности регионального здравоохранения. В качестве показателей результата при оценке по методу «затраты — результативность» необходимо использовать такие показатели, которые: 1) характеризуют выполнение целевой функции системы здравоохранения — укрепление общественного здоровья; 2) не являются внутренними характеристиками самой системы регионального здравоохранения; 3) коррелируют с показателями, характеризующими ресурсное обеспечение и функционирование системы регионального здравоохранения.

Первым двум характеристикам в наибольшей степени соответствуют показатели смертности и летальности населения от заболеваний, ожидаемой продолжительности жизни, а также удовлетворённости населения медицинской помощью.

Смертность является традиционным показателем, опираясь на который можно судить о здоровье населения данной территории. Преимуществом показателя смертности, по сравнению с показателями заболеваемости, является надёжность статистического учёта летальных исходов и их причин, доступность статистических данных, однозначность трактовки уровня и динамики показателя. Главной проблемой при использовании показателей заболеваемости выступает сложность интерпретации: рост

показателя может быть обусловлен как улучшением выявляемости болезней среди населения, так и некачественной профилактикой (в том числе недостаточным охватом населения профилактическими мероприятиями).

Показатель удовлетворённости населения медицинской помощью отражает качество результатов обращения за медицинской помощью. Чем выше его уровень, тем в большей степени услуги, предоставляемые медицинскими организациями региона, по качеству и доступности соответствуют потребностям населения. Данный показатель также сравнительно легко интерпретировать. Однако существуют некоторые ограничения в его использовании, связанные с доступностью необходимых социологических данных. Для получения репрезентативных и сопоставимых результатов необходимы выборочные обследования населения по всем регионам страны по единой методике.

Показатель ожидаемой продолжительности жизни может использоваться при оценке эффективности здравоохранения региона с учётом некоторых ограничений. Во-первых, продолжительность жизни во многом определяется не только действием медицинских факторов, но и факторами образа жизни населения. В связи с этим динамика данного показателя лишь отчасти соотносится с ситуацией в системе здравоохранения.

Чтобы проверить, насколько соответствуют третьему обозначенному условию отбора показатели смертности и ожидаемой продолжительности жизни населения, проведён корреляционный анализ. Сопоставлены значения показателей смертности, летальности, продолжительности жизни населения с показателями, характеризующими ресурсы системы здравоохранения Вологодской области за период с 2018 по 2023 год. Выбор данного периода обусловлен наличием непрерывного ряда региональных статистических данных. Источник информации — данные ЕМИСС⁴.

Расчёт коэффициента корреляции Спирмена показал, что наиболее сильную положительную взаимосвязь демонстрируют показатели ОПЖ при рождении и доли больных с выявленными злокачественными новообразованиями на I—II стадии. Последний показатель при этом

⁴ ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/>

Таблица 2. Коэффициенты взаимной корреляции переменных

Показатель	1	2	3	4	5	6
Доля больных с выявленными злокачественными новообразованиями на I–II ст.	0,657	-0,371	-0,771	-0,200	-0,200	-0,029
Обеспеченность больничными койками на 10 тыс. чел. населения	0,086	-0,371	0,200	0,543	-0,543	-0,600
Обеспеченность населения врачами, работающими в государственных и муниципальных медицинских организациях (человек на 10 тыс. чел. населения)	0,030	-0,152	0,152	0,759	-0,273	-0,516
Обеспеченность населения средними медицинскими работниками, работающими в государственных и муниципальных медицинских организациях (человек на 10 тыс. чел. населения)	-0,086	-0,257	0,314	0,371	-0,486	-0,543
Израсходовано средств за отчетный период ТФОМС (тыс. рублей), в расчёте на 10000 человек	0,086	0,257	-0,314	-0,371	0,486	0,543
Обозначения: 1 – ОПЖ при рождении, лет; 2 – Смертность населения трудоспособного возраста на 100 тыс. чел. населения (человек, значение показателя за год); 3 – Смертность населения старше трудоспособного возраста (женщины, достигшие возраста 55 лет и старше, мужчины, достигшие возраста 60 лет и старше) на 100 тыс. чел. населения; 4 – Смертность от новообразований, в том числе от злокачественных, на 100 тыс. чел. населения (человек, значение показателя за год); 5 – Смертность от болезней системы кровообращения, на 100 тыс. чел. населения (человек, значение показателя за год); 6 – Одногодичная летальность больных со злокачественными новообразованиями (проценты). Источник: расчёты автора в программе SPSS Statistics.						

связан сильной отрицательной корреляцией с показателем смертности населения старше трудоспособного возраста, что говорит о значимости своевременной диагностики онкологических заболеваний для продления жизни в старшем возрасте. Смертность населения трудоспособного возраста не показала значимой корреляционной взаимосвязи ни с одним из показателей ресурсной обеспеченности регионального здравоохранения (табл. 2).

Обсуждение

Проблема выбора результирующих показателей при оценке эффективности здравоохранения широко обсуждается в исследованиях российских и зарубежных авторов. Можно выделить две противоположные точки зрения на её решение. Первая предполагает обращение к анализу эффективности отрасли здравоохранения через сопоставление промежуточных результатов её работы с показателями затрат. В этом случае в число таких промежуточных итогов, как правило, включают показатели, характеризующие непосредственно функционирование медицинских учреждений и процесс оказания медицинской помощи населению: количество дней пребывания в стационаре, количество проведённых обследований, консультаций и т. п. Вторая точка зрения основана на том, что в качестве результирующих берутся показатели, непосредственно характеризующие здоровье населения. В зависимости от цели

проводимого исследования возможен выбор в пользу любого из подходов при учёте сопряжённых с этим методических ограничений.

Распространённым методом выбора показателей для оценки эффективности здравоохранения (как факторов, так и результатов) является экспертный опрос. Так, в исследовании М. Dlouhý и Р. Havlík на основе опроса экспертов в качестве наиболее значимых факторов эффективности здравоохранения стран ОЭСР были выбраны расходы на здравоохранение в процентах от ВВП, количество врачей и количество медсестёр на 1000 чел. населения, количество больничных коек на 1000 чел. населения, а в качестве наиболее значимых результирующих показателей – ОПЖ при рождении, ОПЗЖ и коэффициент младенческой смертности. Эти критерии использовались авторами указанной работы при выполнении сравнительного анализа эффективности систем здравоохранения 27 стран ОЭСР и России методами анализа границ эффективности (DEA) и многокритериального анализа решений (MCDA) (Dlouhý, Havlík, 2024).

Смертность населения зачастую используется в качестве результирующего показателя при оценке (в том числе сравнительной) эффективности региональных систем здравоохранения. В то же время в исследовании С.А. Бойцова и И.В. Самородской доказано, что нестандартизованные показатели смерт-

ности не могут служить критериями при оценке результатов мер, направленных на снижение смертности населения в регионах, также они не подходят для межрегиональных сопоставлений, составления рейтингов, поскольку на фактически регистрируемую смертность влияют различия в половозрастных структурах населения регионов и в показателях смертности в отдельных возрастных группах. В качестве альтернативы предлагается опираться на показатели смертности в отдельных возрастных группах населения (Бойцов, Самородская, 2014).

Учитывая опыт отечественных и зарубежных исследований, а также результаты проведённого корреляционного анализа, в качестве результирующих показателей функционирования регионального здравоохранения были выбраны такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении, смертность населения старше трудоспособного возраста, смертность населения от болезней системы кровообращения и одногодичная летальность больных со злокачественными новообразованиями. Такой широко используемый показатель, как младенческая смертность, не включён нами в итоговый перечень результирующих, в силу того что ранее была установлена его слабая корреляционная взаимосвязь с ресурсной обеспеченностью здравоохранения и, напротив, сильно выраженная — с ВВП региона (Нацун, 2023). Тем не менее, при решении оптимизационных задач, касающихся функционирования акушерской службы, в том числе с использованием имитационных моделей, коэффициент младенческой смертности необходимо учитывать при оценке эффективности здравоохранения.

Полученный итоговый набор показателей результативности на последующих этапах исследования будет использоваться для оценки эффективности системы регионального здравоохранения методом «затраты — результативность» с применением её агент-ориентированной модели. При выполнении вычислительных экспериментов в среде агент-ориентированного моделирования по типу оптимизационных задач в качестве цели будет задаваться минимизация уровней смертности населения или максимизация ожидаемой продолжительности жизни при рождении при заданном уровне фи-

нансирования отрасли. Для оценки эффективности региональной системы здравоохранения получаемые варианты решений будут сопоставляться не только по уровню целевых переменных, но и по величине других выходных параметров модели. В зависимости от дизайна оптимизационной задачи и с учётом приоритетов региональной политики в сфере управления здравоохранением в качестве дополнительных контролируемых параметров могут учитываться показатели удовлетворённости населения медицинской помощью, доступности медицинской помощи населению, показатели нагрузки на врачей, посещаемости медицинских организаций, обеспеченности медицинских организаций материально-техническими ресурсами. В качестве изменяемого параметра системы регионального здравоохранения также будут проанализированы различные варианты пространственного размещения медицинских организаций.

Предложенный подход позволит сравнивать итоги принимаемых управленческих решений и выбирать оптимальные сценарии (маршрутизация пациентов, оптимизация нагрузки на врачей, выбор схемы пространственного размещения объектов медицинской инфраструктуры, корректировка ресурсного обеспечения медицинских организаций).

Заключение

Проведённое исследование позволило обобщить существующие подходы к оценке эффективности системы здравоохранения. Показано, что наиболее релевантным при решении оптимизационных задач выступает метод «затраты — результативность», поскольку именно он позволяет установить непосредственное соотношение между затратами ресурсов отрасли и достигнутыми с их использованием результатами. На основе критического анализа данных отечественных и зарубежных исследований, а также выполненного корреляционного анализа предложен ряд результирующих показателей, которые могут использоваться при оценке эффективности регионального здравоохранения по методу «затраты — результативность». При отборе показателей преимущество отдавалось тем, которые непосредственно характеризуют здоровье населения, а соответственно, отражают выполнение целевой функции системы

здравоохранения. В итоговый перечень показателей включены ожидаемая продолжительность жизни при рождении, смертность населения старше трудоспособного возраста, смертность населения от болезней системы кровообращения и одногодичная летальность больных со злокачественными новообразованиями.

Поскольку в текущих социально-экономических условиях возрастает «цена» возможных ошибок управления в сфере здравоохранения, значимость качественного менеджмента в данной сфере выходит на первый план. Соответственно, всё более востребованными становятся автоматизированные системы поддержки управленческих решений, позволяющие оценить целесообразность различных сценариев воздействия на ресурсную обеспеченность регионального здравоохранения, а также на существующие внутри него функциональные взаимодействия.

В современных исследованиях эффективности здравоохранения широкое распространение получил метод DEA, который рассматривается как основа для создания системы поддержки управленческих решений. Одна-

ко существенным недостатком данного метода служит то, что он работает по типу «чёрного ящика», то есть не позволяет установить, как именно в системе происходит преобразование ресурсов в конечные результаты. Поскольку множественные взаимодействия между элементами в системе здравоохранения, а также между системой и внешней средой зачастую носят случайный характер, подходящим методом для её изучения служит имитационное моделирование. Перспективными с точки зрения выявления и детализации потенциальных направлений управленческих воздействий могут выступать системы поддержки управленческих решений, опирающиеся на агент-ориентированное моделирование.

Сформированный в данной работе перечень результирующих показателей для оценки эффективности регионального здравоохранения на последующих этапах исследования будет использован при решении оптимизационных задач средствами агент-ориентированного моделирования. Указанные обстоятельства определяют перспективы и практическую значимость проведённого исследования.

Литература

- Бойцов С.А., Самородская И.В. (2014). Сравнение показателей смертности в субъектах РФ: роль возрастной структуры населения // Менеджер здравоохранения. № 4. С. 13–19.
- Гришин В.В., Рагозин А.В., Ицелев А.А., Глазунова С.А. (2021). Финансирование Программы государственных гарантий бесплатной медицинской помощи: как решить проблему дефицита? // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 65. № 6. С. 514–521. DOI: <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2021-65-6-514-521>
- Дианов С.В., Калашников К.Н., Ригин В.А. (2021). Поиск путей оптимального пространственного размещения объектов инфраструктуры здравоохранения: обзор методического инструментария // Проблемы развития территории. Т. 25. № 2. С. 108–127. DOI: 10.15838/ptd.2021.2.112.7
- Ильин В.А., Колинко А.А., Дуганов М.Д. [и др.] (2006). Эффективность здравоохранения региона. Вологда: Вологодский научно-координационный центр Центрального экономико-математического института Российской академии наук. 189 с.
- Коршевер Н.Г., Помошников С.Н. (2019). Исследование управляемости медицинских организаций // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. № 27 (6). С. 1075–1079. DOI: 10.32687/0869-866X-2019-27-6-1075-1079
- Линденбратен А.Л., Гришина Н.К., Сердюковский С.М., Коломийченко М.Е., Лудупова Е.Ю. (2020). Основные принципы построения системы критериев и показателей для оценки качества и эффективности медицинской деятельности // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. № 2. С. 30–35. DOI: 10.25742/NRIPH.2020.02.004
- Морозова Т.В., Белая Р.В., Козырева Г.Б. (2022). Дифференциация потребительского поведения населения Карелии на рынке платных социально значимых услуг // Народонаселение. Т. 25. № 2. С. 52–65. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.5

- Нацун Л.Н. (2023). Оценка влияния медицинских, демографических и экономических факторов на динамику младенческой смертности в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 265–283. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.14
- Нерадовская Ю.В. (2022). Оценка эффективности функционирования региональных систем здравоохранения // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 1 (163). С. 125–132. DOI: 10.34773/EU.2022.1.24
- Нехорошев С.Н., Подиновский В.В., Потапов М.А. [и др.] (2008). Использование теории многокритериального выбора в системе поддержки принятия решений НЦУКС МЧС России // Технологии гражданской безопасности. Т. 5. № 1-2 (15-16). С. 128–130.
- Пепеляева А.В., Третьякова Е.А. (2018). Сочетание институционально-эволюционного и функционального подходов в оценке эффективности функционирования региональной системы здравоохранения // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». Т. 13. № 1. С. 58–74. DOI: 10.17072/1994-9960-2018-1-58-74
- Подиновская О.В., Подиновский В.В. (2014). Анализ иерархических многокритериальных задач принятия решений методами теории важности критериев // Проблемы управления. № 6. С. 2–8.
- Подиновский В.В. (2019). Идеи и методы теории важности критериев в многокритериальных задачах принятия решений. Москва: Наука. 103 с.
- Рапаков Г.Г., Баншиков Г.Т., Горбунов В.А., Харахнин К.А., Ревелев И.М. (2019). Применение компьютерного моделирования при оценке показателей эффективности регионального здравоохранения на основе методов статистического анализа данных // Вестник Череповецкого государственного университета. № 2. С. 56–68. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-2-89-5
- Соколов А.Ю., Щавелева М.В., Кульпанович О.А. (2018). Сущностные характеристики категории эффективности в здравоохранении // Здравоохранение. № 3. С. 5–9.
- Стародубов В.И., Сон И.М., Леонов С.А., Стерликов С.А. (2010). Оценка эффективности деятельности региональных систем здравоохранения // Менеджер здравоохранения. № 3. С. 15–25.
- Старых Н.П., Егорова А.В. (2020). Значение целевых показателей национального проекта «Здравоохранение» в оценке эффективности регионального здравоохранения // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 15. № 1. С. 143–161. DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-1-143-161
- Уйба В.В., Чернышев В.М., Пушкарев О.В., Стрельченко О.В., Клевасов А.И. (2012). Экономические методы управления в здравоохранении. Новосибирск: ООО «Альфа-Ресурс», 314 с.
- Черешнев В.А., Кривенко Н.В., Крылов В.Г. (2021). Комплексная оценка эффективности и устойчивости региональной системы здравоохранения // Экономика региона. Т. 17. Вып. 1. С. 31–43. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-3
- Швецов А.Н. [и др.] (2023). Сервис-ориентированный подход к проектированию агент-ориентированных моделей оптимального пространственного размещения объектов инфраструктуры здравоохранения // Вестник Череповецкого государственного университета. № 1 (112). С. 79–99. DOI: 10.23859/1994-0637-2023-1-112-6
- Aspland E., Gartner D., Harper P. (2019). Clinical pathway modelling: A literature review. *Health Systems*, 10(1), 1–23. Available at: <https://doi.org/10.1080/20476965.2019.1652547>
- Cromwell I., Peacock S.J., Mitton C. (2015). ‘Real-world’ health care priority setting using explicit decision criteria: A systematic review of the literature. *BMC Health Services Research*, 15, 164. Available at: <https://doi.org/10.1186/s12913-015-0814-3>
- Dlouhý M., Havlík P. (2024). Efficiency evaluation of 28 health systems by MCDA and DEA. *Health Economics Review*, 14, 59. Available at: <https://doi.org/10.1186/s13561-024-00538-y>
- England T., Harper P., Crosby T. [et al.] (2021). Modelling lung cancer diagnostic pathways using discrete event simulation. *Journal of Simulation*, 17(1), 94–104. Available at: <https://doi.org/10.1080/17477778.2021.1956866>
- González-de-Julián S., Vivas-Consuelo D., Barrachina-Martínez I. (2024). Modelling efficiency in primary healthcare using the DEA methodology: An empirical analysis in a healthcare district. *BMC Health Services Research*, 24, 982. Available at: <https://doi.org/10.1186/s12913-024-11420-2>
- Hollingsworth B. (2003). Non-Parametric and parametric applications measuring efficiency in health care. *Health Care Management Science*, 6, 203–218. Available at: <https://doi.org/10.1023/A:1026255523228>
- Hollingsworth B., Wildman J. (2003). The efficiency of health production: Re-estimating the WHO panel data using parametric and non-parametric approaches to provide additional information. *Health economics*, 12(6), 493–504. Available at: <https://doi.org/10.1002/hec.751>

- Joo Y. (2025). Comparative efficiency analysis of OECD health systems: FDH vs. machine learning approaches with efficiency analysis trees (EAT and RFEAT). *Cost Effectiveness and Resource Allocation*, 23, 4. Available at: <https://doi.org/10.1186/s12962-025-00607-x>
- Mbau R., Musiega A., Nyawira L. [et al.] (2023). Analysing the efficiency of health systems: A systematic review of the literature. *Applied Health Economics and Health Policy*, 21, 205–224. Available at: <https://doi.org/10.1007/s40258-022-00785-2>
- Şenel T., Cengiz M.A. (2016). A Bayesian approach for evaluation of determinants of health system efficiency using stochastic frontier analysis and beta regression. *Computational and Mathematical Methods in Medicine*, 2801081. Available at: <https://doi.org/10.1155/2016/2801081>
- Su W., Hou Y., Huang M. [et al.] (2023). Evaluating the efficiency of primary health care institutions in China: An improved three-stage data envelopment analysis approach. *BMC Health Services Research*, 23, 995. Available at: <https://doi.org/10.1186/s12913-023-09979-3>
- Tanios N., Wagner M., Tony M. [et al.] (2013). Which criteria are considered in healthcare decisions? Insights from an international survey of policy and clinical decision makers. *International Journal of Technology Assessment in Health Care*, 29(4), 456–465. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0266462313000573>
- Tracy M., Cerdá M., Keyes K.M. (2018). Agent-based modeling in public health: Current applications and future directions. *Annual Review of Public Health*, 39, 77–94. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurevpublhealth-040617-014317>
- Wagner T.H., Hoomans T., Salloum R.G. [et al.] (2025). Efficiency in health care: Connecting economic evaluations with implementation objectives. *Implementation Science Communications*, 6 (77). Available at: <https://doi.org/10.1186/s43058-025-00763-4>

Сведения об авторе

Лейла Натиговна Нацун — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Natsun L.N.

Substantiating the Choice of Regional Healthcare Effectiveness Indicators

Abstract. In the context of modern demographic trends related to population aging, as well as due to the ongoing pro-natalist policy, new challenges arise for healthcare, coupled with an increasing contradiction between the growing demand for medical services from the population and the limited available human, material and financial resources. Consequently, the choice of criteria for evaluating the effectiveness of healthcare becomes crucially important from the practical perspective. Russian and foreign researchers propose various approaches to the development of such criteria and to the way in which the assessment procedure itself is carried out. However, so far, there is no well-established list of criteria for evaluating healthcare effectiveness. The aim of this work is to substantiate the indicators for assessing the effectiveness of the regional healthcare system, applicable to solving optimization problems. The information base of the study includes Russian and foreign research on the topic in question, and statistical data characterizing the functioning of regional healthcare and the state of public health. We consider approaches to determining the effectiveness of healthcare at the levels of individual medical technology, medical organization, and the industry as a whole and reveal strengths and weaknesses of existing approaches to measuring healthcare effectiveness. Special attention is paid to the analysis of current approaches to assessing the effectiveness of management decisions in the healthcare sector. It is proved that the correlation of “input” and “output” is the most relevant method for solving optimization problems simulating variants of management decisions in the healthcare sector. Theoretical novelty of our research lies in substantiating a number of indicators for assessing the effectiveness of regional healthcare. Based on the analysis of

data from Russian and foreign studies, as well as taking into account the correlation analysis, we propose to consider life expectancy at birth, mortality of the population over the working age, mortality from diseases of the circulatory system and one-year mortality of patients with malignant neoplasms as the resulting indicators of the functioning of regional healthcare. In the future, these indicators will be used as target parameters for solving optimization problems in the field of regional healthcare using its agent-based model. The proposed approach to assessing the effectiveness of regional healthcare can serve as a theoretical basis for an automated management decision support system in this area, which determines the practical significance of the research findings.

Key words: regional healthcare, effectiveness criteria, public health, healthcare resources.

Information about the Author

Leila N. Natsun — Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Статья поступила 27.03.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.11

УДК 330.34, ББК 65.05

© Степанова Т.Д.

Интегративная модель социально-экономического развития человеческого потенциала: адаптация к вызовам современной России

**Тамара Дмитриевна
СТЕПАНОВА**

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

e-mail: tamm.st@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-6212-2132; ResearcherID: JRW-2458-2023

Аннотация. Актуальность исследования связана с необходимостью переосмысления подходов к развитию человеческого потенциала в России в условиях глобальных технологических трансформаций, геополитической нестабильности и санкционного давления. Несмотря на формально высокие показатели образования и научной активности, их реальный вклад в экономический рост остается ограниченным, что требует разработки комплексной модели развития человеческого потенциала. Цель исследования — обзор научных публикаций и разработка авторской модели социально-экономического развития человеческого потенциала России. Научная новизна заключается в разработке комплексной модели социально-экономического развития человеческого потенциала, интегрирующей современные технологические, экономические и социальные аспекты с учетом специфики российской институциональной среды. В отличие от работ других исследователей, которые также применяли системный подход, данное исследование предлагает адаптацию к условиям шестого технологического уклада, гибридную модель развития, сочетающую государственное регулирование ключевых отраслей с рыночными механизмами в инновационной сфере, а также общественный контроль над распределением ресурсов. Методология основана на политэкономическом и институциональном подходах, что позволяет учитывать как макроэкономические процессы, так и специфику российской институциональной среды. В результате исследования выявлены следующие проблемы: технологическое отставание, профессионально-квалификационный дисбаланс, низкое качество образования, недостаточное финансирование науки, высокое социальное и региональное неравенство.

Для цитирования: Степанова Т.Д. (2025). Интегративная модель социально-экономического развития человеческого потенциала: адаптация к вызовам современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 199–213. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.11

For citation: Stepanova T.D. (2025). Integrative model of socio-economic development of human potential: Adaptation to the challenges of modern Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 199–213. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.11

На основе выявленных проблем и угроз разработана модель развития человеческого потенциала, включающая социальную и институциональную сферы, а также образование, здравоохранение, рынок труда. Ограничения исследования связаны с необходимостью дальнейшей разработки конкретных механизмов реализации предложенной модели, в том числе системы индикаторов и мер экономической политики. Перспективы исследований включают углубленный анализ региональных особенностей, а также адаптацию международного опыта к российским условиям. Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее выводов для формирования государственной политики в области образования, науки и социального развития.

Ключевые слова: человеческий потенциал, экономический рост, образование, наука и инновации, производительность труда, экономическая политика, технологический суверенитет, модель социально-экономического развития.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 23-18-00508.

Введение

Современные вызовы глобальной экономики, усугубленные технологическими трансформациями и геополитической нестабильностью, поставили перед Россией задачу кардинального пересмотра подходов к развитию человеческого потенциала как ключевого фактора национальной конкурентоспособности. Актуальность исследования обусловлена нарастающим противоречием между формальными показателями развития человеческого потенциала (такими как уровень образования или количество научных публикаций) и их реальным вкладом в экономический рост. В условиях, когда традиционная сырьевая модель исчерпала свои возможности, а санкционное давление усилило необходимость технологического суверенитета, формирование эффективной модели воспроизводства человеческого потенциала становится не просто академической задачей, но императивом национальной безопасности.

Анализ существующих исследований показывает, что в настоящее время требования к человеческому потенциалу трансформируются в связи с переходом к экономике знаний. Наблюдается усложнение структуры человеческого потенциала, изменение его качественных характеристик и формирование новых моделей его воспроизводства. При этом сохраняются системные проблемы: технологическая многоукладность экономики, профессионально-квалификационный дисбаланс, отток высококвалифицированных специалистов и ряд демографических вызовов (Соболева, 2022).

Особую актуальность приобретает проблема формирования эффективной модели развития человеческого потенциала в условиях современных внешних вызовов, включая геополитические противоречия и санкционное давление. Существующая система образования требует трансформации, необходимо смещение акцента с узкопрофессиональной подготовки на развитие личности, обеспечение общедоступности и непрерывности образования, демократизацию управления и преодоление бюрократизации (Яковлева, 2022). То же самое отмечают и другие исследователи (Римашевская, Доброхлеб, 2017): российская система образования страдает от коммерциализации и бюрократизации, что снижает ее эффективность. Это согласуется с выводами Н.Г. Яковлевой о необходимости перехода к социально-ориентированной модели.

Цель исследования — обзор научных публикаций и разработка первоначальной авторской модели социально-экономического развития человеческого потенциала России, адаптированной к вызовам шестого технологического уклада и учитывающей институциональные ограничения и современные глобальные тренды. В отличие от существующих работ, фокусирующихся на отдельных аспектах: образовании, демографии или рынке труда, данное исследование предлагает системный подход, интегрирующий технологические, экономические и социальные факторы в единую теоретико-методологическую базу.

Представленная работа является первой из планируемых публикаций и фокусируется на теоретическом базисе (в последующих публикациях мы планируем разработать систему целевых индикаторов и конкретных мер экономической политики).

Научная новизна исследования заключается в разработке комплексной модели социально-экономического развития человеческого потенциала, которая объединяет в единую систему мер такие аспекты, как образование, здравоохранение, рынок труда, институты и социальная сфера. В отличие от работ Н.М. Римашевской и других исследователей, которые также применяли системный подход, данное исследование предлагает адаптацию к условиям шестого технологического уклада, включая цифровизацию и санкционные вызовы, что ранее не рассматривалось в контексте российской действительности, а также гибридную модель развития, сочетающую государственное регулирование ключевых отраслей (образование, здравоохранение) с рыночными механизмами в инновационной сфере и общественный контроль над распределением ресурсов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования данной модели для формирования государственной политики в области развития человеческого потенциала, разработки региональных программ развития, создания образовательных программ.

Степень разработанности избранной проблематики достаточно высокая, однако носит спорадический и узко специализированный характер: каждый автор, как правило, анализирует какую-то отдельную сторону человеческого потенциала, а комплексных исследований крайне мало. Причем речь идет и о ежегодных отчетах по человеческому развитию международного и российского уровня, так как они ограничены теми индикативными показателями, которые были выбраны в качестве отражения состояния человеческого потенциала и отдалены от специфических для России системных факторов, прямо или косвенно замедляющих или сдерживающих развитие. В научной литературе можно выделить несколько ключевых направлений.

1. Человеческий потенциал как драйвер технологического и экономического развития. Группа исследователей, включая С. Глазьева (Глазьев, 2020; Глазьев, 2022), Н. Римашевскую и В. Доброхлеб (Римашевская, Доброхлеб, 2017), а также Н. Яковлеву (Яковлева, 2022), рассматривает человеческий потенциал как центральный элемент национальной экономики, особенно в условиях перехода к шестому технологическому укладу. Их работы акцентируют необходимость перехода к модели непрерывного образования (lifelong learning), развитию креативных компетенций и интеграции системы оценки «человеческого капитала»¹ в стратегическое планирование.

¹ Автор умышленно берет в кавычки понятие «человеческого капитала» в качестве превращенной формы и использует только в случаях отсылки к оригинальным исследованиям других авторов. В марксистской школе понятия «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» различаются по своей сущности, методологии и идеологической нагрузке.

1. Человеческий капитал — это буржуазная экономическая категория, разработанная в рамках неоклассической теории (Г. Беккер, Т. Шульц и т. д.). В данной концепции:

- человек рассматривается как фактор производства, чьи знания, навыки и здоровье увеличивают его рыночную стоимость;
- труд сводится к инвестициям (образование, медицина), которые должны приносить прибыль;
- концепция игнорирует эксплуатацию, отчуждая человека от его собственных способностей, превращая их в товар.

2. Человеческий потенциал — это марксистская и леворадикальная категория, акцентирующая всестороннее развитие личности вне логики капитала:

- акцент на свободное раскрытие способностей, а не на их рыночную полезность;
- человеческий потенциал реализуется через уничтожение отчуждения, сокращение рабочего дня и доступ к образованию, культуре и творчеству для всех.

Таким образом, человеческий капитал — это инструмент буржуазной идеологии, оправдывающий инвестиции в работника ради роста прибыли. Человеческий потенциал — марксистская альтернатива, требующая освобождения труда и развития человека вне товарно-денежных отношений.

Подробнее о доказательстве превратного характера термина «человеческий капитал» см. (Бузгалин, Колганов, 2024, с. 496–511).

Н.Г. Яковлева (Яковлева, 2022) углубляет анализ, прослеживая историческую трансформацию образовательной системы в зависимости от технологических укладов. Она критикует коммерциализацию образования, препятствующую развитию творческого потенциала, и предлагает переход от рыночно-ориентированной к социально-ориентированной модели. Однако в данных исследованиях отсутствуют конкретные механизмы реализации предлагаемых моделей в российских условиях.

2. Проблемы профессионально-квалификационного дисбаланса и практические решения. И.В. Соболева, Т.В. Чубарова анализируют структурные проблемы российского рынка труда: профессионально-квалификационный дисбаланс, низкий уровень переподготовки кадров и отставание цифровых компетенций (Соболева, 2022; Соболева, Чубарова, 2023). Кроме того, ситуация на рынке труда рассматривается в контексте текущих социально-экономических вызовов: низкой продолжительности жизни, гендерного дисбаланса в показателе смертности, сохранения сырьевой модели экономики, углубления социального неравенства и сокращения государственного финансирования социальной сферы. Авторы предлагают комплексную систему развития человеческого потенциала, включающую модернизацию непрерывного образования, ориентированного на запросы работодателей, увеличение финансирования программ переподготовки, поддержку социально уязвимых категорий работников.

Т. Тумаров дополняет этот анализ, отмечая негативное влияние оттока высококвалифицированных специалистов и предлагая меры по мониторингу рынка труда и корпоративному обучению (Тумаров, 2023).

3. Государственная политика и институциональные аспекты. Е. Слепцова и Т. Рындина приходят к тем же выводам, что и ранее упомянутые авторы, а также дают ряд целевых ориентиров для экономической политики: создание механизмов для повышения эффективности «человеческого капитала» (бюджетное финансирование, образовательные кредиты, гранты для одарённых детей, снижение ставок по кредитам и другие меры); информирование общества о мерах и результатах политики (Слепцова, Рындина, 2020). А.Н. Пружинин предлагает более точный стратегический подход, включая

создание экспертного сообщества при правительстве и усиление инвестиций в науку и образование, особенно в регионах Сибири и Дальнего Востока (Пружинин, 2020).

М.А. Акиндинова (Акиндинова, 2023) и К.А. Устинова, А.Н. Гордиевская (Устинова, Гордиевская, 2019) подчеркивают необходимость кооперации науки, бизнеса и государства для достижения технологического суверенитета. Эмпирически выясняется, что формализация трудовых отношений и наличие корпоративных систем повышения квалификации значительно повышают качество трудового потенциала: например, работники, занятые на государственных предприятиях или с бессрочными трудовыми договорами, демонстрируют более высокие показатели. Это дает ориентир для институционального и правового аспекта политики в отношении человеческого потенциала.

4. Региональные аспекты и неравномерность развития. Н.М. Римашевская и соавторы выявляют значительные межрегиональные различия в уровне человеческого потенциала, связывая их с доходной дифференциацией и состоянием социальной инфраструктуры (Римашевская и др., 2013; Римашевская, Доброхлеб, 2017). Т.В. Ускова и Л.В. Бабич предлагают индексный метод оценки эффективности использования «человеческого капитала» в регионах, отмечая низкую патентную активность и слабую интеграцию науки и производства (Ускова, Бабич, 2021).

5. Международный контекст. Зарубежные исследования математически подтверждают ключевую роль инвестиций в образование, цифровые навыки и здоровье населения для экономического роста (Kousar et al., 2023; Brodny, Tutak, 2024). Indrawati, Kuncoro подчеркивают важность интеграции формального и неформального обучения, а также сотрудничества между государством, бизнесом и образовательными учреждениями (Indrawati, Kuncoro, 2021), что может быть адаптировано для России.

Анализ научных наработок позволяет выделить несколько аспектов проблемы развития человеческого потенциала непосредственно для России: технологический (несоответствие компетенций требованиям цифровой экономики); демографический (старение населения, отток

квалифицированных кадров); институциональный (недостаток финансирования науки и образования); региональный (неравномерность развития).

В целом, большинство авторов сходятся во мнении о необходимости перехода от рыночно-ориентированной к социально-ориентированной модели развития человеческого потенциала, однако в исследованиях, посвященных России, наблюдается ряд существенных пробелов, требующих научной проработки.

Прежде всего отсутствует комплексная модель, которая бы интегрировала экономические, социальные и технологические факторы в единую систему в контексте современных тенденций. Большинство работ ограничивается анализом отдельных аспектов, не предлагая целостного подхода, учитывающего динамику взаимодействия между ростом человеческого потенциала и экономическим развитием, также не рассматривая различные сценарии развития.

Особенно слабо проработаны практические механизмы реализации предлагаемых мер. Хотя такие авторы, как И. Соболева и С. Глазьев, критикуют существующее положение, они не дают конкретных решений относительно ключевых проблем: как финансировать непрерывное образование в условиях бюджетных ограничений, какие стимулы создать для бизнеса по переподготовке кадров, как преодолеть институциональную инерцию и бюрократические барьеры. При этом практически не учитываются новые формы занятости и современные образовательные тренды — влияние гиг-экономики и фриланса на человеческий потенциал, роль цифровых платформ в замене традиционного образования, трансформация профессиональных навыков под воздействием искусственного интеллекта, прекаризация и новые формы эксплуатации.

Методы

В основе данной работы лежит политэкономический подход, который позволяет анализировать человеческий потенциал как ключевой фактор социально-экономического развития, учитывая его взаимосвязь с технологическими укладами, институциональной средой и глобальными экономическими процессами. Этот выбор обусловлен необходимостью комплексного рассмотрения проблемы, включая не только экономические, но и социальные,

демографические и технологические аспекты. Политэкономический взгляд акцентирует внимание на роли государства, неравномерном распределении ресурсов и социальной справедливости, что особенно актуально для России, где человеческий потенциал формируется в условиях многоукладной экономики и значительного регионального неравенства. В некоторых вопросах используется синтез политэкономического подхода и институционального анализа: такой выбор методологии обусловлен необходимостью учета специфики российской экономики, где формальные институты (законы, государственные программы) часто вступают в противоречие с неформальными практиками (коррупция, теневые схемы трудоустройства и т. д.).

Особое внимание уделяется диалектике технологического развития и социальных изменений. В отличие от западных исследований, где «человеческий капитал» часто рассматривается как индивидуальный актив (именно поэтому термин «человеческий капитал» взят в кавычки и воспринимается автором исключительно как превратная (превращенная) форма сущности человеческого потенциала), в нашей работе подчеркивается его коллективный характер.

Теоретическая база включает научные статьи, посвященные различным аспектам человеческого «капитала» и потенциала в России. Основное внимание уделяется следующим направлениям: формированию человеческого потенциала в контексте технологических укладов, роли образования в развитии человеческого потенциала, профессионально-квалификационным дисбалансам, вызовам воспроизводства человеческого потенциала, социально-ориентированным моделям образования, качеству человеческого потенциала, современным тенденциям и государственной политике развития человеческого потенциала, парадигме базового дохода. Для анализа использованы статистические данные, приведенные в этих работах, а также дополнительные источники, такие как отчеты Федеральной службы государственной статистики, НИУ ВШЭ, Всемирного банка.

Выбор индикативных областей с целью разработки будущей модели пороговых значений для экономической политики (*табл. 1*) концептуально основан на интегративном подходе, объединяющем ключевые детерминанты чело-

Таблица 1. Показатели, послужившие базой для определения структуры модели

Блок	Показатель	Источник данных
Образование	<ul style="list-style-type: none"> Результаты PISA Доля ВВП на образование Доступ к высшему образованию 	Росстат, OECD, PISA
Здравоохранение	<ul style="list-style-type: none"> ОПЖ Смертность от предотвратимых причин Расходы на медицину 	WHO, Росстат, НИУ ВШЭ
Рынок труда	<ul style="list-style-type: none"> Уровень безработицы Производительность труда Доля неформальной занятости 	ILO, Росстат, НИУ ВШЭ
Социальная сфера	<ul style="list-style-type: none"> Уровень бедности Коэффициент Джини Социальные расходы 	World Bank, Росстат
Институты	<ul style="list-style-type: none"> Индекс верховенства закона Уровень коррупции Доверие к институтам 	WJP, ВЦИОМ, Transparency International
Источник: составлено автором.		

веческого потенциала: прямые факторы (образование, здоровье, занятость) измеряют текущее состояние человеческого капитала; контекстуальные факторы (социальная сфера, институты) формируют среду для его развития.

Теоретической основой служит Модель ООН (ИРЧП), но с расширением за счет институционального блока, а также существующих разработок отечественных и зарубежных авторов, приведенных в обзоре литературы.

Основой для выбора конкретных элементов модели стало эмпирическое исследование различных социально-экономических показателей России. Ниже указаны те, неудовлетворительное (по мнению автора) значение которых явилось причиной для выделения той или иной сферы развития человеческого потенциала.

Человеческий потенциал как основа рынка труда и технологического развития

Современная экономика России характеризуется многоукладностью, в ней одновременно сосуществуют элементы четвертого, пятого и шестого технологических укладов. При этом, формально провозглашая переход к шестому технологическому укладу, экономика сохраняет зависимость от сырьевой модели. По данным Росстата за 2023 год², доля высокотехнологичного экспорта в общем объеме составляет лишь 2,3%, тогда как в Южной Корее этот показатель

достигает 30%. При этом инвестиции в НИОКР не превышают 1,1% ВВП, что втрое ниже среднего показателя по странам ОЭСР. Также нужно отметить, что даже при высоком уровне образования эффективность использования «человеческого капитала» в России не превышает 50%, что свидетельствует о структурных проблемах в инклюзии знаний и навыков в реальный сектор экономики (Бабич, Ускова, 2021).

Кроме того, российский рынок труда сталкивается с проблемой профессионально-квалификационного дисбаланса. Более половины экономически активного населения работает не по специальности (более 70% работников в некоторых регионах России) (Леонидова, 2020), а среди работников старших возрастных групп показатель еще выше (Соболева, 2022). Это связано с низким уровнем оплаты труда, несовершенством системы переподготовки и отсутствием мотивации у работодателей инвестировать в развитие сотрудников. Например, в 2022 году только 40% работников, сменивших профессию, прошли соответствующую переподготовку (Соболева, 2022). При этом, как показано на данных Вологодской области, наличие корпоративных систем переподготовки и повышения квалификации повышает качество трудового потенциала в 2,28 раза (Устинова, Гордиевская, 2019). Такая ситуация приводит к обесцениванию «человеческого капитала» и снижению производительности труда, которая в России составляет менее 50% от уровня стран ОЭСР (Глазьев и др., 2020).

² Статистические данные о высокотехнологичном экспорте и инвестициях в НИОКР за 2023 год // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 02.05.2025).

Однако дисбалансы на рынке труда обусловлены не только вышеперечисленными факторами, дополнительные проблемы вносит перекос между объемом набора на специальности высшего образования и востребованностью данных специальностей в экономике. Например, перекос в сторону экономических и юридических специальностей приводит к дефициту инженерно-технических кадров (Яковлева, 2022).

Всё это создает институциональную ловушку: образовательная система продолжает готовить специалистов для устаревающих или не востребованных отраслей, а бизнес при этом не заинтересован в переподготовке кадров. По расчетам, основанным на данных HeadHunter, только 18% вакансий в высокотехнологичных секторах требуют действительно новых компетенций, например работы с искусственным интеллектом или большими данными. Остальные 82% фактически дублируют требования пятилетней давности.

«Человеческий капитал» инновационных организаций является ключевым фактором достижения технологического суверенитета. Несмотря на значительное финансирование инновационной деятельности в России, качественные изменения в этой сфере остаются ограниченными из-за сокращения научного сектора и недостаточной вовлеченности предпринимательского сектора в разработку инноваций (Акиндинова, 2023). Это усиливает аргументацию в пользу необходимости реформирования системы образования и науки для преодоления технологической зависимости.

Получается, что технологическое развитие тормозится сразу с нескольких сторон: незаинтересованность бизнеса в повышении квалификации и компетенций сотрудников для развития (отсутствие мотивации к инновационному развитию у бизнеса — предмет отдельного анализа); отсутствие участия государства в адаптации образовательной системы к современным целям экономического развития.

Образование, наука, доходы — триада человеческого потенциала

Российская система образования сталкивается с фундаментальным противоречием. С одной стороны, по формальным показателям (количество людей с высшим образованием составляет 42% населения) Россия выглядит

благополучно. С другой стороны, например, по данным международного исследования PISA (Programme for International Student Assessment — исследование 15-летних учащихся)³, уровень фактической грамотности и математической компетентности взрослого населения России ниже среднего по ОЭСР. Ситуация с цифровой грамотностью, согласно нашему анализу данных Росстата⁴ и исследований НИУ ВШЭ⁵, тоже не соответствует переходу к шестому укладу:

- только 37% россиян могут уверенно работать с офисными приложениями;
- лишь 12% имеют навыки программирования на базовом уровне;
- 43% испытывают трудности при использовании государственных цифровых сервисов.

При этом расходы на образование в России составляют 3,5% ВВП против 5–6% в развитых странах. Основными источниками финансирования инновационной деятельности в России являются бюджетные средства и собственные средства организаций, при этом система венчурного финансирования развита слабо (Акиндинова, 2023). Это создает порочный круг: низкое финансирование дополнительно усиливает формализацию образовательного процесса, а это порождает и усугубляет несоответствие компетенций выпускников требованиям рынка, что ведет за собой поддержание характерной для России на протяжении долгих лет низкой производительности труда, ограничивающей возможности для увеличения финансирования.

Тем не менее в последние годы все же наблюдаются некоторые положительные тенденции. Доля обучающихся на бюджетной основе студентов в 2022–2023 гг. выросла по сравнению с 2010–2011 гг., хотя и составляла чуть меньше половины от общего числа студентов⁶.

³ PISA 2018 results (Volume I): What students know and can do. OECD iLibrary. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/education/pisa-2018-results-volume-i_5f07c754-en (accessed: 02.05.2025).

⁴ Цифровая экономика: официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12787> (дата обращения 02.05.2025).

⁵ Цифровая грамотность населения России: результаты исследования / НИУ ВШЭ. Москва: НИУ ВШЭ. 2024.

⁶ Индикаторы цифровой экономики: 2023: статистический сборник / Министерство науки и высшего образования РФ. Москва: НИУ ВШЭ. 2023. 288 с.

При этом численность выпускников в 2023 году выросла на 0,4%, причем в основном за счет выпускников в области математических и естественных наук (на 5,6%) и здравоохранения и медицинских наук (на 5,4%).

В сфере аспирантуры после периода стагнации в 2022 году был достигнут темп роста численности обучающихся по сравнению с предыдущим годом, равный 22%⁷. Однако система дополнительного профессионального образования остается недостаточно развитой для обеспечения необходимого уровня переподготовки кадров.

При этом, если рассматривать вопрос воспроизводства рабочей силы изнутри домохозяйства, то здесь достаточно упомянуть все известные проблемы низкого медианного дохода и высокого неравенства. В 2020 году на 10% наиболее обеспеченных граждан приходилось 29,9% совокупных доходов населения, тогда как на 10% наименее обеспеченных лишь 2,1%⁸. По другим источникам⁹, в 2023 году 10% наиболее обеспеченных граждан обладали 50,8% национального дохода до уплаты налогов¹⁰. Более половины россиян имели ежемесячный доход ниже 27 тыс. рублей, при этом 5,9% получали менее 10 тыс. рублей, а 3,9% — менее 7 тыс. рублей. Средний доход на душу населения составлял около 14 тыс. рублей.

Третьим столпом человеческого потенциала, на наш взгляд, является наука. Мотивацию государства в этом вопросе можно описать через несколько показателей финансирования отрасли. Анализ выявил, что внутренние затраты на исследования и разработки в России стабильно остаются на уровне около 1% ВВП, тогда как в технологически развитых странах этот показатель составляет 3–3,5%¹¹.

⁷ Индикаторы цифровой экономики: 2023: статистический сборник / Министерство науки и высшего образования РФ. Москва: НИУ ВШЭ. 2023. 288 с.

⁸ Труд и занятость в России. 2023: статистический сборник / Росстат. Москва. 2023. 155 с.

⁹ World Inequality Database (WID) official website. World Inequality Lab. Available at: <https://wid.world/> (accessed: 05.02.2025).

¹⁰ Национальный доход до налогообложения представляет собой сумму всех потоков личного дохода до налогообложения, начисляемых владельцам факторов производства, труда и капитала до учета работы налоговой/трансфертной системы, но после учета работы пенсионной системы.

¹¹ Индикаторы цифровой экономики: 2023: статистический сборник / Министерство науки и высшего образования РФ. Москва: НИУ ВШЭ, 2023. 288 с.

При этом в России наблюдается тенденция к фактическому сокращению расходов на научные исследования с учетом инфляции.

Российская система образования и науки сталкивается с глубокими структурными проблемами, несмотря на отдельные позитивные изменения. Низкое финансирование, формализация обучения и слабая связь с реальными потребностями экономики приводят к дефициту квалифицированных кадров и снижению производительности труда. Усугубляет ситуацию высокое социальное неравенство, ограничивающее для части населения доступ к качественному образованию и профессиональному развитию. Без существенного увеличения инвестиций в образование, науку и сокращения разрыва в доходах сохранится отставание в развитии человеческого потенциала, что в долгосрочной перспективе будет сдерживать экономический рост и конкурентоспособность страны.

«Дополнительные» вызовы развития человеческого потенциала: демография, регионы

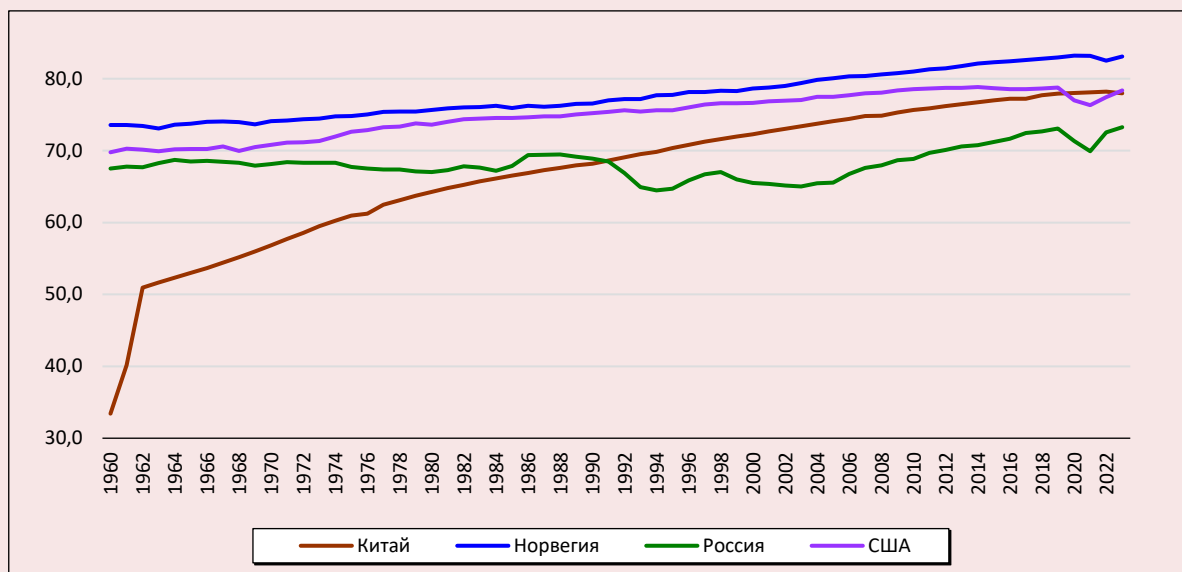
Серьезную обеспокоенность вызывает демографическая ситуация. По данным Росстата¹², ожидаемая продолжительность жизни в России составляет 73,3 года, что существенно ниже показателей развитых стран (рис. 1). При этом наблюдаются гендерный дисбаланс в смертности и высокая заболеваемость населения.

Помимо невысокой ожидаемой продолжительности жизни, доля населения в трудоспособном возрасте сокращается. Например, в 2022 году продолжительность жизни в некоторых регионах, таких как Псковская и Курганская области, не превышала 67 лет, что на 10 лет ниже среднего показателя по ОЭСР (Глазьев и др., 2022). Это подводит нас к еще одной из давних тяжелых российских особенностей — региональному неравенству.

Например, в Москве и Санкт-Петербурге коэффициент дифференциации доходов (коэффициент фондов) достигает 15,9 и 14,8 соответственно, тогда как в Мурманской области он составляет 9,4 (Глазьев и др., 2022). Уровень безработицы в депрессивных регионах, таких как Республика Ингушетия и Тыва, превышает

¹² Российский статистический ежегодник 2023: статистический сборник / Росстат. Москва, 2023. 787 с.

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении

Источник: World Bank. Life expectancy at birth, total (years) // World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN> (accessed: 02.05.2025).

ет 30%, а в Курганской области приближается к 20% (Глазьев и др., 2022). Такая ситуация приводит к перетоку квалифицированных кадров в центральные регионы, где мы наблюдаем дефицит, что еще больше усиливает дисбаланс.

И дело не только в рисках, касающихся рынка труда, но и в угрозах для человеческого потенциала в широком смысле слова. Мы выявили углубляющийся разрыв между регионами¹³:

- в 2010 году разница в ВРП на душу населения между самым богатым (Ямало-Ненецкий АО) и самым бедным (Республика Тыва) регионом составляла 12 раз, в 2023 году она достигла 18 раз;

- в 15 «донорских» регионах сосредоточено 73% высокотехнологичных рабочих мест, 68% инвестиций в НИОКР, 85% венчурного финансирования;

¹³ Регионы России. Социально-экономические показатели: ежегодник. Москва: Росстат, 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; Индикаторы инновационной деятельности: ежегодный сборник. Москва: НИУ ВШЭ, Росстат, 2024.; Мониторинг социально-экономического развития субъектов РФ. Москва: Минэкономразвития, 2023; Мониторинг трудоустройства выпускников вузов. Москва: НИУ ВШЭ, 2023.

- в остальных 70 регионах доля занятых в традиционных секторах превышает 80%, средний возраст оборудования — 22 года (против 8 лет в «донорах»), утечка молодых специалистов достигает 30% от выпуска вузов;

- в России наблюдается перемещение «человеческого капитала» из научного сектора в более прикладные сферы, такие как образование и предпринимательство, что усугубляет региональное неравенство (Акиндинова, 2023).

Добавим к приведенным тенденциям негативное влияние неустойчивых трудовых отношений (неоплачиваемые отпуска, задержки зарплаты и т. д.) на социальное самочувствие работников и качество трудовой жизни (Леонидова, 2020). Такие условия ограничивают возможности для профессионального роста и самореализации, особенно в депрессивных регионах. Причем формализация трудовых отношений (бессрочные и срочные договоры) увеличивает шансы работников на обладание «человеческим капиталом» выше среднего уровня в 1,36 раза на примере Вологодской области (Устинова, Гордиевская, 2019).

Таким образом, беглый точечный анализ показывает, что развитие человеческого потенциала в России сталкивается с системными

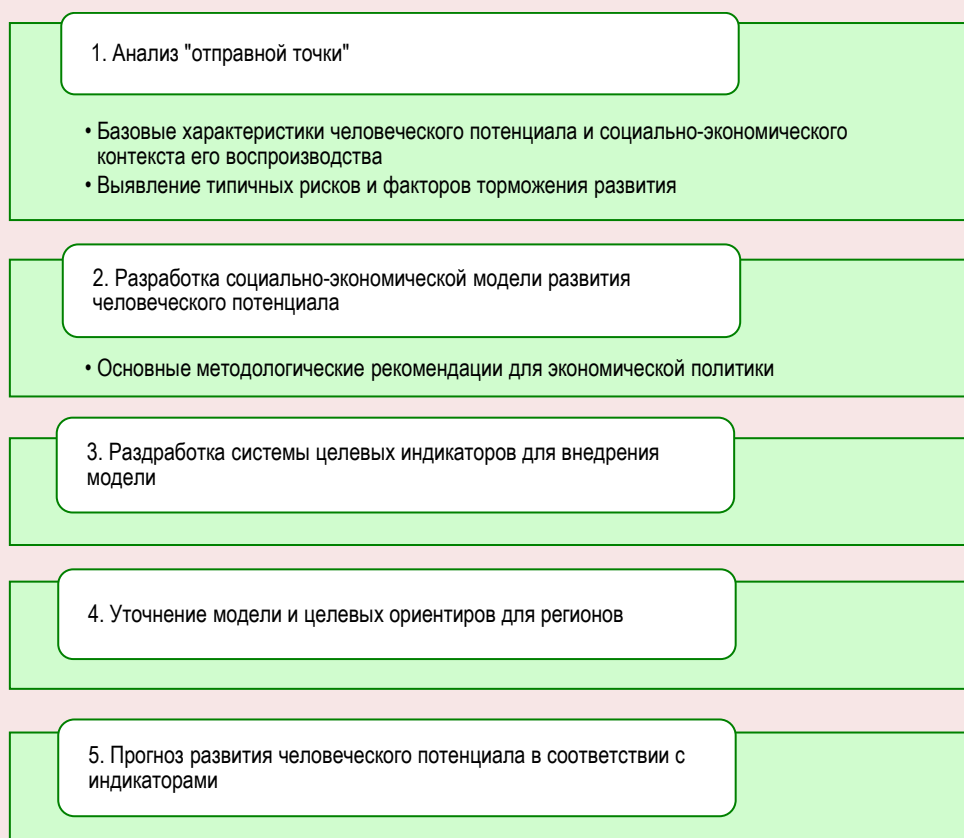
вызовами: технологическое отставание, дисбаланс на рынке труда, низкое качество образования, недостаточное финансирование науки, высокое социальное неравенство и углубляющаяся региональная дифференциация. Эти факторы взаимосвязаны и формируют ловушку низкой производительности и слабой инновационной активности, что ограничивает долгосрочный экономический рост. Далее в работе будет предложена социально-экономическая модель развития человеческого потенциала, направленная на преодоление этих проблем посредством комплекса мер в сфере образования, науки, рынка труда и региональной политики.

Социально-экономическая модель развития человеческого потенциала

Развитие человеческого потенциала в России должно базироваться на комплексном подходе, учитывающем как макроэкономиче-

ские, так и некоторые микроэкономические аспекты. В первую очередь необходимо создать систему макроэкономического управления, где главным звеном остается человек, а образование превращается в ключевую отрасль экономики и приобретает новое качество. Разработка такой системы видится нам в 5 этапах (рис. 2). Первый и второй являются предметом данной работы, третий и пятый — станут основной целью второй статьи в рамках данной тематики. Региональный аспект (четвертый этап) находится за пределами нашего анализа, однако будет периодически косвенно затронут. В этой и последующей статье будет достаточно базовой информации для продолжения нашего исследования коллегами из регионов. Перейдем непосредственно к основным требованиям к модели развития человеческого потенциала.

Рис. 2. План разработки социально-экономической модели системного развития человеческого потенциала

Источник: составлено автором.

Суммируя результаты ранее приведенного в работе анализа, можно выделить ключевые элементы развития человеческого потенциала (анализ ограничен социально-экономической областью) и классифицировать ключевые вызовы и угрозы в рамках этих элементов (табл. 2).

Таблица 2. Элементы системы развития человеческого потенциала с текущими характеристиками

Элемент	Значение на основе приведенных ранее данных	Текущие проблемы, вызовы и угрозы
Образование	Образование является базовым элементом модели, так как формирует когнитивные и профессиональные компетенции, необходимые для адаптации к шестому технологическому укладу. Его качество напрямую влияет на производительность труда и инновационную активность. Кризис образования, связанный с коммерциализацией и формализацией, требует перехода к социально-ориентированной модели (Яковлева, 2022; Глазьев, 2023)	<ul style="list-style-type: none"> • Качество образования: несмотря на формально высокий уровень образования (42% населения с высшим образованием), реальные навыки ниже среднего по ОЭСР • Цифровая грамотность: только 12% россиян имеют базовые навыки программирования, 43% испытывают трудности с цифровыми сервисами • Несоответствие рынку труда: перекося в подготовке юристов и экономистов при дефиците инженерно-технических кадров • Недофинансирование: расходы на образование – 3,5% ВВП против 5–6% в развитых странах • Коммерциализация и бюрократизация: снижение доступности и эффективности из-за формализации процессов
Здравоохранение	Здоровье населения – ключевой фактор устойчивости человеческого потенциала. Низкая продолжительность жизни и региональные диспропорции снижают экономическую отдачу от инвестиций в образование и науку	<ul style="list-style-type: none"> • Низкая продолжительность жизни: 73,3 года (в Псковской и Курганской областях – 67 лет), что на 10 лет ниже показателя ОЭСР • Гендерный дисбаланс в смертности • Региональное неравенство • Недостаток финансирования
Рынок труда	Профессионально-квалификационный дисбаланс и низкая мобильность кадров снижают эффективность использования человеческого потенциала. Необходима система мониторинга компетенций и налоговые льготы для работодателей, инвестирующих в переподготовку (Соболева, 2022)	<ul style="list-style-type: none"> • Низкая производительность: 50% от уровня стран ОЭСР • Профессионально-квалификационный дисбаланс: 70% работников в некоторых регионах трудятся не по специальности • Отсутствие переподготовки: только 40% сменивших профессию проходят обучение • Утечка умов • Несоответствие цифровой экономике: 82% вакансий в высокотехнологичных секторах требуют устаревших компетенций
Социальная сфера	Высокое неравенство ограничивает доступ к образованию и здравоохранению. Прогрессивное налогообложение и программы поддержки уязвимых групп способны сократить разрыв и повысить социальную стабильность (Римашевская, 2017)	<ul style="list-style-type: none"> • Высокое неравенство: 10% населения владеет 50,8% национального дохода • Бедность: 50% россиян имеют доход ниже 27 тыс. руб./мес., 5,9% — ниже 10 тыс. руб • Региональный разрыв: разница в ВРП на душу населения между богатыми и бедными регионами выросла с 12 до 18 раз (2010–2023) • Снижение доверия к институтам • Культурный разрыв: недостаточный учет культурно-нравственных ценностей в политике
Институциональная среда	Коррупция и слабая интеграция науки с бизнесом тормозят инновации. Цифровизация госуправления и создание технологических кластеров могут стать решением (Акиндинова, 2023)	<ul style="list-style-type: none"> • Слабая интеграция науки и бизнеса: низкая патентная активность, низкое финансирование науки бизнесом • Недостаток гос. финансирования науки: 1% ВВП против 3–3,5% в развитых странах • Неэффективные госпрограммы: заимствование западных моделей без адаптации • Коррупция и теневая занятость: противоречие между формальными и неформальными • Региональная политика: отсутствие механизмов выравнивания диспропорций

Источник: составлено автором.

Предлагаемая модель включает пять взаимосвязанных элементов: образование, здравоохранение, рынок труда, социальная сфера и институциональная среда. Каждый из этих компонентов играет критическую роль в формировании человеческого капитала, а их комплексное развитие способно обеспечить долгосрочный прогресс российского общества. Образование служит основой для формирования квалифицированной рабочей силы и инновационного потенциала. Согласно исследованию Э. Ханушека и Л. Воссманна, повышение качества образования на одно стандартное отклонение коррелирует с увеличением долгосрочного роста ВВП на 2% ежегодно (Hanushek, Woessmann, 2020). Однако текущее состояние российского образования вызывает обеспокоенность, и в последнее время определился неоднозначный тренд, связанный с индексом человеческого развития: Россия остается в высшей группе стран, но после 2019 года произошло ухудшение, и страна еще не вернулась к прежнему максимуму¹⁴.

Здравоохранение непосредственно влияет на производительность труда и продолжительность жизни населения, а именно эти показатели относятся к слабым сторонам российской экономики. Кроме того, данные ВОЗ (2023 год) показывают, что увеличение ожидаемой продолжительности жизни коррелирует с ростом ВВП.

Рынок труда определяет возможности занятости и уровень доходов населения. Хотя официальная безработица в России находится на низком уровне (по различным оценкам, около 3,5%), около 18% работников заняты в неформальном секторе — 18,3% в 2023 году (Kiselev et al., 2024), что создает риски для их социальной защищенности. Производительность труда остается существенно ниже, чем в развитых странах (27,5 долл./час против 77 долл./час в США¹⁵), что указывает на необходимость модернизации профессионального образования и системы переподготовки кадров.

¹⁴ Human Development Index (HDI). Available at: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (accessed: 04.07.2025).

¹⁵ SDG indicator 8.2.1 — Annual growth rate of output per worker (GDP constant 2021 international \$ at PPP) (%). ILOSTAT. Available at: https://rplumber.ilo.org/dataexplorer/?lang=en&segment=indicator&id=SDG_0821_NOC_RT_A (accessed: 04.07.2025).

Социальная сфера играет ключевую роль в снижении неравенства и поддержании качества жизни. Коэффициент Джини в России (0,408 в 2024 г.¹⁶) свидетельствует о сохраняющемся высоком уровне социального расслоения. При этом социальные расходы (13,5% ВВП) заметно уступают показателям ЕС (20%+)¹⁷.

Институциональная среда формирует условия для экономической активности и общественного развития. По данным Всемирного проекта правосудия за 2024 год¹⁸, Россия занимает лишь 113-е место из 142 стран по индексу верховенства закона, а в рейтинге восприятия коррупции находится на 137-й позиции¹⁹. Уровень доверия государственным институтам, согласно опросам ВЦИОМ (2025 г.)²⁰, не превышает 49%, что ниже среднеевропейских показателей (60%+).

Таким образом, предложенная модель охватывает все ключевые аспекты, определяющие качество человеческого потенциала в России. Ее реализация требует скоординированных мер по модернизации образования и здравоохранения, реформированию рынка труда, усилению социальной поддержки и улучшению институциональных условий. Успешное решение этих задач позволит обеспечить устойчивое развитие человеческого потенциала как основы для долгосрочного экономического прогресса страны.

Перспективой проведенного теоретико-методологического анализа является разработка индикативных показателей для каждой из выделенных сфер модели развития. Основной

¹⁶ Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в целом по России и по субъектам Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nb_Rd_1-2-5.xlsx (дата обращения 04.07.2025).

¹⁷ World Development Indicators. World Bank. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 04.07.2025).

¹⁸ WJP Rule of Law Index. World Justice Project. Available at: <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/global/2024/Russian%20Federation/> (accessed: 04.07.2025).

¹⁹ Corruption Perceptions Index. Transparency International. Available at: <https://www.transparency.org/en/cpi/2024> (accessed: 04.07.2025).

²⁰ Деятельность государственных институтов // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/page> (дата обращения 04.07.2025).

принцип, на котором будут дальше развиваться методологический и прикладной этапы модели, заключается в гибридности следующих составляющих:

1) государственное регулирование ключевых отраслей (образование, здравоохранение, фундаментальная наука) с учетом позитивного исторического опыта российской экономики в XX веке, а также современного опыта скандинавских экономик;

2) рыночные механизмы в сфере инноваций и прикладных разработок (при директивном государственном управлении направлениями этих разработок и государственном содействии);

3) общественный контроль над распределением ресурсов.

Заключение

Проведенное исследование представляет собой разносторонний анализ ключевых проблем развития человеческого потенциала в России и предлагает социально-экономическую модель для их преодоления. В условиях глобальных технологических трансформаций, геополитической нестабильности и исчерпания традиционной сырьевой модели экономики повышается актуальность подобных разработок. Исследование выделяет системные вызовы, включая технологическое отставание, профессионально-квалификационный дисбаланс, низкое качество образования, демографические риски и региональное неравенство, которые взаимосвязаны и формируют ловушку низкой производительности и инновационной активности.

Научная новизна исследования заключается в разработке гибридной модели, которая интегрирует экономические, социальные и техноло-

гические факторы в единую систему, адаптированную к условиям шестого технологического уклада. В отличие от существующих исследований, фокусирующихся на отдельных аспектах, данная модель предлагает целостный подход, сочетающий государственное регулирование ключевых отраслей (образование, здравоохранение) с рыночными механизмами в инновационной сфере и общественным контролем над распределением ресурсов. Это позволяет преодолеть фрагментарность предыдущих исследований и предложить в будущем практические механизмы реализации, учитывающие специфику российской экономики.

Практическая значимость результатов состоит в возможности использования разработанной модели для формирования государственной политики, региональных программ развития и образовательных инициатив. Модель может служить основой для разработки целевых индикаторов и конкретных мер, направленных на повышение качества человеческого потенциала, что является критически важным для обеспечения долгосрочного экономического роста и национальной безопасности.

В перспективе исследование будет сосредоточено на разработке системы индикаторов для детализации механизмов ее реализации, а также для оценки эффективности предложенной модели. Это позволит перейти от теоретического анализа к практическим рекомендациям, обеспечивающим устойчивое развитие человеческого потенциала в России. Таким образом, выполненная работа закладывает фундамент для дальнейших исследований и практических действий, направленных на преодоление системных вызовов и формирование конкурентоспособной экономики знаний.

Литература

- Акиндинова М.А. (2023). Роль человеческого капитала инновационных организаций в укреплении технологического суверенитета России // Социальные и экономические системы. № 3–2 (44). С. 238–266.
- Бобков В.Н. (2023). Парадигма базового дохода и ее влияние на возможности развития человеческого потенциала // Вестник Института социологии. Т. 14. № 4. С. 18–37. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2024). Глобальный капитал. Т. 2. 900 с.
- Глазьев С.Ю., Воронов А.С., Леонтьева Л.С., Орлова Л.Н., Сухарева М.А. (2020). О формировании человеческого капитала на разных этапах социально-экономического развития // Государственное управление. Электронный вестник. № 82. С. 140–170. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10096

- Глазьев С. Ю., Воронов А.С., Кудина М.В., Орлова Л.Н. (2022). Прогноз развития человеческого капитала в Российской Федерации в условиях изменений в мировой экономике // Государственное управление. Электронный вестник. №. 91. С. 24–44. DOI: 10.24412/2070-1381-2022-91-24-44
- Леонидова Г.В. (2020). Проблемы человеческого развития в социально-трудовой сфере российских регионов // Мир экономики и управления. Т. 20. № 3. С. 184–200. DOI: 10.25205/2542-0429-2020-20-3-184-200
- Пружинин А.Н. (2020). Особенности стратегического развития человеческого капитала // Социология. № 2. С. 306–313.
- Римашевская Н. М., Бочкарева В.К., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В., Токсанбаева М.А. (2013). Человеческий потенциал российских регионов // Народонаселение. №. 3 (61). С. 82–141.
- Римашевская Н. М., Доброхлеб В. Г. (2017). Непрерывное образование – основа устойчивого развития // Народонаселение. № 2 (76). С. 42–50.
- Слепцова Е.В., Рындина Т.И. (2020). Государственная политика развития человеческого капитала в России // Экономика и бизнес: теория и практика. №. 3–1. С. 180–183.
- Соболева И.В. (2022). Профессионально-квалификационный дисбаланс как вызов экономической и социальной безопасности // Экономическая безопасность. Т. 5. № 3. С. 989–1008. DOI: 10.18334/ecsec.5.3.114898
- Соболева И.В., Чубарова Т.В. (2023). Вызовы для воспроизводства человеческого потенциала: глобальные тренды и российская специфика // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 5. С. 40–58. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_40_58
- Степанова Т.Д. (2024). Тенденции экономического развития после 2022 года: промышленность, наука, человеческий потенциал // Российский экономический журнал. № 5. С. 32–45. DOI: 10.52210/0130-9757_2024_5_32
- Тумаров Т.Ф. (2023). Тенденции развития человеческого капитала, ресурсов и потенциала в России // Human Progress. Т. 9. Вып. 1. DOI: 10.34709/IM.191.15. URL: http://progress-human.com/images/2023/Tom9_1/Tumarov.pdf
- Ускова Т.В., Бабич Л.В. (2021). Использование человеческого капитала в контексте устойчивого развития региона // Регионоведение. Т. 29. № 4. С. 820–839. DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.820-839
- Устинова К.А., Гордиевская А.Н. (2019). Анализ влияния социально-демографических и институциональных факторов на человеческий капитал // Экономика труда. Т. 6. № 4. С. 1505–1522. DOI: 10.18334/et.6.4.41312
- Яковлева Н.Г. (2022). Образование: роль в формировании человеческого потенциала, технологической и социально-экономической модернизации России // Российский экономический журнал. № 4. С. 30–47. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-4-30-47
- Brodny J., Tutak M. (2024). A multi-criteria measurement and assessment of human capital development in EU-27 countries: A 10-year perspective. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 10(4), 100394. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joitmc.2024.100394>
- Hanushek E.A., Woessmann L. (2020). *The Economic Impacts of Learning Losses*. DOI: <https://dx.doi.org/10.1787/21908d74-en>
- Indrawati S.M., Kuncoro A. (2021). Improving competitiveness through vocational and higher education: Indonesia's vision for human capital development in 2019–2024. *Bulletin of Indonesian Economic Studies*, 57(1), 29–59.
- Kiselev S. et al. (2024). Employment in informal sector of Russia: Unemployment and Other Socio-Economic Factors. *Population and Economics*, 8(3), 197–219. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.8.e114046>
- Kousar S. et al. (2023). Is government spending in the education and health sector necessary for human capital development? *Humanities and Social Sciences Communications*, 10(1), 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01514-3>

Сведения об авторе

Тамара Дмитриевна Степанова — кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский»; e-mail: tamm.st@yandex.ru)

Stepanova T.D.

Integrative Model of Socio-Economic Development of Human Potential: Adaptation to the Challenges of Modern Russia

Abstract. The relevance of the research is related to the need to rethink approaches to human development in Russia in the context of global technological transformations, geopolitical instability and sanctions pressure. Despite the formally high rates of education and scientific activity, their real contribution to economic growth remains limited, which requires designing a comprehensive model of human development. The aim of the work is to review scientific publications and develop our own model of socio-economic development of Russia's human potential. Scientific novelty lies in the development of a comprehensive model of socio-economic development of human potential, integrating modern technological, economic and social aspects, taking into account Russian institutional environment specifics. Unlike the works of other researchers who also applied a systems approach, our study suggests adaptation to the conditions of the sixth technological paradigm, a hybrid development model combining government regulation of key industries with market mechanisms in the innovation sphere, as well as public control over the allocation of resources. The methodology is based on political economic and institutional approaches, which allows taking into account macroeconomic processes and the specifics of the Russian institutional environment. As a result, we reveal the following problems: technological lag, professional and qualification imbalance, poor quality of education, insufficient funding for science, high social and regional inequality. Based on the identified issues and threats, we design a human potential development model, including social and institutional spheres, as well as education, healthcare, and the labor market. The limitations of the study are related to the need for further elaboration on specific mechanisms for the implementation of the proposed model, including a system of indicators and economic policy measures. The research prospects include an in-depth analysis of regional specifics, as well as the adaptation of international experience to Russian conditions. Practical significance of the work lies in the possibility of using its findings to shape public policy in the field of education, science and social development.

Key words: human potential, economic growth, education, science and innovation, labor productivity, economic policy, technological sovereignty, socio-economic development model.

Information about the Author

Tamara D. Stepanova – Candidate of Sciences (Economics), Junior Researcher, Lomonosov Moscow State University (Shuvalovsky Academic Building, Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: tamm.st@yandex.ru)

Статья поступила 12.05.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.12

УДК 311:311.1, ББК У051.524.0

© Долбик-Воробей Т.А.

Волонтерство в России: тенденции, региональные различия и влияние социально-демографических факторов

Татьяна Александровна**ДОЛБИК-ВОРОБЕЙ**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

e-mail: tadolbikvorobey@fa.ru

ORCID: 0000-0002-5357-8549; ResearcherID: ANI-4749-2022

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования волонтерской деятельности в Российской Федерации в региональном аспекте за период 2022–2024 гг. по следующим показателям: уровень волонтерства, медианный возраст волонтеров, число женщин-волонтеров, приходящихся на 1000 мужчин-волонтеров, число сельских волонтеров, приходящихся на 1000 волонтеров-горожан, доли волонтеров в трудоспособном возрасте в общей численности волонтеров. В основе анализа лежат официальные данные Росстата – выборочного обследования рабочей силы волонтерской деятельности населения за 2022–2024 гг. Исследование показало, что медианный возраст россиян, занимающихся волонтерством, повышается. Женщин среди волонтеров, как правило, больше, чем мужчин. Растет соотношение сельских и городских волонтеров. Доля волонтеров в трудоспособном возрасте в общей численности волонтеров в целом по России достаточно стабильна и находится в пределах 73–74%. В ходе исследования дополнительно были рассчитаны показатели рынка рабочей силы: уровень участия в рабочей силе среди волонтеров, уровень занятости среди волонтеров, коэффициент безработицы среди волонтеров (или доля волонтеров, являющихся на данный момент безработными), соотношение числа волонтеров, являющихся безработными, и числа волонтеров, являющихся занятыми (в расчете на 1000 занятых волонтеров). Взаимосвязь между уровнем волонтерства и другими показателями определялась на основе использования парных (линейных) коэффициентов корреляции Пирсона и парных ранговых коэффициентов корреляции Спирмена. Кроме того, в ходе исследования был

Для цитирования: Долбик-Воробей Т.А. (2025). Волонтерство в России: тенденции, региональные различия и влияние социально-демографических факторов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 214–231. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.12

For citation: Dolbik-Vorobey T.A. (2025). Volunteerism in Russia: Trends, regional differences and the impact of socio-demographic factors. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 214–231. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.12

проведен статистический анализ по отдельным региональным квинтильным группам, образованным на основе значений уровня волонтерства в регионах. Статья будет интересна экономистам, социологам, политологам и другим лицам, интересующимися исследованиями волонтерской деятельности в России.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерское движение, уровень волонтерства, анализ волонтерской деятельности.

Введение

Волонтерская (или добровольческая) деятельность — вид социально-экономической деятельности населения, в результате которой на безвозмездной основе оказывается какого-либо рода услуга или помощь, направленная на поддержку нуждающимся физическим лицам, организациям или учреждениям, а также безвозмездная деятельность физических лиц или организаций по ликвидации последствий стихийных бедствий, катастроф и т. п. Волонтерская деятельность часто незаменима при организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам¹. Она может быть как регулярной, так и разовой, связанной с определенными родами событий. Примером разовой волонтерской деятельности является распространение какой-либо информации или символики при проведении общественных мероприятий (например, помощь добровольческих групп при проведении XXII Всемирной летней Универсиады 2013 года в Казани, Олимпийских игр в 2014 году в Сочи и др.). Часто волонтерские организации возникают стихийно, по мере появления какой-либо проблемы, требующей быстрого решения. В связи с этим можно отметить сбор гуманитарной помощи прихожанами в церковных соборах, в специально отведенных пунктах сбора и т. д. В дальнейшем волонтерская организация может разрастаться, укрепляться и превращаться в самостоятельное подразделение, направленное на поддержку населения уже на постоянной основе. Кроме того, волонтерская деятельность может иметь мониторинговый характер и даже носить «теневой» характер (так называемые «поисковики» различных направлений, занимающиеся нахождением и незаконным присвоением исторических артефактов, оружия, кладов и т. п.).

¹ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон от 11 августа 1995 № 135-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/104232>

Целью исследования выступает анализ волонтерской деятельности по регионам РФ за период 2022–2024 гг. В соответствии с целью были поставлены и решены следующие задачи:

- проанализировать характер волонтерской деятельности по регионам РФ с помощью таких описательных статистик, как средние, медианные значения, коэффициенты вариации по показателям уровня волонтерской деятельности, медианного возраста волонтеров, соотношений женщин и мужчин волонтеров, соотношений сельских и городских волонтеров;

- выявить зависимости между рассматриваемыми показателями и, при их наличии, составить регрессионные модели, описывающие эти зависимости;

- рассчитать и проанализировать показатели рынка труда применительно к группе населения, относящегося к волонтерам;

- дать анализ волонтерской деятельности по квинтильным группам российских регионов, ранжированным по показателю уровня волонтерства, выявить наличие корреляционных зависимостей показателей в рамках этих квинтильных групп;

- проверить гипотезу о зависимости уровня волонтерства по регионам от медианного возраста волонтеров, доли женщин и сельского населения, участвующих в волонтерской деятельности, уровня безработицы волонтеров или их занятости.

Научная и практическая значимость проведенного исследования определяется прежде всего отсутствием подобных работ в отечественной статистической и экономической практиках, поскольку тема волонтерства является достаточно новой для России и не имеет устойчивой методологии исследования. Между тем, анализ волонтерской деятельности весьма важен для формирования социально-экономической политики государства (как в целом для страны, так и в региональных аспектах).

Научная новизна работы определяется, помимо отсутствия статистических исследований в научной отечественной практике, также возможностью использовать полученные выводы в процессе формирования социально-экономической политики государственными региональными органами.

Литературный обзор

Проблеме становления и развития волонтерства в России и в зарубежных странах уделяют внимание главным образом социологи и психологи, в меньшей степени экономисты и статистики. Так, в статье американских ученых исследуется качество жизни волонтеров, как пожилых, так и находящихся в трудоспособном возрасте (Kim et al., 2025). Ученые из Великобритании отметили снижение в последнее время формальной активности волонтеров за счет перехода от коллективной к индивидуальной социальной активности (Nicols, 2024). Английские специалисты выявили положительное влияние волонтерства на социальную активность человека и его здоровье (Matthews, Nazroo, 2021). Оценка активности волонтеров с учетом возрастных и когортных тенденций приводится в совместной работе ученых-демографов из США, Тайваня (Peng et al., 2023). В 2017 году была опубликована совместная работа ученых из институтов Индии и Канады, в которой раскрывалась положительная связь между участием человека в волонтерской деятельности и его социально-психологическими особенностями: социальной ответственностью, ростом лидерских качеств, снижением уровня участия в коррупционной деятельности и др. (Desai et al., 2017). Оценке коммуникативной возможности совмещения основной работы с домашними обязанностями и волонтерской деятельностью посвящено исследование ученых из США (Cruz, Meisenbach, 2018). Китайскими учеными на основе анкетного опроса установлена тесная связь между желанием молодежи участвовать в волонтерской деятельности и предложениями добровольческих служб, зависящих от уровня бюрократизма в комитетах сообществ (Zhang et al., 2018).

Анализу развития личности, становления гражданской позиции подростков и молодежи в результате участия в волонтерской деятельности посвящена совместная работа ученых из Сербии и России (Толвайшис, Филиппова,

2020). О том, что закладываемые в детском возрасте культурные и социальные навыки влияют на будущую волонтерскую деятельность человека, писали К. Вальехо-Рубинштейн (Vallejo Rubinstein, 2020), К. Доусон (Dawson et al., 2019) и др.

Удовлетворенность волонтеров результатами своей деятельности исследовалась в работе М. Фисентзидис и соавторов (Fysentzidis et al., 2024), которые выявили факторы, влияющие на удовлетворенность волонтерской деятельностью респондентов, и отметили необходимость регулярного проведения такого рода всестороннего анализа. Влияние волонтерства на становление социального педагога рассматривали ученые из Казахстана (Azimbek, Slambe-kova, 2024). Положение дел на международном уровне в сфере добровольчества стабильно освещается в докладах ООН с 2011 года².

Отечественные ученые также занимаются данной проблемой. Этапы становления волонтерской деятельности в России в сравнении с зарубежными организациями рассмотрены в работах (Кудринская, 2006; Хворостьянова, 2017; Невский, 2020; Задорожная и др., 2021). Социально-культурный портрет российского волонтера с учетом конституционно-правовых основ описан С.В. Петровой и коллегами (Петрова и др., 2020), Р.Р. Шаяхметовой (Шаяхметова, 2022), А.М. Кушховой, А.А. Кубовой (Кушхова, Кубова, 2023). Способы совершенствования системы волонтерской деятельности в России освещены в статье В.В. Грушиной (Грушина, 2024). Проблема готовности и участия в волонтерской деятельности студенческой молодежи, как будущей интеллектуальной основы российского человеческого капитала, изучена А.С. Землянкой (Землянская, 2022), О.И. Ильиной и соавторами (Ильина и др., 2023). Исторический экскурс развития и становления добровольческой деятельности в России, а главное доказанный существующий потенциал и методы его реализации в современных условиях, представлены в трудах Н.И. Горловой (Горлова, 2019) и М.А. Бочанова (Бочанов, 2024).

² Доклад 2022 года о состоянии добровольчества в мире: создание равноправного общества для всех. Бонн. URL: <https://swvr2022.unv.org/> (дата обращения 31.07.2025).

Анализ волонтерства россиян на основе статистических методов впервые был проведен в 2020 году по данным за 2016–2019 гг. В результате исследована динамика численности волонтеров, их возрастно-половая структура, место проживания и виды выполняемой деятельности³. Невзирая на это, научных работ, использующих многомерные статистические методы анализа, практически нет. В основном ученые опираются на социологические обследования (выборочные обследования путем анкетирования, интервью и т. п.), что дает лишь общую картину волонтерства, с узких позиций определенных интересующих аспектов. Аналогичная ситуация наблюдается при использовании методов контент-анализа, а также результатов исследований, проводимых на основе нормативно-правовых данных (например, в основе отчета о состоянии добровольчества в мире лежат именно такого рода данные⁴). Таким образом, имеется определенный научный пробел, связанный с практическим отсутствием статистических исследований волонтерства в России.

Материалы и методы

Информационной базой явились данные выборочного обследования рабочей силы за 2022–2024 гг.⁵ (кроме данных по Донецкой и Луганской Народным Республикам, Запорожской и Херсонской областям), которые анализировались с помощью следующих статистических методов: описательные статистики (средние, медианные значения, коэффициенты вариации), корреляционный анализ (парные (линейные) коэффициенты корреляции Пирсона; парные ранговые коэффициенты корреляции Спирмена; регрессионный анализ — однофакторные и двухфакторные линейные модели регрессии; показатели динамических рядов — темпы роста и приростов, абсолютные приросты).

³ Развитие добровольческого движения в России: статистический анализ. Москва: Аналитический центр при Правительстве РФ, Информационно-аналитический материал, декабрь 2020. 12 с.

⁴ Отчет о состоянии добровольчества в мире. «Связующая нить. Добровольчество и устойчивость сообществ». 2018. URL: <https://knowledge.unv.org/node/1665> (дата обращения 31.07.2025).

⁵ Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>

С опорой на методологическую базу рынка труда, разработанные и рекомендованные к внедрению в статистическую практику 19-й Международной конференцией статистиков труда относительные показатели, характеризующие доли численности населения, недоиспользования рабочей силы и участия населения в трудовой деятельности волонтеров, были разработаны формулы для расчета основных показателей деятельности волонтеров:

— уровень участия населения в трудовой деятельности волонтеров ($K_{PC}^{вол}$, %):

$$K_{PC}^{вол} = \frac{PC_i^{вол}}{PC_i^{вол} + НРС_i^{вол}} 100, \quad (1)$$

где:

$PC_i^{вол}$ — численность рабочей силы волонтеров i -ой подсовокупности (с учетом пола, места проживания или возраста);

$НРС_i^{вол}$ — лица, не входящие в состав рабочей силы волонтеров i -ой подсовокупности (с учетом пола, места проживания или возраста);

— уровень занятости волонтеров ($K_3^{вол}$, %):

$$K_3^{вол} = \frac{З_i^{вол}}{PC_i^{вол} + НРС_i^{вол}} 100, \quad (2)$$

где:

$З_i^{вол}$ — численность занятого населения из совокупности волонтеров i -ой подсовокупности (с учетом пола, места проживания или возраста);

— уровень безработицы волонтеров (или доля безработных, занимающихся волонтерской деятельностью; $K_B^{вол}$, %):

$$K_B^{вол} = \frac{Б_i^{вол}}{PC_i^{вол}} 100, \quad (3)$$

где:

$Б_i^{вол}$ — численность безработного населения из совокупности волонтеров i -ой подсовокупности (с учетом пола, места проживания или возраста);

— коэффициент экономической нагрузки совокупности волонтеров ($K_{нагр}^{вол}$, ‰):

$$K_{нагр}^{вол} = \frac{Б_i^{вол}}{З_i^{вол}} 1000. \quad (4)$$

Анализ проводился с использованием пакетов прикладных программ Excel и STATISTICA.

Результаты исследования

Основным статистическим показателем, характеризующим волонтерскую деятельность населения, является уровень участия населения в трудовой деятельности волонтеров, или уровень волонтерства. На основе методологии МОТ под ним понимается доля населения, занятого волонтерской деятельностью, среди населения в возрасте 15 лет и старше.

При проведении первичного анализа совокупности российских регионов (85 субъектов) за период 2022–2024 гг. были получены следующие результаты. В 2022 году уровень волонтерства ($K_{\text{вол}}, \%$) в среднем по стране составил 2,64% со значительной вариацией показателя: от Чукотского автономного округа, где волонтерства не было совсем, до Республики Тыва со значением 13,5%. Высокий уровень волонтерства также наблюдался в Курганской области (11,5%)⁶. В следующие

два года (2023 и 2024) уровень волонтерства повысился соответственно на 0,78 и 1,25% (табл. 1). Если в 2022 году у 50% субъектов РФ уровень волонтерства не превышал 2,15%, то в 2023 году увеличился почти до 3%, а в 2024 году – до 3,3%.

Рассчитанные коэффициенты вариации по уровню волонтерства обнаружили высокую степень неоднородности российских регионов по данному показателю. В 2022 году коэффициент вариации составил 85%, что значительно выше порогового значения 33%, при котором совокупность признается неоднородной, в 2023 году – 75%, в 2024 году – 74%. Это означает, что при прогнозировании уровня волонтерства, а также при составлении управленческих рекомендаций по проведению волонтерской деятельности совокупность регионов нужно разбивать на однородные группы и рассматривать каждую группу в отдельности.

Таблица 1. Основные статистические характеристики показателей волонтерской деятельности в РФ за период 2022–2024 гг.

Показатель	Среднее значение	Медианное значение	Размах вариации	Коэффициент вариации, %
2022 год				
$K_{\text{вол}}, \%$	2,64	2,15	13,52	85,36
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	41,42	40,81	59,10	21,50
$\frac{Ж_{\text{вол}}}{M_{\text{вол}}}, \text{‰}$	2040	1883	5771	45,01
$\frac{С_{\text{вол}}}{Г_{\text{вол}}}, \text{‰}$	818	490	12858	179,41
$d_{\text{тв}}^{\text{вол}}, \%$	73,48	75,36	100,00	20,29
2023 год				
$K_{\text{вол}}, \%$	3,42	2,99	12,70	75,13
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	42,84	43,61	45,56	17,27
$\frac{Ж_{\text{вол}}}{M_{\text{вол}}}, \text{‰}$	1975	1815	5865	45,66
$\frac{С_{\text{вол}}}{Г_{\text{вол}}}, \text{‰}$	801	585	4255	101,01
$d_{\text{тв}}^{\text{вол}}, \%$	74,47	75,44	100,00	17,02
2024 год				
$K_{\text{вол}}, \%$	3,89	3,34	18,60	74,07
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	43,72	43,83	40,60	14,49
$\frac{Ж_{\text{вол}}}{M_{\text{вол}}}, \text{‰}$	2182	1930	11313	65,09
$\frac{С_{\text{вол}}}{Г_{\text{вол}}}, \text{‰}$	1057	467	23724	257,79
$d_{\text{тв}}^{\text{вол}}, \%$	74,25	74,84	64,10	13,62
Рассчитано по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265				

⁶ Для сравнения: за этот же период, например, в США уровень волонтерства составлял около 30%. URL: <https://www.statista.com/statistics/189295/percentage-of-population-volunteering-in-the-united-states-since-2003> (дата обращения 31.07.2025).

В процессе исследования были рассчитаны дополнительные показатели, характеризующие волонтерскую деятельность в регионах: медианный возраст волонтера ($Me_{вол}$, лет), число женщин-волонтеров, приходящихся на 1000 мужчин-волонтеров ($\frac{Ж_{вол}}{М_{вол}}$, ‰); число сельских волонтеров, приходящихся на 1000 волонтеров-горожан ($\frac{С_{вол}}{Г_{вол}}$, ‰) и доли волонтеров в трудоспособном возрасте в общей численности волонтеров ($d_{ТВ}^{вол}$, %, ‰; см. табл. 1).

Исследование показало, что медианный возраст россиян, занимающихся волонтерской деятельностью, увеличивается (в 2022 году он составил 42,8 года, в 2024 году — 43,7 года). Совокупность по этому признаку однородная за весь период с 2022 до 2024 года (коэффициент вариации в 2022 году равнялся 21,5% (что ниже 33%), затем в 2024 году снизился еще до 14,5%).

Среди волонтеров преобладают женщины. В 2022 году на 1000 мужчин приходилось 2040 женщин, в 2023 году их число незначительно снизилось до 1975 и в 2024 году снова возросло до 2182. В России есть регионы, где женщины составляют более 80% от числа всех волонтеров. Так, в 2022 году в Кировской области их доля равнялась 82,8%, в г. Севастополе — 84,7%, в Ивановской области — 85,2%. В 2023 году в г. Санкт-Петербурге — 85,1%, Кировской области — 85,4%, в 2024 году в г. Санкт-Петербурге — 84,7%, в Вологодской области — 84,4%, в Кировской области — 86,9%, в Калининградской области — 92,2%.

Проведенный расчет коэффициентов вариации показал, что совокупности российских регионов по гендерному признаку волонтеров неоднородны. Последнее также следует учитывать при регулировании волонтерского движения со стороны управленческих органов.

Рассчитанные соотношения числа сельских и городских волонтеров показывают преобладание последних в 2022–2023 гг. Но уже в 2024 году на 1000 городских волонтеров приходилось 1057 сельских (в целом по России). Однако есть регионы, где большинство населения проживает в сельской местности, и в них традиционно наблюдается преобладание волонтеров-сельчан над волонтерами-горожанами в течение всего рассматриваемого периода. К ним относятся Липецкая область (за три года показатель вырос с 2257 до 4178‰), Республика Алтай (соответственно с 3133 до 7038‰), а также Чеченская Республика, но значения показателей в ней колебались (2022 год — 3069‰, 2023 год — 1019‰, а 2024 год — 3855‰).

Коэффициенты вариации соотношения сельских и городских волонтеров выше 33%, т. е. по данному показателю совокупность российских регионов не является однородной.

Доля волонтеров, находящихся в трудоспособном возрасте, в общей численности волонтеров в целом по России достаточно стабильна и находится в пределах 73–74%. Коэффициенты вариации ниже 33%, что говорит об однородности совокупности российских регионов по указанному признаку. При этом с 2022 по 2024 год в Республике Ингушетии доля волонтеров в трудоспособном возрасте стабильно составляла 100%. В 2022 и 2023 гг. минимальное значение показателя составляло 0% (соответственно Чукотский автономный округ и Ивановская область), в 2024 году минимальное значение показателя наблюдалось в Кировской области (35,9%).

В таблице 2 приводится динамика медианных значений рассматриваемых показателей.

Таблица 2. Динамика медианных показателей волонтерской деятельности в РФ за 2022–2024 гг.

Показатель	Прирост (снижение), %		
	в 2023 г. по сравнению с 2022 г.	в 2024 г. по сравнению с 2023 г.	в 2024 г. по сравнению с 2022 г.
Уровень участия населения в трудовой деятельности волонтеров в течение 12 месяцев	39,1	11,7	55,3
Медианный возраст волонтеров	6,9	0,5	7,4
Число женщин-волонтеров, приходящихся на 1000 мужчин-волонтеров	-3,6	6,3	2,5
Число сельских волонтеров, приходящихся на 1000 волонтеров-горожан	19,4	-20,2	-4,7
Доля волонтеров в трудоспособном возрасте среди всех волонтеров	0,1	-0,8	-0,7
Рассчитано по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265			

Согласно расчетам, уровень участия населения в волонтерской деятельности с 2022 по 2024 год вырос на 55,3%, при этом наибольший прирост наблюдался в 2023 году по сравнению с 2022 годом — более чем на 39%. Медианный возраст волонтеров за период 2022–2024 гг. увеличился на 7,4%, наибольший прирост был в 2023 году — на 6,9%. Также в 2023 году наиболее интенсивно менялись соотношение женщин и мужчин, занятых волонтерской деятельностью (увеличилось на 6,3%), и соотношение сельских и городских волонтеров (показатель снизился более чем на 20%). Практически стабильной оставалась доля волонтеров в трудоспособном возрасте (изменения в пределах 1%).

Показатели рынка рабочей силы волонтерского движения в РФ

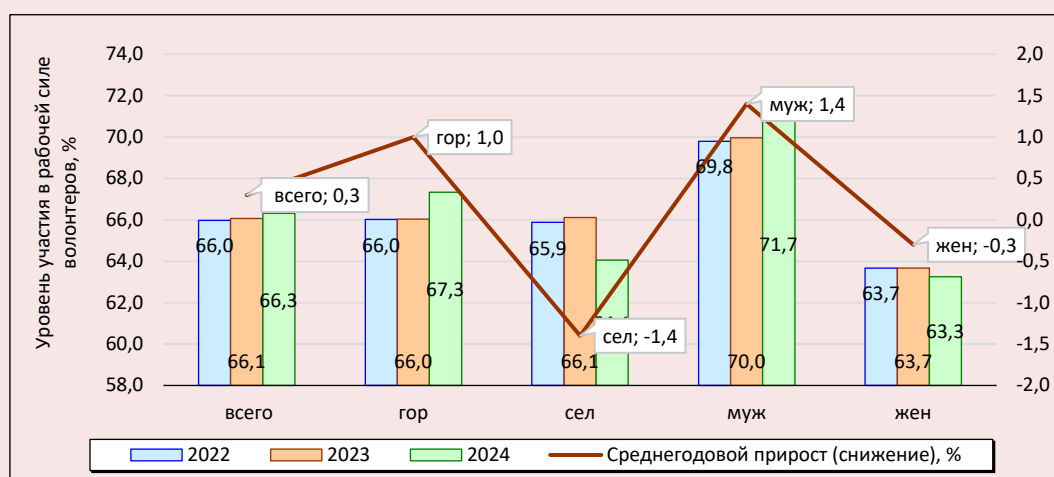
Для более углубленного анализа волонтерского движения дополнительно были рассчитаны основные показатели рынка рабочей силы: уровень участия в рабочей силе среди волонтеров, уровень занятости среди волонтеров, коэффициент безработицы среди волонтеров (или доля волонтеров, являющихся на данный момент безработными), соотношение числа волонтеров, являющихся безработными, и числа волонтеров, являющихся занятыми (в расчете на 1000 занятых волонтеров). В основе расчетов лежат первичные данные Росстата⁷ (см. формулы 1–4).

Таким образом, с 2022 по 2024 год прослеживается рост волонтерской деятельности по показателям уровня участия в рабочей силе среди мужского населения и городских жителей, в то время как среди сельских жителей и женского населения в среднем прослеживалось снижение уровня волонтерства. По рассчитанным показателям уровня занятости волонтеров в зависимости от пола и места жительства рост наблюдался среди городского населения и среди мужчин. Аналогичные показатели по волонтерам сельским жителям и женщинам показали отрицательную динамику, снижение составило соответственно 1,4 и 0,3% (рис. 1а, 1б).

Кроме того, наметилось активное снижение безработицы среди всех волонтеров в возрасте 15 лет и старше. При этом самые высокие темпы снижения наблюдаются среди горожан — ежегодно на 34% (рис. 1в). Схожая динамика и у показателя экономической нагрузки (рис. 1г).

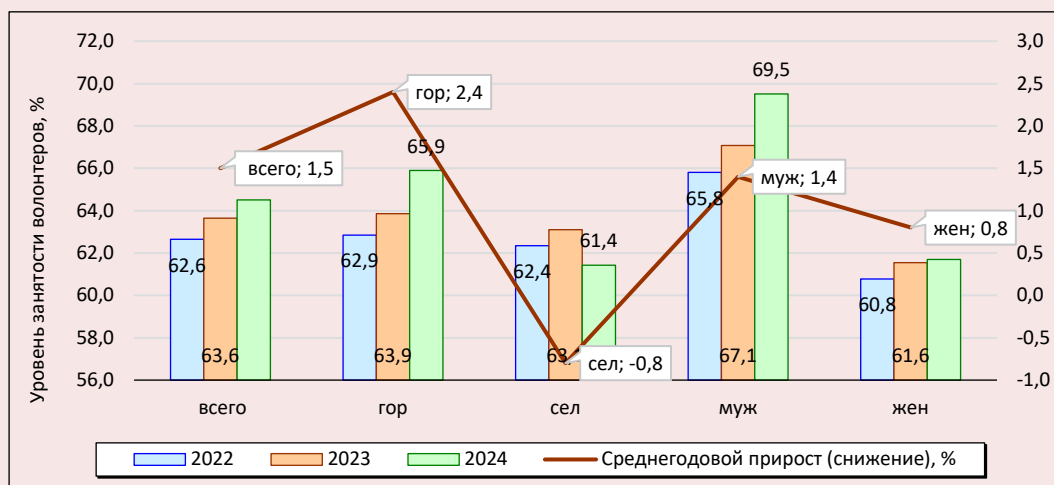
Анализ динамики уровня участия в составе рабочей силы, уровня занятости, уровня безработицы по всему населению в возрасте 15 лет и старше (с учетом места проживания и пола россиян) показал, что она аналогична представленным выше расчетам по волонтерам. Данный факт свидетельствует о схожести процессов, происходящих на рынке труда, как среди волонтеров, так и среди всего населения (рис. 1д).

Рис. 1. Динамика основных показателей рынка рабочей силы среди волонтеров в РФ за 2022–2024 гг.

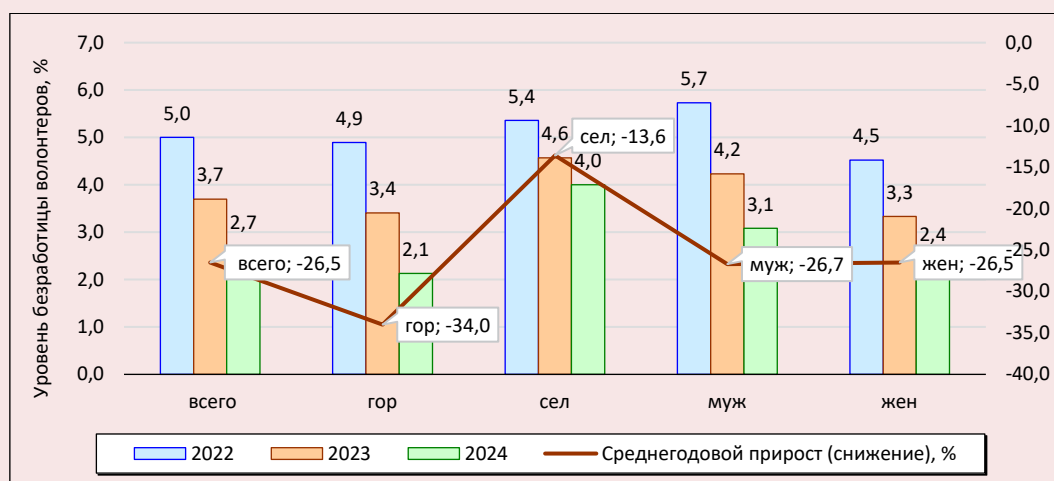

а) Состояние и динамика уровня участия в рабочей силе всего, по полу и месту проживания

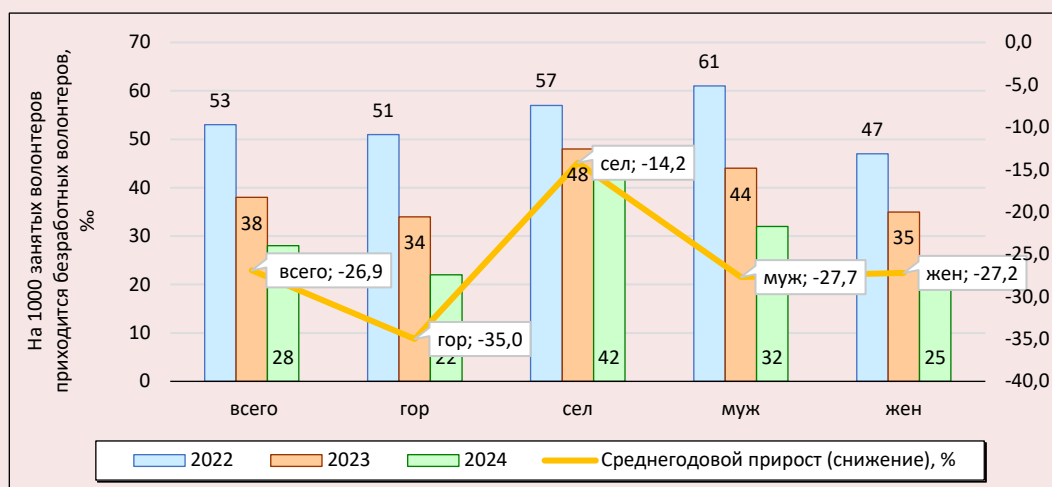
⁷ Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>

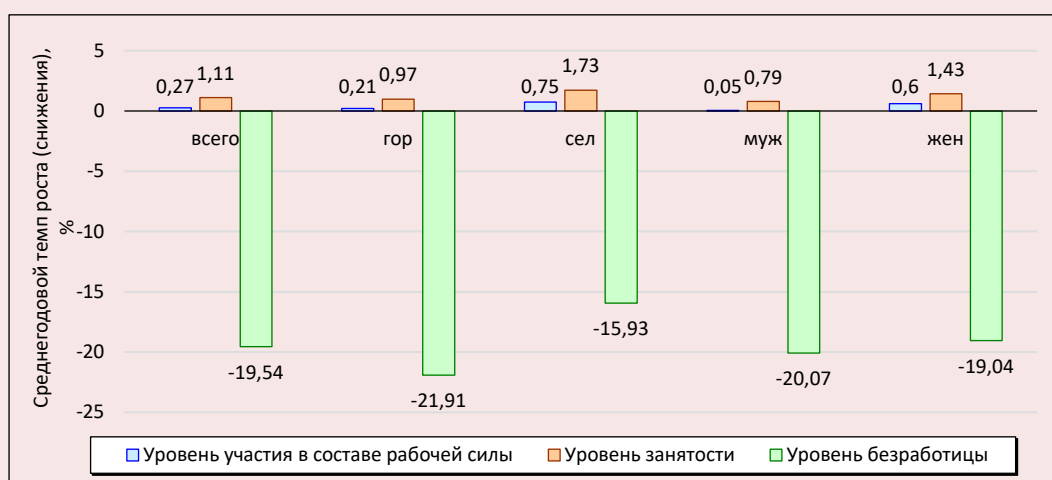
б) Состояние и динамика уровня занятости волонтеров всего, по полу и месту проживания

в) Состояние и динамика уровня безработицы волонтеров всего, по полу и месту проживания

г) Состояние и динамика нагрузки волонтеров всего, по полу и месту проживания

д) Динамика основных показателей рынка рабочей силы среди населения в возрасте 15 лет и старше в РФ за 2022–2024 гг.

Рассчитано по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>

Для выявления взаимосвязи между уровнем волонтерства и другими показателями (медианный возраст волонтеров, соотношение женщин и мужчин, занятых волонтерской деятельностью, соотношение сельских и городских волонтеров, доля волонтеров, находящихся в трудоспособном возрасте) были рассчитаны парные (линейные) коэффициенты корреляции Пирсона и парные ранговые коэффициенты корреляции Спирмена. Коэффициенты Пирсона показывают только степень линейной связи, поэтому в дополнение к ним определялись коэффициенты Спирмена, которые характеризуют степень как линейной, так и нелинейной связи, но в случае линейной связи менее чувствительны, чем коэффициенты Пирсона (табл. 3).

Применительно к 2022 и 2023 годам коэффициенты корреляции показали наличие линейной прямой связи (средней степени) между медианным возрастом и соотношением между женщинами-волонтерами и мужчинами-волонтерами, т. е. с увеличением медианного возраста волонтеров число женщин-волонтеров, приходящихся на 1000 мужчин-волонтеров, возрастает. Поскольку ранее рассмотренная динамика этих показателей с течением времени положительна, то следует ожидать общий рост по стране и во всех регионах численности женщин-волонтеров.

Обратная связь за весь период 2022–2024 гг. наблюдается между показателями медианного возраста волонтеров и долей волонтеров в трудоспособном возрасте: с увеличением возраста доля волонтеров в трудоспособном возрасте уменьшается (в 2022–2023 гг. — нелинейная, в 2023 году — линейная зависимость). Если выявленную пространственную зависимость применить к динамике, следует ожидать снижения доли волонтеров, находящихся в трудоспособном возрасте, поскольку с течением времени медианный возраст волонтеров увеличивается.

В 2023–2024 гг. нелинейная обратная связь средней степени обнаружена между показателями доли волонтеров в трудоспособном возрасте и соотношением сельских и городских жителей. Таким образом, увеличение доли сельских волонтеров в общей их численности приводит к снижению доли волонтеров, находящихся в трудоспособном возрасте.

В связи с тем что Россия в региональном разрезе по большинству социально-демографических показателей неоднородна, в ходе исследования был проведен статистический анализ по отдельным региональным группам. Для этого регионы РФ ранжировались по росту уровня волонтерства, а затем делились на квинтильные группы (по 20% от совокупности). Дальнейший анализ осуществлялся по группам (табл. 4).

Таблица 3. Коэффициенты корреляции Пирсона и Спирмена*

Переменная	$K_{\text{вол}}, \%$	$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	$\frac{С^{\text{вол}}}{Г^{\text{вол}}}, \text{‰}$	$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$
2022 год					
$K_{\text{вол}}, \%$	1,000	0,221	-0,184	0,178	0,105
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	0,328	1,000	0,428	0,040	-0,293
$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	-0,122	0,341	1,000	-0,267	-0,283
$\frac{С^{\text{вол}}}{Г^{\text{вол}}}, \text{‰}$	0,261	-0,029	-0,377	1,000	0,084
$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$	-0,038	-0,689	-0,305	0,114	1,000
2023 год					
$K_{\text{вол}}, \%$	1,000	0,020	-0,127	0,086	0,174
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	-0,022	1,000	0,511	0,049	-0,299
$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	-0,065	0,498	1,000	-0,297	-0,311
$\frac{С^{\text{вол}}}{Г^{\text{вол}}}, \text{‰}$	0,044	0,036	-0,302	1,000	0,165
$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$	0,071	-0,740	-0,512	0,119	1,000
2024 год					
$K_{\text{вол}}, \%$	1,000	0,034	-0,143	-0,026	0,045
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	-0,001	1,000	0,464	-0,032	-0,817
$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	-0,201	0,456	1,000	-0,138	-0,601
$\frac{С^{\text{вол}}}{Г^{\text{вол}}}, \text{‰}$	0,101	-0,104	-0,292	1,000	0,161
$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$	-0,017	-0,792	-0,615	0,167	1,000
* Значимые коэффициенты по t-критерию Стьюдента на уровне значимости 0,05 выделены красным цветом; над главной диагональю матрицы находятся парные (линейные) коэффициенты корреляции Пирсона, под диагональю – парные ранговые коэффициенты корреляции Спирмена Рассчитано по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265					

В первую квинтильную группу вошли 17 регионов (г. Санкт-Петербург, Республика Ингушетия, Астраханская, Ивановская, Пензенская области, республики Калмыкия, Крым, Башкортостан, Ульяновская область, Республика Мордовия, Смоленская область, Пермский край, Ханты-Мансийский АО, Чеченская Республика, Владимирская область, г. Севастополь и Волгоградская область), население которых практически не участвовало в волонтерской деятельности ($K_{\text{вол}}$ варьировал от 0,28 до 1,89%). Однако и в них, как показало исследование, с течением времени волонтерство становится все более популярным. Так, в 2024 году по сравнению с 2022 годом средний уровень волонтерства в группе увеличился более чем в 1,7 раза. Вместе с этим растет медианный возраст волонтеров. В половине из регионов группы он не превышал в 2022 году 36,4

года, в 2023 году – 43,9 года, в 2024 году – 44,2 года. Таким образом, волонтерское население по рассматриваемой первой квинтильной группе имеет тенденцию к старению. Также в этой группе регионов в два и более раза численность женщин-волонтеров превышает численность мужчин-волонтеров. При этом, если в 2022 году волонтерской деятельностью занималось больше горожан, то в 2023–2024 гг. по названному показателю преобладает сельское население. В первой квинтильной группе в 2022 году минимальное (нулевое) значение уровня волонтерства зафиксировано у Чукотского АО, максимальное – у Ульяновской области (0,96%), в 2023 году минимальное – у Ивановской области (0,00%), максимальное – у Орловской области (0,22%); в 2024 году, соответственно, в г. Санкт-Петербурге (0,28%) и Волгоградской области (1,89%).

Таблица 4. Динамика основных описательных статистик у показателей волонтерской деятельности в РФ в 2022–2024 гг.

Показатель	Характеристики описательных статистик								
	Среднее значение			Медианное значение			Коэффициент вариации, %		
	2022	2023	2024	2022	2023	2024	2022	2023	2024
Первая группа									
$K_{\text{вол}}, \%$	0,54	0,64	0,94	0,59	0,73	0,80	64,7	58,7	50,3
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	36,96	41,02	43,29	36,37	43,86	44,20	38,4	28,5	22,6
$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	2316	1959	2108	1983	1583	1669	61,9	68,8	52,6
$\frac{C^{\text{вол}}}{\Gamma^{\text{вол}}}, \text{‰}$	566	1041	2082	417	737	397	95,3	86,2	271,6
$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$	68,57	70,92	75,53	72,10	74,74	77,35	36,8	31,4	17,4
Вторая группа									
$K_{\text{вол}}, \%$	1,45	1,87	2,25	1,40	1,63	2,26	16,5	24,4	10,4
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	39,58	43,80	45,37	39,49	44,38	43,72	20,1	15,0	13,0
$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	2166	2194	2913	1871	2078	2066	45,6	49,7	88,7
$\frac{C^{\text{вол}}}{\Gamma^{\text{вол}}}, \text{‰}$	587	636	697	511	431	434	84,4	95,9	132,8
$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$	77,23	75,00	71,09	78,97	75,72	72,70	14,0	12,9	17,4
Третья группа									
$K_{\text{вол}}, \%$	2,15	2,95	3,31	2,15	2,99	3,34	9,4	8,3	11,8
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	42,21	42,67	42,44	40,70	42,01	42,42	9,8	10,1	8,2
$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	1863	2042	2104	1852	1867	2063	25,6	27,0	23,2
$\frac{C^{\text{вол}}}{\Gamma^{\text{вол}}}, \text{‰}$	611	545	379	363	405	305	122,3	99,3	81,5
$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$	76,73	76,40	74,58	77,80	75,50	74,35	10,1	10,7	6,0
Четвертая группа									
$K_{\text{вол}}, \%$	3,02	4,11	4,76	2,80	4,12	4,84	13,6	13,8	9,9
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	43,16	44,28	42,67	41,12	45,34	43,84	13,9	13,4	16,2
$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	1980	1904	1795	1910	1850	1850	27,6	29,4	37,0
$\frac{C^{\text{вол}}}{\Gamma^{\text{вол}}}, \text{‰}$	644	778	925	425	471	755	92,8	134,8	104,1
$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$	72,21	72,53	75,32	74,16	74,71	73,59	14,7	11,6	13,4
Пятая группа									
$K_{\text{вол}}, \%$	6,04	7,54	8,18	4,65	7,51	7,39	45,0	27,8	38,8
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	45,17	42,43	44,80	44,39	41,55	43,97	16,4	16,0	8,3
$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	1874	1778	1989	1572	1557	1614	44,8	41,5	55,7
$\frac{C^{\text{вол}}}{\Gamma^{\text{вол}}}, \text{‰}$	1681	1005	1200	748	665	489	177,1	80,9	152,2
$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$	72,64	77,50	74,74	75,36	76,94	76,48	18,8	12,0	11,4
Рассчитано по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265									

Состав второй, третьей и четвертой квинтильных групп каждый год менялся, в некоторых случаях существенно, поэтому интерпретация средних значений достаточно затруднена и можно говорить только о постоянных «членах»

групп. Например, постоянно во второй группе присутствовала Нижегородская область, значение уровня волонтерства в которой стабильно росло (с 1,19% в 2022 году до 2,26% в 2024 году). В третью группу в течение трех лет входил

ли Свердловская область (показатель стабильно увеличивался с 1,94 до 3,56%), Ростовская область (с 2,15 до 3,62%), Челябинская область (с 2,15 до 3,42%) и Республика Саха (с 2,22 до 3,51%). К четвертой квинтильной группе в течение всего периода с 2022 по 2024 год принадлежали Амурская область с уровнем волонтерства 2,78–4,01%, Республика Марий Эл (3,17–5,04%) и Самарская область (3,72–4,88%). У них прослеживается устойчивая тенденция к росту уровня волонтерства.

В пятую квинтильную группу вошли 17 российских регионов с самой высокой волонтерской активностью населения (Приморский край, Республика Коми, Брянская область, Карачаево-Черкесская Республика, Псковская область, Республика Бурятия, Вологодская область, Республика Хакасия, Алтайский край, Белгородская, Воронежская, Тверская области, Кабардино-Балкарская Республика, Костромская область, Камчатский край, Республика Алтай и Курганская область). Средний уровень волонтерства в этой группе составлял в 2022 году 6,04%, в 2023 году – 7,5% и в 2024 году достиг 8,2% (варьировал в 2024 году от 5,71% в Приморском крае до 18,88% в Курганской области). Средний возраст волонтеров за период 2022–2024 гг. находился в пределах 42–45 лет. В этой группе наблюдается существенное преобладание волонтеров-женщин над волонтерами-мужчинами: в 2022 году в 1,9 раза, в 2023 году в 1,8 раза и в 2024 году почти в 2 раза. При этом среднее число сельских волонтеров, приходящихся на 1000 городских, снизилось с 1681 до 1200 чел. с провалом до 1005 чел. в 2023 году. Средняя доля волонтеров в трудоспособном возрасте находилась в пределах 72–77%. С 2022 по 2024 год представители девяти из семнадцати регионов были стабильно активными волонтерами – Костромская, Псковская, Брянская, Тверская, Вологодская и Курганская области, республики Бурятия, Алтай и Кабардино-Балкарская Республика.

Для оценки взаимосвязей по каждой квинтильной группе по данным 2024 года были рассчитаны парные (линейные) коэффициенты корреляции Пирсона и ранговые коэффициенты корреляции Спирмена (табл. 5). Соглас-

но расчетам, в этих группах, как и по совокупности в целом, отсутствует связь между уровнем волонтерства и показателями возраста, пола и места проживания, кроме третьей группы, в которой наблюдается заметная обратная связь с соотношением полов волонтеров (коэффициенты Пирсона и Спирмена составили приблизительно -0,7).

В группах наблюдается наличие линейной связи между долей волонтеров в трудоспособном возрасте и медианным возрастом волонтеров (во всех группах связь линейная обратная тесная (по модулю выше 0,8), за исключением третьей группы со средней степенью связи). Также в некоторых группах выявлена обратная связь между долей волонтеров в трудоспособном возрасте и соотношением волонтеров женщин и мужчин: в первой группе – средняя степень линейной связи, во второй и четвертой – высокая степень линейной связи, в пятой группе – тесная нелинейная связь. В четвертой группе зафиксирована средняя степень линейной обратной связи между количеством женщин, приходящихся на 1000 мужчин, и соотношением сельского и городского населения, т. е. увеличение доли женщин в совокупности волонтеров происходит в основном в регионах с высокой долей городских волонтеров в общей численности городских и сельских волонтеров. Также наблюдается прямая связь средней степени медианного возраста волонтеров и соотношения женщин и мужчин (линейная во второй и четвертой группах и нелинейная в пятой группе). Таким образом, увеличение доли женщин среди волонтеров приводит к росту медианного возраста.

Регрессионный анализ позволил количественно описать взаимосвязь показателей. В таблице 6 приводятся значимые регрессионные модели зависимости доли волонтеров в трудоспособном возрасте от медианного возраста по первой, второй и пятой квинтильным группам (однофакторные модели), а также для четвертой группы модель зависимости доли волонтеров трудоспособного возраста от медианного возраста волонтеров и числа женщин-волонтеров, приходящихся на 1000 мужчин-волонтеров (двухфакторная модель).

Таблица 5. Коэффициенты корреляции Пирсона и Спирмена по данным за 2024 год*

Переменная	$K_{\text{вол}}, \%$	$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	$\frac{C^{\text{вол}}}{\Gamma^{\text{вол}}}, \text{‰}$	$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$
Первая группа					
$K_{\text{вол}}, \%$	1,000	0,215	-0,156	-0,119	-0,323
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	-0,039	1,000	0,460	-0,009	-0,806
$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	0,074	0,475	1,000	-0,177	-0,557
$\frac{C^{\text{вол}}}{\Gamma^{\text{вол}}}, \text{‰}$	-0,244	-0,273	-0,419	1,000	0,187
$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$	-0,115	-0,701	-0,728	0,408	1,000
Вторая группа					
$K_{\text{вол}}, \%$	1,000	-0,239	-0,120	-0,258	0,338
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	-0,142	1,000	0,761	-0,125	-0,923
$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	-0,108	0,529	1,000	-0,230	-0,767
$\frac{C^{\text{вол}}}{\Gamma^{\text{вол}}}, \text{‰}$	0,005	-0,044	-0,319	1,000	0,073
$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$	0,282	-0,713	-0,583	0,213	1,000
Третья группа					
$K_{\text{вол}}, \%$	1,000	-0,233	-0,674	-0,256	0,149
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	-0,292	1,000	0,141	-0,022	-0,485
$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	-0,679	0,174	1,000	0,238	-0,330
$\frac{C^{\text{вол}}}{\Gamma^{\text{вол}}}, \text{‰}$	-0,147	-0,005	0,147	1,000	-0,203
$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$	0,147	-0,500	-0,240	-0,238	1,000
Четвертая группа					
$K_{\text{вол}}, \%$	1,000	0,280	-0,030	0,150	-0,146
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	0,159	1,000	0,549	-0,038	-0,851
$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	-0,022	0,645	1,000	-0,487	-0,724
$\frac{C^{\text{вол}}}{\Gamma^{\text{вол}}}, \text{‰}$	-0,015	0,022	-0,267	1,000	0,258
$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$	-0,069	-0,919	-0,743	0,115	1,000
Пятая группа					
$K_{\text{вол}}, \%$	1,000	-0,104	-0,157	0,153	0,141
$Me_{\text{вол}}, \text{лет}$	-0,336	1,000	0,240	-0,238	-0,930
$\frac{Ж^{\text{вол}}}{M^{\text{вол}}}, \text{‰}$	-0,343	0,488	1,000	-0,289	-0,415
$\frac{C^{\text{вол}}}{\Gamma^{\text{вол}}}, \text{‰}$	0,145	-0,331	-0,265	1,000	0,256
$d_{\text{ТВ}}^{\text{вол}}, \%$	0,289	-0,919	-0,669	0,211	1,000
<p>*Над главными диагоналями корреляционных матриц находятся парные (линейные) коэффициенты корреляции Пирсона, под диагональю – парные ранговые коэффициенты корреляции Спирмена. Значимость коэффициентов корреляции проверялась по t-критерию Стьюдента на уровне значимости 0,05, значимые коэффициенты выделены красным цветом.</p> <p>Рассчитано по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265</p>					

Таблица 6. Результаты регрессионного анализа по квинтильным группам

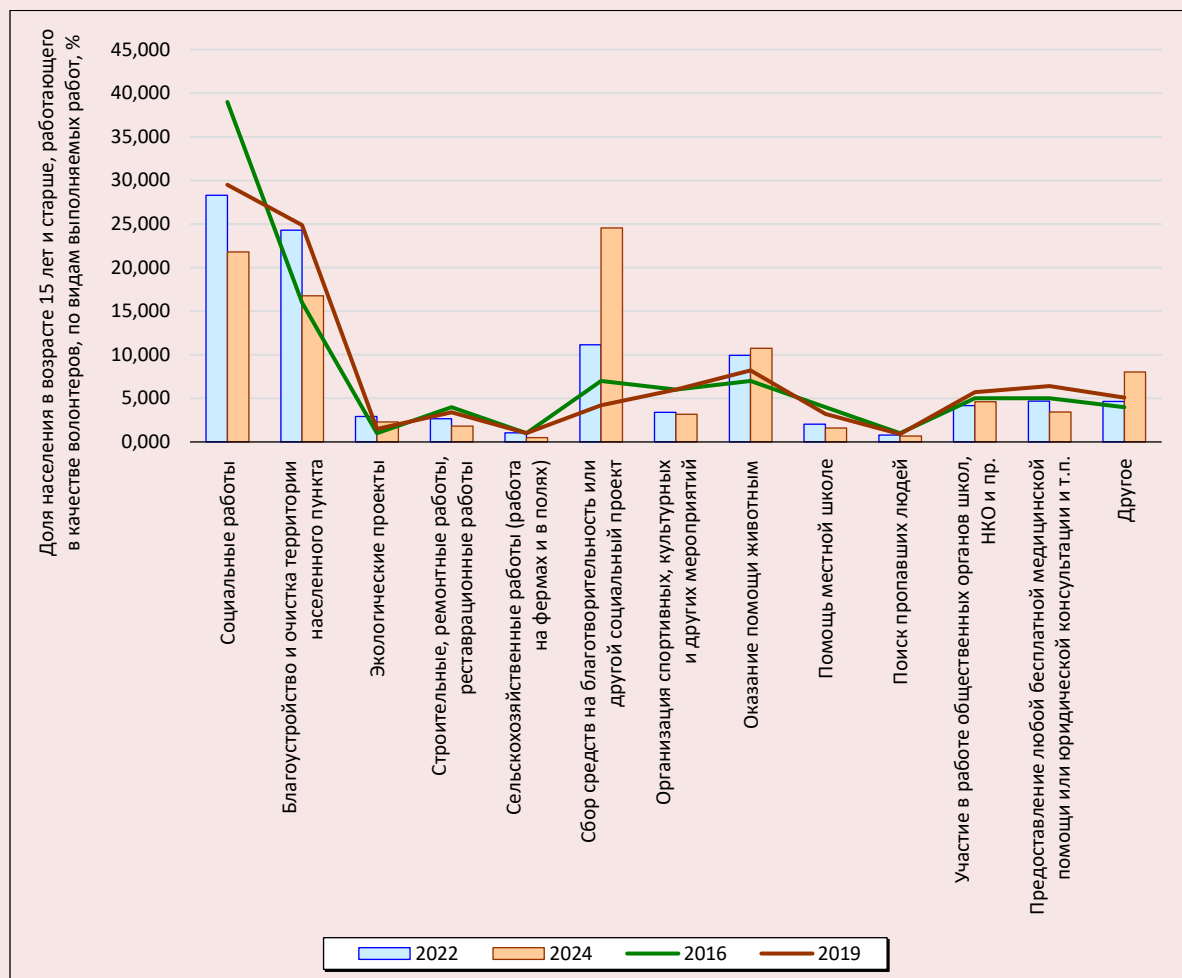
Регрессионная модель	Статистические характеристики модели и вывод
Первая группа	
$\hat{d}_{\text{ТВ}}^{\text{вол}} = 122,62 - 1,09\text{Me}_{\text{воз}_i}$ $R^2 = 0,650$ $R^2_{\text{скорр}} = 0,627$	$F(1, 15) = 27,9$; $t_0 = 13,44$; $t_1 = -5,28$ с числом степеней свободы 15 При росте медианного возраста волонтеров на 1 год доля волонтеров трудоспособного возраста снизится на 1,09%
Вторая группа	
$\hat{d}_{\text{ТВ}}^{\text{вол}} = 159,32 - 1,94\text{Me}_{\text{воз}_i}$ $R^2 = 0,853$ $R^2_{\text{скорр}} = 0,843$	$F(1, 15) = 86,8$; $t_0 = 9,55$; $t_1 = 0,21$ с числом степеней свободы 15 При росте медианного возраста волонтеров на 1 год доля волонтеров трудоспособного возраста снизится на 1,94%
Четвертая группа	
$\hat{d}_{\text{ТВ}}^{\text{вол}} = 126,02 - 0,95\text{Me}_{\text{воз}_i} - 0,01 \frac{\text{Ж}^{\text{вол}}}{\text{М}^{\text{вол}}_i}$ $R^2 = 0,819$ $R^2_{\text{скорр}} = 0,794$	$F(2, 14) = 31,8$; $t_0 = 7,256$; $t_1 = 0,199$; $t_2 = 0,002$ с числом степеней свободы 14 При росте медианного возраста волонтеров на 1 год доля волонтеров трудоспособного возраста снизится на 0,95%, а при увеличении числа женщин-волонтеров, приходящихся на 1000 мужчин-волонтеров, доля волонтеров трудоспособного возраста снизится на 0,01%
Пятая группа	
$\hat{d}_{\text{ТВ}}^{\text{вол}} = 170,83 - 2,15\text{Me}_{\text{воз}_i}$ $R^2 = 0,864$ $R^2_{\text{скорр}} = 0,855$	$F(1, 15) = 95,5$; $t_0 = 17,31$; $t_1 = -9,77$ с числом степеней свободы 15 При увеличении медианного возраста волонтеров на 1 год доля волонтеров трудоспособного возраста снизится на 2,15%
Обозначения: R^2 – коэффициент детерминации; $R^2_{\text{скорр}}$ – скорректированный коэффициент детерминации; F – критерий Фишера (на уровне значимости 0,05); t_0, t_1, t_2 – регрессионные коэффициенты по критерию Стьюдента (на уровне значимости 0,05). Анализ регрессионных остатков в каждой группе показал их распределенность по нормальному закону (на основе критерия Шапиро – Уилка) и гомоскедастичность (тест Голдфелда – Квандта). Рассчитано по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265	

Рассмотрение структуры волонтерства по видам выполняемых работ показало следующее. Если в 2022 году приоритетной группой выступали социальные работы, их доля составляла 28,3%, то в 2024 году они заняли только 21,8% в общей структуре работ, а приоритетной стала группа «Сбор средств на благотворительность или другой социальный проект» (за три года ее доля увеличилась почти в 2,2 раза до 24,5%). Доминантными в 2022–2024 гг. были также такие виды работ, как «Благоустройство и очистка территории» (2022 год – 24,3%, 2024 год – 16,8%) и «Оказание помощи животным» (2022 год – 9,9%, 2024 год – 10,7%). Для того чтобы определить статистическую значимость произошедших структурных различий был рассчитан индекс В.М. Рябцева. Его значение составило 0,216, т. е. по шкале Рябцева для оценки

структурных различий оно попадает в группу «от 0,151 до 0,300 – существенный уровень различий структур». Таким образом, за прошедшие три года виды выполняемых волонтерами работ изменились кардинально. Аналогичные расчеты были проведены статистиками в 2020 году⁸. Компоненты приоритетных и доминантных групп практически не изменились, но существенно отличаются их доли. Расчет коэффициента Рябцева (2019/2016 гг.) составил 0,159, что также свидетельствовало о наметившихся существенных различиях структур (рис. 2).

⁸ Развитие добровольческого движения в России: статистический анализ. Москва: Аналитический центр при Правительстве РФ, Информационно-аналитический материал, декабрь 2020. 12 с.

Рис. 2. Структура волонтеров РФ по видам выполняемых работ за 2016, 2019, 2022, 2024 гг.

Рассчитано по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>

Заключение

На основе проведенного исследования волонтерской деятельности в РФ и ее регионах за период 2022–2024 гг. можно сделать следующие выводы:

- волонтерской деятельностью в стране занимаются, как правило, лица в трудоспособном возрасте (41–44 года), имеющие основную работу, т. е. являющиеся занятыми в экономике;
- наблюдается тенденция к расширению участия в волонтерской деятельности безработных, особенно среди безработных мужчин, живущих в городах и поселках городского типа;
- как в стране в целом, так и в регионах увеличивается доля женщин-волонтеров;

— среди волонтеров на протяжении периода 2022–2024 гг. повышается уровень участия в рабочей силе, уровень занятости;

— в целом по стране отсутствует зависимость уровня волонтерства от пола волонтера, места его проживания и возраста;

— в 2024 году становится заметным влияние медианного возраста волонтеров на соотношение женщин и мужчин среди волонтеров;

— выявлено наличие в 2024 году обратной связи между числом волонтеров трудоспособного возраста (в относительном выражении) и их медианным возрастом в первой, второй и пятой квинтильных группах, в четвертой квинтильной группе — наличие обратной связи меж-

ду долей волонтеров трудоспособного возраста и медианным возрастом волонтеров, соотношением числа женщин и мужчин в совокупности.

Таким образом, выдвинутая в начале исследования гипотеза о наличии связи между уровнем волонтерской деятельности в стране и рядом демографических показателей (медианный возраст волонтеров, соотношение женщин и мужчин волонтеров, соотношение сельских и городских волонтеров, доля волонтеров, находящихся в трудоспособном возрасте) отвергается.

Волонтерское движение в России, несомненно, очень важно для страны, и оно набирает всё большую силу. В связи с этим следует подчер-

кнуть ценность проводимых Росстатом обследований деятельности волонтеров. Но данных, предоставляемых органами государственной статистики, явно недостаточно для полного и комплексного анализа волонтерской деятельности. Программа выборочного наблюдения волонтерской деятельности требует расширения по многим аспектам деятельности волонтеров, поэтому можно порекомендовать Росстату внести для наблюдения следующие признаки: уровень образования, семейный статус, основное место работы, уровень дохода волонтера; причины оказания именно этого вида волонтерской деятельности; факторы, побудившие человека к занятию волонтерской деятельностью.

Литература

- Бочанов М.А. (2024). Добровольчество в России: особенности становления и современные установки молодежи // Вестник государственного и муниципального управления. Т. 13. № 1. С. 124–136. DOI: 10.22394/2225-8272-2024-13-1-124-136
- Горлова Н.И. (2019). Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. Москва: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. 288 с.
- Грушина В.В. (2024). Анализ проблем современных волонтерских организаций в РФ // Вопросы экономики и права. № 189. С. 57–62. DOI: 10.14451/2.189.57
- Задорожная И.И., Петрова Т.Э., Лымар А., Лымар Н. (2021). Анализ благотворительной деятельности и волонтерства в России и за рубежом // Вопросы управления. № 1 (68). С. 89–102. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-1-89-102
- Землянская А.С. (2022). Психологические особенности российского добровольчества // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. № 1. С. 54–60. DOI: 10.52470/2224669X_2022_1_54
- Ильина О.И., Бушкова С.Н., Носко И.В. (2023). Поиск критериев психологической готовности студентов к волонтерской деятельности // Обзор педагогических исследований. Т. 5. № 7. С. 9–17.
- Кудринская Л.А. (2006). Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. № 5 (265). С. 15–22.
- Кушхова А.М., Кубова А.А. (2023). Становление волонтерских движений в России: проблемы развития и динамика // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Т. 15. № 4. С. 135–142. DOI: 10.47370/2078-1024-2023-15-4-135-142
- Невский А.В. (2020). Социология волонтерства: определение границ исследования // Вестник Института социологии. Т. 11. № 1. С. 32–48. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.624
- Петрова С.В., Фоменко В.А., Плякич М.Н. (2020). Социально-культурный анализ управления волонтерской деятельностью в условиях политико-экономических трансформаций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 4. С. 204–211. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-4-204-211
- Толвайшис Л., Филиппова А.Г. (2020). Подростково-молодежное волонтерство как путь к участию в решении социально значимых вопросов: обзор зарубежных работ. Комплексные исследования детства. Т. 2. № 3. С. 152–161. DOI: 10.33910/2687-0223-2020-23-152-161
- Хворостьянова Н.И. (2017). Волонтерство в российском обществе и в российской социологии: взгляд из-за рубежа // Социологический журнал. Т. 23. № 2. С. 136–152. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5162
- Шаяхметова Р.Р. (2022). Волонтерство: анализ нормативно-законодательной базы // Russian Studies in Law and Politics. Т. 6. № 3–4. С. 69–91. DOI: 10.12731/2576-9634-2022-3-4-69-91

- Azimbek A., Slambekova T. (2024). The role of volunteer activity in the professional development of future social educators. *Sci Herald Uzhhorod Univ Ser Phys*, 55, 613–621. DOI: 10.54919/physics/55.2024.61mt3
- Cruz D., Meisenbach R. (2018). Expanding role boundary management theory: How volunteering highlights contextually shifting strategies and collapsing work-life role boundaries. *Human Relations*, 71(2), 182–205. DOI: 10.1177/0018726717718917
- Dawson C., Baker P.L., Dowell D. (2019). Getting into the ‘giving habit’: The dynamics of volunteering in the UK. *Voluntas*, 30(5), 1006–1021. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11266-019-00133-4>
- Desai N., Dalal S., Rawal S. (2018). The effects of volunteerism on self-deception and locus of control. *Voluntas*, 29, 83–92. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11266-017-9857-x>
- Fysentzidis M., Strigas A., Ntasis L. (2024). Analyzing factors influencing volunteer experience in large-scale sporting events. *European Journal of Human Movement*, 52, 114–128. Available at: <https://doi.org/10.21134/eurjhm.2024.52.10>
- Kim S., Halvorsen C. et al. (2025). Does volunteering reduce epigenetic age acceleration among retired and working older adults? Results from the health and retirement study. *Social Science & Medicine*, 364, 117501. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39579436/>
- Matthews K., Nazroo J. (2021). The impact of volunteering and its characteristics on well-being after state pension age: Longitudinal evidence from the English longitudinal study of ageing. *Journals of Gerontology B Sci Soc Sci*, 76(3), 632–641. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32888024/>
- Nichols G. (2024). Explaining a decline in volunteering in the UK. *Voluntary Sector Review*, 15(3), 498–503. Available at: <https://doi.org/10.1332/20408056Y2024D000000023>
- Peng C., Han S.H., Shih Y.-C., Burr J.A. (2023). Age and cohort trends in formal volunteering and informal helping in later life: Evidence from the health and retirement study. *Demography*, 60(1), 99–122. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36541562/>
- Vallejo Rubinstein C. (2020). Child-volunteer socialisation in an afterschool programme: A case study about transcaring and transformation. *Language and Intercultural Communication*. DOI: 10.1080/14708477.2020.1763378
- Zhang W., Chen F., Liu X. (2018). Analysis upon the youth’s absence from CVS: Based on a survey of a community in Beijing. *The China Nonprofit Review*, 10(1), 191–213. DOI: 10.1163/18765149-12341345

Сведения об авторе

Татьяна Александровна Долбик-Воробей — кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49; e-mail: tadolbikvorobey@fa.ru)

Dolbik-Vorobey T.A.

Volunteerism in Russia: Trends, Regional Differences and the Impact of Socio-Demographic Factors

Abstract. The article presents the results of a study of volunteering in the Russian Federation from a regional perspective for the period 2022–2024 according to the following indicators: level of volunteerism, median age of volunteers, number of female volunteers per 1,000 male volunteers, number of rural volunteers per 1,000 urban volunteers, proportion of working-age volunteers in the total number of volunteers. The analysis is based on official data from Rosstat — a sample survey of volunteering workforce for 2022–2024. The study shows that the median age of Russians engaged in volunteering is increasing. As a rule, there are more women than men among the volunteers. The ratio of rural to urban volunteers is growing. The share of working-age volunteers in the total number of volunteers in Russia as a whole is quite stable and ranges from 73–74%. In the course of the study, we calculate the following labor market indicators: volunteers’ labor force participation rate, volunteers’ employment rate, volunteers’ unemployment rate (or the proportion of volunteers who are currently unemployed), ratio of the number

of volunteers who are unemployed to the number of volunteers who are employed (per 1,000 employed volunteers). The relationship between the level of volunteerism and other indicators was determined based on the use of paired (linear) Pearson correlation coefficients and paired Spearman's rank correlation coefficients. In addition, we conduct a statistical analysis of individual regional quintile groups formed on the basis of the values of the level of volunteerism in the regions. The article will be of interest to economists, sociologists, political scientists, and others interested in research on volunteerism in Russia.

Key words: volunteerism, volunteering, level of volunteerism, analysis of volunteer activity.

Information about the Author

Tatiana A. Dolbik-Vorobey — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: tadolbikvorobey@fa.ru)

Статья поступила 18.06.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.13

УДК 338, ББК 65.05

© Шмидт Н.И.

Значение корпоративных социальных услуг для устойчивого развития компании

Наталья Ильясовна**ШМИДТ**

Казанский федеральный университет

Казань, Российская Федерация

e-mail: shmidtnei@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7612-7700

Аннотация. В условиях современных глобальных вызовов, таких как социальное неравенство, ухудшение экологической ситуации и ограниченная доступность социальных услуг, возрастает значимость корпоративной социальной политики. Компании стремятся не только к повышению финансовой устойчивости, но и к созданию благоприятных условий для своих сотрудников и общества в целом. В этом контексте особую роль играет корпоративная социальная ответственность, включающая корпоративные благотворительные услуги, социальные инициативы и развитие инфраструктуры для улучшения качества жизни. В статье анализируются ключевые аспекты корпоративной социальной ответственности предприятий, в частности корпоративные благотворительные услуги, уточняется содержание этого понятия, особое внимание уделяется опыту их предоставления компанией ПАО «Татнефть», на основании которого сформирована программа социологического исследования. Для выявления факторов, определяющих успешность социальной политики в области предоставления корпоративных благотворительных услуг, произведены расчеты в среде R через командные запросы. Предложена модель, позволяющая не только количественно оценить текущий уровень социальной политики, но и определить ключевые направления ее совершенствования с целью повышения удовлетворенности сотрудников. В работе рассматривается влияние цифровизации на эффективность корпоративных благотворительных услуг: в условиях цифровой трансформации корпоративной среды формируются новые подходы управления, что способствует масштабируемости и интеграции в долгосрочные

Для цитирования: Шмидт Н.И. (2025). Значение корпоративных социальных услуг для устойчивого развития компании // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 232–249. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.13

For citation: Shmidt N.I. (2025). The importance of corporate social services for the sustainable development of the company. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 232–249. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.13

стратегии устойчивого развития. Методологическая база исследования включает анализ научной литературы, нормативных документов и практических кейсов, применяются экономико-статистические методы, корреляционно-регрессионный анализ, сценарное прогнозирование для оценки перспектив развития корпоративных благотворительных услуг в компаниях. Результаты исследования подтверждают положительное влияние социальной политики на долгосрочное развитие предприятий и формирование устойчивой бизнес-модели. Разработанные рекомендации могут быть полезны для компаний, стремящихся к улучшению системы корпоративной социальной ответственности и внедрению эффективных корпоративных благотворительных инициатив.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, корпоративные благотворительные услуги, устойчивое развитие, благотворительность, социальная политика, волонтерство, ПАО «Татнефть», цифровизация, корпоративные социальные услуги.

Благодарность

Автор статьи выражает благодарность за предоставленные материалы для написания статьи и оказанную помощь при проведении данного исследования заместителю генерального директора по социальному развитию ПАО «Татнефть» Мамину Ренату Рауфовичу и председателю Татнефть Профсоюза Хамадыярову Рифдару Рифкатовичу.

Введение

В современном мире перед обществом стоят многочисленные глобальные вызовы, такие как экологические проблемы, нехватка пресной воды, доступность качественного образования и здравоохранения. В связи с этим особую значимость приобретают 17 целей устойчивого развития (ЦУР)¹, сформулированных Организацией Объединенных Наций (ООН), которые призваны решить ключевые социальные и экономические проблемы человечества. Компании все чаще осознают необходимость сосредоточения усилий не только на достижении финансовых результатов, но и на развитии социальной политики, направленной на улучшение благосостояния сотрудников и общества в целом (Lu, 2021).

В апреле 2006 года ООН разработала кодекс «Принципы ответственного инвестирования», в котором рекомендуется инвесторам добровольно отказываться от вложений в компании, не соответствующие экологическим, социальным и управленческим требованиям, а также стандартам социально ответственного бизнеса (Кузина, Чернышева, 2015).

Бизнес активно вкладывает значительные средства в развитие социальных и корпоративных благотворительных программ, поддержку территорий и местных сообществ, руководствуясь международным стандартом ISO 26000:2010 по социальной ответственности и его российским аналогом ГОСТ Р ИСО 26000-2012². Многие крупные компании выпускают отчеты о своих достижениях в этой сфере (Токарев и др., 2025).

В рамках исследования А. Болдыревой, С. Саркисовой³ корпоративная социальная ответственность (КСО) реализуется в том числе через предоставление корпоративных благотворительных услуг. Соответственно, экономическое развитие многих компаний характеризуется наличием процессов формирования и разнопланового использования корпоративных благотворительных услуг, основными направлениями предоставления которых являются кор-

² ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Руководство по социальной ответственности. URL: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=7&id=181382> (дата обращения 25.07.2025).

³ Болдырева А., Саркисова С. Всё о лидерах 2021: по материалам проекта «Лидеры корпоративной благотворительности – 2021». Москва: Форум Доноров. 2021. URL: https://rspp.ru/upload/content/e00/4j0scs61axbysstxw12ttt244zeu3pjQ/Vse_o_liderakh_2021.pdf (дата обращения 25.07.2025).

¹ Организация Объединенных Наций. Мир, достоинство и равенство на здоровой планете. URL: <https://www.un.org/ru/>

поративные благотворительные программы, комплексные мероприятия по развитию персонала организации, природоохранные инициативы, волонтерская деятельность, участие фирм в политических процессах с общественно значимыми целями и иные схожие инициативы (Шмидт, 2025).

Российские исследователи, такие как О.Б. Вахрушева и Н.Н. Хахонова, акцентируют внимание на том, что успешная реализация корпоративных благотворительных инициатив способствует устойчивому развитию регионов (Вахрушева, Хахонова, 2022).

Внедрение цифровых технологий позволяет предприятиям эффективно координировать благотворительные инициативы, повышать их прозрачность и доступность (Belina, 2023). Как отмечает Е. Шергова⁴, ведущая британская платформа-агрегатор некоммерческих организаций Charity Choice насчитывает свыше 160 000 благотворительных фондов. По мнению N. Zazaeva и S. Fedyunina, в цифровой среде формируются базы данных всех участников благотворительной деятельности, что существенно упрощает их поиск и взаимодействие между собой (Zazaeva, Fedyunina, 2021).

Это особенно актуально в контексте концепции устойчивого развития, обсуждаемой множеством авторов (Ashurov et al., 2024; De Almeida Barbosa Franco, 2024; Quay et al., 2024; Obeng et al., 2025 и др.), которые указывают на необходимость интеграции социальных и благотворительных программ в корпоративные стратегии для достижения глобальных целей устойчивого развития.

Современное исследование корпоративных благотворительных услуг предприятий базируется на анализе взаимосвязи между корпоративной социальной ответственностью, цифровыми технологиями и устойчивым развитием. Опыт социальной политики предприятий ПАО «Татнефть» в этом контексте может способствовать не только продвижению корпоративных благотворительных услуг, но и созданию благоприятных условий для региона в целом.

⁴ Шергова Е. Как Coca-Cola, Netflix и другие гиганты занимаются благотворительностью: главные тренды КСО в мире и России. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/413169-kak-coca-cola-netflix-i-drugie-giganty-zanimayutsya-blagotvoritelnostyu-glavnye-ysclid=mdhq03i22t642096091> (дата обращения 25.07.2025).

Обзор литературы

Наиболее активно благотворительная деятельность развивается в странах, входящих в политико-экономический альянс G7 (Демьянова, Шмидт, 2025), но при этом следует отметить, что в России организации все чаще начинают рассматривают как вид оказания корпоративных благотворительных услуг социальные инвестиции, направленные на создание общественной ценности (Яроменко, Островская, 2024): всё больше компаний связывают корпоративную социальную ответственность не с вынужденными затратами, служащими своего рода «разрешением на деятельность», а с добровольными благотворительными инициативами, направленными на создание ценности как для бизнеса, так и для общества. Для сравнения, согласно Докладу о социальных инвестициях в России⁵, в 2014 году 60,3% опрошенных компаний (опрос проводился среди лидеров корпоративной социальной ответственности) воспринимают свои социальные затраты как частичную замену государственных расходов, в 2019 году количество таких компаний снизилось и составило 58%⁶.

Следует отметить, что в специальной литературе отсутствует единство мнений по поводу сущности и содержания корпоративных благотворительных услуг компаний. Т.В. Чубарова под такого рода услугами понимает «любые услуги негосударственных субъектов хозяйствования, вытекающие из реализации концепции корпоративной социальной ответственности» (Чубарова, 2011, с. 27). Данное определение носит достаточно общий характер, не вполне отражает специфические черты корпоративных благотворительных услуг компаний как экономического понятия. Кроме того, требу-

⁵ Доклад о социальных инвестициях в России – 2014: к созданию ценности для бизнеса и общества / Ю.Е. Благов [и др.]; под общ. ред. Ю.Е. Благова, И.С. Соболева. Санкт-Петербург: Авторская творческая мастерская (АТМ-Книга). 2014. URL: <https://edu.dobro.ru/upload/iblock/bc6/na63odyo1vdpsulj320aqydx2ic10t5r.pdf> (дата обращения 25.07.2025).

⁶ Доклад о социальных инвестициях в России – 2019 / Ю.Е. Благов [и др.]; под общ. ред. Ю.Е. Благова, С.Е. Литовченко, Е.А. Ивановой. Москва: Ассоциация Менеджеров. 2019. URL: https://gsom.spbu.ru/images/A_BANNERS/doklad_o_social_nyh_investiciyah_v_rossii_-_2019.pdf?ysclid=mdh92q2k5p879293708 (дата обращения 25.07.2025).

ет конкретизации понятие «корпоративная социальная ответственность», также являющееся достаточно дискуссионным.

И.Д. Бабаков рассматривает благотворительные услуги компании как «фактор максимизации рыночной стоимости фирмы за счет увеличения ее репутационного капитала в результате реализации программ социальной направленности» (Бабаков, 2023). Данное определение также носит достаточно общий характер: в частности, рост репутационного капитала современных компаний может иметь место не только в результате оказания корпоративных благотворительных услуг, но и за счет множества иных факторов, таких как реклама, PR, целенаправленное повышение прозрачности системы корпоративного управления организацией и т. п.

И.В. Малофеев, по сути, отождествляет содержание благотворительных услуг компаний с осуществляемыми последними благотворительными программами и волонтерскими инициативами (Малофеев, 2023). Сходного понимания сущности корпоративных благотворительных услуг современных компаний придерживаются Р. Нельсон и С. Уинтер. Данные исследователи не исключают, что корпоративные благотворительные услуги компании могут быть частично возмездными для получателей.

Л.А. Полищук понимает под корпоративными благотворительными услугами компаний «деятельность по развитию и совершенствованию человеческого капитала работников организаций и членов их семей, осуществляемую на основании реализации специальных общественных программ и инициатив частных структур» (Полищук, 2014). В приведенном выше определении круг получателей услуг компаний ограничивается только работниками предприятий и членами их семей, что представляется не вполне корректным.

На основании критического анализа наиболее типичных, представленных в специальной литературе определений нами уточнено содержание понятия «корпоративные благотворительные услуги компаний» как экономического понятия.

Корпоративные благотворительные услуги формируются и предоставляются компаниями, в т. ч. полностью или частично на безвозмездной основе (в ряде случаев софинансируемые

получателями), направлены на развитие главного фактора производства компании — его персонала (инвестиции в социальный пакет: материальная поддержка персонала, льготы по образованию, медицинскому обслуживанию, ипотеке и т. д., комплексные мероприятия по развитию персонала организации, благотворительные программы, волонтерская деятельность), а также ориентированы на совершенствование социальной инфраструктуры компании и нацелены в конечном итоге на достижение содержательной конгруэнтности финансово-экономической, экологической и социальной деятельности субъекта хозяйствования.

Отличительными особенностями уточненного автором определения корпоративных благотворительных услуг являются:

- в отличие от некоторых рассмотренных выше подходов, в качестве реципиентов корпоративных благотворительных услуг предлагается рассматривать не только работников организации, но и сторонних получателей;

- акцентируется внимание на корпоративных благотворительных услугах как факторе обеспечения содержательной конгруэнтности финансово-экономической, экологической и, собственно, социальной деятельности компании, что, соответственно, способствует снижению ESG-рисков деятельности и увеличению на данной основе репутации организации;

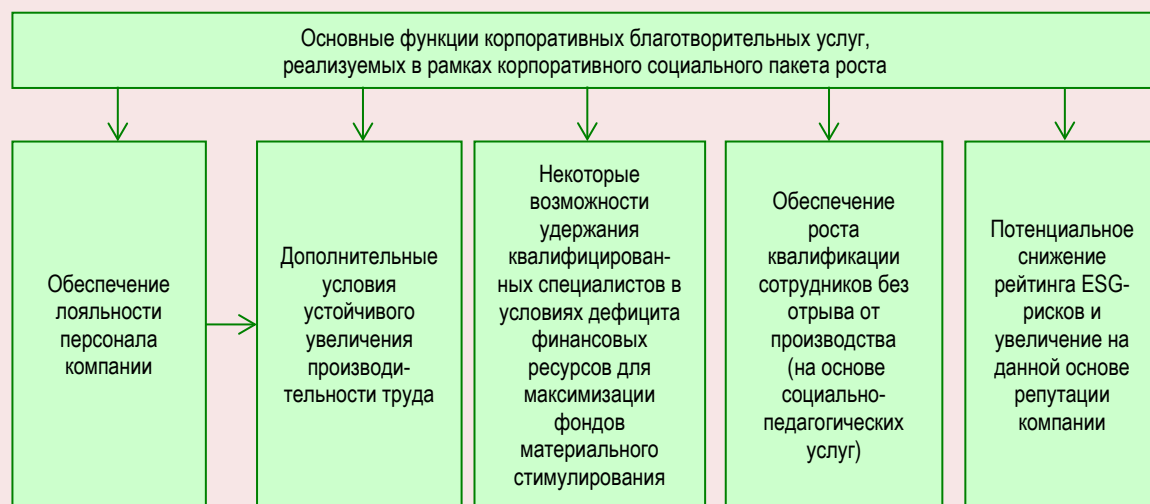
- отмечается, что корпоративные благотворительные услуги компании могут быть частично возмездными для получателей.

В зависимости от групп получателей корпоративные благотворительные услуги дифференцируются на оказываемые сторонним реципиентам и персоналу компании в рамках корпоративного социального пакета.

Теория и методический инструментарий формирования и использования корпоративного социального пакета складывается с 1970-х гг., в частности, данные вопросы рассматриваются в исследованиях И. Ансоффа, И. Адизеса, Э. Денисона и ряда других ученых. Основные функции данного вида корпоративных благотворительных услуг приведены на *рисунке 1*.

Таким образом, корпоративные благотворительные услуги, реализуемые в рамках социального пакета компании, за счет обеспечения роста лояльности сотрудников, так и повышения

Рис. 1. Основные функции корпоративных благотворительных услуг для персонала компании (реализуемых в рамках корпоративного социального пакета)

Составлено по: (Мюллер, 2007; Солдатова, 2024; Aldrich, 2020).

уровня их квалификации дают дополнительные возможности роста производительности труда и, как следствие, при условии наличия относительно транспарентного рынка капитала, капитализации компании в целом. Последняя задача может быть реализована и за счет оказания эффективных и комплексных корпоративных благотворительных услуг, ориентированных на внешних по отношению к компании получателей.

Все многообразие корпоративных благотворительных услуг, оказываемых в рамках корпоративного социального пакета, в зависимости от субъектов их предоставления, в свою очередь, может быть дифференцировано на следующие группы:

- корпоративные благотворительные услуги для сотрудников, оказываемые собственными силами компании или ее дочерних организаций, например ведомственных поликлиник, санаториев, профилакториев;

- корпоративные благотворительные услуги, предоставляемые компанией совместно с внешними акторами (например, посредством привлечения для реализации социально-педагогических услуг в рамках корпоративного университета внешних организаций системы дополнительного профессионального образования);

- посредством оплаты компанией услуг в рамках корпоративного социального пакета, оказываемых сторонними организациями (услуги системы ДМС, финансируемые корпоративными структурами для сотрудников).

Материалы и методы

Целью исследования является формирование программы социологического исследования, ориентированного на системный анализ корпоративных благотворительных услуг, оказываемых компанией в рамках реализации политики КСО.

Основные задачи:

- апробация разработанного социологического исследования на материалах Группы «Татнефть» с объемом выборки 10 тыс. респондентов;

- комплексная оценка характера корпоративных благотворительных услуг и разработка предложений по совершенствованию на предприятиях Группы «Татнефть» с учетом современных вызовов, потребностей сотрудников и принципов устойчивого развития.

На сегодняшний день «Татнефть» является одной из крупнейших российских публичных компаний с рыночной капитализацией в 2023 году в 1,65 трлн рублей. Это одна из вертикально-интегрированных и социально-ориентированных компаний, в составе кото-

рой динамично развиваются нефтегазодобыча, нефтепереработка, нефтегазохимия, шинный бизнес, сеть АЗС, композитный кластер, электроэнергетика, разработка и производство оборудования для нефтегазовой отрасли и блок сервисных структур⁷.

Для достижения поставленных целей и решения исследовательских задач применяется комплексный методологический подход, включающий как количественные, так и качественные методы анализа.

1. Анализ научной литературы и нормативно-правовых актов. Исследование начинается с изучения теоретических основ социальной политики, корпоративной социальной ответственности и корпоративных социальных услуг. Рассматриваются труды отечественных и зарубежных авторов, а также нормативно-правовые акты, регулирующие социальную политику предприятий в России. Данный метод позволяет определить основные тенденции и направления развития социальной политики.

2. Социологический опрос, который включает вопросы, направленные на выявление уровня осведомленности, вовлеченности и удовлетворенности сотрудников корпоративными благотворительными услугами, оказываемыми компанией.

3. Статистический анализ данных. Для оценки значимости выявленных факторов используются количественные методы, включая расчет значений p -value с применением критерия хи-квадрат Пирсона и определение коэффициента Крамера, позволяющего установить силу взаимосвязи между переменными. Кроме того, построена математическая модель зависимости, а расчеты выполнены на основе матрицы ошибок «confusion matrix», что обеспечивает объективность и обоснованность выводов.

Исследование направлено на создание научно обоснованных рекомендаций, способствующих развитию корпоративной социальной ответственности предприятия за счет оказываемых ею корпоративных благотворительных услуг.

Результаты исследования

В ноябре 2024 года было проведено анкетное исследование, в котором на условиях анонимности приняли участие 10 тысяч сотрудников (из 15 структурных подразделений ПАО «Татнефть» и более 100 предприятий Группы «Татнефть», находящихся на территории Российской Федерации), что составляет 12,4% от общей численности персонала (рис. 2). Данный объем выборки обеспечивает высокую степень репрезентативности результатов, а её социально-

Рис. 2. Портрет респондента в исследовании, % от совокупности опрошенных

Источник: составлено автором.

⁷ Официальный сайт ПАО «Татнефть». URL: <https://www.tatneft.ru/o-kompanii> (дата обращения: 25.07.2025).

демографическая структура соответствует характеристикам генеральной совокупности, что подтверждает достоверность полученных данных. Высокий уровень членства в профсоюзной организации (87,5%), преобладание работников с высшим образованием (68,3%), а также значительная доля специалистов, подтверждающих стратегическую значимость корпоративной социальной политики, направленной на удовлетворение потребностей персонала за счет реализации корпоративных благотворительных услуг. Эти данные позволяют компании корректировать соответствующую деятельность, ориентируясь на реальный запрос сотрудников, а также учитывать их мотивационные ожидания при формировании дальнейшей стратегии развития.

Значимым направлением корпоративной благотворительности является волонтерская деятельность. Анализ данных демонстрирует внушительный потенциал для развития волонтерских инициатив среди сотрудников компании (Dempsey-Brench, Shantz, 2022).

На данный момент 40,5% персонала активно участвуют в волонтерской деятельности, причем с увеличением стажа вовлеченность возрастает: среди работников со стажем более 20 лет этот показатель достигает 47% (рис. 3).

Также отмечается положительная корреляция с уровнем образования: наиболее активными являются сотрудники с базовым средним образованием (46,3%), а среди специалистов с высшим образованием доля участников составляет 39–43%.

Участие в волонтерской деятельности зависит от возраста, пола и профессиональной категории сотрудников. Сотрудники 35–50 лет в среднем наименее активно участвуют в реализации волонтерских программ организации: по всей видимости, это связано с дефицитом времени и иных ресурсов ввиду активной работы в плане развития карьеры, необходимости обеспечения благосостояния семьи и т. п. Наибольшая активность в волонтерских инициативах отмечается среди сотрудников старше 50 лет, особенно в возрастных группах 50–60 лет (44,8%) и старше 60 лет (45,5%). Это может быть связано с наличием большего количества свободного времени и стремлением этого возрастного контингента быть общественно полезным. М.А. Окуп высказывает предположение о том, что некоторые пожилые люди часто используют волонтерство как стратегию для поддержания своей самооценки (Окуп, 1994). Высокий уровень вовлеченности работников предпенсионного и пенсионного возраста

Рис. 3. Участие в волонтерской деятельности в системе оказания корпоративных благотворительных услуг компании, % от числа опрошенных

Вид волонтерства	18-25	25-35	35-50	50-60	свыше 60 лет	Женщина	Мужчина	Руководитель	Специалист	Служащий	Рабочий
Экологическое волонтерство	18,2	22,6	21,8	26,9	29,0	24,0	21,6	29,4	25,4	28,2	17,7
Социальное волонтерство	12,0	10,9	11,2	13,7	14,5	12,8	10,6	15,7	12,6	10,9	9,7
Спортивное волонтерство	14,6	14,6	7,8	7,1	3,9	7,2	11,9	13,3	9,9	6,5	8,3
Событийное волонтерство	3,3	4,3	3,6	4,3	5,9	3,3	4,5	6,0	2,5	2,4	3,3
Патриотическое волонтерство	4,2	2,5	2,8	4,0	7,5	2,2	4,1	4,7	4,6	3,4	5,2
Донорство	6,2	7,2	4,1	3,8	2,4	2,8	2,4	5,3	4,8	4,1	4,3
Культурное волонтерство	7,7	6,6	3,9	3,8	2,4	4,8	4,4	8,0	4,4	3,7	2,3
Образовательное волонтерство	3,6	2,6	2,4	3,0	2,4	3,9	5,7	4,6	2,7	2,0	2,1
Волонтерство в медицине	3,3	0,8	0,8	0,5	0,8	0,7	1,1	0,8	0,6	1,0	1,3

Источник: составлено автором.

также свидетельствует о хорошем уровне их информированности о корпоративных волонтерских программах ПАО «Татнефть» и осознании ими собственной социальной ответственности. Представители данной возрастной категории активно участвуют в волонтерской деятельности, что подчеркивает их готовность поддерживать корпоративные инициативы и вносить значимый вклад в развитие социальных проектов компании.

Участие в волонтерской деятельности позволяет специалистам развивать компетенции, получить опыт и наладить связи, которые могут привести к более высоким должностям в компании (Pound, Moore, 2004).

Экологическое волонтерство является наиболее популярным направлением среди всех анализируемых групп среди сотрудников компании «Татнефть». Это связано с реализацией масштабных экологических программ, таких как субботники, высадка деревьев, расчистка берегов рек и озер, а также сдача материалов на переработку во вторсырьё.

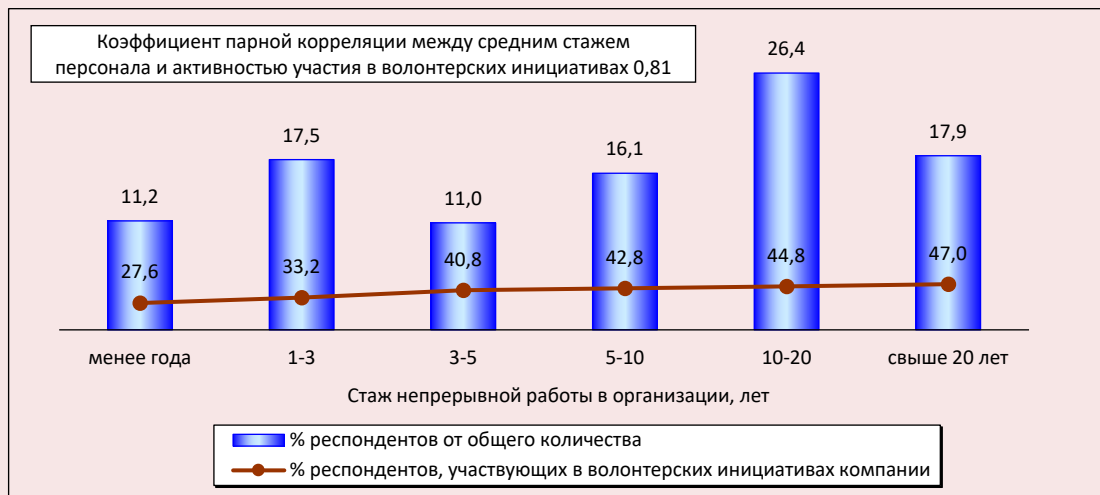
Результаты исследования S. Puiu, M.T. Udriştiu на примере Румынии показывают прямую

положительную связь между поддержкой руководства и экологическим волонтерством, а также между последним и благополучием и производительностью труда работников (Puiu, Udriştiu, 2024). Немаловажное значение экологическое волонтерство имеет и среди жителей России (Кагирова, 2024). По данным исследования ТАСС, экологическое волонтерство оказалось хорошо знакомо россиянам: в общей сложности восемь из десяти осведомлены о нем (82%), а 33% респондентов уже имеют опыт подобной деятельности⁸.

Следует отметить, что в среднем уровень волонтерской активности в сфере корпоративных благотворительных услуг ПАО «Татнефть» значительно превосходит средние показатели по промышленному сектору России. В 2023 году лишь 11,7% работников промышленных организаций страны участвовали в волонтерских инициативах⁹.

Кроме того, нами выявлена значимая прямая корреляция между стажем работы в компании и активностью сотрудников в волонтерских программах (рис. 4). Эта тенденция объясняется устойчивым увеличением социальной

Рис. 4. Дифференциация удельного веса сотрудников ПАО «Татнефть», участвующих в волонтерской деятельности, в зависимости от стажа непрерывной работы в организации, % от числа опрошенных

Источник: составлено автором.

⁸ ВЦИОМ: 80% опрошенных россиян считают помощь эковолонтеров актуальной для них. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20633565> (дата обращения 25.07.2025).

⁹ Басов Н.Ф. (2025). Основы социальной работы: учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Басова. Москва: Издательство Юрайт. 213 с.

ответственности работников по мере накопления трудового стажа, что отражает повышение их социальной идентификации с ценностями и приоритетами компании, включая её социальную политику. Однако, согласно исследованиям Н.Р.У. Qvist, M.D Munk, экономическая отдача от опыта волонтерской работы уменьшается в зависимости от профессионального опыта на рынке труда. Для людей с более чем шестилетним профессиональным опытом на рынке труда экономическая отдача от опыта волонтерской работы незначительна (Qvist, Munk, 2018).

Основными факторами, ограничивающими участие сотрудников ПАО «Татнефть» в волонтерских инициативах в рамках системы корпоративных благотворительных услуг, являются дефицит времени и ресурсов для участия в подобных активностях, а также низкий уровень осведомленности о характеристиках и специфике волонтерских программ компании в целом.

Благотворительность как социальная услуга представляет собой систематическую деятельность, направленную на оказание помощи нуждающимся категориям населения через добровольные взносы и инициативы. Этот процесс

является важным элементом социальной политики, способствующим улучшению качества жизни и социальной интеграции уязвимых групп.

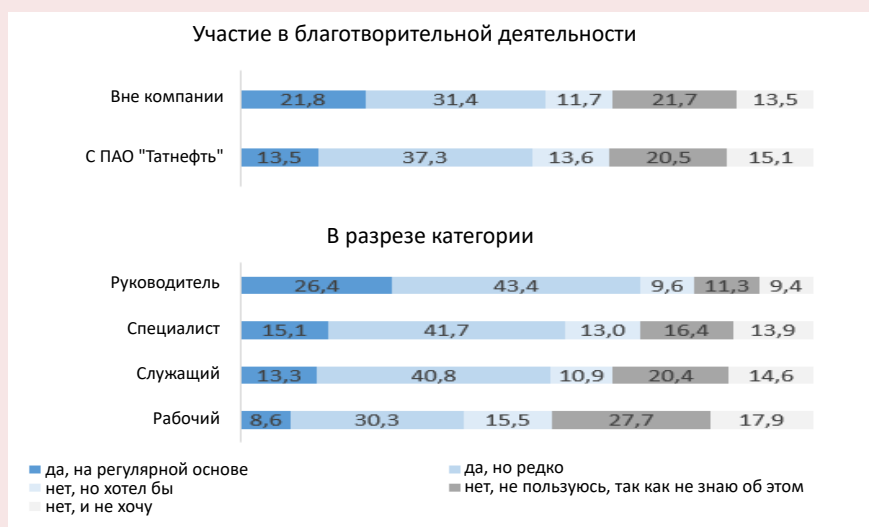
Анализ данных, представленных на *рисунке 5*, показывает, что в благотворительной деятельности участвуют 50,8% сотрудников ПАО «Татнефть».

Как отмечают N. Zazaeva и S. Fedyunina, цифровые технологии значительно трансформировали систему корпоративных благотворительных услуг, создав открытое пространство для массовых коммуникаций (Zazaeva, Fedyunina, 2021).

Наиболее эффективными источниками информации о благотворительности респондентами признаны корпоративные информационные системы, сайт и мобильное приложение ПАО «Татнефть», а также передача информации руководством на планерках и встречах.

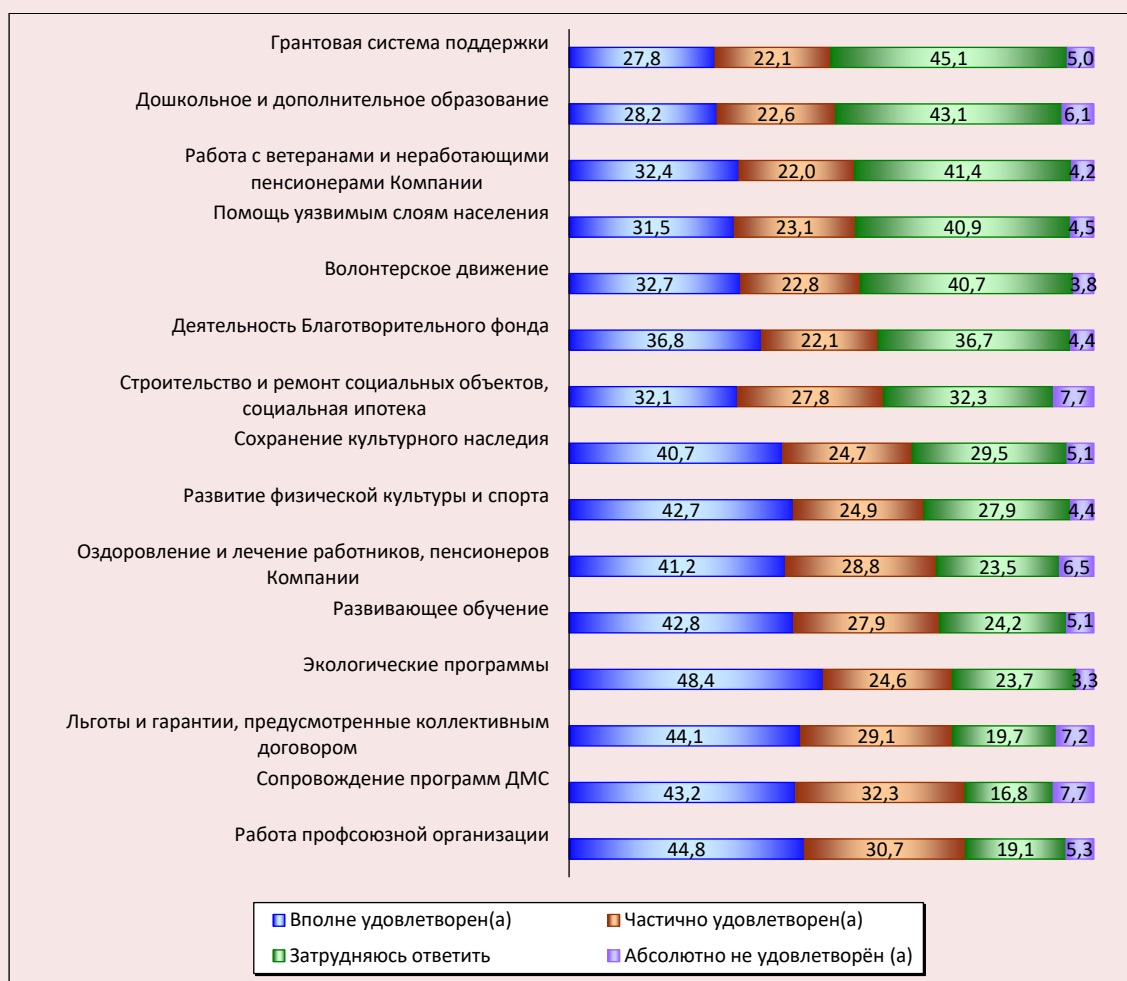
Как показано на *рисунке 6*, большинство респондентов в наибольшей степени удовлетворены деятельностью профсоюзной структуры ПАО в части соуправления последней процессами оказания корпоративных благотворительных услуг, а также корпоративной организацией программ ДМС. Уровень удовлетворенности

Рис. 5. Участие в благотворительной деятельности, в рамках общей системы оказания корпоративных благотворительных услуг компании, % от числа опрошенных

Источник: составлено автором.

Рис. 6. Степень удовлетворенности респондентов отдельными видами корпоративных благотворительных услуг ПАО «Татнефть», % от числа опрошенных

Источник: составлено автором.

различными направлениями социальной политики ПАО «Татнефть» демонстрирует в целом положительную оценку со стороны респондентов. Вместе с тем не вполне удовлетворительной, по мнению большинства респондентов, является организация грантовой поддержки в системе социальной политики «Татнефти», а также деятельность по формированию систем дошкольного образования для детей сотрудников предприятия (ведомственные детские сады) и поддержке ветеранов корпоративной структуры, что может свидетельствовать о недостаточной информированности сотрудников о данных инициативах.

Как показано на *рисунке 7*, с точки зрения дальнейшего совершенствования оказания корпоративных благотворительных услуг ПАО «Татнефть» наиболее значимыми, по мнению респондентов, факторами являются повышение качества такого рода услуг, обеспечение их доступности для максимально широких категорий персонала, а также рост прозрачности оказания данного вида услуг. Внедрение новых коммуникационных стратегий и более активное вовлечение работников в процесс разработки благотворительных программ способствуют повышению их эффективности и восприятия персоналом.

Рис. 7. Мнение респондентов относительно основных факторов обеспечения эффективности оказания корпоративных благотворительных услуг ПАО «Татнефть», % от числа опрошенных

Источник: составлено автором.

Среди других вариантов ответов респонденты, в частности, выделили цифровизацию процесса оказания корпоративных благотворительных услуг. Кроме того, при ответе на данный вопрос разработанной нами анкеты некоторые респонденты обозначили такие факторы роста потенциальной эффективности оказания корпоративных благотворительных услуг ПАО, как необходимость повышения клиентоориентированности предоставления данного типа услуг, а также необходимость территориального расширения диапазона оказания корпоративных благотворительных услуг, которые в настоящее время недостаточно активно оказываются в структурах ПАО, удаленных районах от центра базирования компании, находящихся за пределами Республики Татарстан.

Для выявления успешности социальной политики в области предоставления корпоративных благотворительных услуг произведены расчеты в среде R через командные запросы.

В качестве ключевого индикатора, позволяющего объективно оценить эффективность социальной политики предприятия, выбран вопрос «Как Вы оцениваете социальную политику, проводимую ПАО «Татнефть», в целом?». Данный показатель выступает метрикой успешности социальной политики компании.

Для выявления факторов, определяющих успешность социальной политики в сфере предоставления корпоративных благотворительных услуг, проанализированы ответы на вопросы «По Вашему мнению, что из ниже-

перечисленного в большей степени влияет на эффективность социальной политики (вовлеченность сотрудников компании в систему социальной политики)?», что позволило определить значимые аспекты, формирующие восприятие социальной политики среди персонала, и вопрос «Устраивает ли Вас система материальной помощи, оказываемая в рамках коллективного договора?», оценивающий степень удовлетворенности сотрудников материальной поддержкой, что также может влиять на восприятие эффективности предоставляемых корпоративных благотворительных услуг. Статистический анализ, проведенный для выявления значимости данных факторов, представлен в *таблице 1*.

Результаты анализа подтверждают, что эффективность социальной политики предприятия действительно определяется выбранными факторами. Для выявления направленности взаимосвязей использована матричная диаграмма (*рис. 8*), на которой размер прямоугольников отражает частоту наблюдаемых сочетаний значений, а их цветовая гамма указывает на статистическую значимость взаимосвязей.

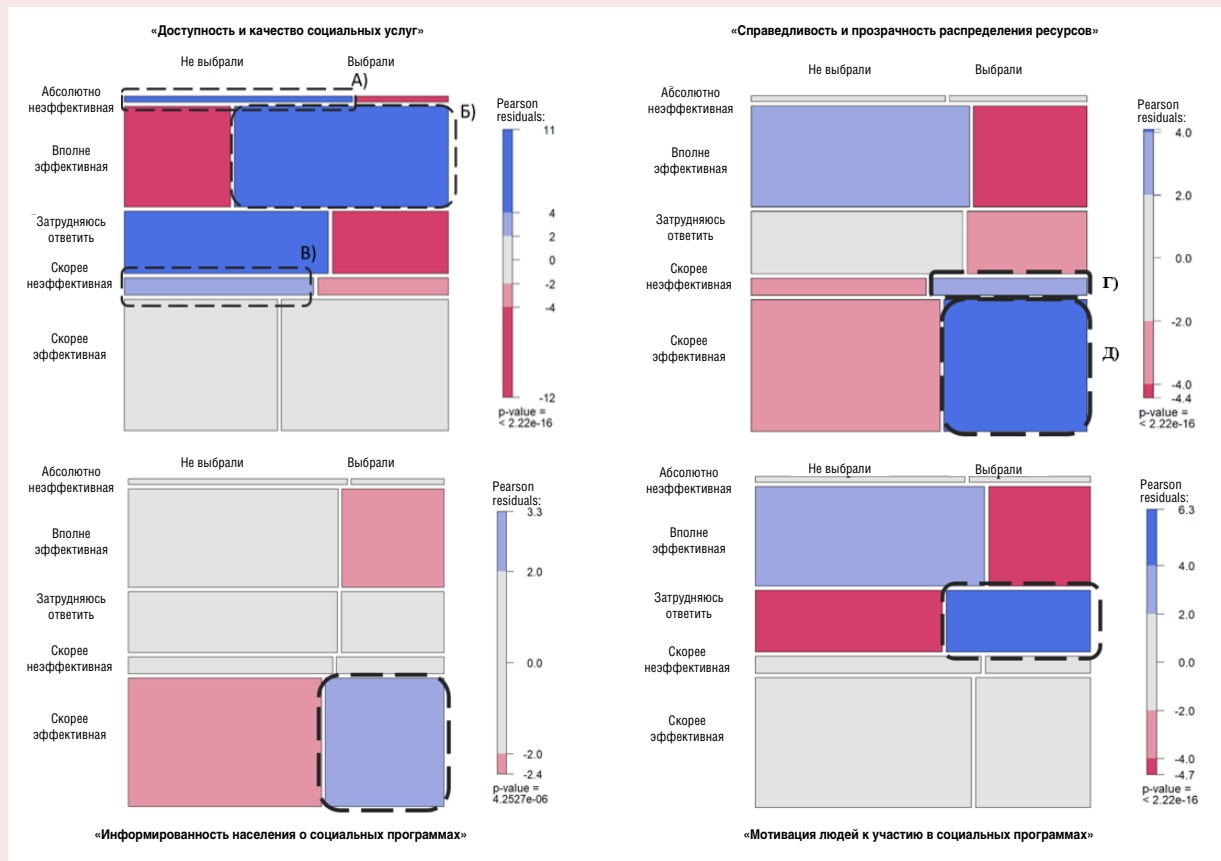
Результаты анализа диаграммы позволяют выявить определенные закономерности в восприятии социальной политики среди сотрудников предприятия. В частности, работники, для которых ключевым критерием эффективности социальной политики является «доступность и качество благотворительных услуг», в большин-

Таблица 1. Статистический анализ для выявления значимости факторов, определяющих успешность социальной политики в области предоставления корпоративных благотворительных услуг

Фактор	значение p-value по критерию хи-квадрат Пирсона	Значение коэффициента Крамера	Примечание
Доступность и качество благотворительных услуг	$<2,2\text{e-}16$	0,233	Взаимосвязь присутствует, сила связи – слабая
Справедливость и прозрачность распределения ресурсов	$<2,2\text{e-}16$	0,091	Взаимосвязь присутствует, сила связи – очень слабая
Информированность населения о социальных программах	4,253e-106	0,055	Взаимосвязь присутствует, сила связи – очень слабая
Мотивация людей к участию в социальных программах	$<2,2\text{e-}16$	0,095	Взаимосвязь присутствует, сила связи – очень слабая
Система материальной помощи	$<2,2\text{e-}16$	0,32	Взаимосвязь присутствует, сила связи – слабая

Источник: составлено автором.

Рис. 8. Матричная диаграмма факторов

Примечание. Оттенки синего на диаграмме обозначают сочетания значений, встречающиеся чаще, чем можно было бы ожидать при условии независимости факторов, тогда как оттенки красного указывают на сочетания, наблюдаемые реже, чем предполагала бы гипотеза о независимости переменных.

Источник: составлено автором.

стве случаев оценивают ее как «вполне эффективную» (зона Б на рис. 8). Это свидетельствует о высокой результативности реализуемых программ в данном направлении. В то же время сотрудники, считающие социальную политику неэффективной, не рассматривают этот фактор как определяющий, что может указывать на недостатки в других аспектах социальной политики предприятия (зоны А и В на рис. 8).

Исследование влияния фактора «справедливость и прозрачность распределения ресурсов» демонстрирует отсутствие консенсуса среди сотрудников относительно значимости данного показателя (зоны Г и Д на рис. 8). Разнородность мнений может быть обусловлена различной степенью осведомленности работников о механизмах распределения социальных благ и ресурсов.

Одной из возможных причин выявленной неоднозначности является ограниченный доступ персонала к информации о принципах и критериях, на основе которых распределяется социальная поддержка. Недостаточная прозрачность данных процессов может способствовать формированию субъективного ощущения несправедливости либо порождать сомнения в объективности системы, что, в свою очередь, оказывает влияние на общее восприятие эффективности социальной политики.

Анализ значимости фактора «информированность населения о социальных программах» выявил устойчивую тенденцию: сотрудники, рассматривающие данный критерий в качестве ключевого, чаще характеризуют социальную политику предприятия как «скорее эффективную».

Этот результат подтверждает достаточный уровень осведомленности работников о действующих социальных инициативах компании, а также свидетельствует о доступности и понятности предоставляемой информации. Высокая степень информированности может не только способствовать формированию положительного отношения к социальной политике, но и укреплять доверие сотрудников к предприятию, а также повышать их заинтересованность в участии в реализуемых программах.

При изучении влияния фактора «мотивация людей к участию в социальных программах» было выявлено, что сотрудники, считающие

данный показатель значимым, испытывают трудности с однозначной оценкой социальной политики.

Такой результат может свидетельствовать о том, что, несмотря на осознание важности мотивации как ключевого элемента успешности социальных инициатив, у работников отсутствует четкое понимание механизмов ее реализации в рамках корпоративной стратегии. Среди возможных причин подобной неопределенности можно выделить недостаточную разработанность системы стимулов, низкую прозрачность механизмов вовлечения, а также слабую информационную поддержку соответствующих программ.

Исследование влияния фактора «система материальной помощи» продемонстрировало статистически значимую взаимосвязь между уровнем удовлетворенности данной системой и общей оценкой эффективности социальной политики предприятия. Данный вывод подтверждается анализом мозаичной диаграммы (рис. 9), где зафиксированы стандартизированные остатки, превышающие пороговое значение 3, что указывает на существенное отклонение от модели независимости переменных.

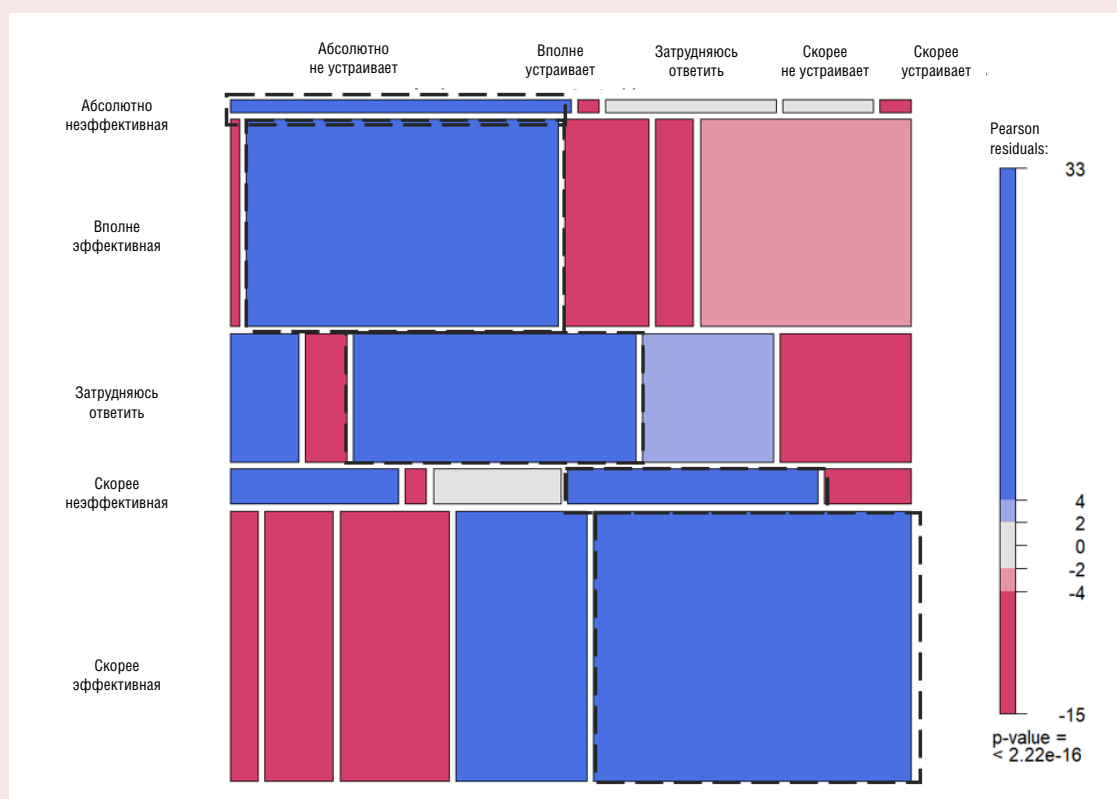
Выявленные закономерности демонстрируют следующее:

- сотрудники, которые в целом удовлетворены системой материальной помощи («скорее устраивает»), склонны оценивать социальную политику компании как «скорее эффективную»;
- напротив, респонденты, которые полностью не удовлетворены системой материальной помощи («абсолютно не устраивает»), тем не менее, оценивают социальную политику как «абсолютно эффективную».

Последний результат может свидетельствовать о наличии дополнительных факторов, влияющих на восприятие эффективности социальной политики, либо о сложных индивидуальных установках сотрудников, которые, несмотря на неудовлетворенность конкретным аспектом, оценивают социальную политику предприятия в целом как успешную.

Эффективность социальной политики представляет собой сложную многокомпонентную систему, формируемую под воздействием различных факторов.

Рис. 9. Матричная диаграмма фактора «система материальной помощи»

Источник: составлено автором.

Для количественного выражения взаимосвязи между эффективностью социальной политики и ее определяющими факторами целесообразно использовать математическую модель зависимости (формула 1):

$$Y = \log\left(\frac{p}{1-p}\right) = \text{Intercept} + B_1 * X_1 + B_2 * X_2 + B_3 * X_3 + B_4 * X_4 + B_5 * X_5, \quad (1)$$

где:

Y – эффективность социальной политики;

X_1 – доступность и качество благотворительных услуг;

X_2 – справедливость и прозрачность распределения ресурсов;

X_3 – информированность населения о социальных программах;

X_4 – мотивация людей к участию в социальных программах;

X_5 – система материальной помощи.

Характеристики полученной прогнозной модели представлены в таблице 2.

Таблица 2. Характеристики прогнозной модели

Фактор, X_n	Значения показателей, Вп	Рейтинг
Система материальной помощи	4,42	1
Доступность и качество благотворительных услуг	0,91	2
Мотивация людей к участию в социальных программах	0,78	3
Информированность населения о социальных программах	0,59	4
Справедливость и прозрачность распределения ресурсов	0,36	5
Intercept	-1,11	-

Источник: составлено автором.

Наличие «очень слабой» взаимосвязи между факторами в таблице 1 не означает, что данные факторы не важны, скорее, это может указывать на сложность социального контекста и многообразие факторов, влияющих на оценки сотрудников.

Следовательно, вклад каждого фактора «по отдельности» имеет маленький эффект, но при рассмотрении влияния сочетаний факторов через прогнозную модель мы видим, что оценка качества прогнозной модели, основанная на анализе значения AUC, которое составляет 0,845, свидетельствует о высокой точности модели и ее пригодности для практического применения.

Для более детального анализа эффективности модели были проведены расчеты на основе матрицы ошибок «confusion matrix», включающие следующие метрики:

1) базовая точность (Baseline Accuracy) = $(TP + FP) / (TN + TP + FP + FN) = ((6727 + 588) / 8045) = 0,909$.

Это означает, что при текущем состоянии социальной политики удовлетворенность сотрудников составляет 90,9%;

2) точность (Precision) = $TP / (TP + FP) = 6727 / (6727 + 588) = 0,958$.

Данный показатель отражает вероятность того, что если социальная политика оценивается как эффективная, то эта оценка действительно является обоснованной.

3) прирост эффективности (ROI) = Precision – Baseline accuracy = $0,919 - 0,909 = 0,049$.

Таким образом, потенциальное улучшение эффективности социальной политики как одного из ключевых элементов КСО за счет предоставляемых компанией корпоративных благотворительных услуг составляет 4,9%.

Анализ результатов позволяет сделать следующие выводы:

- при сохранении текущей социальной политики уровень удовлетворенности сотрудников останется на уровне 90,9%;

- однако при учете рейтинга значимых факторов (например, совершенствование системы материальной помощи) уровень удовлетворенности может возрасти до 95,8%, что приведет к росту общей эффективности социальной политики;

- повышение удовлетворенности сотрудников приведет к улучшению качества трудовой жизни, снижению текучести кадров, укреплению корпоративной культуры и, как следствие, повышению общей производительности труда.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило влияние оказываемых компанией корпоративных благотворительных услуг на социальную политику ПАО «Татнефть» как одного из ключевых элементов КСО.

Апробация программы исследования на выборке из 10 тысяч респондентов выявила значимые тенденции в оценке корпоративных благотворительных услуг. Отмечается устойчивый рост вовлеченности сотрудников в процессы предоставления услуг пропорционально непрерывному стажу работы в компании. Позитивно оценивается роль корпоративных цифровых технологий, прежде всего мобильного приложения «Сотрудник», однако выявлена необходимость более активного использования цифровизации в управлении этими услугами. Важную роль в развитии и совершенствовании корпоративных благотворительных услуг продолжает играть профсоюзная организация компании.

Разработанная модель анализа удовлетворенности сотрудников показала высокую точность ($AUC = 0,845$) и позволила спрогнозировать повышение уровня удовлетворенности с 90,9 до 95,8% при совершенствовании системы материальной помощи. Среди корпоративных благотворительных инициатив наибольшей популярностью пользуются экологические программы (48,4%) и проекты, направленные на развитие физической культуры (42,7%). Анализ также свидетельствует, что уровень вовлеченности во многом зависит от стажа работы: сотрудники с более длительным трудовым опытом чаще участвуют в инициативах компании. Особое внимание уделяется пенсионерам, которые активно включаются в социальные проекты. Более половины респондентов отметили участие в благотворительных мероприятиях, что отражает высокий уровень социальной ответственности сотрудников.

Несмотря на общий уровень удовлетворенности корпоративной благотворительной политикой и предоставляемыми услугами,

выявлены основные вызовы: недостаточная прозрачность распределения ресурсов, ограниченная доступность некоторых услуг и недостаточное информирование сотрудников.

По результатам агрегирования результатов социологического исследования сформулированы рекомендации в сфере совершенствования корпоративных благотворительных услуг:

- целесообразность дальнейшего расширения диверсифицированности видов корпоративных благотворительных услуг;
- нацеленность на рост активности участия сотрудников в программах грантовой поддержки ПАО «Татнефть» и реализации благотворительных услуг;
- активизация оказания корпоративных социальных услуг по линии добровольного медицинского страхования и социальной ипотеке;
- обеспечение роста информированности сотрудников о корпоративных социальных услугах, в т. ч. за счет совершенствования цифровой платформы.

Для повышения вовлеченности сотрудников компания должна разработать программы, которые учитывают загруженность работников и обеспечивают удобный доступ к информации о возможностях благотворительности, а для повышения эффективности информирования целесообразно усилить цифровые каналы, расширить доступ к информации для всех категорий персонала и внедрить интерактивные механизмы обратной связи, что в свою очередь повысит вовлеченность сотрудников и прозрачность социальной политики компании.

Наиболее эффективным решением в области предоставления корпоративных благотворительных услуг будет внедрение цифровой платформы, позволяющей повысить эффективность развития последних за счет расширения возможностей использования смарт-контрактинга, формирования и коммерциализации банка идей и стартапов фирмы социально-патриотического характера, в т. ч. на национальном и мировых венчурных виртуальных рынках, создания и обеспечения результативного функционирования собственной

краудфандинговой и краудсорсинговой цифровых субплатформ, системной интеграции с российскими государственными цифровыми ресурсами общественно-патриотической направленности.

В целом формирование рациональной структуры цифровой платформы для предоставления компаниями социальных услуг, определение наиболее потенциально результативной как в собственно финансово-экономическом, так и в социальном плане стратегии цифровизации деятельности фирмы, эффективная интеграция с субъектами виртуального сегмента цифровой экономики на современной стадии эволюции постиндустриальных экономических коммуникаций являются базовыми предпосылками обеспечения долгосрочного, устойчивого роста качества предоставления корпоративных благотворительных услуг как самого субъекта хозяйствования, так и некоторых субъектов внешней общественно-экономической среды.

Для современных компаний, по крайней мере относящихся к сегменту крупного или среднего предпринимательства, такого рода цифровая платформа должна носить более комплексный, диверсифицированный и одновременно интегрированный с внешними ресурсами цифровой экономики характер

Научная новизна работы состоит в уточнении понятия «корпоративные благотворительные услуги», авторское социологическое исследование, проведенное на материалах Группы «Татнефть», является уникальным по своей направленности.

Исследование решает важные социально-экономические задачи и сосредоточено на микроуровне, что позволяет изучить практический опыт непосредственно на местах. Полученные результаты могут быть использованы органами государственной власти при разработке нормативных документов, широким кругом исследователей отраслевой и региональной экономики, а также студентами, аспирантами, преподавателями и компаниями, оказывающими корпоративные благотворительные услуги.

Литература

- Адизес И. (2023). Управление жизненным циклом корпораций. Москва: Манн, Иванов и Фербер.
- Ансофф И. (2002). Новая корпоративная стратегия. Москва.

- Бабаков И.Д. (2023). Основные виды социально значимых услуг современных отраслевых рынков // *Время и деньги*. № 6. С. 12–14.
- Вахрушева О.Б., Хахонова Н.Н. (2022). Оценка эффективности корпоративной социальной ответственности // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. № 3. С. 20–27. DOI: 10.25198/2077-7175-2022-3-20
- Демьянова О.В., Шмидт Н.И. (2025). Классификация социально значимых услуг, предоставляемых компаниями // *Региональная экономика: теория и практика*. № 6. С. 57–68. DOI: 10.24891/bvnfhy. — EDN: BVNFHY
- Кагирова С.Д. (2024). Экологическое волонтерство в особо охраняемых природных территориях // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. № 2–1 (89). DOI:10.24412/2500-1000-2024-2-1-56-59
- Кузина О.Е., Чернышева М.В. (2015). Корпоративная благотворительность и ответственность: обоснование понятий // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4. С. 154–165. DOI:10.14515/monitoring.2015.4.08
- Малюфеев И.В. (2023). Социальные услуги в системе социального обслуживания населения: монография. Москва: Дашков и К. 172 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/2084453> (дата обращения 25.07.2025).
- Мюллер Д. (2007). Общественный выбор III. Москва: ГУ-ВШЭ. С. 67–69.
- Нельсон Р., Уинтер С. (2002). Эволюционная теория экономических изменений. Москва: Дело. С. 85.
- Полищук Л.А. (2014). Порог или сообщая: социальный капитал в развитии городов. Москва: Strelka Plus. 6 с.
- Солдатова Н.Ф. (2024). Рынок платных социально-значимых услуг: особенности развития // *Экономика, предпринимательство и право*. Т. 14. № 7. С. 33–71.
- Токарев Д.А., Дюмин П.С., Доценко А.Н. (2025). Влияние ESG-факторов на привлечение иностранных инвестиций // *Лучшая исследовательская работа 2025*. С. 42–45. URL: <https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2025/02/K-745.pdf> (дата обращения 25.07.2025).
- Чубарова Т.В. (2011). Социальная ответственность в рыночной экономике. Санкт-Петербург: Нестор-история. 320 с. URL: <https://www.labirint.ru/books/396234>
- Шмидт Н.И. (2025). Совершенствование государственного регулирования процессов предоставления социально значимых услуг в России // *Экономика и управление: проблемы, решения*. № 2. Т. 6. С. 54–65. DOI:10.36871/ek.up.p.r.2025.02.06.006
- Яроменко Н.Н., Островская А.С. (2024). Развитие корпоративной благотворительности // *Деловой вестник предпринимателя*. № 2 (16). С. 38–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-korporativnoy-blagotvoritelnosti> (дата обращения 21.07.2025).
- Aldrich D. (2020). *Building Resilience: Social Capital in Post-Disaster Recovery*. Chicago.
- Ashurov S., Musse O.S.H., Abdelhak T. (2024). Evaluating corporate social responsibility in achieving sustainable development and social welfare. *BRICS Journal of Economics*, 5(2), 77–102.
- Belina A. (2023). Digital volunteering through a volunteering crowdsourcing platform: lessons from TuDu.org.pl. *Voluntary Sector Review*, 14(3), 557–566. DOI 10.1332/204080522x16546738241352
- De Almeida Barbosa Franco J. et al. (2024). Dynamic capabilities: Unveiling key resources for environmental sustainability and economic sustainability, and corporate social responsibility towards sustainable development goals. *Resources*, 13(2), 22.
- Dempsey-Brench K., Shantz A. (2022). Skills-based volunteering: A systematic literature review of the intersection of skills and employee volunteering. *Human Resource Management Review*, 32(4), 100874. DOI: 10.1016/j.hrmr.2021.100874
- Denison E.F. (2001). *The Unimportance of the Embodied Question*. New York: A.E.R., LIV.
- Lu J. et al. (2021). Assessment of corporate social responsibility by addressing sustainable development goals. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 28(2), 686–703. DOI: 10.1002/csr.2081
- Obeng H.A. et al. (2025). The mediating role of service quality in the relationship between corporate social responsibility and sustainable competitive advantages in an emerging economy. *Business Strategy & Development*, 8(1), C.e70099.
- Okun M.A. (1994). The relation between motives for organizational volunteering and frequency of volunteering by elders. *Journal of Applied Gerontology*, 13(2), 115–126. DOI: 10.1177/073346489401300201
- Pound R., Moore K. (2004). Volunteering to be a better manager. *Strategy and Business*, 12–13. Available at: <https://www.academia.edu/download/87663127/enews-04-29-04.pdf>

- Puiu S., Udriștioiu M.T. (2024). The impact of environmental volunteering on employees, companies, and local communities: A case study on Romanian companies. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 21(5), 631. DOI: 10.3390/ijerph21050631
- Quaye J.N.A. et al. (2024). Social enterprises and the Sustainable Development Goals (SDGs): A means to an end. *Environment, Development and Sustainability*, 1–30.
- Qvist H.P.Y., Munk M. D. (2018). The individual economic returns to volunteering in work life. *European Sociological Review*, 34(2), 198–210. DOI: 10.1093/esr/jcy004
- Zazaeva N.B., Fedyunina S.M. (2021). Main trends in the digital space formation of Russian corporate philanthropy. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 21, 92–101. DOI: 10.22394/1682-2358-2021-6-92-101. Available at: https://www.researchgate.net/publication/357084648_Main_Trends_in_the_Digital_Space_Formation_of_Russian_Corporate_Philanthropy

Сведения об авторе

Наталья Ильясовна Шмидт — аспирант, Казанский федеральный университет (Российская Федерация, 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 4; e-mail: shmidtnei@mail.ru)

Schmidt N.I.

The Importance of Corporate Social Services for the Sustainable Development of the Company

Abstract. In the context of modern global challenges such as social inequality, environmental degradation and limited availability of social services, the importance of corporate social policy is increasing. Companies strive not only to enhance financial stability, but also to create favorable conditions for their employees and society as a whole. In this context, corporate social responsibility (CSR) plays a special role, including corporate philanthropy, social initiatives, and infrastructure development to improve the quality of life. The article analyzes key aspects of CSR, in particular corporate philanthropy, clarifies the content of this concept, and focuses on the experience of its implementation by PJSC Tatneft in the framework of CSR, on the basis of which a sociological research program has been formed. To identify the factors determining the success of social policy in the provision of corporate charitable services, calculations were performed in the R environment through command queries. We propose a model that helps not only to quantify the current level of social policy, but also identify key areas for its improvement in order to increase employee satisfaction. The paper examines the impact of digitalization on the effectiveness of corporate philanthropy: in the context of the digital transformation of the corporate environment, new management approaches are being formed, which contributes to scalability and integration into long-term sustainable development strategies. The methodological basis of the research includes analysis of scientific literature, regulatory documents and practical cases. We also use economic and statistical methods, correlation and regression analysis, scenario forecasting to assess the prospects for the development of corporate charitable services. Findings of the research confirm the positive impact of social policy on the long-term development of enterprises and the formation of a sustainable business model. The recommendations we propose can be useful for companies seeking to improve their corporate social responsibility system and implement effective corporate philanthropic initiatives.

Key words: corporate social responsibility, corporate philanthropy, sustainable development, charity, social policy, volunteerism, PJSC Tatneft, digitalization, corporate social services.

Information about the Author

Natalya I. Shmidt — Postgraduate Student, Kazan Federal University (4, Butlerov Street, Kazan, 420012, Russian Federation; e-mail: shmidtnei@mail.ru)

Статья поступила 18.02.2025.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.14

УДК 504.06, ББК 20.17

© Каро-Гонсалес А., Вальехо О., Альбала Х.

Восстановительные преобразования на перепутье: опыт использования «живых лабораторий»

Антония КАРО-ГОНСАЛЕС

Eoh-for-Good: Leading Systemic Transformation for Common Good

Бильбао, Испания

Валенсийский международный университет

Валенсия, Испания

e-mail: tcarogon@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8048-6941

Олац ВАЛЬЕХО

Eoh-for-Good: Leading Systemic Transformation for Common Good

Бильбао, Испания

e-mail: olatzvallejo@eohforgood.com

ORCID: 0009-0004-9048-4818

Хабьер АЛЬБАЛА

Eoh-for-Good: Leading Systemic Transformation for Common Good

Бильбао, Испания

e-mail: xabieralbala@eohforgood.com

ORCID: 0000-0002-0488-2747

Для цитирования: Каро-Гонсалес А., Вальехо О., Альбала Х. (2025). Восстановительные преобразования на перепутье: опыт использования «живых лабораторий» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 250–267. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.14

For citation: Caro-González A., Vallejo O., Albala X. (2025). Restorative transitions at the crossroads: Multi-actor experiences of leveraging living labs. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 250–267. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.14

Аннотация. Исследование углубляет понимание преобразующего управления (transformative governance) как средства повышения индивидуальной и коллективной ответственности за благоприятное изменение климата. В основе проекта лежат две основные концепции: а) тройной переход — экологический, цифровой и социальный — с многогранной перспективой решения сложных экологических, социально-экономических и геополитических проблем; б) эпоха антропоцена, которая отражает и активизирует способность человека оказывать глубокое влияние на окружающую среду. Доказано, что более целостные, многопользовательские и многоуровневые стратегии совместного проектирования облегчают внедрение новых форм «живых лабораторий» и повышают готовность региональных инновационных экосистем к решению взаимосвязанных задач тройного перехода. Рассматриваются решения, которые формируют согласованное видение, новые формы управления, основанные на широком участии (participatory governance) и более активном вовлечении общественности. Авторы утверждают, что климатическая нейтральность и восстановление экологии требуют активного участия сообщества в рамках концепции «четверной спирали» и высокой гражданской активности. В исследовании индивидуальная и коллективная ответственность однозначно позиционируются как центральные факторы устойчивых изменений. Авторы рассматривают синергические стратегии для согласования преобразующего управления с концепциями, основанными на экосистемах и многоуровневом интерактивном участии. Результаты исследования показывают, что, используя и максимизируя системный подход к тройному переходу (цифровому, социальному и экологическому) и многостороннему сотрудничеству, можно разработать новые формы «живых лабораторий» для достижения более высокого уровня устойчивости, позитивных и даже регенеративных воздействий, способных обеспечить переход к более устойчивому будущему в городах, пригородах и сельской местности.

Ключевые слова: тройной переход, периурбанизация, синергетическое сотрудничество, сотворчество, адаптивное преобразующее управление, общее благо.

«Успешность нахождения компромиссов и максимизации синергии зависит от конкретного случая, масштабов внедрения решения, модели управления, наращивания потенциала, взаимодействия в рамках существующей системы землепользования и вовлечения местного населения и коренных народов, а также совместного использования выгод с помощью таких механизмов, как концепция нейтрального баланса деградации земель КБО ООН»

(Shukla et al., 2022)

Введение

Человечество находится в переходном периоде, вызванном антропогенным воздействием и отражающем глубокие изменения, произошедшие в эпоху антропоцена, характеризующуюся огромным влиянием человека на планету. Изменение климата затрагивает и будет затрагивать все живые существа в различных экосистемах мира.

Несмотря на интерес исследователей и политиков к тематике «живых лабораторий» (Schuurman et al., 2016; Leminen et al., 2017), отсутствует единое направление в изучении цифрового, экологического и социального перехода. Наша работа восполняет этот пробел, предлагая интегрированный набор инструментов «живых лабораторий», позволяющий воплотить более системную, ориентированную на результат стратегию перехода (Voytenko et al., 2016; McCormick, Hartmann, 2017).

Вопрос состоит в том, каким образом мы будем работать, чтобы предпринять более согласованные коллективные усилия по устранению последствий антропоценового ущерба.

Несмотря на присущее человеку неприятие перемен, мы постоянно сталкиваемся с ними на всех уровнях — от индивидуального до поселенческого и глобального. Текущие события, такие как пандемия COVID-19, сильные засухи, наводнения, лесные пожары и социальное неравенство, являются примерами «ураганов»,

которые нарушают социально-экономическое, политическое и экологическое положение. К числу наиболее острых глобальных проблем относится необходимость смягчения последствий изменения климата и адаптации к ним (Smith et al., 2020).

Данные потрясения подчеркивают необходимость открыто взглянуть на людей в качестве «хищников» или «эксплуататоров» без меры и контроля, или в качестве позитивных «активистов перемен» (agents of change), поскольку эпоха антропоцена создает как проблемы, так и уникальные возможности в области управления. Человечество достигло критического момента, ставя во главу угла личные интересы, возлагая лишь на немногих ответственность за общее благо. Чтобы устранить этот перекося, мы должны способствовать глобальному и индивидуальному пробуждению, которое вдохновит на позитивные изменения в обществе, искусственных системах и природных экосистемах. Это требует осознания коллективной ответственности в достижении общего блага.

Цель исследования — изучить, как совместное преобразующее управление способствует системным экологическим изменениям через воспитание ответственного отношения к окружающей среде и предоставление начинающим новаторам возможностей совместного творчества и новых инструментов. В соответствии с целью поставлены следующие задачи:

- 1) определить принципы совместного преобразующего управления в контексте экологических и климатических изменений;
- 2) оценить роль методик совместного творчества в повышении ответственного отношения к окружающей среде;
- 3) изучить, как новые инструменты и услуги способствуют воспитанию новых поколений экологических и социальных новаторов;
- 4) оценить влияние подходов к управлению с участием многих заинтересованных сторон (многоакторному управлению) на получение устойчивых системных результатов.

Таким образом, были сформулированы и проверены две гипотезы.

H1: Совместное преобразующее управление повышает индивидуальную и коллективную ответственность за позитивные действия в области изменения климата, способствуя более

масштабным преобразованиям. Для использования данной модели важно применять системное перспективное мышление в сочетании с механизмами взаимодействия большого числа участников и многоуровневого сотворчества (например, внедрение экологических инициатив на уровне населенного пункта, совместное планирование в целях повышения устойчивости к изменению климата).

H2: Преобразующее управление, основанное на принципах сотрудничества и опирающееся на новые методики, инструменты и услуги (Caro-González, 2023), может быть эффективно внедрено путем воспитания новых поколений «активистов перемен» и обеспечения условий для появления новаторов в экологической, цифровой и социальной сферах, тем самым ускоряя переход к климатически нейтральному, инклюзивному и устойчивому будущему.

Обзор литературы

Города играют важнейшую роль в смягчении последствий изменения климата, поскольку ответственны за значительную долю выбросов парниковых газов, рост городского населения, расширение урбанизированных территорий и инфраструктуры, а также длительный срок службы зданий и транспортных систем (Seto et al., 2021). Системный подход к управлению имеет решающее значение для: а) содействия ускорению регенеративного изменения климата в городских, пригородных и городско-сельских поселениях; б) обеспечения долгосрочной стабильности; в) поддержки преобразующих действий, которые способствуют ускоренным позитивным изменениям окружающей среды в этих поселениях.

Концепция тройного перехода (Triple Transition framework) предусматривает комплексное преобразование — экологическое, цифровое и социальное — под девизом «Один за всех, все за одного» (Caro-González et al., 2023). Она выступает за справедливые, ориентированные на человека и благоприятные для окружающей среды преобразования, основанные на согласованных взаимовыгодных подходах, направленных на решение глобальных проблем, таких как военные действия, ухудшение состояния окружающей среды и социальная дезадаптация. В рамках концепции особое внимание

уделяется возрождающимся практикам, таким как экономика замкнутого цикла и устойчивый, справедливый экономический рост¹. Эти меры способствуют преобразующему управлению, многостороннему сотрудничеству для достижения экологических целей и системному подходу, объединяющему цифровые технологии, энергетику и экологические проблемы.

Города и пригородные зоны рассматриваются как обширные «совместные лаборатории» (co-laboratories; новое поколение «живых лабораторий» и экосистем), имеющие возможность проводить коренные изменения посредством экспериментов, обучения и вовлечения многих участников, способствуя системным инновациям и сотрудничеству в различных аспектах (Scholl et al., 2022; Bhatta et al., 2023; Serra et al., 2024).

Для эффективного решения проблемы, связанной с изменением климата в городах и пригородных районах, важно задействовать многоуровневое управление, включая государственные и негосударственные организации, и обеспечить существенное финансирование, выходящее за рамки отраслевых стратегий (Costero Bolaños, 2024). В то же время многоуровневое управление превратилось в сложную полицентричную систему, охватывающую глобальный, национальный и местный уровни, опирающуюся на формальные и неформальные сети (Fuhr et al., 2018; Di Gregorio et al., 2019; Gonzales-Iwanciw et al., 2020). Такой тип управления координирует политику на всех этих уровнях для обеспечения согласованного реагирования на экологические проблемы. Хотя смягчение последствий изменения климата носит глобальный характер, организация усилий на местном уровне и потребность в гибком подходе препятствуют ведению интегрированной политики. Нахождение баланса между смягчением последствий и гибким подходом при межуровневом взаимодействии остается недостаточно изученным, но социальное обучение — сближение во взглядах активных участников — играет решающую роль, способствуя принятию комплексных решений на основе коллективных действий.

¹ <https://eohforgood.com/eoh-lution-podcast/>

(Heinen et al., 2022) утверждают, что полицентричное и многоуровневое управление климатом происходит в пяти измерениях. Это вопросы управления; лица, принимающие решения; взаимодействия; используемые правила; степени зависимости. Полицентричное управление делает упор на местное самоуправление, в то время как многоуровневое управление фокусируется на формально взаимозависимых субъектах, сотрудничающих на всех уровнях государственного управления.

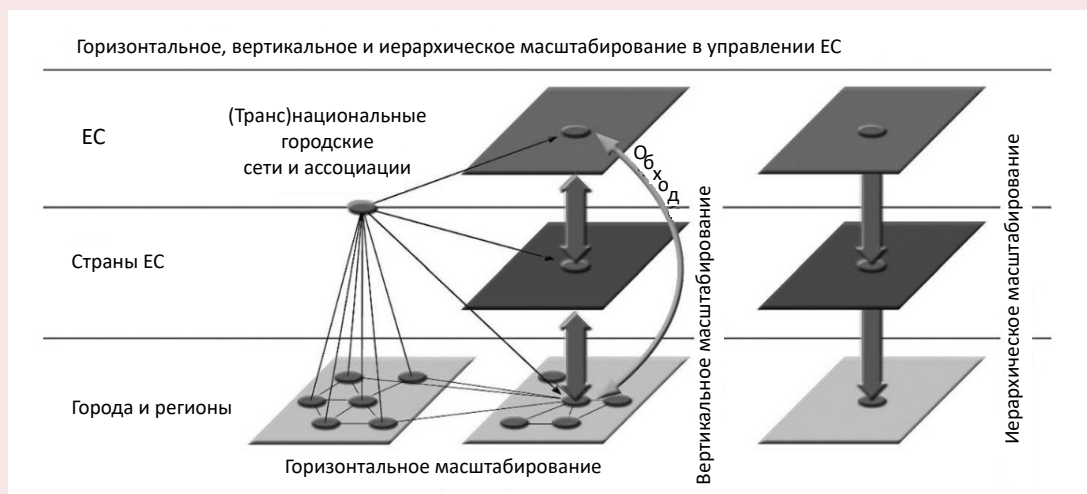
В международных муниципальных сетях города действуют по разным правилам на основании нормативно-правовой базы конкретной страны. Некоторые города самостоятельно организуют мероприятия по борьбе с изменением климата, в то время как другие объединяют усилия на всех уровнях управления, получая значительное финансирование.

Эти расхождения приводят исследователей к различным выводам относительно таких факторов, как лидерство, доверие и саморегуляция. Многие малые и средние предприятия не имеют необходимых стратегий, хотя такие города, как Копенгаген и Сидней, принимают эффективные меры по борьбе с изменением климата, что подчеркивает значительную потребность в активной политике на местном уровне, направленной на ограничение глобального повышения температуры до 1,5 °C.

В работе (Kern, 2019) проанализировано многоуровневое управление климатом в Европейском союзе (ЕС), выявлены взаимодействия между лидерами, догоняющими и отстающими странами (рис. 1). Автор отмечает, что деятельность по борьбе с изменением климата на местном уровне приобретает всё большее значение, поскольку полномочия переходят как к ЕС, так и к местным властям. Многие европейцы живут в городах с амбициозными целями в области климата, таких как Жирона, Лимерик, Реджо-Эмилия или муниципалитет Фили². Однако автор исследования предупреждает, что действия

² Network of ambitious cities on climate neutrality grows to 184 on EU Cities Mission peer-learning programme. NetZeroCities. Available at: <https://netzerocities.eu/2025/01/22/network-of-ambitious-cities-on-climate-neutrality-grows-to-184-on-eu-cities-mission-peer-learning-programme/> (accessed: January 28, 2025).

Рис. 1. Горизонтальное, вертикальное и иерархическое масштабирование в управлении ЕС

Источник: (Kern, 2019).

исключительно на местном уровне не решат проблему целиком.

(Fuhr et al., 2018) подчеркивают преимущества климатических подходов «снизу вверх», при этом выделяются эксперименты в городах в рамках полицентрического управления. Авторы представили «встроенное масштабирование» — модель управления, объединяющую горизонтальные, вертикальные и иерархические механизмы и учитывающую взаимодействие многих участников.

Преобразующее управление — это процесс управления обществом для достижения устойчивых и справедливых результатов. Оно предполагает выход за рамки традиционных моделей управления и использование более целостных, инклюзивных и гибких подходов для достижения общего блага (Caro-González, 2023). Главные элементы преобразующего управления включают:

- а) экосистемное мышление для понимания условий конкретного города и управления им комплексно, целостно и экологично;
- б) активное вовлечение граждан на местном уровне в процесс принятия решений, осознание ими необходимости внести свой вклад;
- в) большое количество участников для обеспечения представительства и учета различных точек зрения и интересов;

г) системное преобразование в целях содействия масштабным изменениям в социально-экономических и экологических системах в соответствии с долгосрочным видением общего блага.

Преобразующее управление открывает путь к преодолению сложных переходных процессов и построению справедливого, устойчивого и инклюзивного будущего. Основная задача заключается в эффективном внедрении политики и практик, направленных на восстановление. Для этого требуется, чтобы инициативные общественники разрабатывали структуры с участием политических и религиозных лидеров, предпринимателей и активных членов общества. Данные социальные структуры обеспечивают достижение успеха и совершенствуют этот процесс в долгосрочной перспективе.

Без скоординированных, комплексных действий экологические проблемы в городах, пригородных и сельских поселениях решаются медленно, что чревато потерями во времени и эффективности. В исследовании (Shabnam et al., 2016) подчеркивается потенциал «Т-образной» концепции (T-shaped concept) как основы для совершенствования многоуровневого преобразующего управления. Эта модель, характеризующаяся возможностями совместной междисциплинарной работы (горизонтальная

черта буквы «Т») и перемещения внутри определенных областей (вертикальная черта буквы «Т»), особенно эффективна для ускорения позитивных изменений климата; придает усилиям всесторонний и скоординированный характер, необходимый для решения сложных климатических проблем, путем введения межотраслевого сотрудничества и обмена специальными знаниями.

Методология

В теоретической части исследования был проведен комплексный обзор литературы для синтеза существующих концепций совместного творчества, инновационных экосистем и адаптации к изменению климата. Это легло в основу концепции предлагаемых Т-образных «живых лабораторий». Ее разработка включала комбинированный подход, объединяющий картирование заинтересованных сторон, моделирование системной динамики и семинары по итеративному проектированию. Таким образом, теоретические идеи были воплощены на практике, гарантируя, что предлагаемые лаборатории основаны на фактических данных и учитывают контекст.

Была использована качественная методология для изучения возможностей и проблем, связанных с ускорением позитивных изменений климата в разнообразных условиях городов, пригородных и сельских поселений по всему миру. С помощью качественных методов в исследовании подробно излагаются перспективы и специфические факторы, формирующие преобразующее управление.

При создании выборки особое внимание уделялось разнообразию и репрезентативности, достигаемым благодаря включению инициатив из Европы, Америки, Азии и Африки (благодаря взаимодействию экспертов). Целенаправленная выборка по принципу «снежного кома» выявила участников, которые соответствовали целям исследования, особое внимание при этом уделялось инновациям в области управления, коллективной ответственности общества и позитивным изменениям климата в рамках концепции тройного перехода.

Применение такой стратегии позволило собрать информацию об инициативах, находящихся на разных стадиях развития, в разных географических регионах, тематических об-

ластях и с разным уровнем вовлеченности заинтересованных сторон. В результате анализ охватывает спектр DSI инициатив — от новых проектов до уже существующих, обеспечивая детальное понимание, как DSI проявляется в различных контекстах и секторах.

Данная работа является частью более обширного текущего исследовательского проекта, в рамках которого было проведено 17 полуструктурированных интервью с участниками из различных сфер (рис. 2). В выборке соблюдены пропорции в соотношении географического положения, тематики, уровня инициатив, половой структуры респондентов (55,6% мужчин и 44,4% женщин), что согласуется с регенеративным методом и принципом коллективной ответственности. Кабинетное исследование дополнило интервью, тематический анализ с использованием Atlas.ti выявил ключевые закономерности и идеи в области преобразующего управления.

Для анализа разработанных для конкретных условий инициатив в сфере изменения климата в городах и пригородных зонах были отобраны проекты из 14 стран. Эти инициативы различаются по масштабу:

- «живые лаборатории» по созданию экономики замкнутого цикла (например, Лаборатория Токоро, Япония);
- планы по долгосрочным институциональным преобразованиям (например, Датский институт пожарно-охранных технологий; Эстонский национальный музей; Фонд i2Cat; Норвежский научно-технологический университет);
- местные проекты (Equipo Europa; Global Shapers по вовлечению молодежи);
- европейские проекты в области образования, науки и инноваций (FORTH на Филиппинах; INTEGER в трех европейских регионах);
- общественные движения (например, Xquenda_Lab в Мексике за коренной народ — сапотекы; Mujeres Conectadas в Перу за повышение вовлеченности женщин в г. Трухильо),
- местные, региональные и национальные стратегии развития (например, Содружество муниципальных образований Альто-Тахо, Испания; Региональная стратегия Каталонии; национальная стратегия социальной устойчивости Чили);

— европейские сети и ассоциации (например, ENoLL — Рабочая группа по энергетике и окружающей среде; Европейская сеть культурных центров; Образование для жизни во взаимозависимом мире).

В таблице представлены страны, где реализуется каждая из основных инициатив. Однако важно отметить, что интервью также охватывают другие проекты в разных регионах, работа по которым завершилась или продолжается.

Результаты исследования

Для повышения достоверности результатов были запрошены отзывы и оценки от коллег и внешних экспертов, что помогло выявить потенциальные «слепые пятна» и предвзятые мнения и улучшить качество исследования. В число привлеченных экспертов вошли специалисты из инновационных экосистем Дании, Норвегии, Нидерландов и Канады, не относящихся непосредственно к рассматриваемым в работе.

В данном разделе излагаются результаты анализа, подчеркивающие роль совместного творчества как ключевого фактора инноваций и устойчивого развития. Показано, что совместное творчество способствует развитию как индивидуальной, так и коллективной ответственности, позволяя применять более инклюзивные и адаптивные подходы к борьбе с изменением климата. В частности, оно становится важнейшим механизмом внедрения преобразований в городских и пригородных зонах, способствуя разработке совместных решений сложных экологических проблем, учитывающих местные особенности.

Повестка дня на период до 2030 года выдвигает на первый план многоуровневое гибкое управление и выступает за взаимовыгодные методы смягчения последствий, которые не конкурируют за землю. Такие методы сокращают масштабы переустройства земель, способствуя смягчению последствий изменения климата, восстановлению земель, продовольственной безопасности и достижению целей устойчивого развития (ЦУР) (Smith et al., 2020). Инклюзивное, многоотраслевое, гибкое планирование, помимо минимальных затрат, обеспечивает взаимовыгодное междисциплинарное сотрудничество, сохраняет варианты на будущее и определяет пространство решений для адаптации к изменению климата в долгосрочном периоде (Shukla et al., 2022).

Некоторые эксперты, в соответствии с идеями антропоцена, предполагают, что инновационные процессы способны преобразовывать отдельных людей и общество:

«Субъекты в той или иной форме могут преобразовываться, или мы сами можем преобразовываться посредством этих инновационных процессов» (I8-ES, 2024; 00:08:48).

Один из респондентов (I8-ES, 2024; 00:26:11) выделяет культурные инновации как управляемый человеком процесс и подчеркивает активную роль человека в формировании мира. Эксперт отмечает недостаточную осведомленность об этой роли и ее влиянии на естественную эволюцию. Новые теории культурных инноваций призваны обратить наше внимание и напомнить об ответственности, которую мы несем за изменения, происходящие в природных системах в результате деятельности человека.

На рисунке 2 представлен целостный многоуровневый подход и подход «модели множества i», в котором сходятся точки зрения «снизу вверх», «сверху вниз» и «посередине». В работе (Busquets, 2010) предложена концепция организации интеллектуальных бизнес-сетей (SBN), которая дополняет идею торнадо Eoh-for-Good (левая часть рисунка) (Caro-González, 2023). Эта модель является результатом лонгитюдного исследования деятельности, экспериментов и процесса обучения в различных условиях с целью систематического анализа и разработки новой теории культурных инноваций для ускорения инновационных процессов путем поглощения инноваций со всех сторон (Caro-González, 2023).

Нижний уровень включает граждан, отдельные спирали и организации, которые часто функционируют как изолированные узлы без интеграции.

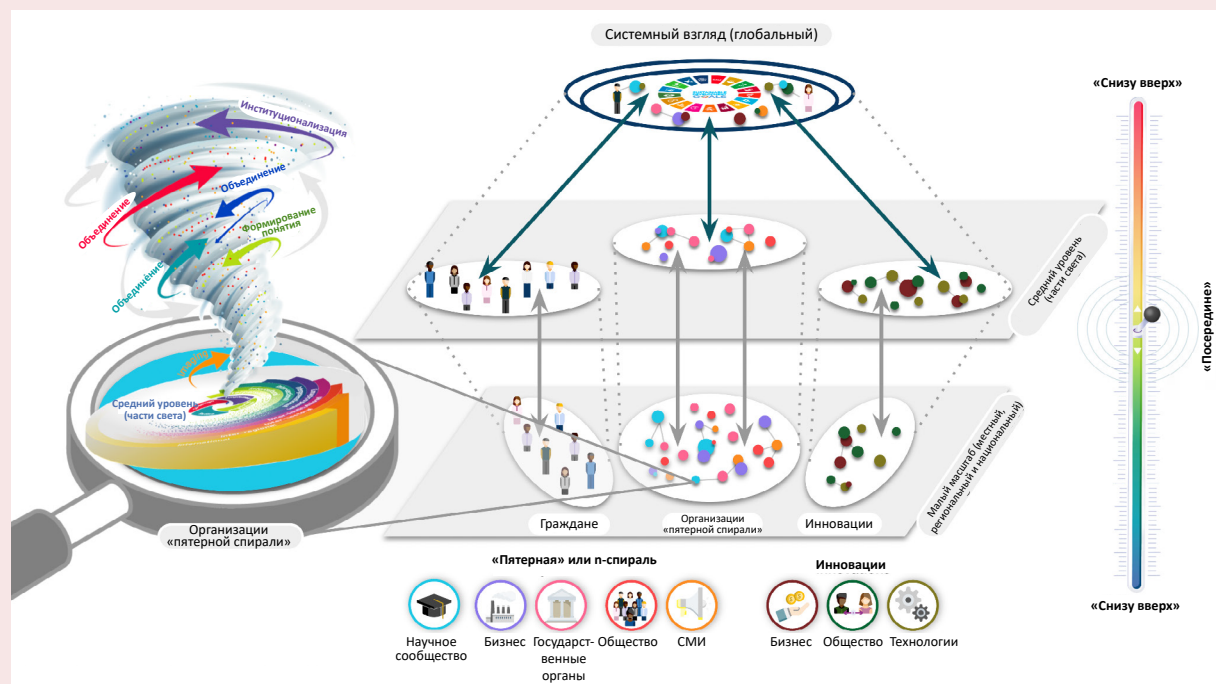
Уровень «сверху вниз» включает политику и стратегии, которые позволяют внедрять планы, программы и инструменты на всех уровнях, объединяя их по вертикали. Как указано в отчете Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) за 2022 год, комплексные, многоотраслевые, инклюзивные и системно-ориентированные решения, наряду с поддерживающей государственной политикой, повышают устойчивость в долгосрочной перспективе (Shukla et al., 2022, p. 90). В рамках

Информация о проектах и участниках интервью

Местоположение (страна/регион)	Код респондента	Пол респондента	Масштаб инициативы	Сферы деятельности	Целевые группы и направления
Бельгия (Европа)	I4-BE	Ж	Международный	Образование, вовлечение, целостность, единый подход, общественные движения	Молодежь, научное сообщество
Чили (Латинская Америка)	I2-CL	М	Национальный	Научно-техническое образование, социальная устойчивость	Общество, научное сообщество, политики
Дания (Европа)	I11-DK	М	Национальный	Техно-антропология, пожарно-охранные технологии, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), разработка политики	Общество, государственное управление
Эстония (Европа)	I3-EE	Ж	Национальный	Культурные и креативные индустрии (CCIs), музеи, развитие, использование СМИ разными поколениями, цифровизация	Общество, государственное управление и сохранение местной культуры
Гамбург, Германия (Европа)	I6-GER	М	Региональный Европейский	Экономика, инновации, стартапы, передовые технологии, здравоохранение, гражданская активность	Государственное управление, министерства, гражданское общество
Япония (Азия)	I17-JPN	Ж	Национальный	Экономическое сотрудничество, государственное управление	Государственное управление, ОЭСР, научное сообщество
Мексика (Америка)	I5-MX	М	Национальный	Цифровизация, искусственный интеллект, технологии, культура, языковая интеграция, инновации и практика коренных народов	Общины коренных народов, гражданское общество
Нидерланды (Европа)	I10-NL	М	Международный	Модернизация экосистемы, блокчейн	Бизнес, научное сообщество, технологии
Норвегия (Европа)	I9-NO	Ж	Международный	Устойчивые инновации, инжиниринг, образование, передача технологий, половой аспект, технологии здравоохранения	Научное сообщество, женщины, общество
Перу (Латинская Америка)	I1-PE	Ж	Национальный	Половой междисциплинарный подход, вовлечение женщин	Женщины, общество
Филиппины (Азия)	I16-PHL	Ж	Национальный	Образование, вовлечение молодежи и волонтерская работа: «Спираль Общества» (Society Helix)	Некоммерческие организации, образование
Польша (Европа)	I7-PL	М	Европейский	Территориальное развитие – сельская/городская местность, гражданское участие и практики участия, культурные и креативные индустрии	Учреждения культуры, гражданское общество
Испания, Каталония (Европа)	I8-ES	М	Региональный Международный	Участие в «Спирали» (Helix participation), универсальные инновационные системы, исследования и новаторы, управление	Инновационные экосистемы, спирали связей и сотрудничества
Испания (Европа)	I12-ES	Ж	Региональный	Интеграция, многообразие, образование	Гражданское общество, территориальный баланс, государственное управление
Испания (Европа)	I13-ES	М	Национальный	Политика, периферизация сельских районов, территориальные и социальные инновации	Гражданское общество, государственные сектор, правительство, политики
Испания (Европа)	I15-ES	М	Международный	Молодежь, гражданские и неполитические организации, занимающиеся улучшением общества: «Спираль Общества»	Молодые активисты и общественные организации
Швейцария (Европа)	I14-CH	М	Международный	Устойчивая энергетика, электрификация транспорта, энергетическая политика, восстановление городов, передача знаний и технологий	Исследователи, политики, представители энергетического сектора, эксперты в области устойчивых технологий

Источник: <https://leoforgood.com/>

Рис. 2. Многоуровневые вертикальные и горизонтальные взаимосвязанные перспективы

Источник: <https://eohforgood.com/>

климатической политики на уровне ЕС все активнее распространяются «живые лаборатории» как пространство для расширения многоуровневого сотрудничества, объединения людей, инноваций и спиралей для поддержки преобразующего управления, нейтрального или восстановительного климатического перехода.

«Модель множества *i*» раскрывает комбинации динамики сотрудничества в нескольких измерениях, начинающихся в английском языке с буквы «*i*»: межличностное (interpersonal), межсекционное (intersectional), междисциплинарное (interdisciplinary), межспиральное (interhelix), межсекторальное (intersectoral), межпоколенческое (intergenerational), межкультурное (intercultural), межинституциональное (inter-institutional), межрегиональное (inter-regional) и международное (international) (Caro-González, 2023, pp. 59–73). Эти взаимодействия способствуют совместному инновационному творчеству и сотрудничеству между учреждениями, секторами и т. д., гарантируя, что решения учитывают контекст, являются социально инклюзивными и получают более широкую поддержку.

Преобразующее управление «модели множества *i*» для инноваций предполагает активное взаимодействие и согласование соответствующих сторон, включая внутренних и внешних партнеров, обеспечивая сотрудничество и общую ответственность за изменения. Эти процессы осуществляются параллельно с междисциплинарным сотрудничеством в сфере деятельности и исследований, основанным на антропоцентричном подходе (Vrontis et al., 2020; Iandolo et al., 2024), и отдают приоритет экспериментам над механистическими процессами.

Международный характер многих климатических рисков и изменения численности видов требует принятия многонациональных или региональных решений в области управления земельными ресурсами (Shukla et al., 2022, p. 111). Объединяя различных участников, сотворческие многокомпонентные торнадо (как показано на рисунке 2 слева) имеют потенциал для развития центров инноваций, предлагая решения сложных проблем, с которыми сталкиваются предприниматели, коллективы специалистов, организации и экосистемы (Caro-González, 2023, p. 73). В ходе интервью были

проанализированы совместные центростремительные и центробежные силы, формирующие структурную динамику инноваций. При данном подходе возможно найти короткий путь к инновациям за счет эффективного структурного межуровневого взаимодействия участников, управления сетевыми границами и объединения цифровых платформ.

«Живые лаборатории» являются площадками у основания воронки для зарождения идей, внутрикорпоративной и предпринимательской деятельности, взаимодействия с заинтересованными сторонами, а также непрерывного обучения и адаптации. Они становятся вращающейся осью, ускоряющей необходимый процесс изменений, способствующей обмену знаниями, экспериментированию и коллективной разработке инновационных решений.

Вращение обеспечивает согласованность, сотрудничество, коллективную ответственность, постоянное совершенствование и устойчивость к изменениям. Воронка быстро расширяется за счет привлечения инноваций с ее краев, включая междисциплинарное сотрудничество, местные или международные межотраслевые проекты и инициативы, ориентированные на экологию в городах и пригородах.

Международные организации, сети, «живые лаборатории» и другие инициативы выступают в качестве посредников, соединяющих различные пространства и уровни. Соответственно, междисциплинарное и межотраслевое сотрудничество имеет решающее значение, поскольку интеграция разнообразных знаний и вовлечение граждан в процесс принятия решений повышают оперативность и эффективность государственного управления в решении проблем, связанных с изменением климата (Degroot et al., 2021). Эксперт, работающий в Дании, подчеркивает:

«И когда мы поймем? Для чего нам это? Смотрите: неожиданно тот, у кого больше опыта в данной сфере, может внести свой вклад, и мы все приходим к соглашению, и мы создаем решение междисциплинарно [...], когда мы говорим о междисциплинарности, это уже не одна дисциплина. Например, одно дело — работать с инженерами и социологами, и совсем другое — вести дискуссию с местным жителем, у него совершенно иной подход» (I11-DK, 2024, 00:07:35).

Новые дисциплины, такие как техноантропология и техносоциология, объединяют социальные науки и проектирование (Matus et al., 2018) для создания инклюзивных решений, преодолевающих традиционные дисциплинарные границы. Наличие «активистов перемен», обученных этой гибридной дисциплине на стыке инженерных и социальных наук, облегчает процессы, которые требуют посредников, не относящихся к какой-либо одной дисциплине, но находящихся на их границе.

Экологические изменения в городах и пригородных поселениях, как правило, происходят медленно. Одной из неотложных задач является ускорение мер по восстановлению климата в городах и пригородных поселениях для повышения как индивидуальной, так и коллективной ответственности. Для этого различные эксперты и практики отстаивают и внедряют новые гибкие, адаптируемые, основанные на сотрудничестве и творчестве методы, которые могут способствовать созданию устойчивой и регенеративной городской среды (например, использование блокчейна для преобразующих изменений с целью создания инклюзивных экосистем; I10-NL 2024; разработка инструмента на основе искусственного интеллекта, способного распознавать образцы культуры сапотеков, для демократизации инноваций в культуре коренных народов; I5-MX 2024). Как заявил один из экспертов:

«Ускорение, которое необходимо осуществить городу для смягчения последствий изменения климата и адаптации к ним, предполагает повышение способности городов к оперативным действиям и преобразованиям в нескольких направлениях, таких как крыши домов, электромобили, зеленые зоны и качество мобильности» (I14-CN, 2024, 01:16:28).

Сотворчество имеет решающее значение для содействия инновациям и устойчивому развитию, поскольку оно облегчает процессы дискуссии и принятия решений, а также расширяет возможности для сотрудничества, повышает вовлеченность и доверие общества. Такой подход позволяет достичь стратегических целей и превратить участие граждан в самоцель. Ключевой момент, из-за которого такие компании, как Eoh-for-Good, и такие специалисты, как техноантропологи и хорошо обученные «акти-

висты перемен», работают вместе, заключается в том, что без качественной организации сотворчество не работает должным образом, не является устойчивым или может приводить к непрочным соглашениям.

Гибкие, формальные и неформальные виды сотворчества в рамках городских, пригородных и городско-сельских «живых лабораторий» обеспечивают широкое участие, создают среду взаимодействия, в которой можно одновременно решать краткосрочные и долгосрочные задачи. Такой подход способствует формированию инклюзивной и инновационной культуры развития города (Puerari et al., 2018). Один из опрошенных экспертов признает важность такой работы:

«Здесь ваши союзники — все, кто хочет внести свой вклад в общее благо, особенно если мы говорим о многочисленных в Испании сельских поселениях. Эти деревни — фундамент, на котором были построены наши города, в них жили поколения, упорно трудящиеся и преданные делу [...]. Точно так же, как эти сельские районы когда-то служили жизненно важными точками роста, теперь у них есть потенциал, который принесет пользу всем нам. Главный вывод заключается в том, что, уделяя особое внимание сельским районам и оказывая им поддержку, мы можем решить многие насущные проблемы, с которыми в настоящее время сталкиваются города, такие как доступность жилья, транспортная загруженность и загрязнение окружающей среды» (I13-ES, 2024, 00:43:00).

Многие проблемы взаимосвязаны: так, решение задачи по преодолению сокращения численности населения в сельской местности имеет критическое значение для борьбы с перенаселенностью городов.

Коллективно разработанные методы и сотворчество вовлекают различных участников в процессы создания, реализации и оценки инициатив, что вызывает отклик у мотивированных людей, которых мы определили как «ранних последователей» («early adopters»). Они становятся «активистами перемен» при прохождении соответствующих программ повышения квалификации, что отвечает необходимости и позволяет внедрять инновации граждан и учреждений в рамках сотворческих сетей преобразующего управления. Проекты социально-цифровых инноваций превращают проблемы

в решения благодаря двусторонней обратной связи, позволяющей социально-цифровым новаторам находить эффективные решения и объединить всех участников в экосистему через совместную работу:

«Следующий шаг — это когда вы являетесь группой, работающей сообща, и своими коллективными действиями приносите пользу кому-то, при этом ваши решения предлагаются всему сообществу» (I10-NL, 2024, 0:27:00); «Каждый, кто участвует, будь то разработчик, или пользователь, или автор... все они могут стать частью экосистемы как единого целого» (I10-NL, 2024, 0:16:50).

Такая включенность обеспечивает одновременно технологически обоснованные, социально приемлемые решения, которые являются экологически нейтральными или способствующими восстановлению окружающей среды; позволяет реализовать подход, ориентированный на данную местность, с помощью гибких коллективных действий. Данный метод связан с принципом «никого не оставлять без внимания» и призван особо учитывать мнение женщин, коренных народов и меньшинств. Комплексные, многоотраслевые решения, направленные на устранение социального неравенства, изменение мер реагирования исходя из климатических рисков и взаимодействие различных систем, могут повысить вероятность и эффективность адаптации в различных отраслях (Shukla et al., 2022, p. 21).

Хотя заданные требования и структура необходимы, шаблоны должны оставаться гибкими, чтобы способствовать творчеству и инновациям, поддерживать баланс, в условиях которого поощряются разнообразные новаторские предложения, соответствующие целям тройного перехода (Rodriguez Müller et al., 2024):

«Это, в некотором роде, исключение людей, которые не пользовались всеми возможностями в рамках этого общественного строя, который навязывался веками» (I5-MX, 00:08:40).

Проектирование и внедрение ориентированных на конкретную задачу инновационных пространств, инструментов, создание условий для плодотворной работы — всё это имеет ключевое значение для организации целевых, готовых к будущему устойчивых и регенеративных городов и пригородных поселений.

«Чтобы разработать решение, важно понять, что работает, но еще важнее учесть то, что не сработало в разных обстоятельствах» (I9-NO, 2024, 0:07:24).

Для того чтобы ускорить процессы смягчения последствий изменения климата и адаптации к ним в городах, требуется расширить возможности городов при работе по таким ключевым направлениям, как установка фотоэлектрических систем на крышах, энергоснабжение, зеленые зоны и мобильность. К проблеме использования пространства для установки возобновляемых источников энергии часто подходят количественно, пренебрегая особенностями ее решения в городах и на других территориях (Delgado-Jiménez, 2024). Энергетическая политика часто не учитывает взаимоотношения внутри поселений, в то время как инициативы «снизу вверх» играют ключевую роль в обеспечении достижения справедливости и экологической ответственности. Чтобы люди могли эффективно работать вместе, важно внедрять такие пространства, инструменты и системы взаимоотношений, как «живые лаборатории», платформы для жителей поселений и совместные инициативы, которые позволяют обмениваться знаниями, повышать осведомленность граждан и влиять на выбор политических решений путем создания групп единомышленников (I17- PHL, 2024).

За последние десятилетия появилось множество «живых лабораторий» (LLs), фаблабов (fab labs), коллабораторий (collaboratories), суперлабов (superlabs), лабораторий разработки политики (policy labs) и других, которые пытаются развивать экосистемы по созданию инноваций как важную часть социальной структуры. Понятие «лаборатория» («Lab») могло бы относиться ко всем этим разрозненным и не связанным между собой элементам новой социальной структуры. Их можно классифицировать по следующим критериям:

а) область применения: «живые лаборатории городов» направлены на мобильность и устойчивое развитие; «живые лаборатории сельских территорий» — на инновации в сельском хозяйстве и развитие села; «живые лаборатории в области здравоохранения и благополучия» — на цифровое здравоохранение и уход за пожилыми людьми; «экологические «живые

лаборатории» — на смягчение последствий изменения климата и управление водными ресурсами; энергетические «живые лаборатории» — на повышение энергоэффективности и переход к возобновляемым источникам энергии; «живые лаборатории» в области ИКТ и цифровых инноваций — на развитие кибербезопасности и таких технологий, как Интернет вещей; «живые лаборатории социальных инноваций» — на большую вовлеченность местного населения и развитие самоуправления; культурные и творческие «живые лаборатории» — на поддержку цифровой культуры; образовательные «живые лаборатории» — на внедрение образовательных технологий (EdTech) и непрерывного образования (lifelong learning); транспортные «живые лаборатории» — на внедрение инновационных технологий в сфере транспорта; производственные «живые лаборатории» — на осуществление четвертой промышленной революции; «живые лаборатории в области продовольствия и сельского хозяйства» — на обеспечение продовольственной безопасности и устойчивого сельского хозяйства;

б) географический охват: местные «живые лаборатории», ориентированные на уровень города или другого населенного пункта; региональные «живые лаборатории», охватывающие несколько населенных пунктов; национальные «живые лаборатории», привлекающие участников со всей страны; международные «живые лаборатории», охватывающие несколько стран;

в) модель взаимодействия: от «живых лабораторий на базе университета, предприятия, государства, населенного пункта до государственно-частных партнерств.

Различные инструменты и системы взаимоотношений, помимо предложенных в работе (Kern, 2019), обеспечивают сотрудничество в области полицентричного и многоуровневого управления климатом. Городские «живые лаборатории», например, позволяют взаимодействовать различным субъектам и способствуют переходу к долговременной устойчивости посредством экспериментальных процессов сотрудничества с большим числом участников. Эти лаборатории, наряду с пилотными площадками, внедряют экспериментальные подходы к инновационной политике, тестируют и продвигают новые социотехнические механизмы и ме-

тоды управления в реальных условиях (Puerari et al., 2018; Engels et al., 2019). Государственно-частное партнерство также играет важную роль, поскольку повышает эффективность и масштабы государственных инвестиций благодаря интеграции этапов реализации проектов (Prats, 2019). Кроме того, платформы и сети с большим числом участников объединяют активистов для содействия диалогу и реализации совместных климатических инициатив (Betsill, Bulkeley, 2021), например повышение энергоэффективности городских зданий (в частности, решения, предлагаемые испанской компанией Sunthalpy).

Многоспиральная модель (например, с «четверной» или n-спиралью) способствует инновациям и системным преобразованиям за счет подключения государства, промышленных предприятий, научных кругов и гражданского сообщества в процесс управления. «Живые лаборатории», работающие в рамках этих моделей, позволяют в режиме реального времени сообща создавать, тестировать и масштабировать экологические решения в городах и пригородах.

В большинстве интервью подчеркивается, что недостаточное пространство для совместной деятельности выступает основным препятствием на пути выявления проблем, распределения ответственности и скоординированной разработки решений (I9-NO, I6-GER, I7-PL, I8-ES). Один из респондентов отметил:

«В сфере экологической устойчивости очевидно, что многим инициативам трудно привлечь нужную аудиторию, поскольку отсутствуют необходимые платформы или площадки для эффективного информирования общественности. Проблема не в том, что сообщение ни до кого не доходит, а скорее в том, что оно не доходит до конкретной аудитории, которой необходимо принимать эффективные решения» (I2-CL, 2024; 00:05:16).

«Живые лаборатории» способствуют многоуровневому сотрудничеству, развивают обмен знаниями и партнерские отношения, а также повышают коллективную ответственность, стимулируют выработку инновационных решений по проблеме изменения климата и вовлечение населения.

Международные сети и объединения также имеют важное значение для успеха экологиче-

ских инициатив, т. к. дают возможности для международного сотрудничества и открытых, коренных или ориентированных на пользователя инноваций:

«Поэтому такое видение проблемы формирования международных объединений и сетей имеет решающее значение для успеха инициатив такого рода. Мы надеемся, что сможем эффективно использовать эти возможности для позитивных изменений» (I5-MX, 2024; 0:16:34).

«Давайте будем внедрять инновации в общество, создавая пространства, которые демократизируют инновационный и творческий процессы и позволяют каждому менять свою жизнь и свои города» (I5-MX, 2024, 00:08:36).

Подобным образом «живые лаборатории» предоставляют многоотраслевые, многоцелевые платформы, которые основаны на идеях альтруизма и общего блага, приносят пользу городу и окружающей среде, создают условия для достижения ЦУР.

«Многоотраслевые, многоцелевые инструменты, такие как «живые лаборатории», позволяют отбирать людей, которые действуют справедливо, иначе не достичь общего блага, если участники проектов будут заботиться исключительно о себе и личных интересах. На альтруистический принцип «живых лабораторий» необходимо обращать особое внимание, чтобы приносить значительную пользу городу, окружающей среде и достигать ЦУР» (I14-CN, 2024, 01:16:06).

Такие пространства для совместной работы привлекают различные группы участников (организуется профессиональное обучение, предоставляются социальные услуги, действуют общественные спортивные центры, малый бизнес) для определения проблем и совместной разработки стратегий. Ярким примером является профессиональное обучение лиц с задержкой умственного развития, когда вместе с получением образования происходит расширение их прав и возможностей, выход на рынок труда, налаживание устойчивой городской мобильности, здорового образа жизни с заботой об окружающей среде. Этот целостный подход направлен на удовлетворение взаимосвязанных потребностей и представляет собой новый тип инициатив, касающихся проблем, которые органы власти часто упускают из виду.

Ярким примером являются инклюзивные велосипеды для детей и молодежи с ограниченными возможностями:

«Никто не додумался до создания инклюзивных велосипедов для детей, которые не могут передвигаться на обычных велосипедах из-за ограниченных возможностей; им нужна большая устойчивость, и решением стал трехколесный велосипед. Когда городские власти обеспечили население электровелосипедами для уменьшения пробок и пропаганды здорового образа жизни, они не учли тех, кто не может ими пользоваться» (I7-ES, 2024, 1:06:34).

Привлечение различных точек зрения углубляет понимание проблемы, при этом повышается коллективная ответственность, а вместе с ней качество решения проблемы. Как подчеркнул респондент, данные пространства также направлены на борьбу с экологическими катастрофами и способствуют социальным инновациям благодаря частным инициативам:

«Конкретно здесь, например, недалеко от Риверсайда, произошли ужасные экологические катастрофы, которые затронули многие корен-

ные народы, поэтому нам нужно решить, с кем работать, почему и как, не прикрываясь «гринвошингом» (greenwashing). Однако есть много компаний, таких как Microsoft, которые пытаются разработать программы, продвигающие социальные инновации внутри своих компаний, создающие благоприятные экосистемы для бизнеса. Microsoft, например, создает свои лаборатории и курсы, такие как TEALS или TechSpark, а также различные программы, облегчающие доступ к технологиям» (I12-MX, 2024, 00:28:40).

Данные инициативы подчеркивают важную роль частного сектора в распространении решений, направленных на восстановление климата, и стимулировании социальных и экологических инноваций.

Чтобы повысить оперативность реагирования, прозрачность и гибкость в управлении климатом, предлагаем разработать новое поколение Т-образных «живых лабораторий» (рис. 3), которые представляют собой нейтральную и инклюзивную среду для сотворчества и экспериментов, охватывающую модели с «четверными», «пятерными» или n-спиралями. Т-образные «живые

Рис. 3. Новое поколение Т-образных «живых лабораторий»

Источник: <https://eohforgood.com/>

лаборатории» — это пространства для совместной работы, предназначенные для объединения системного, междисциплинарного сотрудничества (горизонтальная ось) и глубоких знаний в конкретных областях (вертикальная ось). Данные лаборатории способствуют развитию инноваций (i), объединяя различных участников для совместного создания решений сложных задач на основе сбалансированного подхода, сочетающего специализированные знания с межпредметным взаимодействием. Для решения проблемы изменения климата и смягчения ее последствий требуется сотрудничество между представителями различных дисциплин, включая климатологию, инженерную экологию, городское планирование, здравоохранение, экономику, социологию, политологию, сельское хозяйство, энергетические системы и информационные технологии.

Т-образные «живые лаборатории» обеспечивают соответствие решений конкретным обстоятельствам и реальным потребностям, предлагая механизмы оценки влияния политики и инициатив, гарантируя, что структуры управления остаются гибкими и эффективными. В этих лабораториях, как инструментах сотрудничества, особое внимание уделяется взаимодействию между бизнесом, социальными и технологическими инновациями (Caro-González, 2023).

Взгляд на систему в целом, представленный горизонтальной линией буквы «Т», имеет решающее значение для анализа и понимания отдельных факторов, сложившихся в данных условиях, на основе целостного подхода. Этот подход включает в себя видение долгосрочной перспективы, учет выявленных потребностей, общих или согласованных повесток дня, а также мгновенное реагирование, что приводит к инклюзивному, взаимовыгодному сотрудничеству и соответствующим результатам.

Выборка обеспечивает комплексное представление о стратегиях и практиках в городских и сельских условиях, с углубленными вертикальными линиями Т-модели по нескольким направлениям действий в области изменения климата, таким как:

1) сообщества, объединяющие различных индивидов и различные организации для борьбы с изменением климата;

2) согласованные местные и глобальные программы развития в гиперглобализированном мире с уделением особого внимания сильным сторонам, возможностям и слабым сторонам каждого конкретного случая;

3) смежные направления, занимающиеся проблемой ускорения изменения климата, с упором на приоритетные области;

4) спирали, объединяющие множество участников в инновационном процессе.

Заключение

Таким образом, появление Т-образных «живых лабораторий» ознаменовало переход к новому поколению преобразующих моделей управления, которые могут служить важнейшими посредниками для совместного поиска решений. Эти модели активизируют многоуровневое взаимодействие большого числа участников, организуют взаимодействие в рамках четверной / множественной спирали для распространения инициатив ради достижения общего блага, переходя от «разрушающих» моделей к «регенеративным».

Необходимо координировать усилия в рамках сотворчества и международного обмена действиями по изменению существующих основ. Следует разрабатывать решения, которые бы пользовались широким признанием в политических кругах. Кроме того, требуется активное участие граждан и других заинтересованных сторон в преобразующем управлении. Разработчикам стратегий следует отдавать приоритет механизмам инклюзивного участия, таким как общественные обсуждения и платформы для сотрудничества, для обеспечения лучшего понимания участниками своей ответственности и стимулирования их взаимодействия. При реализации инициатив необходимо учитывать уникальные условия каждого города или населенного пункта. Местные условия, культура и, соответственно, проблемы различаются, поэтому необходимы индивидуальные решения, т. е. стратегии, эффективные в одной сфере, могут не сработать в другой. Вовлечение всех причастных к проблеме сторон обеспечивает коллективную ответственность и практические результаты в соответствии с моделью пятерной спирали, которая вовлекает в планирование и реализацию решений различные субъекты, от граждан до предприятий.

Следовательно, для решения проблем, связанных с изменением климата, и ускорения процессов его восстановления в городах, пригородных и сельских районах необходима многогранная стратегия, которая включает инновационное преобразующее управление, индивидуальную и коллективную ответственность участников, а также разработку и внедрение новых механизмов развития инноваций, таких как новое поколение Т-образных «живых лабораторий».

Данное исследование подчеркивает важность экспертного взаимодействия в целях подтверж-

дения преимуществ нового поколения «живых лабораторий», которые должны распространять принципы междисциплинарности и качества специальных знаний при разработке эффективных, инклюзивных и устойчивых решений. Мы можем создать эффективные стратегии по смягчению последствий изменения климата, вызванного антропогенным воздействием, и достигнуть результатов в сфере экологии, привлекая хорошо подготовленных «активистов перемен» и все заинтересованные стороны, налаживая междисциплинарное сотрудничество и используя передовые «живые лаборатории».

Литература

- Betsill M.M., Bulkeley H. (2021). Cities and the multilevel governance of global climate change. In: Mills K., Stiles K. (Eds). *Understanding Global Cooperation. Twenty-Five Years of Research on Global Governance*. Available at: https://doi.org/10.1163/9789004462601_014
- Bhatta A., Vreugdenhil H., Slinger J. (2023). Characterizing nature-based living labs from their seeds in the past. *Environmental Development*, 49(6). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.envdev.2023.100959>
- Busquets J. (2010). Orchestrating Smart Business Network dynamics for innovation. *European Journal of Information Systems*, 19(4), 481–493. Available at: <https://doi.org/10.1057/ejis.2010.19>
- Caro-González A. et al. (2023b). The Three MosKEUteers. Pushing and pursuing a “One for all, All for one” triple transition: Social, green and digital. In: *Facilitation in Complexity: from Creation to Co-creation, from Dreaming to Co-dreaming, from Evolution to Co-evolution*. (Contributions to Management Science). Available at: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-11065-8> (accessed: June 8, 2023).
- Caro-González A. (2023a). *Transformative Governance for the Future. Navigating Profound Transitions*. SpringerBriefs in Business. Available at: <https://eohforgood.com/eoh-for-good-book/>
- Costero Bolaños J.F. (2024). Urban agenda and metropolitan governance in Pamplona: Lessons from a multi-level and multi-actor process. In: *Socio-Spatial Dynamics in Mediterranean Europe*. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-031-55436-0_19
- Degroot D. et al. (2021). Towards a rigorous understanding of societal responses to climate change. *Nature*, 591(7851), 539–550. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41586-021-03190-2>
- Delgado-Jiménez A. (2024). Informal placemaking and energy transition: A review of trends on community-led energy initiatives for social justice. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*, 17(2), 321–336. Available at: <https://doi.org/10.1080/17549175.2024.2326860>
- Di Gregorio M. et al. (2019). Multi-level governance and power in climate change policy networks. *Global Environmental Change*, 54, 64–77. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2018.10.003>
- Engels F., Wentland A., Pfotenhauer S.M. (2019). Testing future societies? Developing a framework for test beds and living labs as instruments of innovation governance. *Research Policy*, 48(9), 103826. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2019.103826>
- Fuhr H., Hickmann T., Kern K. (2018). The role of cities in multi-level climate governance: local climate policies and the 1.5°C target. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 30, 1–6. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2017.10.006>
- Gonzales-Iwanciw J., Dewulf A., Karlsson-Vinkhuyzen S. (2020). Learning in multi-level governance of adaptation to climate change – a literature review. *Journal of Environmental Planning and Management*, 63(5), 779–797. Available at: <https://doi.org/10.1080/09640568.2019.1594725>
- Heinen D., Arlati A., Knieling J. (2022). Five dimensions of climate governance: A framework for empirical research based on polycentric and multi-level governance perspectives. *Environmental Policy and Governance*, 32(1), 56–68. Available at: <https://doi.org/10.1002/eet.1963>

- Iandolo F. et al. (2024). Stakeholder engagement in managing systemic risk management. *Business Ethics the Environment & Responsibility*. Available at: <https://doi.org/10.1111/beer.12694>.
- Kern K. (2019). Cities as leaders in EU multilevel climate governance: Embedded upscaling of local experiments in Europe. *Environmental Politics*, 28(1), 125–145. Available at: <https://doi.org/10.1080/09644016.2019.1521979>
- Leminen S., Rajahonka M., Westerlund M. (2017). Towards third-generation living lab networks in cities. *Technology Innovation Management Review*, 7, 21–35. Available at: <https://doi.org/10.22215/timreview/1118>
- Matus M. et al. (2018). *Cultura, diseño y tecnología: Ensayos de tecnoantropología*. El Colegio de la Frontera Norte (COLEF), Tijuana, Mexico. Available at: <https://livinglabing.com/wp-content/uploads/2020/07/Cultura-disen%CC%83o-y-tecnologi%CC%81a-Lectura.pdf>
- Mccormick K., Hartmann C. (2017). *The Emerging Landscape of Urban Living Labs: Characteristics, Practices and Examples*. Lund University.
- Prats J.O. (2019). *The Governance of Public– Private Partnerships: A Comparative Analysis*. IDB: Inter-American Development Bank. Available at: <http://dx.doi.org/10.18235/0001575>
- Puerari E. et al. (2018). Co-creation dynamics in urban living labs. *Sustainability*, 10(6), 1893. Available at: <https://doi.org/10.3390/su10061893>
- Rodriguez Müller P. et al. (2024). *Synergies of Territorial Innovation and Digital Transformation*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. Available at: 10.2760/680158
- Scholl C., de Kraker J., Dijk M. (2022). Enhancing the contribution of urban living labs to sustainability transformations: Towards a meta-lab approach. *Urban Transformations*, 4(1). Available at: <https://doi.org/10.1186/s42854-022-00038-4>
- Schuurman D., Marez L., Ballon P. (2016). The impact of living lab methodology on open innovation contributions and outcomes. *Technology Innovation Management Review*, 1, 7–16. Available at: <https://doi.org/10.22215/timreview/956>
- Serra A., Caro-González A., Colobrans J. (2024). Collaboratories: Designing universal innovation ecosystems in the era of transitions. *Journal of Strategic Innovation and Sustainability*, 19(1), 101–114. Available at: <https://doi.org/10.33423/jsis.v19i1>
- Seto K.C. et al. (2021). From low- to net-zero carbon cities: The next global agenda. *Annual Review of Environment and Resources*, 46, 377–415. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-050120-113117>
- Shabnam H. et al. (2016). Impact of T-shaped skill and top management support on innovation speed; the moderating role of technology uncertainty. *Cogent Business & Management*, 3(1). Available at: <https://doi.org/10.1080/23311975.2016.1153768>
- Shukla P.R. et al. (Eds.) (2022). *Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. Contribution of Working Group III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge University Press, Cambridge, UK and New York, NY, USA. Available at: <https://doi.org/10.1017/9781009157926>
- Smith P. et al. (2020). Which practices co-deliver food security, climate change mitigation and adaptation, and combat land degradation and desertification? *Global Change Biology*, 26(3), 1532–1575. Available at: <https://doi.org/10.1111/gcb.14878>
- Voytenko Y., McCormick K., Evans J., Schliwa G. (2016). Urban living labs for sustainability and low carbon cities in Europe: Towards a research agenda. *Journal of Cleaner Production*, 123, 45–54. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.08.053>
- Vrontis D. et al. (2020). Integrated thinking rolls! Stakeholder engagement actions translate integrated thinking into practice. *Meditari Accountancy Research* [Preprint]. Available at: <https://doi.org/10.1108/MEDAR-12-2019-0654>

Сведения об авторах

Антония Каро-Гонсалес — PhD в области международных и межкультурных исследований, руководитель и основатель, Eoh-for-Good: Leading Systemic Transformation for Common Good (48010, Испания, провинция Бискайя, г. Бильбао, 2 квартал, ул. Alcalde Felipe Uhagón, д. 12); доцент, научный сотрудник, Валенсийский международный университет (46002, Испания, Валенсия, автономное сообщество Валенсия, район Ciutat Vella, улица Pintor Sorolla, 21; e-mail: tcarogon@gmail.com)

Олац Вальехо — магистр в области международной безопасности, младший научный сотрудник, Eoh-for-Good: Leading Systemic Transformation for Common Good (48010, Испания, провинция Бискайя, г. Бильбао, 2 квартал, ул. Alcalde Felipe Uhagón, д. 12; e-mail: olatzvallejo@eohforgood.com)

Хабьер Альбала — бакалавр международных отношений, младший научный сотрудник, Eoh-for-Good: Leading Systemic Transformation for Common Good (48010, Испания, провинция Бискайя, г. Бильбао, 2 квартал, ул. Alcalde Felipe Uhagón, д. 12; e-mail: xabieralbala@eohforgood.com)

Caro-González A., Vallejo O., Albalá X.

Restorative Transitions at the Crossroads: Multi-Actor Experiences of Leveraging Living Labs

Abstract. The research deepens on the notion of transformative governance as a means to enhance individual and collective responsibility towards positive climate change. It is rooted on two main frameworks: a) the triple transition — green, digital and social — with its multidimensional perspective to address the intricacies of evolving environmental and socio-economic and geopolitical challenges; b) the Anthropocene epoch that reflects and triggers the capacity of humans to imprint a deep impact on the planet. More holistic, multi-player and cross-level co-design strategies are proving to ease the upheaval of new forms of living labs and the readiness of regional innovation ecosystems for addressing triple transition interconnected challenges. The study examines solutions that generate negotiated visions and more proactive participatory multi-actor engagement. It argues that climate neutrality and regeneration require active quadruple helix community involvement and citizen-led action. This study uniquely positions individual and collective responsibility as the central drivers of sustainable change. The research deepens on more synergetic strategies for aligning transformative governance around ecosystem-based visions and layered, interactive and multi-helix participatory participation. The research reveals that harnessing and maximizing a systemic triple transition approach — (digital, social and green and) and multi-actor collaborative approaches, novel forms of living labs can be developed for achieving higher levels of sustainability, positive and even regenerative impacts able to shift towards more resilient future urban, peri-urban and rural settings.

Key words: triple transition, peri-urban transition, synergetic collaboration, co-creation, adaptive transformative governance, common good.

Information about the Authors

Antonia Caro-González — PhD in International and Intercultural Studies, CEO and founder, Eoh-for-Good: Leading Systemic Transformation for Common Good (Alcalde Felipe Uhagón 12, 2 izq., 48010, Bilbao, Bizkaia, Spain); associate professor and researcher, Valencian International University (21, C. del Pintor Sorolla, Ciutat Vella, València, Valencia, 46002, Spain; e-mail: tcarogon@gmail.com)

Olatz Vallejo — Master of Arts in International Security, Junior Researcher, Eoh-for-Good: Leading Systemic Transformation for Common Good (12, Alcalde Felipe Uhagón, 2 izq., Bilbao, Bizkaia, 48010, Spain; e-mail: olatzvallejo@eohforgood.com)

Xabier Albalá — Bachelor of International Relations, Junior Researcher, Eoh-for-Good: Leading Systemic Transformation for Common Good (Alcalde Felipe Uhagón 12, 2 izq., 48010, Bilbao, Bizkaia, Spain; e-mail: xabieralbala@eohforgood.com)

Статья поступила 27.03.2025.

Корпоративная гражданственность: обзор научных публикаций

**Оксана Михайловна
ШУБАТ**

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: o.m.shubat@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-0929-8144; ResearcherID: M-7443-2013

**Анастасия Андреевна
РАДИШЕВСКАЯ**

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: tobysheva.a.a@internet.ru
ORCID: 0000-0002-0904-9471; ResearcherID: 1059759

Аннотация. Негативная демографическая динамика, которая наблюдается в России, несмотря на усилия государства по ее преодолению, требует разработки и внедрения новых, более эффективных инструментов, способных изменить ситуацию. Одним из таких инструментов является активизация участия бизнеса в решении демографических проблем страны на основе развития идей и принципов корпоративной гражданственности. Цель исследования — обзор и анализ научно-исследовательского дискурса корпоративной гражданственности с акцентуацией на демографическом сегменте этого дискурса. Методология исследования включает научный обзор публикаций по тематике корпоративной гражданственности на основе количественных (научометрический анализ) и качественных (содержательно-смысловой анализ документов) методов. В результате исследования выявлено, что научно-исследовательский дискурс корпоративной

Для цитирования: Шубат О.М., Радишевская А.А. (2025). Корпоративная гражданственность: обзор научных публикаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 268–284. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.15

For citation: Shubat O.M., Radishevskaya A.A. (2025). Corporate citizenship: An overview of scientific publications. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 268–284. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.15

гражданственности, сохраняя на протяжении ряда лет стабильную научную значимость, в последние годы теряет свою объемность. При этом он более масштабен в зарубежных исследованиях. Корпоративная гражданственность — недостаточно разработанная концепция, отсутствует ее четкое определение, понимание ее сущности и детерминант. В демографической сфере корпоративная гражданственность не концептуализирована. В ходе анализа были выявлены тенденции развития дискурса, составлен наукометрический портрет российских публикаций по данной теме. Невозможность получить полный доступ к международным базам цитирования Web of Science и Scopus в связи с санкциями накладывает определенные ограничения на наше исследование в части научного обзора зарубежного сегмента дискурса. С научно-теоретических позиций значимость работы состоит в восполнении недостатка научных обзоров в сфере корпоративной гражданственности, постановке вопроса о концептуализации данного феномена и активизации его исследований. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов другими авторами, занимающимися вопросами корпоративной гражданственности и смежных тем. Систематизация и концептуализация данной предметной области будет способствовать более активному продвижению идей и принципов корпоративной гражданственности на российских предприятиях, а также более активному включению российского бизнеса в решение национальных стратегических задач России.

Ключевые слова: корпоративная гражданственность, корпоративная демографическая политика, предпринимательство, наукометрический анализ, научный обзор.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00854, <https://rscf.ru/project/24-18-00854/>.

Введение

Негативные демографические тренды и угроза демографической безопасности — важнейшие вызовы современной России. Начиная с 2020 года в стране наблюдается депопуляция: если на 1 января 2020 года численность населения составляла 147,9 млн человек, то в 2024 году этот показатель составил 146,1 млн человек¹. Особенно острой является проблема падения рождаемости. Уровень рождаемости в России уже долгие годы существенно ниже уровня простого воспроизводства населения ($\approx 2,14$ ребенка на одну женщину)².

Очевидно, что негативная демографическая динамика, которая наблюдается на фоне непрекращающихся усилий государства по ее преодолению, в перспективе будет только увеличивать

наблюдающийся уже сейчас кадровый голод на российских предприятиях³. Такое положение дел требует от государства и экспертного сообщества разработки и внедрения новых, более эффективных инструментов, способных изменить ситуацию. Одним из таких инструментов является активизация участия российского бизнеса в решении демографических проблем страны.

Включение бизнеса в демографическую повестку сегодня активно обсуждается в российских СМИ и органах власти различного уровня⁴,

³ Рынок труда в середине 2023 года: никто не виноват, но что делать? Анализ данных, тренды и прогнозы (Исследование ресурса hh.ru). URL: <https://ekaterinburg.hh.ru/article/31716?ysclid=lna0njcv2u623470466>

⁴ В Совфеде обсудили актуальные задачи решения демографической проблемы в стране // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2023/11/10/v-sovfede-obsudili-aktualnye-zadachi-resheniia-demograficheskoy-problemy-v-strane.html>; В Госдуме предложили бизнесу совместно решать демографические проблемы // URA.RU. URL: <https://ura.news/news/1052675316>; Эксперты: рост рождаемости в РФ могут обеспечить многодетные семьи, но им нужна поддержка. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14757305>

¹ Численность населения (данные Росстата; данные приведены без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Chisl_RF_01-01-2022-01-01-2024.xls

² Суммарный коэффициент рождаемости (данные ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517>

а также в самом бизнес-сообществе⁵. Ведущие российские социологические центры также занимаются исследованием этого вопроса⁶. В последние годы активно расширяется пул научных исследований, обосновывающих необходимость и возможность участия бизнеса в решении проблем низкой рождаемости в стране (Ростовская и др., 2021; Шубат и др., 2022). Такое участие связывают с развитием особого направления социальной ответственности бизнеса — корпоративной демографической политики, представляющей собой целостную систему принципов, норм и мер поддержки сотрудников с семейными обязанностями (Ростовская и др., 2021; Багирова и др., 2024; Тобышева, Шубат, 2024). Исследователи обосновывают необходимость, возможность, а также эффективность, экономическую выгоду для бизнеса от реализации корпоративной демографической политики, представляют наиболее эффективные корпоративные практики в этом направлении (Иваницкий, Шишкарев, 2024).

Активизация включения бизнеса в решение демографических проблем страны может проходить под влиянием ряда факторов. Теоретически здесь можно говорить о прямом давлении и принуждении со стороны государства, о стимулировании бизнеса через всевозможные субсидии, налоговые льготы и прочие преференции. Стимулирующим фактором может быть возможность получения бизнесом экономических преимуществ и выгод от реализации корпоративных демографических программ. Авторы указывают на целый ряд таких преимуществ — снижение издержек, рост производительности труда, снижение текучести

кадров и ряд других (Breaugh, Frye, 2007; Bourhis, Mekkaoui, 2010; Kim, Yeo, 2019).

В качестве важнейшего фактора активного включения бизнеса в решение демографических проблем страны, на наш взгляд, может рассматриваться распространение и укоренение в бизнес-среде идей и принципов *корпоративной гражданственности как элемента системы ценностей предпринимательства, внутренней установки и побуждения предпринимателей к участию в решении социально значимых задач общества, проявления социальной солидарности*. Исследования показывают, что представления о такой социальной солидарности бизнеса эволюционируют с течением времени и меняются по мере изменения социальных ожиданий относительно корпоративного поведения (Latapi Agudelo et al., 2019). Российские исследователи отмечают, что под воздействием ряда внешних угроз усиливается потребность в формировании новой ответственной стратегии бизнеса — кумулятивной рационально-социальной, а наивысший уровень системы ценностей современного предпринимательства составляют этико-социальные ценности — чувство долга, гуманность, патриотизм, социальная активность и ответственность (Асаул, Веткина, 2022, с. 10). На современном этапе эволюции ценностного пространства российского предпринимательства возрождаются его традиционные ценности (Сазанова, 2016), к которым относят, в том числе, ощущение сопряженности и взаимообусловленности увеличения личного благосостояния с развитием и процветанием своей земли, города, страны (Ветошкин и др., 2008). Такой вектор движения ценностных ориентиров предпринимательства в полной мере соотносится с установками, обозначенными в Указе Президента РФ № 809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Проявление гражданственности бизнес-структурами (корпоративной гражданственности) сегодня особенно востребовано в сфере демографии. Появляются первые российские публикации, связанные с тематикой корпоративной гражданственности в демографической сфере (Багирова, 2025).

⁵ В РСПП обсудили поддержку семьи, материнства, детства, работников с семейными обязанностями. URL: <https://no-qtrator.rspp.ru/events/news/v-rspp-obsudili-podderzhku-semi-materinstva-detstva-rabotnikov-s-semeynymi-obyazannostyami-660a6bbe8665/>; На ПМЭФ рассказали, как бизнес может повлиять на рождаемость. URL: <https://www.pmf.ru/economics/na-pmef-obsudili-kak-biznes-mozhet-povliyat-na-demografiyu.html>

⁶ Работодатели как субъекты реализации демографической политики: лучшие практики корпоративной семейной политики российского бизнеса. 2024 // ВЦИОМ. URL: <https://expert.wciom.ru/release/rabotodateli-kak-subekty-realizacii-demograficheskoi-politiki-politiki-luchshie-praktiki-korporativnoi-semeinoi-politiki-rossiiskogo-biznesa>

Цель нашего исследования заключается в проведении обзора и анализа научно-исследовательского дискурса корпоративной гражданственности с акцентуацией на демографическом сегменте этого дискурса. Как было отмечено, обсуждение вопросов корпоративной гражданственности в демографической сфере в настоящее время только получает развитие, соответствующий дискурс в полной мере не сформировался. Однако исключительная важность этой темы для современной России предопределяет необходимость особого внимания к сегменту исследований корпоративной гражданственности в демографической сфере. Такой анализ будет способствовать активизации как собственно научно-исследовательского, так и социально-политического дискурса, что отвечает запросам современного российского общества. Такие дискурсы способны конструировать соответствующее информационное поле (информационный контекст) функционирования российского бизнеса, который в перспективе будет формировать необходимые и востребованные сегодня моральные установки и ценностные ориентиры предпринимательства.

Методология исследования

Достижение поставленной цели требует, прежде всего, выработки определенности относительно объекта анализа. Важно отметить, что в российской науке дискурс корпоративной гражданственности имеет терминологическую особенность. Очевидно, в силу использования заимствованного, переводного термина (*corporate citizenship*) в научных исследованиях авторы оперируют понятиями «корпоративное гражданство» и «корпоративная гражданственность». Таким образом, происходит неправомерное, на наш взгляд, смешение понятий «гражданство» и «гражданственность» (последнее нам представляется наиболее корректным). При этом толкование термина «гражданственность» в российском научном дискурсе характеризуется разноплановостью, это понятие не имеет строгого научного определения в отличие от понятия «гражданство». Исследование гражданственности как научной категории в России началось во второй половине XIX века (Зауторова, Макеева, 2016). При определении гражданственности представители различных наук выделяют разные значимые ее признаки,

даже в рамках одного научного направления она может пониматься по-разному. Так, гражданственность может интерпретироваться как ощущение себя гражданином конкретной страны, несущим ответственность за то, что происходит вокруг (Баев, 2023); как способность человека вовлекаться в вопросы, касающиеся жизни в обществе, и действовать на протяжении своей жизни в качестве активного и ответственного гражданина, уважающего права других (Лубский, Мамина, 2019); как совокупность убеждений и взглядов, предполагающая, с одной стороны, высокую степень независимости и самостоятельности индивидуальных суждений об обществе, с другой — нерушимую социальную солидарность, выражающуюся в участии человека в жизни социума (Никифоров, Скалина, 2007, с. 189). Последнее определение видится нам наиболее полным, поскольку наилучшим образом выражает идею собственно гражданственности, поэтому будет использоваться в настоящем исследовании в качестве базы для понимания корпоративной гражданственности.

Анализ дискурса корпоративной гражданственности проводился на основе как количественных, так и качественных методов.

Количественные методы анализа. Такой анализ базировался на изучении публикационной активности в тематике корпоративной гражданственности с использованием двух сервисов.

1. Google Books Ngram Viewer. В условиях ограничения доступа к международным наукометрическим ресурсам (в связи с введенными в отношении России санкциями даже в сфере научных исследований) первичное представление о динамике исследовательского интереса к вопросам корпоративной гражданственности может быть получено на основе данных поискового сервиса Google Books Ngram Viewer. Этот открытый онлайн-сервис позволяет визуализировать частоту встречаемости слов и словосочетаний в корпусе книг различных языков за разные периоды времени. Для получения такой визуализации в нашем исследовании мы использовали термины «*corporate citizenship*», «корпоративное гражданство» и «корпоративная гражданственность», осуществляя поиск в англоязычном и русскоязычном корпусах книг (доступный архив — до 2019 года). Как отмеча-

лось ранее, в русскоязычных исследованиях наблюдается смешение понятий «гражданство» и «гражданственность». Именно поэтому в своих поисковых запросах мы использовали оба варианта перевода данного термина.

2. Российский индекс научного цитирования (далее – РИНЦ) на платформе Elibrary. На основе данного онлайн-ресурса, который активно развивается в стране и постоянно обновляет и расширяет возможности для исследований, проводился наукометрический анализ российской публикационной активности по тематике корпоративной гражданственности.

На первом этапе анализа формировался поисковый запрос, на втором этапе анализировалась сформированная на его основе выборка публикаций. Для формирования поискового запроса использовались словосочетания «corporate citizenship», «корпоративная гражданственность» и «корпоративное гражданство». Отбирались публикации, где эти словосочетания (с учетом морфологии) встречаются в названии работы, ключевых словах или аннотации. Далее составлялся своего рода наукометрический портрет таких публикаций на основе доступных в РИНЦ метрик и инструментов анализа. Для этого проводился анализ общего числа публикаций по тематике корпоративной гражданственности и их динамики, анализ числа цитирований таких публикаций, а также анализ различных структур сформированной выборки публикаций. Такие структуры выделялись на основе следующих критериев:

- публикационной активности по исследуемой теме в РИНЦ;
- активности цитирований работ, связанных с тематикой корпоративной гражданственности;
- распределения публикаций по базам индексирования – ядро РИНЦ, RSCI, Web of Science, Scopus;
- распределения публикаций по авторам и организациям, с которыми аффилированы эти авторы;
- распределения публикаций по предметным областям и ключевым словам.

Для визуализации данных использовались типовые методы отражения динамики (линейные графики), тепловые карты, позволяющие отследить тенденции публикационной актив-

ности при помощи цветовой шкалы (более темные цвета указывают на большее количество публикаций, а светлые – на меньшее), а также семантические облака слов, визуализирующие частотность тех или иных слов или словосочетаний.

Качественные методы анализа. Анализ на основе качественных методов, по сути, представлял собой критический обзор предметного поля; метод исследования – анализ документов. Мы применяли традиционный (классический) способ анализа – содержательно-смысловой, сосредоточившись на описании трактовок, смыслового контекста использования термина «корпоративная гражданственность» российскими и зарубежными авторами.

Результаты исследования

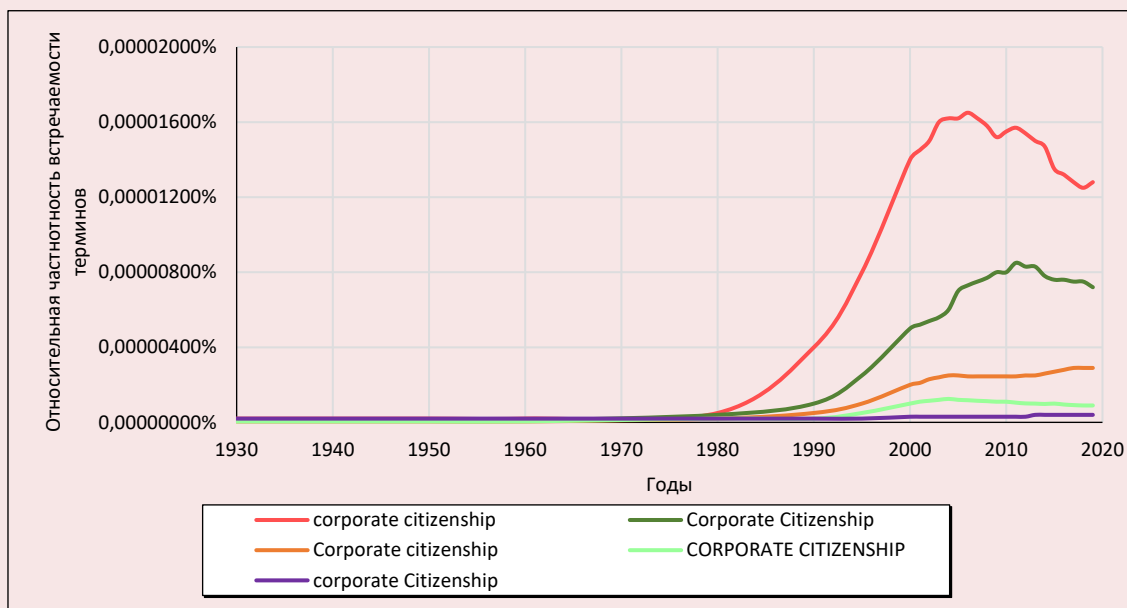
Результаты, полученные на основе количественных методов анализа

Результаты поисковых запросов в сервисе Google Books Ngram Viewer показали, что в англоязычной литературе понятие корпоративной гражданственности появилось в 30-е гг. XX века. Пик встречаемости этого термина в публикациях приходится на 2000–2010 гг. (рис. 1). В русскоязычном корпусе Google Ngram Viewer термин «корпоративное гражданство» встречается позднее – в конце 60-х гг. XX века; начиная с 1998 года число книг на русском языке, в которых фигурирует данный термин, стремительно растет, достигая пика к 2006 году, затем, очевидно, исследовательский интерес к этому понятию начал угасать (рис. 2).

Заметим, что в англоязычном корпусе книг встречаемость данного термина в последнее десятилетие не падает так стремительно, демонстрируя в целом (по всем вариантам) стабильность исследовательского интереса. Анализ также показал, что в русскоязычном корпусе книг сервиса Google Ngram Viewer термин «корпоративная гражданственность» вообще не встречается.

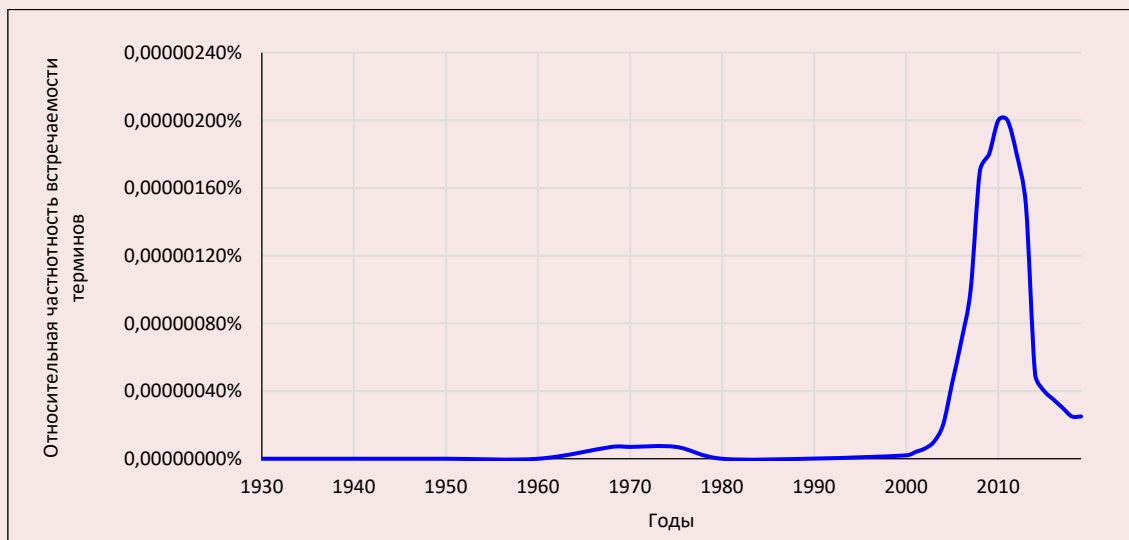
Дальнейший наукометрический анализ, выполненный на основе Российского индекса научного цитирования, показал, что публикации по тематике корпоративной гражданственности – явление последних двух десятилетий, причем динамика числа таких публикаций не позволяет говорить о росте исследовательского интереса к данной теме.

Рис. 1. Встречаемость термина «corporate citizenship» в англоязычной литературе

Источник: Google Ngram Viewer.

Рис. 2. Встречаемость термина «корпоративное гражданство» в русскоязычной литературе

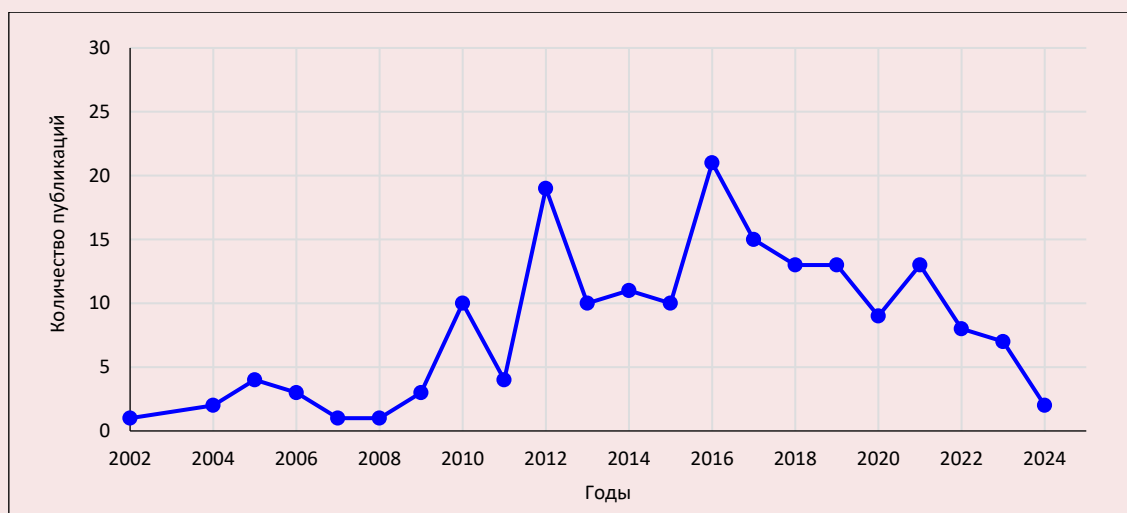

Источник: Google Ngram Viewer.

Так, общее число публикаций составило 180; первая публикация была проиндексирована в 2002 году. Пиковая публикационная активность по тематике корпоративной гражданственности приходится на 2012 и 2016 гг., а затем публикационная активность снизилась (рис. 3).

За пятилетний период (с 2020 по 2024 год) было опубликовано 39 работ по тематике корпоративной гражданственности; публикационная активность заметно ниже, чем в предыдущие 5 лет (с 2015 по 2019 год), когда было опубликовано 72 таких работы. Даже с учетом лага индексации и потенциального

Рис. 3. Публикации по теме корпоративной гражданственности, проиндексированные в РИНЦ в разные годы

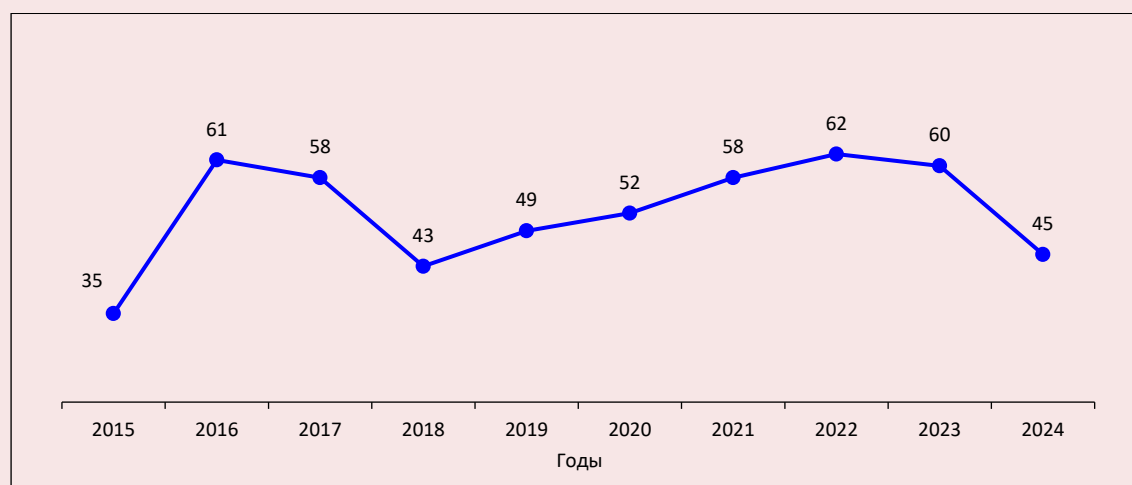
Составлено по: данные РИНЦ.

роста числа проиндексированных в РИНЦ публикаций 2023–2024 гг. такая существенная разница говорит о снижении исследовательского интереса к тематике корпоративной гражданственности в российском научно-исследовательском дискурсе.

Вместе с тем научная значимость таких публикаций остается стабильной. В качестве кри-

терия значимости мы приняли доступный в РИНЦ наукометрический индикатор — число цитирований (заметим, что мы осознаем его неполную валидность и справедливость критики в его адрес). Однако начиная с 2015 года в среднем в 52 публикациях ежегодно цитируются работы, связанные с тематикой корпоративной гражданственности (рис. 4).

Рис. 4. Количество публикаций, проиндексированных в РИНЦ и цитирующих работы, связанные с тематикой корпоративной гражданственности

Составлено по: данные РИНЦ.

Более половины всех этих цитирований приходится на работы, которые были опубликованы до 2013 года. Общий средний возраст цитируемых работ составляет 11,1 года. Таким образом, наиболее существенные, фундаментальные разработки концепции корпоративной гражданственности, вероятнее всего, были сделаны в более ранних публикациях — более 10 лет назад.

В ходе дальнейшего исследования составлялась и анализировалась карта научных исследований по тематике корпоративной гражданственности — изучалась представленность таких работ в научном дискурсе на основе ряда критериев: название и тематика журналов, авторы публикаций, организации, к которым принадлежат авторы публикаций, базы индексирования публикаций.

Как показало исследование, наиболее значимые (наиболее цитируемые) научные работы по тематике корпоративной гражданственности были опубликованы в журналах «Экономика и предпринимательство», «Вестник Томского государственного университета. Экономика», «Мировая экономика и международные отношения».

Анализ структуры цитируемых публикаций позволил выявить наиболее весомых исследователей в области корпоративной гражданственности — чаще всего цитируются работы следующих авторов: С.П. Перегудов (12% от общего числа цитирований), Е.Б. Завьялова (8%), И.С. Семененко (5%), Р.Н. Абрамов (5%).

Проведенный анализ позволил выявить научные центры в России, в которых проводятся соответствующие исследования. Больше всего работ по данной теме было опубликовано исследователями из следующих университетов:

- 1) Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (8% от общего числа публикаций);
- 2) Кубанский государственный университет (8%);
- 3) Финансовый университет при Правительстве РФ (4%).

При этом за последние 5 лет наиболее активно этой тематикой занимались исследователи из Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) — 13% публикаций, проиндексированных в РИНЦ в 2020–2024 гг.

В ходе дальнейшего анализа была составлена так называемая тепловая карта распределения количества публикаций во времени, для чего были отобраны 10 научно-образовательных организаций с наибольшим количеством публикаций за весь исследуемый период (рис. 5). Как следует из представленных на карте данных, в разные периоды времени роль лидера по исследованию вопросов корпоративной гражданственности принадлежала разным научно-исследовательским и образовательным центрам. Так, например, в период с 2004 по 2008 год таким лидером был Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Затем лидерство по числу публикаций перешло другим университетам. Следует отметить, что дольше других занимается исследованиями по тематике корпоративной гражданственности Финансовый университет при Правительстве РФ: самые ранние работы датируются 2004 годом, и далее с 2012 по 2021 год ученые университета продолжали публиковать статьи по этой тематике.

Дальнейший наукометрический анализ касался распределения публикаций по источникам. Анализ показал, что большинство работ по корпоративной гражданственности (79%) — это статьи в научных журналах. Причем очень незначительная их часть была опубликована в журналах, определяемых экспертным сообществом в качестве высокочисленных. Так, лишь 10% от общего числа всех статей были опубликованы в журналах, входящих в ядро РИНЦ, 9% — в журналах, входящих в RSCI, 6% — в журналах, индексируемых в Web of Science или Scopus. При этом за последние 5 лет в этой структуре произошли заметные изменения — больше статей стало появляться в высокочисленных научных журналах (табл. 1).

Таблица 1. Статьи РИНЦ по тематике корпоративной гражданственности в различных базах индексирования

База индексирования	Доля от общего числа статей, %	
	2002–2024 гг.	2020–2024 гг.
Ядро РИНЦ	10	14
RSCI	9	8
Web of Science, Scopus	6	11
Составлено по: данные РИНЦ.		

Рис. 5. Тепловая карта публикаций по теме корпоративной гражданственности, проиндексированных в РИНЦ с 2002 по 2024 год в разрезе научно-образовательных учреждений (НОУ)

Составлено по: данные РИНЦ.

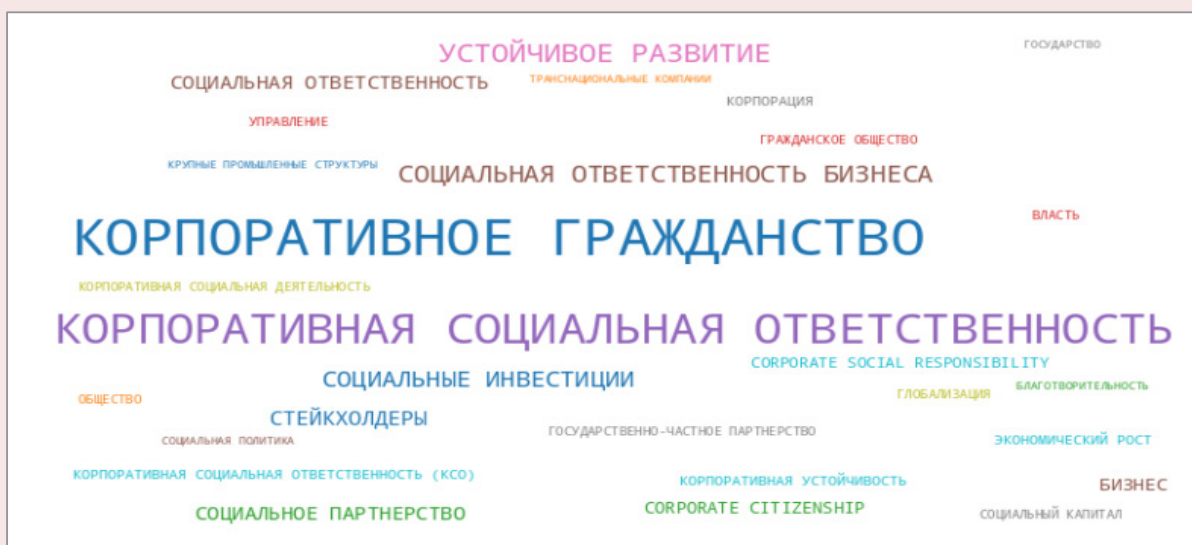
Дальнейший наукометрический анализ касался ключевых слов в публикациях по теме корпоративной гражданственности. Общее количество ключевых слов в анализируемых публикациях составило 985 (479 из них уникальных), при этом большое количество ключевых слов (385) встречалось только один раз. В ходе анализа было построено семантическое облако ключевых слов с частотой встречаемости более 5 раз. Таким образом, был визуализирован частотный анализ 28 наиболее часто встречаемых ключевых слов/словосочетаний (рис. 6).

Анализ частотности ключевых слов и визуализация его результатов позволяют выявлять основные контексты (смежные темы, подтемы, направления) исследований в рамках тематики корпоративной гражданственности. Как сле-

дует из представленного облака слов, основными смежными темами и контекстами для корпоративной гражданственности являются корпоративная социальная ответственность, устойчивое развитие, социальные инвестиции и капитал, стейкхолдеры и благотворительность.

Дальнейший анализ предметных областей, в которых представлены исследования по корпоративной гражданственности, показал, что подавляющее большинство таких публикаций (66%) относится к предметной области «Экономика и бизнес», заметная представленность таких публикаций наблюдается в предметных областях «Политические науки» (10%), «Социология» (7%). Всего публикации по корпоративной гражданственности представлены в 12 предметных областях.

Рис. 6. Семантическое облако ключевых слов/словосочетаний в публикациях по теме корпоративной гражданственности, проиндексированных в РИНЦ в 2002–2024 гг.

Составлено по: данные РИНЦ.

Тепловая карта, построенная для предметных областей (рис. 7), позволяет увидеть «рождение» и дальнейшее развитие предметных областей, в рамках которых изучается исследуемая тематика. Так, например, представленные на рисунке 7 данные показывают, что в трех указанных выше предметных областях публикации по теме корпоративной гражданственности представлены практически на протяжении всего исследуемого периода и остаются самыми массовыми, а в 2012 году «рождается» новая предметная область, в рамках которой начинают исследоваться вопросы корпоративной гражданственности, — «Философия, этика и религия».

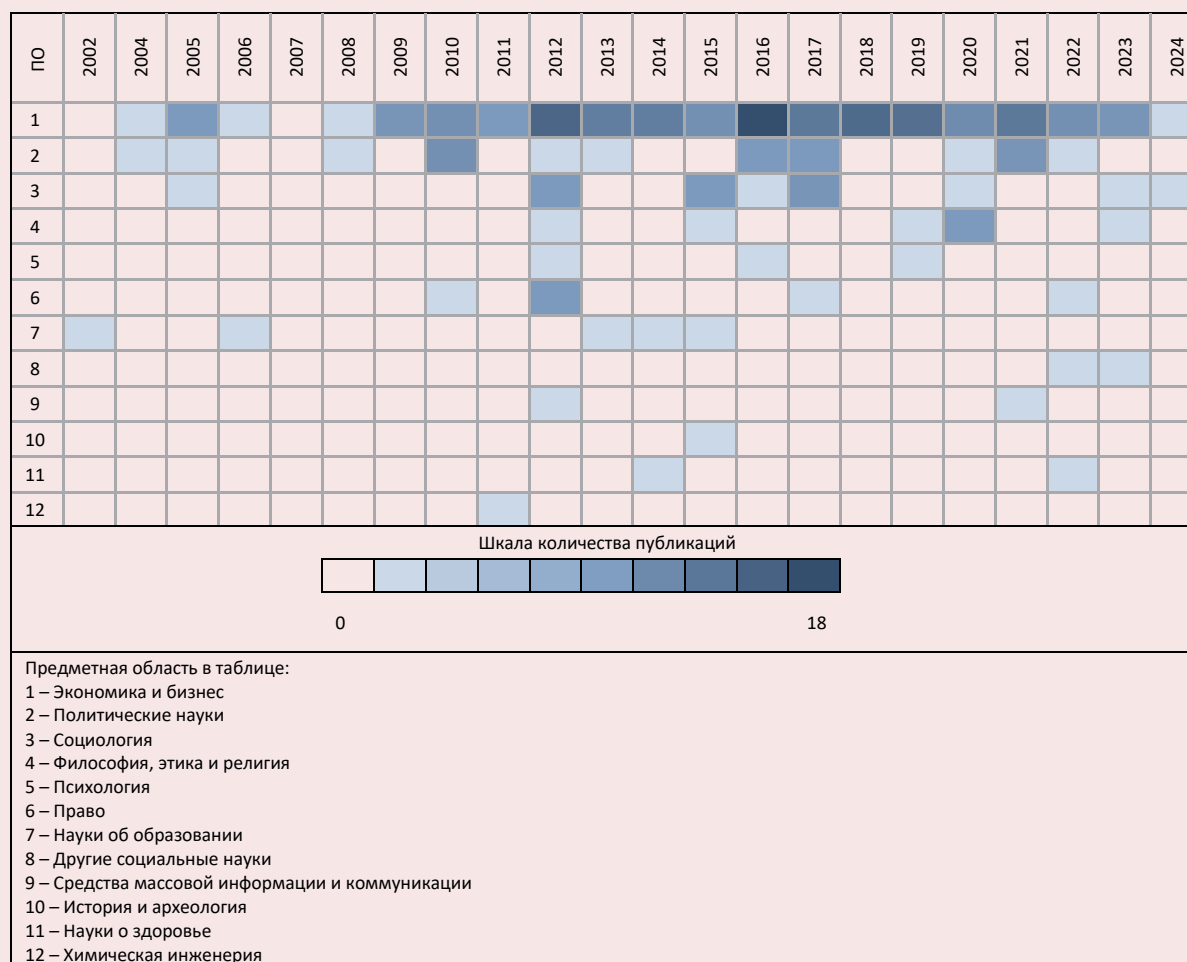
Таким образом, проведенный анализ предметных областей публикаций показал междисциплинарность исследований корпоративной гражданственности с доминантой в предметной области «Экономика и экономические науки». При этом в демографической сфере корпоративная гражданственность не концептуализирована. В исследуемый период времени в РИНЦ не было проиндексировано ни одной публикации по теме корпоративной гражданственности в предметной области «Демография». Сегодня, как отмечалось ранее, появляются первые российские публикации, связанные с тематикой

корпоративной гражданственности в демографической сфере (Багирова, 2025).

Результаты, полученные на основе качественных методов анализа

Проведенный анализ тематических публикаций показал, что ни в научном поле, ни в корпоративном секторе не сложилось единого, универсального мнения о том, что представляет собой корпоративная гражданственность. Так, в зарубежных исследованиях под корпоративной гражданственностью может пониматься выполнение корпорацией четырех видов обязанностей/обязательств перед стейкхолдерами: экономических, юридических, этических и филантропических (Carroll, 1998); степень выполнения компанией этих обязанностей/обязательств (Maignan et al., 1999); особый тип управления компанией, позволяющий минимизировать негативное и максимизировать позитивное воздействие на общество (Marsden, Andriof, 1998); сочетание и объединение основной деятельности компании с социальной ответственностью с целью получения взаимных выгод (Waddell, 2000); один из видов социально-экономической активности компании, которые она проявляет, выполняя свои роли и обязательства как члена общества (Gardberg, Fombrun, 2006).

Рис. 7. Тепловая карта предметных областей публикаций по корпоративной гражданственности, проиндексированных в РИНЦ в период с 2002 по 2024 год

Составлено по: данные РИНЦ.

В научных и прикладных исследованиях концепция корпоративной гражданственности может отождествляться с другими концепциями, отражающими ценностные ориентиры деятельности компании, такими как корпоративная социальная ответственность (далее – КСО), ESG-концепция (Okoye, 2009). Чаще всего в прикладных исследованиях в качестве взаимозаменяемых (иногда – полностью эквивалентных) используются термины «корпоративная социальная ответственность» и «корпоративная гражданственность» (Matten, Crane, 2005; Mirvis, Googins, 2006; Waddock, 2008; Rego et al., 2011). Однако в отдельных исследованиях корпоративная гражданственность может пониматься более широко – как широкий

спектр деловых ролей в обществе, выходящий за рамки концепций устойчивого развития, корпоративной социальной ответственности и ESG-концепции (Waddock, 2008). При этом в исследованиях встречаются попытки проанализировать сходства и различия между КСО и корпоративной гражданственностью, а также между КСО и ESG-концепцией (Valor, 2005; Rendtorff, 2019).

Современные зарубежные исследователи отмечают, что концепция корпоративного гражданства с академической точки зрения все еще недостаточно разработана и не имеет четких демаркационных линий, позволяющих дифференцировать ее от других близких концепций и практик, реализуемых компаниями

(Park et al., 2023). Важным является и тот факт, что контексты и ключевые слова, используемые для характеристики корпоративной гражданственности, могут существенно отличаться в разных исследовательских областях — представители различных научных направлений по-разному концептуализируют корпоративную гражданственность (Окоуе, 2009).

Можно выделить несколько направлений, в рамках которых разрабатывается эта концепция в российских исследованиях (в целом, они совпадают с теми направлениями, которые были нами выделены в отношении зарубежных исследований). Так, ряд авторов рассматривают корпоративную гражданственность в связке с социальной ответственностью бизнеса (Абрамов, 2005; Петухов, 2010; Черепанова, 2015). Корпоративное гражданство, в соответствии с этим направлением, может иметь в качестве основания корпоративную социальную ответственность или быть высшим уровнем ее реализации. Корпоративная гражданственность может рассматриваться как способ ведения бизнеса, характеризующийся инициативностью в отношении социальных инвестиций и самостоятельностью поиска решений общественных / общественно значимых проблем (Киварина, 2016), дающий конкурентное преимущество (Христова, 2020). Концепция корпоративной гражданственности может связываться с концепцией устойчивого развития (Перегудов, Семененко, 2008; Егорова, 2013).

В исследованиях в качестве основополагающего принципа корпоративной гражданственности указывается многосторонность, разноплановость взаимодействия частного предпринимательства с различными стейкхолдерами, в рамках которого бизнес идентифицируется как корпоративный гражданин, реализующий четыре роли — работодателя, производителя, экономического субъекта и члена общества. В роли работодателя корпоративный гражданин создает благоприятные условия труда и развития персонала, в роли производителя — предоставляет безопасные и полезные продукты и услуги, в роли экономического субъекта — соблюдает этические нормы конкуренции, как член общества — поддерживает социальные проекты и решает социальные вопросы.

В отдельных исследованиях корпоративная гражданственность рассматривается в качестве особой формы социального партнерства между бизнесом и государством, при которой бизнес и государство несут взаимную ответственность перед обществом (Косоруков, 2017; Тетерюк, 2017); между бизнесом и обществом, когда степень вовлеченности компании в гражданское общество отражает уровень развития этого взаимодействия (Перегудов, Семененко, 2008; Киварина, 2016).

Ряд российских исследований посвящен генезису идей корпоративной гражданственности и этапам ее формирования (Трекова, Кузьмин, 2012; Кузьмин, 2013; Матвеева, 2014). Вместе с тем представления о периодизации и сущности таких этапов существенно различаются.

Еще одной особенностью научно-исследовательского дискурса корпоративной гражданственности является то, что он преимущественно касается крупного бизнеса. Однако в отдельных работах отмечается необходимость распространения ее идей и принципов среди представителей малого бизнеса (Перегудов, Семененко, 2008).

Отдельного внимания заслуживает работа И.Б. Адовой и Г.Н. Ибрагимова (Адова, Ибрагимов, 2021), в которой авторы осуществили обзор (текстологический анализ) российских исследований корпоративной гражданственности (у авторов — корпоративного гражданства), представив классификацию подходов к рассмотрению термина. Признавая безусловную значимость данного исследования, отметим его определенные ограничения. Вопросы вызывает как сама классификация и основания, по которым выделялись направления таких исследований, так и методические вопросы формирования пула публикаций для проведения анализа.

Дискуссионные вопросы исследования

Результаты анализа поднимают ряд дискуссионных вопросов. Прежде всего отметим, что сегодня можно говорить об определенных ограничениях в развитии дискурса корпоративной гражданственности, наиболее важным среди которых является преобладание описательных, не ориентированных на прикладные аспекты исследований этого феномена.

Выявлено, что в научных и прикладных исследованиях не выработано единого понятия

корпоративной гражданственности, не обозначено четкое место корпоративной гражданственности в системе ценностей бизнеса и его практиках. Сегодня, на наш взгляд, необходима концептуализация, более основательная теоретическая проработка понятия корпоративной гражданственности, особенно в демографической сфере. Недостаточная концептуализация, очевидно, затрудняет восприятие бизнесом ее идей и принципов и, соответственно, ее внедрение в реальные бизнес-стратегии и практики (Park et al., 2023). Необходимость основательной концептуализации важна не только для развития системы научного знания, исследовательской методологии, но и для развития и формирования устойчивости корпоративного сектора; поскольку даже использование термина «корпоративная гражданственность» было в основном инициировано практиками бизнеса (Valor, 2005).

Еще одним важным дискуссионным вопросом по результатам проведенного анализа является вопрос о перспективах и возможностях принятия российским бизнесом идей, принципов корпоративной гражданственности и, что особенно актуально, корпоративной гражданственности в демографической сфере. Размышления относительно этого, вероятно, отсылают нас к теоретико-философской дискуссии о бизнесе/корпорации как моральном агенте. Ответ на вопрос о моральном статусе корпорации, по сути, нужен для обоснования онтологической непротиворечивости идей, постулатов корпоративной гражданственности и сущности предпринимательства. Сегодня, по всей видимости, возобновление этой тематики востребовано. Отметим, что дискуссия о моральном статусе корпорации не нова, берет свое начало в 70-х гг. XX века и связана с работами Дж. Ладда и П. Френча. При этом, если Дж. Ладд (Ladd, 1970) отрицал возможность моральной ответственности для корпорации в целом и для ее отдельных менеджеров, то П. Френч (French, 1979), напротив, обосновывал постулат о том, что корпорации являются моральными агентами и имеют определенные права и обязанности. Консенсус в понимании морального статуса корпорации не был достигнут, и хотя интерес к этой теме несколько угас, однако полностью не исчез (Mansell et al., 2019).

Таким образом, дискурс корпоративной гражданственности сегодня не является изолированным научно-исследовательским феноменом, но может актуализироваться параллельно с другими сопряженными и важными для бизнеса дискурсами, например морального статуса корпорации.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать ряд значимых выводов. Прежде всего оно показало, что, несмотря на довольно внушительный генезис представлений о корпоративной гражданственности, ни в научных кругах, ни в бизнес-сообществе не сложилось единого, универсального ее понимания. Не идентифицированы и критерии, дифференцирующие корпоративную гражданственность от других близких концепций и практик, реализуемых компаниями. Возможности, условия распространения ее идей и принципов в бизнес-среде, а также детерминирующие факторы принятия идей корпоративной гражданственности бизнесом в научно-исследовательском дискурсе практически не раскрыты.

Такой дискурс, сохраняя на протяжении ряда лет стабильную научную значимость, тем не менее в последние годы теряет свою объемность — число публикаций по данной теме снижается. При этом он более масштабен в зарубежных исследованиях. Безусловно, санкции в отношении России и невозможность в связи с этим получить полный доступ к крупнейшим и наиболее значимым международным базам цитирования Web of Science и Scopus накладывают определенные ограничения на наше исследование в части научного обзора зарубежного сегмента дискурса. В дальнейших исследованиях при условии снятия наложенных на академическую сферу России санкций это ограничение может быть преодолено.

Характеризуясь представленностью в ряде предметных областей, дискурс корпоративной гражданственности практически не охватывает предметную область «Демография». Неконцептуализированность корпоративной гражданственности в демографической сфере затрудняет ее восприятие бизнесом и не способствует его активному включению в решение демографических проблем страны.

Полученные результаты, на наш взгляд, обладают как научной, так и практической значимостью. С научно-теоретических позиций значимость исследования состоит в восполнении недостатка научных обзоров в сфере корпоративной гражданственности, развитии научного знания в сфере стратегического управления предприятием и постановке вопроса о концептуализации востребованного сегодня направления исследований, связанного с корпоративной гражданственностью (особенно в сфере демографии).

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов другими авторами, занимающимися вопросами корпоративной гражданственности и смежных тем. Полученные результаты дают ориентиры в отношении возможных научно-иссле-

дательских коллабораций (на основе выявленных центров развития данной тематики и ведущих исследователей), подбора журналов для публикации результатов исследований (с учетом выявленных журналов с наибольшей представленностью статей по данной теме), направлений дальнейшего развития темы (на основе выявленных проблем и недостатков научного дискурса корпоративной гражданственности).

Практическая значимость исследования также связана с тем, что систематизация и концептуализация данной предметной области будет способствовать более активному продвижению идей и принципов корпоративной гражданственности на российских предприятиях, более активному включению российского бизнеса в решение национальных стратегических задач России.

Литература

- Абрамов Р.Н. (2005). Корпоративная социальная ответственность как пример организационного изоморфизма в условиях глобализации // Журнал исследований социальной политики. Т. 3. № 3. С. 327–334.
- Адова И.Б., Ибрагимов Г.Н. (2021). Феномен корпоративного гражданства в научных исследованиях российских ученых // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 56. С. 152–166. DOI: 10.17223/19988648/56/12
- Асаул А.Н., Веткина А.В. (2022). Современная стратегия предпринимательства: рационально-социальная целостность и ценность // Фундаментальные исследования. № 7. С. 7–11. DOI: 10.17513/fr.43275
- Багирова А.П. (2025). Корпоративная гражданственность в демографической сфере как новая тема исследований в современной России // Народонаселение. Т. 28. № 1. С. 27–39. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-27-39
- Багирова А.П., Вавилова А.С., Бледнова Н.Д. (2024). Корпоративная демографическая политика как инструмент реализации стратегических интересов государства, бизнеса и персонала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 137–153. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.8
- Баев П.Г. (2023). Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. № 4. С. 69–76.
- Вавилова А.С., Багирова А.П. (2022). Поддержка молодой семьи как перспективное направление социальной ответственности бизнеса // Семья и преемственность поколений: материалы Международного симпозиума, г. Иваново – Плещ, 30 сентября – 1 октября 2022 г. Иваново: Ивановский гос. ун-т. С. 65–71.
- Ветошкин А.П., Каратеева Н.А., Миняйло А.М. (2008). Духовно-нравственная экономика: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. 702 с.
- Грекова Г.И., Кузьмин А.В. (2012). Корпоративное гражданство: концептуализация понятия и этапы формирования // Вестник Института экономики и управления Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. № 1. С. 13–20.
- Егорова Ю.М. (2013). Устойчивое развитие региона на основе корпоративной социальной ответственности // Экономические системы. № 2. С. 5–10.
- Зауторова Э.В., Макеева И.А. (2016). Гражданственность как междисциплинарная категория и интегративная характеристика личности // Вестник института: преступление, наказание, исправление. № 35. С. 94–99.

- Иваницкий В.Л., Шишкарёв С.Н. (2024) Корпоративный демографический стандарт: лучшие практики ответственного бизнеса по материалам ЭКГ-рейтинга. М.: ДПК Пресс. 160 с.
- Киварина М.В. (2016). Корпоративное гражданство: современный способ ведения бизнеса // Российское предпринимательство. Т. 17. № 19. С. 2485–2494. DOI: 10.18334/гр.17.19.36582
- Косоруков А.А. (2017). Корпоративное гражданство как форма социального партнерства государства и бизнеса в публичной сфере // Социодинамика. № 10. С. 45–58. DOI: 10.25136/2409-7144.2017.10.21739
- Кузьмин А.В. (2013). Формирование концепции корпоративного гражданства в России // Российское предпринимательство. № 2 (243). С. 108–115.
- Лубский А.В., Мамина Д.А. (2019). Гражданственность в молодежной среде как предмет теоретико-методологического дискурса // Социально-гуманитарные знания. № 7. С. 69–78.
- Матвеева Е.В. (2014). Корпоративное гражданство как философия социально ответственного бизнеса: новый уровень развития // Актуальные проблемы экономики и права. № 2 (30) С. 49–54.
- Никифоров Ю.Н., Скалина А.Н. (2007). О понятии «Гражданственность» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2-2. С. 155–159.
- Перегудов С.П., Семененко И.С. (2008). Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М.: Прогресс-Традиция. 447 с.
- Петухов К.А. (2010). Феномен корпоративной социальной ответственности в странах Запада // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. № 3. С. 104–119.
- Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Багирова А.П. (2021). Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 151–164. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.9
- Сазанова С.Л. (2016). Эволюция ценностей и стимулов хозяйствования в России (XIX–XXI вв.): содержание, основные этапы. Факторы динамики предпринимательства и предпринимательской деятельности в России // Вестник университета. № 12. С. 26–31.
- Тетерюк А.С. (2017). Особенности развития GR-связей с государственными органами в России в контексте корпоративного гражданства // Политика и общество. № 3. С. 76–91. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.3.22234
- Тобышева А.А., Шубат О.М. (2024). Корпоративная демографическая политика: детерминанты и практики // Human Progress. Т. 10. Вып. 1. С. 1–15. DOI: 10.34709/IM.1101.6
- Христова Х.А. (2020). Корпоративное гражданство как конкурентное преимущество // Научные вести. № 3. С. 177–187.
- Черепанова Н.В. (2015). Корпоративное гражданство и корпоративная социальная ответственность: особенности реализации // Молодой ученый. № 12. С. 519–521.
- Шубат О.М., Багирова А.П., Янь Д. (2022). Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: потенциал внедрения в российских регионах // Экономика региона Т. 18. Вып. 4. С. 1121–1134. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-4-11
- Bourhis A., Mekkaoui R. (2010). Beyond work-family balance: Are family-friendly organizations more attractive? *Relations Industrielles / Industrial Relations*, 65(1), 98–117.
- Breaugh J.A., Frye N.K. (2007). An examination of the antecedents and consequences of the use of family-friendly benefits. *Journal of Managerial Issues*, 19(1), 35–52.
- Carroll A.B. (1979). A three-dimensional conceptual model of corporate performance. *Academy of Management Review*, 4(4), 497–505. DOI: 10.2307/257850
- Carroll A.B. (1998). The four faces of corporate citizenship. *Business and Society Review*, 100–101, 1–7. DOI: 10.1111/0045-3609.00008
- French P. (1979). The corporation as a moral person. *American Philosophical Quarterly*, 16(3), 207–215.
- Gardberg N.A., Fombrun C.J. (2006). Corporate citizenship: Creating intangible assets across institutional environments. *Academy of Management Review*, 31, 329–346. DOI: 10.5465/AMR.2006.20208684
- Kim J.S., Yeo Y.H. (2019). Family-friendly policy and childbirth intention: Mediating effect of family life satisfaction. *Asia Life Sciences*, 3, 75–84.
- Ladd J. (1970). Morality and the ideal of rationality in formal organizations. *The Monist*, 54(4), 488–516.

- Latapi Agudelo M.A., Jóhannsdóttir L., Davídsdóttir B. (2019). A literature review of the history and evolution of corporate social responsibility. *International Journal Corporate Social Responsibility* 4, 1. DOI: 10.1186/s40991-018-0039-y
- Maignan I., Ferrell O.C., Hult G.T.M. (1999). Corporate citizenship: Cultural antecedents and business benefits. *Journal of the Academy of Marketing Science*, 27, 455–469. DOI: 10.1177/0092070399274005
- Mansell S., Ferguson J., Gindis D. et al. (2019). Rethinking corporate agency in business, philosophy, and law. *Journal of Business Ethics*, 154(4), 893–899. DOI: 10.1007/s10551-018-3895-1
- Marsden C., Andriof J. (1998). Towards an understanding of corporate citizenship and how to influence it. *Citizenship Studies*, 2(2), 329–352. DOI: 10.1080/13621029808420686
- Matten D., Crane A. (2005). Corporate citizenship: toward and extended theoretical conceptualization. *Academy of Management Review*, 30, 166–179. DOI: 10.5465/AMR.2005.15281448
- Mirvis P.H., Googins B. (2006). Stages of Corporate Citizenship. *California Management Review*, 48, 104–126. DOI: 10.2307/41166340
- Okoye A. (2009). Theorising corporate social responsibility as an essentially contested concept: Is a definition necessary? *Journal of Business Ethics*, 89, 613–627. DOI: 10.1007/s10551-008-0021-9
- Park J.G., Park K., Noh H., Kim Y.G. (2023). Characterization of CSR, ESG, and corporate citizenship through a text mining-based review of literature. *Sustainability*, 15(5), 3892. DOI: 10.3390/su15053892
- Rego A., Leal S., Pina e Cunha M. (2011). Rethinking the employees' perceptions of corporate citizenship dimensionalization. *Journal of Business Ethics*, 104, 207–218. DOI: 10.1007/s10551-011-0899-5
- Rendtorff J.D. (2019). The concept of business legitimacy: Corporate social responsibility, corporate citizenship, corporate governance as essential elements of ethical business legitimacy. In: Crowther D., Seifi S., Wond T. (Eds). *Responsibility and Governance: The Twin Pillars of Sustainability*, Springer: Singapore.
- Valor C. (2005). Corporate social responsibility and corporate citizenship: Towards corporate accountability. *Business and Society Review*, 110, 191–212. DOI: 10.1111/j.0045-3609.2005.00011.x
- Waddell S. (2000). New institutions for the practice of corporate citizenship: Historical, intersectoral, and developmental perspectives. *Business and Society Review*, 105(1), 107–126. DOI: 10.1111/0045-3609.00067
- Waddock S. (2008). The development of corporate responsibility/corporate citizenship. *Organization Management Journal*, 5(1), 29–39.

Сведения об авторах

Оксана Михайловна Шубат — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru)

Анастасия Андреевна Радишевская — аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: tobysheva.a.a@internet.ru)

Shubat O.M., Radishevskaya A.A.

Corporate Citizenship: An Overview of Scientific Publications

Abstract. The negative demographic dynamic observed in Russia, despite the government's efforts to handle it, requires the development and implementation of new, more effective tools that can change the situation. One of these tools is to promote business participation in addressing the country's demographic problems based on the development of ideas and principles of corporate citizenship. The aim of the study is to review and analyze the scientific and research discourse on corporate citizenship with an emphasis on the demographic segment of this discourse. The research methodology includes scientific review of publications on corporate citizenship based on quantitative (scientometric analysis) and qualitative (content-semantic analysis of documents) methods. We reveal that the scientific and research discourse

on corporate citizenship, while maintaining a stable scientific significance for a number of years, has been shrinking over recent years. At the same time, it is more widespread in foreign studies. Corporate citizenship is an insufficiently developed concept, it lacks a clear definition, understanding of its essence and determinants. In the demographic sphere, corporate citizenship is not conceptualized. In the course of the analysis, we identify trends in the development of the discourse, and compile a scientometric portrait of Russian publications on this topic. The inability to gain full access to the international citation databases Web of Science and Scopus due to the sanctions imposes certain restrictions on our research regarding the scientific review of the foreign segment of the discourse. From a scientific and theoretical perspective, the significance of the work lies in filling in the lack of scientific reviews in the field of corporate citizenship, raising the issue of conceptualizing this phenomenon and intensifying its research. Practical significance is determined by the possibility of using the findings by other authors dealing with issues of corporate citizenship and related topics. The systematization and conceptualization of this subject area will contribute to a more active promotion of the ideas and principles of corporate citizenship in Russian enterprises, as well as a more active involvement of Russian business in solving Russia's national strategic tasks.

Key words: corporate citizenship, corporate demographic policy, entrepreneurship, scientometric analysis, scientific review.

Information about the Authors

Oksana M. Shubat – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of department, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru)

Anastasiya A. Radishevskaya – postgraduate student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: tobysheva.a.a@internet.ru)

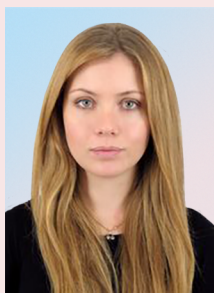
Статья поступила 18.05.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.16

УДК 338.001.36, 330.15, ББК 65.011.3, 65.28

© Вегнер-Козлова Е.О.

Обзор методик оценки экономики замкнутого цикла

**Екатерина Олеговна
ВЕГНЕР-КОЗЛОВА**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: vegner.kozlova.eo@uiec.ru

ORCID: 0000-0003-4182-6514; ResearcherID: N-5568-2016

Аннотация. Задачи перехода к экономике замкнутого цикла не теряют актуальности ввиду того, что данная концепция расширяет границы экологической устойчивости за счет идей преобразования продуктов и отходов в контексте задач эффективного взаимодействия безопасности экологических систем и стабильности экономического роста. Параллельно с возможностями экономики замкнутого цикла расширяются теоретико-методологические вопросы относительно оценки результативности ее практик. На данный момент не существует общепринятого способа измерения экономики замкнутого цикла ни в целом, ни на отдельных уровнях (макро-, мезо-, микро-), ни в рамках различных принципов (принципы «Р»). Цель работы – систематизировать предшествующие научные труды по тематике оценки экономики замкнутого цикла, провести их обзорный анализ. В статье применены общетеоретические методы анализа, синтеза, сравнения и классификации, что отвечает задачам описательного обзора. В качестве основного метода выбран вторичный анализ данных. Исследование позволило проследить тенденции, систематизировать подходы к оценке экономики замкнутого цикла и получить актуальное представление о динамике научного знания, касающегося методов ее оценки. Определены опорные точки для категоризации и структурирования показателей экономики замкнутого цикла, классифицированы подходы к ее измерению. В ходе обзора выявлен ряд методологических проблем: методики оценки должны базироваться на общепринятых определениях и принципах экономики замкнутого цикла, ее устоявшихся стратегиях и бизнес-моделях, а также соответствовать на-

Для цитирования: Вегнер-Козлова Е.О. (2025). Обзор методик оценки экономики замкнутого цикла // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 285–302. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.16

For citation: Wegner-Kozlova E.O. (2025). An overview of closed-loop economy assessment methods. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(4), 285–302. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.16

циональным задачам и национальным стратегиям в области устойчивого развития и учитывать отраслевую и региональную специфику. Изученные в работе методы оценки систематизированы и классифицированы относительно уровня применения практик экономики замкнутого цикла (на микро-, мезо- и макроуровне), что может способствовать усилению результативной субъектности разноуровневых акторов в сфере реализации проектов экономики замкнутого цикла.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла, циркулярная экономика, методика оценки циркулярной экономики, показатели циркулярной экономики.

Благодарность

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием для ФГБУН Института экономики Уральского отделения РАН, тема № 0327-2024-0010 на 2024–2026 гг.

Введение

Идеи перехода от линейного типа производств к новым циклическим моделям не теряют актуальности, несмотря на геополитическую турбулентность, ввиду необходимости решения экзистенциальных задач по снижению негативного воздействия на окружающую среду. Экономика замкнутого цикла (далее – ЭЗЦ), она же в зарубежных источниках циркулярная экономика (далее – ЦЭ), в рамках логической модели «ресурсы – продукты – возобновляемые ресурсы» в общем виде предполагает два вектора развития: 1) минимизацию использования ресурсов и вторичную переработку; 2) экологизацию производств и снижение негативного воздействия на окружающую среду. С этих позиций ЭЗЦ расширяет границы экологической устойчивости за счет идей преобразования продуктов, отходов и производственных цепочек, таким образом, чтобы было найдено и реализовано эффективное взаимодействие между безопасностью экологических систем и стабильностью экономического развития. Однако параллельно с возможностями реализации ЭЗЦ расширяются теоретико-методологические вопросы относительно оценки результативности практик в рамках указанной концепции.

Барьерами для выработки единого подхода к измерению ЭЗЦ в настоящее время выступают:

1) дуализм в подходах к ЭЗЦ (минимизация потребления ресурсов / минимизация негативного воздействия на окружающую среду (НВОС));

2) применимость практик ЭЗЦ на различных уровнях:

3) микроуровень (продукты, компании, потребители);

4) мезоуровень (промышленный симбиоз, эко-промышленные парки, отрасли);

5) макроуровень (глобальная, национальная, региональная, городская экономические системы);

6) сущностное содержание и перечень принципов «Р» («R») в ЭЗЦ, к наиболее известным из которых относятся отказ (refuse), переосмотр (rethink), сокращение (reduce), повторное использование (reuse), ремонт (repair), модернизация (refurbish), реконструкция (remanufacture), перепрофилирование (repurpose), рециклинг (переработка, recycle), восстановление (recover);

7) различия методических подходов к оценке принципов «Р»;

8) сложность определения объекта измерения и различия в системах, рассматриваемых и измеряемых в рамках ЭЗЦ;

9) существенные отличия в биологических и искусственных циклах материалов и ресурсов, где биологические циклы связаны с безопасным и эффективным перемещением возобновляемых биотических ресурсов в биосферу и из нее, а искусственные (антропогенные) циклы предполагают применение искусственных материалов и их соединений, опасных для окружающей среды.

Указанные барьеры определяют основной дискуссионный вопрос: насколько существующие методики пригодны для оценки эколого-экономической эффективности стратегий ЭЗЦ в измеряемых системах. Следует также обратить внимание, что общепринятый подход отнесения региональных экономических

систем к мезоуровню при рассмотрении ЭЗЦ в зарубежных источниках меняется на макроуровень. Это дает возможность подчеркнуть уровень субъектности управляющих органов, отвечающих за реализацию данного направления в экономической системе объекта.

Уровень субъектности для реализации практик ЭЗЦ является существенным параметром, что связано с необходимостью учета для внедрения ЭЗЦ специфических территориальных особенностей (географических, экологических, экономических, социальных, институциональных). Особую актуальность ЭЗЦ приобретает для индустриальных регионов (с высокой долей добывающего и обрабатывающего секторов в структуре валового регионального продукта). Индустриальные регионы, являясь базисом развития национальной экономики, одновременно становятся лидерами деградации экологических систем. Для ряда таких регионов характерно экстенсивное индустриальное развитие, сопровождающееся внедрением технологий выщелачивания металлов, освоением глубоких горизонтов и месторождений с меньшим содержанием полезных ископаемых, что способствует обострению эколого-экономических противоречий. Преодолеть указанные проблемы можно только с позиции отражения субъектности, что необходимо учесть на стадии оценки ЭЗЦ. Настоящая обзорная работа ставит цель объединить и систематизировать накопленные знания в области оценки экономики замкнутого цикла, классифицировав существующие методики по уровням реализации ЭЗЦ.

Методы

Поставленная цель — синтезировать и систематизировать предшествующие исследования по тематике оценки экономики замкнутого цикла — предполагает применение общетеоретических методов анализа, синтеза, сравнения и классификации, что отвечает задачам описательного обзора. В качестве основного метода исследования выбран вторичный анализ данных, основная цель которого — поиск закономерностей, систематизация и классификация изучаемых объектов, методов или параметров. Выбранный метод исследования позволяет решить ряд методических задач: сравнить результаты предшествующих исследований, посвящённых оценке ЭЗЦ; получить представление о временной динамике исследований;

провести сравнительный анализ существующих подходов к оценке ЭЗЦ и предложить их классификацию. Поиск источников по циркулярной экономике (экономике замкнутого цикла) осуществлялся в базах и информационных ресурсах Web of Science, Google Scholar, ResearchGate, ScienceDirect с использованием различных комбинаций поисковых запросов, таких как «оценка циркулярной экономики», «индекс циркулярной экономики», «измерение циркулярной экономики», «индикаторы циркулярной экономики» по категориям «обзорная статья» и «исследовательская статья». При отборе использовался фильтр «открытый доступ». Предметная область была ограничена экономическими науками, менеджментом, науками об окружающей среде и социальными науками. В общей сложности в результате анализа получено 43 показателя, которые были включены в научный обзор и систематизированы в зависимости от уровня оценки на микро-, мезо-, макропоказатели. Результаты поиска отобраны вручную на основе названий и аннотаций. Значимыми критериями отбора стали такие понятия, как «анализ», «оценка» и аналогичные выражения, которые указывали на потенциальное измерение одного аспекта или подмножества аспектов в рамках циркулярной экономики.

Результаты

Изученные методы оценки ЭЗЦ систематизированы относительно уровня применения данных практик (микро-, мезо- и макроуровень), что может способствовать усилению результативной субъектности разноуровневых акторов в сфере развития практик и реализации проектов ЭЗЦ.

Макроуровень в настоящее время представлен наименьшим числом исследовательских работ, т. к. практики ЭЗЦ находятся на ранней стадии развития, что, соответственно, предполагает их апробацию в первую очередь на микро- и мезоуровне. Параметры оценки ЭЗЦ на макроуровне предложены в сборнике «Показатели “зеленого роста”» Организации экономического сотрудничества и развития¹, где подчеркивается роль производства и потребления в экономике, а также связь между экономи-

¹ Green Growth Indicators 2014. OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/green-growth-indicators-2013_9789264202030-en.html

кой, природными ресурсами и экологической политикой. Особо отмечается, что повышение производительности ресурсов и обеспечение устойчивого управления материалами требуют комплексной политики в отношении отходов, материалов и продукции, основанной на экономике замкнутого цикла «3R». Экологическая и ресурсосберегающая эффективность экономики оценивается через показатели углеродной и энергетической продуктивности, которая характеризует взаимодействие с климатической системой и глобальным углеродным циклом, а также эколого-экономической эффективности использования энергетических ресурсов в производстве и потреблении; производительности природных ресурсов, которая характеризует экологическую и экономическую эффективность их использования в производстве и потреблении; многофакторной производительности, учитывающей экологические параметры через затраты, связанные с загрязнением окружающей среды.

В работе Y. Qing и соавторов предложена индексная система, используемая для оценки развития экономики замкнутого цикла в провинции Шэньси, включающая пять параметров (Qing et al., 2011).

В статье M. Haupt, C. Vadenbo, S. Hellweg представлен анализ материальных потоков швейцарской системы обращения с отходами, особое внимание уделяется физическому составу отходов. Половина твердых бытовых отходов перерабатывается, а половина термически обрабатывается с рекуперацией энергии. В качестве мерила ЭЗЦ предлагается применять коэффициент вторичной переработки, характеризующий поведение материалов в процессе обращения. Исследование посвящено вторичной переработке твердых бытовых отходов (бумаги, картона, алюминия, жести, стекла и полиэтилентерефталата) путем разделения на коэффициенты сбора в модели ЭЗЦ и модели без замкнутых циклов. Согласно предлагаемой методике, коэффициент измеряет доступные вторичные ресурсы, полученные в результате процессов переработки (Haupt et al., 2016).

M. Smol с соавторами (Smol et al., 2017) предложены показатели, характеризующие экономику замкнутого цикла в региональной политике. Авторы обращают внимание на вза-

имосвязь ЭЗЦ с эко-инновациями, что предполагает отражение этого аспекта в методике оценки. В работе представлены пять групповых показателей, основанных на факторах эко-инноваций, которые можно выявить из статистических данных Евростата. Такой способ измерения позволяет создать системный и интегрированный подход к концепции на региональном уровне через призму результативности эко-инноваций, учитывая статистическую специфику национальных экономических систем.

N. Kiani Mavi, R. Kiani Mavi оценивают экономику замкнутого цикла на макроуровне при помощи индекса Малмквиста (Kiani Mavi, Kiani Mavi, 2019).

A. Pires и G. Martinho разработали индекс иерархии отходов (WHI) для измерения иерархии твердых коммунальных отходов в контексте экономики замкнутого цикла. Переработка и подготовка к повторному использованию, в контексте нормативно-правовых источников Евростата, рассматриваются как позитивные факторы экономики замкнутого цикла, а сжигание и захоронение отходов — как негативные факторы. Авторы апробируют WHI на местном и национальном уровнях. Индекс позволяет рассчитать иерархию отходов с учетом различных типов переработки и сжигания, этим процессам присваиваются различные веса в зависимости от того, каким образом операции с отходами соответствуют экономике замкнутого цикла (Pires, Martinho, 2019). Применение WHI возможно для конкретных материалов и потоков отходов. Однако WHI рассматривает только операции, которые происходят после образования отходов, и не включает меры по предотвращению их образования. Возможность применения предложенной методики оценки ЭЗЦ напрямую зависит от национальной нормативно-правовой базы, определяющей сущность указанных процессов.

В работе I.-M. Garcia-Sanchez и соавторов описан многовариантный индекс, представляющий собой двухэтапный сводный бизнес-индекс экономики замкнутого цикла. Использование выборки, включающей 26 783 компаний из 49 стран и 10 секторов за период 2014–2019 гг., позволило обобщить инициативы на страновом и отраслевом уровнях. Индекс ос-

новывается на анализе данных базы Thompson Reuters EIKON², в связи с чем его расчет и достоверность оценки напрямую зависят от степени раскрытия нефинансовой информации (Garcia-Sanchez et al., 2021).

Для оценки ЭЗЦ на макроуровне применяются инструменты статистического анализа — индексный метод — и анализа относительных показателей (табл. 1). Это обусловлено простотой расчетов и возможностью выбора изучаемых параметров, что, в свою очередь, позволяет адаптировать методики для использования любого доступного набора официальных статистических данных. Индекс Малмквиста добавляет

возможности оценки динамических показателей производительности, позволяя дифференцировать параметры изменения производительности, связанные с циклическими процессами. Необходимость применения анализа материальных потоков зависит от сущности исследуемого циклического процесса, его параметров и его экономической целесообразности. Анализ материальных потоков дает возможность оптимизировать производственные процессы, что, соответственно, приводит к снижению затрат, но требует значительных ресурсов и предполагает сложности в интеграции с существующими системами.

Таблица 1. Методика оценки экономики замкнутого цикла на макроуровне

Автор(ы)	Год	Методический инструментарий	Оцениваемые показатели / параметры / описание
Qing Y., Qiongqiong G., Mingyue Ch.	2011	Индексный метод	<ul style="list-style-type: none"> Социальное и экономическое развитие, эффективность использования ресурсов, переработка и повторное использование ресурсов, защита окружающей среды, сокращение загрязнения
Haupt M., Vadenbo C., Hellweg S.	2016	Анализ материальных потоков	Коэффициент вторичной переработки (RRs, Recycling rates)
Smol M., Kulczycka J., Avdiushchenko A.	2017	Относительные статистические показатели	<ul style="list-style-type: none"> Эко-инновационные затраты, эко-инновационная деятельность, эко-инновационные результаты, результаты ресурсоэффективности, социально-экономические результаты
Kiani Mavi N., Kiani Mavi R.	2019	Индекс Малмквиста	<ul style="list-style-type: none"> Уровень производительности ресурсов, потребление энергии, выбросы парниковых газов, объем отходов, возобновляемые источники энергии, ВВП
Pires A., Martinho G.	2019	Относительные статистические показатели	Индекс иерархии отходов (WHI) для твердых бытовых отходов использует следующие параметры: «PR» — подготовка к повторному использованию; «UpR» — переработка, предполагающая, что полученный продукт имел большую ценность, чем исходный элемент; «DR» — переработка предполагающая, что полученный продукт имел меньшую ценность, чем исходный элемент; «CAD» — компостирование и анаэробное сбраживание; «BT» — биологическая обработка смешанных/остаточных твердых бытовых отходов; «WtE» — сжигание с рекуперацией энергии; «I» — сжигание без рекуперации энергии; «L» — свалка
Garcia-Sanchez I.-M., Somohano-Rodriguez F.-M., Amor-Esteban V., Frias-Aceituno J.-V.	2021	Статистические методы	CEBIX (Circular Economy Business Index at the national level) — сводный бизнес-индекс экономики замкнутого цикла, основанный на 17 экологических практиках
Источник: составлено автором.			

² URL: <https://eikon.thomsonreuters.com/index.html>

Методический инструментарий оценки ЭЗЦ на мезоуровне более разнообразен. Например, работа N.B. Jacobsen посвящена количественной оценке результативности промышленного симбиоза, рассматриваемого как подотрасль промышленной экологии. Установлено, что с помощью промышленного симбиоза можно получить как существенные, так и незначительные экологические выгоды (Jacobsen, 2006).

Методика, представленная Z. Wen, X. Meng, базируется на предположении, что усиление материального обмена между объединенными предприятиями в ведущих промышленных производственных цепочках в экопромышленных парках приводит к созданию системы промышленного симбиоза, которая эффективна для укрепления экономики замкнутого цикла (Wen, Meng, 2015).

Индекс циркулярности сточных вод предложен в работе В. Kayal и соавторов для измерения цикличности в отрасли очистки сточных вод. Индекс отражает эффективность повторного использования и рециркуляции процесса очистки сточных вод, учитывая их специфические параметры. В рамках этой модели сточные воды превращаются из отходов в ресурс. Новизна предлагаемого индекса заключается в использовании объективно обоснованных весов, отражающих экологические преимущества процесса очистки (Kayal et al., 2019).

L.-I. Ding и коллеги предложили авторский подход, базирующийся на следующей гипотезе: промышленная ЭЗЦ стремится максимизировать экономические выгоды при минимизации негативного воздействия на окружающую среду путем восстановления производства, утилизации, эффективного обращения с отходами и использования возобновляемых источников. Используя анализ среды функционирования, авторы определяют эффективность промышленной циркулярной экономики. Расширенный индекс Мальмквиста используется для дальнейшего анализа динамических изменений. Экономический результат представлен добавленной стоимостью промышленной отрасли (IAVS), которая от-

ражает конечный продукт деятельности промышленного производства в денежной форме. Авторы, отталкиваясь от доступности статистических данных, учитывают при оценке промышленную рабочую силу и основной капитал в качестве экономических затрат. Нежелательным результатом в модели является промышленное загрязнение, которое оценивается по параметрам объема промышленных сточных вод и твердых промышленных отходов. Затраты на экологическое управление в основном состоят из затрат на очистку промышленных сточных вод, очистные сооружения сточных вод, инвестиции в управление окружающей средой в связи с промышленным загрязнением. Показателями результатов очистки окружающей среды стали объемы очищенных промышленных сточных вод и утилизации твердых промышленных отходов (Ding et al., 2020).

С.В. Ратнер, В.В. Иосифов, П.Д. Ратнер (Ратнер и др., 2020) предложили подход к оценке уровня развития ЦЭ для регионального и федерального уровней. К первой подсистеме циркулярной экономики (SS1) отнесена производственная подсистема, оптимизация деятельности которой заключается в снижении ресурсоемкости. За положительный результат деятельности региональной экономической системы взят объем ВРП Y_1 , как положительный результат деятельности коммунальной инфраструктуры — количество населения в регионе, проживание которого обеспечивается данной инфраструктурой Y_2 . Как входы производственной подсистемы рассматриваются физические ресурсы, которые она потребляет: объем потребляемой регионом энергии X_1 и объем потребляемой воды X_2 . В качестве нежелательных выходов выбраны объем выбросов в атмосферу от стационарных источников Z_1 , объем неочищенных или недостаточно очищенных сточных вод Z_2 , объем образования отходов производства и потребления Z_3 и площадь нарушенных земель Z_4 .

В работе С.С. Гутмана, М.С. Манаховой предложены три группы целей при реализации ЦЭ на уровне региона (табл. 2).

Статья С.-Н. Wang и коллег посвящена оценке поставщиков для реализации экономики замкнутого цикла. Индекс учитывает экономические, экологические и социальные потери, связанные с низким качеством продукции. В контексте экономики замкнутого цикла низкое качество приводит к увеличению количества брака, сокращению срока службы изделия и уменьшению возможности повторного использования компонентов (Wang et al., 2021).

Еще одна отраслевая методика оценки (для строительной отрасли) элементов ЭЗЦ предложена в работе Т. О'Grady и соавторов. Предлагаемый индекс оценивается через параметры проектирования сноса, демонтажа и устойчивости в строительстве. Индексация цикличности зданий, по мнению авторов, должна способствовать переходу от традиционного сноса к экономике замкнутого цикла и снижению воздействия на окружающую среду на этапах реконструкции. Исследователи отмечают, что возможность применения методики варьируется в зависимости от нормативно-правовой базы, регулирующей процессы утилизации и повторного использования отходов. Индекс изменяется в границах от 0 до 1, где более высокое значение указывает на то, что здание обладает высокой

степенью демонтажа и построено с использованием устойчивых компонентов, которые можно разбирать несколько раз (O'Grady et al., 2021).

Н.Ю. Титовой предложена система циркулярной экономики в соответствии с целями устойчивого развития, основанная на библиометрическом анализе 679 публикаций. Показатели, используемые в данных исследованиях, распределены по группам (экономические, экологические, социальные), в результате чего установлено соответствие между ними по признакам принадлежности к оценке достижения целей устойчивого развития ООН и принципам циркулярной экономики (Титова, 2022).

Т.Т. Huyen Do и соавторами рассмотрен интегрированный циклический индекс для оценки потенциальной эффективности применения ЭЗЦ в цепочке производства древесины с учетом углеродной нейтральности. Предложенный индекс отражает пять параметров ЭЗЦ и нулевые выбросы углерода. Метод наилучшего-наихудшего использовался для расчета оптимальных весовых коэффициентов компонентов индекса, а линейное целевое программирование — для выявления максимального значения в целях определения предпочтительных альтернатив ЭЗЦ (Huyen Do et al., 2023).

Таблица 2. Цели циркулярной экономики на региональном уровне

Сфера	Цели
Социальная сфера	Создание новых рабочих мест и увеличение числа практикантов от вузов на предприятиях, придерживающихся принципов ЦЭ, за счет поддержки со стороны администрации регионов (как показатель перспективы трудоустройства населения). Создание экопарков, заповедников, экотроп. Поддержка научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в регионе. Развитие благоустройства жилых кварталов с учетом экологических норм и пунктов для приема мусора. Агитация населения к раздельной сортировке мусора и организация общественных мероприятий на эту тематику.
Экологическая сфера	Обеспечение контроля над загрязнением воздуха, водоемов и почв промышленными объектами. Организация инфраструктуры для раздельной сортировки отходов в жилых комплексах и на производственных объектах. Повышение контроля над организацией незаконных свалок. Повышение доли перерабатываемых в регионе отходов. Введение более жестких экологических нормативов. Уменьшение доли использования первичных ресурсов. Снижение незаконной вырубki лесов на территории региона.
Экономическая сфера	Поддержка развития и создания промышленных кластеров. Финансирование со стороны администрации НИОКР. Создание рынка вторичных ресурсов. Повышение тарифов на первичные природные ресурсы. Увеличение штрафов за экологические нарушения. Повышение экономической устойчивости предприятий региона.
Составлено по: (Гутман, Манахова, 2021).	

F. Holly, C. Schild, S. Schlund предлагают оценочную модель C-METRIC для измерения цикличности работы машиностроительных компаний, включающую 66 вопросов из 33 различных сфер деятельности (Holly et al., 2023).

В работе A.G. de Andrade Monteiro и его коллег описан показатель оценки ЦЭ для отрасли химической промышленности. Область применения показателей в сочетании с техническими циклами основывалась на принципах 3Р в сочетании с измерениями показателей образования отходов, выбросов газов и потребления энергии (Monteiro et al., 2024).

Оценка ЭЗЦ на мезоуровне более разнообразна по методическому инструментарию (табл. 3). Вероятно, это связано с большей доступностью исходных статистических данных для этого уровня, требующихся для применения большей части указанных методических инструментов. Кроме того, в отличие от инструментов макроуровня, на мезоуровне очевидна возможность использования качественного анализа (анкетирование, опрос). С нашей точки зрения, инструменты качественного анализа целесообразны на мезоуровне в большей степени, чем на макро- и микроуровне, в связи с тем что на мезоуровне возможно сформировать выборку или фокус-группу, отвечающую необходимым требованиям для обеспечения валидности исследования: с одной стороны, за счет качественного подбора участников и применения требований гомогенности социальных и профессиональных характеристик респондентов, с другой стороны, мезоуровень оставляет возможность сохранения принципа закона больших чисел.

Наиболее распространенную группу в настоящее время представляют методики оценки параметров экономики замкнутого цикла на микроуровне. Например, в работе S.K. Das и соавторов предложена многофакторная модель для расчета показателя трудоемкости демонтажа, отражающая общие эксплуатационные затраты на разборку изделия (Das et al., 2000).

P. Zwolinski и коллеги предложили учет ограничений, основанный на профилях восстанавливаемых продуктов, на протяжении всего процесса проектирования. Для определения профиля продукта предложены восемь категорий критериев (Zwolinski et al., 2006).

Исследование J.Y. Park, M.R Chertow развивает инструменты обращения с отходами как с ресурсами. Авторами предложен количественный инструмент, который определяет, насколько ресурсоемки конкретные материалы. Индикатор потенциала повторного использования описывает, насколько материал ресурсоемок за счет качества (Park, Chertow, 2014).

Индекс окончания срока службы позволяет разработчикам принимать обоснованные решения об альтернативах проектирования для обеспечения оптимальных эксплуатационных характеристик изделия в конце срока службы (Lee et al., 2014).

В работе S. Huysman и его коллег предложен коэффициент для расчета экологического эффекта с точки зрения использования ресурсов. Применяется подход кумулятивного извлечения эксергии из природной среды. Показатель основан на оценочных значениях воздействия на окружающую среду, полученных с помощью методов оценки жизненного цикла (Huysman et al., 2015).

A. Van Schaik, M.A. Reuter разработали индекс вторичной переработки, основанный на имитационных моделях, который включает в себя показатели утилизации отходов (Van Schaik, Reuter, 2016).

В статье A.E. Scheepens и соавторов предложен коэффициент экологически эффективного создания ценности. Для оценки потенциально негативного воздействия бизнес-операций на окружающую среду был применен основанный на LCA коэффициент экзотрат (Scheepens et al., 2016).

E. Franklin-Johnson и соавторы для оценки ЭЗЦ используют показатель долговечности. Этот метод подразумевает оценку начального срока службы, срока службы после ремонта и срока службы после вторичной переработки для оценки вклада ресурса в долговечность материала. Оценка базируется на предположении, что центральным элементом экономики замкнутого цикла является создание ценности за счет сохранения материалов. Таким образом, измеряя вклад в сохранение материала на основе количества времени, в течение которого ресурс используется, можно получить оценку эффективности в экономике замкнутого цикла (Franklin-Johnson et al., 2016).

Таблица 3. Методика оценки экономики замкнутого цикла на мезоуровне

Автор(ы)	Год	Методический инструментарий	Оцениваемый показатель / параметр / описание
Jacobsen N.	2006	Статистические методы	Оценка результативности промышленного симбиоза
Wen Z., Meng X.	2015	Анализ потока вещества (Substance flow analysis, SFA). Показатели производительности ресурсов (RP). Анкетирование и полевые исследования	Оценка влияния промышленного симбиоза на рост ЭЗЦ
Kayal B., Abu-Ghunmi D., Abu-Ghunmi L., Archenti A., Nicolescu M., Larkin C., Corbet S.	2019	Статистические методы, весовые коэффициенты	Индекс циркулярной экономики сточных вод (Wastewater circonomics Index). Показатели, составляющие индекс, основаны на принципах сокращения, повторного использования и рециркуляции (3R)
Ding L.-I., Lei L., Wanga L., Zhang L.-F.	2020	Индекс Малмквиста. Анализ среды функционирования (Data Envelopment Analysis, DEA). Производственная функция Кобба – Дугласа	Добавленная стоимость промышленной отрасли (IAVS)
Ратнер С.В., Иосифов В.В., Ратнер П.Д.	2020	Анализ среды функционирования (DEA)	Комплексный показатель уровня развития циркулярной экономики, рассчитанный как среднее арифметическое четырех показателей различных видов эффективности
Гутман С.С., Манахова М.С.	2021	Система сбалансированных показателей (balanced scorecard, BSC)	Цели при реализации ЦЭ на уровне региона
Wang C.-H.	2021	Индекс Тагути	Оценка поставщиков: учитывает экономические, экологические и социальные потери, связанные с низким качеством продукции
O'Grady T., Minunno R., Chong H.-Y., Morrison G. M.	2021	Статистические методы	В индекс включены параметры проектирования сноса, демонтажа и устойчивости в строительстве (3DR). Предлагаемый индекс базируется на определении субиндексов сноса (DI), демонтажа (DE) и устойчивости (R) конструкции
Титова Н.Ю.	2022	Библиометрический анализ	Система циркулярной экономики в соответствии с целями устойчивого развития
Huyen Do T.T., Ly T.B.T., Hoang N.T., Tran V.T.	2023	Методы наилучшего-наихудшего (BWM) и линейного целевого программирования (LGP)	Интегрированный циклический индекс экономики (ICEI). Коэффициенты, вошедшие в индекс: C1 – коэффициент сокращения выбросов углекислого газа (Rc); C2 – коэффициент замещения возобновляемого топлива (RF); C3 – коэффициент замещения электроэнергии возобновляемыми источниками (RE); C4 – коэффициент рекуперации тепловой энергии (RH); C5 – коэффициент экономической эффективности
Holly F., Schild C., Schlund S.	2023	Опрос	C-METRIC (Circular Manufacturing Evaluation and Rating for Industrial Circularity) – оценка циклического производства и рейтинг промышленной цикличности
de Andrade Monteiro A.G. et al.	2024	Концепция жизненного цикла, статистические методы	Показатели, вошедшие в модель: выбросы в атмосферу, сокращение количества отходов, % отходов, используемых для переработки, % отходов, используемых для выработки электроэнергии
Источник: составлено автором.			

Индекс вторичной переработки, предложенный M.A. Reuter, A.V. Schaik, учитывает новый переработанный материал. Методика оценки основана на постулате, что вторичная переработка является основой системы экономики замкнутого цикла (Reuter, Schaik, 2016).

В работе N. Adibi и соавторов предложен индикатор ресурсов, включающий в оценку воздействие на жизненный цикл через «критические параметры», такие как переработка отходов. Возможность вторичной переработки и критичность ресурсов являются частью многокритериального показателя. Глобальный индикатор ресурсов оценивает все виды ресурсов, включая возобновляемые и невозобновляемые, посредством скорости регенерации (Adibi et al., 2017).

С помощью показателя цикличности на уровне продукта оцениваются затраты в цепочке создания стоимости. Используется показатель цикличности отношения рециркулируемой экономической ценности к общей стоимости продукта. В основе работы лежит гипотеза о том, что экономическая ценность компонентов продукта представляет собой основу для агрегирования (Linder et al., 2017).

Оценка показателей окончания срока службы вместе с анализом предпочтительных путей демонтажа позволяет разработчикам контролировать устойчивость продукта с точки зрения экономической результативности и воздействия на окружающую среду (Favi et al., 2017). Индекс повторного использования учитывает возможность вторичного применения компонента в том же изделии или в аналогичных изделиях. Индекс восстановления оценивает возможность регенерации компонента на основе различных типов затрат и доходов, участвующих в цикле восстановления. Индекс вторичной переработки сравнивает разницу между затратами на производство первичных материалов и доходами, получаемыми в результате процесса вторичной переработки. В частности, он учитывает экономию энергии, получаемую в результате процесса переработки материала, и доходы от вторичного сырья. Индекс энергетической утилизации отходов (с рекуперацией энергии) определяет, могут ли конкретные комбинации материалов быть непосредственно сожжены для производства энергии.

S. Cayzer и соавторами разработан прототип индикаторов ЭЗЦ (CEIP). Подход имеет такие преимущества, как скорость, простота, легкость применения (Cayzer et al., 2017).

F. Di Maio и коллеги предлагают показатель для оценки эффективности деятельности участников цепочки поставок с точки зрения ресурсоэффективности и соответствия экономике замкнутого цикла, измеряя как ресурсоэффективность, так и ЭЗЦ с точки зрения рыночной стоимости «дефицитных» ресурсов. Цикличность определяется как процент стоимости истощенных ресурсов, включенных в услугу или продукт, который возвращается после истечения срока его службы (Di Maio et al., 2017).

Работа A.A. Mohamed Sultan и соавторов также посвящена определению приоритетности вторичной переработки продуктов с истекшим сроком годности в условиях экономики замкнутого цикла на основе индекса привлекательности вторичной переработки (Mohamed Sultan et al., 2017).

V. Veleva, G. Bodkin, S. Todorova предложили модель, которая включает показатели для измерения результатов циклических бизнес-стратегий, где вовлечение сотрудников рассматривается как важнейшая стратегия для выявления и внедрения инновационных подходов и инициатив в области устойчивого развития (Veleva et al., 2017).

В работе M.D. Bovea, V. Perez-Belis определены руководящие принципы проектирования в соответствии с принципами экономики замкнутого цикла (Bovea, Perez-Belis, 2018).

M. Ameli с соавторами представлена многокритериальная математическая модель, в рамках которой объединены две задачи — выбор альтернативы проектирования и определение варианта конца жизненного цикла. Для решения трех основных задач устойчивого развития (экономической, экологической и социальной) рассматриваются три цели: максимизация прибыли производителя, минимизация воздействия на окружающую среду и максимизация социального воздействия. Рассматриваются два ограничения для контроля коэффициентов рекуперации и рециркуляции, которые налагаются законодательными актами. Для формулирования и решения модели разрабатывается имитационно-оптимизационная модель (Ameli et al., 2019).

М. Niero, P.P Kalbar предложили методику оценки циркулярной экономики на уровне продукта, объединяющую различные типы показателей, основанных на цикличности материала, а именно оценке повторного использования материала и индикаторе цикличности материала, и характеризующих жизненный цикл (изменение климата, истощение абиотических ресурсов, окисление, твердые примеси и потребление воды). Выбор показателей обусловлен отраслевой спецификой рассматриваемого продукта (Niero, Kalbar, 2019).

Инструмент принятия многокритериальных решений предложили Y.A. Alamerew, D. Brissaud. Метод представляет собой оценку экономики замкнутого цикла (PR-MCDT) для стратегий утилизации продуктов с истекшим сроком годности. Уровень, обозначенный авторами для применения методики, — руководство высшего/среднего звена для принятия стратегических решений. Методика учитывает технические, экономические, экологические, деловые и социальные параметры (Alamerew, Brissaud, 2018).

М. Marconi, M. Germani, M. Mandolini, C. Favi оценивают эффективное время демонтажа промышленных изделий. Оно определяется с учетом фактического состояния изделия и его компонентов (деформации, ржавчины, износа) с использованием корректирующих коэффициентов (Marconi et al., 2019).

EDiM — показатель простоты демонтажа для определения требуемого на него времени на основе методики последовательности операций Мейнарда (Vanegas et al., 2018). В EDiM используется расчетный лист с учетом последовательности действий и базовой информации о продукте и специфике демонтажа, классифицированной на шесть групп.

Работа E. Lacovidou и соавторов посвящена оценке качества материалов, компонентов и продуктов на различных этапах жизненного цикла. Исследователями предложена типология, позволяющая различать свойства, способствующие или препятствующие их восстановлению, переоборудованию, ремонту и вторичной переработке, что дает промышленности инструмент для улучшения качества потоков отходов и, следовательно, увеличения ценности производимых вторичных ресурсов в целях достижения более высоких показателей переработки (Lacovidou et al., 2019).

L. Cong и коллеги предложили метод проектирования восстановления ценности продукта в конце использования. Гипотеза методики заключается в том, что экономическая целесообразность вторичной переработки продукта в конце его жизненного цикла в значительной степени зависит от проектирования (Cong et al., 2019).

Показатели устойчивости в ЭЗЦ представлены в работе E. Rossi и соавторов. Ими предложены группы показателей, сосредоточенных на трех параметрах устойчивости — экологическом, экономическом и социальном, применяемых в циклических бизнес-моделях для учета инноваций, привносимых циклической экономикой (Rossi et al., 2020).

Методики микроуровня (табл. 4) в основном сосредоточены на оценке эффективности проектирования с учетом срока службы, жизненного цикла и детализации процессов демонтажа, что предполагает их неуниверсальность и возможное использование только для конкретных производств, для которых они изначально разрабатывались.

Методики микроуровня в сравнении с макро- и мезоуровнем характеризуются усложнением математических моделей, что связано с большей доступностью исходных данных по объекту исследования. Наряду с потенциалом усложнения инструментария для учета всех обстоятельств функционирования системы как единого объекта необходимо большее количество факторов. Однако не все связи между компонентами систем могут быть количественно учтены из-за отсутствия требуемого объема информации, особенно для применения прогностического и имитационного моделирования.

Кроме того, на микроуровне возможно применение более сложных качественных инструментов анализа. В частности, метод анализа иерархий представляет собой процедуру для нахождения весовых коэффициентов факторов при анализе систем экспертным методом. Отдельно следует обратить внимание на активное использование оценки жизненного цикла (LCA) в инструментальном наборе оценки ЭЗЦ. Метод рассматривает все стадии жизненного цикла продукта, что позволяет выявить наиболее критичные этапы с точки зрения воздействия на окружающую среду и обеспечи-

Таблица 4. Методики оценки экономики замкнутого цикла на микроуровне

Автор(ы)	Год	Методический инструментарий	Оцениваемый показатель / параметр / описание
Das S.K., Yedlarajah P., Narendra R.	2000	Многофакторная математическая модель	Методика оценки операций по демонтажу для расчета показателя трудоемкости демонтажа (DEI)
Zwolinski P., Lopez-Ontiveros M.-A., Brissaud D.	2006	Статистические методы	Восстановление на протяжении всего процесса проектирования (Remanufacturing Product Profiles, REPRO)
Park J.Y., Chertow M.R.	2014	Статистические методы	Индикатор потенциала повторного использования (Reuse Potential Indicator, RPI)
Lee H.M., Lu W.F., Song B.	2014	Математические методы	Индекс окончания срока службы (End-of-Life Index)
Huysman S., Debaveye S., Schaubroeck T., De Meester S., Ardente F., Mathieux F., Dewulf J.	2015	Оценка жизненного цикла (LCA)	Коэффициент полезного использования при вторичной переработке
Van Schaik A., Reuter M.A.	2016	Имитационное моделирование	Индекс вторичной переработки (Recycling Indices, RI)
Scheepens A.E., Vogtlander J.G., Brezet J.C.	2016	Коэффициент экзотрат, основанный на LCA	Коэффициент экологически эффективного создания ценности (Eco-efficient Value Creation, EVR)
Franklin-Johnson E., Figge F., Canning L.	2016	Статистические методы	Коэффициент долговечности
Reuter M.A., Schaik A.V.	2016	Статистические методы	Индекс вторичной переработки (RI). Потенциал и эффективность переработки должны быть определены количественно для продуктов, систем сбора, технологий разделения и рекуперации отходов и поставок материалов
Adibi N., Lafhaj Z., Yehya M., Payet J.	2017	Оценка жизненного цикла (LCA)	Глобальный индикатор ресурсов
Linder M., Sarasini S., Van Loon P.	2017	Статистические методы	Показатель цикличности на уровне продукта
Di Maio F., Rem P.C., Balde K., Polder M.	2017	Оценка рыночной стоимости «дефицитных» ресурсов	Единый показатель эффективности использования ресурсов, основанный на ценности (VRE)
Mohamed Sultan A.A., Lou E., Mativenga P.T.	2017	Статистические методы	Индекс привлекательности (предпочтительности) вторичной переработки
Veleva V., Bodkin G., Todorova S.	2017	Статистические методы	Модель расширенной практики нулевых отходов
Favi C., Germani M., Luzzi A., Mandolini M., Marconi M.	2017	Индексный анализ	Оценка показателей окончания срока службы (EoL)
Cayzer S., Griffiths P., Beghetto V.	2017	Многомерный подход с единой агрегированной метрикой для каждого этапа жизненного цикла	Индикаторы ЭЗЦ (CEIP)
Ameli M., Mansour S., Ahmadi-Javid A.	2018	Математическое моделирование	Модель оптимизации для оценки устойчивости на стадии проектирования и определения альтернатив окончания жизненного цикла
Niero M., Kalbar P.P.	2018	Многокритериальный анализ решений (MCDA)	Показатели цикличности материалов и показатели жизненного цикла на уровне продукта

Окончание таблицы 4

Автор(ы)	Год	Методический инструментарий	Оцениваемый показатель / параметр / описание
Alamerew Y.A., Brissaud D.	2018	Метод принятия многокритериальных решений	Оценка экономики замкнутого цикла (PR-MCDT) для стратегий утилизации продуктов с истекшим сроком годности. Выбросы CO ₂ , выбросы SO ₂ , потребление энергии, чистая восстановленная стоимость, логистические затраты (стоимость сбора и транспортировки), стоимость утилизации продукта (сжигание, переработка, захоронение на свалке и т. д.), количество сотрудников, воздействие опасных веществ на сотрудников во время утилизации, стоимость демонтажа.
Marconi M., Germani M., Mandolini M., Favi C.	2018	Математические методы	Оценка эффективного времени демонтажа промышленных изделий
Vanegas P., Peeters J.R., Cattrysse D., Tecchio P., Ardente F., Mathieux F., Dewulf W., Dufloy J.R.	2018	Техника определения последовательности операций Мейнарда (MOST)	Показатель простоты демонтажа eDiM
Bovea M.D., Perez-Belis V.	2018	Группировка статистических показателей	Методика, позволяющая проанализировать, насколько разработка и проектирование продукта соответствует параметрам экономики замкнутого цикла и какие принципы проектирования необходимо было бы включить, чтобы продукт соответствовал экономике замкнутого цикла.
Lacovidou E., Velenturf A.P.M., Purnell P.	2019	Оценка жизненного цикла (LCA)	Оценка качества на различных этапах жизненного цикла материалов, компонентов и продуктов (MCP)
Cong L., Zhao F., Sutherland J.W.	2019	Сценарный анализ, оценка анализ эффективности по Парето, аналитический иерархический процесс (АНП)	Показатель утилизации, основанный на стоимости, для измерения пригодности вторичной переработки и оценки конструктивных предложений по выбору материала
Rossi E., Bertassini A.C., Dos Santos Ferreira C., Do Amaral W.A.N., Ometto A.R.	2020	Группировка статистических показателей	Материальные (сокращение использования сырья, возобновляемость, возможность вторичной переработки, уменьшение содержания токсичных веществ, повторное использование, восстановление производства, количество восстановленных частей или компонентов продукта, долговечность продукта, структура и разнообразие заинтересованных сторон); экономические (финансовые результаты, налогообложение, инвестиционные инновации); социальные (создание рабочих мест, количество рабочих мест, созданных в рамках циклической бизнес-модели, доход, генерируемый рабочими местами, участие сотрудников в циклической модели, мышление клиента)
Источник: составлено автором.			

вает большую обоснованность решений при проектировании продукта, выборе материалов, технологий производства и способов утилизации. LCA требует сбора большого количества данных о различных этапах жизненного цикла. Некоторые этапы LCA связаны с субъективностью и зависят от применяемых критериев. С точки зрения эффективности управления человеческими ресурсами интерес представляет техника определения последовательности операций Мейнарда (MOST). В MOST выделяется 18 базовых элементов, которые обозначаются

буквами, например: A (Action distance) — движение по дистанции; B (Body motion) — движение корпуса тела; G (Gain control) — получение контроля над объектом, захват; P (Placement) — укладка объекта. Применение этой методики для оценки демонтажа объекта позволяет оптимизировать производственные процессы применительно к действиям в рамках ЭЗЦ. На наш взгляд, именно метод MOST особенно подчеркивает специфичность и неуниверсальность используемых в настоящий момент инструментов оценки параметров ЭЗЦ.

Многокритериальность представленных инструментов является одновременно преимуществом и недостатком. С одной стороны, методики позволяют учитывать несколько критериев, привлекать «человеческий фактор» при принятии решения (метод анализа иерархий), предполагают использование математического аппарата и программного обеспечения. Наряду с этим очевидны сложность выбора оптимального решения, потенциальный конфликт критериев, используемых для оценивания и сравнения альтернативных решений, трудоёмкость процесса формирования структуры модели, возможная противоречивость результатов, ограничения по количеству критериев и объектов.

Очевидно, что в дальнейшем перспективными станут комбинации методического инструментария. Тем не менее достижение консенсуса в этой области возможно только после окончательного формирования научной доктрины ЭЗЦ (ее сущностного понятия и принципов).

Обсуждение

Попытки систематизировать методические подходы к оценке ЭЗЦ и параметры оценки осуществлялись и ранее. Например, в работе J. Mesa и его коллег предлагается типизация подходов к оценке ЦЭ в контексте параметров устойчивого развития, а также представлены подходы, структурированные в зависимости от специфики проектирования, позволяющего адаптировать производственные процессы под цели ЭЗЦ — процессы замедления цикла и процессы замыкания цикла (Mesa et al., 2018). А. Parchomenko и соавторы применили множественный анализ соответствий для оценки 63 показателей и 24 характеристик ЦЭ, таких как эффективность переработки, долговечность и наличие на складе. Проведенный анализ позволил выявить три основных кластера показателей: эффективности использования ресурсов; запасов и потоков материалов; ориентированности на продукт. Также авторами разработана система визуализации показателей ЦЭ, позволяющая сравнивать отдельные показатели и интегрировать их в наиболее подходящие сочетания (Parchomenko et al., 2019). В исследовании H.S. Kristensen и M.A. Mosgaard рассматривается 30 показателей

ЭЗЦ на микроуровне. Они категоризованы на академические и практические и типизированы на три группы: отдельные количественные показатели; аналитические инструменты; составные. Авторами выделены девять категорий показателей ЦЭ: переработка, восстановление, повторное использование, демонтаж, продление срока службы, ресурсоэффективность, управление отходами, управление по истечении срока службы, многомерные показатели, не вошедшие в другие категории (Kristensen, Mosgaard, 2020). Набор показателей оценки ЭЗЦ для микроуровня, предложенный в работе E. Rossi и соавторов, позволил увидеть необходимость комплексного подхода и разработки многомерных индикаторов для измерения ЭЗЦ в контексте устойчивости, ввиду того что большинство показателей оценки ЦЭ сосредоточены на материальных потоках и стратегиях завершения жизненного цикла (Rossi et al., 2020). В работе V. Elia и коллег проанализированы и классифицированы методики, принятые для измерения воздействия на окружающую среду, в целях выявления возможности их использования для количественного измерения соответствия парадигме ЦЭ (Elia et al., 2017). Предложена таксономия методик для оценки ЭЗЦ, основанная на двух параметрах: индексах (синтетический показатель или совокупность показателей) и измерении материальных и энергетических потоков, ресурсопользования, потребления, параметров, основанных на жизненном цикле.

Таким образом, предложенная в нашей работе классификация дополняет научные знания в области систематизации методических подходов к оценке ЭЗЦ.

Заключение

В работе определены опорные точки для категоризации и структурирования показателей экономики замкнутого цикла, классифицированы подходы к ее измерению. Следует отметить, что измерение цикличности сопряжено со значительными трудностями, требующими разработки, применения и валидации методов оценки. На данный момент нет общепринятого способа измерения экономики замкнутого цикла ни в целом, ни на отдельных уровнях (макро-, мезо-, микро-), ни в рамках различных принципов ЭЗЦ (принципы «Р»).

Поставленная в работе цель не предполагала выявления достоинств или недостатков существующих методик, так как такая попытка носила бы субъективный характер. Методический инструментарий оценки ЭЗЦ обусловливается региональной и отраслевой спецификой, геополитическим фоном исследования и поставленными целями и задачами. Наряду с этим представленный методический обзор позволил определить ряд методических проблем: методика оценки ЭЗЦ должна включать общепринятые определения и принципы экономики замкнутого цикла и устоявшиеся стратегии и бизнес-модели замкнутого цик-

ла (в настоящее время эти вопросы носят дискуссионный характер); практическая реализация методического инструментария должна предполагать возможность оценки соответствия общим национальным задачам и национальным стратегиям в области устойчивого развития, а также учитывать отраслевую и региональную специфику. Несмотря на это, проведенное исследование позволит проследить тенденции и систематизировать методические подходы к оценке экономики замкнутого цикла и получить актуальное представление о динамике научного знания в этой области.

Литература

- Гутман С.С., Манахова М.С. (2021). Формирование системы индикаторов оценки реализации концепции циркулярной экономики в регионах Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 2. С. 81–95. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2021.72.007
- Ратнер С.В., Иосифов В.В., Ратнер П.Д. (2020). Анализ и оценка уровня развития циркулярной экономики в российских регионах // Экономический анализ: теория и практика. Т. 19. № 2. С. 206–225. DOI: 10.24891/ea.19.2.206
- Титова Н.Ю. (2022). Обзор методических подходов к оценке уровня устойчивого развития и циркулярной экономики // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. Т. 17. № 3. С. 288–303. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-3-288-303
- Adibi N., Lafhaj Z., Yehya M., Payet J. (2017). Global Resource Indicator for life cycle impact assessment: Applied in wind turbine case study. *Journal of Cleaner Production*, 165, 1517–1528. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.07.226
- Alamerew Y.A., Brissaud D. (2018). Circular economy assessment tool for end of life product recovery strategies. *Journal of Remanufacturing*, 9(18-19), 169–185. DOI: 10.1007/s13243-018-0064-8
- Ameli M., Mansour S., Ahmadi-Javid A. (2019). A simulation-optimization model for sustainable product design and efficient end-of-life management based on individual producer responsibility. *Resources, Conservation and Recycling*, 140, 246–258. DOI: 10.1016/j.resconrec.2018.02.031
- Bovea M.D., Perez-Belis V. (2018) Identifying design guidelines to meet the circular economy principles: A case study on electric and electronic equipment. *Journal of Environmental Management*, 228, 483–494. DOI: 10.1016/j.jenvman.2018.08.014
- Cayzer S., Griffiths P., Beghetto V. (2017). Design of indicators for measuring product performance in the circular economy. *International Journal of Sustainable Engineering*, 10, 289–298. DOI: 10.1080/19397038.2017.1333543
- Cong L., Zhao F., Sutherland J.W. (2019). A design method to improve end-of-use product value recovery for circular economy. *Journal of Mechanical Design*, 141(4). DOI: 10.1115/1.4041574
- Das S.K., Yedlarijah P., Narendra R. (2000). An approach for estimating the end-of-life product disassembly effort and cost. *International Journal of Production Research*, 38(3). DOI: 10.1080/002075400189356
- De Andrade Monteiro A.G., Scur G., Mattos C.A., De Oliveira M.C. (2024) Circular economy in the Brazilian chemical industry: A proposal for a circularity index. *Cleaner Engineering and Technology*, 19(100730). DOI: 10.1016/j.clet.2024.100730
- Di Maio F., Rem P.C., Balde K., Polder M. (2017). Measuring resource efficiency and circular economy: A market value approach. *Resources, Conservation and Recycling*, 122, 163–171. DOI: 10.1016/j.resconrec.2017.02.009
- Ding L.-I., Lei L., Wanga L., Zhang L.-F. (2020) Assessing industrial circular economy performance and its dynamic evolution: An extended Malmquist index based on cooperative game network DEA. *Science of The Total Environment*, 731. DOI: 10.1016/j.scitotenv.139001
- Elia V., Gnoni M.G., Tornese F. (2017). Measuring circular economy strategies through index methods: A critical analysis. *Journal of Cleaner Production*, 142(4), 2741–2751. DOI: 10.1016/j.jclepro.2016.10.196

- Favi C., Germani M., Luzi A., Mandolini M., Marconi M. (2017). A design for EoL approach and metrics to favour closed-loop scenarios for products. *International Journal of Sustainable Engineering*, 10(3), 136–146. DOI: 10.1080/19397038.2016.1270369
- Franklin-Johnson E., Figge F., Canning L. (2016). Resource duration as a managerial indicator for Circular Economy Performance. *Journal of Cleaner Production*, 133, 589–598. DOI: 10.1016/j.jclepro.2016.05.023
- Garcia-Sanchez I.-M., Somohano-Rodriguez F.-M., Amor-Esteban V., Frias-Aceituno J.-V. (2021). Which region and which sector leads the circular economy? CEBIX, a multivariant index based on business actions. *Journal of Environmental Management*, 297, 113299. DOI: 10.1016/j.jenvman.2021.113299
- Haupt M., Vadenbo C., Hellweg S. (2016). Do we have the right performance indicators for the circular economy? Insight into the Swiss waste management system. *Journal of Industrial Ecology*, 21. DOI: 10.1111/jiec.12506
- Holly F., Schild C., Schlund S. (2023). Development of an assessment model for measuring mechanical engineering companies' circularity and maturity levels. *Research Square*. DOI: 10.21203/rs.3.rs-3391466/v1
- Huyen Do T.T., Ly T.B.T., Hoang N.T., Tran V.T. (2023). A new integrated circular economy index and a combined method for optimization of wood production chain considering carbon neutrality. *Chemosphere*, 311, Part 2. DOI: 10.1016/j.chemosphere.2022.137029
- Huysman S., Debaveye S., Schaubroeck T. et al. (2015). The recyclability benefit rate of closed-loop and open-loop systems: A case study on plastic recycling in Flanders. *Resources, Conservation and Recycling*, 101, 53–60. DOI: 10.1016/j.resconrec.2015.05.014
- Jacobsen N.B. (2006). Industrial symbiosis in Kalundborg, Denmark: A quantitative assessment of economic and environmental aspects. *Journal of Industrial Ecology*, 10(1-2), 239–255. DOI: 10.1162/108819806775545411
- Kayal B., Abu-Ghunmi D., Abu-Ghunmi L. et al. (2019). An economic index for measuring firm's circularity: The case of water industry. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*, 21, 123–129. DOI: 10.1016/j.jbef.2018.11.007
- Kiani Mavi N., Kiani Mavi R. (2019). Energy and environmental efficiency of OECD countries in the context of the circular economy: Common weight analysis for Malmquist productivity index. *Journal of Environmental Management*, 247(2), 651–661. DOI: 10.1016/j.jenvman.2019.06.069
- Kristensen H.S., Mosgaard M.A. (2020). A review of micro level indicators for a circular economy e moving away from the three dimensions of sustainability? *Journal of Cleaner Production*, 243. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.118531
- Lacovidou E., Velenturf A.P.M., Purnell P. (2019). Quality of resources: A typology for supporting transitions towards resource efficiency using the single-use plastic bottle as an example. *Science of The Total Environment*, 647, 441–448. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2018.07.344
- Lee H.M., Lu W.F., Song B. (2014). A framework for assessing product End-Of-Life performance: Reviewing the state of the art and proposing an innovative approach using an End-of-Life Index. *Journal of Cleaner Production*, 66, 355–371. DOI: 10.1016/j.jclepro.2013.11.001
- Linder M., Sarasini S., Van Loon P. (2017). A metric for quantifying product-level circularity. *Journal of Industrial Ecology*, 21(3), 471–795. DOI: 10.1111/jiec.12552
- Marconi M., Germani M., Mandolini M., Favi C. (2018). Applying data mining technique to disassembly sequence planning: a method to assess effective disassembly time of industrial products. *International Journal of Production Research*, 57(1), 1–25. DOI: 10.1080/00207543.2018.1472404
- Mesa J., Esparragoza I., Maury H. (2018). Developing a set of sustainability indicators for product families based on the circular economy model. *Journal of Cleaner Production*, 196, 1429–1442. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.06.131
- Mohamed Sultan A.A., Lou E., Mativenga P.T. (2017). What should be recycled: An integrated model for product recycling desirability. *Journal of Cleaner Production*, 154, 51–60. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.03.201
- Niero M., Kalbar P.P. (2019). Coupling material circularity indicators and life cycle based indicators: A proposal to advance the assessment of circular economy strategies at the product level. *Resources, Conservation and Recycling*, 140, 305–312. DOI: 10.1016/j.resconrec.2018.10.002
- O'Grady T., Minunno R., Chong H.-Y., Morrison G.M. (2021). Design for disassembly, deconstruction and resilience: A circular economy index for the built environment. *Resources, Conservation and Recycling*, 175. DOI: 10.1016/j.resconrec.2021.105847
- Parchomenko A., Nelen D., Gillabel J., Rechberger H., Wien T. (2019). Measuring the circular economy – a Multiple Correspondence Analysis of 63 metrics. *Journal of Cleaner Production*, 210, 200–216. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.10.357

- Park J.Y., Chertow M.R. (2014). Establishing and testing the “reuse potential” indicator for managing wastes as resources. *Journal of Environmental Management*, 137, 45–53. DOI: 10.1016/j.jenvman.2013.11.053
- Pires A., Martinho G. (2019). Waste hierarchy index for circular economy in waste management. *Waste Management*, 95, 298–305. DOI: 10.1016/j.wasman.2019.06.014
- Qing Y., Qiongqiong G., Mingyue Ch. (2011). Study and integrative evaluation on the development of circular economy of Shaanxi Province. *Energy Procedia*, 5, 1568–1578. DOI: 10.1016/j.egypro.2011.03.268
- Reuter M.A., Schaik A.V. (2016). Strategic metal recycling: Adaptive metallurgical processing infrastructure and technology are essential for a circular economy. *Annales des Mines – Responsabilite et environnement*, 82(62), 2–66. DOI: 10.3917/re1.082.0062
- Rossi E., Bertassini A.C., Dos Santos Ferreira C., Do Amaral W.A.N., Ometto A.R. (2020). Circular economy indicators for organizations considering sustainability and business models: Plastic, textile and electroelectronic cases. *Journal of Cleaner Production*, 247. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.119137
- Scheepens A.E., Vogtlander J.G., Brezet J.C. (2016). Two life cycle assessment (LCA) based methods to analyses and design complex (regional) circular economy systems. Case: Making water tourism more sustainable. *Journal of Cleaner Production*, 114, 257–268. DOI: 10.1016/j.jclepro.2015.05.075
- Smol M., Kulczycka J., Avdiushchenko A. (2017). Circular economy indicators in relation to eco-innovation in European regions. *Clean Technologies and Environmental Policy*, 19, 669–678. DOI: 10.1007/s10098-016-1323-8
- Van Schaik A., Reuter M.A. (2016). Recycling indices visualizing the performance of the circular economy. *World of Metallurgy – ERZMETALL*, 69(4/2016), 201–216.
- Vanegas P., Peeters J.R., Cattrysse D. et al. (2018). Ease of disassembly of products to support circular economy strategies. *Resources, Conservation and Recycling*, 135, 323–334. DOI: 10.1016/j.resconrec.2017.06.022
- Veleva V., Bodkin G., Todorova S. (2017). The need for better measurement and employee engagement to advance a circular economy: Lessons from Biogen’s “zero waste” journey. *Journal of Cleaner Production*, 154, 517–529. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.03.177
- Wang C.-H., Helmi Ali M., Chen K.-S. et al. (2021). Data driven supplier selection as a circular economy enabler: A Taguchi capability index for manufactured products with asymmetric tolerances. *Advanced Engineering Informatics*, 47. DOI: 10.1016/j.aei.2021.101249
- Wen Z., Meng X. (2015) Quantitative assessment of industrial symbiosis for the promotion of circular economy: A case study of the printed circuit boards industry in China’s Suzhou New District. *Journal of Cleaner Production*, 90, 211–219. DOI: 10.1016/j.jclepro.2014.03.041
- Zwolinski P., Lopez-Ontiveros M.-A., Brissaud D. (2006). Integrated design of remanufacturable products based on product profiles. *Journal of Cleaner Production*, 14(15-16), 1333–1345. DOI: 10.1016/j.jclepro.2005.11.028

Сведения об авторе

Екатерина Олеговна Вегнер-Козлова — кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: vegner.kozlova.eo@uiec.ru)

Wegner-Kozlova E.O.

An Overview of Closed-Loop Economy Assessment Methods

Abstract. The goals related to the transition to a closed-loop economy remain relevant due to the fact that this concept expands the boundaries of environmental sustainability through the ideas of transforming products and waste in the context of effective interaction between the safety of ecological systems and the stability of economic growth. Alongside the possibilities of the closed-loop economy, theoretical and methodological issues regarding the evaluation of the effectiveness of its practices are expanding. At present, there is no generally accepted way to measure a closed-loop economy as a whole, at individual levels (macro, meso, micro), or within the framework of various principles (“R”-strategies). The aim of the work is to systematize existing scientific research on the subject of closed-loop economy assessment,

and to conduct their overview analysis. The article uses general theoretical methods of analysis, synthesis, comparison and classification, which meets the objectives of a descriptive review. Secondary data analysis is chosen as the main method. The study made it possible to trace trends, systematize approaches to assessing the closed-loop economy and gain an up-to-date understanding of the dynamics of scientific knowledge regarding methods of its assessment. We define reference points for categorization and structuring of indicators of the closed-loop economy and classify approaches to its assessment. The review identified a number of methodological problems: assessment methods should be based on generally accepted definitions and principles of the closed-loop economy, its established strategies and business models, as well as comply with national objectives and national strategies in the field of sustainable development and take into account industry and regional specifics. The assessment methods studied in the work are systematized and classified relative to the level of application of closed-loop economics practices (at the micro, meso, and macro levels), which can help strengthen the effective subjectivity of multi-level actors in the implementation of closed-loop economy projects.

Key words: closed-loop economy, circular economy, methodology for assessing circular economy, circular economy indicators.

Information about the Author

Ekaterina O. Wegner-Kozlova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vegner.kozlova.eo@uiec.ru)

Статья поступила 24.03.2025.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (август 2025 г.), а также за период с августа 2024 по август 2025 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) и 2018 (первый год IV президентского срока) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2000–2024 гг.²

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

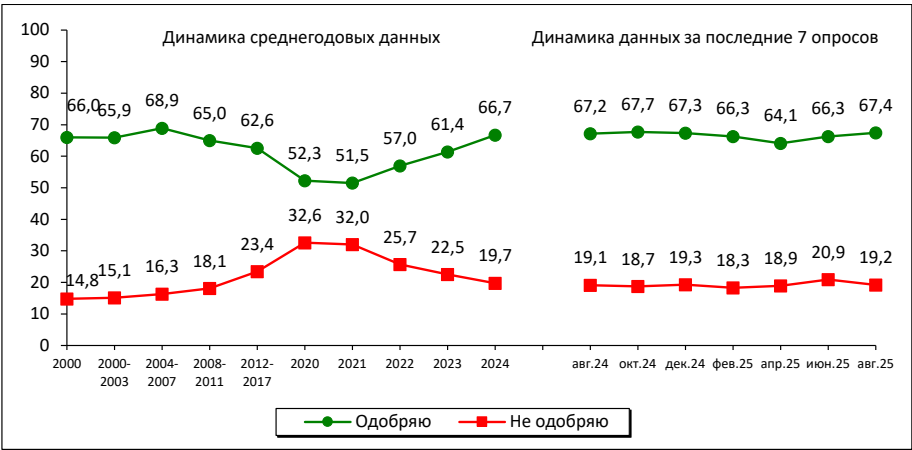
В августе 2025 года уровень одобрения деятельности Президента РФ остался таким же, как в июне, и составил 66–67%, удельный вес негативных суждений остается стабильно низким (19–21%).

За период с августа 2024 по август 2025 года удельный вес позитивных характеристик деятельности Президента РФ не изменился и составил 67%. Доля негативных оценок – 19%³.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), авг. 2025 к	
	2000	2007	2012	2018	2020	2021	2022	2023	2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Февр. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	авг. 2024	июнь 2025
Президент РФ																		
Одобрю	66,0	75,3	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	61,4	66,7	67,2	67,7	67,3	66,3	64,1	66,3	67,4	0	+1
Не одобряю	14,8	11,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	22,5	19,7	19,1	18,7	19,3	18,3	18,9	20,9	19,2	0	-2
Председатель Правительства РФ																		
Одобрю	–	–	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	50,1	54,1	55,3	53,7	55,6	54,7	53,9	53,0	55,1	0	+2
Не одобряю	–	–	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	27,6	24,8	24,1	25,5	25,3	23,8	22,3	22,9	20,6	-4	-2
Губернатор области																		
Одобрю	56,1	55,8	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	48,1	51,7	53,4	51,9	50,8	46,8	42,9	39,9	41,0	-12	+1
Не одобряю	19,3	22,2	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	30,9	28,4	26,7	28,0	29,8	31,4	34,6	37,2	39,1	+12	+2
Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?»																		
Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.																		

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2025 к	
	авг. 2024	июнь 2025
Одобрю	0	+1
Не одобряю	0	-2

Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

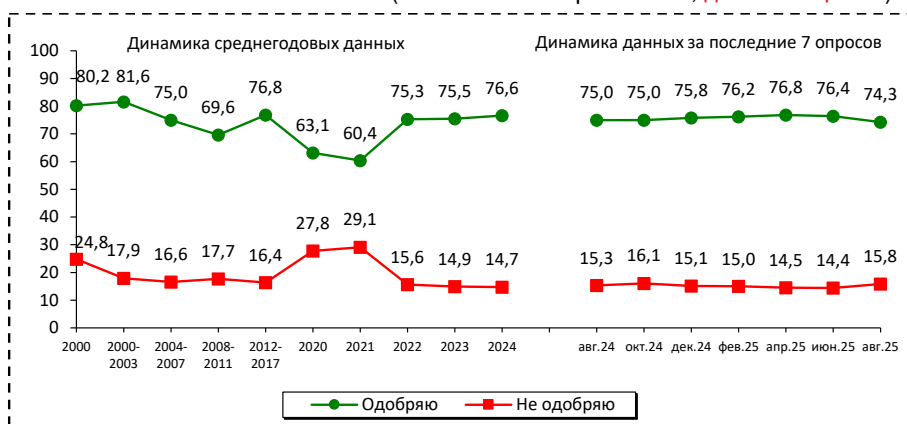
³ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в августе 2025 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в августе 2024 г.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ с июня по первую половину августа 2025 года снизился на 2 п. п. (с 76 до 74%). Доля негативных характеристик существенно не изменилась.

С августа 2024 г. по первую половину августа 2025 г. доля положительных оценок деятельности главы государства осталась на уровне 74–75%. Удельный вес отрицательных характеристик составил 15–16%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2025 к	
	авг. 2024	июнь 2025
Одобрять	-1	-2
Не одобрять	+1	+1

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

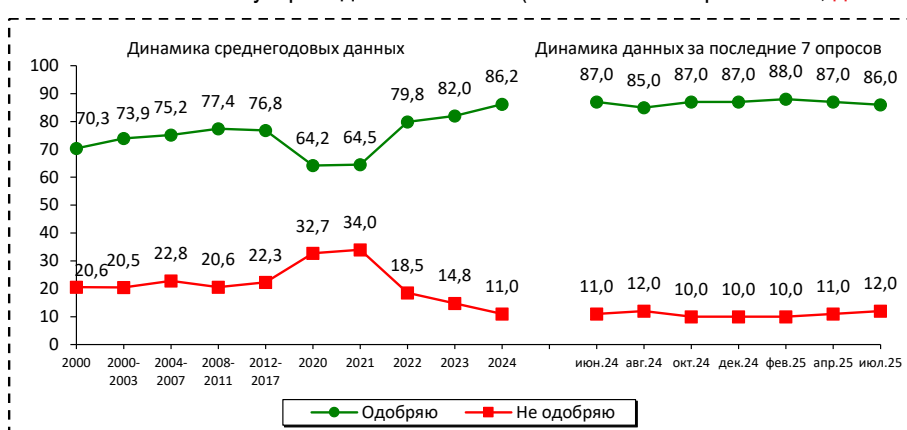
Данные за август 2025 г. – за один опрос от 03.08.2025.

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра, доля позитивных оценок деятельности Президента РФ в апреле – июле 2025 года составила 86–87%; удельный вес отрицательных характеристик – 11–12%.*

За последние 12 месяцев значительных изменений также не наблюдается: доля положительных характеристик составляет 86–87%, отрицательных – 11–12%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Вариант ответа	Изменение (+/-), июль 2025 к	
	июль 2024	апр. 2025
Одобрять	-1	-1
Не одобрять	+1	+1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?».

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru>

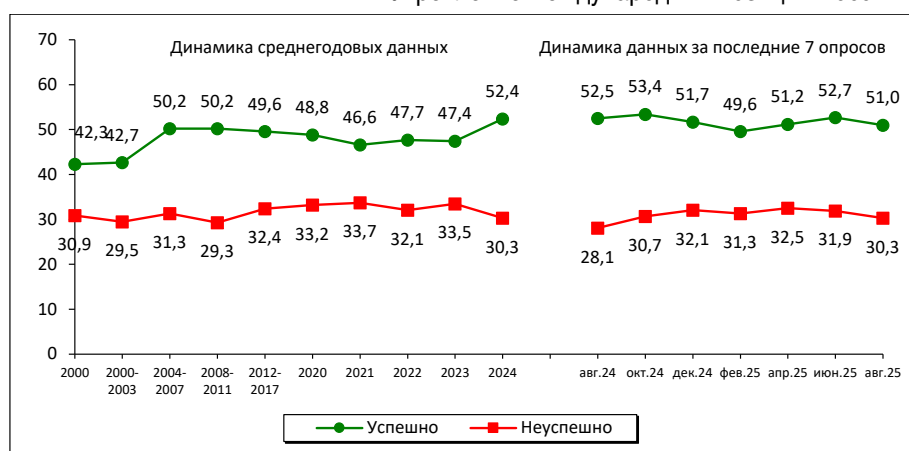
* Внесен в реестр иностранных агентов.

За последние два месяца удельный вес людей, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, не изменился и составил 51–53%. Доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, также сохранилась на уровне июня 2025 года (30–32%).

За последние 12 месяцев (с августа 2024 по август 2025 г.) доля положительных оценок работы президента по укреплению международных позиций России незначительно снизилась (на 2 п. п., с 53 до 51%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Укрепление международных позиций России

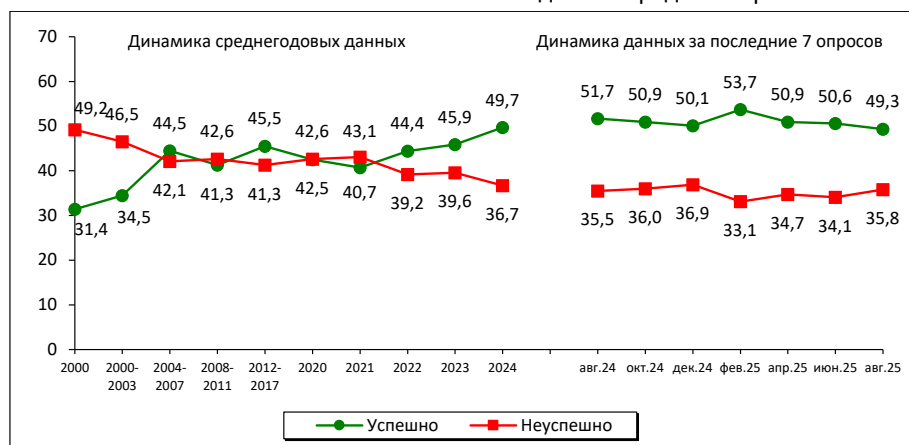

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2025 к	
	авг. 2024	июнь 2025
Успешно	-2	-2
Неуспешно	+2	-2

В июне – августе 2025 года доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, составила 49–51%.

С августа 2024 по август 2025 года незначительно снизилась доля положительных оценок (с 52 до 49%).

Наведение порядка в стране

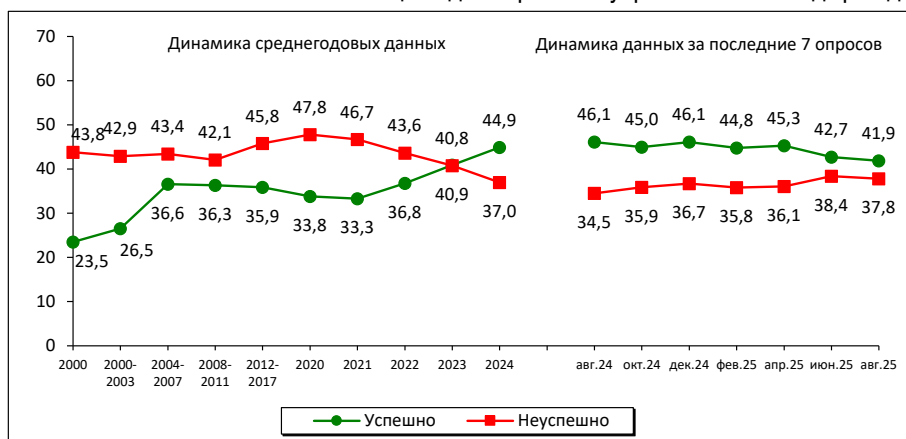

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2025 к	
	авг. 2024	июнь 2025
Успешно	-2	-1
Неуспешно	0	+2

В июне – августе 2025 года доля положительных оценок деятельности Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан составила 42–43%, отрицательных – 38%.

За последние 12 месяцев сокращается доля позитивных характеристик (на 4 п. п., с 46 до 42%) и увеличивается удельный вес отрицательных оценок (с 35 до 38%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

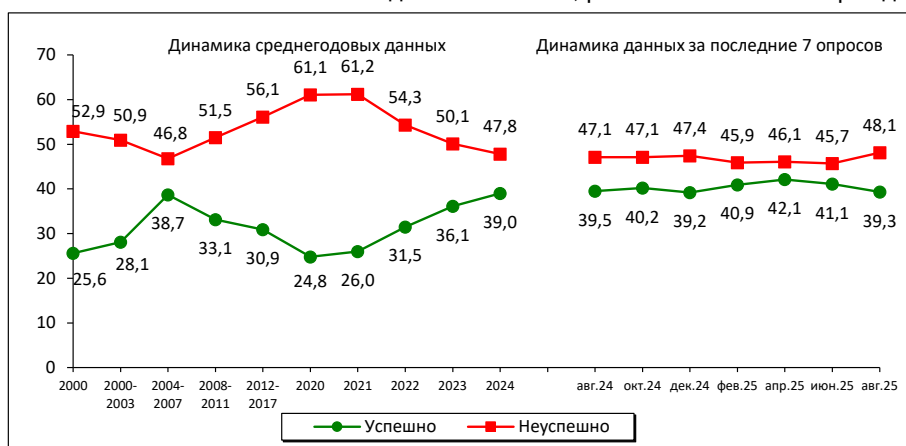

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2025 к	
	авг. 2024	июнь 2025
Успешно	-4	-1
Неуспешно	+3	-1

Доля положительных суждений о деятельности главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан за последние два месяца существенно не изменилась (снизилась на 2 п. п. с 41 до 39%). Удельный вес отрицательных характеристик вырос с 46 до 48%.

За последние 12 месяцев оценки работы Президента РФ по решению экономических вопросов остаются стабильными: доля положительных – 39%; отрицательных – 47–48%.

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2025 к	
	авг. 2024	июнь 2025
Успешно	0	-2
Неуспешно	+1	+2

В июне – августе 2025 года структура партийно-политических предпочтений жителей области не претерпела изменений. По оценкам жителей, «Единая Россия» выражает интересы 41%, КПРФ – 9–11%, ЛДПР – 9%, «Справедливая Россия» – 4%, «Новые люди» – 2%. Доля ответивших, что отсутствует партия, выражающая их интересы, составляет 23–25%.

В период с августа 2024 по август 2025 г. уровень поддержки представленных политических партий существенно не изменился. Наибольшее изменение фиксируется в оценках партии ЛДПР: рост положительных суждений на 3 п. п. (с 6 до 9%).

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

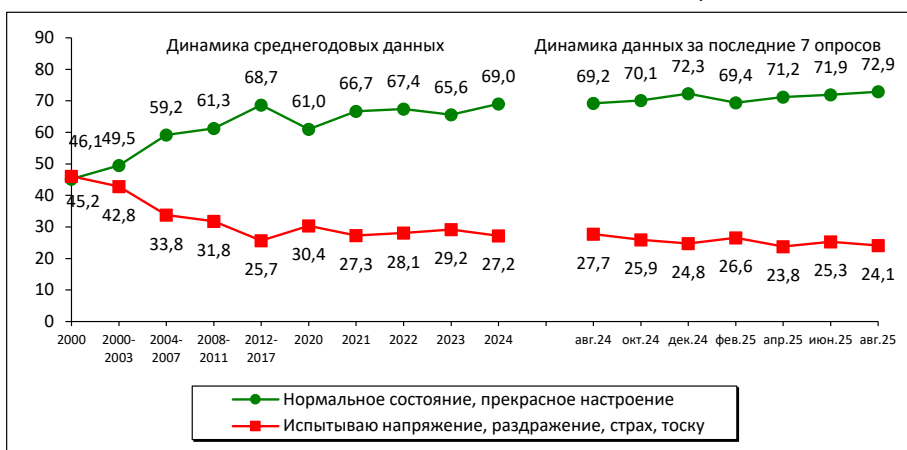
Партия	Динамика среднегодовых данных												Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), авг. 2025 к		
	2000	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	2024	Авг. 2024	Окт. 02024	Дек. 2024	Фев. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	авг. 2024	июнь 2025
Единая Россия	18,5	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	42,9	42,5	41,8	42,3	39,9	40,5	41,6	41,2	-1	0
КПРФ	11,5	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	8,9	9,7	8,7	9,1	8,8	8,0	9,1	11,5	+2	+2
ЛДПР	4,8	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	7,1	6,1	7,5	8,8	7,5	7,1	9,4	8,7	+3	-1
«Справед- ливая Россия – Патриоты – За правду»	-	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	3,5	3,5	4,2	4,4	2,3	2,9	3,9	4,2	+1	0
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	1,5	1,9	2,0	1,6	2,3	2,3	3,1	3,0	2,5	1,8	0	-1
Другая	0,9	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,3	0,1	0,2	0,0	0,3	0,3	0,3	0,0	0,1	0,1	0	0
Никакая	29,6	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	30,6	26,5	25,2	25,1	24,1	26,3	28,4	27,7	24,9	23,3	-2	-2
Затрудняюсь ответить	20,3	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	10,1	11,1	10,3	11,5	11,0	6,5	9,7	10,8	8,5	9,2	-2	+1
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.																						

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

С июня по август 2025 года доля положительных оценок социального настроения сохранилась на уровне 72–73%. Удельный вес людей, испытывающих преимущественно негативные эмоции, также не изменился и составил 24–25%.

За последние 12 месяцев доля людей, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», увеличилась на 4 п. п. (с 69 до 73%). Удельный вес тех, кто чаще испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску», снизился также на 4 п. п. (с 28 до 24%).

Социальное настроение

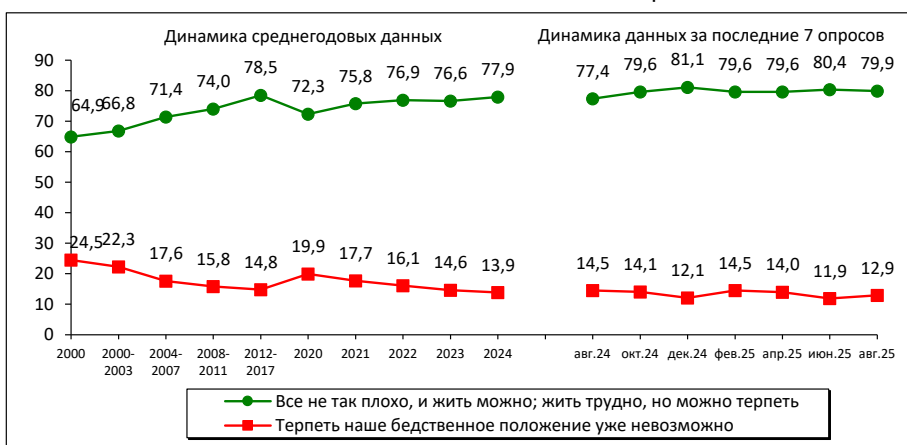

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2025 к	
	авг. 2024	июнь 2025
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+4	+1
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-4	-1

В июне – августе 2025 г. остается стабильной доля людей, которые считают, что «все не так плохо и можно жить» (80%), и тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно» (12–13%).

За период с августа 2024 по август 2025 года удельный вес позитивных характеристик запаса терпения увеличился с 77 до 80%, при этом доля отрицательных суждений существенно ниже.

Запас терпения

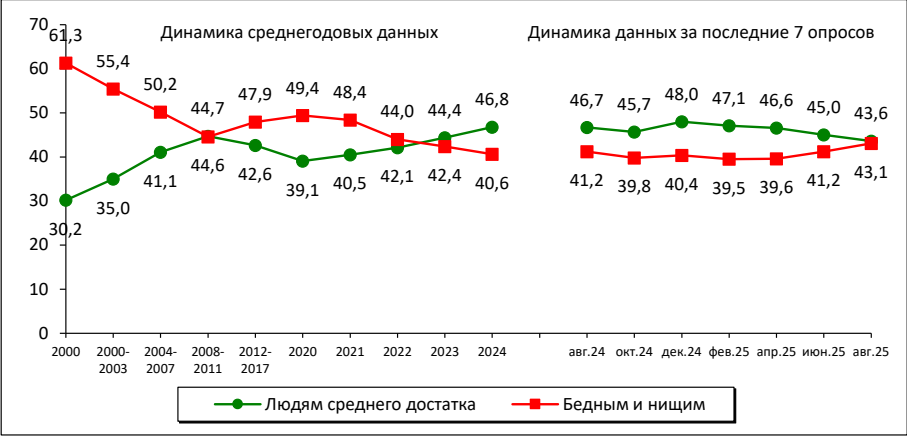

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2025 к	
	авг. 2024	июнь 2025
Всё не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+3	-1
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-2	+1

Удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», в июне – августе 2025 года составил 41–43%. Доля тех, кто субъективно причисляет себя к категории «людей среднего достатка», 44–45%.

Ощутимых изменений не наблюдается также в годовой динамике. Однако на 3 п. п. (с 47 до 44%) снизилась доля жителей области, считающих себя людьми среднего достатка.

Социальная самоидентификация

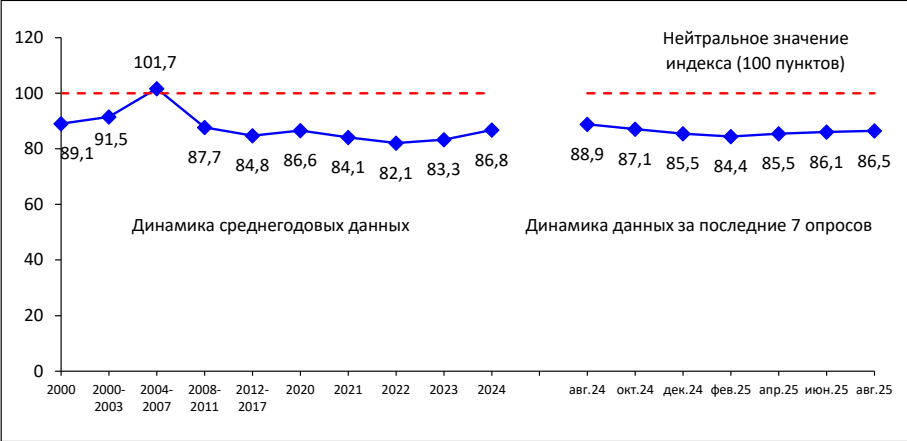
Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2025 к	
	авг. 2024	июнь 2025
Доля считающих себя людьми среднего достатка	-3	-1
Доля считающих себя бедными и нищими	+2	+2

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

За последние два месяца индекс потребительских настроений (ИПН) не изменился и составил 86 п.

За прошедший год ИПН незначительно изменился в отрицательную сторону: снизился на 2 п. п., с 89 до 87 п.

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

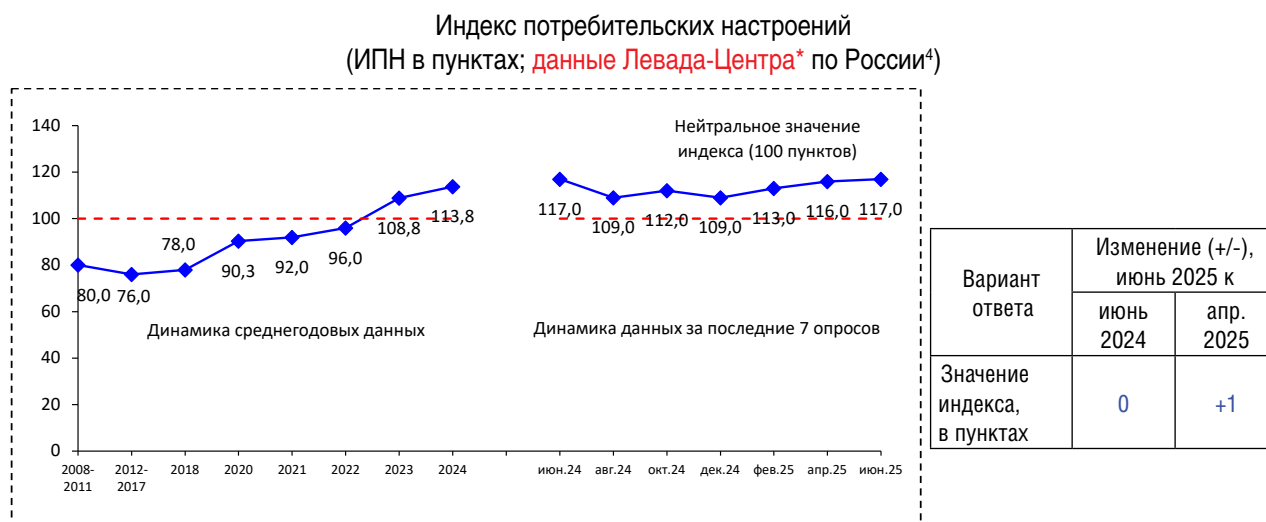

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2025 к	
	авг. 2024	июнь 2025
Значение индекса, в пунктах	-2	0

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра (за период с апреля по июнь 2025 г.), индекс потребительских настроений составил 116–117 пунктов.*

За год ИПН по общероссийским данным остается стабильным — 117 п.

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные — за июнь 2025 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

С июня по август 2025 года во всех основных социально-демографических категориях населения оценки социального настроения существенно не изменились.

В социальном настроении за последние 12 месяцев (с августа 2024 по август 2025 г.) отмечается позитивная динамика в оценках 7 из 14 социально-демографических групп. При этом наиболее выраженные позитивные изменения фиксируются среди 20% наиболее обеспеченных (на 8 п. п.); жителей г. Вологды (на 7 п. п.); лиц старше 55 лет (на 6 п. п.). Отсутствуют значимые изменения в оценках также у 7 из 14 категорий населения.

⁴ С марта 2025 года Левада-Центр* обновил данные по ИПН. ИПН в России рассчитывается с 1993 года на основе пяти вопросов, аналогично индексу, разработанному в 1940-х гг. Институтом социальных исследований при университете Мичигана. Индивидуальные индексы по каждому вопросу рассчитываются как разность долей положительных и отрицательных ответов плюс 100. Совокупный ИПН — среднее арифметическое индивидуальных индексов (диапазон 0–200, где >100 — преобладание позитивных оценок). В 2009 году была введена привязка ИПН к значениям марта 2008 года (база 100%), что связано с изменением методологии опросов и экономическим кризисом. Однако это привело к тому, что индекс стал отражать изменения только относительно 2008 года. С марта 2025 года принято решение вернуться к оригинальной методике расчета ИПН, отказавшись от привязки к 2008 году, т. к. в 2023 году многие показатели превысили максимумы 2008 года и старая версия индекса перестала адекватно отражать текущую ситуацию. Возврат к исходной методике призван решить эту проблему. Источник: Обновленный индекс потребительских настроений: показатели февраля 2025 года. URL: <https://www.levada.ru/2025/03/26/obnovlennyyj-indeks-potrebitelskih-nastroenij-pokazateli-fevralya-2025-goda/>

*Внесен в реестр иностранных агентов.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), авг. 2025 к	
	2000	2007	2012	2018	2020	2021	2022	2023	2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Февр. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	авг. 2024	июнь 2025	
Пол																			
Мужской	50,1	65,9	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	65,5	66,5	67,1	65,2	69,2	70,1	68,8	71,6	72,1	+5	+1	
Женский	43,3	61,7	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	65,7	70,9	70,9	74,0	74,7	68,8	73,1	72,2	73,5	+3	+1	
Возраст																			
До 30 лет	59,1	71,3	72,3	79,9	67,6	73,5	77,6	75,0	76,6	76,1	78,0	81,3	79,9	76,7	76,7	78,1	+2	+1	
30–55 лет	44,2	64,8	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	68,8	71,3	72,8	69,8	73,2	70,2	74,1	74,1	74,9	+2	+1	
Старше 55 лет	37,4	54,8	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	58,2	63,3	62,1	67,4	67,8	64,6	65,8	67,6	68,6	+6	+1	
Образование																			
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	62,0	64,6	65,3	62,5	65,5	64,6	65,6	68,4	70,3	+5	+2	
Среднее специальное	46,4	64,6	66,7	72,1	63,5	66,7	68,3	66,1	70,3	70,7	75,2	76,5	71,8	74,8	74,1	73,6	+3	–1	
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	77,0	76,7	63,3	71,5	69,5	68,8	72,3	72,1	72,3	74,2	71,4	73,4	73,0	74,7	+3	+2	
Доходные группы																			
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	51,5	57,2	43,4	54,6	57,0	50,1	53,5	53,7	54,8	55,7	55,9	56,9	56,1	58,3	+5	+2	
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	68,7	72,1	62,6	67,3	68,1	67,4	70,7	71,0	73,6	74,2	70,5	72,6	74,4	73,1	+2	–1	
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	81,1	82,4	75,6	79,9	78,3	73,9	77,6	75,9	78,4	80,6	77,9	81,3	84,1	83,8	+8	0	
Территории																			
Вологда	49,2	63,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	59,6	66,0	66,4	67,9	69,6	66,7	68,6	69,5	72,9	+7	+3	
Череповец	50,8	68,1	76,2	75,7	60,4	71,0	71,2	68,1	69,8	70,2	70,7	73,0	69,9	71,5	72,5	75,0	+5	+3	
Районы	42,2	61,6	59,8	68,6	61,4	67,8	69,5	67,7	70,2	70,3	71,0	73,4	70,7	72,7	73,1	71,6	+1	–2	
Область	46,2	63,6	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	65,6	69,0	69,2	70,1	72,3	69,4	71,2	71,9	72,9	+4	+1	
Общее количество групп: положительные изменения / нет изменений / отрицательные изменения																	14: 7 / 7 / 0	14: 0 / 14 / 0	

РЕЗЮМЕ

Результаты очередной «волны» мониторинга общественного мнения, проведенной в августе 2025 года, показали, что существенных изменений по сравнению с первыми летними месяцами в динамике оценок населения Вологодской области не произошло.

С августа 2024 по август 2025 года поддержка Президента РФ остается на достаточно высоком уровне (67%), несмотря на незначительное снижение одобрения его деятельности по защите демократических свобод (на 4 п. п., с 46 до 42%). Партийные предпочтения жителей области также не претерпели существенных изменений, что свидетельствует об устойчивости политических предпочтений. «Единая Россия» продолжает удерживать лидирующие позиции (41–43%), хотя значительная часть населения по-прежнему не видит среди политических партий, представленных в Государственной Думе, ни одной, выражающей его интересы (23–25%).

Социальное настроение населения остается позитивным с положительными изменениями в годовой динамике: доля людей, отмечающих «прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», увеличилась на 4 п. п. (с 69 до 73%). В первую очередь позитивные изменения в социальном настроении наблюдаются среди наиболее обеспеченных слоев населения, пожилых людей и жителей областного центра. Кроме того, неизменно у населения региона преобладает высокий запас терпения (80%). Следует отметить, что улучшение социального настроения во многих группах населения — явление весьма типичное для летних месяцев, особенно когда речь идет о периодах адаптации общества к тем или иным «форс-мажорным» обстоятельствам. Такая же ситуация, например, наблюдалась в процессе постепенной адаптации населения к условиям жизни в период пандемии COVID-19.

Тем не менее доля людей, относящих себя к категории «бедных и нищих», остается значительной и составляет 43%. При этом за последний год отмечается слабовыраженная негативная динамика: удельный вес низкообеспеченных граждан (по самооценкам) вырос с 41 до 43%, а доля тех, кто причисляет себя к среднему классу, снизилась с 47 до 44%. Эту тенденцию подтверждает и индекс потребительских настроений (ИПН), который за тот же период снизился на 2 пункта — с 89 до 87 п., что указывает на незначительное ухудшение оценок материального положения населения и экономических ожиданий.

Выявленная негативная тенденция ухудшения самооценок материального положения и перспектив развития экономической ситуации вполне может быть связана с тем, что общество привыкает к жизни в условиях специальной военной операции и, как следствие, всё чаще начинает беспокоиться по поводу своих повседневных жизненных проблем (хотя, конечно, круг вопросов, связанных с СВО и событиями на внешнеполитической арене, не уходит из фокуса внимания граждан).

Об этом, в частности, свидетельствуют выводы, полученные экспертами ВЦИОМ: «...налицо процесс рутинизации. Люди уже вписали спецоперацию и все, что с ней связано, в свой образ мира. Она занимает в нем центральное место, но уже более или менее привычна, понятна и предсказуема. Поэтому эмоций, связанных с СВО, стало меньше, доминирует рациональное восприятие»⁵. Полагаем, что переговорные процессы, регулярно проходящие на различных уровнях с начала 2025 года (включая встречу президентов США и России 15 августа 2025 г.), также вносят свой вклад в трансформацию повестки социальных настроений российского общества.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

⁵ Глава ВЦИОМ об отношении россиян к теме СВО: «Налицо процесс рутинизации» // Бизнес-Газета. URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/619763>

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей — 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое — 1 см, остальные — по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) — 14, гарнитура — Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал — 1,5.
3. **Абзацный отступ** — 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал — индекс ББК. Далее через полуторный интервал — знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы — не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание — по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание — по центру. Интервал — одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем — MS WORD, MS VISIO, для создания формул — MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем — англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы — не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала — 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо — Грызлова Валерия Игоревна, тел. 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка

И.А. Кукушкина

Оригинал-макет

Т.В. Попова

Корректор

О.В. Лебедева

Подписано в печать 26.08.2025.

Дата выхода в свет 29.08.2025.

Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 36,87. Тираж 500 экз. Заказ № 28.

Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а

Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02

E-mail: common@volnc.ru